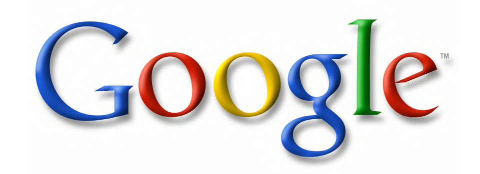
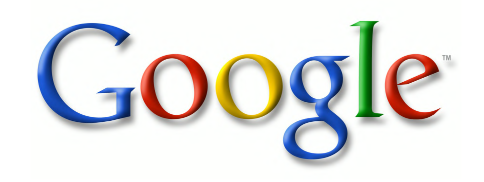

Google

UC-NRLF
B 3 510 681

ИЗДАНІЕ Г. Ѳ. ЛЬВОВИЧА.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Лекціи профессоровъ

Р. В. Ш. о. н. въ Парижѣ.

Подъ редакціей профессоровъ Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Альтшулера. Эртелевъ пер. 17—9.
1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ вступитъ въ пятый годъ своего существованія. За это время, благодаря поддержкѣ, оказанной горсти русскихъ писателей, заброшенныхъ судьбою на берега Сены, ихъ французскими собратьями, создано было правильное преподаваніе совокупности тѣхъ конкретныхъ наукъ, изъ которыхъ слагается понятіе обществовѣдѣнія. Преподаваніе это въ нашей школѣ, по примѣру высшихъ школъ и факультетовъ Франціи, никогда не носило характера того сообщенія элементарныхъ знаній по всѣмъ рѣшительно вопросамъ, входящимъ въ оффиціальныя программы, съ которымъ, повидимому, доселѣ связываютъ въ Россіи представленіе о полнотѣ и систематичности. Мы ожидали и ожидаемъ отъ нашихъ слушателей нѣкоторой самодѣятельности, какъ дѣлаютъ это сплошь и рядомъ лица, посвящающія себя высшему преподаванію не только въ вольныхъ школахъ, подобныхъ нашей, но и въ правительственныхъ, какъ, напр., въ Faculté des lettres и Faculté des sciences въ Парижѣ. Многіе изъ насъ на себѣ испытали всѣ неудобства, связанныя съ тѣмъ порядкомъ, при которомъ изъ года въ годъ и на разстояніи нерѣдко 30 лѣтъ читается по пожелтѣвшимъ запискамъ курсъ, имѣющій въ виду дать посильный отвѣтъ на всѣ вопросы постоянно двигающейся и развивающейся науки. Нѣкоторая самостоятельность и оригинальность въ преподаваніи достигается только подъ условіемъ, чтобы профессоръ сосредоточилъ его каждый годъ на тѣхъ предметахъ, которые болѣе спеціально привлекли его вниманіе. Это не мѣшаетъ ему руководить чтеніями своихъ слушателей и внѣ сферы этихъ предметовъ и даже настаивать на восполненіи ими матеріала, получаемаго изъ лекцій, самостоятельнымъ изученіемъ тѣхъ или другихъ отдѣловъ, не представленныхъ въ программѣ преподаванія.

Если принять во вниманіе, что большинство нашихъ слушателей прибываетъ издалека, съ береговъ Волги и Камы столько же, сколько съ береговъ Терека и даже Енисея, что они остаются въ Парижѣ рѣдко когда больше года и не могутъ позволить себѣ необходимыхъ затратъ времени и денегъ для болѣе продолжительныхъ занятій, то

каждому станетъ ясно, что профессора Русской Высшей Школы не могли ставить себѣ иной задачи, кромѣ ознакомленія съ методами отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ и иллюстраціи этихъ методовъ на частныхъ вопросахъ, избранныхъ ими темою для своихъ курсовъ. Эти вопросы, впрочемъ, никогда не носили характера чрезмѣрной спеціальности. Кто заглянетъ въ программы, выпускаемыя школою каждыя двѣ недѣли впередъ, тому легко будетъ вынести то впечатлѣніе, что преподаваніе затрогиваетъ очень обширныя вѣтви обществовѣдѣнія. У меня въ рукахъ послѣдняя программа, программа для лекцій отъ 1-го по 15-е февраля 1905 года. Въ ней значатся слѣдующіе предметы:

Ѳ. К. Волковъ. Антропологическія особенности славянскаго населенія въ Европейской Россіи.

Lambert. Курсъ французскаго конституціоннаго права и

его же. Курсъ фабрично-промышленнаго законодательства во Франціи.

М. М. Ковалевскій. Исторія русскихъ государственныхъ учрежденій и

его же. Современное ученіе о государствѣ.

Ю. С. Гамбаровъ. Имущественное право.

Л. И. Шейнисъ. Уголовная антропологія.

А. С. Трачевскій. Исторія XIX вѣка и

его же. Историческія основы соціологіи.

В. А. Анри. Экспериментальная психологія и

его же. Исторія философіи отъ Лейбница до Канта.

Тамамшевъ. Магометъ и Исламъ.

Кромѣ этихъ курсовъ, объявлены въ программѣ еще отдѣльныя конференціи:

Лурье. О волѣ и характерѣ.

Твердохлѣбовъ. О борьбѣ за городскіе налоги въ Англіи.

Моренъ. Объ этнографіи Манчжуріи.

Всѣ эти курсы и конференціи были прочитаны, что, сказать мимоходомъ, не составляетъ общей черты свободныхъ школъ, хотя бы въ томъ же Парижѣ, да и не въ одномъ Парижѣ. Кто броситъ взглядъ на нашу программу, тотъ сразу увидитъ, что преподаваніе захватываетъ широкіе отдѣлы не только экономики и политики, но итого, что совершенно неправильно привыкли называть побочными предметами для обществовѣдѣнія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ безъ нихъ не можетъ быть сдѣлано шага въ научномъ изученіи обнимаемыхъ имъ вопросовъ. Таковы—исторія вообще, исторія религій и исторія учрежденій, географія, антропологія и этнографія, наконецъ, соціологія, какъ синтезъ всѣхъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ.

Эта послѣдняя излагалась въ нашей школѣ съ самаго ея основанія извѣстнымъ болѣе во Франціи, чѣмъ въ Россіи, философомъ Евгеніемъ Валентиновичемъ де-Роберти. Но, рядомъ съ нимъ, въ преподаваніи принимали участіе и Тардъ, и Эспинасъ, и Ренэ Вормсъ, и нѣкоторые русскіе соціологи и публицисты. Мнѣ самому пришлось въ теченіе двухъ лѣтъ знакомить моихъ слушателей съ важнѣйшими изъ современныхъ соціологическихъ системъ. Если въ программѣ лекцій, имѣющихъ быть прочитанными въ теченіе всего-на-всего двухъ недѣль, не стоятъ всѣ предметы нашего преподаванія, то это потому, что, читая почти безъ перерыва съ 15-го ноября по 15-е іюня, лектора Русской Высшей Школы часто мѣняются въ своемъ составѣ, а съ этимъ связана и смѣна предметовъ отдѣльныхъ курсовъ. Такъ, напр., въ настоящее время, т. е. въ серединѣ февраля, наши слушатели имѣли уже возможность познакомиться изъ лекцій проф. Исаева съ важнѣйшими вопросами міроваго хозяйства, а изъ моихъ лекцій по исторіи политическихъ ученій — съ зарожденіемъ современной демократической доктрины.

Я взялъ безъ всякаго выбора программу нашихъ недавнихъ чтеній; но если бы мнѣ вздумалось заглянуть въ прошлое, то не трудно было бы указать на то, какъ отдѣльныя науки обществовѣдѣнія, положимъ, политическая экономія, ни разу не читавшаяся однимъ и тѣмъ же профессоромъ въ цѣломъ ея объемѣ, доставляла матеріалъ для десяти и болѣе курсовъ, поручаемыхъ, рядомъ съ такими опытными специалистами, какъ проф. Чупровъ или проф. Карышевъ, и болѣе молодымъ, начинающимъ изслѣдователямъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ. Наши программы, несомнѣнно, были бы еще разнообразнѣе, еслибы мы имѣли возможность воспользоваться въ полномъ объемѣ тѣми предложеніями сотрудничества, которыя идутъ къ намъ отъ нашихъ французскихъ собратьевъ; но молодежь, прибывающая къ намъ, благодаря скверной постановкѣ въ русскихъ классическихъ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ преподаванія новыхъ языковъ, является рѣшительно неспособной слѣдить за курсами, читаемыми иностранцами. Намъ пришлось завести въ нашей школѣ добавочное преподаваніе французскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ. Плоды его сказываются на разстояніи 3—4 мѣсяцевъ; вотъ почему только во второй половинѣ года мы рѣшаемся расширить участіе въ нашей школѣ французскихъ чтецовъ.

Мною сказано, кажется, достаточно для того, чтобы выяснить не наши задачи, о которыхъ уже не разъ шла рѣчь въ печати, но самый способъ ихъ выполненія. Въ качествѣ образцовъ читаемыхъ нами курсовъ, печатается нынѣ сборникъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ мемуаровъ, изложенныхъ съ кафедры нашими преподава-

телями. Эти мемуары возможно было подвести подъ четыре рубрики: соціологіи, исторіи философіи, экономики, права и политики. Мы надѣемся, что въ будущемъ, при выходѣ новыхъ сборниковъ той же школы, публика пріобрѣтетъ средство ознакомиться и съ постановкой у насъ преподаванія по антропологіи и этнографіи, по исторіи вообще и исторіи учрежденій, по философіи наукъ и по исторіи религій и метафизическихъ системъ. На настоящій сборникъ слѣдуетъ смотрѣть, не какъ на систематическій выборъ тѣхъ или другихъ темъ, а какъ на попытку внести нѣкоторую систему въ доставленный издателямъ разнообразный и разобщенный матеріалъ.

Въ отдѣлѣ соціологіи мы имѣли возможность напечатать рядомъ лекцію Тарда, посвященную защитѣ его теоріи психическихъ воздѣйствій, какъ составляющихъ основу всѣхъ общественныхъ явленій, критику де-Роберти противоположнаго ученія экономическаго матеріализма, изложеніе соціальнаго ученія крупнѣйшаго, послѣ Конта, представителя соціологической мысли — Герберта Спенсера, наконецъ, этюдъ доктора медицины Шейниса по одному изъ тѣхъ вопросовъ, которыми особенно много занималась за послѣднее время итальянская и французская біо-соціальная наука, по вопросу о самоубійствѣ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣлѣ издатели поставили въ чисто внѣшній хронологическій порядокъ лекціи о развитіи философіи отъ Лейбница до Канта, о значеніи, какое критическая философія Канта имѣла для развитія, столько же метафизической, сколько и научной мысли,—наконецъ, очеркъ развитія научной философіи отъ Огюста Конта до Авенаріуса включительно. Сказать, что чтенія этихъ статей будетъ достаточно для ознакомленія со всѣмъ ходомъ развитія философской мысли. отъ XVII вѣка до нашихъ дней,—мы, разумѣется, не рѣшимся; но это чтеніе можетъ навести вдумчиваго человѣка на рядъ мыслей, которыя позволятъ ему посмотрѣть на нѣкоторые изъ основныхъ вопросовъ исторіи философіи съ точекъ зрѣнія, обыкновенно не находящихъ себѣ выраженія въ систематическихъ трактатахъ по этому предмету. И въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ предыдущемъ, имена французскихъ ученыхъ чередуются съ именами русскихъ, что вполнѣ отвѣчаетъ международному характеру нашей школы. Прибавлю, что лекція о Кантѣ была прочитана проф. Башемъ, однимъ изъ лучшихъ его знатоковъ во Франціи, по случаю исполнившагося столѣтія со дня кончины великаго Кенигсбергскаго профессора, точно такъ же, какъ кончиною Спенсера было вызвано и мое сообщеніе, сдѣланное сперва на французскомъ языкѣ и по приглашенію родственной намъ французской Школы Общественныхъ Наукъ.

Третій отдѣлъ нашего сборника отведенъ экономикѣ. Мы предпочли этотъ терминъ всякому другому, въ виду его широты и воз-

можности ввести въ эту область, рядомъ съ политической экономіей и исторіей народнаго хозяйства, и ту соціальную экономію, авторитетнымъ представителемъ которой во Франціи, какъ и въ нашемъ сборникѣ, является проф. Жидъ. Это позволило намъ также включить въ ту же рубрику и статью французскаго соціолога Вормса, посвященную обзору тѣхъ индуктивныхъ методовъ, какими орудуютъ соціальныя науки вообще, и ни одна въ большей степени, чѣмъ соціальная экономія. Статья проф. Чупрова подымаетъ вопросы, входящія въ кругъ задачъ, не столько дедуктивной науки о народномъ богатствѣ, какой стала политическая экономія со временъ Рикардо, сколько ея молодого собрата,—экономіи соціальной.

Четвертый отдѣлъ нашего сборника подъ общимъ понятіемъ права и политики обнимаетъ рядъ вопросовъ первѣйшей важности. Два писателя, одинъ—русскій, другой—французъ, занимаются разсмотрѣніемъ природы собственности и ея двухъ важнѣйшихъ формъ—индивидуальной и коллективной. За вопросомъ о собственности слѣдуетъ вопросъ о государствѣ. Въ возможно общемъ очеркѣ я стараюсь познакомить читателей, какъ это сдѣлано было мною въ нынѣшнемъ году и по отношенію къ слушателямъ, съ тѣми проблемами, которыя подняты были и такъ или иначе рѣшены политической мыслью Западной Европы и Америки за протекшее столѣтіе и, въ особенности, за вторую его половину. Проф. Трачевскій платитъ дань времени своей попыткой выяснить намъ внутреннее содержаніе вѣкового развитія нашихъ теперешнихъ враговъ,—японцевъ; онъ дѣлаетъ это на основаніи богатой литературы, появившейся на Западѣ за послѣдніе годы и мѣсяцы, и къ которой недавно присоединился коллективный трудъ выдающихся японскихъ дѣятелей и писателей. Проф. Трачевскій устанавливаетъ рядъ любопытнѣйшихъ параллелей между ходомъ развитія наиболѣе восточнаго представителя желтой расы и тѣмъ, какому слѣдовали арійцы и семиты. Изъ его сопоставленія оказывается, что у японцевъ мы можемъ прослѣдить ту же смѣну родового быта феодальнымъ, феодальнаго—сперва неограниченной монархіей, а затѣмъ конституціонализмомъ, примѣръ которой представляетъ намъ исторія не только европейскаго Запада, но, до нѣкоторой степени, и мусульманскаго Востока.

Печать времени легла также и на выборѣ г. Тамамшевымъ его темы. Рядомъ съ исторіей восточныхъ религій, г. Тамамшевъ читалъ въ нашей школѣ и спеціальный курсъ по кавказовѣдѣнію. Незначительную часть этого курса составляетъ попытка свести въ одно цѣлое тѣ свѣдѣнія, какими мы располагаемъ по вопросу о раннихъ сношеніяхъ русскихъ съ Грузіей и армянами. Недавно истекло столѣтіе со времени присоединенія Грузіи къ русской державѣ. Этотъ

фактъ вызвалъ временное оживленіе литературы по вопросу о событіяхъ, предшествовавшихъ этому соединенію. Къ этому общему теченію примыкаетъ и печатаемый нами очеркъ. Въ лекціи бывшаго Московскаго, а нынѣ Оксфордскаго профессора, мы снова имѣемъ дѣло съ предметомъ, не потерявшимъ у насъ характера новизны, хотя въ Англіи онъ былъ поставленъ еще въ XVI вѣкѣ. Проф. Виноградовъ говоритъ о томъ моментѣ въ исторіи англійскаго развитія, когда предстояло рѣшить вопросъ, за кѣмъ останется перевѣсъ: за „земскимъ правомъ“ или за „королевскою справедливостью“.

Очевидно, ни одинъ сборникъ, не противорѣча своей природѣ и самому своему названію, не можетъ претендовать на полноту и законченность. Ихъ нѣтъ и ихъ сознательно не преслѣдовали издатели выпускаемаго нынѣ сборника. Ихъ задача несравненно скромнѣе: они хотятъ познакомить широкіе круги русскаго общества съ тою образовательною дѣятельностью, которой они посвятили себя на пользу русскихъ людей, ищущихъ заграницею отвѣта на многіе вопросы, которые призвана была бы подымать несуществующая пока у насъ школа общественныхъ и политическихъ наукъ. Издатели не сомнѣваются въ томъ, что подобная школа возникнетъ и въ Россіи въ близкомъ будущемъ; ея созданіе будетъ завершеніемъ предпринятаго ими дѣла и дастъ имъ возможность перенести свое преподаваніе въ русскую среду. Пока свободныхъ школъ у насъ нѣтъ, не безполезно будетъ открыть всѣмъ, добывающимъ знаніе путемъ саморазвитія, возможность извлечь пользу изъ того преподаванія общественныхъ наукъ на русскомъ языкѣ, центромъ котораго, за послѣдніе четыре года, сдѣлался Парижъ. Профессора Русской Высшей Школы думаютъ, что русскимъ читающимъ кругамъ не могутъ показаться безинтересными или чуждыми статьи, посвященныя такимъ крупнымъ и основнымъ вопросамъ, какъ вопросъ о томъ, есть-ли основаніе сводить разнообразіе общественныхъ явленій, въ ихъ поступательномъ ходѣ, къ одному только психическому или, наоборотъ, къ экономическому фактору; такими же коренными вопросами они считаютъ и проблемы теоріи познанія, затрогивавшіяся еще до Канта рядомъ шотландскихъ философовъ, а послѣ него въ связи съ успѣхами положительной философіи — Авенаріусомъ и его школою. Экономисты, историки и правовѣды, участвующіе въ этомъ сборникѣ, льстятъ себя надеждой, что ни одинъ образованный человѣкъ не сочтетъ, ни праздными, ни уже рѣшенными, тѣ вопросы о природѣ собственности и государства, о преимуществахъ и недостаткахъ тѣхъ или другихъ формъ правленія, или объ условіяхъ, дозволяющихъ примирить законность со свободой, которые разсматриваются въ ихъ мемуарахъ. Призывъ къ поднятію уровня народныхъ массъ внесеніемъ въ ихъ среду проповѣди раціо-

нальной агрономіи или устройствомъ мелкаго земледѣльческаго кредита, какъ и всѣ тѣ совѣты, какіе соціальная экономія даетъ по вопросамъ рабочаго законодательства, на основаніи научно выполненныхъ разслѣдованій, слишкомъ отвѣчаютъ задачамъ русской дѣйствительности, чтобы породить въ умѣ издателей сборника сомнѣніе, не только въ ихъ общественной пользѣ, но и въ ихъ неотложности.

Максимъ Ковалевскій.

Парижъ, 16 февраля 1905 г.

Соціологія.

Теорія психическихъ воздѣйствій.

Габріэля Тарда.

Поле психологіи такъ обширно, что для изученія его въ цѣломъ его приходится раздробить на нѣсколько областей. Мы встрѣчаемъ здѣсь прежде всего одно крупное подраздѣленіе, которое намъ необходимо выяснить. Въ нашемъ *я* перекрещиваются двѣ половины жизни вселенной. Въ немъ сходятся, какъ въ фокусѣ, всѣ безчисленные продукты физіологической жизни, всѣ утонченныя проявленія нервной системы, въ зависимости отъ силъ внѣшняго міра; но, представляя собою, такимъ образомъ, по своей біологической и физической природѣ, нѣчто въ родѣ станціи, къ которой сходятся различные пути, оно, съ другой стороны, съ точки зрѣнія соціальной, является пунктомъ отправнымъ. Отъ него, какъ лучи, расходятся безчисленные продукты соціальной жизни, имѣющіе, въ свою очередь, сильнѣйшее вліяніе на его всестороннее развитіе.

Итакъ, если можно признать, что, помимо, съ одной стороны, физіологической, а съ другой,—общественной жизни, наше *я* не представляетъ собою ровно ничего, и что психологія, лишенная, такимъ образомъ, своихъ корней и вѣтвей, не заслуживаетъ имени науки, то несомнѣнно, что, будучи связано, во-первыхъ, съ жизненными, а во-вторыхъ, — съ соціальными условіями своего существованія, наше *я* является полнымъ богатаго реальнаго содержанія, въ высшей степени плодотворнаго и достойнаго служить предметомъ двухъ дополняющихъ другъ друга наукъ: физіологической психологіи и соціальной психологіи.

Но этотъ терминъ: *соціальная* или *коллективная психологія* кажется мнѣ неудовлетворительнымъ. Онъ прежде всего можетъ повести къ недоразумѣніямъ, потому что мистическіе умы стремятся прикрыть этимъ ярлыкомъ понятіе объ обществѣ, какъ о какомъ-то гигантскомъ мозгѣ, составленномъ изъ нашихъ маленькихъ мозговъ и обладающемъ особымъ *соціальнымъ я*, отличнымъ отъ нашихъ индивидуальныхъ сознаній. Кромѣ того, если даже употреблять этотъ терминъ въ наибо-

лѣе положительномъ смыслѣ, онъ все-таки остается темнымъ и неяснымъ и относится только къ одной изъ разновидностей обширнаго класса, который намъ еще предстоитъ изслѣдовать и опредѣлить. Въ самомъ дѣлѣ, терминъ этотъ предполагаетъ существованіе того, что называется общественной средой, т. е. наличность общественной группы, уже сложившейся и достаточно обширной для того, чтобы каждое *я* испытывало со стороны всѣхъ другихъ *я*, слитыхъ въ одно цѣлое, извѣстное внушеніе, уже безличное и анонимное, и, къ тому же, въ большинствѣ случаевъ взаимное. Но это явленіе, довольно обычное, хотя и не постоянное, въ жизни взрослыхъ людей и цивилизованныхъ народовъ, есть лишь конечный членъ цѣлаго ряда явленій, предшествовавшихъ ему и постепенно его подготовившихъ, какъ въ умственной эволюціи дѣтскаго, отроческаго и юношескаго возрастовъ, такъ и въ эволюціи первобытныхъ обществъ. Отрывая этотъ конечный членъ отъ эволюціоннаго ряда, который необходимъ для его объясненія, мы дѣлаемъ его совершенно непонятнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы ребенокъ постепенно развился до общественной жизни, до психологіи, охватывающей 1.000, 10.000, 10.000.000, 100.000.000 человѣкъ, гдѣ душевныя состоянія, по мѣрѣ своего распространенія, становятся до нѣкоторой степени взаимными, онъ долженъ неизбѣжно начать съ психологическаго общенія между двумя, тремя, четырьмя, пятью и т. д. лицами, посредствомъ *умственнаго воздѣйствія* (action intermentale) сперва съ одной только стороны и безъ взаимности, т. е. вліянія одного, двухъ, трехъ, четырехъ взрослыхъ людей на умъ ребенка. Лучше всѣхъ понялъ это Бальдвинъ въ своей книгѣ объ „Умственномъ развитіи ребенка". Точно также и въ началѣ жизни общества, поскольку мы можемъ его угадать, мы находимъ прежде всего властное одностороннее воздѣйствіе сильнаго ума вождя на очень небольшое число умовъ, поддающихся его внушенію, состоящихъ съ нимъ въ непосредственныхъ личныхъ отношеніяхъ, въ узкомъ кругу его *дома* или, вѣрнѣе, первобытной *пещеры*, либо первобытной военной шайки. Именно по такой крутой горной тропинкѣ, по какой проводникъ ведетъ одного путешественника за другимъ, человѣчество дошло, черезъ рядъ этапныхъ пунктовъ, до обширныхъ плоскогорій,—нашихъ современныхъ націй, гдѣ сталкиваются и толпятся громадныя массы людей, а взаимныя вліянія личныхъ примѣровъ перекрещиваются многочисленнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ колебанія свѣтовыхъ лучей въ небесномъ пространствѣ.

Вотъ почему я нахожу, что нужно говорить не объ изученіи *соціальной* или *коллективной психологіи* (эти термины слишкомъ сложны и неясны), а объ изученіи другой науки, и *болѣе общей*, и *болѣе точной*, а именно, той, которую можно было бы назвать психологіей воздѣйствія одного ума на другой, одного мозга на другой (psychologie inter-mentale, inter-cérébrale), и которую я предпочитаю назвать болѣе коротко,—несмотря на мою нелюбовь къ терминамъ, заимствованнымъ изъ разныхъ языковъ,—*интеръ-психологіей* (*inter-psychologie*). Этотъ терминъ, говорю я, обладаетъ, во-первыхъ, большей общностью, такъ какъ охватываетъ не только всѣ соціальныя отношенія, разсматриваемыя съ субъективной стороны—независимо отъ отношеній между физическими организмами (rapports inter-corporels),—но и многія между-мозговыя отношенія, не имѣющія въ себѣ ничего соціальнаго. Не всѣ между-психическія отношенія суть общественныя явленія. Для того, чтобы быть общественными явленіями, эти отношенія должны заключаться въ *воздѣйствіи* одного *я* на другое или на другія, или предполагать такое воздѣйствіе. Положимъ, я слѣжу глазами за какимъ-нибудь живымъ существомъ, животнымъ или человѣкомъ, которое меня не видитъ, и стараюсь угадать по его движеніямъ ходъ его мыслей, его намѣренія и желанія. Мой умъ проявляетъ въ этомъ извѣстное отношеніе къ другому уму. Но гдѣ здѣсь соціальный элементъ? И даже если мы представимъ себѣ, что цѣлая половина человѣчества съ любопытствомъ наблюдаетъ такимъ образомъ, безъ взаимности, другую половину, то будутъ ли эти двѣ половины составлять между собою одно общество или начало такого общества? И не будетъ ли то же самое, даже если каждая половина будетъ поочередно служить предметомъ наблюденія для другой? Очевидно, да. Для того, чтобы существовало *общественное явленіе* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *общественная связь*, нужно, чтобы одно живое существо оказывало умственное *дѣйствіе* на другое. Если оказываемое имъ дѣйствіе есть только *жизненное, физическое* или *механическое*, если, напримѣръ, одно живое существо, молча, грубой силой, совокупляется съ другимъ, или если оно его грѣетъ или толкаетъ, то говорить объ этомъ, какъ объ общественномъ явленіи,—все равно, что говорить объ общественныхъ отношеніяхъ между кузнецомъ и молотомъ или наковальней.

Но даже если дѣйствіе одного живого существа на другое является психическимъ, то достаточно ли этого для существованія общественной связи? Мы говоримъ о психическомъ дѣйствіи одного человѣка на другого тогда, когда первый выразительными жестами или знаками, понимаемыми или чувствуемыми вто-

рымъ, своимъ поведеніемъ, взглядомъ или даже просто своимъ присутствіемъ вноситъ измѣненіе въ умственное состояніе второго, волнуетъ его или пробуждаетъ въ немъ какое-нибудь желаніе, возбуждаетъ въ немъ гнѣвъ, страхъ, надежду, ненависть, симпатію, стремленіе повиноваться или повелѣвать, когда онъ вызываетъ въ немъ какую-нибудь мысль, какой-нибудь планъ или намѣреніе. Но многіе изъ этихъ случаевъ дѣйствія умовъ одного на другой (action inter-mentale), сами по себѣ и взятые въ отдѣльности, совсѣмъ не представляютъ собою общественныхъ явленій и служатъ скорѣе препятствіемъ къ установленію общественной связи: таковъ, напримѣръ, случай внушенія ненависти, или людоѣдскихъ желаній, или страха, или внушеніе такого научнаго или политическаго опыта, осуществленіе котораго *in anima vili* является жестокостью. Иначе обстоитъ дѣло съ выраженіемъ симпатіи, довѣрія, подчиненія. Когда одно живое существо, однимъ своимъ присутствіемъ какъ бы очаровываетъ и приручаетъ другое, даже принадлежащее къ другому виду,—между ними начинаетъ устанавливаться общественная связь, сперва односторонняя. Вотъ почему,—замѣчу мимоходомъ, рискуя быть обвиненнымъ въ повтореніяхъ,—всякая общественная связь состоитъ, прямо или косвенно, въ отраженіи на разстояніи одного *я* въ другомъ, въ подражаніи. Въ самомъ дѣлѣ, что нужно для того, чтобы односторонняя симпатія усилилась, развилась и сдѣлалась взаимной, чтобы, такимъ образомъ, окрѣпла и стала полнѣе общественная связь? Симпатія непремѣнно должна въ чемъ-нибудь выражаться. А выражаясь, она укореняется въ испытывающемъ ее сердцѣ, становится страстной привычкой и, такимъ образомъ, начинаетъ трогать сердце того, чьимъ вліяніемъ она внушена. А какъ могла выражаться симпатія до изобрѣтенія рѣчи, предполагающей уже довольно поздній періодъ общественнаго роста? *Довѣрчивость*, стремленіе принять на вѣру то, что думаетъ и чему учитъ руководитель, еще не могла тогда играть роли, потому что мысль руководителя еще почти совершенно не могла передаваться. Но *послушаніе* волѣ господина, которую легко можно угадать по естественному и нѣмому языку движеній, уже могло проявиться. Такъ, прирученный начинаетъ слѣдовать за приручителемъ, ходить за нимъ, дѣлать то же, что и онъ, подражать его жестамъ. Я не могу себѣ представить, чтобы до изобрѣтенія рѣчи симпатія могла выражаться какъ-нибудь иначе. Нельзя себѣ вообразить и того, чтобы рѣчь, которая должна была увеличить силу подражанія и распространить его даже на идеи, могла быть изобрѣтена иначе, какъ живыми существами, привыкшими подра-

жать интонаціямъ голоса одного изъ нихъ, отражать его способы проявленія радости или горя, передавать другъ другу ставшіе заразительными крики и жесты,—подобно тому, какъ это происходитъ въ обществахъ птицъ и млекопитающихъ.

Итакъ, *соціальная психологія,* по отношенію къ которой соціологія является лишь болѣе развитой и вполнѣ объективной формой, и есть не что иное, какъ часть *интеръ-психологіи,*— часть, очень склонная, впрочемъ, къ расширенію своей области, — имѣющая своимъ предметомъ подражаніе. Явленіе воздѣйствія одного ума на другой (l'intermental) есть ключъ къ явленію общественному; оно его объясняетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выходитъ за предѣлы его. Я уже показалъ, что терминъ: *интеръ-психологія* (inter-psychologie) болѣе общъ, чѣмъ терминъ соціальная психологія. Добавлю теперь, что онъ и болѣе *точенъ,* такъ какъ онъ отчетливо опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ отличительный признакъ какъ явленій изучаемыхъ—менѣе ясно—соціальной психологіей, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, если только мы оставимъ въ сторонѣ всякую онтологію. Признакъ этотъ заключается въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ о психологическихъ явленіяхъ, вызываемыхъ въ умѣ соприкосновеніемъ съ другимъ умомъ, а не съ какими-нибудь силами природы.

Мэнъ де-Биранъ, никогда, подобно большинству психологовъ, не занимавшійся иной психологіей, кромѣ индивидуальной, одинъ изъ первыхъ тщательно изучилъ, какъ новорожденный ребенокъ послѣдовательно знакомится со своими членами, со своими органами, со всѣмъ своимъ тѣломъ. Онъ показалъ, что когда ребенокъ начинаетъ себя ощупывать, потомъ разсматривать, потомъ слушать свой говоръ или лепетъ, эти осязательные, зрительные, слуховые опыты, въ которыхъ онъ чувствуетъ себя одновременно субъектомъ и объектомъ, рельефно выступаютъ на общемъ фонѣ обычныхъ впечатлѣній, доставляемыхъ активнымъ осязаніемъ постороннихъ тѣлъ, или обычными впечатлѣніями зрѣнія и слуха. И, дѣйствительно, это различіе достойно того, чтобы его отмѣтить и прослѣдить. Но чего Мэнъ де-Биранъ не замѣтилъ, такъ это того, что воспріятіе нами впечатлѣній отъ другихъ окружающихъ людей еще болѣе удивительнымъ и рѣзкимъ образомъ выдѣляется на общемъ фонѣ нашихъ внѣшнихъ воспріятій. Возможно, что ребенокъ поражается существованіемъ другихъ лицъ и ихъ глубокимъ сходствомъ съ собою даже прежде, чѣмъ научится узнавать свое собственное тѣло. Геффдингъ разсказываетъ о дѣтяхъ, которыя „къ концу второго года все еще угощали бисквитомъ собственную ногу“, являвшуюся въ ихъ глазахъ независимымъ

существомъ. А между тѣмъ, ребенокъ гораздо раньше второго года пріучается, такъ сказать, сознавать существованіе сознаній тѣхъ немногочисленныхъ личностей, которыя его окружаютъ и которыя для него въ высшей степени интересны. Ребенокъ, слѣдовательно, *узнаетъ „я“ другихъ людей* прежде, чѣмъ познаетъ *свое собственное тѣло*.

Можно сказать, что наше *я* остается какъ бы въ скрытомъ и зародышевомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ соприкосновеніе съ другими *я* или, вѣрнѣе, что съ самаго своего рожденія наше *я* не долго оставалось одно, и что, именно, благодаря постоянному соприкосновенію съ другими, оно пріобрѣло или постепенно пріобрѣтаетъ способность отчасти ограждать себя отъ ихъ вліянія и умѣнье прямо смотрѣть въ глаза природѣ. Люди, по вѣрному замѣчанію Гиддингса, какъ ножи, заостряются отъ тренія другъ объ друга. Если ребенокъ случайно оказывается одинъ въ своей колыбели, хотя бы среди прекраснѣйшаго въ мірѣ пейзажа, онъ медленно поворачиваетъ свой взглядъ на-право, на-лѣво, и окружающее, повидимому, мало интересуетъ его. Но стоитъ только среди всѣхъ этихъ безжизненныхъ предметовъ, находящихся въ полѣ его зрѣнія, показаться знакомому лицу, какъ эта свѣтлая точка сразу заслоняетъ собою все остальное: ребенокъ находитъ въ ней свою живую рифму, свой психическій резонаторъ, который усиливаетъ его бѣдную маленькую индивидуальность и, отражая ее, придаетъ ей больше опредѣленности и значенія. И вотъ, умъ ребенка мало-по-малу развертывается, гораздо больше благодаря этому періодическому соприкосновенію съ двумя или тремя окружающими людьми, да еще съ нѣсколькими домашними животными, чѣмъ подъ вліяніемъ непрерывнаго дѣйствія физическихъ силъ.

Если бы кто-нибудь выразилъ сомнѣніе въ полезности отдѣльнаго изученія интеръ-психическихъ отношеній, въ созданіи для нихъ особой отрасли знанія, то достаточно было бы указать на слѣдующее соображеніе. Сколько бы ни изучали аналитически самымъ основательнымъ образомъ, въ лабораторіяхъ, зрительныя или другія впечатлѣнія, производимыя на отдѣльное человѣческое *я* различными цвѣтами, формами, движеніями, а также измѣненія, вносимыя этими впечатлѣніями въ кровообращеніе, въ ритмъ дыханія, въ мускульную силу; сколько бы ни устанавливали законовъ этихъ внѣшнихъ дѣйствій на умъ, который предполагается совершенно и вполнѣ изолированнымъ, какъ умъ Эмиля,— развѣ совокупность этихъ законовъ дастъ когда-нибудь возможность угадать заранѣе силу и природу того внушенія, которое

произведетъ на этотъ умъ видъ интересующаго его человѣческаго лица? Несомнѣнно, нѣтъ. А между тѣмъ, въ этомъ человѣческомъ лицѣ не будетъ, въ смыслѣ зрительныхъ элементовъ, ничего непривычнаго такому уму. Оно явится только синтезомъ этихъ элементовъ, но синтезомъ живымъ и оригинальнымъ. И, спрошу я, можно ли будетъ когда-нибудь предвидѣть на основаніи одних только наблюденій надъ изолированнымъ человѣкомъ тотъ *приступъ робости*, который овладѣетъ имъ, если онъ застѣнчивъ по природѣ, въ обществѣ извѣстнаго числа другихъ людей, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности вовсе не будетъ внушать ему страха? Можно ли будетъ, напримѣръ, предвидѣть, что у оробѣвшаго скрипача ноты всегда будутъ повышаться въ тонѣ?

Отъ того, что человѣческое лицо гораздо больше поражаетъ первобытнаго человѣка или ребенка, чѣмъ всѣ зрѣлища природы, и что, такимъ образомъ, отношенія между умами кажутся ему единственно-достойными вниманія, дикарь и ребенокъ, какъ мнѣ кажется, испытываютъ неодолимую склонность населять природу воображаемыми духами. Дикарь, какъ и ребенокъ, проявляетъ интересъ къ природѣ только тогда, когда она представляется ему населенною скрытыми подъ разными формами человѣческими духами, которые постоянно занимаются имъ, дѣлаютъ ему знаки, предостерегаютъ его, развлекаютъ, изобрѣтаютъ для него загадки или страшные ребусы. Эти воображаемые духи, которые нарушаютъ тревожное одиночество первобытнаго человѣка, дѣйствуютъ на него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ реальныя существа. Онъ робѣетъ, теряется передъ ними, обожаетъ или ненавидитъ ихъ, прославляетъ или оскорбляетъ и, съ своей стороны, думаетъ оказать на нихъ вліяніе молитвами, жертвоприношеніями, исполненіемъ тысячи ежедневныхъ запретовъ *табу*. Жизнь анимиста — сплошной діалогъ, сплошная борьба, сплошной обмѣнъ услугъ съ цѣлой безчисленной толпой воображаемыхъ собесѣдниковъ, противниковъ или союзниковъ. Такъ, съ нашей точки зрѣнія, можно разсматривать и жизнь мистика въ высоко-развитыхъ религіяхъ. Вся разница въ томъ, что мистикъ не воображаетъ себѣ собесѣдниковъ внѣ себя, въ обширномъ мірѣ, а слышитъ божественный голосъ, чувствуетъ борца внутри себя, въ видѣ безконечнаго *я*, съ которымъ онъ вступаетъ въ бесѣду, борьбу или соревнованіе въ взволнованной неподвижности своего молитвеннаго настроенія, въ призрачномъ раздвоеніи своего одиночества.

Этой своей стороной мистицизмъ и анимизмъ являются для

насъ двумя интересными главами интеръ-психологіи, относящимися къ воображаемой интеръ-психологіи нашихъ предковъ, имѣющей огромную важность для пониманія прошлаго. Но не ею я хочу заняться теперь.

II.

Чтобы яснѣе выразить мою мысль, не лишнее будетъ сопоставить науку, о которой я говорю, съ той, которую можно было бы создать подъ названіемъ *интеръ-физіологіи* (inter-physiologie) или интеръ-біологіи (inter-biologie), и которая симметрически соотвѣтсвовала бы ей. Можно сказать, впрочемъ, что эта отрасль біологіи уже существуетъ и что за послѣдніе полвѣка она даже удивительно разрослась. Всѣ ученые, занимавшіеся до и въ особенности послѣ Дарвина изслѣдованіемъ того, какъ животные или растительные виды той или другой мѣстности приспособляются другъ къ другу и пользуются другъ другомъ, уже занимались интеръ-физіологіей. Происхожденіе видовъ, разсматриваемое согласно дарвиновскимъ принципамъ борьбы и естественнаго подбора, есть ничто иное, какъ обширный и непрерывный, *интеръ*-физіологическій процессъ (а не *интра*-физіологическій, какъ воображаютъ иные глубокомысленные естествоиспытатели). Изученіе микробовъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ ихъ отношеніяхъ къ крупнымъ организмамъ есть также обширная и имѣющая богатую будущность отрасль интеръ-физіологіи.

Нельзя не признать, что въ дѣйствительности чисто жизненныя отношенія между различными существами большею частью далеко не представляютъ собою идеальной гармоніи. Паразитизмъ является, повидимому, главнымъ типомъ этихъ отношеній [1]).

Рѣдко онъ бываетъ взаимнымъ. *Мютюалистами* являются,

[1]) Животныя служатъ другъ другу жилищемъ, одеждой, средствомъ передвиженія и пищей. Ванъ Бенеденъ вѣжливо называетъ *комменсалистами* тѣхъ, кого я просто назову паразитами, а именно, животныхъ, которыя, какъ говоритъ онъ, „то садятся верхомъ на спину другого, то располагаются около его рта, на мѣстѣ входа пищевыхъ веществъ, или же у выхода отбросовъ, то ютятся подъ покровомъ хозяина, отъ котораго получаютъ помощь и защиту". Вотъ, напр., тонкая, граціозная рыбка la donzelle, ищетъ счастья въ тѣлѣ голотуріи, въ ея кишечникѣ, и взимаетъ десятину съ ея добычи. Ремора прикрѣпляется къ акулѣ и вмѣстѣ съ нею переносится черезъ моря, пользуясь ею, какъ лошадью. Лишь немногія животныя избавлены отъ паразитовъ. Человѣкъ кормитъ около дюжины различныхъ видовъ ихъ, не считая ни миріадъ микробовъ, которые иногда губятъ его, ни мучающихъ его мухъ и насѣкомыхъ.

по мнѣнію Ванъ Бенедена, напримѣръ, насѣкомыя, которыя устраиваются въ шерсти млекопитающихъ или въ пуху птицъ и очищаютъ ихъ отъ перхоти. Наиболѣе обычный и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе удивительный примѣръ взаимной утилизаціи представляютъ собою посѣщенія насѣкомыми цвѣтовъ: они кормятся ими и въ то же время оплодотворяютъ ихъ. Между расположеніемъ вѣнчика орхидей и формою ихъ крылатыхъ сводниковъ существуетъ такая гармонія, что самъ Дарвинъ въ изумленіи останавливается передъ нею и отказывается отъ всякаго объясненія [1]).

Но нужно сознаться, что элементъ *взаимодѣйствія между жизненными функціями* (l'inter-vital), если его отдѣлить отъ элемента *взаимодѣйствія между умами* (l'intermental), съ которымъ его часто смѣшиваютъ, сводится къ очень немногому. Собственно говоря, между живыми организмами не существуетъ другихъ, строго-жизненныхъ отношеній, кромѣ поѣданія другъ друга или совокупленія. Все остальное представляетъ собою механическія, физическія, химическія—или же психическія—отношенія между живыми существами, которыя или пользуются другъ другомъ такъ же, какъ пользовались бы неорганическими веществами, или же образуютъ между собою животныя общества. Птица вьетъ себѣ гнѣздо въ дуплѣ бука или дуба совершенно такъ же, какъ вила бы его въ углу на стѣнѣ; выборъ мѣста для нея, повидимому, безразличенъ. *Одушевленное* существо, *какъ таковое*, симпатично всякому другому *одушевленному* существу. Но *живое* существо, *какъ таковое*, развѣ оно симпатично другому живому существу? Возможно, что да, и это не мѣшало бы изслѣдовать; но, во всякомъ случаѣ, это не доказано. Мы знаемъ, что люди сперва пользовались, для перевозки и для нѣкоторыхъ другихъ работъ, людьми же, затѣмъ стали пользоваться животными, затѣмъ—все больше и больше прибѣгали къ помощи растеній и, наконецъ, физическихъ силъ:—пара, электричества. Не замѣчается-ли чего либо подобнаго и въ интеръ-біологіи? Не случается ли, что организмъ начинаетъ обращаться къ неживымъ силамъ за тѣми чисто-матеріальными услугами, которыхъ онъ раньше требовалъ отъ живыхъ организмовъ?

---

[1]) По этому поводу можно поставить себѣ вопросъ: не начались ли и въ интеръ-біологическомъ мірѣ, какъ въ мірѣ соціальномъ, отношенія, ставшія теперь взаимными, съ отношеній одностороннихъ, и не обладаютъ ли одностороннія отношенія въ жизненныхъ, какъ и въ соціальныхъ явленіяхъ, стремленіемъ сдѣлаться, въ концѣ концовъ, взаимными? Это кажется вѣроятнымъ; но такое стремленіе гораздо менѣе ярко выражено въ отношеніяхъ жизненныхъ, чѣмъ въ отношеніяхъ соціальныхъ).

Было бы интересно получить отъ естествоиспытателей отвѣтъ на этотъ вопросъ. Замѣчу, что именно низшія животныя, безпозвоночныя, пользуются другими животными, какъ убѣжищемъ,—фактъ, часто наблюдаемый у насѣкомыхъ,—тогда какъ высшія животныя пользуются для той же цѣли преимущественно растеніями или неорганической природой. Дарвинъ говоритъ, что усики вьющихся растеній прикрѣпляются безразлично къ желѣзнымъ или деревяннымъ предметамъ и обвиваются одинаково вокругъ кустарника и вокругъ чугуннаго столба. Однако эти чувствительные органы не лишены, повидимому, нѣкоторой способности различенія: замѣчательно, что, какъ сообщаетъ намъ великій англійскій ученый, эти усики обыкновенно не обвиваются вокругъ другихъ усиковъ того же растенія. Лютица и виноградная лоза представляютъ иногда исключеніе изъ этого поразительнаго правила.

Я не стану, поэтому, отрицать возможности существованія у растеній особаго, свойственнаго имъ, способа симпатизировать другъ другу. Переходъ отъ таинственно-гармоническихъ отношеній между различными органами одного и того же организма къ отношеніямъ, повидимому, болѣе понятнымъ, между двумя или нѣсколькими живыми существами, такъ мало замѣтенъ,—напримѣръ, если мы возьмемъ отношенія между полами, сначала соединенными въ однодомныхъ растеніяхъ, потомъ разъединенными въ двудомныхъ,—что мы можемъ, до нѣкоторой степени, угадывать темную, гдѣ-то въ глубинѣ лежащую природу первыхъ на основаніи кажущейся сравнительной понятности природы вторыхъ.

Но, повторяю, съ положительной точки зрѣнія между живыми существами нѣтъ, повидимому, другихъ чисто-жизненныхъ отношеній, кромѣ поѣданія другъ друга и совокупленія. И даже здѣсь мы часто видимъ, что когда одно живое существо поѣдаетъ другое, оно пользуется имъ совершенно такъ же, какъ воспользовалось бы какимъ-нибудь химическимъ веществомъ одинаковой питательности. Половое совокупленіе остается, такимъ образомъ, единственно-безспорнымъ жизненнымъ отношеніемъ между организмами. Нужно сознаться, впрочемъ, что мы не имѣемъ никакого яснаго представленія о томъ, что такое жизнь и жизненныя отношенія. Мы хорошо понимаемъ—или думаемъ, что хорошо понимаемъ,—только механическія, или же психическія отношенія между существами. Поэтому *интеръ-физіологія* (interphysiologie), если она когда-нибудь получитъ точное опредѣленіе, никогда не сравнится, по ясности и по доступности пониманію, съ интеръ-психологіей. Она всегда будетъ не болѣе, какъ собраніемъ фактовъ, только отчасти объясненныхъ. Это зависитъ

еще и отъ того, что ея главный предметъ гораздо менѣе *реаленъ*, чѣмъ главный предметъ интеръ-психологіи. Интеръ-физіологія, если бы она существовала, какъ отдѣльная наука, была бы для *фаунъ* и *флоръ*, т. е. для областныхъ группъ животныхъ или растеній, болѣе или менѣе плохо разграниченныхъ, тѣмъ, чѣмъ интеръ-психологія должна стать, по моему мнѣнію, для человѣческихъ обществъ. Но эти аггрегаты животныхъ или растительныхъ видовъ, которые безсознательно существуютъ вмѣстѣ, уничтожаютъ другъ друга или, наоборотъ, помогаютъ другъ другу въ той или иной географической области, составляя ея фауну или флору, или то и другое,—несомнѣнно, обладаютъ меньшей *реальностью*, чѣмъ какая-нибудь нація. Здѣсь рѣчь идетъ скорѣе о совмѣстномъ существованіи, чѣмъ объ ассоціаціи видовъ, большею частью чуждыхъ одинъ другому. Сравнительно съ такой націей, какъ французская или англійская, французская или англійская флора производитъ впечатлѣніе просто отвлеченнаго понятія. Вотъ причина, по которой никому никогда не приходило въ голову создавать *фаунологію* или *флорологію*, между тѣмъ какъ въ *соціологіи* и, прежде всего, въ *этнологіи* чувствуется потребность.

III.

Намъ нѣтъ нужды проводить дальнѣйшія сравненія между двумя отраслями знанія, изъ которыхъ одной намъ вовсе не придется заниматься. Перейдемъ къ другой отрасли [1]).

Здѣсь прежде всего намъ снова приходится установить нѣкоторыя различія. Случай, когда объектъ нашего чувства, ума или воли является существомъ чувствующимъ, понимающимъ и имѣющимъ волю, какъ мы видѣли, глубоко отличается отъ того случая, когда наше чувство, пониманіе или воля направлены на предметъ неодушевленный. Но когда мы чувствуемъ, что лицо, на которое обращено наше чувство, само чувствуетъ насъ, когда лицо, понимаемое нами, представляется намъ, въ свою очередь, стремящимся насъ понять, когда лицо, которымъ мы хотимъ овладѣть, надъ которымъ хотимъ господствовать, является, въ свою очередь, желающимъ подчинить насъ и заставить служить своимъ цѣлямъ,—тогда сдѣланъ второй, не менѣе замѣчательный

[1]) Я посвятилъ интеръ-психологіи, подъ другимъ названіемъ, весь первый курсъ моихъ лекцій въ Collége de France, три года тому назадъ. Теперь я только резюмирую планъ, которымъ я тогда руководился.

шагъ. Здѣсь мы вполнѣ вступаемъ въ область взаимодѣйствія между умами (action inter-mentale). Смотрѣть на того, кто на насъ смотритъ, изучать того, кто насъ изучаетъ, измѣрять того, кто насъ измѣряетъ, любить того, кто насъ любитъ, ненавидѣть того, кто насъ ненавидитъ, оскорблять того, кто насъ оскорбляетъ, это—удивительное явленіе психической симметріи, подобное явленію двухъ параллельныхъ зеркалъ, взаимно отражающихъ другъ друга и создающихъ, такимъ образомъ, одно для другого, иллюзію безконечной глубины.

Идеалистическій скептицизмъ тутъ останавливается; здѣсь его камень преткновенія: я не могу отрицать реальности этого объекта-субъекта, который такъ удивительно похожъ на меня, этого *не-я,* который есть *другое я,* не отрицая въ то же время самого себя. Съ другой стороны, съ непреодолимой вѣрой въ реальность чужого сознанія необходимо связано удвоеніе моего собственнаго самосознанія. Когда я смотрю на цвѣтокъ, гору или дерево, я могу совершенно забыть о себѣ и разсматривать себя самого объективно. Но это невозможно, когда я смотрю на человѣка или даже на высшее животное. Я не могу видѣть ихъ, не думая при этомъ, что и это другое существо можетъ меня видѣть, и мысль объ этой возможности, по большей части, вызываетъ во мнѣ желаніе, чтобы она осуществилась, если только этому желанію не препятствуетъ сознаніе какой-нибудь опасности или какого-нибудь неудобства, могущаго произойти для меня, отъ того, что существо, на которое я смотрю, въ свою очередь посмотритъ на меня. Когда я иду по улицамъ большого города, для меня было бы очень стѣснительно, если бы всѣ люди, которыхъ я встрѣчаю, стали смотрѣть на меня. Но когда я вижу знакомаго, мнѣ непріятно, если онъ пройдетъ мимо, не замѣтивъ меня. Инстинктивно въ такихъ случаяхъ, даже если встрѣча съ этимъ человѣкомъ въ сущности не доставляетъ намъ удовольствія, мы склонны сдѣлать ему какой-нибудь знакъ, постараться привлечь чѣмъ-нибудь его вниманіе. И даже по отношенію къ незнакомой толпѣ, съ которой я встрѣчаюсь на парижскихъ улицахъ, сколько бы я ни думалъ, что эти люди мнѣ безразличны, я все-таки именно ради нихъ держу себя прилично, забочусь о своемъ костюмѣ и не позволяю себѣ ходить въ такомъ безпорядочномъ видѣ, въ какомъ съ удовольствіемъ ходилъ бы въ деревнѣ. Стараться не привлечь ихъ вниманія— развѣ это не значитъ, нѣкоторымъ образомъ, заниматься собою по поводу ихъ и признавать, что ихъ присутствіе усиливаетъ наше собственное самосознаніе? Исчезновеніе этой необходимости отражать свою личность въ другихъ—одна изъ причинъ, почему

мы душевно отдыхаемъ въ деревнѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ городѣ.

Взаимныя отношенія между умами отличаются еще отъ отношеній между умами и предметами самой сущностью вызываемыхъ ими послѣдствій. Взаимодѣйствіе между умами происходитъ на разстояніи; въ немъ обнаруживается совершенно особая причинность, состоящая не въ непонятномъ появленіи слѣдствія, совершенно отличнаго отъ вызвавшей его причины, какъ напримѣръ, когда колебанія эфира производятъ или, вѣрнѣе, вызываютъ въ насъ ощущеніе цвѣта, а въ *воспроизведеніи*—иногда въ обратную сторону — самой причины, повторяющейся, такимъ образомъ, въ слѣдствіи. Я высказываю какую-нибудь мысль, и тотчасъ же эта мысль или мысль противоположная является въ сознаніи другого. Здѣсь она подтверждаетъ или, наоборотъ, отрицаетъ самое себя. [1]).

Появленіе этой высшей формы причинности вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчаетъ собою моментъ перехода отъ воздѣйствія непосредственнаго и односторонняго къ воздѣйствію, которое впервые можетъ стать обдуманнымъ и обоюднымъ. Когда наше *я* находится передъ моремъ или горами, или даже растеніями и низшими животными, то всѣ эти предметы дѣйствуютъ на него, но само оно на нихъ не дѣйствуетъ; если же, случайно, оно и вызываетъ въ нихъ какія-нибудь измѣненія, то между этими двумя родами вліяній нѣтъ ничего общаго: одно изъ нихъ не является отвѣтомъ на другое, въ нихъ нѣтъ никакого элемента взаимности. Но когда два человѣка говорятъ или спорятъ другъ съ другомъ, они вза-

---

[1]) Кто-нибудь въ толпѣ крикнетъ: „Да здравствуетъ X!“ Толпа тотчасъ же раздѣляется приблизительно на двѣ, обыкновенно неравныя, части; одни начинаютъ кричать: „да здравствуетъ!“ другіе:—„долой!“... Или возьмемъ бунтъ: кто-нибудь хватается за факелъ, съ цѣлью поджечь какой-нибудь дворецъ; одни слѣдуютъ за нимъ, другіе бѣгутъ за пожарными... Правда, обыкновенно обстоятельства бываютъ болѣе сложны. Изъ числа зрителей нѣкоторые не слѣдуютъ за поджигателемъ и не поступаютъ обратно его примѣру: фотографъ, напр., поспѣшитъ снять моментальную фотографію, репортеръ—составить разсказъ о происшедшемъ. Это значитъ, что у этихъ людей стремленіе къ подражанію, или къ акту, обратному подражанію, стремленіе, которое явилось прямымъ результатомъ видѣннаго акта, было остановлено послѣдствіями его, т. е. вызванными имъ ассоціаціями идей, относящимися къ актамъ совершенно другого рода. Но развѣ эти другіе акты и связанныя съ ними идеи не были, въ свою очередь, внушены и вызваны подражаніемъ? И развѣ сама рѣчь, посредствомъ которой переданы были эти идеи и акты, не является, съ самой колыбели, чисто-подражательнымъ явленіемъ? Вотъ, въ какомъ смыслѣ можно сказать, что всѣ общественныя явленія характеризуются подражательностью, хотя и невозможно свести къ вліянію примѣра всѣ случаи взаимодѣйствія между умами среди членовъ одного и того же общества.

имно производятъ впечатлѣніе другъ на друга. И, тѣмъ не менѣе, даже въ этой формѣ причинности, гдѣ существуетъ взаимодѣйствіе между умами, вліяніе одностороннее предшествуетъ взаимному,— обстоятельство, которое часто упускается изъ виду.

Элементарное дѣйствіе одного ума на другой было—въ его аномаліяхъ и патологическихъ формахъ—основательно изучено изслѣдователями гипноза, которыхъ мы можемъ считать первыми піонерами интеръ-психологіи. Изучавшійся ими случай, т. е. случай, когда одно лицо оказываетъ, при помощи приказанія или убѣжденія, неотразимое вліяніе на другое, при отсутствіи взаимности, переноситъ насъ къ самому началу возникновенія общественной связи. Психіатры и криминалисты, своими интереснѣйшими монографіями *о помѣшательствѣ вдвоемъ, о самоубійствѣ* или *преступленіи вдвоемъ,* внесли не менѣе цѣнный вкладъ въ выясненіе этой основной задачи. Но аномаліи, вообще, становятся понятными только тогда, когда онѣ связываются съ нормальными явленіями. Поэтому, если мы хотимъ вполнѣ оцѣнить и истолковать истинное значеніе тѣхъ отрывковъ патологической интеръ-психологіи, о которыхъ я говорилъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ я могъ бы упомянуть,—напримѣръ, изученіе застѣнчивости, смѣха и, главнымъ образомъ, толпы,—намъ слѣдуетъ ввести ихъ въ рамки здоровой и нормальной интеръ-психологіи, которую прежде всего и приходится установить. Какъ и у *интра-психологіи* (или, если хотите, индивидуальной психологіи), у нея есть свои особыя подраздѣленія и свои методы. Съ генетической точки зрѣнія, она изучаетъ новорожденнаго, начиная съ его первыхъ умственныхъ отношеній къ окружающему. Развитіе этой интеръ-психологіи ребенка въ интеръ-психологію взрослаго представляетъ значительный общественный интересъ. Съ точки зрѣнія теоретической и болѣе общей, необходимо изучать отвлеченно и въ отдѣльности дѣйствіе чувствительности на чувствительность, воли на волю, ума на умъ.

Нужно замѣтить по этому поводу, что заразительностью обладаютъ вовсе не ощущенія, какъ таковыя, и не образы, возникающіе изъ этихъ ощущеній, а исключительно идеи и нанамѣренія, вѣрованія и желанія. Пока мы разсматриваемъ одно только *я,* взятое въ отдѣльности, мы можемъ думать, вмѣстѣ съ Кондильякомъ и всѣми психологами XVIII вѣка, что ощущеніе есть основное явленіе, изъ котораго вытекаютъ всѣ остальныя путемъ различныхъ комбинацій и превращеній. Но эта иллюзія исчезаетъ, какъ только мы начинаемъ замѣчать, что глубокое различіе ощущеній у того или другого лица, напр., у дальтониста и у че-

ловѣка съ нормальнымъ зрѣніемъ, у человѣка съ преобладаніемъ зрительныхъ представленій и такого, у котораго преобладаютъ представленія слуховыя,—что это различіе, а также непередаваемость такихъ ощущеній нисколько не мѣшаютъ передачѣ и тождеству мыслей и воли, общности религіозныхъ или политическихъ убѣжденій. Я придаю такое большое значеніе вѣрованіямъ и желаніямъ именно потому, что они въ высокой степени обладаютъ способностью передаваться отъ одного ума къ другому, тогда какъ ощущенія и образы сами по себѣ, по существу своему, непередаваемы. Самою интересною чертою различныхъ психологическихъ явленій представляется намъ въ данномъ случаѣ степень ихъ передаваемости или непередаваемости. За обѣдомъ всѣ обѣдающіе, сколько бы ихъ ни было, ощущаютъ вкусъ блюдъ совершенно такъ же, какъ ощущали бы его въ полномъ одиночествѣ, — если не считать того, что *аппетитъ* каждаго до нѣкоторой степени возбуждается, благодаря взаимному сближенію, откуда нѣкоторое *косвенное* усиленіе вкусовыхъ ощущеній. Но если тѣ же лица говорятъ другъ съ другомъ, то обмѣниваемыя мысли въ значительной мѣрѣ усиливаются у каждаго изъ нихъ, благодаря согласію другихъ; и чѣмъ собесѣдники многочисленнѣе, тѣмъ оживленнѣе становятся высказываемыя противоположныя мнѣнія, и тѣмъ болѣе разгораются споры. Легко передаются отъ человѣка къ человѣку не ощущенія, а *эмоціи*, потому что въ составъ большей части эмоцій или *чувствъ*, входитъ, какъ нѣчто подразумѣвающееся, значительное число сужденій и намѣреній, представленій и цѣлей, внушенныхъ другими; мы видимъ это, напримѣръ, въ эмоціи *смѣха* и въ эмоціи *скандала*. Въ обществѣ люди очень искренно находятъ смѣшнымъ или неприличнымъ многое, надъ чѣмъ они не стали бы смѣяться или чѣмъ вовсе не были бы скандализированы, если бы были одни. „Смѣхъ, повидимому, требуетъ себѣ отголоска“, справедливо говоритъ Бергсонъ.

Поэтому *чувства* играютъ въ интеръ-психологіи такую же роль, какъ *ощущенія*—въ психологіи отдѣльной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что самыя высокія психологическія явленія оказываются въ то же время и наиболѣе заразительными, наиболѣе способными стать общественнымъ достояніемъ. Это, впрочемъ, вѣрно только до извѣстныхъ предѣловъ: наиболѣе тонкія, наиболѣе изысканныя наши чувства и даже намѣренія, не поддаются выраженію, а остаются *неизъяснимыми*, никогда не поступая въ общественное пользованіе и обращеніе. Въ этомъ—корень того глубокаго, высшаго индивидуализма, ко-

торый выростаетъ изъ самой общественной жизни, но и возстаетъ противъ нея, какъ только эта общественная жизнь грозитъ поглотить его.

IV.

Остановимся на только что высказанныхъ соображеніяхъ. Когда вы говорите передъ публикой, вы очень хорошо знаете, что ваша *идея* — если мы будемъ понимать подъ этимъ словомъ богатое чисто личное содержаніе образовъ, воспоминаній и вамъ однимъ свойственныхъ воспріятій, которое вы стремитесь выразить словами, — что эта цѣльная и сложная идея, составляющая ваше достояніе, никогда не перейдетъ, какъ таковая, въ души вашихъ слушателей, подобно тому, какъ мотивъ, который играютъ на скрипкѣ или на фортепіано, не сохранитъ своего тембра и своихъ гармоническихъ звуковъ, если его сыграютъ на флейтѣ или на гобоѣ. Вы знаете, что слова, которыми вы пользуетесь, вызываютъ въ вашихъ слушателяхъ иные образы и иныя ощущенія, и что, если отношеніе между этими аффективными элементами остается, несмотря на такое различіе, приблизительно одинаковымъ у нихъ и у васъ, то это сходство во всякомъ случаѣ далеко не полное. Но вы можете быть увѣрены въ одномъ: насколько бы ни было различно то, *какъ они чувствуютъ* вашу мысль, и то, какъ вы ее чувствуете, во всякомъ случаѣ то, *какъ они ей вѣрятъ*, если только они съ вами согласны, совершенно одинаково съ тѣмъ, какъ вы сами ей вѣрите. Существуетъ двадцать, сто способовъ видѣть красный или синій предметъ, слышать какую-нибудь ноту или чувствовать какой-нибудь запахъ, воспринимать видъ пейзажа или понимать мысль Канта или Спинозы; но какъ дальтонисты, такъ и не-дальтонисты одинаково вѣрятъ въ реальное существованіе того цвѣта, который они видятъ различно, того пейзажа, который они воспринимаютъ различно, той истины или того заблужденія, которыя они находятъ въ понимаемыхъ ими различно философскихъ системахъ. Различіе между зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ можетъ чувствоваться Яковомъ иначе, чѣмъ Иваномъ, но различіе между *да* и *нѣтъ* одинаково для всѣхъ. То же самое можно сказать о желаніи и прежде всего о томъ желаніи чувствовать, воспринимать или понимать, которое называютъ *вниманіемъ*. Ни Иванъ, ни Яковъ, ни Петръ, ни Павелъ не видятъ и не слышатъ одинаково, но *смотрятъ* и *слушаютъ* они одинаково; они не одинаково чувствуютъ запахи, но одинаково нюхаютъ. Мы можемъ желать обладанія самыми

различными предметами: плодомъ, розой, человѣкомъ, извѣстной суммой денегъ и т. д.; но при всѣхъ измѣненiяхъ въ направленiи нашихъ желанiй само желанiе остается желанiемъ (какъ отвращенiе остается отвращенiемъ), и его всегда можно узнать во всѣхъ его видахъ. Нѣтъ такого состоянiя, тождество природы котораго, отъ одного конца психологической эволюцiи до другого и отъ низшей ступени въ лѣстницѣ живыхъ существъ до высшей, было бы такъ безспорно, какъ тождество желанiя, а также и его противоположности,—отъ аппетита дождевого червя до честолюбiя завоевателя.

Вотъ почему всѣ происходящiя между нами столкновенiя зависятъ всегда отъ противоположности нашихъ убѣжденiй или желанiй и никогда—отъ различiя въ нашихъ ощущенiяхъ [1]). То же можно сказать и о внутреннихъ столкновенiяхъ человѣка съ самимъ собой. Отсюда логическая (или телеологическая) потребность согласовать, въ общественной группѣ или во внутренней жизни ума, наши вѣрованiя и наши желанiя, и вотъ почему эта потребность играетъ какъ въ общественной, такъ и въ личной жизни гораздо большую роль, чѣмъ совершенно иная, эстетическая потребность согласовать между собою ощущенiя.

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что потребность въ логическомъ согласованiи стала чувствоваться въ общественной группѣ раньше, чѣмъ въ индивидуальномъ умѣ. Вначалѣ, во времена греческихъ софистовъ, логика разсматривалась, какъ искусство убѣждать, передавать свои убѣжденiя другимъ; и только позднѣе, при Сократѣ, она стала искусствомъ убѣждать самого себя, исправлять ошибки и непослѣдовательность своего собственнаго ума, переходя отъ одной истины къ другой. Когда среди какой-нибудь группы людей долго практикуется логика взаимодѣйствiя *между* умами (logique inter-mentale) [2]), предшествовавшая логикѣ *внутренняго* дѣйствiя на собственный умъ (logique intra-mentale) и вызвавшая ее, то вѣрованiя этихъ людей, въ концѣ концовъ, приходятъ въ *униссонъ*. Если же въ уединенно работающемъ умѣ долго функцiонируетъ логика внутренняго

---

[1]) Въ ощущенiяхъ не существуетъ иной противоположности кромѣ той которую вноситъ въ нихъ положительное или отрицательное желанiе, соединяясь съ ними въ формѣ *удовольствiя* или *страданiя*.

[2]) Эта логика есть, въ сущности, *реторика*. Научное изученiе реторики началось съ Антифона, преподававшаго ее въ Аѳинахъ. Она носила одновременно и логическiй, и телеологическiй характеръ, но логическiй въ значительно большей степени, такъ какъ ея правила предназначались гораздо больше для мысли и рѣчи, чѣмъ для поведенiя.

дѣйствія, т. е. логика въ собственномъ смыслѣ слова, то она приводитъ мысли этого ума скорѣе къ *гармоніи*, чѣмъ къ униссону. Обѣ логики взаимно дополняютъ другъ друга. Можно сказать, что *телеологія междуумственная* (téléologie intermentale) предшествовала телеологіи внутренняго вліянія (intra-mentale) и вызвала ее. За-долго до того времени, какъ Сократъ положилъ основаніе своей системѣ нравственности,—гармоніи желаній въ индивидуальной душѣ, ихъ сліянію въ одинъ идеалъ,—государственные люди Греціи, короли, тираны, народные трибуны положили начало политической наукѣ и стали размышлять надъ наилучшимъ средствомъ внести единообразіе въ желанія гражданъ или подданныхъ, объединить ихъ души, слившіяся въ тождественномъ стремленіи къ благополучію, къ завоеваніямъ, къ военной славѣ,—собрать ихъ въ одно неразрывное цѣлое. Мысль о *политическомъ единствѣ* индивидуальныхъ волевыхъ импульсовъ въ обществѣ явилась за-долго до мысли о *нравственной гармоніи* желаній въ сознаніи личности. Это соображеніе, на которомъ здѣсь, впрочемъ, не мѣсто останавливаться, достаточно показываетъ, что значеніе для психологіи взаимодѣйствія между умами (action inter-mentale) нисколько не преувеличивается мною.

Но вернемся къ нашему предмету. Несомнѣнно, что при соприкосновеніи личностей между собою, ихъ ощущенія гораздо меньше усиливаются или ослабляются гораздо меньше измѣняются, чѣмъ ихъ представленія и воля, убѣжденія и страсти. Галлюцинаціи, т. е. внушенныя ощущенія, встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ внушенныя перемѣны убѣжденій, „обращенія" (conversions). Можно, правда, указать нѣсколько примѣровъ, но совершенно исключительныхъ, когда, въ толпѣ или въ сектахъ, заразительность ощущеній доходила до общихъ галлюцинацій. Ляревельеръ-Лепо, напримѣръ, разсказываетъ въ первомъ томѣ своихъ мемуаровъ, что въ началѣ Революціи онъ видѣлъ толпу въ 8.000 человѣкъ разнаго возраста, собравщуюся у *священнаго* дуба въ Анжу, причемъ многіе говорили ему, что видятъ явившуюся Богородицу, которой самъ онъ вовсе не видѣлъ. Въ „Дневникѣ" Гонкуровъ разсказывается о другомъ случаѣ, почти столь же странномъ, происшедшемъ въ Парижѣ въ 1870—71 году: нѣкоторые люди въ собравшейся толпѣ увѣряли, что видятъ выставленную въ редакціи одной газеты телеграмму (въ дѣйствительности никогда не существовавшую), возвѣщавшую крупное пораженіе непріятеля. Но все это, повторяю, очень рѣдкія исключенія, вызванныя необычайными обстоятель-

ствами [1]). Въ театрѣ, напримѣръ, даже если зала полна, и публика достаточно наэлектризована, зрители, тѣсно сидящіе, по этой причинѣ не лучше видятъ или слышатъ; у нихъ не является никакой гиперэстезіи. Зато ихъ энтузіазмъ, сложившійся изъ вѣрованій и желаній, изъ твердаго убѣжденія въ томъ или иномъ свойствѣ игры актеровъ и горячаго желанія, чтобы это убѣжденіе раздѣлялось всѣми,—этотъ энтузіазмъ въ высшей степени усиливается, благодаря взаимному внушенію. Они плохо видятъ, плохо слышатъ, но все-таки приходятъ въ восторгъ... Политика богата такого рода зрѣлищами, такого рода слѣпыми увлеченіями. И не только въ толпѣ, но даже на ученыхъ конгрессахъ, часто приходится наблюдать то же сильное отраженіе мнѣній всѣхъ на мнѣніи каждаго.

Манера чувствовать отдѣльнаго человѣка подвергается при его общеніи съ другими людьми сильнымъ измѣненіямъ Но эти измѣненія не зависятъ отъ заразительнаго дѣйствія ощущеній другого лица. Когда человѣкъ, имѣющій вліяніе на своихъ

---

[1]) Вотъ одинъ, еще болѣе удивительный, примѣръ, который я нашелъ въ «Revue Scientifique» отъ 28 окт. 1899 г. Глоссонъ разсказываетъ въ «Psychological Review» о слѣдующемъ опытѣ, произведенномъ въ университетѣ въ Уайомингѣ въ 1899 году. «Я приготовилъ бутылку, разсказываетъ онъ, наполнилъ ее дистиллированной водой, тщательно завернулъ въ вату и положилъ въ ящикъ. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ—во время одной публичной лекціи—я сказалъ, что хочу посмотрѣть, съ какой быстротой распространяется въ воздухѣ запахъ, и прошу присутствующихъ поднять руки, какъ только они его почувствуютъ... Я откупорилъ бутылку, налилъ воды на вату, причемъ самъ въ это время отвертывался, вынулъ часы, показывающіе секунды, сталъ ждать.. Я объяснилъ, что вполнѣ увѣренъ въ томъ, что никто изъ присутствующихъ никогда раньше не слыхалъ запаха того химическаго вещества, которое я только что налилъ... Черезъ пятнадцать секундъ большинство слушателей переднихъ рядовъ подняли руки, а черезъ сорокъ секундъ *запахъ* распространился до глубины залы, довольно правильными параллельными волнами. Приблизительно три четверти всѣхъ присутствующихъ заявили, что чувствуютъ *запахъ*. Среди упорствовавшаго меньшинства было относительно болѣе мужчинъ, чѣмъ общая средняя цифра ихъ. Вѣроятно, внушенію поддалось бы еще большее число слушателей, если бы мнѣ не пришлось прекратить опытъ въ виду того, что многія лица изъ переднихъ рядовъ почувствовали непріятное ощущеніе и хотѣли выйти изъ залы»...

Очевидно, воображаемый *запахъ* распространялся здѣсь, благодаря *утвержденію* и *желанію* внушающаго, а не благодаря *ощущенію*, потому что ощущенія на дѣлѣ не было. Вотъ объясненіе того, повидимому, парадоксальнаго факта, что воображаемыя ощущенія могутъ быть такъ заразительны, когда реальныя ощущенія не заразительны вовсе. Этотъ любопытный опытъ доказываетъ, какъ велико можетъ быть вліяніе внушенія на собравшихся вмѣстѣ людей, причемъ это вліяніе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ собраніе многолюднѣе.

учениковъ, читателей или почитателей, дѣйствуетъ на ихъ чувствительность, онъ,въ сущности, только направляетъ ихъ *взоръ* на то, на что они сами не обратили бы вниманія; но видятъ они все-таки совершенно такъ же, какъ видѣли бы, если бы ихъ взоръ обратился въ ту же сторону самостоятельно. Такъ бываетъ со всякимъ великимъ художникомъ, со всякимъ великимъ поэтомъ, привлекающимъ вниманіе публики на виды неба или моря, на красоту пейзажа или человѣческаго тѣла, которые безъ него ускользнули бы отъ разсѣянныхъ взоровъ людей, но которыми теперь они будутъ такъ же искренно восхищаться, какъ если бы они открыли все это сами. Великій артистъ содѣйствуетъ, такимъ образомъ, объединенію, взаимной ассимиляціи чувствительностей, ихъ гармоническому согласованію. Но онъ дѣйствуетъ иначе, чѣмъ великій основатель новой религіи, который стремится внести гармонію въ умы, или великій государственный человѣкъ, который хочетъ внести ее въ акты воли.

Чувства, сказалъ я, являются для интеръ-психологіи тѣмъ же, чѣмъ ощущенія для психологіи индивидуальной. Ощущенія—это сложный и запутанный мотокъ нитокъ, въ которомъ человѣческій умъ кое-какъ разбирается, извлекая изъ него понятія о пространствѣ и времени, о матеріи и силѣ, не говоря уже о противоположеніи удовольствія и страданія. Чувства—это другой мотокъ, еще болѣе сложный и богатый, который общественная жизнь и создаетъ, и разматываетъ, извлекая изъ него, точно перегонкой, общественныя категоріи Права и Обязанности и великую противоположность Добра и Зла. Замѣтимъ мимоходомъ, что антитезы гораздо рѣзче въ области чувствъ, чѣмъ въ области ощущеній. Первыя представляютъ такія противоположенія (горе и радость, ненависть и любовь, страхъ и гнѣвъ и т. д.), которыхъ не существуетъ у вторыхъ. Это зависитъ отъ того, что чувства—такія соединенія умственной химіи, въ которыхъ элементъ вѣрованія и элементъ желанія играютъ гораздо бо́льшую роль, чѣмъ въ образованіи ощущеній. Наши чувства, какъ общее правило, развиваются несравненно больше благодаря умственному взаимодѣйствію (action inter-mentale), т. е. нашему соприкосновенію съ другими людьми, чѣмъ соприкосновенію съ предметами. Правда, наши эмоціи связаны съ извѣстнымъ органическимъ состояніемъ, съ измѣненіями въ кровообращеніи или въ отправленіяхъ нервной системы, но онѣ не проистекаютъ изъ нихъ: онѣ происходятъ отъ уже совершившихся или только предвидимыхъ измѣненій въ нашихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ.

Чувства могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, смотря

по тому, что̀ преобладаетъ въ нихъ: ожиданіе, вѣрованіе, подтверждающееся или опровергаемое, или же желаніе, удовлетворенное или встрѣтившее отпоръ. *Чувства-вѣрованія*—это гордость или униженіе, преклоненіе или презрѣніе, негодованіе или уваженіе и т. п. *Чувства-желанія*—это, напримѣръ, гнѣвъ и страхъ, любовь и ненависть, и т. п. Но какъ тѣ, такъ и другія, по своему происхожденію и развитію, имѣютъ общественный характеръ. Смѣяться можно только надъ человѣческими дѣйствіями; скандализированнымъ можно быть только человѣческими поступками. Мы постоянно носимъ въ себѣ нѣчто въ родѣ невидимаго и въ высшей степени чувствительнаго термометра, который намъ сообщаетъ о повышеніи или пониженіи нашей общественной цѣнности, о степени уваженія, которое чувствуютъ къ намъ другіе. Все, что, такимъ образомъ, увеличиваетъ или уменьшаетъ нашу вѣру въ наши силы, достоинство, богатство, въ наши права, чрезвычайно *волнуетъ* насъ. Съ самой колыбели, въ соприкосновеніи съ матерью или кормилицей, позднѣе—въ играхъ и столкновеніяхъ съ товарищами, въ многочисленныхъ проявленіяхъ обиды или симпатіи среди друзей, среди публики вообще, мы безпрестанно расширяемъ кругъ тѣхъ высшихъ ощущеній, которыя называются чувствами. Этимъ легко объясняется заразительность чувствъ. Они тѣмъ легче становятся общимъ достояніемъ, что общественный характеръ лежитъ въ нихъ съ самаго ихъ зарожденія. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы путемъ примѣра въ какой-нибудь странѣ распространились какъ зараза, дальтонизмъ или иная зрительная, слуховая, обонятельная или осязательная особенность; но нѣтъ ничего обычнѣе повальнаго распространенія чувствъ: гордости, зависти, ненависти, энтузіазма или страха. Бываютъ случаи общаго, коллективнаго самодовольства (infatuation), бываютъ грозные ураганы безсмысленнаго тщеславія или безумнаго честолюбія, вызванные часто примѣромъ одного человѣка, но охватывающіе всю націю и приводящіе ее къ ряду катастрофъ.

Прибавимъ, что чувства являются какъ бы знаками нашихъ общественныхъ отношеній, тогда какъ ощущенія — знаки нашихъ физическихъ отношеній съ природой. Ощущенія тепла или холода, сладкаго или горькаго предупреждаютъ насъ о предметахъ, которыхъ мы должны избѣгать или, наоборотъ, искать, а чувства восхищенія или презрѣнія, гнѣва или страха предупреждаютъ насъ относительно общественнаго поведенія, котораго мы должны держаться по отношенію къ другимъ людямъ. Краски и звуки даютъ намъ возможность оцѣнить физическое разстояніе предметовъ отъ насъ, а наши симпатіи или антипатіи позволяютъ

намъ опредѣлять соціальное разстояніе между другими людьми и нами (*сознаніе вида*, сказалъ бы Гиддингсъ). Наконецъ, мы естественно склонны приписывать какъ нашимъ чувствамъ, такъ и нашимъ ощущеніямъ объективное существованіе. Подобно тому, какъ мы готовы думать, что *цвѣтъ* предметовъ имъ свойственъ, хотя въ дѣйствительности онъ есть не что иное, какъ субъективное явленіе, мы, съ еще большей неотвратимостью, склонны думать, что *преступность* нѣкоторыхъ актовъ — имъ свойственная черта, между тѣмъ какъ она зависитъ исключительно отъ общаго негодованія, которое эти акты вызываютъ въ извѣстный моментъ, в извѣстной средѣ. И однако между предметомъ краснымъ и предметомъ синимъ есть нѣкоторое объективное различіе (не заключающееся, но выражающееся въ цвѣтѣ); точно также и между поступкомъ добродѣтельнымъ и поступкомъ преступнымъ существуетъ объективное различіе, независимо отъ уваженія или негодованія, вызываемыхъ тѣмъ и другимъ.

Ощущенія не только предупреждаютъ насъ: они вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ насъ возбуждать или удерживать. Они сопровождаются увеличеніемъ или уменьшеніемъ нашей физической силы, поддающимися измѣренію съ помощью динамометра, а также вызываютъ въ насъ рефлексы, которые даютъ намъ возможность приспособиться къ условіямъ нашего физическаго существованія. Такимъ же образомъ чувства связаны съ возбужденнымъ или подавленнымъ состояніемъ и внушаютъ намъ слова, жесты или поступки, облегчающіе наше приспособленіе къ условіямъ общественной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, для индивидуума, какъ такового, внѣ всякихъ отношеній съ другими людьми, чувства безполезны. Къ чему служили бы Робинзону безъ Пятницы любовь или ненависть, восхищеніе или презрѣніе, уваженіе или чувство стыда? Но общественная полезность такихъ чувствъ безспорна. Они полезны либо для общественной группы въ большей степени, чѣмъ для составляющихъ ее личностей, либо для личности въ большей мѣрѣ, чѣмъ для группы. Первыя представляютъ собою то, что обыкновенно называютъ „добрыми чувствами“:—скромность, любовь, уваженіе, благодарность, восхищеніе, негодованіе при видѣ зла. Вторыя—это „дурныя чувства“: гордость, презрѣніе, мстительность, зависть и т. д. Какія изъ нихъ болѣе заразительны? Это зависитъ отъ времени и мѣста. Всѣ они бываютъ заразительны въ очень неравной степени. Та же самая революціонная толпа, которая только что, обезумѣвъ отъ гнѣва, хотѣла казнить человѣка по простому подозрѣнію, теперь, растроганная словами популярнаго оратора, совершенно измѣнила свое настроеніе и устраи-

ваетъ несчастному тріумфальное шествіе, или же танцуетъ съ нимъ вокругъ того самаго дерева, на которомъ собиралась его повѣсить.

V.

Если бы я могъ въ этой лекціи сдѣлать больше, чѣмъ дать нѣкоторое представленіе о моемъ обширномъ предметѣ, то намъ слѣдовало бы изучить: 1) дѣйствіе одной личности на другую; 2) дѣйствіе личности на толпу или на какое-нибудь собраніе людей; 3) дѣйствіе собранія людей на личность; 4) дѣйст личности на *публику,* т. е. разсѣянную толпу (foule dispersée . 5) дѣйствіе публики на личность. Каждый изъ этихъ вопр въ могъ бы составить предметъ особаго изученія. Въ первомъ случаѣ мы находимъ прежде всего бесѣду, разговоръ, какъ безконечно-малую, но постоянно и повсюду дѣйствующую причину всѣхъ общественныхъ образованій и преобразованій, не только лингвистическихъ, что само собою разумѣется, но и религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и нравственныхъ. Значеніе этой, такъ сказать, „мадрепорической" выработки оставалось до сихъ поръ мало замѣченнымъ. Преобразующую силу этого элементарнаго взаимодѣйствія между умами поняли пока, повидимому, одни только основатели монашескихъ орденовъ: для обезпеченія своимъ учрежденіямъ полной неподвижности, они ввели правило молчанія, никогда, впрочемъ, точно не исполняемое. Я пытался въ другомъ мѣстѣ [1]) набросать исторію „разговора", анализировать его причинность, его виды, его послѣдствія; но я далеко не исчерпалъ этого обширнаго предмета, а—самое большее—только намѣтилъ его главныя очертанія.

Второй случай составляетъ предметъ тѣхъ трудовъ, которые посвящаются толпѣ. Здѣсь также остаются еще громадные пробѣлы. Далеко не изучена, напримѣръ, основательно и во всѣхъ подробностяхъ толпа разныхъ національностей, въ различныя эпохи, различныхъ категорій: ожидающая, демонстрирующая, дѣйствующая, набожная, фанатичная, проникнутая ненавистью, мстительная и т. д. *Исторія толпы* еще въ болѣе значительной мѣрѣ остается ненаписанной, чѣмъ исторія сектъ и корпорацій, а между тѣмъ было бы очень интересно сравнить ея эволюцію въ различныхъ странахъ и посмотрѣть, измѣняется ли она всегда въ одномъ и томъ же направленіи, становится ли она все менѣе или все болѣе значи-

---

1) „L'opinion et la foule", изд. 1901 года.

тельной по объему, все чаще или все рѣже она образуется, дѣлается ли она все болѣе или все менѣе довѣрчивой и готовой идти за своими вожаками, все болѣе или все менѣе гордой или страстной, или дисциплинированной? Превращеніе толпы въ публику, отношенія между публикой и толпой—все это также требуетъ новаго изученія. Разработка этого предмета сопряжена съ очень значительными затрудненіями. Съ одной стороны, мы видимъ, что толпа обыкновенно, а довольно часто и правильныя собранія поступаютъ, въ общемъ, менѣе умно, чѣмъ поступилъ бы каждый изъ ихъ членовъ, взятый въ отдѣльности. Наблюденіе это было сдѣлано уже давно. Еще Вольтеръ писалъ г-жѣ дю-Деффанъ по поводу одного нелѣпаго рѣшенія, принятаго въ 1767 году въ Сорбоннѣ: „Не знаю, почему случается такъ, что собранія говорятъ и дѣлаютъ больше огромныхъ глупостей, чѣмъ частныя лица; можетъ быть, потому, что частное лицо боится всего, а собраніе ничего не боится. Каждый изъ его членовъ сваливаетъ вину и порицаніе на товарища“ [1]). Вольтеръ констатируетъ фактъ и воображаетъ, что объяснилъ его мелочною, нѣсколько близорукою и поверхностною психологіей своего времени. Это явленіе зависитъ отъ глубокихъ причинъ, въ которыя не могъ проникнуть великій умъ Вольтера при помощи одного только здраваго смысла. Но мы знаемъ, съ другой стороны, что, если бы личности всегда жили отдѣльно и изолированно, никогда даже самая высокая изъ нихъ не поднялась бы собственными усиліями хотя бы до уровня самаго низшаго изъ членовъ какой-нибудь общественной группы. Итакъ, общественныя отношенія поднимаютъ уровень каждой отдѣльной единицы, хотя коллективно общественная группа оказывается часто—если не по нравственности, то по уму—ниже средняго уровня составляющихъ ее личностей. Тутъ слѣдовало бы показать, что въ этихъ двухъ положеніяхъ нѣтъ ничего несовмѣстимаго.

Третій случай, обратный только что разсмотрѣнному, былъ изученъ въ нѣсколькихъ трудахъ, посвященныхъ *застѣнчивости*. *Приступъ робости*, вызываемый у нѣкоторыхъ лицъ однимъ присутствіемъ группы людей, изъ которыхъ каждый, взятый въ отдѣльности не внушаетъ ни малѣйшаго страха, есть своего рода нервный припадокъ, характеризующійся чувствомъ тревоги, ощу

---

[1]) „Je ne sais, comment il arrive, que les compagnies disent et font plus d'énormes sottises, que les particuliers; c'est peut être parce qu 'un particulier a tout à craindre et que les compagnies ne craignent rien. Chaque membre rejette le blâme sur son confrère“.

щеніемъ удушья, сердцніебіеемъ, жаромъ, дрожью. Довольно хорошо изучены приступы робости (le trac) у артистовъ. Но вліяніе на застѣнчивость расы и наслѣдственности вызвало лишь разрозненныя и не связанныя между собою наблюденія, которыя слѣдовало бы точнѣе изучить и систематизировать.

Четвертый и пятый случаи, относящіеся къ читающей публикѣ, требуютъ теперь все большаго и большаго вниманія, вслѣдствіе растущаго, благодаря развитію періодической печати, значенія собраній людей на разстояніи, и притомъ на разстояніи все болѣе и болѣе возрастающемъ [1]).

Указанныя методическія дѣленія установлены только по отношенію къ взаимодѣйствію различныхъ чувствительностей (причемъ чувства являются единственнымъ непосредственно передаваемымъ элементомъ); но они приложимы и къ дѣйствію воли и разума одного лица на волю и разумъ другого. Здѣсь скорѣе всего найдетъ себѣ примѣненіе то, что я говорилъ въ другомъ мѣстѣ относительно законовъ, управляющихъ передачей примѣровъ—какъ *примѣровъ идей,* такъ и *примѣровъ дѣйствій,* — относительно логическихъ и внѣ-логическихъ причинъ, опредѣляющихъ выборъ личностью того или другого примѣра для подражанія; наконецъ, относительно тѣхъ удачныхъ соединеній идей, тѣхъ плодотворныхъ комбинацій примѣровъ, которыя, возникая иногда въ умѣ личности, зажигаютъ тамъ свѣточъ изобрѣтенія, становящійся новымъ лучезарнымъ центромъ для подражанія.

Будемъ ли мы говорить о взаимодѣйствіи чувствительности, воли или ума, мы во всякомъ случаѣ должны отмѣтить, какимъ внѣшнимъ или внутреннимъ условіямъ подчиняется внушающее вліяніе одного ума на другой или на другіе. Условія эти бываютъ разнаго рода: физическія, физіологическія, психологическія и соціальныя. Внимательное разсмотрѣніе каждой категоріи вліяній откроетъ намъ рядъ общихъ наблюденій, которыми отнюдь не должна пренебрегать зарождающаяся соціологическая наука. Такъ, напримѣръ, максимумъ геометрическаго разстоянія, совмѣстимаго съ взаимодѣйствіемъ умовъ, поразительно мѣняется въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ; различіе между почти неизмѣннымъ минимумомъ и этимъ максимумомъ растетъ по мѣрѣ того, какъ цивилизація расширяетъ, умножаетъ и разнообразитъ средства духовной передачи — почты, телеграфы, телефоны — и вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ все большую и боль-

---

[1]) См. упомянутую выше книгу: „L'opinion et la foule", которую вѣрнѣе было бы назвать: „Le public et l'opinion".

шую густоту населенія на данной территоріи. Обоими этими взаимно усиливающими другъ друга путями общественный прогрессъ дѣлаетъ взаимодѣйствіе между умами болѣе частымъ, а потребность въ этомъ взаимодѣйствіи—болѣе настоятельной. Однако это еще—одно изъ наименѣе интересныхъ физическихъ условій. Оно относится къ развитію взаимодѣйствія умовъ въ пространствѣ и дополняется параллельнымъ дѣйствіемъ во времени: письмо и печатаніе даютъ возможность умамъ умершихъ поколѣній оплодотворять духъ живыхъ на разстояніи милліоновъ лѣтъ. Въ числѣ физіологическихъ условій преувеличенное значеніе придавалось вліянію расы. Можетъ быть, бóльшаго вниманія со стороны соціолога заслуживаетъ вліяніе возраста. Замѣчательно, что по отношенію къ способности *внушенія* и *подчиненія внушенію*, т. е. способности служить образцомъ и способности поддаваться дѣйствію примѣровъ, средній нормальный человѣкъ описываетъ, въ своемъ развитіи отъ дѣтства къ зрѣлому возрасту, а затѣмъ къ старости, двойную кривую, дважды обратную. Его способность *подчиняться внушенію*, безконечная при рожденіи, падаетъ затѣмъ къ юности, въ то время какъ способность къ *внушенію*, при рожденіи равная нулю, растетъ приблизительно до того же возраста; затѣмъ, онѣ идутъ болѣе или менѣе рука объ руку до порога старости; тогда первая начинаетъ вновь расти и вновь доходитъ до безконечной величины, между тѣмъ какъ вторая уменьшается и мало-по-малу падаетъ до нуля. Это въ сущности—въ высшей степени простой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени общій законъ, на который стоитъ указать, потому что безъ него были бы невозможны ни воспитаніе, т. е. сохраненіе за обществомъ разъ пріобрѣтеннаго, ни порядокъ, ни общественный прогрессъ.

Можемъ ли мы формулировать тѣ психологическія условія, которыя дѣлаютъ личность болѣе способной дѣйствовать внушеніемъ, которыя даютъ ей силу какъ бы очаровывать, магнитизировать другихъ? Можно сказать, въ общей формѣ, что непоколебимая гордость, желѣзная воля, безусловная вѣра въ себя, экзальтированное воображеніе, сильная страсть, служащія одной неизмѣнной идеѣ или цѣли,—создаютъ *магнитизеровъ* толпы. Но это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія. Джемсъ Врайсъ, въ своемъ прекрасномъ трудѣ объ Американской конституціи, посвящаетъ рядъ длинныхъ и интересныхъ главъ такъ-называемымъ *bosses*, всемогущимъ избирательнымъ вожакамъ, вліяющимъ на толпу какой-то особенной, чарующей силой. Этотъ типъ часто встрѣчается и во Франціи. Но его психологія еще не выяснена:

пробѣлъ, который можно будетъ пополнить—хотя съ трудомъ—изучая, съ одной стороны, въ значительномъ числѣ обыденные экземпляры этого типа, а съ другой,—исключительныхъ его представителей, въ родѣ Бисмарка, Цезаря, Наполеона.

Что же касается соціальныхъ условій, благопріятствующихъ или препятствующихъ одностороннему или взаимному вліянію соприкасающихся умовъ, то для полнаго разсмотрѣнія ихъ пришлось бы написать цѣлый соціологическій трактатъ. Я отмѣчу только, что среди условій, благопріятствующихъ установленію такого вліянія или его взаимности, нужно поставить на первомъ планѣ общность языка, а затѣмъ — общность религіи и воспитанія. Это значитъ, что чѣмъ больше среди предковъ данныхъ двухъ личностей имѣло мѣсто взаимодѣйствіе умовъ, чѣмъ больше оно создавало у нихъ общихъ мыслей, пріемовъ дѣйствія, чувствъ,—тѣмъ легче будетъ этимъ двумъ личностямъ, когда онѣ встрѣтятся, передать другъ другу свое душевное состояніе. Все, такимъ образомъ, благопріятствуетъ ассимиляціи личностей, уже входящихъ въ извѣстныя группы. Съ другой стороны, несмотря на многочисленныя сношенія между группами, на международныя сближенія и на развитіе международной общности, тотъ же процессъ ведетъ къ дифференціаціи группъ. Къ счастью, эти группы все расширяются, по мѣрѣ расширенія области существующихъ языковъ, религій, философій, наукъ, методовъ воспитанія. Слѣдуетъ только удивляться тому, что внутри каждой группы умы и характеры не стерлись окончательно и не свелись къ одному уровню. Чѣмъ объяснить это явленіе, какъ не безконечнымъ богатствомъ индивидуальнаго разнообразія, которое бьетъ ключемъ со дна органической жизни, вопреки излюбленному Спенсеромъ предразсудку *основной однородности*?

Итакъ, тождество религіи, воспитанія, а также партіи, къ которой люди принадлежатъ, дѣлаетъ обыкновенно двухъ данныхъ людей болѣе способными поддаваться внушенію другъ друга. Нельзя сказать того же о принадлежности къ одному *классу*. До тѣхъ поръ, пока принципъ общественной іерархіи будетъ незамѣтно руководить даже тѣмъ, кто наиболѣе энергично его отрицаетъ, фактъ принадлежности къ классу, считающемуся высшимъ, будетъ придавать словамъ оратора или вообще собесѣдника, особую авторитетность. Даже ненависть, питаемая къ какому-нибудь классу и служащая доказательствомъ внушаемой имъ зависти, а слѣдовательно, признаваемаго за нимъ превосходства,—даже эта ненависть служитъ къ поддержанію его престижа. При равенствѣ прочихъ условій, личность, принадлежащая къ классу побѣдите-

лей или къ классу, болѣе цивилизованному, обладающая, смотря по эпохѣ, бо́льшими стадами, землями или капиталами, болѣе вліятельная политически, наконецъ,—болѣе извѣстная (при чемъ характеръ этой извѣстности мѣняется соотвѣтственно времени и мѣсту), будетъ обладать большею силою внушенія. Ея примѣру, хорошему или дурному, легче слѣдуютъ; ея вліяніе быстрѣе распространяется. Слава имѣетъ, въ общественномъ отношеніи, такое же огромное значеніе для личности, какъ въ отношеніи психическомъ сознательность для мозгового явленія. Сознаніе не есть простой эпифеноменъ: оно самый характерный и наиболѣе существенный фактъ психической жизни; то же можно сказать и о славѣ. Въ сущности, когда человѣкъ оказываетъ на нашу мысль сильное вліяніе, это происходитъ, благодаря сотрудничеству многихъ другихъ умовъ, черезъ призму которыхъ мы его видимъ, и наслоившіяся мнѣнія которыхъ настойчиво вліяютъ на наше. Мы смутно думаемъ—и тѣмъ съ большей силой, чѣмъ меньше мы знаемъ этого человѣка лично,—объ уваженіи или почтеніи къ нему другихъ людей, о внушаемомъ имъ страхѣ, ненависти или восхищеніи. Отъ его репутаціи,—будетъ ли она ограничена узкимъ кругомъ лицъ, или будетъ распространена въ значительной части націи, — зависитъ его вліяніе на наши идеи и рѣшенія. Когда извѣстность его ограничивается небольшимъ кругомъ людей, лично намъ извѣстныхъ, мы безъ особеннаго труда можемъ избавиться отъ этого подчиненія. Но когда дѣло идетъ о человѣкѣ, имя котораго сдѣлалось общественнымъ достояніемъ, о человѣкѣ знаменитомъ,—неопредѣленная группа высоко цѣнящихъ его лицъ производитъ на насъ впечатлѣніе, такъ сказать, массовое и смутное, а само вліяніе принимаетъ характеръ безличный, пріобрѣтаетъ объективную устойчивость, подчиняющую насъ съ неотразимой силой.—Прибавимъ, что пользоваться славой могутъ не только лица, но и предметы. Славенъ Пароенонъ, былъ славенъ дубъ Додоны, славны Иліада и Божественная Комедія, славна побѣда при Аустерлицѣ, славенъ и Ньютоновъ законъ тяготѣнія. Мы не можемъ думать объ этихъ предметахъ, озаренныхъ сіяніемъ славы, не испытывая на себѣ вліянія сужденій, которыя, какъ намъ извѣстно, высказывались о нихъ множествомъ другихъ людей, умершихъ или живущихъ. Здѣсь проявляется косвенное вліяніе однихъ умовъ на другіе, какъ бы сконцентрированное и сохраняющееся въ матеріальныхъ предметахъ. Очень немногимъ умамъ удается освободиться отъ суевѣрнаго отношенія къ установившимся сужденіямъ; и успѣваютъ они въ этомъ почти всегда при помощи блестящихъ парадоксовъ, т. е. об-

щихъ мѣстъ на-изнанку, и въ большинствѣ случаевъ благодаря вліянію какихъ-нибудь новыхъ предразсудковъ, противоположныхъ прежнимъ.

Изъ всей массы знаменитыхъ предметовъ нужно выдѣлить, по ихъ общественному значенію, знаменитыя мѣста. Можно сказать, что одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ XIX-го вѣка было, съ одной стороны, пониженіе классового престижа вслѣдствіе общаго уменьшенія неравенства между людьми, а съ другой,—необычайное усиленіе престижа мѣстъ, вслѣдствіе удивительнаго роста большихъ городовъ, пользующихся древней или новѣйшей славой, и расширеніе сферы вліянія ихъ на провинціальное и сельское населеніе.

Если бы мое время не было такъ ограничено, мнѣ слѣдовало бы, прежде чѣмъ кончить, сказать нѣсколько словъ о тѣхъ методахъ точнаго измѣренія, которые такъ же необходимы для интеръ-психологіи, какъ и для интра-психологіи. Нѣкоторые изъ нихъ она заимствуетъ у этой послѣдней,—напримѣръ, при изслѣдованіи физіологическаго дѣйствія приступовъ робости; но тѣ же пріемы она могла бы примѣнять и при измѣреніи физическаго возбужденія, вызываемаго лицомъ, которое не внушаетъ робости, а производитъ, наоборотъ, стимулирующее дѣйствіе. Но, сверхъ того, интеръ-психологія обладаетъ еще однимъ важнымъ для нея орудіемъ, съ которымъ, правда, слѣдуетъ обращаться очень осторожно: это—статистика, родъ *соціальной психо-физики*. Здѣсь я могу только упомянуть о ней.

Вотъ краткій, несмотря на размѣры этой лекціи, очеркъ того, чѣмъ должна была бы быть интеръ-психологія, если бы ею занималась группа солидарныхъ работниковъ, ясно отдающихъ себѣ отчетъ въ ея предметѣ. И, мнѣ кажется, можно съ увѣренностью сказать, что если бы ее изучали по этой программѣ, она оказала бы существеннѣйшую помощь развитію всѣхъ общественныхъ наукъ, начиная отъ лингвистики и сравнительнаго изученія религій, продолжая политической экономіей и кончая эстетикой.

— — — —

Къ оцѣнкѣ основныхъ предпосылокъ соціологической теоріи Карла Маркса.

Евгенія де-Роберти.

I.

Вникая въ ближайшія причины, положившія начало разработкѣ соціологіи въ такъ называемомъ матеріалистическомъ направленіи, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи: 1) причины общаго и необходимаго характера—и 2) причины частныя, болѣе случайныя.

Къ разряду первыхъ слѣдуетъ отнести слѣдующія три благопріятныя условія:

1) Высокая степень развитія, достигнутая *экономическими отношеніями* за послѣднее столѣтіе, и значеніе, которое они пріобрѣли во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Расцвѣтъ этотъ совпалъ съ замѣтнымъ упадкомъ такихъ господствовавшихъ прежде факторовъ эволюціи, какъ *религія и метафизическія ученія*, а также съ крайней спеціализаціей научныхъ изслѣдованій. Не будучи *объединены* соотвѣтствующей философіей, отдѣльныя науки не могли открыто притязать на роль верховныхъ руководительницъ общественнаго прогресса; онѣ вліяли и дѣйствовали только, такъ сказать, за кулисами исторіи.

2) Глубокія, хотя на первый, поверхностный взглядъ и незамѣтныя перемѣны, происшедшія въ основныхъ *нравственныхъ* началахъ, въ этическихъ обобщеніяхъ *отъ* новыхъ, установившихся между людьми отношеній, смутно выразившихся, напримѣръ въ извѣстной 3-членной формулѣ французской революціи: *свобода, равенство, братство*. Этическій прогрессъ рѣзко сказался въ паденіи прежнихъ, христіанскихъ, аскетическихъ идеаловъ бѣдности, воздержанія, лишеній всякаго рода и въ замѣнѣ ихъ противоположными идеалами матеріальнаго довольства, земного блаженства и счастія.

3) Быстрые успѣхи какъ наукъ о явленіяхъ міра неорганическаго и органическаго, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ экономи-

ческою дѣятельностью человѣка, такъ и *техники*, основанной на этихъ отрасляхъ знанія. Ускоренный и могучій ростъ этотъ выгодно контрастировалъ, въ теченіе всего XIX столѣтія, съ отсталостью наукъ о явленіяхъ сверхорганическаго міра,—самой соціологіи и производной отъ нея психологіи. Такое положеніе вещей, въ силу общаго закона соотношенія между развитіемъ спеціальныхъ наукъ и эволюціей философіи, не могло не отразиться и на господствовавшихъ міровоззрѣніяхъ.

Дѣйствительно, свое внутреннее обоснованіе современная философія, какъ въ позитивизмѣ, такъ въ эволюціонизмѣ и неокритицизмѣ и даже въ ученіяхъ лѣваго крыла гегеліанства (не забудемъ, что изъ него вышли Герценъ, Бакунинъ, Прудонъ и др.), получила отъ *ряда* болѣе совершенныхъ, т. н. *естественныхъ наукъ* Въ новѣйшихъ философскихъ системахъ, имѣвшихъ вліяніе на массу умовъ, ясно чувствуется *матеріалистическая или сенсуалистическая односторонность* (соотвѣтствующая господству наукъ физико-химическихъ и біологическихъ). *Идеализмъ*, въ строгомъ смыслѣ слова, пользовался успѣхомъ лишь въ небольшихъ кружкахъ; и успѣхъ его былъ преходящій, непрочный. Вообще, за исключеніемъ первой трети столѣтія, да и то только въ Германіи, идеализмъ въ XIX вѣкѣ былъ не глубокъ; онъ легко вырождался въ спиритуализмъ, въ мистицизмъ и игралъ роль—хотя бы, напримѣръ, въ Россіи—временной реакціи противъ крайнихъ увлеченій противоположными взглядами.

Если же принять во вниманіе, что на общій характеръ практической дѣятельности человѣка непосредственно вліяетъ не спеціальное знаніе, а выразительница его, философія, то нельзя удивляться тому, что дѣятельность эта расположила умы къ воспріятію и усвоенію соціологическихъ теорій преимущественно матеріалистическаго и сенсуалистическаго характера. Тѣми же вліяніями объясняются и первоначальное смѣшеніе соціологіи съ политической экономіей (которая, кстати сказать, дала марксизму чуть ли не двѣ трети его содержанія), и относительный успѣхъ біологической, антропогеографической и, въ особенности, этнологической школъ въ соціологіи. Ученіе Маркса явилось *логическимъ заключеніемъ* всего предъидущаго развитія, выводомъ изъ совокупности распространенныхъ въ его время научныхъ истинъ и заблужденій. Такимъ образомъ, вопросъ о внутренней цѣнности экономическаго матеріализма неизбѣжно превращается въ вопросъ о цѣнности его теоретическихъ, философскихъ и соціологическихъ предпосылокъ.

Частныя и уже болѣе случайныя причины, обусловившія сильный и быстрый ростъ экономическаго матеріализма, весьма

многочисленны. Но въ виду меньшей важности ихъ, я на нихъ останавливаться не буду. Скажу только, что сюда относятся, напримѣръ, взгляды учителя О. Конта, Сенъ-Симона, и самого Конта на первенство или преобладаніе практической дѣятельности (industrie въ широкомъ смыслѣ слова) надъ спекулятивной, взгляды, въ сущности, мало чѣмъ отличавшіеся отъ современнаго имъ основного ученія Канта о приматѣ практическаго разума надъ теоретическимъ или отъ мнѣнія Гете, высказаннаго имъ въ первой части Фауста (вначалѣ было дѣло, а не слово и не мысль), или отъ позднѣйшихъ взглядовъ Фейербаха, возстававшаго противъ всякой идеологіи на столь же банальномъ, сколь и шаткомъ основаніи, что не идеи создаютъ человѣка, а человѣкъ создаетъ идеи, или отъ теоріи Дюбуа-Реймона, изложенной имъ въ брошюрѣ *Kulturgeschichte und Naturwissenschaft*, будто главнымъ двигателемъ исторіи является *техническій прогрессъ*, и т. п. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ *С. Симонъ*, у котораго въ самомъ началѣ XIX столѣтія мы находимъ, какъ бы въ зародышѣ, главные пункты позднѣйшей программы марксизма. Напомнимъ еще разъ объ этой исходной точкѣ. Центръ тяжести исторіи нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій (въ особенности во Франціи и въ Англіи, странахъ, которыя служили канвой и для историческихъ построеній Маркса) С. Симонъ видитъ исключительно въ образованіи новыхъ *общественныхъ классовъ* и въ ожесточенной борьбѣ ихъ со старыми, главнымъ образомъ, на почвѣ чисто экономическихъ отношеній. Уже начиная съ XI вѣка, говоритъ онъ, медленно, но неудержимо развиваются въ Европѣ двѣ новыя силы: — *capacités industrielles* и *capacités scientifiques*,—стремящіяся прежде всего къ побѣдѣ надъ внѣшнею природою и сосредоточивающіяся въ рукахъ не тогдашняго высшаго политическаго класса, а средняго, городского населенія. У С. Симона же, который, впрочемъ, могъ заимствовать эту мысль у А. Смита и вообще у физіократовъ и экономистовъ XVIII вѣка, встрѣчается, въ зачаточномъ видѣ, и знаменитая теорія *Mehrwerth*'а Маркса, сводящая доходъ, приносимый капиталомъ его владѣльцу, къ неоплаченному послѣднимъ труду рабочаго. С. Симонъ именно утверждаетъ, что люди добиваются *власти* не столько для власти и связаннаго съ ея проявленіемъ наслажденія, сколько изъ лѣни и неспособности, изъ желанія заставить другихъ *работать даромъ на себя*; словомъ, онъ ужъ высказываетъ почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ извѣстный афоризмъ Маркса: *власть есть ничто иное, какъ экономическая сила*. Очень вѣроятно, что между Марксомъ и С. Симономъ связующимъ звеномъ былъ за-

бытый теперь ученикъ С. Симона, умершій двумя годами раньше Маркса,—*Луи Бланъ* († 1881), который также всю современную исторію строитъ на экономическомъ факторѣ и на борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей.

II.

Умъ созерцательный, систематическій, воспитанный на идеяхъ Гегеля, діалектическимъ методомъ котораго онъ владѣлъ въ совершенствѣ, Карлъ Марксъ († 1883 г.) вмѣстѣ съ другомъ своимъ Энгельсомъ переработалъ собранный предшественниками матеріалъ и нѣкоторыя выставленныя до него гипотезы въ стройную, увлекательную историко-экономическую теорію, и даже болѣе,—въ цѣлую общественную философію, носящую его имя и имѣвшую огромное вліяніе на развитіе современнаго соціализма.

Я не буду долго занимать ваше вниманіе голыми библіографическими данными. Напомню только, что въ первой, самой ранней работѣ своей, въ появившейся въ 40-хъ годахъ, *Критикѣ философіи права Гегеля* (переведенной на французскій языкъ лишь въ 1895 г.), Марксъ еще вѣритъ въ чудодѣйственную силу чистой идеи, которая одна, говоритъ онъ, въ состояніи „превратить нѣмца въ человѣка". Къ тому же времени (1845 г.) относится и извѣстный памфлетъ его, направленный противъ Бруно Бауэра, *Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik*. Затѣмъ слѣдуетъ, въ 1847 г., отвѣтъ на одно изъ лучшихъ сочиненій Прудона: *Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère*. Отвѣтъ этотъ написанъ по французски и носитъ заглавіе: *La misère de la philosophie* (въ нѣмецкомъ переводѣ: *Das Elend der Philosophie*). Два года спустя, въ 1849 г., появляется составленный, вмѣстѣ съ Энгельсомъ, знаменитый *Коммунистическій манифестъ*, а въ 1859 г. сочиненіе: *Zur Kritik der politischen Oekonomie* (въ которомъ, для характеристики ученія Маркса, особенно интересно предисловіе) и наконецъ, — два тома всемірно извѣстнаго *Капитала*.

Стремясь устранить изъ общественныхъ наукъ всякій дуализмъ, Марксъ безъ малѣйшаго колебанія подчиняетъ „идеологическій" факторъ „экономическому". Идеологію онъ выводитъ изъ экономики, а въ области послѣдней рѣшительно выдвигаетъ впередъ, какъ образовательное, созидающее начало, *техническую* сторону производительнаго процесса (согласно съ извѣстнымъ опредѣленіемъ человѣка Франклиномъ: a tool-making animal). Образованіе и борьбу общественныхъ классовъ Марксъ ставитъ

въ прямую зависимость отъ техническихъ условій производства. Онъ устанавливаетъ, сверхъ того, историческую *необходимость*— и преходимость—капиталистической формы производства, которую изучаетъ глубоко и всесторонне. Изъ чисто-экономическихъ ученій его наиболѣе замѣчательна упомянутая уже нами теорія Mehrwerth'а (прибавочной цѣнности), которую можно свести къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: 1) *Мѣриломъ* мѣновой цѣнности продуктовъ труда является, потраченное на изготовленіе ихъ *общественно-необходимое время* (т. е. среднее количество времени, въ данной отрасли производства, при нормальныхъ условіяхъ); 2) *мѣновая цѣнность труда* измѣряется, такимъ же точно образомъ, по крайней мѣрѣ, въ капиталистическомъ общественномъ строѣ, *среднимъ рабочимъ временемъ,* потребнымъ для производства измѣнчиваго минимума средствъ существованія рабочаго и той части семьи его, которая безусловно необходима для возобновленія запаса рабочей силы въ странѣ; 3) только *часть* рабочаго времени при капиталистической эксплуатаціи труда предназначается на производство цѣнности заработной платы; другая же доля создаетъ прибавочную цѣнность, Mehrwerth, идущую какъ на покрытіе предпринимательскихъ расходовъ (заготовка орудій, матеріала и т. п.), такъ и прямо въ пользу капиталиста, въ видѣ чистой прибыли.

Отмѣтимъ вкратцѣ еще слѣдующіе руководящіе тезисы Маркса: 1) одной изъ наиболѣе дѣятельныхъ причинъ соціальнаго прогресса является противоположность экономическихъ интересовъ и происходящая отсюда *борьба* общественныхъ классовъ; 2) всякое *законодательство* (государственное, уголовное, гражданское) только провозглашаетъ, регистрируетъ, *протоколируетъ* тѣ или другія послѣдствія чисто экономическихъ условій; 3) *общественный бытъ,* взаимныя отношенія людей зависятъ отъ *формъ производительнаго процесса;* 4) экономическія эпохи отличаются другъ отъ друга не тѣмъ, *что* онѣ производятъ, а тѣмъ, *какъ* онѣ производятъ,—своей *техникой,* своими орудіями производства; 5) вслѣдствіе техническаго прогресса, формы производства совершенствуются, а вмѣстѣ съ ними мѣняются — иногда путемъ насильственныхъ переворотовъ—и формы общественнаго быта [1]).

[1]) Въ извѣстной полемикѣ своей съ Дюрингомъ, Энгельсъ характеризовалъ ученіе своего друга, Маркса, какъ „матеріалистическое пониманіе исторіи". Впослѣдствіи, въ употребленіе вошли названія: экономическій или историческій матеріализмъ, экономическій или матеріалистическій детерминизмъ и т. п.,—не отличающіяся, вообще говоря, большою точностью, такъ

Маркса и его послѣдователей часто упрекаютъ въ узкой односторонности. Имъ ставятъ на видъ, что экономическіе факты, выдаваемые ими за единственную причину всѣхъ общественныхъ явленій, составляютъ лишь одно изъ многихъ условій этихъ явленій. Но это обычное возраженіе правильно только отчасти. Ибо въ теоріи Маркса, какъ и во многихъ аналогичныхъ построеніяхъ, рѣчь идетъ о наиболѣе общемъ условіи, при наличности котораго возникаютъ общественныя явленія, совершенно независимо отъ вопроса о необходимости, въ каждомъ конкретномъ случаѣ, *сочетанія* этого условія съ другими для образованія той совокупности или суммы факторовъ, которая одна, по мнѣнію Милля, можетъ считаться *причиною* обширнаго класса явленій. Винить Маркса, въ особенности въ нынѣшнемъ фазисѣ развитія соціологіи, за употребленный (не имъ однимъ) *изолирующій или аналитическій пріемъ* изслѣдованія — ни въ какомъ случаѣ нельзя. Но за то ему и его школѣ можно сдѣлать другое общее возраженіе.

Марксъ въ основу своего ученія ставитъ слѣдующій пятичленный рядъ соціальныхъ фактовъ, придавая ему генетическій смыслъ въ общей схемѣ историческаго развитія человѣчества: 1) данное состояніе техники; 2) соотвѣтствующіе этому состоянію формы или процессы производства; 3) соотвѣтствующія этимъ процессамъ имущественныя и вообще правовыя отношенія; 4) соотвѣтствующая этимъ отношеніямъ политическая надстройка (Ueberbau) и, наконецъ, 5) соотвѣтствующее всей совокупности перечисленныхъ выше условій и зависящее отъ нихъ идеологическое содержаніе, тѣ или другіе виды и формы сознанія религіознаго, эстетическаго, научнаго и философскаго. При этомъ измѣненія въ предшествующихъ членахъ даннаго соціологическаго ряда сопровождаются, естественно, измѣненіями и во всѣхъ послѣдующихъ его членахъ, которые сами, однако, только слабо реагируютъ въ обратную сторону на вызвавшія ихъ условія или причины.

Упомянутый сейчасъ рядъ Марксъ и его ученики принимаютъ за строго причинную послѣдовательность.

Позднѣе мы увидимъ, что рядъ этотъ—не плодъ воображенія кабинетнаго ученаго, что онъ реаленъ, что онъ играетъ огромную роль въ каждомъ человѣческомъ обществѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдимся, что онъ ведетъ насъ не отъ причины къ слѣдствію, въ обычномъ значеніи этихъ терминовъ, а отъ слѣд-

---

какъ ихъ можно одинаково приложить и къ органической соціологіи Спенсера, и къ взглядамъ Дюркгейма, Коста, Паттена, Ковалевскаго и другихъ.

ствія, разсматриваемаго какъ цѣль, къ причинѣ, разсматриваемой какъ средство.

Теперь же я ограничусь слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. Предложенный Марксомъ *соціологическій рядъ* начинается тѣмъ, что́ всѣ согласно называютъ и что́ на самомъ дѣлѣ есть *дѣйствіе, практика*; а кончается онъ тѣмъ, что́ всѣ называютъ и что́ на самомъ дѣлѣ есть *мысль*, созерцаніе, *теорія*. Но противопоставляя практику теоріи, умъ человѣка почти всегда становится жертвой невольной иллюзіи. Забывая про основное тождество причины и слѣдствія, мы склонны приписывать послѣднему свойства, глубоко дифференцирующія его отъ причины. Въ каузальной цѣпи слѣдствія всегда совпадаютъ съ преслѣдуемыми нами цѣлями, которымъ мы придаемъ особенное значеніе, которыя господствуютъ въ нашемъ представленіи надъ средствами, ведущими къ ихъ осуществленію. Первыя являются чѣмъ-то дѣятельнымъ, вторыя—сравнительно пассивнымъ; и чѣмъ дальше извѣстный фактъ (въ данномъ случаѣ теоретическая мысль) стоитъ отъ такъ-называемаго „дѣйствія", тѣмъ болѣе онъ кажется намъ лишь простымъ отраженіемъ или отзвукомъ послѣдняго.

Ближайшимъ источникомъ всякой дѣятельности является *воля*, направленная къ достиженію тѣхъ или другихъ цѣлей. Когда цѣли эти имѣютъ „хозяйственный" характеръ, воля человѣка вступаетъ въ тѣсный союзъ съ идейной системой, называемой *технологіей*. Но сама воля не есть-ли необходимый продуктъ представленія, понятія, идеи? Вопросъ этотъ рѣшается не абстрактной біологіей, и не абстрактной соціологіей, а конкретной наукой, основывающей свои выводы на конечныхъ результатахъ, добытыхъ двумя названными отраслями отвлеченнаго знанія. Воля и представленіе сводятся не къ органическимъ процессамъ только и не къ одной общественности, а одновременно къ обоимъ факторамъ. Отсюда слѣдуетъ, что поставленный выше вопросъ не имѣетъ, для обоснованія соціологіи, той первостепенной важности, какую одинаково придаютъ ему обѣ фракціи—идеологическая и матеріалистическая — царящаго нынѣ въ общественныхъ наукахъ направленія. Вопросъ этотъ не раздѣляетъ, а скорѣе сближаетъ обѣ школы, загоняя ихъ въ одинъ и тотъ же глухой заулокъ чисто словеснаго, тавтологическаго объясненія общественныхъ фактовъ.

III.

Въ 1900 г., во время всемірной выставки, въ числѣ множества другихъ, открылся въ Парижѣ и конгрессъ соціологовъ, созванный по иниціативѣ Международнаго Института Соціологіи. Главнымъ, если не исключительнымъ, предметомъ занятій съѣхавшихся на это собраніе со всего свѣта ученыхъ было *критическое обсужденіе основныхъ тезисовъ такъ наз. историческаго или экономическаго матеріализма*. Плодомъ работъ соціологическаго конгресса явился томъ VIII Лѣтописей Международнаго Института Соціологіи (Annales de l' Institut international de sociologie), отпечатанный лишь въ Іюнѣ 1902 г.

Трудъ этотъ весьма интересенъ и поучителенъ. Онъ можетъ занять не послѣднее мѣсто въ богатой литературѣ марксизма.

Въ этомъ объемистомъ томѣ in-8 высказали свои мотивированныя сужденія о марксизмѣ болѣе двадцати соціологовъ, между которыми встрѣчаются имена Альфреда Фулье, Габріэля Тарда, Лоріа, Гроппали, Де-Греефа, Максима Ковалевскаго, Коста, Лестеръ Уарда и др.

Тремя годами раньше, въ 1897 году, на состоявшемся по иниціативѣ того же Института соціологическомъ конгрессѣ, аналогичной разработкѣ былъ подвергнутъ другой капитальный вопросъ современной соціальной науки:—именно, вопросъ объ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ органической или біологической теоріи человѣческихъ обществъ (труды конгресса 1897 г. помѣщены въ IV т. Лѣтописей Института).

Любопытно сопоставить результаты, достигнутые обсужденіемъ на двухъ международныхъ съѣздахъ ученыхъ спеціалистовъ основныхъ исходныхъ точекъ такихъ, если не діаметрально противоположныхъ, то во всякомъ случаѣ сильно расходящихся теченій или школъ въ соціологіи, какими представляются органическая теорія, съ одной стороны, и историческій экономизмъ—съ другой. Разница съ перваго же взгляда оказывается поразительною; а именно: органическая теорія, несмотря на явную поддержку членами бюро, состоявшаго сплошь изъ приверженцевъ ея, потерпѣла на конгрессѣ полное, почти позорное пораженіе. Наоборотъ, историческій матеріализмъ, противъ котораго рѣзко высказалось бюро и, пожалуй, даже большинство членовъ Института, вышелъ изъ дебатовъ не только цѣлымъ и невредимымъ, но, быть можетъ, даже нѣсколько окрѣпшимъ, такъ

какъ въ пользу его здѣсь впервые были высказаны доводы и аргументы, до сихъ поръ ускользавшіе отъ вниманія собственныхъ его сторонниковъ. Такова, видно, сила истины, и такова во всякомъ случаѣ польза свободнаго, публичнаго, всесторонняго спора и обмѣна мыслей.

Конечно, задача полнаго ознакомленія васъ съ содержаніемъ лежащаго передо мной сборника трудовъ соціологическаго конгресса 1900 г. совершенно невыполнима въ предѣлахъ времени, которымъ мы располагаемъ. Но такъ какъ и мнѣ пришлось принять дѣятельное участіе въ дебатахъ конгресса, и даже представить ему докладъ по занимающему насъ вопросу, то вы, можетъ быть, не посѣтуете на меня, если я попытаюсь передать здѣсь въ немногихъ словахъ сущность этого доклада. Но прежде, однако, позвольте мнѣ вкратцѣ и, такъ сказать, эпизодически отмѣтить нѣсколько доводовъ—pro и contra,—которые были высказаны въ этомъ любопытномъ спорѣ нѣкоторыми другими членами конгресса.

Особенно рѣзко выступилъ противъ экономическаго матеріализма *Габріэль Тардъ*. Онъ заявилъ, что удивляется необыкновенному успѣху грубыхъ софизмовъ, изъ которыхъ соткана эта упрощенная теорія (doctrine simpliste). Истиннымъ родоначальникомъ марксизма была, по его мнѣнію, правовѣрная политическая экономія, вообразившая, что экономическіе законы—основные законы общественной жизни, и что политической экономіей исчерпывается вся соціальная наука. *Утилитаризмъ*, въ широкомъ смыслѣ слова, обнимающій не только матеріальные, но и нравственные, правовые, политическіе интересы, не въ состояніи, говорилъ Тардъ, объяснить безъ остатка ни одного соціальнаго явленія, ни *табу* дикаря, ни религіозныхъ обрядовъ и учрежденій, ни власти кейзера или царя; а исключительно экономическій утилитаризмъ и подавно не способенъ на это. Но къ узкому утилитаризму марксисты присоединили и другой элементъ, окончательно портящій всю теорію, низводящій ее на степень очевиднаго и непростительнаго заблужденія, именно: въ свое общественное міросозерцаніе они внесли *пессимизмъ*. Подъ прямымъ вліяніемъ ложно понятаго Дарвина, они выводятъ весь общественный и нравственный строй человѣчества изъ пессимистическихъ принциповъ борьбы и ненависти, вмѣсто того, чтобы выводить его изъ оптимистическихъ началъ сотрудничества (коопераціи) и любви. Между тѣмъ, патетически восклицаетъ Тардъ, и въ природѣ, и въ исторіи только любовь велика и производительна, она одна приноситъ плоды, даетъ результаты! Ставить прогрессъ научный въ

исключительную зависимость отъ прогресса экономическаго, въ глазахъ Тарда, — явный абсурдъ. Научныя идеи, говоритъ онъ, управляютъ исторіей (sont le chorège de l'histoire) вмѣстѣ, впрочемъ, съ религіозными вѣрованіями, откуда, по его мнѣнію, онѣ проистекаютъ, вѣчно враждуя съ религіей, подобно тому какъ разумъ беретъ начало въ воображеніи, съ которымъ онъ находится въ столь же постоянномъ антагонизмѣ.

Не менѣе отрицательно относится къ марксизму и другой французскій философъ и соціологъ, *Фулье*. Признавая за чисто экономическими явленіями лишь значеніе infrastructure inconsciente des sociétés humaines, онъ утверждаетъ, что въ соціальномъ мірѣ базисъ—мозговой, а не желудочный или кишечный. Онъ доходитъ даже до обвиненія марксистовъ въ томъ, что рядомъ софизмовъ они человѣческую формулу: ѣсть, чтобы жить,—обратили въ животную формулу: жить, чтобы ѣсть.

По мнѣнію третьяго, французскаго же соціолога, *Коста* экономическая, религіозно-философская и политическая эволюціи нераздѣлимы въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, а потому споръ о томъ, какая изъ нихъ *основная* и какія *производныя*, похожъ на споръ о томъ, что такое человѣкъ: кишечный мѣшокъ, мускульный аппаратъ или нервномозговой. Въ концѣ концовъ, Костъ приходитъ къ выводу, что такъ какъ „экономизмъ“ не преобладалъ въ прошедшемъ человѣчества, и такъ какъ онъ не можетъ преобладать въ будущемъ, когда равномѣрно распредѣленное богатство позволитъ широко развиться идеологическимъ стремленіямъ,—то ядро теоріи Маркса является лишь обобщеніемъ существующаго нынѣ порядка вещей.

Почти такого же взгляда держится и американецъ *Лейстеръ Уардъ*. Ни въ природѣ, утверждаетъ онъ, ни у первобытныхъ людей не можетъ быть рѣчи о какой бы то ни было *экономикѣ*, всегда предполагающей сравнительно высокую степень умственнаго развитія. Хозяйство есть продуктъ идейной эволюціи, а не источникъ ея.

Изъ итальянскихъ членовъ Института и конгресса, *Лоріа*, самъ убѣжденный сторонникъ историческаго матеріализма (или первенства, примата экономическаго фактора въ исторіи человѣчества), находитъ, однако, что эта новая и столь важная истина осталась у Маркса и Энгельса логически недоказанною, раціонально необоснованною. Но то, что Лоріа въ докладѣ конгрессу выдаетъ за попытку подобнаго объясненія, не представляетъ рѣшительно ничего новаго. Дѣйствительно, что экономическій фактъ есть фактъ исключительно человѣческій или, вѣрнѣе,

общественный, что онъ по внутреннему строенію своему проще всѣхъ другихъ соціальныхъ фактовъ, что въ немъ можно видѣть первообразъ и начало всѣхъ *соединительныхъ*, связывающихъ людей учрежденій (*institutions connectives*), какъ-то: нравственности, религіи, права, политики и т. д.,—все это много разъ утверждалось до Лоріа всѣми послѣдовательными марксистами.

Гораздо большій интересъ и значеніе имѣютъ соображенія, высказанныя въ запискѣ, присланной бельгійскимъ соціологомъ *Де-Греефомъ* (который былъ выбранъ въ предсѣдатели конгресса, но по болѣзни не могъ исполнять этой обязанности).

Де-Греефъ усматриваетъ во многихъ основныхъ положеніяхъ марксизма лишь воскрешеніе, реставрацію, — пріуроченную къ потребностямъ и стремленіямъ нашей эпохи,—ряда мнѣній и взглядовъ, которые были ходячими въ XVIII вѣкѣ и въ первой четверти XIX. Теоріи эти потомъ забылись, вышли изъ обращенія, подъ вліяніемъ экономистовъ второй формаціи, преемниковъ Мальтуса и Рикардо, слишкомъ ужъ увлекшихся своими отвлеченными построеніями и создавшихъ фантастическую политическую экономію, въ которой временныя и преходящія явленія сплошь и рядомъ возводились на степень неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ общественною жизнью. Напомнивъ, что самъ Марксъ не прочь былъ отнести первый зародышъ экономическаго матеріализма къ извѣстной баснѣ Мандевилля о пчелахъ (1766 г.), Де-Греефъ находитъ не только у Родбертуса и Рикардо, но и у Смита, у физіократовъ и вообще у экономистовъ XVIII вѣка оба исходные тезиса марксизма: теорію цѣнности труда и Mehrwerth'а продуктовъ, и ученіе о постоянной измѣняемости, въ теченіе времени, основныхъ формъ и условій производства.

Марксъ, какъ извѣстно, дѣлитъ исторію на три періода: древній, феодальный и буржуазный, при чемъ послѣдній подраздѣляется имъ еще на фазисъ *мелкой промышленности*, союза капитала съ трудомъ, и на фазисъ *капиталистическій* или разрыва и борьбы между трудомъ и капиталомъ. За буржуазнымъ наступитъ четвертый періодъ, который будетъ логическимъ выводомъ изъ третьяго и всѣхъ предшествовавшихъ и который *завершитъ* собою экономическую исторію человѣчества.

Признавая законъ исторической преемственности, выставленный уже Лейбницемъ, Де-Греефъ предостерегаетъ противъ смѣшенія историческаго детерминизма съ историческимъ предопредѣленіемъ, ошибка, въ которую, по его мнѣнію, впадаютъ Марксъ и его школа, заранѣе устанавливая самое содержаніе будущаго крупнаго фазиса въ экономической жизни человѣчества.

Далѣе, Де-Греефъ находитъ, что Марксъ—монистъ только по имени. Въ сущности, рѣзко противополагая силу — матеріи и идею—факту, онъ является безсознательнымъ дуалистомъ. Онъ не видитъ, что въ дѣйствительности нѣтъ соціальныхъ явленій чисто матеріальныхъ или чисто идеологическихъ. И въ то время, какъ у Гегеля, напр., идея развивается въ фактъ, у Маркса фактъ развивается въ идею, которую фактъ порождаетъ въ сознаніи. Другими словами, у Маркса фактъ самопроизвольно становится разумнымъ. Фактъ у него—нѣчто напоминающее античный фатумъ.

Де-Греефъ считаетъ еще глубоко ненаучными два слѣдующія положенія Маркса: 1) что нѣтъ *общихъ и отвлеченныхъ соціальныхъ* законовъ, а существуютъ только законы *историческіе* (что̀, говоритъ Де-Греефъ, равносильно отрицанію научнаго характера соціологіи и что̀ опровергается примѣромъ самого Маркса, выставившаго, по меньшей мѣрѣ, два-три такихъ общихъ и отвлеченныхъ закона)—и 2) что по мѣрѣ *соціализаціи орудій производства,* въ 4-омъ, заключительномъ періодѣ исторіи, человѣкъ становится полнымъ властелиномъ своей судьбы и совершаетъ, будто-бы, по выраженію Маркса, повторенному и Энгельсомъ въ его „Анти-Дюрингѣ“, *прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы!* Опасный прыжокъ, salto mortale, замѣчаетъ Де-Греефъ, прыжокъ, доказывающій, что экономическій матеріализмъ такъ же хорошо уживается съ детерминизмомъ, какъ и съ *liberum arbitrium.* Де-Греефъ различаетъ въ марксизмѣ три школы: *центръ* или правовѣрный марксизмъ, число приверженцевъ котораго все уменьшается, и *два крыла: правое,* представителями котораго, въ его глазахъ, являются Баксъ, Бернштейнъ, Жоресъ, Мазарикъ, Крузинскій (сюда же причисленъ и проф. Карѣевъ?), одинаково склонные признать существованіе нѣкоторой *соціальной идеологіи, предшествующей* развитію экономической жизни, — и *лѣвое крыло,* представителями котораго являются, напримѣръ, Каутскій и Плехановъ, не только ушедшіе въ противоположную крайность, но и находящіе, что съ теченіемъ времени, съ прогрессомъ цивилизаціи, значеніе—можно почти сказать *гнетъ* — экономическихъ условій будетъ все расти и усиливаться.

Въ заключеніе, знаменитый бельгійскій соціологъ формулируетъ такой выводъ: несмотря на многія достоинства, экономическій матеріализмъ является все-таки метафизическою, а не положительною или научною теоріей общества.

IV.

Теперь я перейду къ краткому изложенію моего личнаго взгляда на ученіе Маркса.

Въ моихъ глазахъ, экономическій матеріализмъ есть вполнѣ научная соціологическая доктрина. Даже боевой соціализмъ сознаетъ въ наши дни, что коренныя преобразованія общественнаго строя не могутъ противорѣчить указаніямъ точнаго знанія, чистой теоріи. Соціалистовъ часто обвиняютъ въ томъ, что они заботятся, главнымъ образомъ, объ интересахъ желудка и цѣною такого низменнаго идеала стараются привлечь сочувствіе темныхъ массъ, всегда, будто бы, „готовыхъ за кусокъ хлѣба продать свободу". Но правды въ этихъ нареканіяхъ очень мало.

Никто такъ настойчиво и горячо, какъ теоретики соціализма, не приглашалъ народныя массы двинуться сомкнутыми рядами для завоеванія истинной свободы, т. е. научнаго свѣта, равномѣрно и широкой струей разлитаго во всѣхъ слояхъ общества. И если справедливо, что борьба классовъ, сословій, народовъ и расъ наполняетъ исторію, то развѣ усилія соціализма не направлены къ тому, чтобы ослабить, или даже вовсе уничтожить главную причину этой для всѣхъ одинаково тяжелой междуусобицы: огромное разстояніе, чтобы не сказать пропасть, отдѣляющую въ общественныхъ союзахъ, вышедшихъ изъ первобытной дикости, знанія и вѣрованія народныхъ массъ отъ науки и философіи правящихъ классовъ, избраннаго меньшинства? Своей безпощадной критикой вопіющихъ „научныхъ" заблужденій старой общественной экономіи, находящихъ себѣ опору въ не менѣе очевидныхъ ошибкахъ наукъ юридическихъ и въ аберраціяхъ текущей эмпирической нравственности, соціализмъ стремится оздоровить общественный организмъ, очистить его отъ загрязняющихъ и ослабляющихъ его чужеядныхъ элементовъ, отъ вѣкового наслоенія нелѣпыхъ нравственныхъ и правовыхъ предразсудковъ. Вотъ почему будущее соціализма тѣсно связано съ будущимъ соціологіи. Соціализмъ не можетъ порвать этой связи, не осуждая себя на гибель, не рискуя тѣмъ, что его измѣна наукѣ вызоветъ другое движеніе, болѣе логическое, болѣе согласное съ фактами и данными опыта, а потому и болѣе сильное.

Все это отчасти видно уже и на судьбѣ, постигшей теорію Маркса и его новѣйшихъ послѣдователей. Историческій матеріа-

лизмъ усвоилъ себѣ многія біологическія и соціологическія истины, открытыя и установленныя цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ ученыхъ и глубокихъ мыслителей: С. Симономъ, Контомъ, Гегелемъ, Дарвиномъ, Геккелемъ, Фейербахомъ, Спенсеромъ и т. д.; но онъ неизбѣжно долженъ былъ воспринять и нѣкоторые распространенные въ наше время научные же предразсудки и методологическія ошибки.

Объ одномъ такомъ заблужденіи я уже неоднократно, и по другимъ поводамъ, имѣлъ случай говорить. Это—столь обыкновенное у современныхъ соціологовъ всѣхъ школъ и направленій смѣшеніе точки зрѣнія *цѣлесообразности* съ точкой зрѣнія *причинности*.. Отъ этой ошибки не уберегся и историческій матеріализмъ. Онъ въ своихъ построеніяхъ даже придалъ ей особый вѣсъ и значеніе.

Во главѣ, въ самомъ началѣ причиннаго ряда онъ поставилъ наши *потребности,* органическія и общественныя, т. е., переводя слово „потребность" на психологическій языкъ, наклонности, стремленія, желанія человѣка. Но наклонности, стремленія, желанія, будь они *органическаго* или *психосоціальнаго* происхожденія,—являются всегда сами *послѣдствіями,* результатами причинъ, имѣющихъ, въ свою очередь, біологическій или соціальный характеръ.

Оставимъ въ сторонѣ біологическія потребности или стремленія. Здѣсь давно признано, что если *функція* и создаетъ *органъ,* ее обслуживающій, то сама она обусловливается и вызывается длиннымъ рядомъ болѣе простыхъ фактовъ и отношеній. Остановимъ на минуту наше вниманіе на потребностяхъ или желаніяхъ и наклонностяхъ общественнаго порядка и на ихъ соціальномъ генезисѣ.

Въ этой области, по-скольку она сливается съ формирующей ее или формируемой ею психикою человѣка (въ зависимости отъ двухъ основныхъ гипотезъ, раздѣляющихъ соціологовъ на два противоположныхъ лагеря), потребность, выражающаяся въ соотвѣтственномъ желаніи или стремленіи, никогда не предшествуетъ *различенію,* самому простому виду или корню всякаго познанія, а неизмѣнно слѣдуетъ за нимъ, составляетъ его естественный плодъ. Такъ, напр., потребность или желаніе одѣться или укрыться на время въ какомъ либо обиталищѣ слѣдуетъ за различеніемъ, за познаніемъ свойствъ холода и тепла, дождя и вѣтра и т. п. Даже такія основныя потребности, какъ потребность въ пищѣ или въ половомъ сближеніи, когда выражающія ихъ желанія принимаютъ форму правильнаго поиска за

средствами удовлетворить ихъ [1]), всецѣло основаны на различеніи, на познаніи отличій, существующихъ между состояніемъ желудочнаго и полового голода и состояніемъ желудочной и половой сытости, на познаніи многообразныхъ послѣдствій, которыя каждое изъ этихъ состояній необходимо влечетъ за собою, и т. д. Что же должно сказать послѣ этого о такихъ сложныхъ влеченіяхъ, какъ стремленіе къ *власти*, къ господству—грубому или тонкому — надъ другими, или къ *справедливости*, т. е., въ сущности, къ *равенству*, или къ *свободѣ*, т. е., въ сущности, къ *знанію*, и т. д.? Неужели не очевидно, что всѣ такія потребности, помимо своихъ біологическихъ корней и по-скольку онѣ являются потребностями *общественными*, основаны на сужденіяхъ и приговорахъ человѣка (болѣе или менѣе сознательныхъ или безсознательныхъ, лично имъ достигнутыхъ или традиціонныхъ и даже атавистическихъ) о цѣнности для него тѣхъ или другихъ явленій, составляющихъ содержаніе или предметъ его стремленій желаній?

Ставъ на эту — представляющуюся намъ единственно вѣрною—точку зрѣнія, мы во всѣхъ безъ исключенія человѣческихъ потребностяхъ общественнаго характера видимъ не первоисходную причину извѣстнаго примѣненія или развитія функцій ума, а необходимое слѣдствіе такого примѣненія или развитія, слѣдствіе, которое, въ силу законовъ, управляющихъ нашей психической организаціей, становится для насъ *цѣлью* нашего общественнаго развитія, т. е. мотивомъ, побужденіемъ, заставляющимъ насъ дѣйствовать такъ или иначе.

Потребности, въ наиболѣе благопріятномъ для теоріи Маркса случаѣ, являются лишь *конечною причиною* умственной или психической дѣятельности человѣка. Въ свои права—а они въ области соціологіи очень обширны—тутъ вступаетъ точка зрѣнія *цѣлесообразности* (или еще—субъективная), въ отличіе отъ точки зрѣнія голой *причинности* (или еще—объективной). Къ сожалѣнію, большинство современныхъ соціологическихъ теорій, въ томъ числѣ и марксизмъ, вмѣсто того, чтобы строго различать эти двѣ взаимно дополняющія другъ друга точки зрѣнія и поочередно и сознательно становиться на ту и на другую, смѣшиваютъ ихъ между собою и сплошь и рядомъ телеологическую или цѣлесообразную связь между событіями и фактами общественной жизни принимаютъ и выдаютъ за причинную.

---

[1]) Напр., съ одной стороны, охота, скотоводство, земледѣліе, промышленность, всѣ главные виды экономической дѣятельности, а съ другой—похищеніе женщинъ, порабощеніе ихъ, бракъ и семья, флиртъ, адюльтеръ и т. п.

Для поясненія нашей мысли обратимся къ примѣру. Слѣдующее наблюденіе было сдѣлано тысячу разъ: всякій значительный умственный успѣхъ всегда сопровождается и экономическимъ успѣхомъ, улучшеніемъ матеріальной основы человѣческаго существованія, при чемъ это улучшеніе, повидимому, и въ девяти случаяхъ изъ десяти, предшествуетъ и какъ бы подготовляетъ, дѣлаетъ возможнымъ умственный прогрессъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, и не становимся ли мы здѣсь жертвой особаго психическаго самообмана, принимающаго цѣль, мотивъ, побужденіе — въ данномъ случаѣ къ умственному пріобрѣтенію или завоеванію—за дѣйствительную причину достигнутаго успѣха? Не подставляемъ ли мы здѣсь, другими словами, на мѣсто объективной причины факта его конечную или субъективную причину? Мнѣ кажется, что такъ. Если бы дѣло обстояло иначе, мы никогда и ни при какихъ условіяхъ не могли бы говорить объ умственномъ прогрессѣ (напр., объ увеличеніи знанія), какъ о *средствѣ* для достиженія цѣли, увеличенія нашего благосостоянія; мы, напротивъ того, всегда должны были бы смотрѣть на всякій хозяйственный успѣхъ только какъ на средство для развитія ума, для достиженія большаго знанія; а самое развитіе ума и увеличеніе знанія должны были бы признать чѣмъ-то абсолютно безцѣльнымъ, или, какъ говорили метафизики, не пугавшіеся ни логическихъ, ни словесныхъ нелѣпостей, чѣмъ-то служащимъ самому себѣ цѣлью. И потому то обстоятельство, что мы можемъ одинаково разсматривать и умственныя пріобрѣтенія, какъ средства, ведущія къ хозяйственнымъ успѣхамъ, и хозяйственные успѣхи, какъ средства, ведущія къ умственнымъ пріобрѣтеніямъ, уже доказываетъ внутреннюю несостоятельность оспариваемаго нами общаго взгляда. А если принять въ соображеніе сказанное выше о причинной связи между элементарными свойствами человѣческаго ума и потребностями общественнаго характера, возникающими и развивающимися изъ этихъ свойствъ, то мы должны будемъ придти къ слѣдующему выводу: умственный прогрессъ является причиной, которая, какъ всѣ естественныя причины, постоянно сама возрождается по мѣрѣ того, какъ она производитъ свое слѣдствіе,—прогрессъ матеріальный. Будничная, практическая жизнь не нуждается для своихъ цѣлей въ особенно тонкихъ различеніяхъ и потому совершенно права, выставляя положеніе: внѣ матеріальнаго нѣтъ и умственнаго прогресса. Но теоретическая, научная мысль не можетъ довольствоваться такою грубою и поверхностною формулою. Она ставитъ всякую вещь на надлежащее мѣсто, причину—передъ обнаруживающимъ ее слѣд-

ствіемъ, прогрессъ, ума, это скрытое *богатство* человѣка, передъ прогрессомъ богатства, этого *ума или знанія*, воплощеннаго въ окружающихъ насъ предметахъ.

Экономическому матеріализму можно сдѣлать, конечно, и цѣлый рядъ другихъ, болѣе или менѣе вѣрныхъ возраженій. Останавливаться здѣсь на нихъ мы не можемъ и не будемъ. Но на одно изъ нихъ я все-таки прошу позволенія указать въ краткихъ словахъ. Теорія Маркса, ставя во главѣ всѣхъ группъ общественныхъ явленій экономическіе факты, вмѣстѣ съ тѣмъ старается всячески внушить намъ такое представленіе о нихъ, будто они обладаютъ большей *матеріальностью*, будто они ближе, тѣснѣе связаны съ фактами біологическими и даже физико-химическими, чѣмъ другіе разряды общественныхъ процессовъ и явленій. Получается впечатлѣніе, будто матеріалистическій детерминизмъ лучше другихъ теорій выражаетъ безспорную научную истину, что глубокіе корни соціальнаго міра лежатъ въ мірѣ біологическомъ (подобно тому, какъ жизнь покоится на широкомъ фундаментѣ неорганическихъ явленій).

Но дѣло въ томъ, что экономическіе факты обладаютъ всѣми рѣшительно свойствами другихъ разрядовъ общественныхъ явленій, и разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ фактовъ біологическихъ, нисколько не меньше и не короче разстоянія, существующаго между явленіями жизни и явленіями умственнаго, научнаго, религіознаго, философскаго, эстетическаго, правового, нравственнаго, политическаго развитія. Спросимъ себя, *что такое экономическій фактъ?* Въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, это— или экономическая *идея*, или ея осуществленіе, ея воплощеніе въ человѣческомъ *дѣяніи*, въ поступкѣ. Но очевидно, что экономическая или хозяйственная идея отнюдь не обладаетъ большей степенью матеріальности (въ данномъ случаѣ исключительно физіологической), чѣмъ всѣ другія соціальныя идеи:—нравственныя, правовыя, политическія и т. п. А если рѣчь идетъ объ экономическомъ *дѣйствіи* или поступкѣ, то вѣдь и т. наз. нравственные, юридическіе, политическіе, религіозные, эстетическіе и т. п. поступки и дѣянія всегда, подобно чисто экономическимъ, „экстеріоризируются“ и матеріализируются въ предметахъ, постороннихъ или чуждыхъ физіологическому организму человѣка. Произвести лабораторный опытъ, написать книгу, сказать адвокатскую рѣчь, созвать судъ, свидѣтелей, присяжныхъ, постановить приговоръ, построить тюрьму, засадить въ нее болѣе или менѣе виновныхъ или невиновныхъ людей, навербовать армію, разбить съ ея помощью противника или быть разбитымъ имъ, произ-

нести проповѣдь въ церкви, зажечь костеръ инквизиціи, изваять статую, нарисовать картину, исполнить музыкальную пьесу и т. д., и т. д.—вотъ поступки, обладающіе *такой же степенью матеріальности* (притомъ иногда и чисто вещной, чуждой организму) и не менѣе близкіе къ біологическому корню соціальныхъ фактовъ, чѣмъ любыя экономическія дѣянія въ тѣсномъ смыслѣ слова. Я говорю „въ тѣсномъ смыслѣ слова", потому что именно у марксистовъ замѣчается стремленіе чрезъ-мѣру расширить значеніе термина *экономическій,* включивъ въ него всю матеріальную сторону остальныхъ общественныхъ дѣяній и оставивъ на ихъ долю лишь то, что составляетъ ихъ внутреннее или идейное содержаніе. Но съ такимъ расширеніемъ помириться никакъ нельзя, ибо оно клонится не къ чему иному, какъ къ зачисленію *всей области практики, всѣхъ нашихъ дѣйствій и поступковъ,* всего человѣческаго *поведенія* въ категорію *экономическаго* фактора. Такое упрощеніе (вѣрнѣе—смѣшеніе) совершенно противно аналитическому духу спеціальнаго знанія. И по нашему мнѣнію, давно пора положить твердый *предѣлъ* этимъ *ненаучнымъ попыткамъ,* признавъ разъ на всегда, что экономическими фактами (въ смыслѣ поступковъ, дѣяній, а не идей) могутъ считаться лишь такія попытки удовлетворить различныя индивидуальныя и коллективныя потребности, которыя носятъ характеръ примѣненія нашихъ болѣе или менѣе вѣрныхъ или невѣрныхъ, точныхъ или неточныхъ свѣдѣній и знаній о физическихъ, химическихъ и жизненныхъ свойствахъ и законахъ матеріи. Ибо только эти свѣдѣнія и знанія могутъ воплотиться въ „вещественностяхъ" торговли и банковаго промысла, всѣхъ видовъ обрабатывающей промышленности, земледѣлія, зоологической техники, общественной гигіены и т. п. Всѣ же попытки удовлетворить индивидуальныя и коллективныя потребности, которыя основаны на приложеніяхъ нашихъ соціологическихъ знаній (какъ бы грубы и эмпиричны ни были эти знанія), въ томъ числѣ и нашихъ экономическихъ идей,—должны быть *выдѣлены* въ другіе разряды общественныхъ фактовъ (напр., правовые и политическіе, между которыми распредѣлятся и примѣненія экономическихъ идей). Само собою разумѣется, что рядомъ съ указанными сейчасъ классами общественныхъ фактовъ, должны стать еще двѣ другія не менѣе крупныя и важныя категоріи, именно: 1) дѣйствія, зависящія уже не отъ нашихъ знаній, а отъ нашихъ общихъ вѣрованій (религіозныхъ и философскихъ),—и 2) дѣйствія, зависящія отъ нашихъ эстетическихъ понятій и вкусовъ.

Боясь утомить васъ слишкомъ отвлеченными разсужденіями,

я опускаю подробную аргументацію, на которую опирается эта часть моей критики историческаго матеріализма. Относящіяся сюда соображенія найдутъ себѣ болѣе подходящее мѣсто въ готовящемся къ печати пятомъ томѣ моей *Этики* или теоріи нравственности, разсматриваемой какъ *элементарная соціологія*. Здѣсь я прошу позволенія прямо перейти къ тѣмъ общимъ выводамъ, которые были предложены мною конгрессу 1900 г.

Выводы эти я раздѣляю на двѣ группы. Въ одной я постараюсь выяснить наиболѣе уязвимую сторону историческаго матеріализма или то основное недоразумѣніе, въ которомъ повинны сторонники этой теоріи, и которое создаетъ имъ непримиримыхъ враговъ среди соціологовъ, впадающихъ какъ разъ въ противоположную крайность. А въ другой я укажу на сильную сторону того же ученія, на весьма крупную долю истины, внесенную имъ въ общественную науку.

V.

Вмѣстѣ со всѣми оттѣнками марксизма, мы рѣшительно отвергаемъ *автогенезисъ, самозарожденіе идей*. Мы думаемъ, что идеи суть продуктъ, результатъ окружающаго міра. Но такою общей и неопредѣленной постановкой вопроса мы не довольствуемся. Окружающій міръ для насъ не можетъ оставаться синонимомъ или замѣстителемъ прежней всемогущей Природы. Мы его анализируемъ, разлагаемъ на составныя части, стараясь выяснить и прочно установить *причинную связь* или зависимость этихъ частей между собой, іерархическій порядокъ, въ которомъ онѣ естественно слѣдуютъ другъ за другомъ въ нашемъ сознаніи и пониманіи.

Окружающій міръ для насъ состоитъ изъ *неизмѣннаго ряда слѣдующихъ основныхъ элементовъ*:

1) Изъ *физико-химическихъ* свойствъ, включая сюда и свойства мѣры и числа, пространства и времени,—т. е. свойствъ, принадлежащихъ не матеріи или веществу, въ отличіе отъ идеи, какъ обыкновенно говорятъ, а проявляемыхъ міромъ въ его нераздѣльной *совокупности*, міромъ, одинаково обнимающимъ и такъ наз. матерію, и такъ наз. духовное начало.

2) Изъ *біологическихъ* свойствъ, принадлежащихъ всякому веществу или, избѣгая двусмысленности этого термина, всякому физико-химическому бытію, подъ условіемъ его предварительной *организаціи*. Эта „организація“ и представляетъ тотъ неизвѣстный, темный x, съ котораго мы должны всячески стараться со-

рвать, съ помощью опыта, скрывающій его густой покровъ, если только зададимся цѣлью не благоговѣйно трепетать передъ одной изъ великихъ тайнъ природы, а постичь и раскрыть эту тайну. Къ основной группѣ біологическихъ свойствъ я, само собою разумѣется, отношу и нервно-мозговыя или *психофизическія*, т. е. такъ наз. элементарныя душевныя качества.

3) Изъ свойствъ *сверхорганическихъ*, принадлежащихъ всякому органическому или, что болѣе очевидно, всякому психофизическому бытію, подъ условіемъ его предварительной *социализаціи*. Эта „соціализація", въ свою очередь, является искомымъ иксомъ не только соціологовъ, но, въ равной мѣрѣ, моралистовъ, психологовъ, всѣхъ изслѣдователей обширной области сверхорганическихъ явленій.

Итакъ, *организація* есть *conditio sine qua non* для превращенія *физико-химической* энергіи въ новый, болѣе сложный видъ, въ энергію *жизненную*, а *соціализація* есть непремѣнное условіе для превращенія жизненной энергіи въ еще болѣе сложный видъ, въ энергію *сверхорганическую*, съ ея двумя основными формами, коллективно-психической и индивидуально-психологической. Но и *организація*, и *соціализація*, эти двѣ, можетъ быть, только идеальныя пограничныя линіи, размежевывающія окружающій насъ или, вѣрнѣе, содержащій насъ въ себѣ міръ на три великія области,—и организація, и соціализація одинаково сводятся, въ концѣ концовъ, къ одному основному признаку или процессу: къ *взаимодѣйствію* однородныхъ матеріальныхъ элементовъ или аггрегатовъ такихъ элементовъ.

Въ одномъ случаѣ, при *организаціи*, элементы и аггрегаты ихъ всецѣло принадлежатъ міру *физико-химическому* и дѣйствуютъ другъ на друга на крайне близкомъ разстояніи или, какъ обыкновенно говорятъ, соприкасаются.

А въ другомъ случаѣ, при *соціализаціи*, элементы и аггрегаты ихъ уже являются *организованными*, уже принадлежатъ міру живыхъ существъ и дѣйствуютъ другъ на друга на болѣе или менѣе далекомъ разстояніи.

Итакъ, въ только что указанныхъ усложненныхъ условіяхъ взаимодѣйствія кроется все различіе, отдѣляющее міръ сверхорганическихъ явленій отъ міра явленій органическихъ,—*общество*, съ его коллективно-психической и индивидуально-психологической жизнью, отъ *жизни* въ двухъ ея главныхъ формахъ, растительной и животной. И, напротивъ того, въ самомъ взаимодѣйствіи лежитъ глубокое сходство между обществомъ и всякимъ живымъ существомъ. Соціологи и біологи не должны никогда

забывать ни этого коренного различія, ни этого основного сходства, на которыхъ и зиждется, въ послѣднемъ анализѣ, доля истины, заключающаяся какъ въ органической, такъ и въ психологической теоріи общественныхъ явленій.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, но подобно тому, какъ *организація*, взаимодѣйствіе, на сравнительно близкомъ разстояніи, физико-химическихъ элементовъ, служитъ исходной точкой біологіи, науки, изучающей явленія растительной и животной жизни, такъ и *соціализація*, взаимодѣйствіе, на сравнительно далекомъ разстояніи, живыхъ, организованныхъ существъ или, точнѣе, ихъ психофизическихъ элементовъ, является точкою исхода соціологіи.

Біологія обнимаетъ весь міръ органическихъ, а соціологія— весь міръ сверхорганическихъ явленій. Такимъ образомъ, не говоря уже о коллективной или массовой психологіи, къ соціологіи же должна быть отнесена и вся область индивидуальной или личной психологіи. Но въ коллективной психологіи взаимодѣйствіе психофизическихъ силъ отдѣльныхъ личностей, составляющихъ ту или другую общественную группу (толпу, семью, классъ, народъ и т. д.), проявляется въ прямой, непосредственной формѣ; и потому коллективную психологію можно, пожалуй, включить въ общую или абстрактную соціологію, гдѣ она тѣсно сливается, повидимому, съ общей *этикой*. Въ индивидуальной психологіи, напротивъ того, то же взаимодѣйствіе проявляется не прямо, а чрезъ посредство коллективно-этическаго психизма, и въ ней, кромѣ того, біологическія силы, то, что мы назвали *организаціей* снова выступаютъ на первый планъ, играя роль не только основанія или базиса, но и равноправнаго съ „соціализаціей" *производителя* или *фактора* индивидуально-психическихъ процессовъ, А потому индивидуальную психологію полезно было бы, по нашему мнѣнію, выдѣлить изъ соціологіи въ особую науку, уже *конкретную*, въ дедуктивную или производную изъ общей соціологіи и общей біологіи отрасль знанія. Къ этому именно выводу и приводитъ давно защищаемая нами *біо-соціальная гипотеза*.

Но выдѣлить изъ соціологіи конкретную психологію, какъ науку, изслѣдующую наиболѣе сложные психическіе процессы (наиболѣе простые изслѣдуются уже психофизикою), т. е. какъ науку, не только описывающую эти сложные процессы, но и объясняющую ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ законовъ біологическихъ (организаціи или жизни) и соціологическихъ (соціализаціи или общества),—вовсе не значитъ выдѣлить или изгнать изъ соціологіи индивидуально-психологическія явленія. На ряду съ кол-

лективно-психическими, индивидуальнс-психологическіе факты составляютъ, можно сказать, все реальное содержаніе соціологіи. Точно также, напр., космическія явленія всѣхъ родовъ и видовъ составляютъ все реальное содержаніе наиболѣе отвлеченныхъ наукъ неорганическаго міра, физики и химіи, а всѣ явленія конкретной жизни, изучаемыя описательной флорой и фауной земного шара, составляютъ реальное содержаніе самой отвлеченной біологіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ измѣняется не предметъ или матеріальный объектъ изслѣдованія, а лишь тѣ точки зрѣнія, на которыя становится изслѣдователь, (и, въ соотвѣтствіи тому, и методы, имъ употребляемые).

Соціологъ смотритъ на явленія *индивидуально-психологическія* совсѣмъ не такъ, какъ психологъ. Онъ не разлагаетъ ихъ на составные элементы, не сводитъ ихъ къ совмѣстному проявленію законовъ *организаціи*, т. е. жизни, физико-химическаго взаимодѣйствія, и *соціализаціи*, т. е. общества, психофизическаго взаимодѣйствія. Онъ видитъ въ нихъ высшее выраженіе, самый цѣнный продуктъ общественной эволюціи и ея *этическаго*, т. е., въ сущности, *ассоціативнаго* или кооперативнаго *содержанія*. Эволюція эта и составляетъ главный предметъ его изученія. И, вслѣдствіе *телеологическаго* строя человѣческаго ума, наши представленія, идеи, чувства, желанія, страсти и т. д. получаютъ для него разумный смыслъ *мотивовъ*, *побужденій* къ той или иной дѣятельности. Содержаніе личной психологіи, такимъ образомъ, превращается въ глазахъ соціолога въ *конечную причину* не общественныхъ явленій вообще—ибо содержаніе это само уже есть общественное явленіе,—а именно той категоріи общественныхъ фактовъ, которая входитъ въ рубрику человѣческаго *поведенія*. Другими словами, явленія личной психологіи пріобрѣтаютъ въ научной, объективной соціологіи значеніе общественныхъ производителей или *факторовъ*.

Вліяніемъ этихъ факторовъ соціологъ *объясняетъ* наиболѣе видную и замѣтную (если не наиболѣе важную) долю общественныхъ процессовъ, именно,—все то, что въ нихъ называется *фактами* въ тѣсномъ смыслѣ слова, или дѣйствіями, *событіями* совершившимися, *историческими*, или только совершающимися, *современными*.

Къ разряду вотъ такихъ-то дѣйствій, поступковъ и событій должны быть отнесены и *экономическіе* факты, или все то, въ чемъ нѣкоторые экономисты и соціологи—и между ними на первомъ и главномъ мѣстѣ *Марксъ* и его послѣдователи—видятъ *основоначальное*, *коренное соціальное явленіе*, порождающее и обусловливающее всѣ остальныя, содержащее ихъ въ себѣ уже въ

зародышъ или, такъ сказать, *потенціально.* Съ этимъ опредѣленіемъ экономическаго факта мы не согласны. Постоянному *смѣшенію* событій, дѣйствій или поступковъ съ *совершенно другой* категоріей соціальныхъ же явленій, именно: съ идеями и сопровождающими ихъ или даже производными изъ нихъ чувствами, эмоціями, волевыми импульсами и т. п.,—*смѣшенію,* въ которомъ повинны не одни доктринеры историческаго матеріализма, но и громадное большинство современныхъ соціологовъ (только менѣе послѣдовательныхъ, чѣмъ марксисты),—мы противополагаемъ строгую, точную классификацію или іерархію общественныхъ, т.-е., въ сущности, какъ было объяснено нами, *психологическихъ факторовъ,* расположенныхъ уже не въ *восходящемъ* или субъективномъ порядкѣ, отъ мотива (цѣли) къ средству, а въ *нисходящемъ* или объективномъ, отъ причины къ слѣдствію. Нашъ іерархическій или *эволюціонный рядъ* ведетъ отъ идей, представленій всякаго рода и сопутствующихъ имъ чувствъ и стремленій къ дѣйствіямъ, поступкамъ и событіямъ, а не наоборотъ, какъ у марксистовъ, отъ дѣйствій, поступковъ и событій къ желаніямъ, стремленіямъ, чувствамъ и идеямъ.

Рядъ этотъ слагается изъ четырехъ членовъ или ступеней: 1) идеи и знанія частныя, спеціальныя, научныя; 2) идеи общія, философскія и примыкающія къ нимъ общія же вѣрованія, всецѣло зависящія отъ идей частныхъ или научныхъ; 3) идеи эстетическія, художественныя, зависящія, главнымъ образомъ, отъ общихъ, философскихъ или религіозныхъ представленій и вѣрованій; 4) факты, т. е. дѣйствія, поступки и событія, другими словами,—все то, въ чемъ можно видѣть примѣненіе, приложеніе, реализацію или идей частныхъ, научныхъ, или идей общихъ, философскихъ и религіозныхъ, или, наконецъ, идей эстетическихъ, художественныхъ. Каждый изъ главныхъ разрядовъ общественныхъ фактовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова—факты экономическіе, юридическіе, политическіе, военные, церковные, эстетическіе и т. п.—составляетъ примѣненіе или реализацію *преимущественно* одного изъ перечисленныхъ трехъ типовъ идей; но въ образованіи каждаго общественнаго факта почти всегда косвенно участвуютъ и всѣ другія идеологическія категоріи. Такъ, экономическіе факты—дѣйствія и событія — прилагаютъ или реализируютъ преимущественно наши физико-химическія и біологическія идеи и знанія, а правовые и политическіе факты, напримѣръ, прилагаютъ или реализируютъ преимущественно наши соціологическія, нравственныя и психологическія идеи и знанія. Но на тотъ и на другой разрядъ событій свою печать—иногда весьма явственную,—несо-

мнѣнно, накладываютъ и наши общія, философскія или религіозныя понятія и вѣрованія, и наши эстетическіе идеи и вкусы.

VI.

Но выводы наши измѣнятся кореннымъ образомъ, если, бросивъ отыскиваніе далекихъ психосоціальныхъ причинъ экономическихъ явленій, мы ограничимся простымъ сравненіемъ ихъ съ фактами, входящими *вмѣстѣ съ ними* въ одну и ту же обширную область „практической“ дѣятельности человѣка. За-одно съ марксистами, мы тогда должны будемъ признать за экономическими процессами значеніе наиболѣе простого или элементарнаго общественнаго факта. Заключеніе это логически вытекаетъ изъ даннаго нами выше опредѣленія сущности экономической дѣятельности, а также изъ принятой нами іерархической послѣдовательности или ряда основныхъ общественныхъ факторовъ.

Дѣйствительно, какъ бы различны ни были психосоціальные элементы, открывающіеся въ длинной цѣпи причинъ, которыя обусловливаютъ возникновеніе самаго ничтожнаго экономическаго факта, однако не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе *сильный* элементъ, преобладающій надъ остальными и потому *специализирующій* экономическую дѣятельность, выдѣляющій ее изъ ряда другихъ общественныхъ процессовъ, это—то или другое пониманіе нами (основанное на соотвѣтственномъ знаніи) явленій количественныхъ, физико-химическихъ и жизненныхъ. Знанія этого рода снабжаютъ человѣка и тѣмъ „техническимъ арсеналомъ средствъ“, орудій производства, которымъ послѣдователи Маркса справедливо приписываютъ огромное соціальное значеніе.

Экономическій фактъ всегда сводится къ какому-либо проявленію (приложенію) нашихъ физико-химическихъ и біологическихъ знаній и понятій. Такимъ же точно образомъ факты юридическіе, политическіе и т. д. зависятъ, въ концѣ концовъ, отъ нашихъ этическихъ или соціологическихъ представленій и знаній. Но если справедливо, что расцвѣтъ наукъ внѣшней природы необходимо предшествуетъ полному развитію наукъ явленій міра внутренняго или сверхорганическаго, то очевидно, что та же послѣдовательность должна сохранить свою закономѣрную силу и по отношенію къ различнымъ видамъ дѣятельности, зависящимъ отъ различныхъ разрядовъ знаній.

Хотя экономическими отношеніями не исчерпывается сумма причинъ, обусловливающихъ появленіе всѣхъ другихъ фактовъ, входящихъ въ категорію „общественнаго дѣйствія“, отличную отъ

категоріи „общественнаго сознанія“ (ибо такіе факты имѣютъ болѣе сложный генезисъ, въ главныхъ чертахъ своихъ совпадающій съ генеологіей самихъ экономическихъ отношеній),—однако экономическіе процессы всегда предшествуютъ другимъ „активнымъ“ общественнымъ процессамъ и регулируютъ (затрудняютъ или облегчаютъ) ихъ общее теченіе.

Исторія человѣчества громко говоритъ въ пользу такого взгляда. Во всѣ времена, при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, у всѣхъ народовъ, хозяйственная практика и техника всегда лежали въ основѣ всякой другой общественной практики и техники. Эта частная истина была замѣчена и выдвинута впередъ уже въ трудахъ нѣкоторыхъ предшественниковъ Карла Маркса. Но она получила особенно яркое освѣщеніе въ работахъ самого Маркса и его многочисленныхъ учениковъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что въ описательной соціологіи, въ естественной исторіи обществъ (носящей теперь названіе „исторіи культуры“) доктрина Маркса не встрѣчаетъ серьезныхъ соперницъ въ другихъ теоріяхъ. Въ этой области наука объ обществѣ обязана марксизму многими капитальными успѣхами за послѣдніе двадцать-тридцать лѣтъ.

Въ границахъ исключительно историческаго изслѣдованія „приматъ“, первенство экономическаго фактора не подлежитъ сомнѣнію. Но это, повторяю, происходитъ оттого, что границы исторіи, какъ особой научной дисциплины, совпадаютъ (и не могутъ не совпадать, при разумной спеціализаціи ученой работы) съ границами прикладной или практической дѣятельности общественныхъ группъ и входящихъ въ составъ ихъ отдѣльныхъ личностей. Такой чертой „естественная исторія“ обществъ существенно отличается отъ ихъ „естественной науки“ или „отвлеченной соціологіи“, которая обнимаетъ всѣ разряды, всѣ порядки общественныхъ явленій въ ихъ совокупности и взаимной связи. Другими словами, исторія по необходимости изучаетъ лишь *видимыя* слѣдствія и *внѣшніе* результаты цѣлаго ряда причинъ, ускользающихъ отъ взора изслѣдователя, пока онъ пользуется однимъ историческимъ или описательнымъ методомъ. Она ограничивается разсмотрѣніемъ одного крупнаго разряда общественныхъ явленій: событій, которыя, будучи, по существу своему, человѣческими „дѣяніями“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, принадлежатъ къ соціальной категоріи, обозначаемой нами общимъ терминомъ прикладнаго или *техническаго порядка*.

Экономическій матеріализмъ прочно овладѣлъ всей областью исторіи. Здѣсь онъ не только точно и ясно *классифицируетъ*

человѣческія „дѣйствія“—или то, что обыкновенно называется „фактами“,—примѣняя къ нимъ плодотворное начало различенія, положенное Ог. Контомъ въ основу іерархическаго ряда нашихъ знаній (начало возрастающей сложности и убывающей общности явленій):—здѣсь онъ идетъ далѣе, онъ вѣрно объясняетъ болѣе сложныя формы технической дѣятельности людей (или такъ называемаго „поведенія“ ихъ) ея болѣе простыми формами, онъ правильно выводитъ первыя изъ послѣднихъ.

Но экономическій матеріализмъ круто останавливается у порога отвлеченной соціологіи. Въ эту область онъ пока еще не проникъ. Онъ безсиленъ дать намъ *раціональное* объясненіе всей совокупности общественныхъ явленій. Судьбу эту онъ раздѣляетъ съ другими современными соціологическими ученіями. Ни одно изъ нихъ не достигло завѣтной цѣли чистаго или теоретическаго знанія. А потому только въ томъ случаѣ, еслибъ экономическій матеріализмъ замкнулся въ занятой имъ теперь позиціи, еслибъ онъ упорно отказался не покинуть ее—чего вовсе не требуется,—а расширить ее, присоединить къ ней новую, обширную территорію,—только въ такомъ случаѣ можно было бы справедливо обвинить и осудить его.

Соціальная доктрина Спенсера.

М. Ковалевскаго.

Изъ взглядовъ, высказанныхъ Спенсеромъ по вопросамъ обществовѣдѣнія, наибольшей извѣстностью пользуется его органическая теорія государства. Спенсера превозносятъ или, наоборотъ, порицаютъ, смотря по тому, готовы ли принять, или отвергнуть эту гипотезу. Но органическая теорія государства создана вовсе не Спенсеромъ; мало этого, соціальная доктрина его не вытекаетъ необходимо изъ признанія за государствомъ органической природы.

Едва ли мнѣ нужно напомнить, что первый зародышъ ученія, согласно которому различные соціальные классы и соотвѣтствующія имъ учрежденія признаются частями одного органическаго цѣлаго, восходитъ къ Платону. Много вѣковъ спустя послѣ Платона, Плутархъ въ своихъ „Moralia" проводитъ ту же точку зрѣнія. „Moralia" Плутарха были очень распространены въ византійскомъ и средне-вѣковомъ обществахъ. Они сохранили отъ забвенія Платоново ученіе объ органической природѣ государства даже въ эпоху, когда мысли величайшаго изъ философовъ Греціи извѣстны были міру лишь въ отрывочномъ видѣ и доходили до него окольными путями. Въ XII вѣкѣ Іоаннъ Салисберійскій, слѣдуя Платону, снова выставилъ положеніе о государствѣ-организмѣ. Прежде появленія „Богословской Энциклопедіи" („Summa theologiae") Ѳомы Аквината, „Polycraticus" Іоанна Салисберійскаго резюмировалъ, такъ сказать, все политическое знаніе среднихъ вѣковъ. Къ этой книгѣ постоянно обращались за справками, и ее не разъ рабски списывали. Благодаря ей, органическая теорія государства перешла въ сочиненія первыхъ представителей схоластической философіи, особенно въ „Specula" Винцента изъ Бовэ. Одинъ существенный отдѣлъ этихъ „Specula", доселѣ не изданный, хранится среди рукописей одного колледжа въ Оксфордѣ. Въ этомъ-то фрагментѣ мнѣ и удалось открыть воспроизведеніе доктринъ Платона и Плутарха о государствѣ-организмѣ.

Эта теорія, связываемая обыкновенно съ именемъ Гоббса, была извѣстна, такимъ образомъ, за много вѣковъ до него. Гоббсъ сумѣлъ придать ей, однако, нѣкоторую оригинальность и въ высшей степени блестящую форму въ своемъ „Левіаѳанѣ“. Ученіе Герберта Спенсера есть лишь новое выраженіе той же доктрины, насчитывающей, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ существованія и только нѣсколько обновленной Гоббсомъ.

Даже среди современныхъ соціологовъ эта доктрина не составляетъ исключительнаго достоянія великаго англійскаго мыслителя. Шэффле, Лиліенфельдъ, Рене Вормсъ выставили ее за свой счетъ и впали въ немало преувеличеній при ея развитіи. Въ своихъ поискахъ за аналогіями между государствомъ и живымъ организмомъ, они дошли до отождествленія биржи съ человѣческимъ сердцемъ. Они готовы были говорить о соціальной патологіи по поводу соціализма и анархизма и т. д., и т. д... Мы напрасно стали бы искать такихъ же преувеличеній у Спенсера. Кромѣ того, авторъ „Основъ соціологіи“ представляетъ себѣ соціальныя явленія скорѣе съ характеромъ суперорганическихъ, чѣмъ органическихъ. Не онъ ли, въ первой же главѣ своихъ „Основъ“, говоритъ, что намѣренъ приступить теперь къ рѣшенію вопросовъ, относящихся къ области суперорганической эволюціи, въ предыдущихъ же трудахъ ему приходилось имѣть дѣло съ эволюціей чисто-органической (стр. 5). Форма эволюціи, которую я называю суперорганической, — продолжаетъ Спенсеръ, должна была вырости незамѣтно изъ органической. Мы можемъ свободно подвести подъ это понятіе тѣ акты и явленія, которые предполагаютъ координированныя дѣйствія многихъ индивидовъ и порождаютъ такія сложныя. и обширныя послѣдствія, что ихъ легко отличить отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ. Еще въ 1850 г. Спенсеръ писалъ въ своихъ знаменитыхъ „Основныхъ Принципахъ“ (§ III), что процессы, вызываемые дѣйствіемъ живыхъ аггрегатовъ или организмовъ, образуютъ особый родъ явленій, которыя могутъ быть названы суперорганическими; ихъ можно встрѣтить даже среди низшихъ существъ. Эспинасъ взялся доказать правильность этого положенія въ своей книгѣ объ Обществахъ Животныхъ, книгѣ, которая справедливо получила весьма громкую извѣстность. „Если суперорганическая жизнь появляется уже въ союзахъ животныхъ, продолжаетъ Спенсеръ, то она особенно характерна для человѣчества. Отношенія людей между собою принадлежатъ къ типу явленій суперорганическихъ par excellence“. Спенсеръ возвращается къ той же

мысли и въ „Основахъ соціологіи“. „Мнѣ казалось необходимымъ, пишетъ онъ, обратить вниманіе на то, что надъ органической эволюціей постоянно возникаетъ новый и высшій типъ эволюціи, которую я бы назвалъ охотно суперорганической“. Она представляетъ нѣсколько типовъ. Каждый опредѣляется особенностями того животнаго царства, у котораго мы его наблюдаемъ. Спенсеръ начинаетъ свой обзоръ съ насѣкомыхъ и заканчиваетъ его изученіемъ явленій, свойственныхъ людямъ.

Такимъ образомъ, основные взгляды Спенсера нѣсколько отличны отъ тѣхъ, какіе ему приписываютъ. Съ другой стороны, одинъ тотъ фактъ, что ученые, какъ Шэффле, выводили изъ того же положенія о государствѣ-организмѣ совершенно иныя послѣдствія, чѣмъ Спенсеръ, — не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что органическая теорія государства не стоитъ въ тѣсной связи съ его соціальной доктриной.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ крайне важенъ для вѣрнаго пониманія мыслей англійскаго философа. Авторъ „Строя и жизни общественнаго тѣла“, нѣмецкій экономистъ и соціологъ Шэффле, былъ въ такой же степени, какъ и Спенсеръ, защитникомъ органической теоріи государства; но, въ противоположность ему, онъ старался доказать, что такая теорія необходимо ведетъ къ соціализаціи производства, къ той самой соціализаціи, ярымъ противникомъ которой Спенсеръ оставался всю свою жизнь.

Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствительный источникъ соціальной доктрины Спенсера надо искать въ чемъ иномъ, а не въ органической теоріи государства. Мы увидимъ впослѣдствіи, что нашъ авторъ пришелъ къ своему пониманію природы справедливости, благодаря расширенію основъ доктрины, появившейся въ Англіи еще въ серединѣ XVII столѣтія, доктрины естественнаго права. Спенсеръ старался связать ее съ великимъ закономъ эволюціи, открытымъ имъ еще до Дарвина. Эволюція, согласно Герберту Спенсеру, напомню я, происходитъ двумя различными и взаимно восполняющими другъ друга порядками: путемъ дифференціаціи функцій и имъ соотвѣтствующихъ органовъ и путемъ интеграціи. Въ приложеніи къ будущему государства, законъ эволюціи требуетъ постепеннаго ограниченія его аттрибутовъ въ интересахъ индивидовъ и свободныхъ ассоціацій. Но въ то же время государство должно сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть, необходимую для защиты правъ личности.

Мнѣ кажется, тутъ было бы весьма умѣстно задать себѣ вопросъ, находитъ ли эта доктрина подтвержденіе въ дѣйстви-

тельной исторіи государства, или, можетъ быть, государство развивалось въ направленіи совершенно обратномъ тому, какое приписываетъ ему Спенсеръ, Не вѣрнѣе ли передаютъ смыслъ его эволюціи тѣ, кто говоритъ о прогрессивномъ расширеніи функцій государства? Но если такъ, то что позволяетъ намъ утверждать, что это расширеніе не перейдетъ никогда той или иной напередъ установленной границы, что единственной задачей государства будущаго надо считать обезпеченіе каждому невозбраннаго пользованія его свободой?

Чтобы вкратцѣ указать на главныя возраженія, которыя можно выставить противъ исторической концепціи Спенсера, я позволю себѣ напомнить, что государство даже не всегда исполняло ту роль полицейскаго комиссара, заботящагося о сохраненіи общественнаго порядка, къ которой англійскій философъ хотѣлъ бы свести всю его дѣятельность. Въ эпоху, когда преслѣдованіе преступника было дѣломъ частнымъ, и родственники сами должны были мстить за жертву, государство вмѣшивалось лишь косвеннымъ образомъ во внутреннія ссоры между семьями и родами. Еще въ правленіе Ины убійство короля вело за собою въ Англіи лишь частное преслѣдованіе убійцы. Прошли столѣтія, прежде чѣмъ изъ понятія мира короля и церкви выросло понятіе мира всего королевства, земскаго мира.

Съ другой стороны, государство уже съ давнихъ поръ вмѣшивалось въ область экономической жизни. Такъ было во времена классической древности и позднѣе, въ средніе вѣка. Нужно ли мнѣ напоминать длинный рядъ законовъ, начиная съ закона вавилонскаго царя Гамураби, современника Авраама, которые пытались съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ установить цѣны товаровъ и размѣръ заработной платы? Въ моей „Исторіи экономическаго роста Европы“ я подробно остановился на анализѣ рабочаго законодательства среднихъ вѣковъ,—въ особенности того, которое было вызвано къ жизни экономическими послѣдствіями такъ называемой „Черной Смерти“ (1348 г.). Всѣ европейскія правительства, подъ давленіемъ владѣтельныхъ классовъ, старались въ это время помѣшать росту заработной платы, который явился естественнымъ результатомъ уменьшенія числа жителей, а слѣдовательно, и трудящихся. То же самое явленіе, только въ еще большемъ размѣрѣ, имѣло мѣсто въ правленіе Діоклетіана. Знаменитый Момзенъ опубликовалъ и выяснилъ значеніе его закона о maximum. Аналогичные этому законы мы встрѣчаемъ, какъ при Карлѣ Великомъ и первыхъ германскихъ импе-

раторахъ, такъ и во времена Елизаветы Англійской, такъ, наконецъ, и въ эпоху французскаго Конвента 1793 года.

Съ другой стороны, съ момента реформаціи, государство призвано было исполнять по отношенію къ бѣднымъ и обездоленнымъ тѣ же обязанности, какія въ средніе вѣка лежали на Церкви; немедленно вслѣдъ за тѣмъ ставится на очередь, въ законодательномъ порядкѣ, вопросъ о правѣ на трудъ. Въ Англіи законъ приказываетъ приходамъ содержать живущихъ на ихъ земляхъ нищихъ, доставлять имъ работу надомъ или устраивать для нихъ особаго рода національныя мастерскія, извѣстныя подъ именемъ „домовъ для бѣдныхъ“. Вводится новый мѣстный налогъ для покрытія издержекъ на учрежденіе и содержаніе этихъ домовъ. Драконовскія мѣры, введенныя Генрихомъ VIII и направленныя противъ бродягъ и праздношатающихся, дополняются цѣлымъ рядомъ законовъ и указовъ, предписывающихъ приходскимъ властямъ заботиться о матеріальныхъ нуждахъ безработныхъ.

Изучая это законодательство, Монтескье еще до Тюрго пришелъ къ признанію права на трудъ. Въ „тетрадяхъ жалобъ“ или наказахъ избирателямъ отъ 1789 г. не разъ указывается на необходимость доставлять всѣмъ гражданамъ возможность найти заработокъ. Знаменитыя національныя мастерскія, учрежденіе которыхъ въ 1848 г., быть можетъ, не вполнѣ основательно приписываютъ Луи-Блану, были лишь частичнымъ и недостаточнымъ осуществленіемъ тѣхъ самыхъ требованій, которыя вытекаютъ изъ признанія права на трудъ.

Не продолжая далѣе этого бѣглаго перечня фактовъ, краснорѣчиво говорящихъ о прогрессивномъ сосредоточеніи въ рукахъ правительства самыхъ разнообразныхъ функцій, мы вынуждены сказать, что эволюція государственной власти, какъ она намъ рисуется, совершенно не соотвѣтствуетъ построеніямъ Спенсера.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ сдѣлать то заключеніе, что на его соціальную и политическую философію нельзя смотрѣть, какъ на необходимый выводъ изъ органической теоріи государства. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что, строя свою доктрину, Спенсеръ почти не руководствовался тѣми представленіями, которыя сложились въ его умѣ по отношенію къ эволюціи государства. Но, въ такомъ случаѣ, гдѣ-же искать источника его ученья, каковы его исходные моменты и къ какой школѣ слѣдуетъ причислить Спенсера-политика. Въ одномъ изъ произведеній своей юности, Соціальной Статикѣ,

онъ излагаетъ свою соціальную и политическую программу, до малѣйшихъ подробностей напоминающую радикальныя доктрины, которыя были въ ходу въ Англіи въ серединѣ XVII в., въ ту эпоху, когда англійскіе нивеляторы, такъ-называемые левеллеры, съ Джономъ Лилльборномъ во главѣ, провозглашали себя защитниками прирожденной свободы англійскаго гражданина (freeborn englishman). Эта доктрина, которая только отчасти была воспринята Джономъ Локкомъ, не признавала за государствомъ никакихъ другихъ функцій, кромѣ обязанности обезпечить каждому гражданину возможность пользоваться свободой, въ одинаковой степени необходимой всѣмъ людямъ. Каждый гражданинъ можетъ требовать, чтобы его судили сограждане, его пэры, т. е. свободно избранные присяжные; онъ долженъ быть надѣленъ правомъ обжаловать въ судахъ случаи произвольнаго ареста; законодательствомъ должны быть признаны свобода совѣсти, право платить налоги лишь въ случаѣ предварительнаго согласія на нихъ народныхъ представителей, свобода слова и печати, свобода сходокъ. Все, что столѣтіе спустя философы и законовѣды вздумаютъ обнять неопредѣленнымъ терминомъ „естественное право“, по существу своему вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя левеллеры ставили власти, ссылаясь на прирожденныя права англійскаго гражданина.

Обѣщанія, данныя Іоанномъ Безземельнымъ своимъ подданнымъ въ Великой Хартіи 1215 года, должны были въ глазахъ левеллеровъ найти давно ожидаемое осуществленіе изъ рукъ республиканскаго правительства, основаннаго пресвитеріанами и индепендентами Кромвеллевской арміи. Недавно въ Англіи былъ опубликованъ рядъ любопытныхъ документовъ, бросающихъ живой свѣтъ на взгляды, распространенные среди офицеровъ и солдатъ, стоявшихъ подъ знаменами будущаго Лорда Протектора. Между членами Военныхъ Совѣтовъ арміи, думавшими, что они призваны указать королю и парламенту правильный путь къ рѣшенію всѣхъ поставленныхъ временемъ вопросовъ, происходили не разъ въ высшей степени интересные дебаты о происхожденіи, характерѣ и границахъ верховной власти. Двѣ теоріи раздѣляли въ это время владычество надъ умами. Республиканскіе порядки, сложившіеся вслѣдъ за распущеніемъ Долгаго Парламента, носятъ на себѣ печать ожесточенной борьбы, которую вели между собою приверженцы этихъ двухъ противоположныхъ теорій.

Одна изъ нихъ опиралась на тѣ-же принципы, которые и ранѣе руководили политической жизнью Англіи; она только истолковывала ихъ въ духѣ демократіи и республики. Госу-

дарство должно было, согласно этой теоріи, оставаться столь же всемогущимъ, какъ и во времена Генриха VIII и Елизаветы. Кромвелль и его духовный руководитель Айертонъ признавали за гражданами лишь тѣ права, которыя они называли „существенными“, т. е., прежде всего, свободу совѣсти. Что-же касается до другихъ проявленій индивидуальной свободы, то всѣ они имѣютъ, по ихъ мнѣнію, только второстепенное значеніе и не должны выходить за предѣлы, въ которые найдетъ нужнымъ поставить имъ глава исполнительной власти и Парламентъ, составленный, въ отличіе отъ прежняго, всего на всего изъ одной палаты, при почти всеобщемъ правѣ голосованія.

Эта точка зрѣнія, которой придерживались главные начальники, далеко не раздѣлялась большинствомъ офицеровъ арміи. Проникнутые идеями Джона Лилльборна, они высказывались въ пользу установленія такого государства, которое относилось-бы съ уваженіемъ къ индивидуальной свободѣ гражданъ и ставило бы своей задачей заботиться о возможно полномъ проведеніи ея въ жизнь. Борьба этихъ двухъ доктринъ кончилась побѣдою той, которая отстаивала всемогущество правительства. Свое завершеніе она нашла въ произведеніи, которое совершенно несправедливо считаютъ за программу монархической партіи; я говорю объ обширномъ трактатѣ по публичному праву, извѣстномъ подъ именемъ Левіаѳана. Одно то, что Кромвелль разрѣшилъ автору этого произведенія, Томасу Гоббсу, поселиться въ Англіи, несмотря на то, что онъ еще недавно находился въ близкихъ сношеніяхъ съ претендентомъ на англійскій престолъ, Карломъ Стюартомъ, должно было бы вызвать сомнѣніе въ тѣхъ, кто продолжаетъ видѣть въ Гоббсѣ, прежде всего, горячаго защитника королевскаго абсолютизма. На самомъ дѣлѣ авторъ Левіаѳана требуетъ всемогущества для государства, независимо отъ формы его правленія.

Государство, согласно Гоббсу, является продуктомъ сознательной дѣятельности множества людей, испытавшихъ на себѣ опасности и невыгоды естественнаго состоянія. Послѣднее рисуется его воображенію, какъ постоянное столкновеніе страстей и интересовъ, какъ „борьба всѣхъ противъ всѣхъ“. Стремясь къ установленію мира, люди соглашаются уступить избранной ими власти всѣ свои права, безъ исключенія; они соглашаются признавать только тѣ формы свободы и тѣ порядки собственности, которые будутъ установлены этою властью, исповѣдывать ту религію и руководствоваться тою моралью, которую власть государства признаетъ наиболѣе желательной. Только

цѣной такихъ пожертвованій можетъ быть обезпеченъ, по мнѣнію Гоббса, внутренній миръ. Несмотря на оригинальность, которую имѣетъ на первый взглядъ эта доктрина, она является, въ концѣ концовъ, лишь крайнимъ выраженіемъ того самаго принципа, котораго англичане придерживались уже въ теченіе вѣковъ, и который едва-ли можетъ быть выраженъ лучше, чѣмъ извѣстной сентенціей судьи Кока: „Парламентъ все можетъ; онъ не въ состояніи только изъ мужчины сдѣлать женщину, а изъ женщины мужчину“. Этимъ Елизаветинскій судья хотѣлъ сказать, что для могущества Парламента нѣтъ другихъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя опредѣляются законами природы. Во Франціи выразителемъ этой теоріи явился Жанъ Жакъ Руссо; онъ истолковалъ ее въ пользу демократической власти, власти всего народа, который своими рѣшеніями облекаетъ въ форму закона „общую волю всѣхъ гражданъ“. Суверенитетъ народа есть лишь новый видъ всемогущества государства.

Гербертъ Спенсеръ съ самаго начала объявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ этой доктрины, которую незадолго передъ нимъ горячо защищалъ въ Англіи апостолъ утилитаризма Бентамъ.

Противъ этого знаменитаго врага „Декларацiи правъ человѣка и гражданина“, полагавшаго, что въ ней нашли себѣ выраженіе одни принципы анархіи, и выступилъ съ глубокой и систематической критикой нашъ философъ. Прочтите первыя страницы его Соціальной Статики, написанной нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ февральской революціи, изучите также, какъ она этого заслуживаетъ, послѣднюю часть его большого сочиненія О Морали, появившагося незадолго до его смерти, и вы убѣдитесь въ томъ, какъ тѣсно связаны между собою положенія его доктрины, и какъ вѣренъ остался онъ всю жизнь принципамъ, разъ признаннымъ имъ правильными.

Его ученіе цѣликомъ вытекаетъ изъ одной общей посылки, именно той, что „счастье зависитъ отъ наиболѣе полнаго пользованія нашими способностями“. Но такое пользованіе можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если каждому будетъ предоставлена самая широкая свобода. Ей могутъ быть поставлены лишь тѣ границы, которыя вытекаютъ изъ признанія равной свободы другихъ, т. е. всѣхъ гражданъ или, вѣрнѣе, всѣхъ людей. Спенсеръ не ограничиваетъ дѣйствіе своего принципа предѣлами государства; свобода эмиграціи и свобода торговли должны быть, по его мнѣнію, равно гарантированы отъ всякаго вмѣшательства со стороны государства, а это одно ужъ служитъ доказатель-

ствомъ интернаціонализма англійскаго соціолога. Таковъ онъ былъ въ началѣ своихъ дней, и такимъ онъ остался до смерти. Достаточно вспомнить его отношеніе къ англо-бурской войнѣ, его нападенія на имперіалистскія тенденціи, на возрожденіе англійскаго протекціонизма и англійской исключительности.

Признавъ вмѣстѣ съ „левеллерами“ или нивеляторами XVII ст. принципъ равной для всѣхъ свободы, Спенсеръ последовательно выводитъ изъ него слѣдующія положенія: государство должно заботиться о томъ, чтобы граждане могли безпрепятственно пользоваться личной автономіей. Когда государство расширяетъ свою власть, беря на себя выполненіе и другихъ функцій, помимо охраны свободы, то послѣдствіемъ этого можетъ быть помѣха ея развитію. Всякой функціи долженъ соотвѣтствовать органъ; функція защиты индивидуальной свободы принадлежитъ по праву государству; этой одной функціи для него совершенно достаточно. Кто хочетъ заставить государство исполнять еще какую-нибудь другую роль, напр., заботиться о доставленіи возможно большаго счастія возможно большему числу людей, тотъ, если вѣрить Спенсеру, не понимаетъ закона эволюціи, такъ какъ этотъ законъ состоитъ въ прогрессивной дифференціаціи функцій и соотвѣтствующихъ имъ органовъ.

Еще въ первомъ своемъ соціологическомъ трактатѣ, въ Соціальной Статикѣ, написанной въ 1849—50 г., Спенсеръ заявляетъ, что между высшими и низшими животными замѣчается различіе въ числѣ органовъ, исполняющихъ отдѣльныя жизненныя функціи. Тотъ же фактъ встрѣчается и въ человѣческихъ обществахъ въ зависимости отъ степени ихъ развитія. Взявъ его за критерій, мы можемъ классифицировать всѣ виды человѣческихъ сообществъ въ болѣе или менѣе дифференцированные. Законъ дифференціаціи управляетъ, по мнѣнію Спенсера, всѣмъ ходомъ развитія общественной жизни; онъ проявляется, какъ въ экономической сферѣ въ формѣ раздѣленія труда, такъ и въ сферѣ развитія языка и учрежденій. Въ новомъ изданіи того же сочиненія, вышедшемъ въ 1902 г., мы встрѣчаемъ примѣчаніе, гласящее, что еще въ 1849-мъ году Спенсеръ придерживался тѣхъ же мыслей на счетъ природы эволюціи или прогресса, что и полъ-вѣка спустя, когда заканчивался имъ его обширный трактатъ о Соціологіи [1]).

Всякое расширеніе функцій государства, противорѣчащее закону прогресса, требующему постоянной дифференціаціи, является,

---

[1]) См. „Social Statics“, изд. 1902 г., стр. 120.

поэтому, въ глазахъ Спенсера, понятнымъ движеніемъ. Оно заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ посягательство на индивидуальную свободу. Спенсеръ пытается доказать это, прибѣгая къ формѣ діалога между частнымъ лицомъ и государствомъ.

— Къ чему вы призваны, какъ руководители общества,— спрашиваетъ гражданинъ, обращаясь къ правителямъ?—Развѣ не къ тому, чтобы защищать интересы всѣхъ, кто ввѣрилъ вамъ власть; развѣ вы не должны заботиться прежде всего о томъ, чтобы каждый пользовался необходимой для развитія его способностей и возможно широкой свободой, подъ условіемъ, однако, чтобы она не нарушала равной свободы другихъ людей?

— Совершенно вѣрно,— слѣдуетъ отвѣтъ.—Такова ближайшая наша обязанность. При передачѣ намъ власти было рѣшено, что мы не будемъ стѣснять ничьей свободы, разъ этого не требуетъ обезпеченіе равной свободы всѣхъ.

— Но зачѣмъ въ такомъ случаѣ,—возражаетъ собесѣдникъ,— вы требуете отъ меня денегъ на покрытіе нуждъ, не имѣющихъ ничего общаго съ защитой моей свободы? Зачѣмъ вы лишаете меня того, что необходимо мнѣ самому, отъ чего зависитъ полное развитіе моей личности? Заставляя меня давать вамъ часть моего имущества, вы лишаете меня возможности найти наилучшее употребленіе для моихъ способностей, или, что, въ концѣ-концовъ, одно и то-же, вы ограничиваете мою свободу. Грабя меня, вы вмѣсто того, чтобы оказывать пользу, приносите мнѣ только вредъ. Тѣмъ самымъ вы уклоняетесь отъ исполненія вашихъ прямыхъ обязанностей и перестаете служить той функціи, для которой вы были созданы [1]).

Гербертъ Спенсеръ ничего не прибавилъ новаго къ своей доктринѣ о нормальномъ отношеніи государства къ индивиду въ извѣстномъ разсужденіи: „Частное лицо противъ Государства“. Это не помѣшало его брошюрѣ вызвать своимъ появленіемъ цѣлую бурю негодованія. Спенсера стали считать, по моему, совершенно неосновательно, за противника демократическихъ требованій, тогда какъ онъ боролся только противъ преобладающей тенденціи расширять произвольно область правительственнаго вмѣшательства. Онъ оспаривалъ пользу его, исходя изъ того же начала борьбы классовъ, которое служитъ основою и для марксистскаго соціализма. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Соціальной Статикѣ“ можно найти слѣдующее характерное мѣсто: „Разъ мы согласимся съ тѣмъ, что люди по своей природѣ эгоистичны, какъ можемъ

---

[1]) Ibid. стр. 121.

мы думать, что тѣ, которымъ ввѣрена власть, не будутъ пользоваться ею, какъ имъ покажется наиболѣе выгоднымъ. Легко убѣдиться, что такъ всегда и было, притомъ въ любой періодъ исторіи. Во времена господства монархіи единственной цѣлью, которую ставило себѣ правительство, было обезпеченіе своихъ собственныхъ интересовъ. Оно стремилось расширить свою власть, конфисковывало имущество подданныхъ, продавало право отправленія правосудія тому, кто соглашался произвести наибольшій платежъ, и чеканило фальшивую монету. Его жадность доходила до того, что оно не брезгало извлекать доходъ даже съ профессіи проститутокъ. Гербертъ Спенсеръ пытается доказать, что классовые интересы одинаково преслѣдовались, какъ въ эпоху феодальныхъ порядковъ, предшествовавшихъ во времени неограниченной монархіи, такъ и съ момента господства парламентской аристократіи, являющейся непосредственнымъ преемникомъ королевскаго абсолютизма. Можно было бы подумать, что читаешь горячій памфлетъ, вылившійся изъ подъ пера какого-нибудь чартиста и который охотно былъ-бы включенъ въ библіотеку, созданную для пропаганды доктринъ Карла Маркса. Въ дѣйствительности Спенсеръ весьма далекъ отъ того, чтобы требовать отмѣны существующаго строя или отрицать вмѣстѣ съ анархистами необходимость самого существованія государства. Онъ хочетъ только того, чтобы государственной власти были поставлены извѣстныя границы, которыя бы дали ей возможность исполнять исключительно ту функцію, ради которой она создана; онъ стремится къ тому, чтобы правительство видѣло свою единственную задачу въ защитѣ правъ личности.

Спенсера часто обвиняли въ анархическихъ тенденціяхъ. На самомъ-же дѣлѣ, хотя онъ и не отрицалъ никогда, что употребленіе силы со стороны государства есть зло, тѣмъ не менѣе весьма часто и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ ему приходилось высказываться въ пользу активнаго сопротивленія, въ интересахъ защиты правъ личности, порядка и общественнаго спокойствія.

Не разъ изъ его устъ слышались рѣчи, радикально расходящіяся съ проповѣдью Толстого. „Нужно признать, что несопротивленіе злу есть абсолютное зло, читаемъ мы въ его Соціальной Статикѣ.—Мы не можемъ отказываться отъ того, что должно быть нашимъ; мы не можемъ пренебрегать тѣми правами, которыя принадлежатъ намъ съ самого рожденія. Если мы обязаны уважать чужіе интересы, то какъ можемъ мы относиться безразлично къ признанію или непризнанію своихъ собственныхъ?

Неужели то, что священно въ личности другого человѣка теряетъ характеръ святости, какъ только страдающимъ субъектомъ являемся мы сами? У насъ, несомнѣнно, имѣется тенденція выражать нашу свободу во внѣшнихъ поступкахъ; она и вызываетъ въ насъ рѣшимость признавать за другими людьми равное съ нами право самоопредѣленія. Но развѣ не стоитъ внѣ спора, что мы начинаемъ уважать свободу ближнихъ только тогда, когда мы научились служить активной защитѣ своихъ собственныхъ правъ! Мы не можемъ оставаться пассивными, когда на насъ нападаютъ; въ борьбѣ за свои права мы научаемся исполнять нашъ долгъ“ (стр. 117).

Но, требуя признанія за личностью права активнаго сопротивленія, Спенсеръ считаетъ, что и государство должно пользоваться своею силою, въ случаѣ, если дѣло идетъ о защитѣ свободы его гражданъ. Правда, англійскій философъ вовсе не хочетъ того, чтобы демократическое правительство прибѣгало къ насилію такъ же часто, какъ военныя монархіи. Онъ не разъ повторяетъ, что народною формою правленія называется та, которая требуетъ отъ гражданъ наименьшихъ жертвъ и оставляетъ имъ возможно широкую свободу дѣйствія. Поэтому, говоря о демократической формѣ правленія, мы и употребляемъ, пишетъ онъ, такіе термины, какъ свободныя учрежденія, самоуправленіе, гражданская свобода и т. п. Но подобно тому, какъ способность управлять самимъ собой зависитъ отъ степени развитія въ личности нравственнаго чувства, такъ точно интенсивности этого чувства должна соотвѣтствовать та степень свободы, которая признается за индивидомъ учрежденіями и законами.

Истинно-демократическое правленіе можетъ оказаться жизнеспособнымъ лишь въ томъ случаѣ, если нравственное чувство не только проявляетъ себя весьма активно, но еще достаточно распространено въ массѣ населенія. Разсуждая такимъ образомъ, Спенсеръ высказываетъ, между прочимъ, одну мысль, которая могла-бы подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ, разъ мы ее изолируемъ отъ того контекста, въ которомъ она стоитъ. „Поступками людей, пишетъ Спенсеръ, должна управлять внутренняя или внѣшняя сила. Когда всѣ люди въ своемъ поведеніи подчиняются вліянію внутренней силы, т. е. своему нравственному чувству, то правительство становится излишнимъ. Напротивъ, если нравственное чувство недостаточно интенсивно, то немыслимо обойтись безъ дополнительнаго руководительства силы, привходящей извнѣ“. Если передать эти мысли разговорнымъ языкомъ, надо будетъ сказать: только то общество можетъ обойтись безъ всякаго

правительства, членами котораго являются личности, стоящія на высшей ступени развитія нравственнаго чувства, т. е. существа, придерживающіяся въ своемъ отношеніи къ другимъ людямъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые они желали бы видѣть примѣненными къ себѣ. Но такъ какъ такое общество встрѣтить трудно, то изъ этого слѣдуетъ, что правительство необходимо должно продолжать свое существованіе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ глазахъ Спенсера правительство приноситъ извѣстную пользу; но оно можетъ сдѣлаться вреднымъ и опаснымъ, если расширитъ свои правомочія и возьметъ на себя задачи, которыя лучше могли-бы быть выполнены другимъ общественнымъ органомъ.

То же нерасположеніе къ „полновластію“ государства препятствовало сочувственному отношенію Спенсера къ соціализму. Тотъ соціализмъ, съ которымъ онъ боролся, былъ дѣйствительно „государственнымъ“ (я разумѣю соціализмъ Луи-Блана); Спенсеръ видѣлъ въ немъ прежде всего ученіе, по которому государство призвано регулировать производство. Желая доказать неосновательность такого требованія, Спенсеръ приводитъ въ своемъ сочиненіи рядъ хорошо извѣстныхъ историческихъ фактовъ, показывающихъ, что всякій разъ, когда правительство принимало на себя выполненіе подобной задачи, оно пользовалось своей силой въ интересахъ господствующихъ классовъ, выразителемъ которыхъ оно и было на дѣлѣ.

„До какихъ предѣловъ хотите вы расширить власть правительства? спрашиваетъ Спенсеръ. Долженъ-ли я признать за государствомъ право регулировать промышленность, какъ это было нѣкогда во Франціи стараго порядка, когда ремесленниковъ и фабрикантовъ выставляли къ позорному столбу за дурно сдѣланную работу, за неправильности, допущенныя ими при изготовленіи тканей? Нужно-ли возвращаться къ тѣмъ временамъ, когда желающій трудиться не былъ свободенъ въ выборѣ мѣстожительства, когда онъ былъ принужденъ заниматься своимъ ремесломъ лишь въ теченіе нѣкоторой части года или принимать заказы лишь отъ опредѣленной группы кліентовъ? Или, можетъ быть, желательно вернуться къ тѣмъ порядкамъ, которые не позволяли въ Германіи сапожнику заняться своимъ ремесломъ прежде, чѣмъ изготовленная имъ на образчикъ работа не получитъ благопріятной оцѣнки со стороны избранныхъ цехомъ старшинъ? Нужно ли, чтобы человѣкъ, по-прежнему, не смѣлъ мѣнять рода занятія или селиться въ томъ или другомъ городѣ, по выбору, не получивъ на это спеціальнаго разрѣшенія? „Спенсеръ обозрѣваетъ различ-

ные законы, изданные противъ роскоши, а также рядъ предписаній, имѣвшихъ своей задачей установить цѣны на товары и размѣръ заработной платы; онъ показываетъ безсиліе первыхъ и вредъ, причиненный послѣдними трудящемуся люду, въ виду того, что они сознательно стремились къ одной цѣли: помѣшать производителямъ и рабочимъ извлечь выгоду отъ увеличенія спроса на трудъ и его продукты. Изъ всего этого онъ дѣлаетъ то общее заключеніе, что единственной задачей, которую постоянно ставило себѣ государство, было защищать интересы господствующихъ классовъ.

Спенсеръ и впослѣдствіи не разъ возвращался къ развитію тѣхъ же мыслей; такъ, напр., въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ „Личность противъ Государства“. Въ этой брошюрѣ говорится о законодательствѣ Эдуарда III, направленномъ къ задержанію роста заработной платы; Спенсеръ старается доказать съ помощью его, что правительство всегда регулируетъ производство такимъ образомъ, чтобы собственники и предприниматели могли получать наибольшую выгоду. Но, если онъ и не признаетъ вмѣшательства государства въ область экономической жизни, если онъ доводитъ свою непримиримость въ этомъ вопросѣ до отрицанія пользы, какую можетъ доставить регулированіе закономъ самой продолжительности рабочаго дня, если онъ не хочетъ признать за государствомъ обязанности заботиться о доставленіи работы нуждающимся, то изъ всего этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не признавалъ справедливости требованій рабочихъ, чтобы онъ стремился скрыть дѣйствительные размѣры той эксплуатаціи, какой подвергаются рабочіе со стороны землевладѣльцевъ, еще въ большей степени, какъ онъ думаетъ, чѣмъ со стороны фабрикантовъ. Спенсеръ хочетъ, только одного, чтобы своимъ матеріальнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ рабочіе обязаны были не вмѣшательству государства, а ими же самими устроеннымъ союзамъ; чтобы улучшеніе ихъ быта имѣло источникомъ не правительственную опеку, а самодѣятельность и свободу.

Опытъ послѣднихъ пятидесяти лѣтъ только отчасти оправдалъ его ожиданія.

Рабочіе синдикаты, правда, въ сильной степени содѣйствовали улучшенію, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго уровня трудящагося люда въ Англіи. Но въ томъ же направленіи дѣйствовало и вмѣшательство государства въ экономическую жизнь страны. Оно принимало въ разныхъ странахъ разную форму: то издавались законы съ цѣлью регулированія работы на фабрикахъ, то вводилось страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, на-

иболѣе совершенный образецъ чего представляетъ Германія. Можно было-бы задаться вопросомъ, въ какой степени личная и коллективная иниціатива, усилія рабочихъ синдикатовъ и нѣкоторыхъ филантроповъ, горячо проповѣдывавшихъ введеніе системы мелкаго дешеваго кредита и народныхъ банковъ, земледѣльческихъ синдикатовъ, коопераций и т. д., въ состояніи была бы содѣйствовать поднятію уровня рабочихъ классовъ, если-бы ей не суждено было встрѣтить поддержки со стороны правительства. Но я вполнѣ понимаю скептическое отношеніе Спенсера къ правительственному вмѣшательству въ серединѣ прошлаго столѣтія, послѣ неудачи чартистскаго движенія и крушенія республики во Франціи; вѣдь Англія далеко не была въ то время государствомъ, основаннымъ на демократическихъ принципахъ, а возрожденіе французскаго цезаризма не пророчило быстраго торжества той „уравненной свободы“, которую Спенсеръ призывалъ всѣми силами своего духа.

Политическимъ идеаломъ Спенсера, повторяю, какъ и всей радикальной партіи Англіи въ серединѣ XIX ст., была широкая демократія. Спенсеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые громко требовали, если не признанія за женщинами голоса на выборахъ, то, по крайней мѣрѣ, равноправія ихъ съ мужчинами передъ гражданскимъ закономъ. Еще въ 1850 г., онъ резюмировалъ слѣдующимъ образомъ тѣ доводы, какіе могутъ быть представлены въ пользу этой мысли: „Кто ссылается на преимущество способностей, какими мужчины отличаются по отношенію къ женщинамъ, и строитъ на немъ свои возраженія противъ уравненія ихъ въ правахъ, того легко опровергнуть слѣдующимъ соображеніемъ: разъ вы желаете, чтобы права соотвѣтствовали способностямъ обоихъ половъ, вамъ необходимо примѣнить тотъ же принципъ и къ рѣшенію вопроса о томъ, какія права должны быть признаны за каждымъ индивидомъ сильнаго пола. Но чѣмъ вы станете руководствоваться при производствѣ такой оцѣнки? Общественнымъ мнѣніемъ? Но оно разнорѣчиво, да и ничто не доказываетъ его правильности. Съ другой стороны, несомнѣнно, что есть женщины болѣе интеллигентныя, чѣмъ средній уровень мужчинъ; чтобы оставаться послѣдовательнымъ, нужно было-бы признать за ними права болѣе широкія. Впрочемъ, само основное положеніе не выдерживаетъ критики. Разъ мы допустимъ, что свобода необходима для полнаго развитія нашихъ способностей, мы послѣдовательно должны признать и слѣдующее: отличаясь меньшими дарованіями, чѣмъ мужчины, женщины еще болѣе ихъ нуждаются въ свободѣ“...

Не слѣдуетъ забывать, что эти мысли были высказаны Спенсеромъ за много лѣтъ до Джона Стюарта Милля, притомъ въ то самое время, когда главою французскаго позитивизма провозглашалось совершенно противоположное начало. Всѣ только что приведенныя мысли въ настоящее время сдѣлались ходячими, но было-ли такъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, когда во всей Европѣ, вслѣдъ за подавленіемъ революціи 48 года, все рѣзче и рѣзче стала обрисовываться реакціонная политика кабинетовъ, запуганныхъ возстаніемъ и подъемомъ національностей? Еслибы англійское государство во вторую половину XIX столѣтія осталось тѣмъ же феодально-аристократическимъ, какимъ мы застаемъ его въ эпоху чартистскаго движенія, его соціальное законодательство едва-ли отразило бы на себѣ вліяніе иныхъ принциповъ, кромѣ тѣхъ, которые въ концѣ XVIII ст. повели къ „огораживанію открытыхъ полей и упраздненію общинныхъ пользованій“, что, въ свою очередь, отняло у крестьянъ ихъ исконныя права на пастбища и пустоши. Спенсеръ не разъ вспоминаетъ объ этомъ хищническомъ законодательствѣ; по его мнѣнію, оно прекрасно показываетъ, какъ на дѣлѣ государство понимаетъ свою задачу о „доставленіи наивозможнаго блага наибольшему числу людей“. Народное представительство только тогда въ состояніи было даровать народу соціальное законодательство, отвѣчающее справедливости и интересамъ массъ, когда три слѣдовавшія другъ за другомъ избирательныя реформы совершенно упразднили аристократическій характеръ англійскаго парламентаризма, когда Верхняя Палата потеряла всякое вліяніе на выборъ депутатовъ въ Нижнюю, и ея роль въ общемъ направленіи внутренней политики была значительно ограничена. Ничто не предвѣщало такого исхода почти наканунѣ Крымской войны, когда англійскій шовинизмъ, встревоженный возстаніями въ Индіи и Ирландіи, позволялъ опасаться новаго подъема духа завоеванія и угнетенія.

Въ виду всего сказаннаго, не правы тѣ, кто нападаетъ на Спенсера за то, что въ 1850 году онъ съ сомнѣніемъ относился къ поддержкѣ, какую правительство способно оказать справедливымъ требованіямъ народныхъ массъ. Въ это время было умѣстно напомнить о принципѣ самопомощи, о необходимости самопроизвольной защиты разъ пріобрѣтенныхъ вольностей.

Но вѣдь Спенсеръ продолжалъ обнаруживать то же недовѣріе къ правительству и въ болѣе близкое къ намъ время, когда жизнь, повидимому, перестала оправдывать его опасенія? Съ этимъ нельзя не согласиться. „Грядущее рабство“, которому Спенсеръ посвятилъ въ 1860-мъ году свою знаменитую

монографію,—не что иное, какъ тотъ порядокъ „правительственной опеки", которымъ грозитъ намъ, по его мнѣнію, постоянно растущее всемогущество и вмѣшательство государства. Спенсеръ окончательно установилъ свою соціальную доктрину въ знаменитыхъ „Принципахъ Этики", особенно во второй ихъ части, носящей названіе „Справедливость" и вышедшей въ 1890 г.

Изучая сочиненіе, которое, по своему содержанію, отвѣчаетъ понятію общаго трактата по публичному праву, мы встрѣчаемся съ тѣми-же взглядами, какіе высказаны были Спенсеромъ сорокъ лѣтъ назадъ въ уже анализированномъ нами „произведеніи его молодости". Дѣйствительно, мы снова имѣемъ передъ собою систематическую защиту основныхъ положеній англійскаго радикализма, стройное развитіе доктрины, кладущей въ основу всего общественнаго и государственнаго уклада начала свободы и равенства. Зародышъ этого ученія, какъ я сказалъ раньше, нужно искать у англійскихъ нивелляторовъ XVII столѣтія, у „левеллеровъ". На новое сочиненіе Спенсера можно смотрѣть поэтому, какъ на лучшій, наиболѣе полный и послѣдовательный комментарій къ тѣмъ „Декларацiямъ правъ человѣка и гражданина", которыя всѣ находятъ свой прообразъ въ Манифестахъ, такъ-называемыхъ „Народныхъ Соглашеніяхъ", пущенныхъ въ свѣтъ тѣми же нивелляторами. Какъ и прежде, Спенсеръ думаетъ, что свобода необходима для полнаго развитія нашихъ способностей, что она должна быть равною для всѣхъ, безъ различія пола, что она не терпитъ иныхъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, какихъ требуетъ защита одинаковой свободы всѣхъ гражданъ государства. Единственной задачей послѣдняго должна быть забота о сохраненіи равновѣсія между запросами всѣхъ и каждаго на свободу самоопредѣленія, почему мы и можемъ смотрѣть на государство, какъ на органъ справедливости; основной принципъ ея требуетъ, чтобы каждый человѣкъ былъ воленъ дѣлать все, что захочетъ, пока его дѣйствія не нарушаютъ равной свободы другихъ людей (стр. 46).

Государство становится органомъ справедливости только подъ условіемъ порвать съ своимъ прошлымъ, отказаться отъ традиціи милитаризма и сдѣлаться индустріальнымъ. Отнынѣ оно обязывается прибѣгать къ оружію только въ крайнемъ случаѣ, только для отраженія нападеній и защиты собственной независимости (стр. 43).

Изъ всего этого можно заключить, что Спенсеръ ничуть не измѣнилъ своей основной точки зрѣнія; онъ только развиваетъ ее болѣе полно и систематично, чѣмъ прежде. Ему удается также

связать свою доктрину съ великимъ закономъ эволюціи, котораго онъ былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ.

Въ какомъ, спрашивается, смыслѣ, можно смотрѣть на теорію англійскаго радикализма въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена Спенсеромъ, какъ на необходимый выводъ изъ великаго закона эволюціи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ „Справедливости“ исходитъ отъ извѣстнаго біологическаго закона, установленнаго Ламаркомъ и Дарвиномъ. Этотъ законъ гласитъ, что виды, наиболѣе приспособленные къ окружающей ихъ средѣ, уцѣлѣваютъ всего легче. Спенсеръ дѣлаетъ изъ этого закона слѣдующее примѣненіе къ человѣческимъ обществамъ: обезпечивая каждому свободу, необходимую для возможно полнаго его развитія, мы тѣмъ самымъ содѣйствуемъ сохраненію наиболѣе жизнеспособныхъ особей человѣческаго рода. Наоборотъ, если государство, расширяя свои функціи, берется обезпечить счастье возможно большему числу гражданъ и съ этою цѣлью принуждаетъ жизнеспособныхъ нести въ формѣ налога дополнительныя издержки на пользу нежизнеспособныхъ, т. е. тѣхъ, кого лѣность и пороки повергли въ нищету, оно тѣмъ самымъ мѣшаетъ закону эволюціи оказывать свое благотворное вліяніе.

Критика этой доктрины не представила бы трудностей. Ее дѣлали не разъ, упуская, однако, изъ виду, что пониманіе Спенсеромъ „необходимыхъ вольностей“, обезпеченіе которыхъ принадлежитъ государству, гораздо шире того, какое мы находимъ въ любой Декларація Правъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что всѣ граждане могутъ предъявлять одинаковыя притязанія не только на свѣтъ, воздухъ, проточныя воды, но и на пространство, т. е. на землю. Исходя изъ такой точки зрѣнія, Спенсеръ отрицаетъ знаменитую теорію Локка, полагавшаго, что земельная собственность порождается трудомъ. Авторъ „Принциповъ Этики“ обстоятельно знакомъ съ исторіей землевладѣнія и пользуется ею въ своей критикѣ. Въ немногихъ словахъ его возраженія сводятся къ слѣдующему: земля принадлежала, говоритъ онъ, съ самаго начала сообща всѣмъ членамъ одного и того-же племени; отдѣльное лицо могло лишь временно пользоваться частью ея, которую и обрабатывало собственнымъ трудомъ; само это пользованіе обусловливалось молчаливымъ согласіемъ остальныхъ членовъ племени. Спенсеръ прекрасно понимаетъ также характеръ совладѣнія, какой носила земельная собственность во времена феодализма. Сеньеръ считался только собственникомъ земли, пользовался же ею тотъ, кто ее обрабатывалъ. Согласно Спенсеру, современное государство является наслѣдникомъ племени и феодальнаго сеньера. Оно имѣетъ, по-

этому, верховное право на всѣ земли страны; отдѣльныя личности могутъ только пользоваться этими землями. Изъ этого положенія вытекаетъ право государства націонализировать недвижимыя имущества. Но цѣнность земель увеличилась, благодаря приложенію труда къ ихъ обработкѣ теперешними собственниками или ихъ предками. Въ виду этого, на государствѣ лежитъ обязанность выкупить эти земли; собственники же имѣютъ право требовать за нихъ вознагражденія.

Спенсеръ является не только сторонникомъ націонализаціи земли въ духѣ Уоллэса и Генриха Джорджа; онъ идетъ еще несравненно дальше ихъ въ своихъ требованіяхъ. Всѣ вещи, способныя сдѣлаться предметомъ аппропріаціи, пишетъ онъ, имѣютъ посредственно или непосредственно источникомъ землю; благодаря этому, всякое индивидуальное право на нихъ должно быть ограничено тѣми же условіями, въ какія поставлено право земельнаго владѣнія. Трудъ есть единственное средство пріобрѣтенія имущества, но трудъ возможенъ только благодаря пищѣ; всякая же пища обязана своимъ происхожденіемъ землѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что съ нравственной точки зрѣнія такъ же трудно оправдать право собственности на любой матеріальный предметъ, какъ и на землю (стр. 94).

Вы видите, что взгляды Спенсера нельзя смѣшивать съ тѣми теоріями англійскихъ либераловъ XVII ст., которые съ одинаковымъ уваженіемъ относились какъ къ свободѣ, такъ и къ собственности.

Авторъ „Справедливости“ превзошелъ въ своей схемѣ всѣ билли о правахъ. Одинъ страхъ передъ формулой: „каждому согласно его потребностямъ“, продолжаетъ отличать его отъ крайнихъ партій. Напротивъ, довольно близкое выраженіе его взглядамъ даетъ правило: „каждому — полный продуктъ его труда“, правило, пущенное въ ходъ Антономъ Менгеромъ и которое по существу совпадаетъ съ принципомъ Прудона: „каждому согласно его труду“. Если Спенсеръ оспариваетъ положеніе, выставляемое коммунистами, то лишь потому, что принятіе его кажется ему равносильнымъ признанію, что государство должно покровительствовать нежизнеспособнымъ во вредъ жизнеспособнымъ. Съ другой стороны, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что та форма, которую принимаетъ у Спенсера „право каждаго на свою личность и члены“, не встрѣтило бы сочувствія ни Бастіа, ни другихъ представителей школы „laissez faire“. Вѣдь Спенсеръ объявляетъ себя въ пользу признанія за рабочимъ права преслѣдовать хозяина въ судебномъ порядкѣ, если онъ

небрежно относится къ своимъ обязанностямъ и не принимаетъ мѣръ къ устраненію на фабрикѣ или заводѣ всего, что могло бы принести ущербъ для здоровья рабочихъ, будетъ ли то несовершенство машинъ, отсутствіе необходимыхъ предосторожностей, или рискъ, связанный съ выполненіемъ заказанной хозяиномъ работы.

Французская аудиторія найдетъ, вѣроятно, что англійскій философъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ стремленіи защитить личность отъ всего, что такъ или иначе можетъ быть разсматриваемо, какъ покушеніе на ея честь. Вѣдь онъ требуетъ изданія закона, который позволилъ бы преслѣдовать, какъ за преступленіе, за всякій поцѣлуй, на который не послѣдовало согласія получающаго его (стр. 69).

При отстаиваніи „необходимыхъ вольностей“ Спенсеръ не считаетъ возможнымъ поставить въ одинъ рядъ права публичныя и права политическія. Политическія права, дающія возможность всѣмъ, кто пользуется ими, принимать участіе въ правленіи въ качествѣ избирателя или избираемаго, являются на его взглядъ лишь средствомъ къ обезпеченію правъ публичныхъ, т. е. свободы въ ея различныхъ проявленіяхъ. Полное развитіе способностей каждаго не предполагаетъ необходимо, по мнѣнію Спенсера, участія всѣхъ гражданъ въ управленіи государствомъ. При рѣшеніи вопроса, кому должны принадлежать политическія права, необходимо руководствоваться инымъ принципомъ, нужно имѣть въ виду тѣсное соотношеніе, которое должно существовать между преимуществами, признаваемыми закономъ за тѣмъ или инымъ гражданиномъ, и его обязанностями по отношенію къ государству. Тотъ, кто не въ состояніи исполнять всѣхъ обязанностей гражданина, особенно же обязанности защищать страну отъ враговъ, тотъ не можетъ претендовать на признаніе за собой всей полноты политическихъ правъ. Разсуждая такимъ образомъ, Спенсеръ уклоняется до нѣкоторой степени отъ взглядовъ, высказанныхъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ относительно полной эмансипаціи женщины.

Изъ различія, установленнаго имъ между публичными и политическими правами, дѣлается затѣмъ выводъ, неблагопріятный признанію всеобщаго права голосованія не только женщинъ, но и мужчинъ. Само по себѣ право голоса, по мнѣнію Спенсера, вовсе не необходимо для того, чтобы обезпечить личности возможность широкаго развитія всѣхъ ея способностей. Оно служитъ въ ея рукахъ лишь орудіемъ, позволяющимъ ей бороться съ арушеніемъ ея свободы правительствомъ. Сравнивая политичес-

кую организацію различныхъ націй въ различные періоды ихъ исторіи, продолжаетъ развивать свою мысль Спенсеръ, можно вынести впечатлѣніе, что тѣ, въ чьихъ рукахъ находится власть, будетъ-ли то единичное лицо или извѣстное меньшинство, пользуются ею по большей части въ собственныхъ интересахъ и во вредъ большинству населенія. Болѣе широкое распредѣленіе политической власти, повидимому, должно уменьшить число этихъ злоупотребленій; будь это такъ, этого одного было бы достаточно, чтобы признать народную форму правленія обладающей крупными преимуществами передъ всякой другой. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ иначе. Сколько странъ, въ которыхъ политическія права принадлежатъ всѣмъ гражданамъ, и гдѣ, тѣмъ не менѣе, нѣтъ и слѣда общественной свободы. Чтобы доказать свою мысль, Спенсеръ указываетъ въ видѣ примѣра на республиканскую Францію, въ которой бюрократическій деспотизмъ свирѣпствуетъ не менѣе, чѣмъ во Франціи временъ Имперіи. По его мнѣнію, къ свободѣ гражданъ относятся во Франціи съ такимъ неуваженіемъ, что приходится терять всякое довѣріе къ республиканской формѣ правленія. Спенсеръ утверждаетъ, что подобные-же факты наблюдаются и въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ всеобщее голосованіе вовсе не мѣшаетъ подкупнымъ муниципалитетамъ требовать съ жителей громадныхъ мѣстныхъ налоговъ, которые никоимъ образомъ не соотвѣтствуютъ пользѣ, достигаемой при ихъ помощи.

Указавъ на всѣ эти факты, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что расширеніе права голосованія, недавно воспослѣдовавшее во многихъ государствахъ, ничуть не содѣйствовало защитѣ правъ человѣка; напротивъ того, оно привело къ болѣе частому нарушенію этихъ правъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться рѣдкими, правительственные приказы, предписывающіе гражданамъ то или иное поведеніе, все учащаются; правительство рѣшается облагать подданныхъ такими крупными налогами, какихъ никогда не бывало раньше. Такимъ образомъ, политическія права не только могутъ не содѣйствовать торжеству общественной свободы; они часто являются средствомъ къ увеличенію правительственной тираніи. Имѣемъ-ли мы, однако, основаніе утверждать, вмѣстѣ съ Спенсеромъ, что существуетъ тѣсная связь между расширеніемъ права голосованія и повышеніемъ тѣхъ требованій, какія правительство предъявляетъ къ индивиду? Поступать такимъ образомъ, значило-бы терять изъ виду уроки исторіи: она ставитъ внѣ сомнѣнія тотъ фактъ, что во времена монархическаго и аристократическаго режима налоговая система приносила

въ жертву интересы низшихъ классовъ населенія; съ развитіемъ же демократіи на всѣхъ гражданъ въ равной степени была возложена обязанность нести подати. Сравните, съ другой стороны, порядки, господствовавшіе при системѣ lettres de cachet съ тѣми, при которыхъ каждый гражданинъ имѣетъ право преслѣдовать предъ судомъ всякаго превысившаго свою власть чиновника, и вы придете къ заключенію, совершенно обратному съ тѣмъ, какое дѣлаетъ Спенсеръ.

Покровительственная система появилась въ Соединенныхъ Штатахъ Америки гораздо раньше введенія въ нихъ всеобщаго голосованія. Примѣры самосуда или „Линча" можно встрѣтить въ ней издавна. Итакъ, факты вовсе не доказываютъ того тѣснаго соотношенія, какое Спенсеръ находитъ между расширеніемъ права голосованія и уменьшеніемъ общественной свободы.

Болѣе внимательнаго отношенія заслуживаютъ взгляды автора „Справедливости" на опасность, которой грозитъ расширеніе права голосованія на женщинъ. Спенсеръ принадлежитъ къ тѣмъ, кто думаетъ, что легкая возбуждаемость женщины, съ одной стороны, ея уваженіе къ силѣ и успѣху, съ другой, равно какъ и нѣкоторыя другія черты ея психики, пріобрѣтенныя благодаря тому, что единственнымъ открытымъ для нея поприщемъ была семейная жизнь, могутъ имѣть послѣдствіемъ, что при выступленіи ея на арену общественной дѣятельности, политическая жизнь приметъ болѣе тревожный характеръ. Онъ боится, что женщина внесетъ нетерпимость въ обсужденіе текущихъ вопросовъ и нарушитъ связь и преемство политическихъ мѣропріятій. Весьма вѣроятно также, что ея участіе въ дѣлахъ страны поведетъ къ усиленію той тенденціи, которая желаетъ, чтобы государство играло роль Провидѣнія. Съ другой стороны, женщина можетъ сдѣлаться опорою для всякаго рода консервативныхъ стремленій, особенно въ вопросахъ религіозныхъ. Не допуская женщинъ къ избирательнымъ урнамъ, Спенсеръ, тѣмъ не менѣе, вовсе не желаетъ того, чтобы ихъ роль ограничивалась исключительно семейной средою, какъ этого требовалъ, напримѣръ, Огюстъ Контъ. Онъ также далеко не согласенъ съ тѣмъ, что Контъ говоритъ о низкомъ уровнѣ умственныхъ способностей женщинъ, благодаря чему онѣ будто-бы всегда находятся подъ вліяніемъ мужчинъ. Спенсеръ имѣетъ въ виду отмѣтить только нѣкоторыя черты женскаго характера, образовавшіяся, какъ онъ самъ признаетъ, подъ вліяніемъ той роли, какую женщина была призвана играть доселѣ въ общественной жизни. Не выходя почти никогда изъ сферы семейныхъ заботъ, женскій умъ пріобрѣлъ, въ концѣ-концовъ, из-

вѣстный складъ, который мѣшаетъ женщинѣ въ настоящее время такъ же хорошо исполнять свои гражданскія обязанности, какъ мужчина. На все, что Спенсеръ говоритъ по такъ-называемому женскому вопросу, можно было-бы возразить слѣдующее. Отправляясь отъ той научной истины, что функція сама создаетъ органъ, какъ не признать, что нравственный характеръ женщины и складъ ея ума совершенно измѣнятся, разъ она будетъ пользоваться правомъ голоса и непосредственно принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ? Нѣтъ основанія сомнѣваться, что женщина пріобрѣтетъ такимъ образомъ недостающую ей теперь способность руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ общими интересами, безъ чего, само собой разумѣется, немыслимо никакое разумное законодательство. Съ другой стороны, нельзя не сказать, что Спенсеръ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, когда говоритъ о склонности женщинъ одновременно къ соціальнымъ новшествамъ и къ консерватизму. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ эта послѣдняя черта ихъ характера не будетъ служить постояннымъ препятствіемъ для безграничнаго расширенія системы правительственнаго вмѣшательства, котораго такъ боится авторъ „Справедливости“? Если женщина стремится къ сохраненію существующаго, особенно въ сферѣ семьи и церкви, то совершенно непонятнымъ представляется намъ опасеніе, что ея политическая дѣятельность будетъ направлена въ пользу расширенія власти и подчиненія государству семьи и церкви.

Мы далеко не исчерпали въ предыдущемъ очеркѣ богатаго содержанія соціальной доктрины Спенсера, такъ какъ намъ пока не пришлось еще говорить о наиболѣе обширномъ, если не важнѣйшемъ, изъ его сочиненій, объ Основахъ Соціологіи.

Этотъ трактатъ посвященъ, впрочемъ, почти исключительно выясненію начальныхъ фазисовъ общественнаго развитія. Генетическая Соціологія, иначе говоря Эмбріологія Общества, обязана великому англійскому энциклопедисту установленіемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ основныхъ положеній.

Когда отъ органической теоріи государства не останется никакихъ, или почти никакихъ слѣдовъ, когда нравственная или вѣрнѣе общественно-политическая программа Спенсера, будетъ оцѣнена по достоинству и понята, какъ выраженіе требованій всего на всего одной партіи, радикаловъ, безъ различія расъ и національностей, „Основанія Соціологіи“ по прежнему останутся образцомъ для всѣхъ, кто при помощи сравнительно-историческаго метода ищетъ отвѣта на великія проблемы происхожденія и развитія человѣческихъ обществъ. Этотъ гигант-

скій трудъ, который охватываетъ въ трехъ томахъ всѣ вопросы, касающіеся прошлаго семьи, собственности и правительства, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, могъ быть написанъ только въ странѣ, такъ глубоко интересующейся этнографіей и первобытной археологіей, какъ Англія. Литература этой страны изобилуетъ описаніями путешествій; правительствомъ предпринятъ рядъ изслѣдованій съ цѣлью раскрыть въ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ особенности быта населяющихъ британскую имперію народностей. Все это вмѣстѣ взятое должно было привести къ тому, что нигдѣ, кромѣ Англіи, не могла быть сдѣлана и первая попытка соединить въ общій синтезъ всѣ положенія, относящіяся къ вопросу о происхожденіи вѣрованій и различныхъ другихъ сторонъ общественной жизни. Основанія Соціологіи Спенсера были подготовлены исподоволь такими замѣчательными работами, какъ „Первобытная культура“ Эдуарда Тэйлора, „Происхожденіе семьи“ Макъ-Ленана и превосходныя монографіи Генриха Семнера Мэна о древнемъ правѣ и о первобытныхъ учрежденіяхъ. Спенсеръ не всегда отдаетъ должное своимъ предшественникамъ. Такъ, напр., Эдуардъ Тэйлоръ счелъ себя въ правѣ утверждать, что теорія первоначальнаго культа предковъ и происхожденія изъ него фетишизма была построена имъ значительно раньше Спенсера. И дѣйствительно, если сравнить то, что говоритъ Спенсеръ о древнѣйшихъ вѣрованіяхъ съ соотвѣтствующими главами „Первобытной культуры“, нельзя будетъ не признать, что авторъ Основаній Соціологіи не разъ высказываетъ взгляды, заимствованные имъ изъ сочиненія великаго оксфордскаго антрополога.

Одна изъ наиболѣе оригинальныхъ главъ въ Основаніяхъ Соціологіи та, въ которой Спенсеръ указываетъ на важную роль освященныхъ обычаемъ церемоній и обрядностей въ жизни дикарей. Отправляясь отъ этого факта, англійскій мыслитель берется доказать, что раньше всѣхъ прочихъ формъ правительства возникло „церемоніальное“. Мнѣ пришлось однажды слышать, изъ устъ одного французскаго соціолога (Тарда), полную юмора критику этой теоріи. По мнѣнію Тарда, о его соотечественникахъ можно приблизительно сказать то же, что Спенсеръ говоритъ о дикаряхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно изучить французскую судебную практику, хотя бы, напр., роль, играемую приставами (greffiers). Это не мѣшаетъ тому, что новѣйшія сочиненія, изображающія намъ бытъ наиболѣе отсталыхъ расъ и народностей земного шара (я имѣю спеціально въ виду изслѣдованія Спенсера и Гиллена объ Австралійцахъ и Кодрингтона о Меланезійцахъ), вполнѣ подтверждаютъ гипотезу Спенсера: первыми нор-

мами, регулировавшими общественную жизнь людей, были нормы обрядового или церемоніальнаго характера. Въ самомъ дѣлѣ, какъ у австралійцевъ и меланезійцевъ, такъ и у краснокожихъ. существуетъ нѣчто въ родѣ посвященія лицъ, достигшихъ половой зрѣлости, посвященія, напоминающаго собою обрѣзаніе или крещеніе взрослыхъ. Только тотъ мужчина считается у нихъ полноправнымъ, надъ которымъ былъ совершенъ предварительно такого рода обрядъ. Только подчинившись извѣстнаго рода операціи, операціи, крайне мучительной, можно сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ тѣхъ тайныхъ обществъ, внутри которыхъ совершаются нѣкоторые тщательно скрываемые обряды или церемоніи магическаго характера. Знаніе ихъ составляетъ своего рода сокровенную науку, въ которую отнюдь не посвящаютъ женщинъ въ надеждѣ внушить имъ тѣмъ самымъ спасительный страхъ, позволяющій держать ихъ въ повиновеніи.

Нельзя сдѣлать большей похвалы такому синтетическому труду, какимъ являются Основанія Соціологіи Спенсера, какъ сказавъ, что общія положенія его подтверждаются фактами, которые остались неизвѣстными его автору. Спенсеръ почти ни слова не говоритъ о славянахъ, и тѣмъ не менѣе его взгляды на характеръ политическихъ учрежденій въ періодъ зарождающагося государства находятъ блестящее подтвержденіе въ политической эволюціи, пройденной славянскими народами.

Въ Основаніяхъ Соціологіи указано, напримѣръ, на то, что княжеская власть въ началѣ своего развитія была ограничена, съ одной стороны, совѣтомъ старѣйшинъ, а съ другой, народными собраніями; и вотъ, оказывается, что это буквально та картина, какую представляютъ собою въ эпоху, предшествующую образованію Московіи, древне-русскія княжества съ ихъ „вѣчами“ и „думами“. То же самое можно сказать о княжествахъ западныхъ и южныхъ славянъ, о княжеской власти поляковъ, чеховъ, сербовъ и хорватовъ. Изученіе быта кавказскихъ горцевъ также подтвердило теорію Спенсера по слѣдующему вопросу: Спенсеръ утверждаетъ, что гражданская власть далеко не всегда при своемъ первоначальномъ появленіи носитъ характеръ военнаго начальствованія. Сосредоточеніе въ рукахъ той или другой семьи или цѣлаго класса религіознаго или свѣтскаго знанія (знанія легендъ, заклинаній или судебныхъ приговоровъ) путемъ долгой эволюціи можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ предоставленіе имъ извѣстныхъ правительственныхъ функцій, пожизненныхъ и даже наслѣдственныхъ.

И вотъ, оказывается, что мы имѣемъ возможность наблюдать

этотъ процессъ не только въ исторіи евреевъ въ эпоху „Судей", примѣръ, на который ссылается Спенсеръ, но еще у кельтовъ Галліи и Ирландіи. Достаточно напомнить о друидахъ, потерявшихъ со временемъ, т. е. съ момента принятія ирландцами христіанства, значеніе духовныхъ вождей націи и превратившихся изъ жрецовъ частью въ народныхъ бардовъ, частью въ судебныхъ посредниковъ или „брегоновъ". Тотъ-же самый процессъ повторился, наконецъ, еще недавно въ государствѣ, образовавшемся въ XVII и XVIII вв. на югѣ Дагестана, почти на берегу Каспійскаго моря. Я имѣю въ виду Кайтагъ, во главѣ котораго стоялъ наслѣдственный вождь, носившій названіе „Уцмія". На туземномъ нарѣчьи это слово значитъ „судья". Лица, носившія этотъ титулъ, принадлежали къ роду знаменитаго судьи XVII в., Рустема. Только членамъ его семьи было извѣстно содержаніе постановленныхъ имъ приговоровъ. Они долгое время тщательно скрывали ихъ отъ всѣхъ остальныхъ семей и съ помощью этого сокровеннаго знанія добились власти надъ ними. Имъ удалось достигнуть этого потому, что народъ разсчитывалъ съ ихъ водвореніемъ воспользоваться выгодами хорошаго суда, въ которомъ онъ такъ нуждался.

Я бы затруднился сказать, какая часть „Основаній Соціологіи" должна быть поставлена выше другихъ. Главы, въ которыхъ поднимается вопросъ о происхожденіи семьи, могутъ считаться въ настоящее время нѣсколько устарѣвшими, такъ какъ съ тѣхъ поръ, когда онѣ были написаны, литература обогатилась новыми трудами Моргана, Вестермарка и Колера. Спенсеръ придаетъ, можетъ быть, слишкомъ большое значеніе первобытному гетеризму, считая его исходнымъ моментомъ въ развитіи всѣхъ формъ брака.

Послѣдняя часть его книги, въ которой рѣчь идетъ объ индустріальной эволюціи, носитъ на себѣ слѣды сильной умственной усталости. Съ сожалѣніемъ констатируешь, что преклонный возрастъ и продолжительная работа ослабили свѣжесть и изобрѣтательность ума Спенсера. Но это не мѣшаетъ тому, что и въ этой части блестяще разработанъ вопросъ о раздѣленіи труда. Спенсеръ придерживается при этомъ той самой соціологической точки зрѣнія, съ которой пытались освѣтить этотъ вопросъ Зиммель и Дюркгеймъ. Мнѣ кажется, однако, что всего менѣе пострадали отъ времени и вполнѣ соотвѣтствуютъ современному положенію нашихъ знаній объ исторіи собственности тѣ, главы „Основаній Соціологіи", въ которыхъ говорится о переходѣ коллективной собственности въ частную. Нѣтъ сомнѣнія что Спенсеръ заимствовалъ многое у Мэна и Лавелэ; но онъ

писалъ эти главы своего сочиненія въ то время, когда въ литературѣ начала брать перевѣсъ противоположная Мэну доктрина Фюстель де-Куланжа. Великая его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ не поддаться общему увлеченію. Благодаря этому, онъ сдѣлалъ для установленія эмпирическаго закона эволюціи собственности больше, чѣмъ кто другой. Точно также Спенсеръ совершенно правильно указалъ на то, что ростъ населенія долженъ былъ повліять разлагающимъ образомъ на первобытныя земледѣльческія общины. Въ одной недавно появившейся книгѣ Фулье—Психологія европейскихъ народовъ—сказано: „Я былъ совершенно правъ, когда боролся съ теоріей Фюстеля, согласно которой частная собственность существовала значительно ранѣе того времени, когда была сдѣлана первая попытка дѣлить періодически землю поровну между членами общины“ (стр. 404). Но если кому-нибудь принадлежитъ честь поддержанія правильной точки зрѣнія на этотъ счетъ, то, несомнѣнно, прежде всего автору „Основаній Соціологіи“.

Мы теперь въ правѣ сказать, что Спенсеръ ярко освѣтилъ многіе вопросы генетической соціологіи, что имъ установленъ цѣлый рядъ эмпирическихъ законовъ, единственныхъ обобщеній, которыя мыслимы въ здраво понимаемой соціальной наукѣ. Да позволено же будетъ мнѣ закончить этотъ очеркъ словами, что Спенсеръ такъ много сдѣлалъ для начинающейся науки соціологіи, что имя его смѣло можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Огюста Конта, ея основателя. Въ Спенсерѣ соціологія, какъ абстрактная, такъ и описательная, потеряла одного изъ своихъ творцовъ.

Къ исторіи самоубійства *).

Л. Шейниса.

Знакомя слушателей Русской Высшей Школы общественныхъ наукъ съ основами уголовной антропологіи, я счелъ возможнымъ свести исторію ученія о преступности къ тремъ слѣдующимъ главнымъ фазисамъ: 1) когда преступленіе считается предметомъ индивидуальной психики, проявленіемъ *злой воли;* 2) когда преступность ставится въ непосредственную зависимость отъ причинъ біологическихъ, и 3) уголовно-соціологическая школа, которая придаетъ рѣшающее значеніе соціальнымъ факторамъ **).

Несмотря на попытки многихъ соціологовъ строить соціологію на внѣобщественныхъ основахъ, несмотря на старанія этихъ соціологовъ выводить всѣ соціальныя явленія изъ причинъ космическихъ или психо-физіологическихъ, внимательное изслѣдованіе явленій преступности заставляетъ признать, что соціальные факторы имѣютъ преобладающее значеніе въ той коллизіи между индивидомъ и обществомъ, которую неминуемо предполагаетъ понятіе о преступленіи.

Это преобладающее, рѣшающее значеніе общественнаго элемента можно легко прослѣдить и въ такомъ, на первый взглядъ, индивидуальномъ явленіи, какъ самоубійство. Въ исторіи взглядовъ на самоубійство мы находимъ тѣ же три главныхъ момента: въ теченіе долгихъ вѣковъ самоубійство приравнивается къ преступленію и часто считается даже однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій; затѣмъ оно ставится въ зависимость отъ такихъ біологическихъ факторовъ, какъ разстройства психики или космическія вліянія, и, наконецъ, въ наше время оно становится однимъ изъ самыхъ интересныхъ предметовъ соціологическаго изслѣдованія.

---

*) Изъ курса *О самоубійствѣ, какъ о соціальномъ явленіи.*

**) См. мой очеркъ: „Уголовная антропологія, какъ соціальная наука". („*Міръ Божій*", 1905 г.).

пытокъ такого рѣзкаго обособленія морали христіанства. Въ этой морали не трудно, между прочимъ, прослѣдить близкую родственную связь съ доктринами философовъ Греціи и Египта и съ буддизмомъ. Для насъ особенно интересно отмѣтить, что съ теоріей искупленія мы встрѣчаемся и въ древнѣйшихъ индусскихъ священныхъ книгахъ, и въ преданіи о богѣ Вишну, отдающемъ въ жертву своего сына для спасенія міра. И если я останавливаюсь на этомъ примѣрѣ, то вовсе не для того, чтобы подчеркнуть здѣсь общность основъ различныхъ арійскихъ религій, а для того, чтобы отмѣтить другую сторону вопроса, близко соприкасающуюся съ нашимъ предметомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сплошь и рядомъ вы находите указаніе на то, что древніе часто кончали съ собою съ цѣлью умилостивленія божества. А между тѣмъ именно преданія объ искупленіи и многія аналогичныя явленія свидѣтельствуютъ, что въ древности лишеніе себя жизни цѣнилось гораздо меньше, ставилось въ меньшую заслугу, чѣмъ жертва любимымъ, близкимъ существомъ. Вспомните древне-еврейское преданіе о велѣніи Аврааму принести на закланіе единственнаго своего сына Исаака, вспомните смерть Ифигеніи... Повсюду вы наталкиваетесь на мысль, что кровь того или иного лица можетъ умилостивить боговъ по отношенію къ *другимъ* людямъ и явиться искупленіемъ за ихъ прегрѣшенія. И если кто лишалъ себя жизни, то онъ дѣлалъ это именно съ цѣлью спасенія міра, отечества или согражданъ. Въ этомъ отношеніи величественный и трогательный миѳъ о Прометеѣ чрезвычайно поучителенъ, какъ не менѣе поучительны—фактъ самосожженія полководца Амилькара съ цѣлью доставить такимъ образомъ побѣду своему войску и многіе тому подобные историческіе факты, на которыхъ намъ придется еще останавливаться впослѣдствіи.

Такія самоубійства, гдѣ жизнь той или иной личности приносится въ жертву интересамъ всей общественной группы, и только такія *альтруистическія* самоубійства и могли быть терпимы въ тѣ ранніе періоды развитія общественнаго союза, когда крѣпко сплоченный племенной союзъ совершенно игнорируетъ существованіе индивида, какъ таковаго, когда личность какъ-бы растворяется въ общественномъ цѣломъ, когда внѣ интересовъ общежитія не можетъ и не должно быть никакихъ другихъ интересовъ, никакихъ другихъ правъ.

Можно-ли допустить, чтобы такое первобытное общество, оказывавшее полное и, такъ сказать, всестороннее давленіе на индивидъ, великодушно разрѣшало, въ ущербъ своимъ прямымъ интересамъ, самовольную смерть этого индивида? Конечно, нѣтъ.

Въ дѣйствительности общественное мнѣніе, на этихъ раннихъ ступеняхъ развитія, не только не поощряетъ самоубійства, но совершенно не допускаетъ его. Связь индивида съ общественной группой здѣсь до того сильна, что у нѣкоторыхъ дикарей вы встрѣчаетесь съ курьезнымъ обычаемъ *кровной пени*, платимой не только покушавшимся на самоубійство, но даже человѣкомъ, нечаянно поранившимъ себя,—обычай, основанный на томъ воззрѣніи, что человѣкъ, будучи одной со своей материнской семьей крови, не въ правѣ расточать эту кровь зря и потому долженъ за нее заплатить родственникамъ съ материнской стороны.

Но если первобытныя формы общежитія въ самой основѣ своей совершенно не согласуются съ правомъ индивида располагать собою и своей жизнью по своему усмотрѣнію, то какимъ образомъ можно объяснить тогда существованіе извѣстнаго обычая самоубійства стариковъ? Не является-ли этотъ обычай прямымъ противорѣчіемъ сейчасъ развиваемой нами мысли? Въ дѣйствительности это противорѣчіе только кажущееся, и мнѣ едва-ли нужно будетъ долго останавливаться на этомъ пунктѣ, чтобы показать, что это кажущееся исключеніе въ сущности только подтверждаетъ общее правило. Въ самомъ дѣлѣ, почему первобытный общественный союзъ строго преслѣдуетъ самоубійство? Потому, что оно нарушаетъ интересы союза, идетъ въ разрѣзъ съ самосохраненіемъ коллективнаго цѣлаго. Почему тотъ-же первобытный общественный союзъ, напротивъ, поощряетъ и узаконяетъ самоубійство престарѣлыхъ индивидовъ? Опять-таки только потому, что такого рода самоубійство не только не нарушаетъ интересовъ общежитія, но, напротивъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ интересамъ, такъ какъ дѣло идетъ о членахъ племени, ставшихъ уже безполезными. Мы, слѣдовательно, сталкиваемся тутъ съ фактомъ самоубійства въ силу требованій интересовъ общественной группы. Я сказалъ: *въ силу требованій*, и это выраженіе въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе умѣстно, что не слѣдуетъ думать, чтобы первобытное общество только поощряло самоубійство стариковъ. Въ томъ-то и дѣло—и въ своей монографіи Дюркгеймъ [1]) совершенно правильно подчеркиваетъ это обстоятельство,—что самоубійство стариковъ представляетъ не свободное самоубійство, а *обязательное*. Оно обязательно въ силу религіозныхъ вѣрованій, прикрывающихъ собою матеріальные интересы племеннаго союза и создающихъ изъ естественной смерти родъ пугала. Извѣстно, что у Готовъ существовало убѣжденіе,

*) Emile Durkheim. Le Suicide, étude de sociologie. Стр. 236. Парижъ, 1897.

будто умирающій естественной смертью будетъ вѣчно пребывать въ пещерѣ, наполненной ядовитыми животными. Такая-же боязнь естественной смерти отъ болѣзни или старости существовала у воинственныхъ древнихъ датчанъ, считавшихъ такого рода смерть постыдною, у жителей Фиджи, Новыхъ Гибридскихъ острововъ и пр. Тотъ-же приблизительно взглядъ мы находимъ и въ законахъ Ману, которые гласятъ: „Да будетъ эта человѣческая обитель покинута съ радостью ея обитателями, подверженными старости, горестямъ, болѣзнямъ, всевозможнымъ страданіямъ и предназначенными къ погибели... Браминъ, покинувшій свое тѣло однимъ изъ способовъ, которые введены въ употребленіе святыми или патріархами, принимается съ почестями въ обитель Брамы".

II.

Если мы перейдемъ къ древней Греціи, то увидимъ, что и тутъ опять-таки самоубійство въ принципѣ строго осуждается философами и преслѣдуется законами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, общественное мнѣніе признаетъ для самоубійцы смягчающія его вину обстоятельства; такимъ обстоятельствомъ считается, напримѣръ, угрожающая человѣку смертная казнь, отъ которой онъ избавляется, наложивъ на себя руки. Но внѣ такихъ исключительныхъ случаевъ самоубійство приравнивается къ преступленію, и если апологія этого акта и встрѣчается у нѣкоторыхъ софистовъ, то у главныхъ выразителей греческой философской мысли мы находимъ совершенно противоположное отношеніе къ самоубійству.

Въ самомъ дѣлѣ, мы напрасно стали бы искать апологіи самоубійства у Сократа, хотя нѣкоторымъ авторамъ и угодно относить трагическую смерть этого философа къ категоріи самоубійствъ, быть можетъ, на основаніи извѣстныхъ словъ, произнесенныхъ Сократомъ передъ своей смертью о жертвѣ, которую нужно принести Эскулапу. Въ этихъ словахъ нѣкоторые склонны видѣть символическій намекъ на смерть, разсматриваемую, какъ исцѣленіе отъ жизни. Въ дѣйствительности, однако, вся религіозная доктрина Сократа, проникнутая глубокимъ оптимизмомъ, убѣжденіе въ цѣлесообразности всего сущаго, въ томъ, что міромъ управляетъ Провидѣніе, πρόνοια,—все это идетъ слишкомъ въ разрѣзъ съ мыслью о защитѣ такого рѣзкаго нарушенія обычнаго хода событій, какъ самоубійство. И дѣйствительно, оставаясь на точкѣ зрѣнія зависимости человѣка отъ верховнаго

существа, Сократъ говоритъ о самоубійствѣ слѣдующее: „Боги дали намъ эту жизнь, какъ постъ, который мы никогда не должны покидать безъ ихъ разрѣшенія. Если бы вашъ рабъ лишилъ себя жизни безъ вашего разрѣшенія, развѣ не были бы вы разсержены и не пожелали бы вы наказать его, будь то въ вашихъ силахъ?“

Отрицательное отношеніе къ самоубійству выступаетъ еще рѣзче у Платона и у Аристотеля, причемъ у этихъ двухъ философовъ такое отношеніе получаетъ уже не религіозное, а общественное обоснованіе. И это вполнѣ понятно. Господствующей чертой политическаго идеала Платона является стремленіе къ объединенію индивидовъ въ одномъ коллективномъ и, такъ сказать, органическомъ цѣломъ. Въ *Республикѣ* Платона государство совершенно поглощаетъ личность. Эта послѣдняя—ничто, тогда какъ государство всемогуще. Допуская дѣленіе населенія Республики на касты—судей, воиновъ, ремесленниковъ и землепашцевъ,—Платонъ полагаетъ, однако, что всѣ граждане безразлично принадлежатъ обществу. Переходя отъ этого идеально-деспотическаго государства, отъ этой теоретической концепціи, которую Платонъ рисуетъ въ своей *Республикѣ*, къ его болѣе близкимъ къ дѣйствительности *Законамъ*, мы видимъ, что и въ этомъ сочиненіи Платонъ остается вѣренъ своей точкѣ зрѣнія, остается вѣренъ той же мысли о безусловномъ подчиненіи элемента индивидуальнаго элементу общественному. Игнорируя личность, онъ не признаетъ даже свободы совѣсти и считаетъ необходимымъ распространить дѣйствіе карательныхъ законовъ и на уклоненія отъ господствующихъ религіозныхъ воззрѣній. Съ этой-же точки зрѣнія онъ готовъ допустить самоубійство тамъ, гдѣ субъектъ, совершающій этотъ актъ, поставленъ въ такія условія, при которыхъ онъ перестаетъ быть полезнымъ членомъ общества,—когда, напримѣръ, общество присудило его къ казни. Но, говоритъ онъ, „какое наказаніе можемъ мы присудить людямъ, убивающимъ того, кто для нихъ ближе и дороже всего въ мірѣ,—я имѣю въ виду убійцъ самихъ себя, которые, не взирая на судьбу, обрываютъ нить своихъ дней, не будучи обречены государствомъ на смертную казнь и не доведенные до такого конца какимъ-нибудь ужаснымъ внезапнымъ несчастьемъ или позоромъ, дѣлающимъ для нихъ жизнь невыносимой, а просто налагающіе на себя это незаслуженное наказаніе по своей слабости и крайней низости? Однимъ богамъ извѣстно, каковы должны быть обряды, необходимые для искупленія, и каково должно быть погребеніе виновнаго. И потому ближайшіе родные должны спра-

вляться у толкователей и въ законахъ, касающихся этого вопроса, и поступать соотвѣтственно ихъ указаніямъ. Тотъ, кто умерщвляетъ себя такимъ образомъ, будетъ похороненъ одинъ и въ сторонѣ. На одной изъ 12-ти границъ территоріи, для погребенія его будетъ выбрано какое-нибудь невоздѣланное и неизвѣстное мѣсто, гдѣ тѣло его будетъ опущено въ землю безъ почестей, съ запрещеніемъ воздвигать на его могилѣ какой-бы то ни было памятникъ или вырѣзать на мраморѣ его имя".

Проникнутая болѣе либеральнымъ духомъ, менѣе стѣснительная, менѣе деспотическая политика Аристотеля покоится, однако, на той-же идеѣ всемогущества государства. Правда, Аристотель не заходитъ такъ далеко, какъ Платонъ въ дѣлѣ расширенія функцій государства: онъ не предлагаетъ карательныхъ мѣръ, какъ это дѣлаетъ Платонъ, противъ тѣхъ проявленій человѣческой дѣятельности, которыя не предполагаютъ никакого конфликта между личностью и обществомъ, но, ревнивый поборникъ законности, онъ считаетъ самоубійство преступленіемъ, такъ какъ оно является, по его мнѣнію, нарушеніемъ общественнаго договора. „Что касается того, кто убиваетъ себя въ припадкѣ злобы, то онъ совершенно неразумно исполняетъ противозаконный поступокъ. Онъ, слѣдовательно, поступаетъ несправедливо. Но по отношенію къ кому? По отношенію къ обществу, а не къ самому себѣ, ибо, въ сущности, онъ испытываетъ то, чего желалъ, такъ какъ никто по своей волѣ не станетъ подвергаться несправедливости. Потому-то общество и налагаетъ наказаніе на того, кто убиваетъ самъ себя, какъ на виновнаго въ преступленіи передъ обществомъ".

Трудно было бы выразить болѣе рѣзко, болѣе опредѣленно отношеніе общества къ самоубійцѣ, какъ къ преступнику.

И мы дѣйствительно находимъ въ древне-греческихъ республикахъ цѣлый рядъ узаконеній, касающихся самоубійства. Такъ, у Аѳинянъ трупъ самоубійцы подвергался изуродованію: правая рука, послужившая орудіемъ преступнаго акта, отрубалась палачомъ и зарывалась въ землю или сожигалась отдѣльно отъ тѣла. Въ Ѳивахъ, трупъ сжигался безъ похоронныхъ почестей и въ отсутствіи родственниковъ самоубійцы. Такой же обычай существовалъ и въ Спартѣ.

Чрезвычайно интересно сопоставить съ этими карательными мѣрами противъ самоубійства и съ осужденіемъ его упомянутыми философскими доктринами ученіе стоиковъ, которое и имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду авторы, говорящіе объ апологіяхъ самоубійства въ греческой литературѣ. Да, несомнѣнно,

что стоики возводили самоубійство въ принципъ, какъ средство для избавленія отъ золъ жизни, отъ налагаемыхъ ею на человѣка узъ и путъ. Они не считали самоубійство проявленіемъ малодушія или слабости; напротивъ, они видѣли въ этомъ актѣ выраженіе воли, противопоставляемой внѣшнему міру. Но въ дѣйствительной жизни эта философская доктрина могла найти въ Греціи приверженцевъ только тогда, когда истощенныя рядомъ войнъ греческія республики стали терять свою характерную организацію, терять свою независимость, терять свое общественное значеніе...

Точно также и въ Римѣ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ теченіе всего періода отъ основанія города до полнаго сліянія съ сабинянами и съ этрусками, самоубійство представляетъ рѣдкое, можно сказать, исключительное явленіе. Но къ концу Республики, когда партійная борьба вырождается въ безконечный рядъ кровавыхъ репрессалій, когда междоусобныя войны быстро расшатываютъ этотъ, нѣкогда тѣсно сплоченный, общественный союзъ, въ Римѣ вспыхиваетъ по-истинѣ эпидемія самоубійствъ, эпидемія, продолжающаяся при цезаряхъ, свирѣпствующая въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и уносящая ежегодно тысячи жертвъ. Самоубійство, и въ особенности политическое самоубійство, становится какъ-бы естественнымъ исходомъ изъ всѣхъ затрудненій, а затрудненій въ этотъ жестокій періодъ исторіи Рима было чрезвычайно много: вчерашній побѣдитель сегодня въ свою очередь побѣжденъ и, чтобы избѣгнуть мести, налагаетъ на себя руки. Такъ кончаютъ съ собою Катонъ, Кассій, Юлій Брутъ, Сципіонъ, Помпей и сотни, тысячи другихъ менѣе извѣстныхъ политическихъ дѣятелей или простыхъ гражданъ.

Тутъ дѣйствительно въ литературѣ раздается смѣлая апологія самоубійства. Сенека, авторъ *De tranquillitate animi*, пропагандируетъ идеи стоиковъ и заявляетъ: Malum est in necessitate vivere, sed in necessitate vivere nulla necessitas est („трудно жить въ нуждѣ, но жить въ нуждѣ нѣтъ никакой необходимости“). Одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Рима, Лукрецій, въ своей замѣчательной поэмѣ *De rerum natura* высмѣиваетъ боязнь смерти. Приверженецъ ученія Эпикура, онъ отрицаетъ безсмертіе души и заключаетъ „Nil igitur mors est“ (смерть—ничто), а такъ какъ въ жизни онъ не находитъ удовлетворенія, не видитъ интереса, не желая идти по узкой дорожкѣ мелочнаго честолюбія (angustum per iter luctantes ambitionis), то онъ и говоритъ: Non potius vitae finem jacis atque laboris? „не лучше-ли будетъ тебѣ покончить съ жизнью и ея невзгодами?“ Правда, нѣкоторые комментаторы—быть можетъ,

изъ желанія снять хоть одно обвиненіе съ любимаго поэта, на котораго взводятъ такъ много обвиненій,—увѣряютъ, что въ цитированномъ мною сейчасъ стихѣ нужно читать не *jacis*, а *facis*, т. е. „не лучше-ли будетъ тебѣ умереть" (подразумѣвается естественной смертью). Не касаясь этой филологической тонкости, я могъ бы указать не мало другихъ мѣстъ въ той-же третьей книгѣ поэмы Лукреція, изъ общаго духа которыхъ ясно, что поэтъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ самоубійствѣ.

Наконецъ, то-же благосклонное отношеніе къ самоубійству мы находимъ и въ римскомъ законодательствѣ, относящемся къ періоду упадка, что не должно, конечно, насъ удивлять, такъ какъ это лишній разъ подтверждаетъ то общее правило, въ силу котораго юридическая норма только санкціонируетъ уже раньше установившіяся этическія воззрѣнія.

Можно сказать, что въ общемъ римскій законъ признавалъ принципъ *morilicet,* т. е. предоставлялъ индивиду право самовольной смерти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ индивидъ не былъ связанъ никакимъ обязательствомъ, заставлявшимъ его жить. Такихъ обязательствъ римляне видѣли только три:

1) по отношенію къ рабамъ; признавая за ними, по естественному праву, тотъ-же принципъ *mori licet*, римскіе юристы полагали, однако, что такъ какъ рабъ принадлежитъ своему господину, то онъ не въ правѣ убивать себя и распоряжаться, такимъ образомъ, чужой собственностью;

2) военная служба; солдатъ служитъ отечеству, судьба котораго до извѣстной степени въ его рукахъ: онъ призванъ защищать республику, онъ не въ правѣ покинуть свой постъ; если онъ кончаетъ съ собою, онъ—измѣнникъ. Имя его будетъ покрыто позоромъ. Что касается имущества воина-самоубійцы, то законъ различалъ два случая: если самоубійство произошло изъ-за проступка противъ военной дисциплины, завѣщаніе самоубійцы теряло силу; не было завѣщанія, имущество опять-таки не могло перейти къ наслѣдникамъ, а шло въ казну. Если же самоубійство произошло по одной изъ допущенныхъ закономъ причинъ (а такихъ причинъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, существовало очень много), то завѣщаніе оставалось въ силѣ и наслѣдники могли также получить наслѣдство ab intestat, т. е. безъ завѣщанія. Въ случаѣ неудачнаго покушенія на самоубійство безъ уважительной причины, солдатъ подвергался смертной казни; если же была уважительная причина, его изгоняли изъ легіоновъ cum ignominia, съ позоромъ;

3) наконецъ, 3-ье обстоятельство, являвшееся, съ точки зрѣ-

нія закона, препятствіемъ для примѣненія принципа *mori licet*, было нахожденіе человѣка въ рукахъ правосудія. Тотъ, кто прибѣгаетъ къ самоубійству съ цѣлью избавиться отъ предстоящаго ему, по рѣшенію суда, наказанія, лишается погребенія, завѣщаніе его теряетъ силу, и во всякомъ случаѣ, оставилъ онъ или не оставилъ завѣщанія, его имущество переходитъ въ казну, причемъ, во времена цезарей, четвертая часть имущества предоставлялась въ видѣ преміи доносчикамъ, если дѣло шло о политическомъ заговорѣ.

Здѣсь интересно, между прочимъ, отмѣтить, что именно въ эту эпоху мы сплошь и рядомъ наталкиваемся на политическія самоубійства: люди съ виднымъ положеніемъ принуждены были искать въ самовольной смерти спасенія отъ мукъ, которыя, быть можетъ, готовила имъ утонченная жестокость императора; съ другой стороны, они надѣялись такимъ образомъ обезпечить за своими наслѣдниками право на имущество. А такъ какъ это совершенно не соотвѣтствовало алчнымъ разсчетамъ цезарей, то вскорѣ было установлено, что фискальныя мѣры противъ самоубійцъ будутъ примѣняться и въ томъ случаѣ, если самоубійство произошло до рѣшенія суда. Наслѣдникамъ было, правда, предоставлено право аппеляціи, и если самоубійца оказывался невиновнымъ во взводимыхъ на него политическихъ обвиненіяхъ, то имущество возвращалось наслѣдникамъ.

Съ такого рода наслоеніями въ законодательствѣ о самоубійствѣ, вытекавшими изъ чисто фискальныхъ соображеній, намъ придется еще встрѣтиться впослѣдствіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что карательныя мѣры, о которыхъ я говорю, примѣнялись только въ томъ случаѣ, если преступленія, въ которыхъ обвинялся подсудимый, влекли за собою такого рода наказанія: самоубійство въ данномъ случаѣ приравнивалось къ сознанію вины.

Кромѣ перечисленныхъ сейчасъ трехъ ограниченій, самоубійство считалось незаконнымъ еще въ томъ случаѣ, когда оно состоялось безъ причины: si sine causa sibi manus intulit, puniendus est. Но этотъ законъ оставался, можно сказать, мертвой буквой, такъ какъ уважительную причину найти было не трудно: законъ признавалъ уважительной причиной taedium vitae, т. е. отвращеніе къ жизни. Эта причина стояла даже на первомъ мѣстѣ, что чрезвычайно характерно; затѣмъ слѣдовали: желаніе избавиться отъ тяжкой болѣзни, потеря любимаго существа, позоръ, связанный съ положеніемъ несостоятельнаго должника, бѣшенство, сумасшествіе и даже простое желаніе „заставить говорить о себѣ“.

Согласитесь, что дальше этого трудно было идти...

Можно-ли думать, что эта свирѣпая эпидемія самоубійствъ, которая косвеннымъ образомъ какъ-бы санкціонировалась закономъ, обязана была своимъ существованіемъ обаянію ученія стоиковъ, какъ полагаютъ нѣкоторые историки самоубійства? Нужно-ли останавливаться на несостоятельности такого поверхностнаго, непродуманнаго объясненія? Нужно-ли говорить о томъ, какую вообще незначительную роль играли въ Римѣ отвлеченныя философскія доктрины? Нѣтъ, тутъ дѣйствовали причины иного рода: въ эпоху, о которой у насъ шла рѣчь, Римъ уже не представляетъ изъ себя того мощнаго политическаго цѣлаго, той могущественной республики каждый членъ которой могъ съ гордостью сказать: civis romanus sum, я—римскій гражданинъ, гражданинъ, сознающій, что благо отечества есть наивысшій законъ. Съ паденіемъ республики вмѣсто этого наивысшаго закона передъ вами дикій, необузданный произволъ цезарей, забывшихъ мудрое правило „memento te hominem esse“, передъ вами раболѣпствующіе куртизаны, полнѣйшій политическій индифферентизмъ, полнѣйшее отсутствіе какихъ-бы то ни было общественныхъ идеаловъ: устои древняго Рима рушатся—и вотъ гдѣ кроются причины небывалой въ исторіи вѣковой эпидеміи самоубійствъ.

Но не думайте, чтобы каждый государственный кризисъ, чтобы каждое общественное потрясеніе непремѣнно сопровождались подобнаго рода явленіемъ. Нисколько. Мы увидимъ впослѣдствіи, что бываютъ потрясенія, бываютъ бурные періоды, которые, напротивъ, отличаются замѣчательнымъ паденіемъ цифры самоубійствъ. Это тѣ періоды, когда подъ могучимъ напоромъ общей идеи коллективныя чувства достигаютъ наивысшаго напряженія, когда въ пылу борьбы съ общимъ врагомъ человѣческое *я* пріобщается къ тысячамъ другихъ жизней, когда личность сознательно сливается съ массой...

III.

Изъ изложенныхъ до сихъ поръ фактовъ вы могли видѣть, насколько неосновательно общепринятое среди историковъ самоубійства мнѣніе о распространенности этого явленія у древнихъ. Вы могли также видѣть, что въ этомъ отношеніи то рѣзкое противопоставленіе, которое проводитъ Огюстъ Контъ между христіанствомъ и языческимъ міромъ, не выдерживаетъ критики, а между тѣмъ это рѣзкое противопоставленіе вы находите и въ

спеціальныхъ монографіяхъ, посвященныхъ самоубійству. Такъ, Гариссонъ *) въ своей диссертаціи, приступая къ изученію самоубійства съ точки зрѣнія каноническаго права, говоритъ: „Мы видѣли, что до сихъ поръ законъ былъ благосклоненъ къ самоубійству; религія и нравы часто допускали, а иногда даже поощряли этотъ выходъ изъ жизни черезъ заднюю дверь. Отнынѣ дѣло принимаетъ иной оборотъ: христіанская религія возстановляетъ выраженное въ Десятисловіи запрещеніе: *не убій!* и въ теченіе многихъ вѣковъ на самоубійство будутъ смотрѣть, какъ на самый преступный актъ, уподобляя его убійству“. Не менѣе категорически высказывается и Каро: „Мы хотимъ отмѣтить тотъ рѣшающій авторитетъ, который имѣло христіанство въ этомъ трудномъ вопросѣ, гдѣ древняя философія часто заблуждалась. Въ силу христіанскаго ученія, понятіе о преступленіи стало непреодолимо связано съ понятіемъ самовольной смерти и внѣдрилось въ сознаніе. Такимъ образомъ, христіанству удалось возстановить совершенно утраченное чувство достоинства жизни“ **).

Не трудно, однако, убѣдиться, что рѣшительное и рѣзкое осужденіе самоубійства со стороны Отцовъ Церкви вовсе не являлось „существеннымъ нововведеніемъ“, какое усматриваетъ въ немъ Огюстъ Контъ: осужденіе самоубійства, какъ мы видѣли, высказывалось не разъ гораздо раньше и если въ Римѣ временъ цезарей оно уступило мѣсто апологіи самоубійства, если—что еще важнѣе—самоубійство стало въ дѣйствительной жизни обыденнымъ явленіемъ, какъ-бы санкціонируясь закономъ, то въ этомъ приходится винить не языческій духъ, а тотъ общественный и государственный кризисъ, который привелъ къ паденію Римской имперіи, тѣ соціальныя причины, въ силу которыхъ, выражаясь словами очевидца, марсельскаго пресвитера Сальвіана, званіе римскаго гражданина, въ прежнее время высоко цѣнившееся и покупавшееся дорогой цѣною, стало презрѣннымъ и отвратительнымъ.

Къ тому же, могло-ли ученіе Отцовъ Церкви послужить такимъ рѣзкимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи самоубійства, какой видятъ въ этомъ ученіи Огюстъ Контъ, Каро, Гаррисонъ и др.? Начать съ того, что первые Отцы Церкви вовсе не высказывались абсолютно противъ самоубійства и не осуждали безпо-

---

*) Gaston Garrisson. Le suicide dans l'antiquité et dans les temps modernes. Парижъ, 1885.

**) E. Caro. Du suicide dans ses rapports avec la civilisation (in Nouvelles ètudes morales sur le temps présent. Парижъ, 1869).

воротно самоубійцу; на это указываетъ, между прочимъ, и преданіе о блаженномъ Мартинѣ, епископѣ Турскомъ, воскресившемъ повѣсившагося слугу. Затѣмъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, какъ учрежденіе, возникшее въ античномъ государствѣ, въ Римской имперіи, Церковь далеко не сразу достигла того преобладающаго значенія, какимъ она пользовалась въ средніе вѣка. Даже съ восшествіемъ на престолъ Константина и утвержденіемъ христіанства положеніе дѣлъ въ Римской имперіи мало измѣнилось къ лучшему. Конечно, эти событія могли возбудить надежды въ истощенномъ народѣ. Одинъ видъ торжествующаго креста, говоритъ Мишле, успокаивалъ сердца. Всѣмъ казалось, что приближался конецъ бѣдствій... Но христіанскіе императоры были не менѣе безсильны, чѣмъ ихъ предшественники, и никакія добрыя намѣренія не могли уже остановить агоніи разлагающейся западной Римской имперіи...

Наконецъ, что осужденіе самоубійства со стороны Отцовъ Церкви вовсе не имѣло того рѣшающаго значенія въ историческихъ судьбахъ этого явленія. какое приписываетъ ему Огюстъ Контъ, видно хотя-бы изъ сопоставленія слѣдующихъ фактовъ. Законодательные сборники, составленные въ VI вѣкѣ по инициативѣ Юстиніана, императора христіанскаго, просто-на-просто воспроизводятъ по отношенію къ самоубійству тѣ самыя постановленія римскаго права, на которыхъ мы подробно останавливались раньше: тутъ мы находимъ то же самое снисходительное отношеніе закона къ самоубійцѣ, если только онъ не принадлежалъ къ войску или не находился въ рукахъ правосудія, тутъ та же, на первомъ мѣстѣ стоящая уважительная, законная причина самоубійства—taedium vitae и т. д. А между тѣмъ блаженный Августинъ, епископъ африканскаго города Гиппа, жившій въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка, высказался самымъ рѣзкимъ образомъ противъ самоубійства, рѣшительно осуждая его во всѣхъ случаяхъ: „Никто не имѣетъ права самъ убивать себя, ни во избѣжаніе временныхъ страданій, такъ какъ онъ рискуетъ подвергнуться вѣчному страданію; ни изъ-за грѣховъ другого человѣка, потому что, желая избѣгнуть грѣха, который не позоритъ его, онъ начинаетъ съ того, что отягчаетъ себя своимъ собственнымъ грѣхомъ; ни въ силу своихъ прошлыхъ грѣховъ, ибо, если онъ грѣшилъ, ему тѣмъ болѣе надо жить, чтобы раскаяться; ни, наконецъ, изъ желанія лучшей жизни, такъ какъ она не существуетъ для тѣхъ, кто виновенъ въ собственной смерти“. Замѣтьте, что сочиненіе, въ которомъ блаженный Августинъ излагаетъ свои взгляды на самоубійство, есть знаменитая *Civitas Dei*, „Государ-

-ство Божіе,“—книга, положившая, можно сказать, начало тѣмъ воззрѣніямъ на гражданскія отношенія, которыми католицизмъ руководствовался въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Мало того, помимо этого строгаго осужденія, высказаннаго блаженнымъ Августиномъ, слѣдуетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ постановленій Соборовъ. Арльскій Соборъ 452 года рѣшаетъ, что человѣкъ, самовольно разстающійся съ жизнью, долженъ считаться одержимымъ дьявольскимъ навожденіемъ, diabolico persecutus furore. Брагскій Соборъ 563 года устанавливаетъ и карательную санкцію, лишающую самоубійцу всякихъ церковныхъ почестей при погребеніи,—постановленіе, которое воспроизводится въ 17-мъ канонѣ Оксерскаго Собора 578 года. Уже одна эта необходимость постоянныхъ повтореній и новыхъ напоминаній доказываетъ, что постановленія Отцовъ Церкви не легко прививались къ дѣйствительной жизни. И въ самомъ дѣлѣ, у Григорія Турскаго, котораго можно назвать франкскимъ лѣтописцемъ второй половины VI вѣка, мы находимъ нѣсколько указаній на самоубійства среди франкскихъ сеньоровъ, причемъ турскій епископъ повѣствуетъ объ этихъ случаяхъ самовольной смерти, какъ о результатахъ вмѣшательства дьявола.

Не менѣе интересно, что, несмотря на цѣлый рядъ сейчасъ указанныхъ церковныхъ постановленій, еще въ IX вѣкѣ возникали сомнѣнія, въ отвѣтъ на которыя папа Николай I пишетъ: „Вы спрашиваете меня, слѣдуетъ-ли погребать того, кто самъ себя убилъ, и служить по немъ обѣдню? Его слѣдуетъ похоронить, чтобы онъ не безпокоилъ обонянія живыхъ, но нужно сдѣлать это безъ обычныхъ обрядовъ, дабы внушить другимъ спасительный страхъ“.

Но что наиболѣе поучительно въ этой исторіи борьбы Церкви съ самоубійствомъ, это то, что въ лонѣ самой Церкви, въ уединеніи монастырскихъ келій свирѣпствуетъ эпидемія самоубійствъ, которую не въ силахъ остановить никакія угрозы Церковныхъ Соборовъ. Бенедиктинскій монахъ Цезаріусъ въ своихъ мемуарахъ *Dialogi miraculorum*, относящихся къ XIII вѣку, повѣствуетъ о цѣломъ рядѣ такихъ самоубійствъ: въ одной главѣ рѣчь идетъ о пожилой монахинѣ, которую обуялъ духъ сомнѣнія, и которая, „in fide dubitans et desperans“, бросилась въ рѣку; другая глава трактуетъ о старомъ монахѣ, снискавшемъ всеобщее уваженіе строгостью своей жизни и примѣрнымъ благочестіемъ, но который, тѣмъ не менѣе, начинаетъ отчаяваться обрѣсти спасеніе и въ припадкѣ меланхоліи, тяжкаго раздумья и отчаянія, „ex desperatione,“ бросается въ колодецъ; далѣе, новая скорбная глава о

молодой монахинѣ, искушаемой любовью и желающей оставить монастырь:—ее удерживають въ монастырѣ, и она кончаеть съ собою и т. д., и т. д. Подобные же разсказы мы находимъ у Кассіана, автора *De spiritu tristitiae*, и у многихъ другихъ духовныхъ писателей, которые даютъ даже особое названіе *Accidia* этой мрачной, спеціально - монастырской эпидеміи меланхоліи, унесшей въ преждевременную могилу не мало жертвъ [1]).

Сказать, что средневѣковая Церковь была безсильна въ борьбѣ съ этой своего рода болѣзнью духа, мало. Цитированный нами раньше французскій философъ Каро полагаетъ, что эти несчастныя жертвы не могли найти успокоенія даже за монастырской стѣной. Правильнѣе будетъ сказать, что именно эта монастырская стѣна, оторвавъ ихъ отъ жизни, исковеркавъ ихъ душу, сдѣлала ихъ „несчастными жертвами". Не обнаружились-ли здѣсь результаты того глубокаго противорѣчія, которое коренилось въ стремленіяхъ средневѣковой Церкви: съ одной стороны, она строго запрещала самоубійство, но съ другой стороны, исходя изъ мысли о грѣховности плотскаго существованія и мірскихъ интересовъ, она учила человѣка смотрѣть съ презрѣніемъ на все мірское, съ враждою на всякое удовлетвореніе прирожденныхъ инстинктовъ. Даже забота о здоровьѣ представлялась нарушеніемъ ученія Іисуса Христа: „Гиппократъ учитъ сохранять тѣло", пояснялъ св. Бернардъ Клервосскій, „Іисусъ Христосъ—губить его". Требуя отъ человѣка отреченія отъ міра, какъ отъ царства сатаны, Церковь видѣла въ аскетизмѣ, въ постоянномъ изможденіи плоти, единственное средство спасенія души. Чтобы сдѣлаться достойнымъ благодати Божіей, нужно было идти въ монастырь, такъ какъ только монаховъ и называли *религіозными* людьми (на что указываетъ сохранившееся во французскомъ языкѣ существительное *religieux*). Римскій поэтъ Лукрецій, указывая на суету человѣческихъ страстей и вожделѣній, совѣтовалъ обратиться къ изученію природы, „naturam cognoscere rerum"; средневѣковый мона-

---

[1]) А между тѣмъ въ большинствѣ монографій о самоубійствѣ высказывается мнѣніе, будто это явленіе вообще наблюдалось очень рѣдко въ средніе вѣка. Это мнѣніе защищаетъ, между прочими, и Легуа (Legoyt. Le suicide ancien et moderne. Парижъ, 1881), ссылаясь при этомъ на дѣйствительность въ дѣлѣ профилактики самоубійства „религіозныхъ вліяній", особенно сильныхъ въ средневѣковую эпоху.

Изысканія Буркело (Félix Bourquelot. Recherches sur les opinions et la législation en matiere de mort volontaire pendant le moyen âge, *in* Bibliothéque de l'Ecole de Chartes, т. 3 и 4), напротивъ, далеко не говорятъ въ пользу сейчасъ упомянутаго общепринятаго взгляда.

стырскій идеалъ не оставлялъ для человѣка и этого утѣшенія: „къ чему наука христіанамъ?“ спрашивали защитники аскетическаго идеала,—„Сынъ Божій призывалъ не ученыхъ, но нищихъ духомъ; людей, посвятившихъ себя наукѣ, можно сравнить съ прохожими, которые свернули со своей дороги и, забывъ цѣль своего путешествія, не направляются къ своему отечеству“. Такимъ образомъ, аскетическое міросозерцаніе, безжалостно попирая всѣ права личности, запрещая ей пользоваться какими бы то ни было радостями жизни, вело къ уничтоженію въ человѣкѣ самого желанія жить.

И съ этимъ логическимъ слѣдствіемъ, вытекавшимъ изъ основъ ученія Церкви, изъ осужденія грѣховной природы человѣка, не могли справиться ни постоянно повторявшіяся постановленія Соборовъ, ни угрозы, на каждомъ шагу преслѣдовавшія воображеніе вѣрующаго (даже скульптурныя украшенія средневѣковыхъ церквей помѣщали самоубійцу среди символическихъ изображеній зла).

IV.

Переходя къ средневѣковому обычному праву и гражданскому законодательству относительно самоубійства, мы видимъ, что на нихъ прекрасно отразились главныя характерныя особенности эпохи: тутъ вы можете прослѣдить и могущественное вліяніе Церкви на гражданскія отношенія, и разнообразіе мѣстныхъ обычаевъ, вытекающее изъ феодальной раздробленности политической, административной и судебной власти, и борьбу королевской власти съ феодальными сеньорами и городами и, наконецъ, ту медленную эмансипацію государственной жизни отъ церковной опеки, которая составляетъ одну изъ видныхъ сторонъ процесса перехода отъ средневѣковой эпохи къ новому времени.

Одною изъ существенныхъ чертъ феодальнаго строя, возникшаго изъ расхищенія королевскихъ правъ аристократическими элементами общества, является, какъ извѣстно, распаденіе государства на мелкія владѣнія, въ которыхъ власть помѣщика сливается съ властью государя. При той почти неограниченной власти, какою пользовался феодальный сеньоръ въ предѣлахъ своихъ владѣній, правосудіе находилось всецѣло въ его рукахъ. Правда, существованіе вассалитета, извѣстной іерархической зависимости однихъ владѣній отъ другихъ, было связано, по крайней мѣрѣ, принципіально съ правомъ обжалованія рѣшеній феодальнаго сеньора. Но это право аппеляціи долгое время оставалось чисто

платоническимъ правомъ, и во Франціи, напримѣръ, уже только къ концу среднихъ вѣковъ, когда королевская власть мало-помалу становится побѣдительницей въ борьбѣ съ феодальнымъ правопорядкомъ, сфера королевскаго вліянія въ области суда все болѣе и болѣе расширяется: королевскіе чиновники, извѣстные подъ именемъ *prévôts*, *baillis*, *sénèchaux*, вмѣшиваются въ сеньеральную юстицію, объявляютъ тѣ или иные судебные случаи— и, между прочимъ, судебныя дѣла о самоубійствахъ—*cas royaux*, т. е. подлежащими вѣдѣнію короля, и настойчиво проводятъ въ жизнь принципъ, по которому королевскіе суды являются аппеляціонными инстанціями для сеньеральныхъ.

Такимъ образомъ, и въ сферѣ суда, какъ и въ сферѣ административной, а еще раньше въ политикѣ. постоянно подвигается впередъ процессъ, въ силу котораго король изъ „primus inter pares", изъ „перваго среди равныхъ" ему феодальныхъ герцоговъ и графовъ, превращается въ абсолютнаго правителя и становится, такъ сказать, источникомъ всякой власти и всякаго права, а въ частности и источникомъ правосудія,—взглядъ, который какъ нельзя болѣе ясно выраженъ въ формулѣ toute justice émane du roi, всякое правосудіе исходитъ отъ короля.

Но пока феодальные владѣтели пользовались большей или меньшей независимостью отъ королевской власти, пока эта власть не выступала еще въ роли собирательницы государства, о процессѣ административной и судебной централизаціи не могло быть и рѣчи, и, въ силу раздробленности верховной власти, каждая область имѣла свою особую *кутюму*, остатки которой сохраняются кое-гдѣ и по настоящее время въ видѣ историческихъ переживаній.

По отношенію къ самоубійству мы встрѣчаемся, въ разныхъ областяхъ, съ весьма различными обычаями, но всѣ они, однако, связаны общностью происхожденія, всѣ одинаково заимствуютъ свои основныя положенія изъ церковныхъ постановленій, считая самоубійство преступленіемъ, приравниваемымъ къ убійству.

Въ этомъ отношеніи кутюмы только продолжаютъ традиціи, санкціонированныя капитуляріями первыхъ двухъ династій франкскихъ королей. Эти капитуляріи воспроизводятъ почти слово въ слово постановленія Соборовъ,—постановленія, по которымъ, какъ мы видѣли, самоубійца, наравнѣ съ человѣкомъ, подвергшимся смертной казни, лишается христіанскаго погребенія. Такъ, одинъ изъ этихъ франкскихъ капитуляріевъ, опубликованныхъ библіотекаремъ Кольбера, извѣстнымъ французскимъ исторіографомъ Балюзомъ, гласитъ: „никакая служба не должна быть совершаема

въ память тѣхъ, кто получаетъ смерть въ наказаніе за свои преступленія, и да не будутъ сопровождаемы ихъ тѣла въ мѣста погребенія пѣніемъ псалмовъ". Другой капитулярій относится нѣсколько болѣе снисходительно къ самоубійцѣ и, запрещая служить по немъ заупокойную обѣдню и христіанскія похороны, тѣмъ не менѣе разрѣшаетъ милостыни и молитвы за упокой души самоубійцы, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что „пути Божьяго Промысла неисповѣдимы и никто не можетъ постичь глубины сокровенной воли Провидѣнія".

Постановленіе англійскаго короля Эдгара, относящееся къ X вѣку, опять-таки воспроизводитъ церковные каноны и приравниваетъ самоубійцъ къ ворамъ, человѣкоубійцамъ и измѣнникамъ: „Если кто-нибудь убьетъ себя добровольно помощью оружія или какого-либо другого дьявольскаго навожденія, то въ память его запрещается служить обѣдню; тѣло его должно быть погребено безъ пѣнія псалмовъ и не на священной землѣ. Это предписаніе должно быть соблюдаемо также по отношенію къ тѣмъ, кто въ силу своего преступленія кончаетъ свои дни отъ казни, какъ то бываетъ съ ворами, человѣкоубійцами и тѣми, кто предаетъ своего господина".

Мѣстныя кутюмы, слѣдуя этой традиціи, также лишаютъ самоубійцу христіанскаго погребенія, но въ то же время онѣ вводятъ и фискальную мѣру—конфискацію имущества. Та и другая мѣра, судя по показаніямъ французскаго правовѣда XIV вѣка Бутилье (Boutillier), автора „La Somme rurale", примѣнялись повсемѣстно, но такъ какъ конфискація имущества была направлена не столько противъ самоубійцы, сколько противъ его родственниковъ, то существовали еще особыя физическія кары, которымъ подвергался трупъ самоубійцы, и характеръ которыхъ мѣнялся сообразно съ мѣстными обычаями.

На сѣверѣ Франціи, куда не дошло смягчающее вліяніе римскаго законодательства, обычай особенно строго преслѣдовалъ самоубійство. Такъ, согласно Бретанской кутюмѣ, самоубійца долженъ быть повѣшенъ за ноги, т. е. преданъ болѣе позорному наказанію, чѣмъ всякій иной преступникъ, такъ какъ онъ виновенъ въ „противоестественномъ" актѣ. Комментируя это постановленіе, Бутилье подчеркиваетъ глубокое различіе между юстиніановскими законами, которые наказывали самоубійцу, обвинявшагося въ какомъ-нибудь преступленіи и покончившаго съ собою во избѣжаніе кары закона за это преступленіе, тогда какъ средневѣковый обычай каралъ за самый фактъ самоубійства, не допуская никакихъ ограниченій этой карательной функціи. Право-

судіе не справлялось съ тѣмъ, какими причинами было вызвано самоубійство, такъ какъ для христіанина не могло быть никакой уважительной причины самовольной смерти. Изъ фискальныхъ соображеній свѣтскій законъ нерѣдко шелъ гораздо дальше каноническаго права: тогда какъ это послѣднее не преслѣдовало самоубийства въ случаяхъ сумасшествія, это единственное заимствованіе, сдѣланное Церковью у римскаго права (по которому furiosus и insanus ни въ какомъ случаѣ не подлежали преслѣдованію закона за самоубійство), перешло только въ очень немногія кутюмы.

Судебные процессы и наказанія трупа самоубійцы существовали не въ одной только Бретани. Въ Бордо трупъ самоубійцы также подвергался повѣшенію за ноги. Въ Лиллѣ трупъ волочили на плетнѣ до мѣста висѣлицы (jusques as fourques) и затѣмъ вздергивали на висѣлицу, если дѣло шло о мужчинѣ; женщина-же подвергалась сожженію. Въ Аббевилѣ трупъ самоубійцы точно такъ же волочили на плетнѣ по всѣмъ улицамъ города, причемъ, такъ какъ домъ самоубійцы считался запятнаннымъ и опозореннымъ, то, чтобы не открывать двери этого дома. трупъ вытаскивали черезъ продѣланную въ двери дыру. Такой-же обычай существовалъ и въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ общинахъ, какъ, напримѣръ, въ Цюрихѣ, гдѣ, къ тому-же, каждый родъ насильственной смерти подвергался своему особому клейму: зарѣзался-ли человѣкъ, надъ головой его трупа вбивали въ землю деревянный колъ, куда втыкали ножъ, помощью котораго было совершено самоубійство; шло-ли дѣло объ утопленникѣ, его тѣло зарывали въ прибрежный песокъ; бросившагося въ колодецъ, хоронили у дороги и клали три камня, одинъ на голову, другой на туловище и третій на ноги...

Не останавливаясь на другихъ мѣстныхъ обычаяхъ, большинство которыхъ описано въ изданномъ въ срединѣ XVII вѣка въ Антверпенѣ сборникѣ Дамгудера, Praxis rerum criminalium, я считаю нужнымъ еще разъ подчеркнуть общую доктрину, связывавшую эти различные обычаи. Эта доктрина ясно выражена у Бомануара въ его *Coutumes du Beauvoisis*, относящихся къ концу XIII, вѣка и гдѣ вы находите приравниваніе самоубійства къ отравленію: „encore sont-ils deux cas de crime: li premier cas est d'autrui empoisonner et li second cas si est d'estre *homicide de lui mesmes*“. Homicide de lui-même, homicide de soi-même, homicide de son corps—человѣкоубійство самого себя, сами эти термины, которыми средневѣковый обычай и юриспруденція обозначали самоубійство, свидѣтельствуютъ о *безусловномъ* приравниваніи самоубійства къ убійству. Судьи не входятъ

въ разборъ причинъ самоубійства: они констатируютъ фактъ и, усматривая въ этомъ фактѣ преступленіе по отношенію къ феодальному сеньору, конфискуютъ имущество покойнаго и поступаютъ съ его тѣломъ такъ, какъ если-бы его при жизни уличили въ преступленіи и присудили къ наказанію, т. е. meinent son corps á exécution de justice. Даже неудавшееся покушеніе на самоубійство считалось преступленіемъ, за которое виновный не только подлежалъ церковному покаянію, которому онъ подлежитъ и въ настоящее время по русскому уложенію о наказаніяхъ, но подвергался также гражданской карѣ, il est *á pugnir civilement*.

Въ общихъ законодательныхъ памятникахъ этой эпохи мы находимъ мало указаній относительно самоубійства, вѣроятно, потому, что вопросъ этотъ регламентировался уже прочно и издавна установившимися обычаями. Однако въ извѣстныхъ *Etablisscments de saint Louis*, изданныхъ въ концѣ XIII вѣка, въ 1272-мъ году, есть особая глава, названная „D'ome qui se pend ou se noie, ou de fame qui s'occist en aucune manière“, гдѣ опредѣляются гражданскія послѣдствія акта самоубійства въ слѣдующихъ словахъ: „Si il avenoit, que aucuns hom se *pendist*, ou *noiast*, ou *s'occist* en aucune maniére, si *muebles seroient au baron* et aussi de la fame“.

Въ чью-же пользу шло конфискованное такимъ образомъ имущество? Пока феодальный режимъ находился во всей своей силѣ, конфискація происходила въ пользу ближайшаго сеньора, которому, къ тому-же, принадлежало и право суда надъ самоубійцей. Но по мѣрѣ того, какъ, съ одной стороны, крѣпла политическая сила королевской власти, а съ нею вмѣстѣ росли и притязанія этой власти въ области администраціи и юстиціи, по мѣрѣ того, какъ, съ другой стороны, подвигалось впередъ освобожденіе городовъ изъ-подъ феодальнаго гнета, вопросъ все болѣе и болѣе осложнялся. Возникали конфликты: королевская власть, стремясь сдѣлать изъ судебныхъ процессовъ о самоубійцахъ *cas royaux*, имѣла въ виду, конечно, не одну только судебную прерогативу, но и фискальныя выгоды, вытекавшія изъ конфискаціи имуществъ самоубійцъ. Въ своихъ притязаніяхъ королевская власть сталкивалась, такимъ образомъ, съ болѣе или менѣе однородными притязаніями вассаловъ, городовъ и, наконецъ, самой Церкви. Разумѣется, что, когда такого рода конфликты принимали слишкомъ острый характеръ, такъ что королевскіе чиновники вынуждены были идти на уступки, они гораздо легче соглашались уступить право на трупъ самоубійцы, чѣмъ право на его имущество. Такъ, въ концѣ XV вѣка, въ Аббевилѣ, по

поводу самовольной смерти одного богатаго обывателя возникъ конфликтъ между эшевенами города и королевскими чиновниками: первые считали случай самоубійства подсуднымъ ихъ компетенціи, какъ относительно казни трупа, exécution du corps, такъ и относительно конфискаціи имущества. Королевскіе чиновники уступили городу трупъ самоубійцы, предоставляя городскимъ эшевенамъ поступить съ нимъ, какъ они найдутъ нужнымъ, „pour par eulx en faire justice et exécution telle qu'ils trouveront que faire se devra", но за то конфискацію имущества officiers royaux оставили за собою. Въ другихъ случаяхъ королевская власть, напротивъ, принуждена была идти на болѣе существенныя уступки. Такъ, напримѣръ, въ XIV вѣкѣ, т. е. значительно раньше того періода, къ которому относится сейчасъ упомянутый мною конфликтъ, Филиппъ Валуа даровалъ городу Лиллю привиллегію, подтвержденную впослѣдствіи Карломъ VI, по которой тѣло и имущество самоубійцы принадлежали исключительно мѣстнымъ сеньорамъ и ихъ наслѣдникамъ.

Но если въ общемъ конфликты съ городами, общинами и феодальными сеньорами улаживались сравнительно легко, то съ притязаніями Церкви было гораздо труднѣе справиться, и только наканунѣ Революціи свѣтской власти удалось окончательно устранить духовенство отъ участія въ судѣ надъ самоубійцей, даже если этотъ послѣдній принадлежалъ къ клиру.

V.

Развитіе гуманизма, поколебавшее всѣ основы средневѣковаго міровоззрѣнія, должно было неминуемо отразиться и на отношеніи къ самоубійству. Оно должно было здѣсь отразиться тѣмъ болѣе рѣзко, что гуманизмъ возстановлялъ попранныя аскетическимъ идеаломъ права личности. Помимо этой защиты личныхъ правъ, эмансипаціи личности отъ церковнаго гнета, гуманизмъ долженъ былъ также повліять на вопросъ о законности самоубійства и въ силу того общественнаго и политическаго индифферентизма, той оторванности отъ народныхъ интересовъ, той, если хотите, аристократической обособленности умственной культуры, которыми отличалось гуманистическое движеніе, и которые сближали до извѣстной степени представителей этого движенія съ римскими писателями и дилетантами временъ упадка.

Данте, оставаясь еще всецѣло на средневѣковой точкѣ зрѣнія, рисуетъ самыми мрачными красками тотъ седьмой кругъ ада,

который является мѣстопребываніемъ какъ для душъ людей, виновныхъ въ жестокихъ насиліяхъ надъ другими, такъ и для самоубійцъ. Когда Данте, сопровождаемый Виргиліемъ, проникъ въ этотъ ужасный седьмой кругъ, предъ ними открылся мрачный дремучій лѣсъ съ уродливыми, безобразно искривленными деревьями, въ тѣни которыхъ прятались чудовищныя гарпіи. Всѣ эти деревья какъ-бы живутъ человѣческой жизнью, подъ ихъ корою заключены несчастныя души самоубійцъ, обреченныя на вѣчныя страданія, на вѣчныя муки. Когда поэтъ сломалъ вѣтку одного такого дерева, оттуда полилась кровь, раздался жалобный стонъ, и Данте пришлось выслушать скорбную повѣсть о томъ, что происходитъ съ надменной душой, которая самовольно покидаетъ земную жизнь, какъ эта душа, очутившись въ дремучемъ лѣсу седьмого круга ада, произрастаетъ въ видѣ дерева и какъ гарпіи, питаясь ея листьями, причиняютъ ей жгучую боль, отъ которой самоубійцѣ не будетъ спасенія во вѣки вѣковъ, такъ какъ никогда уже его душѣ нельзя будетъ облечься въ ту тѣлесную оболочку, которую она самовольно покинула.

Сопоставьте съ этой картиной, проникнутой средневѣковой мрачностью, разсужденіе Петрарки о смерти, какъ о выходѣ изъ мрачной темницы, или взгляды Томаса Моруса, допускающаго въ своей „Утопіи“ самоубійство въ тѣхъ случаяхъ, когда его мотивы одобрены предварительно судьями, и вы увидите, какая глубокая пропасть лежитъ между доктриной среднихъ вѣковъ и доктриной эпохи Возрожденія.

Здѣсь мы опять наталкиваемся на уже отмѣченное нами явленіе измѣненія законодательной нормы подъ вліяніемъ вошедшихъ въ жизнь новыхъ этическихъ воззрѣній. Мы видимъ, что на югѣ Франціи, гдѣ вліяніе античной культуры, и, въ частности римскаго права, было особенно сильно, тулонскій парламентъ возстановляетъ разграниченія, существовавшія въ римскомъ законодательствѣ, такъ что самоубійство по сумасшествію, изъ-за тяжкой болѣзни или изъ непреодолимаго отвращенія къ жизни не преслѣдуется закономъ. Далѣе, мы видимъ, что и парижскій парламентъ, въ концѣ концовъ, допускаетъ то же разграниченіе, и въ 1634 году, по дѣлу одной женщины, покончившей съ собою изъ отчаянія, онъ рѣшаетъ, что ея имущество не подлежитъ конфискаціи.

Наконецъ, интересно и то, что въ регистрахъ парижскаго парламента встрѣчаются уже и раньше такъ-называемыя lettres de rémission, которыми королевская власть даруетъ милость тѣмъ или инымъ лицамъ, покушавшимся на самоубійство и оставшимся

въ живыхъ; этими lettres de rémission такія лица освобождались отъ всякаго наказанія; иногда ихъ, впрочемъ, заключали въ аббатство Saint Séver, куда отправляли вообще всѣхъ одержимыхъ дьяволомъ.

Фискальные интересы, однако, еще долгое время мѣшали совершенному упраздненію законодательства о самоубійствѣ, и если вообще эволюція законодательства всегда значительно отстаетъ отъ эволюціи общественнаго мнѣнія, то въ данномъ случаѣ эта эволюція совершалась съ особенной медлительностью. Королевская власть всѣми силами отстаивала свое право на имущество самоубійцъ, и знаменитая *Ordonnance criminelle*, изданная Людовикомъ XIV въ 1670 году, направленная къ тому, чтобы удержать за королемъ это право, приравниваетъ самоубійство къ преступленію оскорбленія величества Божьяго или человѣческаго (crime de lèse—majesté divine ou humaine), т. е. къ единственной преступной категоріи, по отношенію къ которой еще допускались судебные процессы противъ труповъ.

Въ силу этой *Ordonnance criminelle*, по иниціативѣ прокурора противъ трупа самоубійцы возбуждалось судебное дѣло. Послѣ даннаго экспертами заключенія и должнаго констатированія факта самоубійства, судья назначалъ самоубійцѣ попечителя или куратора, при чемъ этотъ кураторъ долженъ былъ быть предпочтительнѣе изъ среды родственниковъ самоубійцы, но это условіе не было обязательно для судьи. Въ судѣ повсюду фигурировало имя куратора, онъ долженъ былъ отвѣчать на вопросы, онъ-же подвергался очной ставкѣ съ вызванными по дѣлу свидѣтелями. По окончаніи дѣла, судъ постановлялъ свое рѣшеніе въ пользу или противъ памяти покойнаго. Кураторъ, по своему усмотрѣнію, могъ аппелировать или не аппелировать, и только впослѣдствіи, въ 1737 году, было установлено, что родственники покойнаго могутъ принудить куратора къ аппеляціи, давая ему авансъ на судебныя издержки, и что осужденіе входитъ въ силу только послѣ того, какъ оно будетъ подтверждено аппеляціонной инстанціей.

Послѣднее рѣшеніе парижскаго парламента, примѣнившее постановленія *Ordonnance criminelle*, относится не далѣе, какъ къ 1749 году. Это настолько интересный историческій документъ, что я считаю нелишнимъ привести его въ оригиналѣ. Дѣло идетъ о самоубійцѣ по имени Портіе, и судъ постановляетъ: Pour réparation de quoi, condamne sa mémoire, en ordonne que le cadavre dudit défunt Portier sera attaché par l'exécuteur de la haute justice derrière une charrette et traîné zur une claie la tête en bas et la face tournée

contre terre par les rues de ladite ville, depuis la prison jusqu' à la place publique, où il sera pendu par les pieds à une potence qui sera, à cet effet, plantée audit lieu; et après y avoir demeuré 24 heures, jeté à la voirie; ses biens, acquis et confisqués au profit de qui il appartiendra,—„во искупленіе чего судъ осуждаетъ его память, приказываетъ, чтобы трупъ вышеназваннаго Портіе былъ привязанъ палачемъ къ телѣгѣ и волоченъ на плетнѣ головой внизъ, лицомъ къ землѣ, по улицамъ города отъ тюрьмы до площади, гдѣ онъ будетъ повѣшанъ за ноги на нарочно поставленной тамъ висѣлицѣ; пробывъ-же тамъ 24 часа, тѣло его будетъ брошено; его имущество будетъ конфисковано въ пользу кого слѣдуетъ“.

Представьте себѣ эту картину и вспомните, что она развертывается передъ глазами французовъ XVIII вѣка, не далѣе, какъ 150 лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Монтескье и Вольтера, и вы поймете, какое глубокое несоотвѣтствіе можетъ существовать между общественнымъ мнѣніемъ и уголовнымъ законодательствомъ, представляющимъ уцѣлѣвшій обломокъ старины, историческое переживаніе...

Несомнѣнно, что фискальные интересы были главной помѣхой упраздненію этого закона, матеріальныя выгоды котораго для королевскаго дома наивно отмѣчены современникомъ, маркизомъ Де-Данжо, который пишетъ въ своихъ мемуарахъ: Aujourd' hui le roi a donné à Madame la Dauphine un homme qni s'est tué lui-même; elle espère en tirer beaucoup d'argent,—„сегодня король подарилъ супругѣ дофина человѣка, который самъ себя убилъ; она надѣется выручить отсюда много денегъ“.

Если вѣрить Вольтеру, генеральные откупщики тоже принимали участіе въ дѣлежѣ имущества самоубійцы: „Чтобы утѣшить сына, говоритъ Вольтеръ, его имущество отдаютъ королю, который обыкновенно половину его уступаетъ первой оперной пѣвицѣ, по просьбѣ какого-нибудь изъ ея любовниковъ; остальное принадлежитъ по праву генеральнымъ откупщикамъ“.

Во всякомъ случаѣ, *Ordonnance criminelle* Людовика XIV настолько не соотвѣтствовала духу времени, что послѣ Великой Революціи отъ нея не осталось и слѣда во французскомъ уголовномъ законодательствѣ. Декларація правъ человѣка и гражданина, провозгласивъ принципъ индивидуальной свободы, положила конецъ существованію особаго законодательства о самоубійствѣ, и въ Code pénal 1791 года вы уже не находите никакихъ указаній относительно homicide de soi-même. Что-же касается конфискаціи имущества, то она вообще была уничтожена декретомъ 21 января 1790 года, строго проводившемъ личное начало въ дѣлѣ

наказанія: „Такъ какъ проступки и преступленія истекаютъ только отъ лица преступника, то наказаніе виновнаго не налагаетъ никакого безчестія на его семью. Конфискація имущества осужденныхъ не можетъ имѣть мѣста ни въ какомъ случаѣ". Конвентъ, правда, нарушилъ это правило по отношенію къ политическимъ самоубійцамъ, покончившимъ съ собою въ тюрьмѣ, по произнесеніи приговора. Но уголовному законодательству о самоубійствѣ былъ уже нанесенъ окончательный ударъ, и этой реформой Франція была обязана не столько Учредительному Собранію, сколько той подготовительной работѣ, которую выполнила просвѣтительная философія XVIII вѣка. Вольтеръ въ *Dictionnaire philosophique* (въ статьяхъ о *Катонѣ* и о *Самоубійствѣ*). Монтескье въ *Духѣ Законовъ*, въ *Grandeur et Dècadence des Romains* и въ *Персидскихъ письмахъ* рѣзко возстаютъ противъ этого законодательства. „Законы, говоритъ Монтескье, люты въ Европѣ по отношенію къ тѣмъ, кто самъ себя убиваетъ. Ихъ, такъ сказать, заставляютъ умирать вторично; ихъ постыдно влачатъ по улицамъ; ихъ клеймятъ позоромъ, а имущество ихъ конфискуютъ. Мнѣ кажется, что эти законы слишкомъ несправедливы".

Не менѣе рѣшительно высказывается и Беккаріа въ своемъ сочиненіи *Dei delitti e delle pene,* вышедшемъ въ 1764 году и положившемъ начало общей реформѣ уголовнаго законодательства, реформѣ, распространившейся по всей Европѣ: „Самоубійство — преступленіе, которому, повидимому, нельзя присудить наказанія въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что это наказаніе падаетъ только на невинныхъ или на безчувственный и безжизненный трупъ. Въ послѣднемъ случаѣ казнь не произведетъ на зрителей иного впечатлѣнія, какъ если-бы передъ ними били статую; въ первомъ-же случаѣ она является несправедливой и тиранической, ибо тамъ, гдѣ наказанія не носятъ чисто личнаго характера, не можетъ быть свободы. Можно-ли опасаться, что увѣренность въ безнаказанности сдѣлаетъ это преступленіе обыденнымъ? Конечно, нѣтъ. Люди слишкомъ любятъ жизнь; они слишкомъ привязаны къ ней окружающими ихъ предметами, они слишкомъ дорожатъ радостями жизни. Тотъ, кто лишаетъ себя жизни, наноситъ политическому обществу меньшее зло, чѣмъ тотъ, который удаляется изъ него навсегда, потому что первый оставляетъ все своей странѣ, тогда какъ второй отнимаетъ у нея вмѣстѣ со своей личностью и часть своихъ имуществъ. А между тѣмъ несомнѣнно, что законъ, который запрещаетъ гражданамъ выходъ изъ страны, безполезенъ и несправедливъ; слѣдовательно, и законъ противъ самоубійства будетъ не менѣе безполезенъ и несправедливъ. Са-

моубійство—преступленіе передъ Богомъ, который наказываетъ виновнаго послѣ смерти, потому что только онъ одинъ можетъ тогда наказать его. Но оно не должно считаться преступленіемъ передъ людьми, потому что наказаніе, вмѣсто того, чтобы пасть на виновнаго, падаетъ только на его ни въ чемъ неповинную семью".

Наряду съ этими просвѣтительными идеями на прямое или косвенное упраздненіе законодательства о самоубійствѣ, въ болѣе близкое къ намъ время — въ странахъ, гдѣ это законодательство еще уцѣлѣло, какъ напримѣръ въ Англіи, но гдѣ оно въ большинствѣ случаевъ остается мертвой буквой,—имѣло также вліяніе широкое развитіе психіатріи, которая съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія стала обращать вниманіе на вопросъ о самоубійствѣ, включая этотъ вопросъ въ кругъ предметовъ своего вѣдѣнія. Подобно тому, какъ до сихъ поръ мы имѣли дѣло съ вполнѣ опредѣленнымъ фазисомъ развитія ученія о самоубійствѣ, когда этотъ актъ отождествлялся съ преступленіемъ и подлежалъ наказанію наравнѣ съ этимъ послѣднимъ, передъ нами открывается теперь новый періодъ, когда самоубійство приравнивается къ душевной болѣзни. Правиленъ-ли этотъ взглядъ, или неправиленъ, этотъ вопросъ будетъ нами подробно разсмотрѣнъ въ другомъ мѣстѣ, но нельзя не признать, что этотъ взглядъ во всякомъ случаѣ сослужилъ прекрасную службу раціональной постановкѣ вопроса о самоубійствѣ, точно такъ-же, какъ труды уголовно-антропологической школы, несмотря на всю несостоятельность ихъ исходной точки зрѣнія объясненія сущности преступленія, въ дѣйствительности оказали, однако, огромную услугу наукѣ и жизни, вызвавъ повсюду чрезвычайный интересъ къ вопросу о преступности и заставивъ подвергнуть серьезной критикѣ общепринятыя положенія классической школы уголовнаго права. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, ошибочная сама по себѣ идея или, по крайней мѣрѣ, черезчуръ широкое, ошибочное ея толкованіе послужило толчкомъ для новыхъ плодотворныхъ изслѣдованій.

Исторія философіи.

Философія Лейбница и современная энергетика.

Виктора Анри.

---

1. Значеніе изученія философской системы Лейбница въ настоящее время.

Изученіе философской системы Лейбница представляетъ теперь особенный интересъ. Дѣйствительно, этотъ геніальный ученый-философъ построилъ систему, которая по своей общности и глубокой проницательности не удовлетворяла требованіямъ науки его современниковъ и послѣдователей; имъ приходились болѣе по духу простыя системы Декарта и англійскихъ философовъ, которые не вникали настолько глубоко въ анализъ явленій природы, какъ это дѣлалъ Лейбницъ; система Лейбница не имѣла того вліянія, какого она заслуживала, онъ не былъ понятъ, его толковали ученые и философы, не имѣвшіе достаточной подготовки для его изученія, отсюда и произошли тѣ совершенно невѣрныя истолкованія его системы, которыя мы и встрѣчаемъ въ исторіяхъ философіи. Однако развитіе наукъ, особенно начиная съ половины XIX столѣтія, привело цѣлый рядъ ученыхъ къ убѣжденію, что механизмъ Декарта, атомизмъ Гассенди, сенсуализмъ Локка, Мальбранша и Кондильяка совершенно не удовлетворяютъ требованіямъ науки; эти системы заключаютъ принципы наукъ въ слишкомъ узкія рамки и стѣсняютъ тѣмъ самымъ ихъ развитіе. Возникновеніе универсальной энергетики позволило освободить науку отъ пагубнаго давленія механизма Декарта и дало возможность построить болѣе общую систему міра, которая во многихъ своихъ чертахъ есть не что иное, какъ система Лейбница. Итакъ, Лейбницъ два столѣтія тому назадъ далъ систему, которая является только въ настоящее время соотвѣтствующей требованіямъ науки; вотъ почему необходимо именно теперь и заняться Лейбницомъ, разобрать его систему и сопоставить ее съ современными требованіями и принципами научнаго изслѣдованія.

Что-же нужно для того, чтобы изучить эту систему, и какъ должны мы ее изучать? Вотъ вопросы первой важности, на которые мы должны прежде всего отвѣтить.

Лейбницъ былъ однимъ изъ самыхъ универсальныхъ ученыхъ за послѣднія три столѣтія; его обширныя и въ то же время въ высшей степени точныя знанія по всѣмъ наукамъ, по юриспруденціи, по философіи и по теологіи, позволили ему критически отнестись ко всѣмъ этимъ областямъ знанія и вездѣ ввести свою оригинальную точку зрѣнія. Изслѣдованія его отличаются замѣчательной систематичностью: онъ никогда не начиналъ разрабатывать какой нибудь вопросъ, не имѣя цѣлью рѣшить его; мы видимъ въ его сочиненіяхъ и письмахъ, какъ онъ постоянно возвращался къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ, не довольствуясь первымъ рѣшеніемъ и стараясь довести анализъ до конца; мы находимъ, напримѣръ, какъ основная его задача примирить ученіе Декарта съ Аристотелемъ занимаетъ его въ продолженіе сорока лѣтъ, и по тѣмъ постепеннымъ изслѣдованіямъ, которыя онъ даетъ, мы можемъ судить объ эволюціи его философской системы. Одна изъ характерныхъ чертъ Лейбница—это общность его разсужденій; одна и та же система прилагается у него ко всѣмъ областямъ знанія; тотъ же методъ изученія мы находимъ у него въ астрономіи, въ математикѣ, въ физикѣ и въ то же время въ теологіи. Его открытіе метода дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій въ математикѣ заключаетъ въ своемъ зачаткѣ принципы его системы міра, его монадологіи.

Все это, конечно, сильно затрудняетъ задачу изученія системы Лейбница. Для того чтобы вполнѣ овладѣть ею, нужно прежде всего быть хорошо знакомымъ съ состояніемъ наукъ въ его время; нужно знать тѣхъ авторовъ, которыхъ онъ такъ тщательно изучалъ, т. е., главнымъ образомъ, Демокрита, Декарта, Гассенди, Галлилея, Бэкона, Гоббса, Локка и т. д. Дѣйствительно, какъ Лейбницъ это самъ говоритъ въ своей автобіографіи, идеи приходили ему въ голову при чтеніи и изученіи различныхъ авторовъ. Кромѣ того, при изученіи системы Лейбница, мы всегда должны помнить, что это былъ геніальный ученый; его метафизическія воззрѣнія и философскія разсужденія не могутъ быть отдѣлены отъ его трудовъ по физикѣ, механикѣ и математикѣ, поэтому мы должны изучать его одновременно и какъ ученаго, и какъ философа.

Подобныя требованія для точнаго изученія системы Лейбница трудно исполнимы; этимъ и можно объяснить ту массу

невѣрныхъ и неполныхъ толкованій его системы, которую мы встрѣчаемъ въ исторіяхъ философій.

Всѣ эти соображенія показываютъ намъ, насколько изученіе Лейбница представляетъ интересъ именно въ настоящее время, когда во всѣхъ областяхъ знанія—и въ физико-химическихъ, и въ біологическихъ, и въ психологическихъ наукахъ—мы вездѣ наблюдаемъ общее стремленіе къ объединенію, къ подведенію основъ, къ общимъ единичнымъ принципамъ; когда законы механики и, слѣдовательно, всего механическаго міровоззрѣнія представляются намъ не какъ основные, отъ которыхъ зависятъ остальные законы природы, а наоборотъ, являются сами какъ частные случаи болѣе общей науки, а именно—энергетики. Дать подробное изученіе системы Лейбница не можетъ быть нашей задачей въ настоящее время: для этого потребовался бы многолѣтній и многотомный трудъ. Цѣль этой статьи представить только общій обзоръ одной части системы Лейбница и сопоставить ее съ современнымъ направленіемъ энергетики.

---

2. Постепенное развитіе системы Лейбница. Борьба съ картезіанствомъ.

Хорошо знакомый съ ученіями схоластиковъ и греческихъ философовъ, Лейбницъ въ первой своей работѣ „De principio individui" (1663 г.) объявляетъ себя приверженцемъ номинализма; но это направленіе онъ очень скоро оставляетъ; на слѣдующій уже годъ онъ, подъ вліяніемъ изученія сочиненій Бэкона и Гассенди мѣняетъ свою точку зрѣнія: механизмъ и атомизмъ Гассенди привлекаютъ его, ясныя положенія и систематичность Бэкона вызываютъ въ немъ стремленіе къ изученію математики. Девятнадцатилѣтній Лейбницъ въ 1665 году, въ своемъ сочиненіи „De arte combinatoria", является полнымъ приверженцемъ атомизма; онъ съ воодушевленіемъ говоритъ, что одинъ только атомизмъ можетъ проникнуть въ глубину явленій природы и дать ихъ анализъ: „unica ista via est in arcana naturae penetrandi..."; онъ самъ излагаетъ основные принципы атомизма и занимается особенно тщательно вопросомъ о существованіи пустого пространства. Подобное увлеченіе атомизмомъ не могло его удовлетворить; стремленіе къ все болѣе и болѣе глубокому анализу явленій природы, изученіе Декарта и критическое отношеніе къ нему привели Лейбница уже въ 1668 году къ сознанію основныхъ недостатковъ атомизма. Сведеніе всѣхъ тѣлъ къ атомамъ и объясненіе явленій природы движеніями и взаимодѣйствіями атомовъ

не можетъ считаться полнымъ и достаточнымъ объясненіемъ, такъ какъ мы совершенно не знаемъ, почему атомы движутся, и что составляетъ именно тотъ связывающій принципъ, въ силу котораго атомы дѣйствуютъ другъ на друга; какъ извѣстно, атомисты объясняли движенія атомовъ различной тяжестью отдѣльныхъ атомовъ; подобное объясненіе, очевидно, не могло быть удовлетворительнымъ, потому что анализъ того, что есть сама тяжесть, не былъ данъ. Лейбницъ указываетъ на этотъ основной пробѣлъ атомизма; онъ старается его заполнить, слѣдовательно, объяснить, почему атомы дѣйствуютъ другъ на друга и почему они движутся.

Анализъ понятія о движеніи и вопросъ о томъ, что составляетъ причину движенія,—вотъ тѣ вопросы, которымъ отдается Лейбницъ и которыми онъ занимается въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ; мы видимъ, какъ постепенно въ этомъ отношеніи его воззрѣнія измѣняются, отвѣты являются все болѣе и болѣе точными и опредѣленными, и, какъ заключительное звено этого долгаго изслѣдованія, появляется его монадологія. Вначалѣ причина движенія атомовъ признается Лейбницомъ, какъ находящаяся внѣ атомовъ, но постепенный анализъ того, что такое движеніе и что такое матерія или субстанція, приводитъ его къ убѣжденію, что отдѣлить атомы отъ того вліянія, которое они имѣютъ на окружающія тѣла, невозможно, что это вліяніе или сила, которая производитъ движенія, входитъ, какъ непремѣнный составной признакъ, въ опредѣленіе субстанціи. Остановимся немного дольше на этомъ развитіи системы Лейбница и разберемъ тотъ путь, по которому онъ слѣдовалъ въ анализѣ основныхъ принциповъ, къ которымъ сводятся явленія природы.

Въ 1670 году Лейбницъ оканчиваетъ двѣ капитальныя работы, находящіяся подъ общимъ заглавіемъ: *„Hypothesis physica nova“* и посвященныя анализу понятій о движеніи и о матеріи. Эти двѣ работы озаглавлены: 1-я — *Theoria motus concreti* и 2-я — *Theoria motus abstracti*. Точка зрѣнія Лейбница въ этихъ работахъ является переходной стадіей отъ чистаго атомизма къ его послѣдующей монадологіи. Цѣлый рядъ гипотезъ, которыя приводятся Лейбницомъ въ этихъ трудахъ, почти тождественны съ гипотезами, которыя мы встрѣчаемъ у Декарта или картезіанцевъ; его отступленіе отъ картезіанства мы находимъ только въ двухъ пунктахъ, а именно: во 1-хъ, въ понятіи о безконечно маломъ, какъ элементѣ пространства и времени, и во 2-хъ, во введеніи новаго принципа, которому Лейбницъ даетъ названіе *„conatus“*, и который лучше всего перевести словомъ „вліяніе“ или

„стремленіе“; это послѣднее понятіе есть зачатокъ понятія о силѣ, его мы встрѣчаемъ только въ послѣдующихъ работахъ Лейбница.

Въ своей „Theoria motus concreti“ Лейбницъ даетъ теорію различныхъ физическихъ явленій; онъ вводитъ понятіе объ эфирѣ, какъ единой однородной субстанціи, занимающей все пространство между землей и солнцемъ; распредѣленіе эфира въ атомахъ, которые представляются Лейбницу въ видѣ пузырьковъ, „bullae“, заполненныхъ эфиромъ, позволяетъ ему дать объясненія всѣхъ извѣстныхъ явленій тяжести, упругости, теплоты, свѣта, магнетизма и химическихъ реакцій. Итакъ, единственный признакъ матеріи это, подобно тому какъ и у Декарта, ея протяженность. Дѣлимость матеріи должна имѣть съ физической точки зрѣнія извѣстный предѣлъ, который соотвѣтствуетъ атомамъ, но съ логичной точки зрѣнія подобнаго предѣла мы не можемъ допустить, такъ какъ мы всегда можемъ себѣ представить что, какъ бы ни былъ малъ нѣкоторый элементъ пространства, его можно еще раздѣлить: въ этомъ-то и заключается опредѣленіе безконечно малой величины; замѣтимъ, что и въ настоящее время опредѣленіе безконечно малой величины дается то же самое: это есть величина, которая можетъ быть меньше, чѣмъ всякая данная величина, какъ бы мала ни была эта послѣдняя. „Punctum est“, говоритъ Лейбницъ въ своей Theoria motus abstracti: „cujus magnitudo est inconsiderabilis, inassignabilis, minor quam quae ratione, nisi infinita ad aliam sensibilem exponi possit, *minor quam quae dari potest*“.

Это введеніе понятія о безконечно малой величинѣ уже въ 1670 году представляетъ для развитія и пониманія системы Лейбница большой интересъ; дѣйствительно, мы увидимъ, что шесть лѣтъ спустя Лейбницъ въ своихъ математическихъ изслѣдованіяхъ показываетъ, какимъ образомъ мы можемъ дѣлать вычисленія съ помощью этихъ безконечно малыхъ величинъ, и какое преимущество онѣ представляютъ для рѣшенія цѣлаго ряда основныхъ вопросовъ техники и астрономіи; это введеніе дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій произвело полный переворотъ во всей математикѣ и въ ея приложеніяхъ.

Второе основное понятіе, которое мы находимъ у Лейбница въ 1670 году, это понятіе о стремленіи или вліяніи. Оно вытекаетъ у него изъ анализа сути движенія. Во-первыхъ, говоритъ Лейбницъ, всякое движеніе должно быть непрерывно; его нельзя представлять себѣ состоящимъ изъ суммы отдѣльныхъ элементовъ, какъ это дѣлали нѣкоторые атомисты, подобно Гассенди,

такъ какъ въ этомъ случаѣ мы встрѣтились бы съ противорѣчіемъ закону инерціи. Существованіе этого принципа инерціи приводитъ Лейбница къ признанію, что когда нѣкоторое движущееся тѣло останавливается, то въ этотъ моментъ оно отличается отъ состоянія полнаго спокойствія, такъ какъ оно сохраняетъ еще въ продолженіе одного момента, т. е. безконечно малаго промежутка времени, нѣкоторое стремленіе или вліяніе, то, что Лейбницъ называетъ *„conatus“*, и которое можетъ распространяться на окружающія тѣла и вызывать въ нихъ движеніе. При одновременномъ существованіи вліяній нѣсколькихъ тѣлъ можетъ произойти взаимное уничтоженіе ихъ, или же получается среднее вліяніе, дѣйствующее въ извѣстную сторону; мы находимъ, слѣдовательно, уже тутъ принципъ параллелограмма силъ.

Отличительная черта ученія Лейбница этого періода заключается въ томъ, что атомы сами по себѣ представляютъ только пространственные элементы, ихъ „conatus“ или вліяніе вполнѣ отдѣлимо отъ нихъ и присуще имъ только въ продолженіе одного момента. Однако уже въ этой работѣ Лейбницъ признаетъ существованіе нѣкоторыхъ атомовъ, которые сохраняютъ свой „conatus“ даже долго послѣ того, какъ движеніе остановилось; это одушевленные предметы. Какъ аргументъ подобнаго утвержденія Лейбницъ даетъ тотъ фактъ, что неодушевленные предметы не имѣютъ памяти о происшедшемъ, тогда какъ одушевленныя существа помнятъ долго то, что съ ними произошло: „nullus conatus sine motu durat ultra momentum praeterquam in mentibus“.

Итакъ, мы видимъ, какъ Лейбницъ, придерживаясь своего принципа анализа помощью раздробленія на безконечно малые элементы, приходитъ къ признанію, что элементъ, отъ котораго зависитъ движеніе, есть „conatus“, и что „conatus“, т. е. вліяніе, дѣйствующее одинъ моментъ, есть то же самое, что движеніе, длящееся нѣкоторое время: „quod in momento est conatus, id in tempore motus corporis“. Намъ теперь становится вполнѣ ясно, какимъ образомъ Лейбницъ долженъ былъ придти къ дифференціальному и интегральному исчисленіямъ, а послѣ этого и къ построенію своей монадологіи; дѣйствительно, изъ предыдущаго положенія слѣдуетъ, что необходимо искать тотъ способъ, который позволилъ бы изъ знанія того, что происходитъ въ продолженіе одного момента, т. е. безконечно малаго промежутка времени, заключать о томъ, что произойдетъ во время продолжительнаго промежутка времени: это и есть задача интегрированія. Такъ же ясно, что если изъ состоянія въ продолженіе одного момента можно заключать о

томъ, что произойдетъ за продолжительный періодъ времени, то это можно еще выразить, сказавъ, что состояніе тѣла въ данный моментъ заключаетъ въ себѣ совокупность всего того, что произойдетъ съ нимъ въ будущемъ; достаточно обобщить этотъ принципъ и распространить его на всѣ явленія, чтобы получить основной принципъ философской системы Лейбница, который былъ имъ ясно выставленъ только послѣ 1695 года и который называется принципомъ „предустановленной гармоніи“ (praestabilierte Harmonie).

Но прежде, чѣмъ придти къ этому принципу, Лейбницъ анализировалъ понятіе о „conatus“, опредѣлилъ его болѣе ясно, опредѣлилъ понятія о субстанціи и о живой силѣ, т. е. энергіи и далъ основы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Мы должны, слѣдовательно, нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ понятіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Уже годъ спустя послѣ появленія „Hypothesis physica“ Лейбницъ выражаетъ свою неудовлетворенность понятіемъ матеріи, къ которому онъ самъ присоединялся еще въ 1670 году, и которое было имъ заимствовано у Декарта, а именно, что единственный необходимый признакъ матеріи, изъ котораго могутъ быть выведены всѣ ея свойства, это ея протяженность. Намѣреваясь ѣхать въ Парижъ, Лейбницъ входитъ въ сношенія съ Арно (*Arnauld*), который, какъ извѣстно, критиковалъ понятіе о матеріи Декарта, и въ своихъ письмахъ къ нему Лейбницъ выражаетъ, что невозможно вывести всѣ свойства матеріи изъ ея пространственныхъ элементовъ, что, слѣдовательно, необходимо признать нѣчто новое, присущее всякой матеріи и отличающее ее отъ пустого пространства. Одинъ изъ главныхъ аргументовъ этого заключенія Лейбницъ находитъ въ томъ соображеніи, что если бы, подобно Декарту, мы приняли, что всѣ свойства тѣла могутъ быть выведены изъ того пространства, которое оно занимаетъ, то малѣйшій толчокъ, малѣйшая сила была бы въ состояніи передвинуть одинаково сильно и большое, и малое тѣло, а это противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ изъ механики и физики. Можно съ увѣренностью утверждать, что въ сознаніи именно этого недостатка декартовской теоріи о матеріи и находится главный зачатокъ, изъ котораго образовалось понятіе объ энергіи и о монадѣ. Мы видимъ, слѣдовательно, что Лейбницъ до 1672 года остается еще чистымъ теоретикомъ: онъ анализируетъ основные вопросы философіи природы съ точки зрѣнія чистаго философа и разбираетъ вопросы объ основныхъ принципахъ, не вдаваясь еще въ ихъ подробное и детальное изученіе.

Его послѣдующее четырехлѣтнее пребываніе въ Парижѣ можетъ разсматриваться, какъ второй періодъ развитія философской системы Лейбница; тутъ онъ занимается математикой, механикой, физикой, изучаетъ по манускриптамъ Декарта и посвящаетъ цѣлый рядъ работъ чисто научнымъ вопросамъ; но въ этихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ мы постоянно видимъ геніальнаго философа, мы постоянно чувствуемъ, какъ эти работы ведутъ его постепенно все къ болѣе и болѣе строгому и тонкому анализу принциповъ природы, мы находимъ тотъ же методъ систематичнаго, строго логическаго анализа въ его работахъ по математикѣ и механикѣ, какъ мы это видимъ въ его философскихъ сочиненіяхъ. Открытіе дифференціальнаго исчисленія, доказательство ошибки Декарта относительно постоянства количества движенія и введеніе понятія о живой силѣ,—вотъ основныя работы, сдѣлавшія Лейбница безсмертнымъ въ математикѣ и механикѣ и приведшія его къ окончательному построенію его монадологіи.

Мы уже видѣли выше, что съ философской точки зрѣнія суть дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій сводится къ вопросу, какъ вывести изъ зависимости между двумя безконечно малыми величинами то отношеніе, которое связываетъ эти величины, когда онѣ принимаютъ конечныя значенія, напр., изъ того, что происходитъ съ даннымъ тѣломъ въ продолженіе одного момента, вывести, что съ нимъ произойдетъ въ продолжительное время, а также и рѣшить обратную задачу; значеніе Лейбница состоитъ въ томъ, что онъ показалъ, какое преимущество представляетъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ механики, астрономіи и физики употребленіе дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій; вмѣсто того, чтобы, напр., изучать законъ движенія въ продолженіе какого нибудь конечнаго времени, гораздо проще раздробить его на безконечно большое число составныхъ частей, изъ которыхъ каждая длится безконечно короткое время, и изучить движеніе какого-нибудь изъ этихъ элементовъ; общій законъ движенія даннаго тѣла будетъ заключаться въ каждой изъ этихъ составныхъ безконечно малыхъ частей. Вотъ та мысль, которая вначалѣ развивается только въ самыхъ простыхъ вопросахъ механики, а потомъ является одной изъ основъ міровоззрѣнія Лейбница.

Декартъ, стараясь защитить свою теорію, что всѣ явленія природы можно вывести изъ законовъ механики, а слѣдовательно, свести къ отношеніямъ пространства и движенія, выводитъ изъ нея, на основаніи одного только разсужденія теологическаго ха-

рактера, что въ мірѣ произведеніе количества матеріи на быстроту движенія есть величина неизмѣнная. Это произведеніе массы тѣла на быстроту его движенія Декартъ называетъ „количествомъ движенія“, „quantité de mouvement“, $m.\ v$; m это масса, а v это быстрота движенія. Это „количество движенія“ и есть, по мнѣнію, Декарта, измѣреніе той силы, которая присуща какому-нибудь движущемуся тѣлу, и которую оно можетъ передать другому тѣлу при столкновеніи съ нимъ. Если, слѣдовательно, нѣкоторое тѣло массы m движется съ быстротой равной $2v$, а другое тѣло массы $2m$ съ быстротой v, то эти два тѣла будутъ имѣть то же количество движенія, т. е. они будутъ въ состояніи произвести на какое-нибудь третье тѣло одно и то же вліяніе. Это заключеніе оказывается совершенно невѣрнымъ: опытъ показываетъ совершенно другое, онъ показываетъ, что первое тѣло будетъ имѣть большее вліяніе, чѣмъ второе; слѣдовательно, заключеніе Декарта о постоянствѣ количества движенія невѣрно; это-то доказательство и было дано Лейбницомъ, и оно привело его непосредственно къ заключенію, что мы не можемъ свести даже самыхъ простыхъ явленій природы къ пространству и движенію, что мы должны признать еще другой основной принципъ, присущій всякой матеріи, а именно, ея „активность“. Дадимъ сперва доказательство ошибки Декарта въ той формѣ, какъ мы его находимъ у Лейбница.

Уже Галлилей показалъ, что если нѣкоторое тѣло падаетъ съ высоты равной h, то оно пріобрѣтаетъ нѣкоторую быстроту, которая позволила бы этому же тѣлу подняться на ту же высоту; на этомъ фактѣ и основано построеніе маятника. Изучая законы паденія тѣлъ, Галлилей показалъ, что быстрота возрастаетъ, какъ квадратный корень высоты паденія тѣла, т. е. если тѣло падаетъ съ высоты $4h$, то его быстрота будетъ въ *два* раза больше, чѣмъ у тѣла, которое падаетъ съ высоты въ *четыре* раза меньшей, т. е. h.

Въ небольшомъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1686 году и озаглавленномъ: „Brevis demonstratio erroris memorabili Cartesii et aliorum circa legem natura, secundum quam volunt a Deo eamdem semper quantitatem motus conservari, qua et in re mechanica abutuntur“, Лейбницъ говоритъ, что для того, чтобы поднять тѣло m на высоту $4h$ необходимо потратить такое-же усиліе (теперь мы говоримъ работу), какъ и для поднятія тѣла $4m$ на высоту h, это признается имъ очевиднымъ и соотвѣтствующимъ каждодневному опыту; слѣдовательно, продолжаетъ Лейбницъ, тѣло m, падая съ высоты $4h$, пріобрѣтаетъ ту же „силу“ (теперь мы го-

воримъ: энергію или живую силу), какъ и тѣло $4m$ при паденіи съ высоты h. Однако количество движенія по Декарту будетъ въ первомъ случаѣ равно $m \cdot 2v$, а во второмъ случаѣ $4m \cdot v$, то есть оно будетъ во второмъ случаѣ въ два раза больше. Итакъ, заключеніе Декарта объ измѣреніи „силы" (т. е. энергіи въ современномъ смыслѣ слова) помощью „количества движенія" невѣрно.

Какъ же должны мы измѣрять „силу"? На этотъ вопросъ Лейбницъ отвѣчаетъ, что нужно взять произведеніе „тѣла" на квадратъ его быстроты, т. е. взять произведеніе mv^2, тогда мы получимъ одну и ту же величину въ обоихъ предыдущихъ случаяхъ. Лейбницъ показываетъ, что именно только при подобномъ измѣреніи „силы" проблема вѣчнаго движенія (mouvement perpetuel) становится невозможной.

Итакъ, Лейбницъ приходитъ къ заключенію, что при измѣненіи движенія какого-нибудь тѣла, при вліяніи однихъ тѣлъ на другія, величина, которая остается постоянной, это сумма произведеній mv^2 отдѣльныхъ тѣлъ. Это произведеніе, измѣряющее силу движущагося тѣла, Лейбницъ отличаетъ отъ силы давленія тѣла, лежащаго спокойно; въ 1695 году онъ называетъ первую „живой силой" или активной силой, а вторую „мертвой силой".

Мы видѣли выше, что Лейбницъ пробылъ въ Парижѣ четыре года, съ 1672 по 1676 годъ, и что онъ посвятилъ этотъ періодъ научнымъ изслѣдованіямъ; наше утвержденіе, что для дальнѣйшаго развитія міровоззрѣнія Лейбница критика механики Декарта имѣла огромное значеніе, можетъ показаться невѣрнымъ, такъ какъ эта критика появилась лишь въ 1686 и даже 1695 году. Однако цѣлый рядъ писемъ и отдѣльныхъ документовъ показываютъ намъ, что Лейбницъ ясно представлялъ себѣ эту критику уже раньше 1676 года; такъ, напр., онъ въ 1676 году объясняетъ Спинозѣ, въ чемъ заключается ошибка механики Декарта.

Эти чисто ученыя работы Лейбница приводятъ его къ признанію силы, какъ необходимаго аттрибута матеріи: „тѣло—это протяженная активность", всякое дѣйствіе, всякая активность должна быть названа субстанціей. „Corpus ergo est agens extensum, modo teneatur, omnem substantiam agere, at omne agens substantiam appellari", такъ писалъ Лейбницъ уже въ 1680 году. Итакъ, заключеніе всего этого ряда изслѣдованій Лейбница сводится къ тому, что всѣ явленія природы могутъ быть выведены изъ пространственныхъ отношеній матеріи, обладающей нѣкоторой активностью; слѣдовательно, элементы, къ которымъ сводятся

всѣ явленія природы, это пространство, время, движеніе и живая сила. Достаточно связать эти заключенія съ понятіемъ о предѣльности физическаго дѣленія тѣлъ, высказаннымъ Лейбницемъ еще въ 1670 году, и съ его утвержденіемъ, что происходящее въ продолженіе одного момента заключаетъ въ себѣ законъ того, что происходитъ въ продолжительное время, чтобы получить представленіе о томъ, что такое „монада", т. е. единица, къ которой сводятся всѣ тѣла, то, что должно замѣнить атомы. Намъ, слѣдовательно, теперь остается только вкратцѣ напомнить, въ чемъ именно заключается окончательная монадологія Лейбница.

Всѣ тѣла состоятъ, по этой теоріи Лейбница, изъ недѣлимыхъ элементовъ, величина которыхъ, подобно атомамъ, очень мала, но которые отличаются отъ атомовъ тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ нѣкоторое количество силы (т. е. энергіи въ современномъ смыслѣ слова). Матерія отъ силы неотдѣлима, и даже самъ Богъ, по теоріи Лейбница, не можетъ ихъ отдѣлить, т. е. сила есть непремѣнный признакъ, безъ котораго матерія невозможна. Эти единицы, которыя должны, слѣдовательно, замѣнить атомы, Лейбницъ называетъ *монадами* (*monas*); названіе это имъ заимствовано у Джіордано Бруно. Каждая монада представляетъ собою вполнѣ независимую единицу, какъ бы отдѣльный міръ, „микрокосмъ", въ которомъ все происходитъ по извѣстнымъ законамъ, не зависящимъ отъ окружающихъ монадъ.

Подобно тому, какъ наблюденіе измѣненія тѣла въ какой нибудь моментъ позволяетъ заключить о его измѣненіяхъ въ продолжительное время, такъ и для монады проницательный глазъ могъ бы изъ состоянія ея въ какой-нибудь моментъ вывести все ея прошлое и все будущее; она, слѣдовательно, носитъ въ себѣ постоянно все то, что съ ней произойдетъ, она „представляетъ" и прошлое, и будущее; если мы будемъ считать подобное „представленіе" единственнымъ и достаточнымъ признакомъ того, что мы называемъ душою, то отсюда слѣдуетъ, что каждая монада имѣетъ душу или одушевлена. Какъ мы видимъ, понятіе Лейбница о душѣ вполнѣ опредѣленно, и по этому опредѣленію душа должна признаваться въ каждой монадѣ.

Интересно замѣтить теперь же, что эта теорія Лейбница о томъ, что въ каждый моментъ монада заключаетъ въ себѣ все прошлое и будущее, встрѣчается выраженной приблизительно въ такой же формѣ у Лапласа въ его теоріи вѣроятностей. Лапласъ, говоря о томъ, что мы должны считать случайнымъ явленіемъ, показываетъ, что если-бы мы знали вполнѣ законы происхожденія всѣхъ явленій, то изъ познанія положенія тѣлъ въ

какой-нибудь моментъ, мы могли бы вывести все прошлое и все будущее міра. Эта точка зрѣнія намъ теперь кажется вполнѣ ясной и очевидной, однако двѣсти лѣтъ тому назадъ она была чужда всѣмъ, и только геній Лейбница могъ понять и ясно выразить важность подобнаго воззрѣнія.

Итакъ, монады представляются вполнѣ независимыми другъ отъ друга; однако, какъ же происходятъ явленія природы, охватывающія всегда большое количество различныхъ монадъ? Тутъ Лейбницъ опять таки даетъ вполнѣ оригинальный отвѣтъ: между измѣненіями различныхъ монадъ существуетъ гармонія, которую Лейбницъ считаетъ предустановленной; но форма этой гармоніи или соотношенія не можетъ считаться опредѣленной; даже болѣе того, Лейбницъ говоритъ, что измѣненія отдѣльныхъ монадъ могли бы быть гармонированы на безчисленное число различныхъ способовъ, и каждая подобная гармонія представляла бы особую форму міра, такъ что число возможныхъ міровъ безконечно; тотъ міръ, который на самомъ дѣлѣ существуетъ, есть одна изъ этихъ безчисленныхъ формъ. Лейбницъ спрашиваетъ себя, чѣмъ же отличается этотъ міръ отъ всѣхъ другихъ возможныхъ? Почему гармонія существуетъ именно въ этой формѣ, а не въ какой нибудь другой, есть-ли это чистая случайность? Нѣтъ, говоритъ Лейбницъ, это не случайность, такъ какъ настоящій міръ представляетъ собою лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; Лейбницъ вводитъ тутъ оптимистическую точку зрѣнія, которая была вызвана его понятіемъ о Богѣ.

Такова вкратцѣ система Лейбница. Тѣ изъ читателей, которые знакомы съ изложеніями философіи Лейбница, найдутъ мое изложеніе во многихъ пунктахъ разнящимся съ общепринятыми; обыкновенно на развитіе философской системы Лейбница не обращаютъ вниманія, его математическія и физическія сочиненія оставляютъ въ сторонѣ и трактуютъ сразу о его монадологіи и метафизикѣ, которая тогда является очень туманной и неясной. Было бы въ высшей степени желательно изучить Лейбница, какъ ученаго, и прослѣдить во всѣхъ деталяхъ развитіе его воззрѣній, такъ какъ развитіе это является строго логической и систематической критикой атомизма и механизма.

Подобное изученіе представляетъ два главныхъ затрудненія: во-первыхъ, прежде чѣмъ начать изучать Лейбница, необходимо вполнѣ познакомиться съ состояніемъ науки и философіи въ его время, нужно изучить тѣхъ писателей, которыхъ онъ читалъ и по которымъ онъ самъ учился; во-вторыхъ, главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что нужно стараться вполнѣ понять и представ-

вить себѣ всю психику Лейбница и его современниковъ, а это очень трудно особенно потому, что намъ трудно понять, какое было отношеніе его къ понятію о Богѣ и къ религіи вообще; мы должны предположить, что онъ вѣрилъ въ Бога, но что означало для Лейбница вѣрить въ Бога? Это вопросъ, на который очень трудно отвѣтить, однако онъ важенъ для изученія всей исторіи философіи, такъ какъ до конца восемнадцатаго столѣтія мы видимъ, что наука не отдѣлялась отъ религіи; сами сочиненія по механикѣ, физикѣ и астрономіи заключаютъ въ себѣ соображенія относительно Бога, его могущества, его совершенства и его доброты; такъ, напр., мы встрѣчаемъ постоянно чисто теологическія разсужденія въ сочиненіяхъ Паскаля, Декарта, Лейбница, Бернулли, Ейлера и т. д.; Паскаль, напр., самымъ серьезнымъ образомъ обсуждаетъ вопросъ: можетъ-ли дьяволъ совершать чудеса; Гверикэ, описывая свои опыты надъ пневматической машиной и говоря о пустотѣ, разбираетъ вопросъ, гдѣ находится небо и адъ, и т. д. Подобныхъ примѣровъ можно найти массу и это у ученыхъ и философовъ, самыхъ выдающихся. Намъ въ настоящую эпоху совершенно невозможно представить себѣ, что именно думали, что чувствовали эти ученые, когда разбирали эти теологическіе вопросы, однако для пониманія ихъ философскихъ системъ подобное представленіе было бы очень полезно. Это затрудненіе объясняетъ, почему многія системы совершенно невѣрно толкуются и понимаются; это затрудненіе относится къ Лейбницу болѣе, чѣмъ къ кому бы то ни было, потому что мы можемъ утверждать, что представленіе Лейбница о Богѣ и его отношеніе къ религіи очень сильно мѣнялось съ періодами его жизни. Вѣра въ Бога и представленіе о Богѣ у Лейбница въ 1670 году не могли бы допустить того, что Богъ не можетъ, напр., отдѣлить матерію отъ силы, т. е. вообще не можетъ сдѣлать чего-нибудь, однако тридцать лѣтъ спустя Лейбницъ представляетъ это, какъ необходимый выводъ своей системы.

Мы не будемъ останавливаться дольше на этихъ вопросахъ, перейдемъ теперь къ обсужденію того значенія, какое имѣетъ философія Лейбница для современной энергетики.

---

3. Основы современной энергетики.

Несмотря на строгую критику картезіанства Лейбницомъ, развитіе всѣхъ наукъ находилось въ продолженіе двухъ столѣтій подъ полнымъ владычествомъ ученія Декарта; конечною цѣлью

всякаго изслѣдованія считалось сведеніе изучаемыхъ явленій природы къ законамъ механики; та теорія, которая была въ состояніи свести явленія природы къ механическимъ построеніямъ, считалась вполнѣ удовлетворительной. Мы видимъ, какъ отдѣльныя области физики — оптика, теплота, магнетизмъ, электричество и, наконецъ, химическія реакціи—разрабатываются съ этой точки зрѣнія, и какъ во всѣхъ этихъ областяхъ ученые стараются свести эти явленія къ главнымъ элементамъ: пространству, времени, движенію, силѣ и матеріи. По мѣрѣ того, какъ развивалась наука, число отдѣльныхъ формъ матеріи увеличивалось; были введены, какъ элементы окончательнаго анализа явленій природы, для теплоты тепловая жидкость или матерія, для магнетизма—магнетическая жидкость, для электричества—двѣ жидкости или матеріи, соотвѣтствующія положительному и отрицательному электричеству и т. д. Кромѣ того, пространство считалось заполненнымъ универсальной матеріей, т. е. эфиромъ.

Очевидно, что подобныя разновидности матеріи не могли удовлетворять тѣхъ ученыхъ, которые старались возвести общую систему міросозерцанія, и мы видимъ, какъ уже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія среди ученыхъ появляется стремленіе сблизить отдѣльныя отрасли физики и уменьшить число тѣхъ элементовъ, къ которымъ сводятся явленія природы. Рѣшительными ударами, вызвавшими полный переворотъ въ этихъ изслѣдованіяхъ, были открытія закона Лавуазье о сохраненіи вѣса при химическихъ реакціяхъ, закона Карно о превращеніи тепла въ механическую работу, законовъ Фарадея относительно электричества и, наконецъ, закона Майера и Гельмгольца о сохраненіи энергіи. Посмотримъ, какія же новыя идеи, съ философской точки зрѣнія, были введены этими открытіями.

Тогда какъ до конца восемнадцатаго столѣтія учеными былъ установленъ только законъ сохраненія механической работы, превращеніе же вѣсомой матеріи, исчезновеніе и замѣненіе ея невѣсомой жидкостью, напр., „жидкостью огня“ считалось возможнымъ, Лавуазье показалъ, что вѣсъ тѣлъ остается постояннымъ, какія бы превращенія ни были произведены съ этими тѣлами. Отсюда вытекало заключеніе о постоянствѣ вѣсомой матеріи и о постоянствѣ именно того, что составляетъ вѣсъ тѣлъ; объясненіе же вѣса сводилось послѣ Ньютона къ притяженію тѣлъ, т. е. къ нѣкоторой силѣ, дѣйствующей между различными тѣлами и землей. Итакъ, вмѣсто того, чтобы считать, что только механическая работа остается постоянной при ея превращеніяхъ, Лавуазье показалъ, что сила притяженія также остается постоянной. Это от-

крытіе послужило аргументомъ для защиты идеи, что вѣсомая матерія неразрушима, и что только форма и распредѣленіе ея могутъ измѣняться; атомы, изъ которыхъ она состоитъ, остаются неизмѣнными, они могутъ только быть болѣе или менѣе далекими другъ отъ друга и могутъ соединяться между собой, образуя комплексы, такъ-называемыя молекулы, въ которыхъ, однако, каждый атомъ продолжаетъ притягиваться съ той же силой, какъ и до соединенія.

Если атомы, составляющіе вѣсомую матерію, не могутъ превращаться въ невѣсомую матерію, то спрашивается, въ какомъ же отношеніи находятся эти атомы къ тѣмъ различнымъ невѣсомымъ матеріямъ, которыя признавались въ теплотѣ, въ магнетизмѣ и въ электричествѣ. Именно на эти-то вопросы и отвѣчали изслѣдованія Карно и Фарадея. Первый изъ нихъ показалъ, что при превращеніи теплоты въ механическую работу, мы не можемъ получить количества работы, превышающаго извѣстный предѣлъ; этотъ предѣлъ зависитъ отъ того, на сколько градусовъ падаетъ температура того тѣла (напр., пара), которое производитъ механическую работу. Выводъ изъ этого изслѣдованія Карно былъ тотъ, что извѣстное количество тепла можетъ быть превращено въ механическую работу, слѣдовательно, между механической работой и количествомъ теплоты существуетъ опредѣленное количественное отношеніе. Такимъ образомъ, то, что считалось невѣсомой тепловой жидкостью, является эквивалентнымъ механической работѣ, т. е. оказывается, что эта теплота можетъ исчезнуть и на ея мѣсто появится механическая работа, а также и обратно, при исчезновеніи механической работы можетъ быть развито извѣстное количество теплоты.

Опыты Фарадея надъ разложеніемъ растворовъ электричествомъ показали, что количество электричества, или, какъ онъ выражается, электрической жидкости, положительной или отрицательной, которое можетъ быть связано съ каждымъ атомомъ матеріи, вполнѣ опредѣленно: это есть величина постоянная, которая можетъ служить единицей для измѣренія количества электричества вообще.

Итакъ, эти изслѣдованія сближаютъ между собой законы матеріи вѣсомой съ законами невѣсомой матеріи, т. е. теплоты и электричества, и показываютъ, что между ними существуетъ вполнѣ опредѣленная связь, которая позволяетъ предвидѣть, что возможно болѣе общее построеніе міра и сведеніе его къ болѣе простымъ элементамъ.

Эта мысль и была развита сперва Робертомъ Майеромъ, а

потомъ Гельмгольцемъ въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, и ея формулировка носитъ названіе закона сохраненія энергіи. Теплота, электричество, движеніе тѣлъ, свѣтъ, химическія превращенія суть не что иное, какъ различныя формы одного и того же основного принципа, именно *энергіи*; это суть различныя формы энергіи, которыя могутъ превращаться одна въ другую но при этихъ превращеніяхъ общее количество энергіи остается постояннымъ. Общее количество энергіи въ мірѣ постоянно, оно не можетъ ни уменьшаться, ни увеличиваться, однѣ только формы энергіи могутъ измѣняться. Таковъ общій выводъ изъ этихъ изслѣдованій.

Мы видимъ, слѣдовательно, что объединеніе всѣхъ областей физики, а потому и біологическихъ наукъ, которыя сводятся къ физическимъ явленіямъ, произошло въ формѣ закона сохраненія энергіи.

Намъ представляются, такимъ образомъ, два закона сохраненія, а именно, законъ сохраненія вѣса, т. е. законъ сохраненія силы притяженія, и законъ сохраненія энергіи; въ первомъ мы имѣемъ дѣло съ силой, во второмъ съ работой, т. е. съ произведеніемъ какой-нибудь силы на другой факторъ. Очевидно, что при болѣе глубокомъ анализѣ возникаютъ вопросы: во-первыхъ, въ какомъ отношеніи сила притяженія, т. е. то, что считается главнымъ признакомъ вѣсомой матеріи, находится къ энергіи, а вовторыхъ, въ какомъ отношеніи находятся различныя формы энергіи другъ къ другу. Вотъ на эти-то вопросы и старается отвѣтить современная энергетика, построенная Махомъ и Оствальдомъ, съ одной стороны, и англійскими физиками лордомъ Кельвиномъ, Максвелемъ и Ж. Ж. Томсономъ, съ другой.

Мы видимъ, что постановка перваго изъ этихъ вопросовъ по своему философскому значенію очень близко стоитъ къ системѣ Лейбница, который также спрашиваетъ себя, въ какомъ отношеніи находится матерія къ силѣ, или, вѣрнѣе, къ энергіи, такъ какъ то, что Лейбницъ называетъ силой, есть на самомъ дѣлѣ энергія. Относительно различныхъ формъ энергіи у Лейбница еще, конечно, мы не встрѣчаемъ ничего: это вопросъ, принадлежащій исключительно современной энергетикѣ.

Если мы разберемъ тѣ отвѣты, которые современные физики даютъ на первый вопросъ о соотношеніи силы притяженія къ энергіи, то мы увидимъ, что чистые энергетики, главнымъ образомъ, Оствальдъ, стараются уничтожить различіе между силой и энергіей; сила притяженія матеріи считается факторомъ энергіи, другимъ факторомъ которой является разстояніе между притягивающимися тѣ-

лами, такъ что законъ сохраненія вѣса сводится къ закону сохраненія энергіи и является только частнымъ случаемъ этого послѣдняго. Эта точка зрѣнія ведетъ непосредственно къ представленію, что то, что мы называемъ матеріей, можетъ быть сведено къ проявленію той или другой формы энергіи. Вѣдь когда мы говоримъ, что какое-нибудь тѣло—твердое, то это означаетъ, что намъ нужно потратить большую энергію, чтобы измѣнить форму этого тѣла; когда количество энергіи, необходимое для измѣненія этой формы, очень мало, то мы называемъ это тѣло жидкимъ; кромѣ этого количества энергіи, мы ничего другого не подразумѣваемъ при названіи или представленіи твердаго и жидкаго тѣла. Поэтому всѣ наши понятія, все наше представленіе о природѣ сводится исключительно къ проявленіямъ или превращеніямъ различныхъ формъ энергіи. Намъ нѣтъ никакой необходимости признавать, помимо энергіи, какую-нибудь матерію: всѣ явленія природы могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ элементамъ: пространству, времени и энергіи. Эта точка зрѣнія является чисто абстрактной; энергія представляется, какъ абстрактное понятіе, которое не выражается въ формѣ какихъ-нибудь моделей, не ведетъ къ конкретнымъ представленіямъ, а заставляетъ довольствоваться абстрактными разсужденіями въ высшей степени общаго характера. Эти разсужденія имѣютъ первой цѣлью выясненіе тѣхъ общихъ законовъ, которымъ подвержены измѣненія или превращенія энергіи, и уже изъ этихъ общихъ законовъ должны выводиться, какъ частные случаи, законы, относящіеся къ отдѣльнымъ формамъ энергіи, т. е. механика, теплота, электричество, свѣтъ, химическія превращенія и т. д. Система эта еще далеко не закончена: мы имѣемъ до сихъ поръ только постановку общихъ основаній и принциповъ, детальное же проведеніе этихъ принциповъ есть задача будущаго развитія энергетики.

Направленіе англійскихъ физиковъ совершенно обратное. Тогда какъ энергетики являются современными представителями ученія Лейбница, англійскіе ученые стараются поставить картезіанство въ основу всѣхъ объясненій. Чтобы объяснить всѣ явленія свѣта, электричества, теплоты и движенія, эти ученые предлагаютъ теоріи, построенныя исключительно на механикѣ; свести эти явленія къ законамъ механики и дать о нихъ конкретное представленіе, которое можно было бы даже представить въ видѣ модели, вотъ цѣль, преслѣдуемая этими физиками. Мы видимъ, поэтому, какъ они, основываясь на сведеніи матеріи къ отдѣльнымъ атомамъ, приходятъ къ теоріи, что электрическая жидкость состоитъ также изъ мельчайшихъ частицъ, такъ называе-

мыхъ „тѣлецъ“, „corpuscules“, которыя заполняютъ атомы и движутся въ нихъ; то пространство, которое находится между атомами и которое считается заполненнымъ эфиромъ, опять-таки признается имѣющимъ опредѣленное строеніе; напр., для Томсона этотъ эфиръ представляется состоящимъ изъ отдѣльныхъ трубочекъ, которыя натянуты, какъ струны, между атомами; для Кельвина этотъ эфиръ представляется состоящимъ изъ особенныхъ вихрей, дающихъ ему свойство упругости и т. д., и т. д. Какъ мы видимъ,—вездѣ конкретныя представленія, модели строенія матеріи со всѣми ея свойствами.

Мы должны еще сказать нѣсколько словъ относительно второго вопроса, а именно: какое отношеніе признаетъ энергетика между различными формами энергіи. Этотъ вопросъ еще мало изученъ; онъ представляется въ высшей степени труднымъ съ философской точки зрѣнія. Повидимому, этотъ вопросъ долженъ былъ бы имѣть такое рѣшеніе, что различныя формы энергіи не существуютъ сами по себѣ, а зависятъ отъ насъ, отъ нашихъ ощущеній, съ помощью которыхъ мы ихъ познаемъ, и которыя отражаютъ ихъ въ различной формѣ, хотя на самомъ дѣлѣ они суть только лишь измѣненія одной и той же основной энергіи, которая можетъ измѣняться по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ. Но эта точка зрѣнія, повторяю, еще не вполнѣ установлена, ее нужно разработать, обосновать и показать, что дѣйствительно сведеніе всѣхъ формъ энергіи къ одной, единой есть вещь возможная. Когда эта задача будетъ рѣшена, то мы будемъ состояніи утверждать, что энергетика составляетъ дѣйствительно полную гармоничную философскую систему. До тѣхъ же поръ ее надо считать лишь системой предварительной и незаконченной.

---

4. Психологическій анализъ энергетики и механизма.

Предъидущія изложенія теорій построенія міра и анализа явленій природы показали намъ насколько различны, даже совершенно противоположны отвѣты, даваемые различными учеными при анализѣ тѣхъ основныхъ принциповъ, къ которымъ сводятся явленія. Спрашивается, отчего же происходитъ это различіе въ отвѣтахъ, чѣмъ объяснить, что въ одинъ и тотъ же періодъ возникаютъ двѣ школы, настолько разнящіяся другъ отъ друга? Что заставляетъ Оствальда и вообще энергетиковъ, отказаться отъ атомизма даже для вѣсовой матеріи и, наоборотъ,

побуждаетъ англійскихъ физиковъ прилагать принципы этого атомизма къ электричеству и эфиру? Вопросы эти являются уже не философскими, а чисто психологическими: мы должны психологически анализировать, чего требуетъ тотъ или другой ученый отъ объясненія какого-нибудь явленія природы, отъ сведенія этого явленія къ самымъ простымъ его элементамъ?

Было бы въ высшей степени интересно, если бы каждый ученый, раньше чѣмъ давать общую теорію строенія міра, описалъ съ психологической точки зрѣнія, что́ онъ считаетъ удовлетворительнымъ объясненіемъ; подобное показаніе позволило бы намъ лучше понимать многихъ изъ философовъ. Однако приходится довольствоваться нѣкоторыми отрывочными указаніями и личными наблюденіями надъ кругомъ знакомыхъ.

Что касается точки зрѣнія англійскихъ физиковъ, то Кельвинъ ясно сказалъ, что онъ довольствуется какой-нибудь теоріей только тогда, когда она позволяетъ ему построить или представить себѣ механическую модель того явленія, которое надо объяснить.

Наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ различныхъ ученыхъ показываютъ, что мы можемъ различить два главныхъ психологическихъ типа: абстрактный и конкретный. Отличаются эти типы по своему способу мышленія. Первый думаетъ абстрактными образами, ему не нужно никакихъ конкретныхъ представленій и даже напротивъ, конкретныя представленія мѣшаютъ ему, такъ какъ заключаютъ его мышленіе въ слишкомъ узкія рамки; чтобы представить вліяніе двухъ тѣлъ другъ на друга, онъ думаетъ абстрактно о величинѣ этого вліянія, о способѣ ея дѣйствія, у него не возникаетъ никакого опредѣленнаго представленія въ родѣ, напр., нити, связывающей оба предмета. При такомъ способѣ мышленія онъ можетъ охватывать вмѣстѣ самыя общія свойства, которыхъ конкретно даже нельзя связать вмѣстѣ; его мышленіе идетъ быстро и скачками; часто, начиная нѣкоторое разсужденіе, онъ сразу видитъ его конецъ, совершенно не имѣя надобности продумывать всю нить разсужденій, связывающую это начало съ концомъ. Наконецъ, часто этотъ типъ думаетъ не словами, а чисто абстрактными образами, которые позволяютъ ему быстрѣе думать, чѣмъ словами.

Второй типъ, конкретный, пользуется при мышленіи преимущественно конкретными представленіями; даже думая и разсуждая о самыхъ абстрактныхъ вопросахъ, онъ постоянно пользуется конкретными сравненіями, безъ которыхъ онъ не можетъ обойтись, и которыя служатъ ему руководящей нитью въ его разсужде-

ніяхъ; они отнюдь не стѣсняютъ его, такъ какъ онъ легко мѣняетъ одно представленіе на другое и производитъ въ данномъ представленіи самыя разнообразныя измѣненія; этотъ типъ рѣдко можетъ думать безъ словъ, и если онъ думаетъ, то лишь благодаря конкретнымъ предметнымъ представленіямъ.

Эти два психологическихъ типа, конечно, не являются единственными, но это типы крайніе.

Одно описаніе этихъ типовъ невольно сближаетъ ихъ со способами объясненія явленій природы: первому соотвѣтствуетъ энергетика, второму механизмъ. Конечно, нельзя утверждать, что именно всѣ сторонники энергетики принадлежатъ къ абстрактному типу, а механисты къ конкретному, но я полагаю, что въ большинствѣ случаевъ это должно быть такъ. Во всякомъ случаѣ для абстрактнаго типа—теоріи механистовъ кажутся сложными построеніями, только затемняющими вопросъ и заключающими его въ узкія рамки, для конкретнаго же типа—энергетика не даетъ удовлетворительнаго объясненія, онъ спрашиваетъ, какъ же ему представить себѣ ту энергію, къ которой хотятъ все свести, что станется съ матеріей, и какъ мы представимъ себѣ всѣ ея измѣненія, если мы не будемъ думать объ атомахъ и представлять себѣ ихъ движенія и столкновенія и т. д. Отсюда ясно, почему какъ энергетика, такъ и механизмъ не могутъ считаться системами, удовлетворяющими требованіямъ рѣшительно всѣхъ умовъ: причина этого психологическая, а отнюдь не философская. Вотъ поэтому-то и философія Лейбница съ его понятіемъ о монадахъ, которыя никакъ не могутъ быть представлены въ конкретной формѣ, безъ ихъ искаженія, удовлетворяетъ и привлекаетъ къ себѣ типы абстрактные и, наоборотъ, отталкиваетъ отъ себя конкретные, которымъ Гассенди или Декартъ приходятся болѣе по духу.

Столѣтняя годовщина Канта.

Виктора Баша.

(*Профессора Ренскаго Университета*).

19-го февраля 1804 года, въ 11 часовъ утра, умеръ въ Кенигсбергѣ профессоръ Эмануилъ Кантъ. Онъ родился 22-го апрѣля 1724 года, слѣдовательно, ему было свыше восьмидесяти лѣтъ; природа, наградившая его такой поразительной интеллектуальной мощью, какъ бы утомившись наконецъ, стала постепенно лишать его своихъ щедрыхъ даровъ. Съ 1789-го года онъ начинаетъ чувствовать упадокъ силъ; съ 1796-го года онъ принужденъ прекратить свою преподавательскую дѣятельность; сначала онъ теряетъ способность напрягать вниманіе, затѣмъ память, даръ слова и способность писать; онъ не въ состояніи болѣе заниматься своими домашними дѣлами, не узнаетъ самыхъ близкихъ друзей. Вначалѣ онъ дѣлаетъ попытки побороть дряхлость: онъ весь отдается новому произведенію, трактату о *Переходѣ Метафизики въ Физику*, отдается ему съ жаромъ, истощается въ тщетномъ усиліи и, наконецъ, вынужденъ признать свое безсиліе. Онъ пишетъ 21-го сентября 1789-го года трогательное письмо профессору Гарве (*Garve*), страдавшему ракомъ. Онъ находитъ что „муки Тантала“, испытываемыя имъ, еще ужаснѣе страданій его друга: быть такъ близко отъ окончанія своей системы и не имѣть возможности довести ее до конца. 24 апрѣля 1803 года, онъ пишетъ на летучемъ листкѣ, которые онъ сталъ употреблять въ подмогу слабѣющей памяти, трагическій стихъ псалма 90-го: „наша средняя человѣческая жизнь не превышаетъ 70 лѣтъ, и если болѣе сильные достигаютъ 80-ти лѣтъ, то этотъ излишекъ есть сплошное страданіе и горе“. И когда, наконецъ, благодѣтельница—смерть постучалась въ дверь маленькаго дома на Prinzessin-Strasse, гдѣ Кантъ жилъ и мыслилъ съ 1783 года, она явилась желанной гостьей. „Это хорошо“ (Es ist gut) были послѣднія его слова.

I.

Таковы были послѣдніе годы, такова была смерть Канта. Его жизнь была сѣра и безцвѣтна. Родомъ изъ скромной семьи ремесленника, шотландскаго происхожденія, какъ онъ это самъ признавалъ, но что теперь справедливо оспаривается; онъ велъ классическую жизнь нѣмецкаго профессора, медленно и съ трудомъ подвигаясь по всѣмъ ступенямъ университетской карьеры. Послѣ солидныхъ занятій въ *Collegium Fridericianum* и въ Кенигсбергскомъ университетѣ, онъ сдѣлался домашнимъ учителемъ, „абилитировался“ въ 1755 году на приватъ-доцента и назначенъ былъ въ 1756 году помощникомъ библіотекаря дворцовой библіотеки съ ежегоднымъ окладомъ въ 62 талера (около 120 рублей). Публичныя лекціи, читаемыя имъ въ частной залѣ, которыя посѣщались не только студентами, но и людьми высшаго общества, позволяли ему сводить концы съ концами. Только въ 1770-мъ году, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ему удалось получить кафедру магистра логики и метафизики. Съ этого момента положеніе его упрочивается, особенно послѣ появленія въ 1781-мъ году его *„Критики чистаго разума“*; онъ дѣлается не только самымъ виднымъ профессоромъ Кенигсберга, но и самымъ знаменитымъ философомъ Германіи. Онъ отказывается, изъ боязни къ перемѣнамъ, отъ болѣе видной и лучше оплачиваемой кафедры въ Галле, которую ему предложилъ министръ народнаго просвѣщенія Зедлицъ (*Zedlits*), одинъ изъ его горячихъ поклонниковъ. Кантъ довольствовался своими 620 талерами,—максимальная цифра, которой не превышало его жалованье. Съ 1780-го года онъ дѣлается членомъ академическаго сената, и дважды избирался своими коллегами, въ 1786-мъ и въ 1788-мъ году, ректоромъ университета.

Вотъ исторія внѣшней жизни Канта. Что же касается его внутренней жизни, то она всецѣло посвящена изслѣдованіямъ и преподавательской дѣятельности. Онъ читаетъ книги, пишетъ ихъ самъ и дѣлится съ другими результатами своихъ научныхъ трудовъ. Впродолженіе всей его жизни, однообразной и правильной, вы не найдете ни одного любовнаго приключенія, ни одного путешествія, ни одного каприза. Все въ ней урегулировано до мелочей; все подведено подъ извѣстныя правила. Здѣсь нѣтъ мѣста для каприза и непосредственнаго чувства. Часы вставанія, лекцій, личныхъ занятій, обѣда, прогулокъ, отхода ко сну — были строго установлены. Говорятъ, что только извѣстіе о взятіи Бастиліи

заставило его выйти изъ обычной колеи. Любимое словцо, охотно употребляемое Кантомъ для характеристики своей философской задачи, было дисциплина: онъ чувствуетъ внутреннюю потребность подвести подъ дисциплину и философію, и разумъ и чувство. Нужно сказать, что онъ прежде всего подвергъ самого себя самой строгой, самой мелочной дисциплинѣ, что онъ былъ для самого себя самымъ строгимъ капраломъ. Эта жизнь, конечно, достойная самаго глубокаго уваженія, поразительно узка и замкнута; въ ней нѣтъ воздуха, свѣта, нѣтъ перспективы. Типичныя черты его характера были честность, доведенная до крайности, добросовѣстность, настойчивость, самообладаніе, крайняя экономія; самые же яркіе недостатки — отсутствіе чувствительности и изящества. Письма его къ братьямъ отличаются удивительной сухостью. Онъ былъ, несмотря на двѣ неудавшіяся попытки вступить въ законный бракъ, совершенно нечувствителенъ къ любви; онъ сводилъ бракъ къ простому физіологическому акту и юридическому договору, считалъ вполнѣ естественнымъ, чтобы приданное жены обезпечивало самостоятельность мужа, и доходилъ въ своемъ раціонализмѣ до признанія только браковъ по разсудку. Единственное чувство, на которое онъ былъ способенъ, было чувство непоколебимой дружбы. Онъ былъ заядлымъ холостякомъ, любилъ общество, бесѣды съ людьми, принадлежавшими къ различнымъ слоямъ, продолжительные обѣды. Онъ выше всего цѣнилъ обезпеченность, постоянство, неподвижность.

Ученый, который первый ввелъ въ Германіи преподаваніе физической географіи, ни разу не выѣзжалъ дальше окрестностей Кенигсберга и никогда не видалъ цѣпей горъ, не выказалъ даже любопытства увидѣть море, находящееся такъ близко отъ города, гдѣ онъ провелъ всю жизнь. Философъ, основавшій современную эстетику, не проявлялъ никакихъ эстетическихъ наклонностей. Одинъ изъ его учениковъ говоритъ, что въ Кенигсбергѣ было нѣсколько хорошихъ коллекцій картинъ и гравюръ, но что Кантъ никогда ими не интересовался. Что же касается литературы, онъ признавалъ только латинскихъ и англійскихъ авторовъ, за исключеніемъ одного только Руссо, плѣнительное краснорѣчіе котораго пугало его. Поэзія служила для него только мимолетнымъ развлеченіемъ; всѣмъ другимъ писателямъ онъ предпочиталъ сатириковъ и юмористовъ. Въ искусствѣ, какъ и въ жизни, онъ чуждался всего восторженнаго, трагическаго, патетическаго и сентиментальнаго. По его мнѣнію, древніе поэты, какъ пророки и Гомеръ, не достигли научной высоты; живость ихъ метафоръ является только слѣдствіемъ скудости ихъ философ-

скаго языка. Къ молодымъ же новаторамъ изъ періода „Sturm und Drang“, которые, будучи его современниками, подъ вліяніемъ его друга и земляка Хаманна, пытались замѣнить устарѣвшую, захудалую, безцвѣтную литературу новымъ направленіемъ, полнымъ жизни, правды и страсти, онъ относился крайне насмѣшливо: имя Гете ни разу не упоминается въ его произведеніяхъ. Говорятъ, что онъ въ молодости любилъ музыку и довольно часто посѣщалъ концерты, организованные Гольдбергомъ, хорошимъ ученикомъ Баха; но впослѣдствіи онъ отказался отъ этого удовольствія подъ предлогомъ, что музыка разслабляетъ душу, а послѣ случая съ пѣніемъ заключенныхъ въ Кенигсбергѣ, онъ сталъ даже питать нѣсколько дѣтское злопамятство къ этому „нескромному“ искусству. Наконецъ, моралистъ, который проповѣдывалъ съ такой ревностью категорическій императивъ, прославленіе абсолютной морали, разрѣшилъ, хотя и очень благоразумно, но не геройски, единственный серьезный конфликтъ, который ему пришлось пережить. Онъ получилъ строгій выговоръ за изданіе своей книги: „Религія въ предѣлахъ чистаго разума“ отъ реакціоннаго правительства Фридриха Вильгельма II. „Его Величество, говоритъ королевскій рескриптъ, редактированный фанатикомъ Вельнеромъ, отнесся съ крайнимъ неудовольствіемъ къ примѣненію, какое дѣлаетъ Кантъ изъ своей философіи, искажая и дискредитируя нѣкоторыя существенныя положенія Св. Писанія и христіанства. Онъ предостерегаетъ его отъ повторенія подобнаго преступленія подъ угрозой строгой кары“. Знаменитый философъ, которому было тогда 70 лѣтъ съ лишнимъ, не только спокойно выслушалъ выговоръ, но еще далъ твердое обѣщаніе не касаться болѣе ни въ своихъ лекціяхъ, ни въ своихъ книгахъ, естественной религіи и откровенія. Послѣ его смерти нашли летучій листокъ съ слѣдующими словами: „отрицаніе своихъ внутреннихъ убѣжденій и отреченіе отъ нихъ—подлость, но въ данномъ случаѣ долгъ подданнаго обязываетъ его къ молчанію; если все высказываемое нами должно быть правдой, то изъ этого еще не вытекаетъ необходимости публичнаго обнародованія всѣхъ этихъ истинъ“. Онъ поступилъ вполнѣ осторожно, но не особенно красиво; онъ послѣдовалъ голосу благоразумія, которое стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его категорическимъ императивомъ. Правда, этотъ конфликтъ застигъ его въ глубокой старости, но еще вопросъ, поступилъ ли бы онъ иначе и въ молодые годы. Хотя онъ и философствовалъ, какъ Сократъ, но едва ли согласился бы умереть по его примѣру. Его темпераменту была чужда малѣйшая слабость,

но также и чрезмѣрная сила. Въ немъ не было избытка силъ, кипѣвшихъ, напримѣръ, въ Фихте. Во всемъ его существѣ, въ манерѣ жить и мыслить, было нѣчто холодное, леденящее, чѣмъ и была проникнута вся его личность. Онъ былъ маленькаго роста съ впалой грудью, у него былъ высокій лобъ, длинный носъ, довольно толстая нижняя губа, мягкое выраженіе глазъ; въ немъ совершенно не было изящества.

Граціи и красоты вы не найдете также и въ его произведеніяхъ. Нѣтъ ничего тяжеловѣснѣе его трехъ критикъ. Васъ поражаютъ въ нихъ постоянныя повторенія, круговоротъ, изгибы мысли, страсть къ раздѣленіямъ и подраздѣленіямъ, болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго характера; запутанное построеніе фразъ, употребленіе тождественныхъ словъ, смыслъ которыхъ мѣняется на каждой страницѣ. Отъ читателя требуется громадное напряженіе вниманія, не только вслѣдствіе глубины и сложности изложенныхъ мыслей, но и вслѣдствіе неудобнаго, тяжелаго, неповоротливаго изложенія ихъ; несмотря на категорическія утвержденія, мысль какъ будто страдаетъ отсутствіемъ увѣренности въ себѣ; она колеблется между противоположными концепціями, которыя она пытается примирить между собой и, сама не вполнѣ свободная, даетъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ. Система Канта составлена изъ массы кусковъ и обрывковъ, такъ что иногда положительно трудно доискаться ея основной нити. Кантъ выработалъ свою доктрину поздно, медленно, тяжелыми шагами. Она не выросла изъ одного корня, постепенно органически развиваясь, развѣтвляясь и пріумножаясь. Идеи никогда не являлись у него естественными побѣгами, онѣ какъ будто подстрижены, подрѣзаны властной рукой мелочнаго садовника. Онѣ придавлены тяжелымъ вліяніемъ схоластики, изуродованы архаическими формами, въ которыя Кантъ влилъ ихъ. Аналитическая, діалектическая, трансцендентальная и метафизическая дедукція является у него какъ бы колесомъ, предназначеннымъ къ раздробленію какого угодно матеріала, но дѣйствующимъ часто въ пустомъ пространствѣ. Увы, какъ онъ далекъ, не только отъ божественной гармоніи Платона, но и отъ металлической ясности Декарта, отъ изящной гибкости Локка и Юма! Движеніе мысли у него какъ будто затруднено; онъ подобенъ современному человѣку, который, имѣя въ своемъ распоряженіи паръ и электричество, сталъ бы путешествовать въ старинной повозкѣ прадѣдовъ. Его система не представляетъ изъ себя того грандіознаго дворца идей, созданнаго его преемниками, съ прекрасными палатами и блестящими салами, въ которыхъ разумъ находитъ

наслажденіе въ самомъ себѣ, нѣтъ, это скорѣе крѣпость, окруженная бастіонами и башнями, служащими для защиты Разума отъ опасности; это казарма, съ большими голыми комнатами и съ дворами, лишенными зелени, въ которой заключены, облеченныя въ однообразный мундиръ и подвергнутыя одинаковымъ упражненіямъ самыя разновидныя психологическія и логическія существа.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что его столь суровая система была скоро отвергнута. При своемъ появленіи она съ поразительной силой увлекла все молодое поколѣніе, всю образованную Германію. „Всемогущій разрушитель"—*der Alleszermalmende*, какъ его прозвалъ Мендельсонъ, повергъ въ прахъ существовавшія системы своихъ противниковъ; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, честный профессоръ Федеръ изъ Геттингена, принуждены были подъ давленіемъ своихъ аудиторій покинуть каѳедры. Но наступила и очередь Канта. Сначала Фихте, еще при его жизни, затѣмъ Шеллингъ, наконецъ Гегель, не говоря уже о Шлейермахерѣ и Гербартѣ, всѣ трое, исходя изъ одной и той же точки отправленія, изъ „Критики", подъ предлогомъ необходимыхъ поправокъ, разрушаютъ его систему до основанія и воздвигаютъ на ея развалинахъ прекрасныя метафизическія сооруженія; одно изъ нихъ поражаетъ смѣлостью своихъ очертаній, другое—таинственностью колорита, третье, наконецъ, неимовѣрнымъ богатствомъ: оно хочетъ воплотить въ себѣ всю природу, мысль, волю все мірозданіе такимъ, какимъ оно вышло изъ рукъ Творца. И люди устремились къ святилищу чистой идеи, забывая въ своемъ ослѣпленіи скромнаго и добросовѣстнаго работника, положившаго ему основаніе. Молодая Германія и всесильная Критика нанесли первый ударъ Канту, а по ихъ слѣдамъ побѣдоносно двинулись матеріалисты, предвѣстники науки о природѣ, которые поставили себѣ цѣлью не только уничтоженіе системы Гегеля, но и водвореніе своей доктрины на развалинахъ философіи. Устрашенная своими противниками, философія нашла убѣжище въ университетахъ, но подъ условіемъ отказаться отъ своего стремленія разрѣшать всѣ проблемы и довольствоваться болѣе тѣснымъ кругомъ. Она уже не задается цѣлью дѣлать открытія въ области безконечнаго, а удовлетворяется передачей прошлыхъ открытій и побѣдъ великихъ умовъ; она принимаетъ исключительно историческій характеръ. Одинъ только мыслитель, Шопенгауеръ, самое крупное произведеніе котораго появилось въ началѣ 19 вѣка, привлекаетъ къ себѣ, незадолго до своей смерти, всеобщее вниманіе и какъ будто на время возвращаетъ философіи ея

утерянный престижъ. Но не своей системой дѣйствуетъ онъ на умы, никто даже не изучаетъ его метафизики, а главнымъ образомъ своимъ писательскимъ талантомъ, своими суровыми афоризмами. Руководящее значеніе философіи въ наукѣ и жизни казалось исчезнувшимъ въ Германіи,—и Кантъ почти забытымъ.

Но это было только временное затишье. Философія вновь возрождается и вмѣстѣ съ нею Кантъ; можно даже сказать, что отчасти она обязана своимъ возрожденіемъ Канту. Само собою разумѣется, что о крушеніи науки тутъ не можетъ быть и рѣчи, какъ то невѣрно предполагали. Но наука прониклась сознаніемъ своего безсилія разрѣшить всѣ проблемы, выдвигаемыя человѣчествомъ; она поняла, что сама она нуждается въ философіи для оцѣнки собственныхъ пріемовъ изслѣдованія. Философъ, къ которому она прибѣгла, не былъ ни Фихте, ни Шеллингъ, ни Гегель, ни Шопенгауеръ; это былъ Кантъ. Всѣ вновь устремились къ старцу изъ Кенигсберга. Около середины минувшаго вѣка во Франціи первоклассный мыслитель Ренувье развилъ изъ доктрины Канта, освобожденной отъ міра нуменовъ, систему неокритицизма, и когда послѣ войны почувствовалась потребность въ духовномъ обновленіи,—опять прибѣгли къ Канту, и въ кантизмѣ почерпали принципы жизни, энергіи, основы для вѣры и надежды; въ продолженіе почти трети вѣка Кантъ служилъ источникомъ, изъ котораго юношество черпало свои философскія знанія.

Позже, подъ вліяніемъ нео-кантизма, въ Германіи началось изученіе Канта съ такимъ вниманіемъ къ мельчайшимъ подробностямъ, которое восхитило бы его самого. Появилась кантофилологія, а не такъ давно и неоцѣнимые коментаріи Вайгингера и *Kantstudien*, служащіе главнымъ средствомъ къ его толкованію. Такіе ученые, какъ Гельмгольцъ, Гертцъ, Клиффордъ, Пуанкарэ, находили не лишнимъ подвергать контролю кантовской философіи свои идеи. Въ настоящее время Канта читаютъ, комментируютъ и излагаютъ вездѣ, гдѣ есть мыслящіе люди. Самые недостатки его кажутся достоинствами, а кропотливость является какъ бы изнанкой его совѣстливости и неподкупной честности. Если Кантъ не далъ опредѣленныхъ рѣшеній нѣкоторымъ затронутымъ имъ проблемамъ, это только показываетъ, что, глубоко понимая всю сложность ихъ, онъ предвидѣлъ въ будущемъ нѣсколько разрѣшеній каждой изъ нихъ. Путь его былъ долгъ и кремнистъ, но, вѣдь, и изслѣдуемая почва представляла незаурядныя неровности, пропасти и препятствія. Форма его философіи грѣшитъ во многомъ, да и весь интеллектуальный нарядъ его скорѣе можно

назвать неряшливымъ. Но попробуйте всходить на горы въ тонкой шелковой одеждѣ! Для такого путешествія нужна толстая обувь, теплое платье, очки, топоръ и веревка. Такимъ надо представлять себѣ Канта, когда онъ въ первый разъ предпринялъ свое восхожденіе на Альпы Чистаго Разума; надо примириться съ нимъ, если хочешь по его слѣдамъ подыматься на эти высоты. Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ сердце критики, тѣмъ сильнѣе охватываетъ насъ ощущеніе глубокаго безмолвія: исчезаютъ человѣческія жилища, зеленые луга и кудрявыя верхушки деревьевъ. На безконечной снѣжной равнинѣ невидно слѣдовъ птицы и животнаго, нѣтъ растительности. Нога скользитъ по шаткой поверхности и на каждомъ шагу раскрывается пропасть. Но надъ головой слышенъ твердый и правильный шагъ проводника, въ глыбахъ льда появляются ступеньки, а тонкая, готовая, казалось, порваться каждую минуту связь съ проводникомъ крѣпнетъ и удерживаетъ отъ паденія. Когда же неутомимая энергія привела насъ вмѣстѣ съ нимъ на самую вершину ледника, глазамъ открывается ослѣпительная цѣпь высотъ Чистаго Разума, и все существо охватываетъ неизъяснимое чувство восторга и тоски, чувство нравственнаго и эстетическаго головокруженія, называемаго Кантомъ—возвышеннымъ.

II.

Въ чемъ же заключается сущность философіи Канта, потерпѣвшая столько видоизмѣненій? Читатель пойметъ невозможность разсмотрѣть на нѣсколькихъ страницахъ эту сложную систему, породившую такое множество комментаріевъ, вызвавшую столько самыхъ разнообразныхъ истолкованій, надъ которой работаетъ и по настоящее время цѣлая армія критиковъ, изощряя на ней свое терпѣніе, остроуміе и педантизмъ. Попытаюсь, однако, исполнить эту задачу и съ этой цѣлью постараюсь забыть все читанное мною и написанное мною самимъ о Кантѣ, также какъ и всѣхъ его комментаторовъ и критиковъ: Когена, Фолькельта, Вайгингера, Риля, Паульсена, Адикеса и другихъ, для того, чтобы вызвать въ памяти лишь общія очертанія, лишь голую схему Кантовой философіи.

Прежде всего—и это исторически было исходнымъ пунктомъ и до сихъ поръ остается основой критической философіи—Кантъ установилъ, что между знаніемъ эмпирическимъ и апріорнымъ существуетъ различіе не по степени, а по существу, и что этимъ обѣимъ областямъ знанія соотвѣтствуютъ два совер-

шенно отдѣльныхъ міра: міръ феноменовъ или природа и міръ нуменовъ или вещей въ себѣ. Первый поддается нашему изученію—мы можемъ возсоздать его, изслѣдовать, конструировать; второй же—мы можемъ только мыслить, стремиться къ нему и—реализировать его. Первый подчиненъ законамъ нашего чувствованія и нашего пониманія; второй находится внѣ вѣдѣнія нашего ума, но существованіе его такъ же несомнѣнно, какъ существованіе міра феноменовъ, потому что нельзя представить себѣ явленія безъ сущности, видимости безъ скрытой за ней реальности, ибо изъ воздѣйствія вещей въ себѣ на нашу чувственную воспріимчивость и возникаетъ всякое наше знаніе. Въ одномъ царствуетъ человѣческій разумъ, въ другомъ—божественное совершенство. Первый составляетъ область нашего познанія, второй—область вѣрованія.

Этимъ радикальнымъ разграниченіемъ между познаніемъ и вѣрой Кантъ думалъ примирить физику съ метафизикой или, что то же, науку съ религіей. Онѣ могутъ мирно уживаться рядомъ другъ съ другомъ, потому что ихъ области совершенно различны. Вмѣсто химерической попытки обосновать религію на наукѣ, что старались сдѣлать вслѣдъ за схоластиками всѣ новѣйшіе метафизики, или вмѣсто пагубной попытки матеріалистовъ-атеистовъ убить религію наукой,—необходимо предоставить наукѣ то, что принадлежитъ ей,—міръ явленій, и оставить религіи то, что составляетъ ея область,—міръ вещей въ себѣ. Помимо того, строгое разграниченіе феноменовъ и нуменовъ разрѣшаетъ старинный споръ между идеализмомъ и матеріализмомъ. Для реалиста вещи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ отражаются въ нашихъ представленіяхъ, суть вещи въ себѣ; для идеалиста нѣтъ вещей въ себѣ, а лишь сгруппированныя и связанныя между собою субъективныя представленія. Для Канта объекты нашихъ представленій суть феномены, а не вещи въ себѣ; но, съ другой стороны, есть вещи въ себѣ, которыя, однако, никогда не могутъ быть объектами нашихъ представленій: это и есть трансцендентальный идеализмъ. Наконецъ, непроходимая граница, проведенная между міромъ феноменовъ и міромъ нуменовъ, позволяетъ понять сосуществованіе детерминизма и свободы; она дѣлаетъ возможнымъ существованіе не только религіи, но—что гораздо важнѣе—и морали, ибо религія находится въ тѣсной связи съ моралью. И дѣйствительно, міръ феноменовъ подчиненъ самому строгому детерминизму; въ мірѣ нуменовъ господствуетъ свобода. Въ первомъ случаѣ существуетъ отношеніе причинъ къ слѣдствіямъ; во второмъ—мотивовъ къ цѣлямъ. Поскольку оно принадлежитъ

къ міру феноменовъ,—человѣческое „я“ повинуется закону причинности; но поскольку оно является гражданиномъ міра нуменовъ, оно способно на абсолютное творчество, само вырабатываетъ характеръ и само для себя создаетъ императивный законъ, съ которымъ его дѣйствія должны согласоваться. И такъ какъ эти дѣйствія, проявленія нуменальной свободы, должны реализироваться въ природѣ, и такъ какъ, съ другой стороны, въ этой природѣ есть созданія, организмы, постижимые для насъ только какъ причины и слѣдствія ихъ самихъ, т. е. какъ цѣли природы, мы должны допустить, что цѣлесообразность, а не причинность, является послѣднимъ объясненіемъ вещей. Создавая природу, Высшая Премудрость сообразовалась съ нашимъ ограниченнымъ пониманіемъ и, такимъ образомъ, міръ феноменовъ, или природа, является только *средствомъ* для міра нуменовъ или этики.

Оставимъ, однако, эти перспективы и остановимся на мірѣ явленій. Какимъ образомъ можемъ мы научно познать его? Какимъ образомъ міръ опыта можетъ быть источникомъ сверхопытныхъ, всеобщихъ, необходимыхъ a priori, сужденій? Что мы обладаемъ этимъ всеобщимъ и необходимымъ познаніемъ природы, представлялось Канту настолько несомнѣннымъ, что онъ никогда не считалъ нужнымъ этого доказывать; фактъ этотъ казался ему неоспоримо установленнымъ существованіемъ двухъ наукъ — математики и физики, какъ онѣ созданы были Ньютономъ; положенія этихъ наукъ имѣютъ универсальное и необходимое значеніе; онѣ не могли, слѣдовательно, быть добыты опытомъ, дающимъ намъ лишь частное и случайное. Отвѣтъ, данный Кантомъ на эту извѣстную проблему, къ которой онъ свелъ всю задачу Критики,—какимъ образомъ возможны синтетическія сужденія a priori—извѣстенъ.

Познанія a priori возможны, потому что самъ разумъ создаетъ ихъ своей самопроизвольной дѣятельностью. Не наше познаніе приспособляется къ вещамъ, а вещи приспособляются къ нашему познанію. Въ явленіяхъ нужно различать то, что въ нихъ соотвѣтствуетъ нашимъ неопредѣленнымъ, смѣшаннымъ, многочисленнымъ ощущеніямъ,—это матерія и то, что даетъ возможность группировать ихъ по извѣстнымъ отношеніямъ,— это ихъ форма. Матерія явленій доходитъ до насъ извнѣ, благодаря воздѣйствію вещей въ себѣ на нашу чувственность, но форму придаетъ имъ нашъ разумъ. Познать вещи, это значитъ подчинить ихъ необходимымъ и универсальнымъ формамъ нашего ума. Эти формы, эти законы познанія суть: формы интуиціи, категоріи пониманія, идеи чистаго разума. Съ одной стороны, мы не можемъ имѣть

интуиціи объектовъ, не ставя ихъ рядомъ одни съ другими и одни послѣ другихъ, т. е. не облекая ихъ въ формы пространства и времени. Пространство и время, слѣдовательно, не присущи самимъ вещамъ и не порождаются отношеніями вещей другъ къ другу, а являются неустранимыми условіями нашей внѣшней интуиціи. Разумъ распредѣляетъ вещи въ пространствѣ, и именно это придаетъ непреложную достовѣрность геометрическимъ положеніямъ.

То же самое примѣнимо и къ міру природы. Ощущенія, расположенныя въ пространствѣ и времени, все же остаются различными, разсѣянными, хаотическими;—какимъ же образомъ становятся они вещами, какимъ образомъ между этими вещами уста навливается правильный и опредѣленный порядокъ? Кантъ отвѣчаетъ, что разумъ своей самопроизвольной дѣятельностью создаетъ вещи, создаетъ и опытъ. Обратно тому, что предполагали, вещи намъ не даны. Что намъ дано—это ощущенія. Разумъ собираетъ эти ощущенія, сближаетъ ихъ, соединяетъ ихъ въ одно цѣлое это цѣлое и есть вещь. Единство, ее характеризующее, не ею созданно, а есть продуктъ единства и тождества мыслящаго я, есть созданіе основной способности разума—способности объединять, связывать, синтезировать; когда вещи, такимъ образомъ, сотворены, ихъ нужно организовать, т. е. установить между ними устойчивыя и опредѣленныя отношенія. И эти отношенія также не находятся въ самихъ вещахъ, а суть лишь универсальныя и необходимыя формы пониманія, абсолютные законы разума, т. е. категоріи.

Синтетическія изслѣдованія *a priori* о дѣйствительности возможны, потому что познать вещь, значитъ ее создать, подчинить ее всеобщимъ и необходимымъ формамъ нашего разума. Этой доктриной Кантъ примиряетъ догматическій раціонализмъ съ сенсуализмомъ. Догматическій раціонализмъ былъ совершенно правъ, утверждая, что познаніе не вытекаетъ изъ опыта, но онъ ошибался, допуская возможность выведенія вещи изъ идеи аналитическимъ путемъ: идея о кругѣ и кругъ не тожественны. Сенсуалисты же были правы, думая, что наше познаніе начинается съ опыта, но ошибались, считая его источникомъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ существованіе наукъ, подобно математикѣ и физикѣ съ ихъ всеобщими и необходимыми положеніями, было бы непонятно. Вмѣстѣ съ раціоналистами Кантъ утверждаетъ, что чистый разумъ является источникомъ нашихъ познаній a priori, но, съ другой стороны, онъ находитъ, что эти апріорныя сужденія примѣнимы только къ предметамъ, поддаю-

щимся опытному изслѣдованію и нуждаются для своего воплощенія и примѣненія въ независящемъ отъ нихъ мірѣ.

Итакъ, познаніе есть результатъ самопроизвольной дѣятельности разума: это главное положеніе Критики Канта. Эта самопроизвольная дѣятельность разума проявляется не только въ области теоріи, но она и на практикѣ является творцомъ религіи, эстетики, государства и, на первомъ планѣ, этики. Какъ уже сказано, мы различаемъ три формы разума. Дѣйствительно, рядомъ съ чувствительностью и разсудкомъ, мы имѣемъ еще третью форму, а именно, *чистый разумъ*—въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ является источникомъ идей. Эти идеи не зависятъ ни отъ закона причинности, ни отъ міра подчиненности и детерминизма, а принадлежатъ къ сферѣ безпричиннаго, безконечнаго, абсолютнаго. На первыхъ порахъ разумъ какъ бы ослѣпляется своимъ новымъ могуществомъ. Онъ воображаетъ, что способенъ создать вещи помимо опыта; согласно своей тенденціи, сводить все къ единству, онъ и мыслящее „я" превращаетъ въ простую субстанцію, онъ разлагаетъ вселенную на послѣднія ея составныя части, онъ думаетъ проникнуть къ первоначальному источнику всѣхъ явленій и хочетъ познать самого Бога. Но это заводитъ его въ безвыходный лабиринтъ; послѣ многихъ блужданій онъ вынужденъ придти къ заключенію, что познаніе не можетъ обойтись безъ опыта, что идеи имѣютъ только регулирующій характеръ, а не созидающій, что онѣ только направляютъ разумъ къ той воображаемой послѣдней цѣли, къ которой сходятся всѣ явленія, и которая придаетъ разсудку наибольшее единство и наибольшую общность. Теоретическій чистый разумъ не можетъ познать вещей въ себѣ. Съ практическимъ же разумомъ дѣло обстоитъ иначе. Дѣйствительно, рядомъ съ феноменальнымъ „я" мы различаемъ нуменальное, которое проявляется въ моральныхъ актахъ; познать вещи въ себѣ мы не можемъ, потому что онѣ находятся внѣ нашей интуиціи, но мы можемъ ихъ реализировать. Добрая воля, способность дѣйствовать согласно моральному закону, изъ уваженія къ нему, долгъ—вотъ проявленія абсолютнаго начала, не поддающіяся законамъ причинности, относительности, стоящія внѣ опыта, превращающія насъ въ части абсолютнаго и въ то же время служащія неопровержимымъ доказательствомъ существованія этого послѣдняго. Законъ, предписываемый a priori практическимъ разумомъ нашей волѣ, можетъ исходить только изъ міра чистыхъ идей. Этотъ законъ, подобно всѣмъ прочимъ законамъ разума, универсаленъ и необходимъ; именно въ этой универсальности и не-

обходимости, въ формѣ этого закона, заключается все его значеніе. Попробуйте дать ему другое содержаніе, которое пришлось бы въ такомъ случаѣ заимствовать изъ міра явленій, изъ мутной и неясной сферы нашей чувствительности, и тогда категорическій императивъ потеряетъ всю свою чистоту, весь свой нуменальный характеръ. „Поступай такъ, чтобы максимумъ твоего поступка могъ быть въ тоже время возведенъ въ принципъ универсальнаго законодательства,—вотъ первая и самая существенная формула категорическаго императива. И вмѣстѣ съ этикой, въ реальности которой никто не усумнится, всплываютъ вновь метафизическія истины, но уже не какъ знанія, а какъ постулаты. Безсмертіе души, свобода, существованіе Бога — необходимыя гипотезы, безъ которыхъ этика, въ абсолютной достовѣрности которой мы не сомнѣваемся, была бы намъ непостижима. Изъ этого слѣдуетъ, что, въ концѣ концовъ, практическій разумъ стоитъ выше теоретическаго, что міръ причинности подвластенъ міру конечныхъ цѣлей, что міръ явленій служитъ только „средствомъ" для міра нуменовъ.

Необходимо констатировать и запомнить, что этика является, какъ и знаніе, продуктомъ свободной самопроизвольной дѣятельности человѣческаго разума. Руководящее начало находится не внѣ насъ, а заключается въ нашей внутренней силѣ, какъ автономное созданіе нашей воли. Долгъ является только стимуломъ къ проявленію нашей воли, но не обусловливаетъ ея; мы свободны слѣдовать ему или идти противъ него. То же самое относится и къ религіи. Слѣпое повиновеніе буквѣ Священнаго Писанія не составляетъ религіи; Священное Писаніе пріобрѣтаетъ лишь постольку значеніе, поскольку оно совпадаетъ съ нравственнымъ закономъ. Положенія христіанства не противорѣчатъ послѣднему, но догматы его—первородный грѣхъ, воскресенье, божественность Христа—нуждаются въ нравственномъ истолкованіи. Идеальная церковь не что иное, какъ единеніе всѣхъ добродѣтельныхъ людей подъ моральнымъ владычествомъ Бога; настоящая религія заключается въ добродѣтельной жизни. Но эта моральная и раціональная вѣра недоступна толпѣ; толпа нуждается въ актахъ, въ законахъ, въ писаніи, что и давала ей церковь. Наконецъ, механическое исполненіе церковныхъ правилъ, церковныхъ обрядовъ несравненно легче исполненія строгаго нравственнаго закона, а потому лжеучители и постарались замѣнить моральное усиліе механическими упражненіями, строгимъ исполненіемъ устава, не имѣющимъ ровно никакой цѣны. Мысль, что можно угодить Богу чѣмъ-нибудь, помимо добродѣтельной жизни, есть религіозное бе-

зуміе, фетишизмъ, идолопоклонство. Конечная цѣль всякой религіи заключается въ водвореніи царствія Божья на землѣ, въ водвореніи идеальной церкви, въ реализаціи нравственнаго закона. Религія является, такимъ образомъ, сокровеннымъ свойствомъ человѣческаго ума.

То же самое можно сказать и о государствѣ. Государство создается свободными и равными людьми, которые ради охраненія свободы и равенства заключаютъ союзъ и скрѣпляютъ его общественнымъ договоромъ для защиты неотъемлемыхъ и священныхъ правъ индивида. Верховное право — законодательная власть; эта функція обязательно должна быть отдѣлена отъ судебной и исполнительной. Она должна принадлежать въ государствѣ объединенной и согласной волѣ всего союза, такъ чтобы судьба каждаго члена рѣшалась всѣми и, наоборотъ, судьба всѣхъ каждымъ. Правовое государство—der Rechtsstaat, которое замѣнитъ патріархальное или полицейское государство, гдѣ люди, простыя пѣшки, есть высшее произведеніе человѣческаго разума; ему суждено водворить на землѣ всеобщій миръ. Уже теперь граждане одного государства составляютъ одно цѣлое, подчиненное одному гражданскому законодательству. Позднѣе различныя государства, понявъ свою связь и связь входящихъ въ ихъ составъ гражданъ, подчинятъ себя общимъ правамъ. Наконецъ, граждане всѣхъ государствъ, сознавъ себя частицами единаго цѣлаго, сами дадутъ добровольно санкцію всемірному праву (jus cosmopoliticum), какъ его называетъ Кантъ. Кромѣ добра и истины, разумъ является еще творцомъ красоты. Красота находится внѣ насъ, подобно благоуханному цвѣтку, окраска и запахъ котораго ласкаетъ наши чувства. Красота является результатомъ гармонической и согласной дѣятельности воображенія и разсудка и, въ концѣ-концовъ—символомъ нравственности. Всюду разумъ проявляетъ свою дѣятельность: онъ все синтезируетъ, организуетъ, соединяетъ. Онъ не создаетъ матеріи, но только форму. Онъ является, такимъ образомъ, верховнымъ художникомъ міра.

III.

Вотъ въ краткихъ словахъ, по моему, сущность философіи Канта. Каковы же ея отношенія къ современной наукѣ?

При первомъ же взглядѣ насъ поражаетъ противорѣчіе. Методъ современной науки какъ будто противопоставляется методу философіи Канта. Кантъ исходитъ изъ существующаго факта, неизмѣннаго, всеобщаго и необходимаго, и пытается выяснить

данныя и свойства нашихъ духовныхъ способностей, обусловливающихъ эту всеобщность и необходимость. Современная же наука интересуется только фактомъ въ процессѣ его развитія. Ея точкой отправленія не служитъ абсолютное и необходимое, она не претендуетъ достичь универсальнаго и необходимаго въ своихъ розыскахъ, которые безконечны. Во всѣхъ изслѣдуемыхъ ею областяхъ наука стремится прослѣдить эволюцію предмета, начиная съ его первоначальной формы, черезъ всѣ промежуточныя стадіи, вплоть до его настоящаго состоянія. Такимъ образомъ, она переходитъ отъ неорганическаго міра къ органическому, отъ позвоночныхъ къ человѣку, отъ простой раздражительности къ сознательной мысли, отъ примитивныхъ импульсовъ человѣка-животнаго — къ моральному поступку, отъ обществъ животныхъ къ государству, отъ самыхъ простыхъ эстетическихъ чувствъ къ созданіямъ генія, отъ фетишизма къ самымъ высокимъ проявленіямъ религіознаго чувства. Конечно, въ этой длинной серіи переходныхъ ступеней многія звенья совершенно отсутствуютъ. Наука довольствуется однимъ констатированіемъ этихъ пробѣловъ и продолжаетъ свое изслѣдованіе. Это и есть генетическій или историческій методъ, теорія котораго впервые была создана Гердеромъ. Онъ доведенъ былъ впослѣдствіи до совершенства Гербертомъ Спенсеромъ.

Этотъ генетическій методъ исключаетъ всеобщее и необходимое. Онъ изслѣдуетъ предметъ въ его движеніи, въ его видоизмѣненіи, онъ не допускаетъ кристаллизацій, не поддающихся диссоціаціи, составляющихъ сущность апріорныхъ сужденій. Тогда какъ Канту интеллектуальный міръ представляется застывшимъ, окаменѣлымъ, современная наука изслѣдуетъ міръ чувствъ, идей и нравовъ въ ихъ непрерывномъ движеніи. Въ каждой группѣ явленій, конечно, образуются порой какъ бы временныя кристаллизаціи, но это только кажущееся явленіе; въ концѣ-концовъ, общее движеніе увлекаетъ и ихъ, смываетъ, разлагаетъ и подъ давленіемъ какого-нибудь новаго закона создаетъ изъ нихъ новыя комбинаціи, которымъ съ теченіемъ времени предстоитъ та же участь разложенія, и такъ до безконечности. Уже сама по себѣ длинная эволюція, разновидныя комбинаціи, сложная игра нашихъ чувствъ, породившихъ идеи времени и пространства, лишаютъ эти формы нашего разума ихъ всеобщности и необходимости, приписываемыхъ имъ Кантомъ. Всеобщность, необходимость, апріорныя сужденія не существуютъ для науки; она признаетъ только „мнимую и сравнительную“ всеобщность и необходимость, по выраженію Канта. Она думаетъ,

что всякій законъ, несмотря на всю его очевидность, всегда находится въ зависимости отъ какого, нибудь новаго опыта.

Наконецъ, сами науки, которыми пользовался Кантъ для обоснованія апріорныхъ сужденій, утратили свой универсальный и неизмѣнный характеръ. Математики вмѣстѣ съ Риманомъ утверждаютъ, „что самое различеніе между пространствомъ и величинами о трехъ измѣреніяхъ вытекаетъ изъ опыта“. Гельмгольцъ изслѣдуетъ факты—Thatsachen, на которыхъ покоится геометрія. Пуанкарэ находитъ, что математическія положенія основаны не исключительно на дедуктивномъ методѣ, но зиждутся до извѣстной степени и на индуктивномъ, и что „именно это и обусловливаетъ ихъ плодотворность“. Онъ не считаетъ также математическія аксіомы синтетическими сужденіями a priori, такъ какъ въ такомъ случаѣ было бы непостижимо существованіе геометріи, помимо Эвклидовой. Почти всѣ математики-философы склонны смотрѣть на пространство, не какъ на примитивную интуицію, а какъ на création conceptuelle, равнодѣйствующую всѣхъ законовъ нашего чувствованія, какъ на отвлеченную концепцію нашихъ разновидныхъ ощущеній.

То же самое происходитъ и съ наукой о природѣ. Общіе принципы физики не только не получаютъ признанія неизмѣнныхъ законовъ, предшествующихъ опыту и стоящихъ внѣ его, но, напротивъ, они подвергаются экспериментальной провѣркѣ, и даже такой основной законъ, какъ законъ сохраненія энергіи, подлежитъ сомнѣнію. Пуанкарэ того мнѣнія, что механика принадлежитъ къ экспериментальнымъ наукамъ, что принципъ инерціи, напримѣръ, не данъ намъ a priori, что вообще принципы механики основаны на опытѣ, несмотря на полную увѣренность, что ни одинъ опытъ не опровергнетъ ихъ. „Опытъ — единственный источникъ истины, только онъ способенъ открывать намъ новыя истины и обосновывать старыя какъ въ математикѣ, такъ и въ механикѣ и физикѣ“.

Методъ современной науки уничтожаетъ всю систему нуменовъ и вещей въ себѣ. Наука занимается исключительно существующимъ фактомъ: возможное или желательное находится внѣ предѣловъ ея изслѣдованія. Составляетъ ли дѣйствительность, въ томъ видѣ, въ какомъ она воспринимается нашими внѣшними чувствами, предѣлъ нашего познанія, или же за ней скрывается сущность, проявленіемъ и оболочкой которой она служитъ? Этимъ вопросомъ наука не задается, также какъ и философія, разъ она имѣетъ претензію на научность. Она считается съ одними ощущеніями, перцепціями и субъективными сужденіями. Природа

есть не что иное, какъ безпрерывная возможность ощущеній, и такимъ образомъ, научная мысль приходитъ къ идеализму Берклея, а совсѣмъ не къ незаконному дѣтищу Кантовой философіи, извѣстному у него подъ именемъ трансцендентальнаго идеализма.

Крушеніе міра нуменовъ влечетъ за собой и крушеніе морали, ядра Кантовой философіи. Дѣйствительно, для насъ совершенно непостижимо сосуществованіе феноменальнаго, детерминированнаго „я", рядомъ съ нуменальнымъ, абсолютнымъ началомъ. Моральный же законъ, совершенно свободный отъ какого либо содержанія, обязывающій насъ къ повиновенію единственно изъ уваженія къ нему, ссылающійся на свою форму для обоснованія нашего порабощенія, — является самой пустой и опасной химерой. Строгое разграниченіе чувствованія и практическаго разума, искорененіе въ человѣкѣ всякаго чувства, страсти, жизни, всего, что вибрируетъ и трепещетъ въ человѣческой душѣ, и было причиной замѣны прекраснаго человѣческаго образа, реализированнаго великими людьми Греціи, другимъ этическимъ идеаломъ— филистеромъ, человѣкомъ умѣреннымъ, порядочнымъ, богобоязненнымъ, застывшимъ въ своихъ нравахъ и соціальныхъ предразсудкахъ. Цѣнность человѣка, согласно современной мысли, заключается не въ его волѣ, чистой, скрытой, отвлеченной, не считающейся съ оказываемымъ ею воздѣйствіемъ на окружающую среду, но въ самомъ человѣкѣ, въ разумѣ, энергіи, въ его поступкахъ, клонящихся на пользу себѣ и окружающимъ его людямъ. Современная наука не считаетъ этику теоретической наукой въ строгомъ смыслѣ слова, а только отдѣломъ исторіи нравовъ, и, съ другой стороны, видитъ въ ней соціальное искусство.

Вмѣстѣ съ этикой рушится и политическое ученіе Канта. Ученіе о человѣкѣ-атомѣ, созданномъ вполнѣ свободнымъ природой и заключившемъ посредствомъ общественнаго договора союзъ съ подобно ему свободными и равными людьми,—очень похоже на легенду. Нѣтъ, собственно говоря, индивида. Соціальной клѣткой общества служитъ семья. Не государственный переворотъ, а медленная и необходимая эволюція превращаетъ свободныя и неопредѣленныя отношенія въ болѣе тѣсныя и ясныя связи между живущими совмѣстно людьми.

Какъ мы видимъ, и методъ, и выводы Канта оставлены. Кантъ сдѣлался достояніемъ исторіи философіи. Нужно разсматривать его, какъ умершее прошлое и не искать въ этой могилѣ зачатковъ жизни.

* * *

Присмотримся, однако, ближе къ нему. Какъ мы видѣли, центръ его системы составляетъ попытка примирить науку съ религіей и провозгласить самопроизвольную и творческую дѣятельность разума. Интересно выяснить, насколько современной наукѣ удалось пошатнуть эти положенія?

Во-первыхъ, намъ кажется, что разрѣшеніе трагической проблемы объ отношеніяхъ науки къ вѣрѣ, данное Кантомъ, не утратило еще своего значенія. Правда, наука о природѣ не задается вопросомъ о первоначальной причинѣ и конечныхъ цѣляхъ вещей, но эти вопросы интересовали и продолжаютъ интересовать человѣка. Можно, конечно, игнорировать ихъ, отрицать ихъ существованіе, ограничиваться исключительно изученіемъ существующаго, не задаваясь вопросомъ о генезисѣ вещей, смыслѣ жизни и смерти; позитивизмъ или агностицизмъ и занялъ съ полнымъ правомъ такое положеніе по отношенію къ религіи. Съ другой стороны, можно также утверждать, что у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, доказывающихъ невозможность существованія другого міра, конечной опоры дѣйствительности, верховной реализаціи міра явленій, міра, находящагося внѣ закона причинности, гдѣ самое противорѣчивое съ нашей точки зрѣнія находитъ примиреніе, гдѣ, по словамъ Ренана, все возможно, даже Богъ. Еще и теперь мы вмѣстѣ съ Кантомъ относимъ этотъ міръ, доступный каждому, къ области вѣры и религіи. Мы, конечно, не считаемъ его уже проявленіемъ практическаго разума, допускаемъ даже, что онъ плодъ нашего воображенія, но онъ служитъ, тѣмъ не менѣе, утѣшеніемъ для многихъ людей чувства. Тамъ, гдѣ кончается область разума, начинается область чувства; чувство ведетъ насъ новыми, непротоpенными путями, часто заблуждается, но зато часто также поднимаетъ насъ выше и ведетъ насъ дальше, чѣмъ разумъ. Чувство проникшись сознаніемъ гармоніи вселенной, является творцомъ прекраснаго, осуществленіемъ котораго есть искусство; создавая религіозные идеалы, оно даетъ намъ мечту гармоническаго міра, сверхъ-міра, гдѣ царствуетъ справедливость—взамѣнъ дѣйствительности, полной противорѣчій и неправды. Можно обойтись безъ этой мечты, повторимъ мы еще разъ; но, допустивъ, какъ фактъ, существованіе религіознаго чувства, мы принуждены согласиться, что присущая ему область—именно та, которую отвелъ ему Кантъ.

Во-вторыхъ, современная наука не только признала Кантово положеніе о самопроизвольной и творческой дѣятельности разума, но еще значительно расширила его. Кантъ признаетъ за ней въ области познанія только интеллектуальную функцію; совре-

менная же наука распространяетъ ее на всѣ проявленія человѣческаго духа, кончая самыми скромными. Эта наука подобно Канту, и даже въ большей степени, чѣмъ онъ, считаетъ разумъ верховнымъ творцомъ вселенной. Его творческая дѣятельность, дѣйствительно, создаетъ природу по своему подобію: разрисовываетъ однообразное и сѣрое пространство ослѣпительными арабесками, заполняетъ вѣчно-безмолвный эфиръ звучными гармоніями, организуетъ разновидность смутныхъ и безсвязныхъ явленій, поражающихъ наши ослѣпленныя чувства, приводитъ ихъ къ единству, подчиняетъ случайное — необходимому, явленіе — закону. Мы только что привели отрывки изъ обвинительнаго акта науки противъ кантизма; мы можемъ теперь противоставить ему не менѣе убѣдительную защитительную рѣчь тѣхъ же самыхъ ученыхъ.

Именно Пуанкарэ доказываетъ въ своемъ капитальномъ трудѣ *о Наукѣ и Гипотезѣ*, что всѣ научныя гипотезы, только кажущіяся гипотезы, что на самомъ дѣлѣ онѣ сводятся къ замаскированнымъ опредѣленіямъ и условностямъ. „Эти условности, говоритъ онъ, являются продуктомъ свободной дѣятельности разума, который дѣйствуетъ въ этой области совершенно безпрепятственно. Здѣсь нашъ разумъ можетъ утверждать, потому что онъ предписываетъ“. Если эти предписанія не обязательны для природы, они обязательны для *нашей* науки, которая безъ нихъ не могла бы существовать. „Принципъ математическаго сужденія, пишетъ тотъ же ученый, не поддающійся анализу и опыту, есть чистый образецъ синтетическаго сужденія a priori. Если синтетическое сужденіе представляется намъ съ полной очевидностью, то это вслѣдствіе того, что нашъ разумъ утверждаетъ его, постигая возможность неограниченнаго повторенія одного и того же акта, какъ только этотъ актъ произошелъ хотя бы одинъ разъ. Разумъ обладаетъ непосредственной интуиціей этой способности, а опытъ даетъ ей случай приложенія ея, которое и приводитъ ее къ самосознанію. Математическая индукція, вытекая изъ свойства нашего разума, уже этимъ самымъ получаетъ санкцію на бытіе“. Великій физикъ Герцъ, признавая вещи только образами нашего разума, говоритъ, что эти образы должны отражать на себѣ всѣ условія ихъ воспроизведенія, т. е. соотвѣтствовать законамъ нашего разума. Онъ считаетъ „принципы механики сужденіями a priori въ Кантовомъ смыслѣ“ Они вытекаютъ изъ внутренней интуиціи и изъ формы логики того, кто ихъ формулируетъ. Пространство и время, о которыхъ онъ говоритъ, суть результаты „внутренней интуиціи“. Махъ

считаетъ разумъ творцомъ всѣхъ концепцій. Сталло признаетъ опытъ невозможнымъ, если онъ не основанъ на детерминированныхъ, универсальныхъ, неизмѣнныхъ законахъ, какъ, напримѣръ, законы причинности, постоянства и непрерывности, законы, не вытекающіе изъ опыта [1]). Всѣ эти ученые прибавляютъ, конечно, что разумъ не долженъ ограничиваться собственными законами, но долженъ примѣнять ихъ къ опыту и посредствомъ опыта провѣрять ихъ. „Декреты, говоритъ Пуанкарэ, предписываемые нашей наукѣ, не произвольны. Выборъ предмета изслѣдованія предоставляется намъ, но опытъ долженъ руководить имъ. Мы сами создали математическую величину, но создали ее не на удачу, а какъ бы по извѣстной мѣркѣ и только поэтому возможно подвести подъ нее факты, не искажая ихъ сущности. Сталъ ли бы теперь Кантъ оспаривать эти ограниченія? Я этого не думаю, и во всякомъ случаѣ онъ констатировалъ бы, что существенная часть его философіи познанія, а именно—выведеніе формы познанія изъ нашего разума, не утратила своего значенія.

Но остается антиномія между генетическимъ методомъ и методомъ Канта. Дѣйствительно ли она неразрѣшима. Я этого не не думаю. Въ чемъ заключается методъ Канта? Изъ существованія науки, въ особенности нѣкоторыхъ наукъ, онъ дѣлаетъ выводъ къ существованію опредѣленной формы организаціи нашего разума. Положенія математики и физики заставляютъ его приписать нашей познавательной способности элементы всеобщности и необходимости. На какую бы область ни распространялась дѣятельность нашего разума, слѣдуетъ прежде всего установить психологическія условія, обусловливающія эту дѣятельность и ея результаты. Не дѣлаетъ ли этого еще и теперь современная наука, приступая къ собственной провѣркѣ? Герцъ, Клиффордъ, г-нъ Пуанкарэ, не слѣдуютъ ли они по стопамъ Канта и не достигли ли въ сущности аналогичныхъ результатовъ? Творческая дѣятельность разума выводится изъ возможности математики и физики, говорятъ они, причемъ предметы должны разсматриваться, какъ образы или символы, между которыми разумъ дѣлаетъ по своему усмотрѣнію выборъ, допуская возможность существованія многочисленныхъ символовъ для одного и того же предмета. Я когда-то настаивалъ, въ одномъ

---

[1]) Эти цитаты изъ Герца (Hertz) и изъ Сталло (Stallo) взяты мной изъ замѣчательнаго труда Клейнпетера (H. Kleinpeter) Kantsstudien, t. VIII, 2—3, 1903.

изъ своихъ сочиненій о Кантѣ, на категорическомъ характерѣ его метода. Мы только что привели мнѣніе Пуанкарэ о „декретахъ“ разума.

Въ сущности между критическимъ методомъ и генетическимъ нѣтъ никакого противорѣчія; они только задаются разными задачами. Генетическій методъ изслѣдуетъ эволюцію науки, индивида, учрежденія; критическій же методъ — формальныя условія, необходимыя формы нашего разума, при которыхъ эта наука, этотъ индивидъ и это учрежденіе могутъ быть постигнуты. Замѣните въ Кантовой терминологіи неоспоримую универсальность и необходимость, совершенно отрицаемыя наукой, условной и сравнительной универсальностью и необходимостью, и вы должны будете признать отсутствіе рѣзкой границы между Кантовымъ методомъ и методомъ современной науки. Современные физики сходятся на томъ, что самыя общія положенія физики, хотя и зависящія отъ опыта и рискующія всегда быть опровергнутыми позднѣйшими опытами, могутъ быть практически разсматриваемы, какъ положенія a priori, т. е. универсальныя и необходимыя. И они были бы также принуждены согласиться, что ихъ конечная задача сходится съ цѣлью, приписываемой Кантомъ разуму: свести вселенную къ единству, установить центръ, куда бы сходились всѣ безчисленные законы; они признали бы, что ихъ главная гипотеза тожествена съ Кантовой, а именно, допускаетъ возможность примѣненія логики къ природѣ.

Мы должны еще коснуться Кантовой этики. Исчезла ли она дѣйствительно безслѣдно? Конечно, мы не признаемъ больше въ теоріи ни суроваго формализма, ни повиновенія закону изъ одного уваженія къ нему, ни категорическаго императива неизвѣстнаго происхожденія, а считаемъ этику вѣтвью соціологіи. Но послѣ ассимиляціи этики съ соціологіей не полезно ли будетъ, какъ это дѣлаетъ неокантіянская соціологія, изслѣдовать рядомъ съ вопросомъ объ эволюціи соціальной жизни и вопросъ о происхожденіи и условіяхъ, при которыхъ эта соціальная жизнь можетъ сдѣлаться особеннымъ объектомъ нашего познанія и при которыхъ наша мысль можетъ охватить ее въ одномъ согласномъ движеніи. Предположимъ, какъ неоспоримый фактъ, что чувство долга—врожденное чувство; вѣдь въ такомъ случаѣ можно считать вполнѣ цѣлесообразнымъ желаніе установить, кромѣ психологическаго и историческаго генезиса этого чувства, и законность этого императива, и почему бы не обосновать ее на раціональной необходимости установить порядокъ въ нашей практической жизни и на стремленіи свести всѣ наши цѣли къ единому началу, ко-

торое является верховной цѣлью, Endziel, не только теоретическаго разума, но и практическаго. И не въ силу ли того же необходимаго закона нашего разума дѣлаемъ мы попытку свести къ единой и конечной цѣли всѣ проявленія соціальной жизни? Не берутъ ли всѣ соціологическіе теоретики-соціалисты, анархисты, либералы, за исходную точку идею, въ Кантовомъ смыслѣ, т. е. идеалъ, который рождается не изъ соціальной дѣйствительности, но представляется намъ цѣлью этой дѣйствительности. И не означаетъ ли это на Кантовомъ языкѣ первенство практическаго разума?

* * *

Я только ставлю эти вопросы. Я не имѣю возможности разрѣшить ихъ. Но уже тотъ фактъ, что философія ставитъ ихъ еще сегодня, доказываетъ, насколько жизненна мысль Канта, спустя даже цѣлое столѣтіе послѣ его смерти. Въ одномъ изъ своихъ размышленій Кантъ довольно остроумно называетъ всѣхъ ученыхъ — филологовъ, теологовъ, юристовъ, медиковъ, геометровъ—циклопами. У нихъ только одинъ глазъ, благодаря чему они смотрятъ на все съ одной только точки зрѣнія. Задача философіи заключается въ томъ, чтобы замѣнить ученому недостающій, второй глазъ и дать ему, такимъ образомъ возможность смотрѣть на вещи не только съ своей точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія другихъ людей.

„Этотъ второй глазъ, говоритъ Кантъ, есть познаніе разумомъ самого себя". Въ этомъ образѣ заключается вся сущность философіи Канта. Можно и сейчасъ утверждать, цѣлое столѣтіе спустя послѣ его кончины, что вопреки громаднымъ успѣхамъ физическихъ наукъ, естественныхъ, историческихъ и моральныхъ, вопреки позитивизму, экспериментальной психологіи и соціологіи, каждый ученый, каждый моралистъ, историкъ-соціологъ выиграетъ отъ примѣненія критической философіи, которая можетъ служить ему этимъ вторымъ глазомъ, исправляющимъ зрѣніе перваго, контролирующимъ сдѣланныя имъ открытія и измѣряющимъ ихъ значеніе.

Отъ Конта къ Авенаріусу.

Вл. Лесевича.

I.

О философіи Авенаріуса начинаютъ говорить все чаще и чаще, и она мало-по-малу перестаетъ представляться тою головоломною загадкою, ссылка на которую еще такъ недавно казалась достаточною для отвода вниманія образованнаго общества отъ этого новаго направленія философской мысли. Теперь, повидимому, начинаетъ выясняться, что умственная лѣнь и рутина оказались безсильными передъ движеніемъ, обусловленнымъ общимъ складомъ и развитіемъ научной мысли, и что прошла пора игнорировать его, замалчивать или извращать, а настоитъ потребность его изучать. Служить откликомъ на этотъ обозначившійся по отношенію къ философіи Авенаріуса поворотъ—и предназначается настоящая статья.

Движеніе, выразителемъ котораго является Авенаріусъ съ его „Критикою чистаго опыта", и обосновывающійся на немъ эмпиріокритицизмъ, есть движеніе научной мысли, корнями своими уходящее въ исторію положительнаго знанія, получающее значеніе выработки „чистаго опыта" и устраненія теологическихъ и метафизическихъ примысловъ. Задерживаемое косностью мысли и постоянно подавляемое пережитками традиціи, движеніе это долгое время было оттѣсняемо съ подобающаго ему передового положенія и только въ сравнительно новѣйшее время получило значеніе руководительнаго. Не скоро разсѣялась средневѣковая тьма, не скоро свершило свой кругъ возрожденіе древней культуры, и лишь въ концѣ XVII-го вѣка падаетъ окончательно гнетъ всякаго авторитета, и новая истина не провѣряется по старымъ греческимъ, латинскимъ или еврейскимъ книгамъ. Опытъ достигаетъ всей полноты своего самостоятельнаго значенія, и умственное движеніе вступаетъ въ новое русло.

Движеніе это, по столь часто приводимому сравненію, высказанному еще Гете, называли обширной фугой: голоса наро-

довъ выступали въ немъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Первый голосъ принадлежитъ Англіи: она, создавъ исходную точку обновленія, стала во главѣ движенія, которое мало-по-малу пересоздало не одинъ только ея жизненный строй, но и строй всѣхъ остальныхъ европейскихъ странъ, куда вслѣдъ затѣмъ стало проникать вліяніе англійскаго преобразовательнаго движенія.

Еще до Юма характеръ движенія столь ясно опредѣлился, что, когда Вольтеръ посѣтилъ Англію, онъ могъ уже ясно констатировать діаметральную противоположность новаго строя жизни и понятій сравнительно со старымъ режимомъ его отечества. Вольтеръ—по словамъ одного изъ его біографовъ, Джона Морлэ,—прибылъ въ Англію поэтомъ и покинулъ ее мудрецомъ: онъ вкусилъ отъ древа научнаго познанія и усвоилъ основную истину объ общественномъ назначеніи всякаго знанія и всякаго искусства. Поучая своихъ земляковъ, онъ писалъ оттуда, между прочимъ, что считать Самюэля Кларка, какъ метафизика, выше Ньютона—значитъ столько же, что и счесть его превосходящимъ Ньютона въ игрѣ въ мячъ. „Мнѣ доводилось — говоритъ онъ—протыкать нѣкоторые изъ метафизическихъ мячей, и я могъ убѣдиться, что изъ нихъ выходитъ одинъ только воздухъ". Живя въ Англіи, Вольтеръ прозрѣлъ, и ему стало очевидно, что метафизики лишены той осмотрительности, того посоха слѣпцовъ, съ которымъ скромный Локкъ разыскивалъ и находилъ себѣ дорогу. Позже, въ Англіи же, величайшій изъ мыслителей всего свѣта, Давидъ Юмъ, нанесъ теологической и метафизической традиціи тотъ смертельный ударъ, отъ котораго онѣ уже никогда не могли оправиться. Зато представители этихъ традицій и мстили Юму, стараясь лишить его философію всякаго положительнаго значенія и зачисляя Юма въ ряды скептиковъ. Было время, когда этому маневру придавали значеніе; теперь онъ представляется комичнымъ: Юмъ, дѣйствительно, относился отрицательно къ традиціоннымъ бреднямъ и всякому пустомыслію и весь свой скептицизмъ направлялъ лишь въ сторону примысловъ, и къ нему именно, а не къ Конту, слѣдовало бы отнести знаменитое изреченіе Гете: разрушенное имъ никакая сила въ мірѣ не возстановитъ, какъ вѣрно замѣтилъ Джузеппе Тарантино" (*Giuseppe Tarantino*. Saggio sul criticismo e sull' associazionismo di David Hume. 1887, p. 74). Вмѣстѣ съ тѣмъ, надо еще имѣть въ виду, что основнымъ принципомъ Юма слѣдуетъ считать принципъ позитивности мышленія, что соотносительно означаетъ, по справедливому мнѣнію Алоиза Риля, разрушеніе трансцендентности. Такимъ образомъ и установляется, что Юмъ выдвигалъ свой скептицизмъ не

ради разрушенія, а ради созиданія, чѣмъ и открылъ философіи путь прогрессирующей науки. (*Al. Riehl.* Der philosophische Kritizismus. 1876. I. Vorrede). Поэтому-то на Юма и слѣдуетъ смотрѣть, какъ на родоначальника эмпиріокритической философіи, унаслѣдовавшей духъ Юма, столь же эмпирическій, какъ и критическій. На такое значеніе Юма для современной мысли я имѣлъ уже случай указать болѣе десяти лѣтъ тому назадъ („Что такое научная философія?" 1891, стр. 243—245), а теперь я нахожу у Петцольдта этотъ взглядъ въ утвержденіи, что „тотъ шагъ, который дѣлаетъ философія чистаго опыта, можетъ быть сдѣланъ непосредственно отъ положенія, занятого Юмомъ" (*Ioseph Petzoldt.* Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung. Zweiter Band. 1904, S. 297).

Столѣтіе, отдѣляющее Юма отъ Конта, отмѣчается разнообразнѣйшими философскими теченіями и массою метафизическаго хлама. Такъ какъ насъ теперь не занимаютъ варіированья тѣхъ или другихъ традиціонныхъ мотивовъ, то мы, оставляя въ сторонѣ все то, что было въ теченіе этого вѣка унаслѣдовано или переработано, обратимся прямо къ плодамъ оригинальнаго творчества,—къ тому новому, которое возникло и развилось въ связи съ мощнымъ ходомъ развитія положительныхъ наукъ. Въ сферѣ творчества новыхъ философскихъ концепцій передъ нами высятся колоссальныя фигуры Фейербаха и Конта, великихъ провозвѣстниковъ новой „научной" философіи. Въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія Фейербахъ въ своихъ „Предварительныхъ тезисахъ къ реформѣ философіи", „Основоположеніяхъ философіи будущаго" и „Отрывкахъ", выдвинулъ цѣлый рядъ предвосхищеній тѣхъ взглядовъ, которые получили свое полное и окончательное обоснованіе лишь въ послѣднее время. Отрывочные тезисы Фейербаха представлялись невразумительными для неподготовленныхъ умовъ его времени; они или отвергались, или скользили по поверхности сознанія читателей, не удерживаясь въ немъ Только полъ - вѣка позже превосходная біографія Фейербаха, написанная гельсингфорскимъ профессоромъ В. К. Болинымъ, выставила въ должномъ свѣтѣ значеніе Фейербаха для новой философіи и указала на живое, истинно-современное значеніе его тезисовъ.

Поразительнымъ представляется намъ теперь указаніе на ничтожество варіированій старыхъ философскихъ мотивовъ, и теперь еще оказывающихъ на умы свое вліяніе. „Попытки реформировать философію, дѣлавшіяся до сихъ поръ", говоритъ по этому поводу Фейербахъ, „отличаются отъ древней философіи

въ видовомъ, а не въ родовомъ отношеніи. Необходимое условіе истинно-новой, т. е. самостоятельной, отвѣчающей потребностямъ человѣчества и его будущему, философіи, заключается въ томъ, чтобы она существенно, чтобы она toto genere различалась отъ древней философіи". Вотъ великая истина, въ свое время не оцѣненная, а теперь бьющая въ глаза своею очевидностью! Какимъ же образомъ должна философія выполнить указанное выше необходимое условіе?— „Она должна быть всеобщей эмпиріей", отвѣчаетъ Фейербахъ: „она должна быть познаніемъ того, что есть; она должна мыслить вещи и существа, познавать ихъ такими, какими они суть"... Вотъ въ чемъ видитъ Фейербахъ „высшій законъ, высшую задачу философіи". То, что есть, какъ оно есть т. е. истинное высказывать истинно, кажется поверхностнымъ то, что есть, какъ оно есть, т. е. истинное высказывать неистинно, извращать его,—представляется глубокомысленнымъ. Для избѣжанія такого извращенія, „философіи предстоитъ вступить въ союзъ съ естествознаніемъ, естествознанію—съ философіей. Этотъ союзъ, основанный на взаимной потребности, на внутренней необходимости, будетъ прочнѣе, счастливѣе и плодотворнѣе, нежели существовавшая до сихъ поръ mésalliance между философіею и традиціонными доктринами".

Обратимся теперь къ Конту.

Участь философія Конта была сперва та же, что и участь философіи Фейербаха. Когда въ половинѣ минувшаго столѣтія позитивная философія „какъ бы вынырнула изъ глубины и явилась на поверхности современной философіи", она сейчасъ же натолкнулась на тупую оппозицію старовѣровъ, и лишь только весьма и весьма немногіе, избранные умы — Гумбольдтъ въ ихъ числѣ — сумѣли оцѣнить ее. Прошли годы, возникла потребность изученія философіи Конта, появилась обширная литература о позитивизмѣ, установилось позитивное направленіе философіи, и настало время, когда знакомство съ Контомъ стало считаться обязательнымъ, и всегда, всякимъ авторомъ философскаго трактата или философской статьи, всякимъ лекторомъ или референтомъ необходимо предполагается у читателей или слушателей. Такое отношеніе къ позитивизму стало зауряднымъ, и его можно было наблюдать въ послѣднее время не только тогда, когда позитивизму отводилась выдающаяся роль, какъ то было на соціологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, въ минувшемъ году, — но также и въ тѣхъ случаяхъ, когда господствующій тонъ имѣлъ реакціонный характеръ, какъ то имѣло мѣсто на философской секціи историческаго конгресса, собиравшагося въ прошедшемъ

же году въ Римѣ, когда рядомъ съ ископаемымъ гегельянцемъ и его приспѣшниками блистали столь же болтливые филистеры.

У насъ значеніе Конта было замѣчено еще Бѣлинскимъ, и съ тѣхъ поръ вниманіе къ позитивизму въ извѣстной части нашей литературы удержалось. Бѣлинскій, хотя и познакомился съ Контомъ изъ вторыхъ рукъ — по весьма неудовлетворительной статьѣ извѣстнаго въ свое время размазывателя философской галиматьи, Сэссé, въ „Revue de deux Mondes“,—угадалъ, однако же, въ Контѣ человѣка замѣчательнаго и поставилъ ему въ заслугу его протестъ противъ теологическаго вмѣшательства въ науку. Общій выводъ его былъ тотъ, что основатель новой философіи долженъ освободить науку отъ признаковъ трансцендентализма, отъ всего фантастическаго и мистическаго. „Важно то,—говоритъ по этому поводу Н. И. Карѣевъ, у котораго я заимствую эту историческую справку, — что Бѣлинскій схватилъ сущность основныхъ стремленій философіи Конта. Освобожденіе науки отъ всякой фантастики и мистики, вотъ въ чемъ состояла главная задача, которую поставилъ себѣ Контъ, и это не могло не быть симпатично Бѣлинскому. Въ своемъ принципѣ дѣйствительности великій критикъ мыслилъ то же самое, что имѣлось въ виду основателемъ позитивной философіи, когда онъ говорилъ о необходимости изучить міръ явленій, какъ онъ есть. Идеи Бѣлинскаго были отправнымъ пунктомъ всего дальнѣйшаго развитія передовой мысли въ Россіи, и лишь эта умственная подготовка сдѣлала возможнымъ у насъ усвоеніе общаго духа философіи Конта. Конечно, это не случайность, что наибольшій интересъ и наибольшее сочувствіе къ позитивизму проявились у насъ среди тѣхъ людей, которые видѣли въ Бѣлинскомъ своего духовнаго предка и поняли свою жизненную задачу, какъ продолженіе начатаго имъ дѣла. Общая почва — трезвое и правдивое отношеніе къ дѣйствительности, котораго Контъ требовалъ отъ науки, Бѣлинскій—отъ литературы“. (Огюстъ Контъ, какъ основатель соціологіи. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Истор. Общ. при Петерб. Унив. 18 февр. 1898 г. по случаю сотой годовщины со дня рожденія Конта. См. сборникъ „Памяти Бѣлинскаго“, 1899 г., стр. 329 и слѣд.).

Продолженіе начатаго Бѣлинскимъ дѣла, на которое указываетъ Н. И. Карѣевъ, заключалось, конечно, также и въ удержаніи у насъ философскаго уровня на достодолжной высотѣ. Первою заботою въ этомъ смыслѣ являлось внимательное отношеніе къ тому, что совершалось въ западно-европейской философіи въ духѣ Конта. Намъ, ранѣе чѣмъ мы успѣемъ выставить

своихъ Платоновъ и Невтоновъ, приходится, по крайней мѣрѣ, хоть не отставать. Въ общемъ потокѣ европейской философіи продолженіе дѣла Конта заслонялось напоромъ реакціонной волны, для услажденія шумомъ которой у насъ было гораздо больше охотниковъ, нежели интересующихся негромкою работою философовъ позитивнаго направленія. Мы, подобно крыловской Хавроньѣ, предпочли перерываніе всѣхъ европейскихъ философскихъ задворковъ скромной роли искателей пролегающихъ черезъ чащи тропинокъ, а потому и участь нашей философіи оказалась самая убогая и жалкая. Если бы представителей ея въ томъ только и можно было уличить, что самаго интереснаго и важнаго на Западѣ они не замѣчали, то въ этомъ еще было бы лишь полъбѣды; бѣда же въ томъ, что свойственное имъ самомнѣніе всегда побуждало ихъ оказывать противодѣйствіе даже и тѣмъ самомалѣйшимъ проблескамъ позитивизма, которые у насъ въ кои вѣки объявлялись. Одинъ вопіялъ о томъ, что позитивизмъ терроризуетъ у насъ умы; другой, при помощи хитросплетеній старался дискредитировать позитивизмъ, выдавая его за одну изъ формъ метафизики; третій, поддерживая осѣнявшую его репутацію философской кликуши, старался убѣдить своихъ нехитрыхъ читателей въ томъ, что позитивизмъ-де считаетъ то мышленіе болѣе правильнымъ, которое безсвязно. Всего не перечесть! Вопреки смѣлости всѣхъ этихъ провозвѣстниковъ мракобѣсія, позитивизмъ у насъ не угашался, и фарватеръ, намѣченный Бѣлинскимъ, хотя и поднесь остается струйкой, все же сохраняетъ достоинство струйки воды живой, берущей начало изъ того великаго источника познанія, котораго нашимъ пигмеямъ не одолѣть.

Движеніе, которое у насъ идетъ лишь струйкой, въ Западной Европѣ бьетъ ключемъ, представляя обширную и не перестающую разростаться литературу, особенно богатую въ Германіи. Здѣсь передъ нами—критическій реализмъ Карла Геринга, неопозитивизмъ Эрнста Лахса и самобытный эмпиріокритицизмъ Эрнста Маха, выработавшаго свои принципы ранѣе Авенаріуса и оказавшаго на него значительное вліяніе, затѣмъ, Авенаріусъ и его школа,—всѣ они имѣютъ общее съ Контомъ въ томъ, что всѣ исходятъ отъ положительной науки и одинаково отличаются антитеологическимъ и антиметафизическимъ направленіемъ. Названные мыслители—такъ же, какъ Гефдингъ и Риль въ Германіи, Ческа и Таронтино въ Италіи, Милль и Лесли Стивенъ въ Англіи, такъ или иначе пролагали свой путь въ этомъ же направленіи и при всѣхъ своихъ различіяхъ, объединяются общимъ,

ярко выраженнымъ просвѣтительнымъ характеромъ. Отчетъ о работахъ многихъ изъ нихъ я далъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, сопоставивъ съ нѣкоторыми изъ ихъ взглядовъ образцы философской отсталости отечественнаго любомудрія (Цитир. соч.). Возвращаться теперь къ этому сюжету нѣтъ надобности; достаточно будетъ отмѣтить только, что, въ общемъ, положеніе не измѣнилось,—развѣ только, что объемъ извергаемаго нашими философами вздора непомѣрно возросъ.

Само собою разумѣется, что философію чистаго опыта у насъ или игнорировали и замалчивали, или извращали совсѣмъ такъ, какъ это практиковалось въ былое время по отношенію къ позитивизму.

Такіе пріемы борьбы какъ нельзя лучше выказали только безсиліе противниковъ новой философіи. А между тѣмъ измѣняются времена, и новая жизнь возникаетъ изъ развалинъ... Философію чистаго опыта нельзя поколебать мелкими атаками философскихъ хунхузовъ; поколебать ее можно только, доказавъ, что общая ей и положительной наукѣ основа—„чистый опытъ“ есть фикція, и что тотъ или другой пережитокъ, изъ служащихъ опорою міросозерцанія ея противниковъ, обладаетъ большею сравнительно съ „чистымъ опытомъ“ устойчивостью. Такой постановки противники новой философіи вопросу не даютъ и никогда не дадутъ, и дать не могутъ, почему и всѣ набѣги ихъ имѣютъ и будутъ имѣть все одинъ и тотъ же роковой исходъ.

II.

Ближайшій предшественникъ Авенаріуса, Огюстъ Контъ, въ силу того значенія, которое принадлежитъ ему въ ходѣ умственнаго развитія въ нашемъ отечествѣ, заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія. Хотя понятіе „чистаго опыта“ и остается у Конта не раскрытымъ, но оно неизбѣжно должно быть предполагаемо, и на немъ зиждется та связь между позитивизмомъ и эмпиріокритицизмомъ, благодаря которой мы можемъ выдѣлить эти научно-философскія концепціи въ особую группу, противополагающуюся призрачнымъ теоріямъ приверженцевъ пережитковъ.

Вскрывая принципіальную связь между позитивизмомъ и эмпиріокритицизмомъ, я, какъ то и очевидно, не имѣю никакой надобности касаться той части умственной производительности Конта, которая стоитъ внѣ эволюціи научной философіи и въ поставленномъ мною вопросѣ не играетъ никакой роли. Дѣло

это просто и ясно, но нѣкоторые наши философствующіе попугаи не уразумѣли, что мистицизмъ Конта представляетъ собою моментъ его индивидуальнаго развитія, а потому и имѣетъ интересъ только для его біографовъ. Біографамъ Конта, дѣйствительно, необходимо вскрыть тѣ мотивы, которые привели Конта къ извѣстному кризису, но въ изложеніи хода развитія научно-философской мысли вопросъ этотъ не имѣетъ ровно никакого значенія: боленъ былъ Контъ, а позитивизмъ тутъ рѣшительно ни при чемъ. Надо быть очень ужъ недалекимъ, чтобы становиться втупикъ передъ такой простой истиной. Для Литтре, ума не заурядпаго, она была очевидна полъ-вѣка тому назадъ, и онъ чисто-индивидуальнаго инцидента въ жизни Конта въ общій подсчетъ позитивизма не ввелъ. Теперь вопросъ этотъ для всѣхъ, кромѣ имѣющихъ особливую склонность къ путанному мышленію, считается сданнымъ въ архивъ, гдѣ и почіетъ въ мирѣ.

Остается позитивизмъ, какъ одна изъ формъ научной философіи, соединенная общею основою съ эмпиріокритицизмомъ. Общность эта вполнѣ достойна всего нашего вниманія: она указываетъ на заключительный моментъ давно уже назрѣвшей для философіи потребности разъ навсегда разорвать съ чуждымъ опыту умозрѣніемъ и примкнуть къ положительному знанію. Для философіи и науки настала пора тѣснаго союза, какъ то возвѣщалъ еще Фейербахъ,—настала пора живой плодотворной работы. Однимъ изъ первыхъ иниціаторовъ этой работы и былъ именно Контъ. Онъ находилъ, что наука его времени недостаточно проникнута философіей и слишкомъ увлекается спеціализаціей, а философія слишкомъ безсодержательна и безпочвенна. Эту мысль онъ и выразилъ въ извѣстномъ законѣ трехъ состояній человѣческаго разума,—законѣ, имѣющемъ для позитивизма, какъ цѣлаго, основное руководительное значеніе.

Для ближайшаго разсмотрѣнія соотношенія, существующаго между позитивизмомъ и эмпиріокритицизмомъ, предстоитъ теперь сдѣлать оцѣнку этого закона.

Прежде всего необходимо для этого принять во вниманіе лежащій въ основѣ его постулатъ, заключающійся въ различеніи знанія и пониманія. Знаніе есть результатъ изученія различеній, долженствующихъ служить опорою охвату мыслью изучаемаго цѣлаго; знаніе, какъ видно изъ этого, отвѣчаетъ гносеологическому запросу; не отрываясь отъ психологической почвы, оно, однако же, считаетъ себя свободнымъ отъ руководительства побужденіями, вытекающими изъ чисто-психологическихъ состояній и нерѣдко находится съ ними въ яркомъ конфликтѣ. Желаніе, на-

дежда, игра фантазіи и другіе психологическіе моменты безсильны направлять туда и сюда сознательный гносеологическій процессъ, сами склоняясь подъ его верховодство и часто выстрадывая несокрушимую мощь его вліянія. Въ свою очередь, и познаваніе подвигается впередъ тернистымъ путемъ; каждая пядь берется тутъ упорнымъ трудомъ, каждый шагъ требуетъ самоотверженія,— все, вмѣстѣ взятое, представляетъ одну лишь страду. У Ол. Шрейнера все это прекрасно представлено въ живомъ олицетвореніи легендарнаго искателя правды (См. Русск. Мысль", 1901, кн. VIII). Контрастомъ этого скорбнаго пути является чисто-психологическій характеръ пониманія (пассивная сторона) или объясненія (активная сторона того-же психологическаго момента). Пониманіе не растрачивается на кропотливую работу знанія, оно спѣшитъ достигнуть устраненія безпокоющей загадочности и вкусить отъ безмятежности отраднаго чувства удовлетворенности. Для осуществленія этого завѣтнаго вожделѣнія имѣется дивный пріемъ сведенія того, что должно подлежать изученію, на нѣчто, изученію недоступное, заопытное, сверхъ опытное,—по философской терминологіи—трансцендентное. Сведеніе это достигается, конечно, не томительнымъ процессомъ изученія, а легкимъ и пріятнымъ полетомъ фантазіи, которая не знаетъ горечи разочарованія, не останавливается предъ подавленностью неизвѣстности, а беззавѣтносмѣло устремляется въ безпредѣльность опыту недоступнаго и въ своемъ пареніи обозрѣваетъ безграничные горизонты, не надрывая сердца вопросомъ о томъ, не иллюзія ли все это, не одна ли это только кажимость? Появляется, положимъ, огненная полоса на небѣ, производимая падающимъ метеоритомъ:—что это? спрашиваетъ первобытный человѣкъ;—это колдунъ, принявшій видъ огненнаго змѣя, — вотъ что это такое. И сказки занесли въ свои протоколы этотъ отвѣтъ, и пошелъ онъ изъ поколѣнія въ поколѣніе вплоть до нашихъ дней. Деревенская баба не знаетъ иного отвѣта на этотъ вопросъ, да и представительница культурной черни,—„дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ", вѣрующая въ тяжелые дни, въ симпатическія средства, въ число тринадцать и всѣхъ знахарокъ и гадалокъ, какія только есть,— она тоже не далеко ушла отъ неграмотной бабы, только развѣ мыслитъ нѣсколько сбивчивѣе. Таково фольклорное пониманіе, пущенное въ ходъ пещернымъ человѣкомъ, но существуетъ еще и однородное съ нимъ миѳологическое, теологическое и метафизическое пониманіе, сводящее явленія на Ра, Пта, Мардука, Зевса и т. д.,—на идеи, волю, непознаваемое... Заопытный характеръ всего этого этіологическаго творчества нисколько не смущаетъ воз-

ложившихъ на него свое упованіе; попробуйте опровергать ихъ,— „ну, такъ что же“, отвѣтятъ они, „быть можетъ у человѣка сто чувствъ и со смертью погибаютъ только пять, а остальныя девяносто пять остаются живы“. Въ этихъ словахъ одного изъ героевъ прославленной комедіи для нихъ все сказано; на чемъ держится эта галиматья,—не спрашивайте, позвольте только витать внѣ „тьмы низкихъ истинъ“ и не мѣшайте облекать мысли неграмотной бабы въ формы пошлыхъ изрѣченій!

Знаніе и пониманіе,—процессъ гносеологическій и процессъ психологическій,—вотъ то капитальное различеніе, которое будетъ служить намъ при оріентировкѣ въ томъ сложномъ ходѣ эволюціи мысли, охватить которую имѣетъ въ виду Контовъ „законъ трехъ состояній“.

Поскольку законъ этотъ относится къ процессу пониманія, онъ охватываетъ два главные типа:—пониманіе теологическое и пониманіе метафизическое; первое заключается въ сведеніи предлежащихъ наблюдателю данностей на олицетворенныя сущности, второе отличается отъ перваго только тѣмъ, что олицетвореніе сущностей замѣняется объективированіемъ ихъ. Второе, какъ указывалъ уже самъ Контъ, представляется лишь простымъ видоизмѣненіемъ перваго; оба неизмѣнно трансцендентны. Третій фазисъ состоянія человѣческаго ума,—фазисъ научный, состоитъ въ томъ, какъ установилъ Контъ, что сведеніе подлежащихъ изученію данностей на заопытныя и сверхъопытныя сущности устраняется и взамѣнъ того разыскивается неизмѣнность ихъ послѣдовательности и сходствъ и, такимъ образомъ, установляется понятіе ихъ закономѣрности. Изъ этой формулировки можно видѣть, что для Конта процессъ умственнаго развитія человѣка представлялся переходомъ отъ пониманія къ знанію, что—соотносительно—значило то же, что и устраненіе трансцендентности, какъ примысла. Пониманіе, какъ видно изъ этого, представлялось превращающимся въ знаніе, — сливающимся съ нимъ. Горѣніе, напримѣръ, перестало сводиться на олицетвореніе, носящее имя Агни, или на метафизическую сущность, „флогистонъ“, а оказывалось просто-на-просто соединеніемъ горящаго тѣла съ кислородомъ, т. е. процессомъ окисленія,—такимъ актомъ, оба факторы котораго—окисляемое тѣло и окисляющій кислородъ—одинаково намъ предлежатъ, одинаково могутъ подвергнуться изученію, одинаково находятся въ области возможнаго опыта, одинаково ни въ какіе трансцендентные регіоны насъ не заводятъ. Сведеніе горѣнія на окисленіе, конечно, сохраняетъ свою психологическую подоснову; оно также имѣетъ, хотя и формальное только, зна-

ченіе пониманія; но это пониманіе есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ и знаніе, оба момента сливаются здѣсь до безразличія. Но если знаніе можно считать научнымъ пониманіемъ, такъ какъ психологическій актъ, принимая гносеологическій характеръ, все же остается, и выфилософить его нельзя, да и нѣтъ надобности, то,—помнить надо,—пониманіе остается всегда и неизмѣнно чуждо знанію, возникновеніе котораго можетъ имѣть или не имѣть мѣста, и которое, во всякомъ случаѣ, представляется еще недостигнутымъ. Итакъ, съ переходомъ пониманія въ знаніе, трансцендентная область сущностей падаетъ до призрачности,—получаетъ значеніе примысла и освобожденное вслѣдъ за его устраненіемъ мѣсто уступаетъ опыту. Свободный отъ примысловъ опытъ и есть не содержащій въ себѣ никакого фольклорнаго, миѳологическаго, теологическаго или же метафизическаго сора, — „чистый опытъ". Самый терминъ этотъ явится черезъ полстолѣтія послѣ формулировки закона трехъ состояній, но понятіе его оказывается уже въ этомъ законѣ установленнымъ въ значеніи невысказанной его предпосылки.

Изъ сказаннаго видно, до какой степени близокъ былъ Контъ къ основному обобщенію, вытекающему изъ исторіи развитія научнаго знанія. Его „законъ трехъ состояній", при теперешнемъ освѣщеніи его съ точки зрѣнія, установленной Авенаріусомъ, представляется стоящимъ выше всѣхъ метафизическихъ о немъ разглагольствованій и долженъ быть вмѣненъ въ одну изъ великихъ заслугъ этого мыслителя, принявшаго по отношенію къ приверженцамъ пережитковъ роль Эринній въ сценѣ между Ахиллесомъ и Ксанѳомъ, въ XIX-ой пѣснѣ Иліады.

Намѣченный выше послѣдовательный ходъ мышленія, сформулированный въ законѣ трехъ состояній, указываетъ намъ на ходъ опредѣленной эволюціи, которую намъ и предстоитъ теперь разсмотрѣть.

Прежде всего отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ эволюціей умственной дѣятельности.

Эволюція умственной дѣятельности отдѣльнаго индивида или группы ихъ есть чередованіе двухъ состояній индивида (или индивидовъ),—состоянія устойчивости и состоянія колебанія. Оба эти состоянія извѣстны каждому по опыту: состояніе колебанія—это состояніе нерѣшительности, сомнѣнія, приглядыванія; оно возникаетъ или какъ слѣдствіе какого-либо измѣненія въ организмѣ индивида, или въ силу воздѣйствія на него окружающей среды; оно преодолѣвается устраненіемъ нерѣшительности, препобѣжденіемъ сомнѣнія, завершеніемъ ознакомленія съ неиз-

вѣстнымъ фактомъ и т. д., влекущими къ возстановленію нарушеннаго колебаніемъ равновѣсія и утвержденію состоянія устойчивости, характеризуемаго надежностью, увѣренностью, сознаніемъ достигнутой цѣли и т. д. Указываемое чередованіе колебанія и устойчивости представляетъ собою рядъ состояній индивида (или индивидовъ), параллельно которому идетъ рядъ высказываній, соотвѣтствующихъ этимъ состояніямъ. Высказыванія эти выражаютъ пониманіе въ первомъ фазисѣ эволюціи мышленія и знаніе—во второмъ. Ряды этихъ высказываній мы можемъ мыслить въ тѣхъ или другихъ границахъ пространства и времени и можемъ также расширить эти границы до мыслимо-наибольшаго ихъ предѣла:—представить себѣ всѣ извѣстныя намъ высказыванія, какъ предъявленныя одною группою индивидовъ,—человѣчествомъ, начиная отъ эпохи первобытнаго фольклора и кончая современностью.

Взглянемъ теперь на характеръ высказываній въ каждомъ изъ двухъ главныхъ фазисовъ широко охваченной эволюціи мысли.

Прослѣживая смѣну колебаній и устойчивыхъ состояній перваго фазиса, мы можемъ замѣтить, что каждый разъ, когда привхожденіе новой данности нарушаетъ устоявшуюся ранѣе устойчивость пониманія, возстановленіе нарушенной устойчивости становится возможнымъ лишь при томъ условіи, когда новое объясненіе можетъ годиться для всей совокупности какъ прежнихъ, такъ и новыхъ данностей, иначе говоря, возстановленіе устойчивости можетъ произойти лишь при повышеніи значенія мотивовъ пониманія, соотносительно — объясненія. Предѣломъ этого повышенія можетъ—какъ то и очевидно—быть мыслимо наивысшее значеніе мотива пониманія, которымъ эволюція пониманія и завершается. Дальнѣйшее происхожденіе данностей, нарушающихъ устойчивое состояніе, знаменуетъ уже кризисъ пониманія вообще,—кризисъ пониманія, какъ таковаго, которое и отходитъ въ прошедшее, оставляя память о себѣ въ формѣ пережитковъ.

Рядъ высказываній, соотвѣтствующихъ фазису пониманія, начинается, какъ видно изъ этихъ указаній, въ то первобытнѣйшее время, которое мы знаемъ лишь по сохранившемуся фольклорному матеріалу и—главнымъ образомъ — сказкамъ, представляющимъ его концентрацію, и оканчивается какимъ - нибудь мормонизмомъ, нео-буддизмомъ, теософій, спиритизмомъ, вырождочнымъ идеализмомъ и т. п. явленіями.

Начнемъ обзоръ отдѣльныхъ моментовъ этого рода съ фило-

софіи сказокъ, которая, какъ сейчасъ увидимъ, занимаетъ въ немъ первое по времени и далеко не послѣднее по достоинству мѣсто.

Всякій, знакомый съ содержаніемъ сказокъ, легко можетъ убѣдиться, что авторы сказокъ, признавая зависимость человѣка отъ окружающей его среды, очерчиваютъ въ образахъ тѣ безчисленныя колебанія, которыя обусловливаются этою зависимостью. Угрозы жизни и благополучію сказочныхъ героевъ окружаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Устраненіе этихъ угрозъ, преодолѣніе угнетающей зависимости, достиженіе владычества надъ окружающей средой, словомъ, замѣна всевозможныхъ колебаній благополучіемъ устойчиваго состоянія,—вотъ что дополняетъ собою содержаніе сказокъ,—даетъ рѣшеніе ихъ философской проблемы.

Присмотримся теперь ближе къ способамъ рѣшенія въ сказкахъ этой проблемы.

Всеобщая измѣнчивость формы, всеобщая переходимость человѣка въ звѣря, въ дерево, въ любой предметъ окружающей среды, принимается сказкою какъ данность,—какъ характеристика окружающей среды. Объясняется или понимается это явленіе черезъ сведеніе его ко всеобщему оживотворенію. Это пониманіе чрезвычайно упрощаетъ проблему:—борьба и побѣда представляется борьбою съ себѣ подобными, побѣдой надъ данностями извѣстными; средства подсказываются соотвѣтственными уподобленіями. Остается затѣмъ узнать эти средства и умѣть пользоваться ими. Тутъ мы и встрѣчаемся съ вѣдовствомъ или магіей,—драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ первобытнаго человѣка;—онъ хранитъ его, какъ зеницу ока, онъ оберегаетъ его, какъ сокровище, онъ облекаетъ его, поэтому, тайною. Такимъ образомъ возникаетъ и установляется доступное для немногихъ—колдуновъ, кудесниковъ, волшебниковъ, волхвовъ,— вѣдуновъ вообще,—тайновѣдѣніе, волшебство, магія. Все первобытное знаніе считалось, такимъ образомъ, магіею: умѣнье добывать огонь, лѣпить посуду, вязать узлы, строить мосты (отсюда — pontifex), приготовлять лекарственное снадобье... Но все это было еще низшею школою; постигалъ вершины познанія тотъ, кто—какъ говорится въ одной буддійской авиданѣ—„могъ потрясать землею и ниспровергать горы“. Объ этой мыслимо-наивысшей стадіи и повѣствуютъ сказки; онѣ сообщаютъ намъ свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ волшебныхъ предметовъ: шапкѣ-невидимкѣ, сапогахъ-скороходахъ, скатерти-самобранкѣ, коврѣ-самолетѣ и могущественнѣйшемъ изъ орудій вѣдовства,—вѣщемъ словѣ, знаніе котораго одаряетъ всемогуще-

ствомъ. Въ послѣднемъ итогѣ вся окружающая среда становится подчиненною тайновѣдѣнію, и характеризующая эту среду измѣнчивость и превращаемость сводятся къ изволенію вѣдуновъ,—соотносительно—къ изволенію мыслимо-наивысшаго изъ нихъ. Въ любой изъ сказокъ мы можемъ подмѣтить драматизированіе этого міропониманія. Такъ, въ египетской сказкѣ „о двухъ братьяхъ“, сохранившейся въ рукописи, относимой Масперо къ XV-му столѣтію до нашей эры, идетъ рѣчь о томъ, какъ одинъ изъ братьевъ, обладая тайновѣдѣніемъ, соперничая съ волшебницей-женой, совершаетъ рядъ превращеній: сперва онъ принимаетъ форму быка Аписа и, будучи убитъ, вслѣдъ затѣмъ, по приказанію жены своей, возстановляется въ формѣ двухъ деревъ, выросшихъ изъ двухъ капель крови, упавшихъ во время убіенія его на землю; далѣе опять онъ воспринимаетъ человѣческой образъ послѣ того, какъ жена его, приказавшая срубить деревья, проглатываетъ маленькую древесную стружку, зачинаетъ и производитъ на свѣтъ опять-таки его же самого, ея соперника и мужа, который, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ и ставъ фараономъ, предаетъ ее казни, отмѣчая тѣмъ свое превосходство, какъ тайновѣда. Здѣсь, какъ видно, соединительною нитью различныхъ формъ существованія является изволеніе мыслимо-наивысшаго кудесника, олицетворяющаго своею особою основоначальное воззрѣніе первобытнѣйшей философіи.

Въ этой же сказкѣ можно замѣтить и тотъ выходъ къ дальнѣйшей эволюціи пониманія, который мысль изберетъ, когда подъемъ значенія служащаго пониманію изволенія достигнетъ кульминаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ своего мыслимо-наивысшаго предѣла. Выходъ этотъ заключается въ понятіи о сущности вещей, являющихся предпосылкой описанныхъ въ сказкѣ метаморфозъ. Формы бытія были представлены намъ преходящими, сущность же осталась пребывающею, и если допустить, что она могла имѣть свою эволюцію и помимо изволенія тайновѣда, то выходъ къ метафизикѣ откроется передъ нами во всей своей очевидности. Вся превращаемость сказочныхъ формъ неизбѣжно его предполагаетъ, но въ нѣкоторыхъ сказкахъ онъ обставленъ такъ, какъ будто сказки эти были сложены завзятыми метафизиками. Такъ, въ одной изъ сказокъ, приводимыхъ въ сборникѣ Рудченка,—въ сказкѣ объ „Охѣ“,—повѣствуется о томъ, какъ гонимый превращается въ зерна проса, а гонитель въ пѣтуха, и какъ затѣмъ пѣтухъ выклевываетъ эти зерна за исключеніемъ одного, изъ котораго гонимый и имѣетъ возможность возстановиться, точно такъ же, какъ гонимый братъ въ египетской сказкѣ — изъ капли крови и

стружки. Въ этой же сказкѣ колдунъ, имѣя въ виду исправленіе своего воспитанника, сожигаетъ его и затѣмъ, возстановляетъ изъ оставшагося послѣ сожженія уголька. Такова метафизика сказокъ; она развилась впослѣдствіи въ причудливые арабески и научилась симулировать неисповѣдимыя глубины, но принципіально всегда осталась на уровнѣ философіи пониманія и никогда выше умозрѣній вѣдовства не шла и пойти не могла.

У философіи сказокъ есть еще одна особенность, на которую намъ слѣдуетъ теперь обратить вниманіе. Особенность эта обусловливается самою ея первобытностью и, постепенно блѣднѣя, исчезаетъ въ той полосѣ эволюціи, которая вмѣстѣ съ поднятіемъ знанія тайновѣдѣнія подымаетъ значеніе и носителей его: вѣдуновъ, маговъ, шамановъ и какъ бы они тамъ ни назывались. Въ сказкахъ мы имѣемъ первыя стадіи этого подъема; но и сказки вѣдь имѣютъ свою эволюцію: онѣ локализируются; ихъ анонимные герои получаютъ имена и пріурочиваются къ извѣстной исторической эпохѣ; изъ сказки выростаетъ легенда, и подъемъ значенія ея героя не прекращается: онъ становится Персеемъ, Геркулесомъ, Атисомъ, Адонисомъ; — его чествуютъ, онъ дѣлается предметомъ культа. И когда, все выше и выше восходя по лѣстницѣ пониманія, легендой героя начинаютъ объяснять естественныя явленія — видимое движеніе солнца, прорастаніе брошеннаго въ землю зерна и т. п.,—тогда легенда становится миѳическимъ сказаніемъ, а ея герой — миѳическою личностью. Мардукъ, Озирисъ, Митра, Зевсъ — все это прежніе сказочные вѣдуны, достигшіе мыслимо-наивысшаго значенія въ данной системѣ пониманія.

Съ возникновеніемъ ихъ прежнее непосредственное отношеніе человѣка къ окружающей средѣ приходитъ къ своему концу, и занявшіе мѣсто прежнихъ вѣдуновъ жрецы практикуютъ уже свое тайновѣдѣніе по новому методу: они ужъ не воздѣйствуютъ на среду непосредственнымъ заклинаніемъ, а прибѣгаютъ къ посредствующей силѣ, къ которой и обращаются со своими умилостивительными взываніями. Итакъ, прямое, непосредственное отношеніе къ окружающей средѣ—вотъ та особенность первобытнѣйшаго міросозерцанія, которую я имѣлъ въ виду указать, и которая и раскрывается предшествовавшими сопоставленіями.

Параллельно назрѣванію кризиса въ нѣдрахъ отцвѣтающаго фазиса пониманія шло наростаніе положительнаго знанія, которое, все болѣе и болѣе преодолѣвая подавлявшую его традицію, мало-по-малу выступило на первый планъ исторіи. Мы знаемъ уже, что хотя поздно, но насталъ моментъ, когда окончательно само-

опредѣлился его внушительный обликъ: познаніе вступило, наконецъ, въ свой гносеологическій фазисъ. Отнынѣ развитіе его уже болѣе не совершается путемъ повышенія значенія моментовъ соотносительнаго трансцендентнаго ряда, а совершается въ немъ самомъ. Фиктивный рядъ данностей, на которыя пониманіе сводило подлежащія изученію явленія, отходитъ въ область пережитковъ и методически подвигающееся впередъ познаніе стремится къ мыслимо-наивысшему своему подъему. Извѣстная формула Конта: „знать, чтобы предвидѣть,—предвидѣть, чтобы дѣйствовать“—по праву пріобрѣтаетъ всю полноту своего руководительнаго значенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердо устанавливается соотношеніе между формулою закона трехъ состояній и служащими основаніемъ ему фактами,—соотношеніе, которое я подвергъ теперь эмпиріокритической провѣркѣ.

III.

„Законъ трехъ состояній“, какъ то явствуетъ изъ представленнаго выше обзора эволюціи умственной дѣятельности, приводитъ насъ къ тому ея фазису, который мы опредѣлили, какъ гносеологическій, обоснованный на „чистомъ опытѣ“, научный укладъ мышленія. Опытъ разумѣется здѣсь, очевидно, не въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ, не въ значеніи эксперимента, а въ широкомъ, общемъ, философскомъ смыслѣ. Подъ „опытомъ“, въ этомъ смыслѣ, разумѣемъ мы ту общую совокупность данностей, привхожденіе которыхъ обусловливаетъ колебаніе и вызываетъ переустановку нарушенной колебаніемъ устойчивости. И экспериментъ можетъ, конечно, обусловливать колебаніе, но, во всякомъ случаѣ, онъ можетъ совершить это лишь въ общемъ значеніи опыта, почему установленіе колебанія и не предполагаетъ непремѣнно „эксперимента“. Смѣшеніе этихъ понятій, встрѣчающееся и у ученыхъ, ведетъ иногда къ совершенно невразумительной путаницѣ, дающей поводъ къ такому хаосу понятій, въ которомъ не легко бываетъ разобраться. Возьмемъ для примѣра „Начальное руководство къ самостоятельному изученію высшей математики и механики“ проф. Делоне, 1900 года. Разсуждая (на стр. 300) объ основахъ, которыми пользовалось человѣчество при изученіи природы, г. Делоне указываетъ на наблюденіе и опытъ и утверждаетъ, что „наблюденіемъ совершающагося въ природѣ человѣкъ занимался всегда, но, какъ основа научнаго метода, наблюденіе выставлено было Аристотелемъ. Наблюденіемъ человѣкъ

изучаетъ факты въ томъ видѣ, какъ они даны природою. Въ опытѣ человѣкъ создаетъ искусственную обстановку для выдѣленія тѣхъ фактовъ, которые онъ хочетъ изучить. Отцомъ опытнаго метода считаютъ Бэкона Веруламскаго". Здѣсь подъ „опытомъ" слѣдуетъ, очевидно, разумѣть „экспериментъ", а въ общей характеристикѣ изученія природы слѣдуетъ смотрѣть на наблюденіе и экспериментированіе не какъ на „основы" изученія, а только какъ на „способы". Основою все-же-таки остается „опытъ" въ философскомъ своемъ значеніи, почему распредѣленіе ролей между Аристотелемъ и Бэкономъ, сдѣланное г. Делоне, идущимъ къ дѣлу признано быть не можетъ.

Разъ начало изложенія оказывается спутаннымъ, продолженіе неизбѣжно является нагроможденіемъ недоразумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивъ изученіе природы съ возведеніемъ зданія, г. Делоне счелъ нужнымъ вслѣдъ затѣмъ перейти къ другому сравненію,—къ сравненію движенія науки съ движеніемъ арміи, завоевывающей непріятельскую страну, но параллелизма этихъ сравненій при этомъ переходѣ не счелъ необходимымъ удержать. „Наблюденіе и опытъ—это главное ядро арміи"—говоритъ онъ:—„пѣхота, проникающая впередъ медленно, но солидно. Математика же можетъ быть уподоблена инженерамъ, строющимъ въ непріятельской странѣ свои крѣпости, съ тою только разницей, что крѣпости, построенныя математикою, уже не сдаются обратно. Къ этому надо еще прибавить вѣру, безъ которой наша армія двигалась бы въ непроглядной тьмѣ". Выходитъ, что наблюденіе и опытъ сами по себѣ лишены свѣта и двигаются въ непроглядной тьмѣ... Ново и оригинально! Ужели пиѳагорову теорему слѣдуетъ не только знать, но еще и вѣровать въ нее? Вѣра предполагаетъ заслугу и ведетъ къ воздаянію. Ужели и знаніе тоже? Сомнительно, чтобы смѣшеніе психологическихъ и гносеологическихъ состояній, допущенное г-мъ Делоне, могло возмѣститься благозвучной фразой и спасти его экскурсію въ область философіи. (Ср. *Rich. Avenarius*. Kritik der reinen Erfahrung. II, S. 142—147).

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ „опытомъ" въ философскомъ значеніи этого термина. Присматриваясь къ его эволюціи, мы замѣчаемъ въ ней сперва заслоненіе значенія его процессомъ наростанія примысловъ, а затѣмъ, переходъ къ выработкѣ понятія „чистаго опыта" и постепенное устраненіе примысловъ. Знаніе восходитъ такимъ путемъ къ своей мыслимо-наивысшей стадіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, достигается и мыслимо-наивысшая установимость соотносительныхъ высказываній. Само собою разумѣется, что высказыванія, обремененныя примыслами, какъ обладающія

одною только психологическою установимостью, могутъ разсчитывать и на пріемлемость въ средѣ, стоящей на психологическомъ уровнѣ, и только для нея и могли считаться обязательными. Для распространенія круга пріемлемости и на среду гносеологическаго уровня необходимо очистить предназначенныя для того высказыванія отъ примысловъ, иначе говоря, необходимо свести ихъ къ общеобязательнымъ научнымъ нормамъ.

Посмотримъ теперь, какъ были выработаны эти нормы.

Авенаріусъ, по словамъ Петцольдта, „давно уже былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ возможности достиженія устойчивыхъ воззрѣній на міръ только тогда, когда мы станемъ смотрѣть на вещи и событія, по возможности, независимо отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній,—предоставимъ окружающей насъ средѣ оказывать неограниченное на насъ воздѣйствіе, свободное отъ всякихъ съ нашей стороны прибавокъ или убавокъ; когда мы столь совершенно, сколько то возможно, приспособимъ наше мышленіе къ средѣ,—самымъ точнымъ образомъ приладимъ наши мысли къ фактамъ; когда мы устранимся отъ всякой метафизики, которая въ лучшемъ случаѣ представляетъ лишь „чародѣйство красныхъ вымысловъ“, и не допустимъ ей имѣть какое бы то ни было вліяніе на изслѣдованіе; когда мы предоставимъ слово лишь опыту,—свободному отъ всякихъ внѣопытныхъ примысловъ,—„чистому опыту“. Это убѣжденіе, создавшее величіе естественныхъ наукъ и получившее, благодаря процвѣтанію ихъ, силу и распространеніе, требовало, однако же, ближайшаго обоснованія и истолкованія своего содержанія. Чистый опытъ все же остается лишь запросомъ, пока въ незначительной еще степени удовлетвореннымъ. Сами естественныя науки и теперь еще остаются насквозь пропитанными метафизикой, и то, что онѣ выдаютъ за опыты, является нерѣдко продуктомъ поэтическаго творчества; ихъ опытъ предстоитъ еще очистить. И если въ точнѣйшихъ наукахъ считаемое за опытъ никогда имъ быть не могло, тѣмъ въ большей степени имѣетъ это мѣсто въ ненаучныхъ областяхъ мышленія. Изъ этого видно, что существуетъ два понятія опыта; понятія эти и слѣдуетъ установить и разграничить. (Цитир. соч. I, стр. 343),

Для рѣшенія этой задачи необходимо было прежде всего избрать достодолжную точку зрѣнія. Надо было рѣшить вопросъ, откуда слѣдуетъ наблюдать въ видахъ достиженія указаннаго выше установленія и разграниченія. Такъ какъ всѣ философскія направленія были въ этомъ смыслѣ безнадежны, то и слѣдовало избрать пунктъ внѣ ихъ. И затѣмъ, такъ какъ мыслимо-наивыс-

шаго подъема знанія предстоитъ еще достигнуть, то при выборѣ пункта нельзя заботиться ни о „возможно наибольшей высотѣ, ни о возможно-наибольшей глубинѣ, ни о максимумѣ абстрактности", а умѣть только заручиться обезпеченіемъ намѣченнаго результата.

„Всякій авторъ, въ предисловіи каждаго новаго философскаго произведенія,—замѣчаетъ по этому поводу Карстаньенъ—утверждаетъ, что ему удалось занять такую точку зрѣнія, которая стоитъ выше партій. Одинъ только Авенаріусъ можетъ утверждать, что это положеніе было имъ достигнуто. Поэтому-то всѣ выраженія, какъ идеализмъ и реализмъ, психическое и физическое, субъектъ и объектъ, и т. д., имѣющія смыслъ лишь какъ противоположности, потеряли для его ученія всякое значеніе". Фр. Карстаньенъ. Введеніе въ „Критику чистаго Опыта". 2-е изд. 1899, стр. XVI).

Въ чемъ же заключается указаное здѣсь положеніе?

Характеризируя его, Авенаріусъ уподобляетъ себя тому философу, который предполагается стоящимъ среди рыночной толкотни, который, однако, находясь тутъ, ничего не покупаетъ и не продаетъ, а ограничивается ролью зрителя того, что происходитъ передъ его глазами; онъ странствуетъ по отдаленнымъ странамъ и сносится съ иноземными народами, но его побуждаетъ къ тому не намѣреніе совершать сдѣлки низшаго и высшаго порядка, а исключительно одно только желаніе разсмотрѣть то, что ему здѣсь представляется. — „И въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ Авенаріусъ,—я имѣю въ виду эту точку зрѣнія совершенно въ буквальномъ и мѣстномъ смыслѣ: мы находимся, съ одной стороны, по отношенію къ составнымъ частямъ окружающей насъ среды, а съ другой, по отношенію къ человѣческимъ индивидамъ, въ такой же точно мѣстной опредѣленности, въ какой находится путешественникъ по отношенію къ иноземному пейзажу и иноземному населенію; мы совершенно подобны зрителю на рынкѣ или въ театрѣ—по отношенію къ зрѣлищу и публикѣ". (Krit. d r. Erf., I, п. 16, 17).

Опираясь на такимъ образомъ выбранную точку зрѣнія, Авенаріусъ получаетъ возможность установить двѣ основныя эмпиріокритическія предпосылки; первая изъ нихъ относится къ содержанію познанія, а вторая—къ его формѣ.

Предпосылки эти получаютъ у Авенаріуса нижеслѣдующую формулировку:

1) Всякій человѣческій индивидъ первоначально принимаетъ себя противопоставленнымъ окружающей его средѣ съ многораз-

личными составными частями и другими человѣческими индивидами съ ихъ многоразличными высказываніями; все высказанное онъ считаетъ стоящимъ въ какой нибудь зависимости отъ окружающей среды.

Содержаніе всѣхъ философскихъ міровоззрѣній — критическихъ и некритическихъ — представляютъ лишь измѣненія этой первоначальной предпосылки.

Послѣднія слова означаютъ, что до какихъ бы результатовъ ни дошли, напримѣръ, Платонъ, Спиноза, Кантъ, все же результаты эти были достигнуты ими черезъ положеніе этой предпосылки, отъ которой и они тоже исходили въ началѣ своего развитія.

2) Научное познаніе не обладаетъ существенно иными формами и средствами сравнительно съ ненаучнымъ. Всѣ спеціально-научныя формы или средства познанія представляютъ лишь видоизмѣненія доктрины.

Эти послѣднія слова означаютъ, что къ какимъ бы методамъ ни привела, напримѣръ, математика или механика, методы эти должны въ послѣднемъ итогѣ быть сведены къ простымъ и общимъ человѣческимъ функціямъ. („Kritik". Vorwort. S. VII).

Исходя изъ фактическаго, чисто-психологическаго опыта обыденной жизни, основоположенія эти приводятъ къ опыту гносеологическому, ставящему себѣ опредѣленныя цѣли и избирающему опредѣленныя для достиженія ихъ средства. Онъ является, такимъ образомъ, провѣркой понятія опыта и его средствомъ. Разсматриваемая подъ этимъ угломъ, „Критика" является, согласно замѣчанію Петцольдта, „сравнительной психологіей или „философіей исторіи философіи", вскрывающей мотивы всѣхъ до сихъ поръ предъявленныхъ философскихъ высказываній.

Сопоставляя выставленный Авенаріусомъ критическій аппаратъ съ догматическими утвержденіями Конта, мы можемъ увидѣть значительность раздѣляющаго этихъ двухъ мыслителей разстоянія. То, что у Конта является лишь предвосхищеніемъ, у Авенаріуса поднимается до полнаго достиженія. Законченная установленность его могущественной „Критики" требуетъ для своей пріемлемости соотвѣтственнаго подъема умственнаго уровня среды. Многое сдѣлано въ смыслѣ интенсивности этой новой философіи и многое предстоитъ сдѣлать для ея экстенсивности. И если какой-нибудь старецъ ликуетъ теперь о томъ, что „недугъ позитивизма миновалъ", то съ увѣренностью можно сказать, что ему придется вновь погрузиться въ меланхолію при мысли, что зараза эмпиріокритицизма еще только-что начинается.

IV.

Разсмотрѣвъ „законъ трехъ состояній“, мы совершили только часть пути отъ Конта къ Авенаріусу,—для довершенія его намъ предстоитъ пройти еще и остальную часть. Законъ трехъ состояній представляетъ основоначало, опредѣляющее характеръ позитивной системы, какъ цѣлаго, служащій основою контовской организаціи знанія. Организація эта, осуществленная у Конта классификаціей или іерархизаціей наукъ, представляетъ второе основоначало, опредѣляющее расчлененіе позитивной системы и установленіе порядка, связи и послѣдовательности ея частей. Ее и предстоитъ оцѣнить съ эмпиріокритической точки зрѣнія.

Припомнимъ, что контовская классификація наукъ заключается въ расположеніи шести такъ-называемыхъ абстрактныхъ наукъ въ линейный рядъ, части котораго слѣдуютъ въ порядкѣ убывающей сложности и возрастающей общности изучаемыхъ каждою наукою явленій. Рядъ этотъ состоитъ изъ математики, астрономіи, физики, химіи, біологіи и соціологіи; иначе говоря, онъ разсматриваетъ сперва абстрактную идею величины, потомъ,—движенія, затѣмъ,—вещества, далѣе,—жизни и, наконецъ,—общественности. Въ этомъ расчлененіи общей совокупности знанія мы усматриваемъ прежде всего сохраненіе того характера его, который былъ установленъ закономъ трехъ состояній, и цѣнимъ въ этой выдержкѣ принципіальности важное достоинство классификаціи. Никакихъ мнимыхъ наукъ въ ней мы не видимъ, никакого традиціоннаго—метафизическаго или иного бреда въ ней нѣтъ и слѣда,—все въ ней стоитъ на уровнѣ „чистаго опыта“. Но все ли достигшее или долженствующее достигнуть этого уровня ею охвачено? Вотъ вопросъ, на который приходится отвѣтить отрицательно: въ классификаціи нѣтъ науки о познаніи ни въ его общемъ—психологическомъ, ни въ частномъ—гносеологическомъ значеніи,—пробѣлъ, важность котораго невозможно перецѣнить. Лишаясь теоріи познанія, система удерживаетъ свой догматическій характеръ; обогащенная ею,—она падаетъ, такъ какъ присущая ей убыль общности и возрастаніе сложности оказываются нарушенными. Подавляемый этой альтернативой, позитивизмъ развиваться не можетъ, и переходъ его въ эмпиріокритицизмъ становится неизбѣжнымъ.

О позитивной классификаціи наукъ этимъ сказано, однако-же, не все: у классификаціи этой есть еще одна особенность, надъ которой весьма стоитъ остановиться, и которую мы теперь и разсмотримъ. Контовская классификація, какъ мы видѣли, сводится

къ общей совокупности положительнаго знанія; философіи, какъ отдѣльной наукѣ, въ ряду наукъ мѣста не отводится,—вотъ, что я считаю дѣломъ первой важности. Если мы прослѣдимъ за этимъ вопросомъ въ связи съ разсмотрѣніемъ установленія понятія „чистаго опыта“, то найдемъ, что рѣшеніе его Контомъ вполнѣ согласуется съ наиболѣе послѣдовательнымъ рѣшеніемъ его и въ эмпиріокритицизмѣ, хотя и отступающимъ на этотъ разъ отъ рѣшенія, даннаго ему самимъ Авенаріусомъ.

Исходимъ мы, конечно, все-же изъ положеній самого Авенаріуса, а именно: для установленія всякой науки необходимо, чтобы матеріалъ науки представлялся въ формѣ понятій, и чтобы понятія эти непремѣнно заключали въ себѣ опредѣленное содержаніе.

Присмотримся ближе къ этимъ положеніямъ.

Обратимъ прежде всего вниманіе на то, что случайныя и разрозненныя свѣдѣнія, хотя и могутъ заключать въ себѣ познанное нѣчто, но установить науки не могутъ. Запасъ знаній колдуна, считающаго себя обладателемъ тайновѣдѣнія, сложиться въ науку, конечно, не можетъ,—такъ же, какъ и безсодержательныя понятія метафизики: вещь въ себѣ, сущность, субстанція науки образовать не могутъ и восполняютъ свои недочеты продуктами фантазіи. И далѣе, наука не отмѣчаетъ всякаго особеннаго признака каждаго отдѣльнаго предмета, а вырабатываетъ совокупность всеобщихъ и необходимыхъ признаковъ его, составляющихъ научное его понятіе; такимъ образомъ и достигаетъ она научнаго знанія этого предмета. Имѣя въ своемъ распоряженіи рядъ такихъ понятій, наука образовываетъ затѣмъ новые ряды, которые относятся къ первымъ, какъ высшіе къ низшимъ, и, поднимаясь, все выше и выше, стремится къ образованію одного—мыслимо-наивысшаго понятія, которымъ и завершается процессъ установленія науки. Это значитъ, что система понятій—низшихъ и высшихъ—сводится къ единству всеохватывающаго послѣдняго понятія. Единство это имѣетъ, какъ то и очевидно, чисто-формальное значеніе, такъ какъ оно принимается помимо провѣрки исходнаго пункта и не затрогиваетъ вопроса о содержаніи понятій, входящихъ въ систему. Изъ этого видно, какимъ образомъ возможна чисто-формальная, т. е. мнимая наука,—система понятій, образовавшаяся изъ всякихъ данныхъ,—фиктивныхъ въ томъ числѣ.

Но если мнимая наука формируетъ понятія изъ матеріала, провѣркѣ не подвергавшагося, то она не имѣетъ объекта; если въ нее можетъ входить и психопатическій бредъ, и продукты фантазіи, и ошибочныя заключенія о данныхъ окружающей среды, то такая

наука въ послѣднемъ счетѣ сводится къ психологіи индивида, къ калейдоскопу его впечатлѣній, возбужденій, импульсовъ,— настроеній вообще; она никакого иного содержанія въ себѣ не заключаетъ. Сама она можетъ стать матеріаломъ для науки о мнимомъ, которая и поставитъ своею задачею обслѣдованіе произведшаго мнимыя понятія психическаго фактора. Не то —наука, почерпающая свое содержаніе изъ провѣреннаго критикою опыта: при образованіи понятій она не разрываетъ связи со своимъ источникомъ и каждый свой шагъ подвергаетъ обсужденію и повѣркѣ. Она, согласно формулировкѣ Петцольдта, всегда охватываетъ единичное взглядомъ, устремленнымъ на цѣлое, и никогда не оставляетъ представленія цѣлаго безъ связи съ изученіемъ единичнаго. Таково всегда было и таковымъ только и можетъ быть реально-достигнутое мыслимо-наивысшее устойчивое познаніе.

При такой постановкѣ вопроса объ установленіи науки остается еще разслѣдовать, является ли процессъ этого установленія цѣлостнымъ, или въ немъ неизбѣжно долженъ оказаться перерывъ однородности, иначе говоря,—долженъ обозначиться моментъ, когда характеръ процесса необходимо измѣнится и изъ научнаго станетъ философскимъ.

Авенаріусъ, конечно, признаетъ, что опытныя науки противопоставляютъ философіи не съ точки зрѣнія опыта,—общаго ихъ основанія, а лишь постольку, поскольку опытныя науки — науки спеціальныя, а философія—наука всеобщая,—наука, объединяющая понятія, вырабатываемыя отдѣльными дисциплинами, и подводящая ихъ подъ высшее, общее понятіе; поэтому онъ и усматриваетъ въ процессѣ образованія понятій такой моментъ, когда понятія, хотя и не перестаютъ оставаться научными, становятся вмѣстѣ съ тѣмъ философскими, т. е. пріобрѣтаютъ характеръ, бывшій имъ ранѣе чуждымъ. Онъ находитъ, что если всякая спеціальная наука вырабатываетъ только спеціальныя понятія, т. е. тѣ понятія, которыя она можетъ выработать, не выходя изъ круга своей спеціальности, безъ вниманія къ нуждамъ другихъ спеціальныхъ наукъ, то задача выработки общихъ понятій изъ частныхъ понятій двухъ или нѣсколькихъ спеціальныхъ наукъ должна представлять особенности и трудности, чуждыя кругу спеціальныхъ наукъ. Ни одинъ изъ спеціальныхъ методовъ не можетъ оказаться годнымъ самъ по себѣ для преодолѣнія этихъ трудностей; для разрѣшенія задачи потребуется отчасти подвергнуть болѣе строгой логической обработкѣ односторонія спеціальныя понятія, отчасти провѣрить прикладные методы посредствомъ методологическаго анализа и въ

то же время изслѣдовать физіологическую и (въ широкомъ смыслѣ) психологическую сторону вліянія субъекта. Понятно, что общая совокупность частныхъ понятій спеціальныхъ наукъ наложитъ на умственную работу особый отпечатокъ: мышленіе опредѣлится всестороннѣе, станетъ шире, отвлеченнѣе въ отношеніи логическомъ, глубже—въ психологическомъ. Тутъ-то, поэтому, и лежитъ та граница, которую собственно-спеціальное мышленіе не осмѣливается переступать, та область, въ которой инстинктъ спеціалиста безошибочно чуетъ философію, и куда, поэтому, спеціалистъ не вступаетъ, предпочитая предоставить изслѣдованіе ея философу. Спеціалисты и не подымаютъ, впрочемъ, науки до ея заключительныхъ понятій: это дѣло остается принадлежностью умовъ, предрасположенныхъ къ обобщеніямъ.

Петцольдтъ находитъ неправильнымъ такой ходъ разсужденія, указывая, что отдѣльныя науки по свойству своихъ предметовъ неизбѣжно находятся между собой во взаимодѣйствіи. Онѣ и принуждены, поэтому, исправлять одна у другой важныя основныя положенія; такъ, физикѣ и химіи, напримѣръ, приходится вырабатывать соглашеніе относительно понятія атомовъ. Подобная же взаимность существуетъ между геологіей и біологіей, физикой и физіологіей, физіологіей и психологіей; вездѣ проявляются разнообразнѣйшія соотношенія, вездѣ объявляются настоятельныя требованія обоюднаго приспособленія посредствомъ устраненія противорѣчій, помѣхъ, излишествъ; вездѣ — стремленіе къ окончательному устойчивому состоянію,—къ такому состоянію, въ которомъ могло бы найти покой теоретическое мышленіе. Если же мы предоставимъ спеціальнымъ наукамъ не только взаимно совершенствовать ихъ частныя понятія, но возложимъ еще на нихъ выработку и высшихъ понятій ихъ областей изслѣдованія, не признавая такой работы философскою, то почему бы не потребовать отъ нихъ установки и самаго высшаго общаго понятія, какъ увѣнчанія ими же самими воздвигнутаго зданія; зачѣмъ считать нужнымъ относить эту работу, качественно ничѣмъ не отличающуюся отъ предыдущей, къ какому-то особенному, не естественно-научному, а философскому мышленію? Вѣдь допускаетъ же самъ Авенаріусъ, что психологія, находившаяся прежде въ полной зависимости отъ философіи, пріобрѣла въ настоящее время полную самостоятельность, отнявъ у философіи существенную часть ея задачи. Эта часть заключается, однако-же, въ самомъ основномъ ея понятіи,—томъ понятіи, которымъ охватывается все существующее.

Философское мышленіе,—продолжаетъ далѣе Петцольдтъ,—

характеризуется, однако-же, не однимъ тѣмъ, что оно направлено только на общую совокупность существующаго, хотя черта эта,—какъ показалъ Авенаріусъ,—и существенна,—но еще и тѣмъ, что оно стремится отнестись, по возможности, непредубѣжденно къ даннымъ отдѣльнымъ явленіямъ и связываетъ это стремленіе со своимъ взглядомъ на цѣлое. Эта сторона мышленія, какъ справедливо указалъ уже Э. Махъ, и придаетъ воззрѣніямъ собственно философскій характеръ; она присуща всякому великому философу. Философія не принадлежитъ къ числу отдѣльныхъ наукъ: ни по особенности своего содержанія, ни по особливости того общаго понятія, которое могло бы отрознить ее отъ совокупности спеціальныхъ дисциплинъ; она заключается исключительно въ томъ всеохватывающемъ, непредубѣжденномъ мышленіи, которое всѣ отдѣльныя части цѣлаго связываетъ живыми отношеніями и, такимъ образомъ, создаетъ для себя по отношенію къ явленіямъ спокойную обезпеченность. Между истинною наукою и истинною философіею противорѣчія не существуетъ. Для дѣйствительно плодотворной и сознательной работы обѣ должны идти непремѣнно рука объ руку: философъ, наблюдающій за общимъ направленіемъ подвигающейся впередъ работы человѣческой мысли, долженъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ въ спеціальные труды исправлять ихъ; а спеціалистъ не долженъ терять изъ вида общаго направленія для того, чтобы всегда понимать свое положеніе и не намѣчать такихъ „научныхъ“ результатовъ, которые вполнѣ безразличны для цѣлаго и способны только возбуждать у проницательныхъ наблюдателей сожалѣніе о напрасно растраченныхъ силахъ. Спеціалистъ, ничего не вѣдающій о великомъ пути всей вообще науки, подобенъ отдѣльному солдату въ арміи, который, хотя и работаетъ для однѣхъ съ нею цѣлей, но остается въ невѣдѣніи о нихъ, а потому легко можетъ преувеличить значеніе своихъ дѣйствій или преумалить значеніе дѣятельности другихъ; онъ идетъ безсознательно, а потому не свободно; онъ—орудіе развивающагося дѣла; если его не поведутъ другіе, онъ, всего вѣроятнѣе, направится скорѣе по ложному, нежели по вѣрному пути.

При первомъ взглядѣ на разногласіе Авенаріуса и Петцольдта по разсматриваемому вопросу можетъ показаться, что разногласіе это не глубоко, такъ какъ Авенаріусъ, хотя и допускаетъ извѣстное различіе между наукою и философіею, все же признаетъ ихъ единство и утверждаетъ, что наука, которая не была бы философіей, такъ же невозможна, какъ и философія, которая не была бы наукою. Однако же допущеніе раздвоенія

въ ходѣ образованія понятій является скорѣе признакомъ согласованія философіи и науки, нежели реальнаго ихъ единства, съ особенною выразительностью подчеркиваемаго Петцольдтомъ. Если бы разногласіе въ самомъ дѣлѣ не шло глубоко, оно не сказалось бы въ отрицаніи Петцольдтомъ самой возможности научной постановки „понятія міра“,—предмета отдѣльной науки—философіи, трактованной въ сочиненіи Авенаріуса „Der Menschliche Weltbegriff“.

Самъ Авенаріусъ, когда заходила рѣчь о томъ, къ чему, въ концѣ концовъ, можетъ быть сведенъ міръ, какъ цѣлое, обыкновенно цитировалъ извѣстное изрѣченіе Гете: „при изученіи природы должно одинаково заботиться о единичномъ и о цѣломъ; ничего нѣтъ внутренняго, ничего нѣтъ внѣшняго, такъ какъ бывшее внутреннимъ стало уже внѣшнимъ“. Онъ говорилъ также, что „ему неизвѣстно ни физическое, ни психическое, а только третье“. Вотъ это третье и представляетъ собою отвѣтъ на поставленный вопросъ, и если одинъ изъ нѣмецкихъ философовъ (Бауманнъ) и счелъ умѣстнымъ язвительно замѣтить, что „понятіе этого третьяго Авенаріусъ не установилъ“, то это показываетъ только, что философъ не уловилъ мысли Авенаріуса, и болѣе ничего. Да, онъ не установилъ этого понятія, и не установилъ по той простой причинѣ, что установить его невозможно за отсутствіемъ противоположнаго. Петцольдтъ и приходитъ, поэтому, къ утвержденію, что спрашивать о томъ, что такое міръ, какъ цѣлое, нелогично. Міръ, дѣйствительность, все, данное — не понятія, а названія. Понятія міра нѣтъ и никогда не было: оно немыслимо. Не существуетъ, поэтому, никакой міровой загадки или міровой проблемы, или какъ бы тамъ онѣ не обозначались. Объ этой проблемѣ стоитъ столько же заботиться, какъ о квадратурѣ круга. (Цитир. соч., стр. 305 и 328).

Слѣдуя за Петцольдтомъ нельзя не придти къ тому окончательному заключенію, что философія, переставъ быть отдѣльной наукой, устранила тѣмъ самымъ и этотъ громаднаго значенія примыселъ; она окончательно слилась съ наукою. Такою философіею должны мы представлять себѣ философію эмпиріокритическую. Она—наука, она—философія, она—научная философія: назовите ее, какъ хотите. „Good alone is good without a name“. И затѣмъ, нѣтъ никакой надобности спрашивать объ особомъ предметѣ философіи, особомъ ея методѣ, о спеціально ею выработанныхъ положеніяхъ, а также и о пограничной чертѣ, отдѣляющей ее отъ науки. Если Авенаріусъ допускалъ существованіе этой черты, то, вѣдь, онъ для обозначенія ея не указалъ ника-

кихъ опредѣленныхъ признаковъ и сдѣлалъ всѣ поиски этой черты безполезными. Наука вовсе не представляетъ преддверія святилища, именуемаго философіей, и тотъ, кто поддается искушенію этою мыслью, попадаетъ въ положеніе, аналогичное съ положеніемъ поклонника Аммонъ-Ра: онъ становится лицомъ къ лицу съ тайною—съ закрытымъ ковчежцемъ; но вотъ, гіерофантъ открываетъ ковчежецъ, и оказывается, что онъ пустъ. Тогда только и становится ясно, что поиски были направлены не въ ту сторону, что разгадка не лежитъ скрытою гдѣ-то, какъ кладъ, что поразившая насъ пустота того объекта, въ которомъ мы мечтали найти ее, указываетъ, что не тутъ, а въ полнотѣ окружающаго насъ міра должны мы искать основанія для нашихъ высказываній. Эти послѣднія, которыя, будучи эмпирическими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критическими, приведутъ насъ прямымъ путемъ на мыслимо-наивысшую ступень познанія,—единственную опору и единственное основаніе нашей дѣятельности.

Экономика.

Возникновение и развитіе соціальной экономіи въ XIX в.

Шарля Жида. *)

Меня пригласили говорить сегодня о соціальной экономіи, не опредѣливъ точнѣе предмета моей рѣчи. Я смущенъ оказанной мнѣ честью и подчиняюсь сдѣланному приглашенію. Но область соціальной экономіи чрезвычайно велика; мѣняя каждый годъ предметъ своихъ курсовъ въ этой области, я далеко не могу обнять ее въ теченіе пятилѣтнихъ чтеній. Поэтому я удовольствуюсь въ этотъ вечеръ бесѣдой о томъ, что такое соціальная экономія, что отличаетъ ее отъ политической экономіи, и какъ эта новая наука слагалась постепенно въ XIX в.—и только во Франціи. Васъ, какъ любознательныхъ иностранцевъ, не можетъ не заинтересовать эта отдѣльная глава изъ исторіи идей въ нашей странѣ.

Соціальная экономія не то же самое, что политическая экономія. Это—двѣ науки, старшая и младшая сестры, часто враждующія между собою. Я разскажу вамъ вкратцѣ исторію обѣихъ этихъ наукъ, какъ онѣ ссорились и даже бранились, и какъ, выросши и поумнѣвъ, онѣ стремятся теперь къ примиренію и дружелюбному раздѣлу той обширной области, въ которой каждой изъ нихъ остается довольно мѣста.

Долгое время, и именно въ теченіе всей первой половины XIX в., названіе „политическая экономія“ было единственно-употребительнымъ. Но это названіе не нравилось правительству, такъ какъ слово „политика“ не сулило ему ничего хорошаго; я говорю только о Франціи и ея прошломъ, когда администрація требовала включенія въ уставы всѣхъ обществъ условія, ставшаго стереотипнымъ и состоявшаго не въ чемъ иномъ, какъ въ изгнаніи изъ дѣятельности этихъ обществъ политики. Между тѣмъ, въ своемъ этимологическомъ значеніи, это слово, въ соединеніи со словомъ

---

*) Рѣчь, произнесенная въ день возобновленія занятій въ Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ 15 ноября 1903 года.

„экономія“, было совершенно безобидно: оно не означало ничего другого, какъ экономія города-государства (πόλις=городъ-государство). Но администрація не обязана знать греческій языкъ, и наука, называвшаяся „политической“, казалась ей разрушающей „основы“. Поэтому и Наполеонъ ненавидѣлъ „экономистовъ“, и смѣнившее его правительство Реставраціи любило ихъ столь же мало. Когда въ 1819 г. рѣшили создать каѳедру для знаменитаго экономиста Ж. Б. Сэ, то политическая экономія была окрещена въ *„Промышленную экономію“*. Какъ хороша должна быть память, оставляемая по себѣ правительствомъ, которое находитъ себя вынужденнымъ приставлять наукѣ фальшивый носъ Будемъ надѣяться, что такой смѣшной маскарадъ невозможенъ болѣе ни при какомъ правительствѣ!

Но названіе „промышленная экономія“ было, очевидно, неудовлетворительно; вскорѣ входитъ въ употребленіе терминъ *„соціальная экономія“*, имѣющій одинаковое значеніе съ терминомъ *„политическая экономія“*. Единственное этимологическое различіе состоитъ здѣсь въ томъ, что первое изъ прилагательныхъ этихъ терминовъ взято изъ латинскаго, а второе — изъ греческаго языка.

Но если выраженія „соціальная экономія“ было достаточно для того, чтобы успокоить правительство, то оно же начало безпокоить экономистовъ. Дѣйствительно, слово „соціальный“ имѣло очевидное родство съ „соціализмомъ“, который какъ разъ въ это время сталъ привлекать къ себѣ общее вниманіе, и мы читаемъ, напр., въ классическомъ „Словарѣ политической экономіи“, вышедшемъ въ 1854 г., слѣдующую филиппику, написанную Коклэномъ: „Въ послѣдніе годы стали такъ злоупотреблять словомъ „соціальный“, покрывать имъ столько сумасбродныхъ фантазій, столько анти-соціальныхъ и анти-человѣческихъ теорій, что необходимо отказаться на долго отъ употребленія этого слова въ серьезныхъ научныхъ работахъ“. Въ томъ же „Словарѣ“ Коклэнъ писалъ: „Говорить теперь о соціализмѣ—значитъ произносить ему надгробное слово“.

Если бы споръ шелъ только о словахъ, то я не останавливался бы на немъ. За словеснымъ споромъ скрывался внутренній антагонизмъ между политической экономіей, какъ догматической наукой, изучающей законы богатства, и соціальной экономіей, какъ практической наукой, ставящей себѣ цѣлью осуществленіе возможно-лучшихъ условій человѣческой жизни. Поэтому не прекращающееся отчасти и теперь недружелюбное отношеніе политической экономіи къ соціальной можно объяснить тѣмъ, что по-

слѣдняя выступила съ самаго начала, какъ соперница первой, противопоставивъ ея наукѣ о богатствѣ свою науку о „соціальномъ мирѣ и счастливой жизни". Въ этомъ именно видѣ ее представилъ своимъ современникамъ Ле Плэ (Le Play), знаменитый организаторъ всемірной выставки 1867 г., въ своемъ журналѣ „Réforme sociale". Надо замѣтить, что не только старая политическая экономія третировала свою младшую сестру, соціальную экономію, но и эта послѣдняя, въ свою очередь, нападала на политическую экономію. Она также называла ее мертвой и утверждала, что ей не остается ничего больше, какъ закрыть лавочку.

Этотъ антагонизмъ обострялся еще болѣе оптимизмомъ французскихъ экономистовъ той эпохи,—оптимизмомъ, который характеризовалъ, впрочемъ, всегда французскую школу, экономистовъ начиная отъ физіократовъ (опять греческое слово означающее, царство природы, или такъ-наз. „естественный порядокъ", исключающій всѣ искусственныя учрежденія и всякое регулированіе государственными законами) и кончая П. Леруа Больё, такъ настаивавшимъ въ своей книгѣ о „Распредѣленіи богатствъ" на тенденціи ко все уменьшающемуся неравенству въ этомъ распредѣленіи. Своего кульминаціоннаго пункта этотъ оптимизмъ достигаетъ, несомнѣнно, около середины XIX в. въ сочиненіи Бастіà, озаглавленномъ „Экономическія гармоніи" (Les Harmonies Economiques"), и въ книгѣ о „Свободѣ труда" (La liberté du travail) Dunoyer. Бастіà говоритъ, напр., слѣд.: „Соціалисты, вы видите спасеніе въ ассоціаціи? Я заклинаю васъ сказать, по прочтеніи этой книги, не представляетъ-ли собой современное общество, предполагая его свободнымъ, самой прекрасной, самой полной, самой постоянной, самой всеобщей и самой справедливой изъ всѣхъ ассоціацій?"

Но я не хочу сказать, чтобы оптимизмъ былъ самъ по себѣ зломъ, и, во всякомъ случаѣ, я не позволилъ бы себѣ такого святотатственнаго сужденія передъ г. Мечниковымъ, авторомъ „Опыта оптимистической философіи". Я думаю, напротивъ, что извѣстная доза оптимизма необходима для всякой плодотворной дѣятельности, и этотъ истинный оптимизмъ есть именно тотъ, который борется за установленіе гармоніи тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Но оптимизмъ Бастіа былъ не тѣмъ оптимизмомъ, который видитъ зло и ищетъ средствъ его излѣченія: его оптимизмъ не видѣлъ зла и не думалъ объ его искорененіи. Это — оптимизмъ тѣхъ, кто готовъ сказать, вмѣстѣ съ физіократами: „миръ идетъ самъ собою, и общественныя учрежденія подобны побѣгамъ, выходящимъ изъ дерева" (Мерсіе де ла Ривіеръ).

На дѣлѣ такой оптимизмъ слѣдовало бы называть пессимизмомъ и худшимъ изъ всѣхъ видовъ пессимизма, такъ какъ онъ убиваетъ всякую дѣятельность.

Сошлюсь на одинъ примѣръ.

Положеніе дѣтей, работавшихъ на фабрикахъ въ первую половину XIX в., было вопіющимъ позоромъ для человѣчества.

Можетъ быть, со времени царя Ирода не происходило никогда подобнаго „избіенія младенцевъ", и надо удивляться, какъ противъ него не поднялось крика негодованія во всей Европѣ! И что же? Благодаря усиліямъ нѣсколькихъ благородныхъ людей: лорда Шефтсбери въ Англіи, Долфюса во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ, удалось добиться закона 1833 г. въ Англіи и закона 1841 г. во Франціи, ограничившихъ, наконецъ, дѣтскій трудъ на фабрикахъ. Но это ограниченіе было еще настолько недостаточно, что спустя 20 лѣтъ Жюль Симонъ могъ написать книгу, одно заглавіе которой стоило всего содержанія: „Рабочій 8-ми лѣтъ"!

Что-же говорили по этому поводу экономисты? Мнѣніе Dunoyer сводилось къ слѣдующему: единственно-вѣрное средство защиты дѣтей состоитъ въ воздержаніи отъ ихъ рожденія. Бастіа не занимался въ своихъ „Гармоніяхъ" регламентаціей дѣтскаго труда, но онъ упоминалъ мимоходомъ о призрѣніи покинутыхъ дѣтей, и вотъ какъ онъ оцѣнивалъ это призрѣніе. „Мы имѣемъ въ настоящее время цѣлый бюджетъ и цѣлую администрацію для содержанія дѣтей, оставляемыхъ ихъ родителями. Вотъ, напр., крестьянинъ, женившійся поздно для избѣжанія бремени большой семьи и обязанный, тѣмъ не менѣе, кормить чужихъ дѣтей!... Его заставляютъ платить за воспитаніе незаконнорожденныхъ!"

И замѣтьте, что ни Бастіа, ни Dunoyer не были злыми людьми; все дѣло въ пагубномъ вліяніи доктрины или, скорѣе, догмы,—такъ какъ никакая наука не сушитъ сердца!

То же, что о регламентаціи дѣтскаго труда, можно сказать и о всякой помощи, даже о всякомъ учрежденіи, имѣющемъ въ виду оказаніе помощи. Профессіональные союзы, коопераціи, участіе въ прибыляхъ предпріятія, все это—иллюзіи! Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ журналѣ „Economiste francais" печаталась цѣлая серія статей подъ слѣдующими заглавіями: „Синдикальныя иллюзіи", „Кооперативныя иллюзіи", „Этатистскія иллюзіи", „Иллюзіи участія въ прибыляхъ", и т. п. въ этомъ родѣ. И что-же предлагалось здѣсь вмѣсто этихъ иллюзій? Не что другое, какъ сбереженія, а если бы заработная плата стояла слишкомъ низко

для того, чтобы изъ нея можно было дѣлать какія-либо сбереженія, то ограниченіе числа дѣтей!

Это входитъ цѣликомъ въ традицію французскихъ экономистовъ и въ традицію физіократовъ, которые тоже думали, что роль государства состоитъ въ отреченіи отъ всякаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь. Вотъ разсказъ о бесѣдѣ одного изъ этихъ физіократовъ, Мерсіе де ла Ривіеръ, съ вашей великой императрицей, Екатериной, призвавшей его къ своему двору для составленія проекта конституціи. „Можете-ли вы указать мнѣ лучшіе способы управленія государствомъ?“ — спрашиваетъ императрица.—„Я знаю только одинъ, сударыня: это—поддержаніе порядка и примѣненіе законовъ“, отвѣчаетъ М. де ла Ривіеръ. „Но на чемъ должны быть основаны законы въ моей имперіи?“— „Только на природѣ человѣка и на природѣ вещей“.—„Это само собою разумѣется, но чтобы дать законы какому-нибудь народу, надо еще знать, какіе изъ нихъ подойдутъ къ нему лучше другихъ“.— „Сударыня, давать законы, это такая задача, которой Богъ не довѣрилъ никому“. — „Въ чемъ вы видите въ такомъ случаѣ искусство управленія?“. — „Въ изученіи, познаніи и примѣненіи тѣхъ законовъ, которые явно вписаны Богомъ въ самую природу созданнаго имъ человѣка. Искать законы за этими предѣлами было бы большимъ несчастьемъ и опаснымъ предпріятіемъ.“— „Я очень довольна тѣмъ, что васъ выслушала, и желаю вамъ добраго дня.“—Правда, этотъ разсказъ принадлежитъ Вольтеру, который не любилъ физіократовъ и представилъ ихъ, можетъ быть, въ каррикатурѣ. Но что за дѣло, если каррикатура удачна и воспроизводитъ оригиналъ. Это же напоминаетъ того манчестерскаго фабриканта, который распустилъ послѣ какого-то механическаго изобрѣтенія всѣхъ своихъ рабочихъ и на вопросъ, что онъ будетъ дальше дѣлать, отвѣчалъ: „я положусь на естественные законы“.

Противъ этихъ-то доктринъ или, скорѣе, душевныхъ состояній,—такъ какъ въ нихъ не было ничего научнаго,—и возстала соціальная экономія, утверждая свое право на положеніе отличной отъ нихъ дисциплины. Ея появленіе означало то, что я называлъ въ другомъ мѣстѣ великимъ таяніемъ политической души,—таяніемъ, которое заставляетъ себя ждать, но неизбѣжно наступаетъ подъ вліяніемъ болѣе теплаго воздуха. Соціальная экономія не вѣритъ въ *естественный порядокъ справедливости*, такъ какъ справедливость, независимость, свобода—не даны природой, а отвоеваны у нея и противъ нея; природѣ нѣтъ до всего этого никакого дѣла уже потому, что она аморальна.

Соціальная экономія опирается на двойное утвержденіе: во-первыхъ, существующій міръ является въ ея глазахъ далеко не лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; во-вторыхъ, этотъ же міръ представляется ей способнымъ къ улучшеніямъ и преобразованіямъ путемъ нашей воли и соотвѣтствующихъ учрежденій, которыя надо создать.

Она отличается не только своимъ методомъ, но и своей цѣлью: эта послѣдняя не ограничена исканіемъ истины или того, что есть, но направлена на идеалъ, т. е. на то, что должно быть, и на возможное, т. е. на то, что можетъ быть, равно какъ и на средства возможнаго приближенія къ идеалу. Вмѣсто спроса и предложенія, она стремится ввести въ экономическую жизнь новое понятіе справедливости, и поэтому ее называютъ иногда *альтруистической* политической экономіей. Нравственные мотивы имѣютъ для нея преобладающее значеніе, и если даже ей приходится обращаться къ вѣсамъ спроса и предложенія, то она бросаетъ на одну изъ чашекъ этихъ вѣсовъ не мечъ, какъ это сдѣлалъ нѣкогда Бреннъ, а немного любви. Вотъ почему соціальная экономія является одновременно наукой нравственной и политической,—духовной дочерью Сисмонди и Вилларме.

Къ ней примкнули, прежде всего, сами экономисты, не раздѣлявшіе господствовавшаго оптимизма: такихъ было немного, но они все-же были. Затѣмъ, экономисты вошли въ наши юридическіе факультеты, благодаря декрету 1880 г., создавшему при этихъ факультетахъ каѳедру политической экономіи. Надо еще замѣтить, что этотъ декретъ и вызванъ былъ, главнымъ образомъ, стараніями либеральныхъ экономистовъ, не подозрѣвавшихъ того удара, который онъ имъ наносилъ. Они думали распространить своимъ преподаваніемъ доктрину классической политической экономіи, но ошиблись въ своихъ научныхъ надеждахъ. Это нетрудно было и предвидѣть, такъ какъ профессора юридическихъ факультетовъ не могли относиться неблагопріятно къ началу государственнаго вмѣшательства. Въ это же время, т. е. въ 1880 г., былъ основанъ и журналъ „Revue d' Economie politique“, сдѣлавшійся органомъ новаго направленія.

Наконецъ, соціальная экономія встрѣтила неожиданно сочувствіе и въ кругахъ, исповѣдующихъ чисто-христіанское ученіе—какъ католическое, такъ и протестантское. Я говорю о неожиданности этого сочувствія потому, что оптимизмъ Бастіа основывался на вѣрѣ въ Провидѣніе, которымъ все направляется къ высшему благу человѣчества. И дѣйствительно, имя Бога упоминается часто въ сочиненіяхъ Бастіа, такъ что его „Экономическія

гармоніи“ могли бы, пожалуй, называться „Гармоніями Провидѣнія“. Но религія Бастіà была родомъ теизма, вовсе не согласованнаго съ христіанскимъ ученіемъ. Это послѣднее совсѣмъ не расположено повторять припѣвъ Бастіà о лучшемъ изъ міровъ: оно учитъ, напротивъ, что существующій міръ полонъ горестей, вслѣдствіе паденія человѣка и его грѣха, и что нѣтъ ни одного человѣка, какъ говоритъ ап. Павелъ, который дѣлалъ бы добро. Оно далеко и отъ вѣры въ то, чтобы существующее общество было способно исправиться само собою, утверждая, что для спасенія человѣка понадобилось чудо, искупленіе, и что будущаго общества, или „царства Божія“, можно достигнуть не слѣдуя своей природѣ, а напротивъ, борясь съ нею. „Если человѣкъ не переродится, онъ не войдетъ въ царство Божіе“.

Поэтому нельзя удивляться, если лица, принадлежащія къ духовенству и различнымъ религіознымъ ассоціаціямъ, очень склонны поддерживать такія учрежденія, какъ коопераціи, профессіональныя ассоціаціи, регламентація труда, преобразованія частной собственности на землю и т. д. То, что называютъ христіанскимъ соціализмомъ, есть не что иное, какъ примѣненіе соціальной экономіи, и послѣдователи этой школы намѣренно избѣгаютъ слова „политическая экономія“, предпочитая выраженіе „соціальная экономія“.

Но соціальная экономія не привлекла въ свои ряды революціоннаго соціализма или марксизма, и я боюсь, какъ бы она не вызвала нѣкотораго недовѣрія и среди васъ. Революціонный соціализмъ возстаетъ противъ нея потому, что соціальныя реформы кажутся ему палліативами, неспособными искоренить то зло, противъ котораго онѣ выступаютъ. Правда, соціалисты одобряютъ нѣкоторыя изъ этихъ реформъ, какъ, напр., профессіональныя ассоціаціи, такъ какъ организація и мобилизація рабочихъ силъ можетъ только содѣйствовать ихъ торжеству; они одобряютъ теперь и регламентацію труда, такъ какъ она даетъ рабочимъ необходимый досугъ для чтенія журналовъ и газетъ, посѣщенія различныхъ собраній и заботъ о своихъ классовыхъ интересахъ; вызываютъ сочувствіе ихъ и другія учрежденія, улучшающія условія труда, такъ какъ успѣшная революція можетъ быть произведена только сильными и сытыми, а не умирающими отъ голода рабочими. Но соціалисты осуждаютъ производительныя ассоціаціи, общества взаимной помощи, ссудо-сберегательныя товарищества, созданіе мелкой крестьянской собственности и т. д., такъ какъ всѣ эти учрежденія ведутъ, по ихъ мнѣнію, къ образованію изъ извѣстнаго числа лучше другихъ оплачиваемыхъ

рабочихъ особой категоріей мелкихъ капиталистовъ и мелкихъ собственниковъ, способныхъ ослабить борьбу классовъ и отсрочить наступленіе соціальнаго переворота.

Я боюсь, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тенденціей къ догматизму,—аналогичной той, которая была отмѣчена уже у экономистовъ; и это неудивительно, если вспомнить, что К. Марксъ былъ ученикомъ А. Смита и Рикардо.

Подобно тому, какъ экономисты, вѣря въ конкурренцію и свободу, считаютъ безполезнымъ и даже опаснымъ стѣснять осуществленіе той и другой какими бы то ни было законами и учрежденіями, такъ и соціалисты-марксисты, вѣря въ полное исчезновеніе мелкой собственности и въ концентрацію всѣхъ богатствъ, осуждаютъ все, что имъ кажется способнымъ затруднить дѣйствіе этого мнимаго закона. Обращаясь къ свидѣтельству фактовъ, мы видимъ, напротивъ, что рабочіе чувствуютъ себя счастливѣе въ условіяхъ автономнаго производства,—все равно, носитъ-ли оно индивидуальный, или коллективный характеръ,—нежели въ условіяхъ саларіата, т. е. наемнаго труда,—точно такъ же, какъ и земледѣлецъ чувствуетъ себя счастливѣе, когда онъ самъ владѣетъ обрабатываемой имъ землей, нежели въ томъ случаѣ, когда онъ ее только арендуетъ. И мы не признаемъ за собою права удерживать первыхъ въ узахъ наемнаго труда и послѣдняго — въ условіяхъ арендпаго хозяйства, подъ предлогомъ лучшей подготовки общаго освобожденія.

Наконецъ, если нѣкоторые опасаются того, что соціальныя реформы помѣшаютъ общему соціальному перевороту, то опасенія эти неосновательны. Мы твердо вѣримъ и надѣемся, что соціальныя реформы могутъ помѣшать революціи только въ томъ случаѣ, если эта послѣдняя не необходима; но если революція необходима, то соціальныя реформы не только не замедлятъ, а напротивъ, приблизятъ ея наступленіе. Думать, что эти реформы, дѣлая сноснымъ тотъ порядокъ вещей, который онѣ хотятъ, какъ будто, разрушить, укрѣпляютъ тѣмъ самымъ этотъ порядокъ и носятъ, поэтому, консервативный характеръ, значитъ впадать въ большое заблужденіе, вызванное и раздѣляемое, правда, нѣкоторыми изъ самихъ апостоловъ этихъ реформъ. Опытъ показываетъ, что ни одно изъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью поднять положеніе рабочаго класса, обезпечить за нимъ высшій заработокъ, доставить ему лучшія жилища, лучшее образованіе и больше досуга, освободить его отъ пьянства, долговъ и матеріальной нужды, словомъ,—сдѣлать его болѣе здоровымъ и сильнымъ,—что ни одно изъ этихъ учрежденій не замедляетъ, а напротивъ, ускоряетъ осуществленіе за-

конныхъ требованій рабочаго класса. Все это только облагораживаетъ требованія рабочаго класса, сообщаетъ имъ больше опредѣленности, дѣлаетъ возможнымъ избѣжаніе насильственныхъ и безполезныхъ столкновеній и позволяетъ обоимъ заинтересованнымъ классамъ, даже въ случаѣ открытой войны, бороться болѣе человѣчнымъ оружіемъ.

* * *

Соціальная экономія дала уже великолѣпные плоды: рабочее законодательство съ его регламентаціей труда, различными видами страхованія рабочихъ и безчисленными ассоціаціями, въ которыхъ группируется теперь болѣе 20 милліоновъ рабочихъ. Если сравнить этотъ результатъ съ тѣмъ, что представляла собою въ этомъ отношеніи наша страна въ началѣ XIX в., — когда не существовало ничего, кромѣ небольшого числа профессіональныхъ ассоціацій и братствъ, служившихъ, главнымъ образомъ, цѣлямъ взаимной помощи, затѣмъ—весьма ограниченнаго числа обществъ той же взаимной помощи, въ ихъ современной формѣ, кое-какихъ больницъ и богадѣленъ, въ большинствѣ случаевъ—очень жалкихъ, кое-какихъ ломбардовъ и, наконецъ, нѣсколькихъ старинныхъ формъ сельскихъ ассоціацій,—то мы увидимъ, что соціальное усиліе и соціальная работа, совершенныя въ теченіе минувшаго столѣтія, по истинѣ громадны.

Можетъ быть, полученные результаты, насколько они касаются улучшенія судьбы народа, и не вполнѣ соотвѣтствуютъ потраченному на нихъ усилію. Но усиліе само по себѣ имѣетъ большую цѣну, и если, какъ утверждалъ Кантъ, „въ мірѣ есть только одно абсолютно-хорошее, это—добрая воля“, то воздадимъ XIX в., по крайней мѣрѣ, ту честь, что онъ былъ вѣкомъ добрыхъ усилій. Однако и имѣющіеся уже результаты, далеко не такъ ничтожны, какъ это стараются представить противники соціальной экономіи. Если же англійскій натуралистъ А. Уоллэсъ (Alfred Wollace) говоритъ, что „по сравненію съ удивительными успѣхами физическихъ наукъ и ихъ практическихъ примѣненій, всѣ наши системы правительства, суда и народнаго воспитанія, вся наша соціальная и нравственная организація — находятся въ состояніи варварства“, то я считаю себя въ правѣ не подписываться подъ этимъ, слишкомъ строгимъ, приговоромъ, насколько онъ распространяется, по крайней мѣрѣ, на соціальную организацію. Соціальная наука можетъ также выставить картину славныхъ побѣдъ, одержанныхъ ею въ борьбѣ съ соціальнымъ зломъ на различныхъ этапахъ своего стремленія къ счастью

человѣка, и въ этой борьбѣ она можетъ указать на три содѣйствующихъ ей фактора, которые выступаютъ въ то же время и тремя большими экспонентами группы соціальной экономіи на всемірныхъ выставкахъ. Этими факторами являются: свободная ассоціація, „патронатъ“, государство.

Но не забываемъ-ли мы еще одного и, можетъ быть, важнѣйшаго фактора, — *индивидуальной иниціативы*, выдвинутой на первый планъ Л. Сэ (Léon Say) въ его статьѣ о выставкѣ 1889 г.? Нѣтъ, мы не забываемъ этого фактора, такъ какъ онъ находится вездѣ и поэтому уже не можетъ претендовать на особое мѣсто. Онъ на лицо во всякой ассоціаціи, такъ какъ въ мірѣ нѣтъ ни одной ассоціаціи, которая не была бы обязана своимъ возникновеніемъ дѣятельности и вѣрѣ въ нее одного или нѣсколькихъ индивидовъ, и которая могла бы существовать и преуспѣвать иначе, какъ благодаря преданности и постоянству одного или многихъ изъ ея членовъ. Онъ присутствуетъ также въ „патронатѣ“, такъ какъ этотъ послѣдній предполагаетъ еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ ассоціація, личное вмѣшательство: нѣтъ ни одного патрональнаго или благотворительнаго учрежденія, которое не было бы чьимъ - либо дѣломъ, и которое не могло бы носить имени какого-нибудь лица. Мы находимъ индивидуальную иниціативу, хотя и въ менѣе замѣтной формѣ, даже въ государственномъ вмѣшательствѣ, такъ какъ всякое дѣйствіе государственной власти, всякая законодательная мѣра исходитъ всегда отъ личной иниціативы. Единственная особенность заключается здѣсь въ томъ, что „индивидъ“ выступаетъ, какъ депутатъ, какъ членъ муниципальнаго совѣта, министръ, государь или начальникъ какого-нибудь управленія. Вѣрнымъ же остается то, что каждое публичное учрежденіе, каждый законъ можетъ носить имя того или другого лица, его предложившаго. И мы, дѣйствительно, знаемъ такіе законы: законъ Росселя о дѣтяхъ, отдаваемыхъ кормилицамъ, законъ Сигфрида о рабочихъ жилищахъ, законъ Беранже объ отсрочкѣ наказанія, законъ Вальдека-Руссо о профессіональныхъ синдикатахъ, законъ Рива объ обязательномъ посредничествѣ въ Новой Зеландіи, актъ Роберта Пиля объ организаціи Англійскаго Банка и т. д.

Но соціальную экономію характеризуетъ то, что индивидуальная иниціатива не имѣетъ для нея дѣйствительнаго значенія иначе, какъ въ одной изъ указанныхъ выше формъ. Конечно, всякій можетъ улучшить свое положеніе и своими собственными средствами, напр.,—сбереженіемъ; но въ этомъ случаѣ результаты дѣятельности будутъ чисто-индивидуальными, какъ индивидуальна

и сама эта дѣятельность: объ ея общемъ значеніи не можетъ быть рѣчи. Для того, чтобы сбереженіе стало дѣйствительно способомъ „соціальнаго“ улучшенія, оно должно принять форму кассы взаимной помощи—патрональной, муниципальной или государственной.

Послѣ сказаннаго было-бы важно узнать, въ какой изъ трехъ указанныхъ формъ соціальная дѣятельность находитъ свое *преимущественное* выраженіе: сравнительное значеніе роли каждой изъ этихъ формъ налагаетъ свою печать на соціальную физіономію цѣлой эпохи. Начнемъ съ ассоціаціи.

Она изобрѣтена, конечно, не въ XIX в. Во всѣ времена люди собирались для того, чтобы работать, вселиться, поклоняться, воздавать другимъ людямъ посмертныя почести и т. д. Но было бы большимъ заблужденіемъ думать, что прежде, и именно въ средніе вѣка, ассоціаціи были распространены болѣе, чѣмъ въ наше время, и что XIX в. особенно характеризуется упадкомъ духа ассоціаціи и исключительнымъ развитіемъ индивидуализма. Формы ассоціацій нашего прошлаго были весьма ограниченны: профессіональныя ассоціаціи и религіозныя братства, часто смѣшивавшіяся, вдобавокъ, другъ съ другомъ,—вотъ и все, что мы находимъ въ этомъ прошломъ, тогда какъ теперь ассоціаціи считаются милліонами. Правда, прежняя ассоціація исполняла весьма многообразныя функціи. С. Веббъ показываетъ, что средневѣковая гильдія соединяла въ себѣ одновременно права и обязанности современныхъ трэдъ-юніоновъ, обществъ взаимной помощи, патрональныхъ синдикатовъ, фабричной инспекціи, благотворительной помощи, школьнаго управленія и контроля надъ мѣрами и вѣсами. Теперь ассоціація слѣдуетъ закону раздѣленія труда, и если прежде единая ассоціація захватывала всего человѣка, то въ наше время тысячи ассоціацій берутъ, каждая въ отдѣльности, только одну сторону нашей личности и только отдѣльные моменты нашей жизни. Это — счастливая перемѣна, очень выгодная для свободы, такъ какъ иначе ассоціація не могла бы достигать своихъ настоящихъ цѣлей, которыя состоятъ въ служеніи человѣку, а не въ пользованіи имъ для себя,—въ умноженіи его силъ, а не въ ихъ поглощеніи. Множество видовъ дѣятельности, которыхъ прежде нельзя было и представить себѣ иначе, какъ изолированными—напр., сбереженіе, милостыня, покупка, продажа, — осуществляются теперь путемъ ассоціаціи: люди соединяются вмѣстѣ для того, чтобы сберегать, благотворить, покупать, продавать. Даже такія дѣйствія, которыя запечатлѣны, какъ будто, по существу характе-

ромъ индивидуализма, завися цѣликомъ отъ совѣсти каждаго,— напр., воздержаніе отъ употребленія спиртныхъ напитковъ, табаку, мяса, птичьихъ перьевъ на шляпахъ и т. д.,—даже дѣйствія, имѣющія въ виду регулировать внутренній распорядокъ жизни, напр., соблюденіе цѣломудрія, отказъ отъ чтенія тѣхъ или другихъ книгъ, воспитаніе дѣтей въ томъ или другомъ направленіи и т. д.,— все это кажется теперь неосуществимымъ иначе, какъ черезъ созданіе различныхъ лигъ: лиги трезвости, лиги вегетаріанцевъ, лиги Голубого Креста или Бѣлой Звѣзды. Въ Соединенныхъ Штатахъ даже есть лига „противъ поцѣлуевъ", внушенная, впрочемъ, не пуризмомъ, а страхомъ микробъ. Въ Англіи существуютъ страхованія — это также формы ассоціаціи — противъ самыхъ странныхъ рисковъ; напр., для супруговъ — противъ рожденія близнецовъ, для дѣвицъ—противъ безбрачія, для поставщиковъ— противъ смерти короля или королевы.

Разнообразіе формъ ассоціацій теперь таково, что оно должно поражать всѣхъ, кто умѣетъ видѣть. Это — столь же богатая флора, какъ и та, которую изучаетъ ботаникъ, и открытія здѣсь не менѣе привлекательны и не менѣе неожиданны. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы въ жизни этихъ ассоціацій нельзя было подмѣтить закономѣрности. Напротивъ, эти ассоціаціи могутъ быть подраздѣлены на семейства, каждое изъ которыхъ будетъ отличаться своими характерными особенностями. Однѣ изъ нихъ отличаются блескомъ, другія—скромными добродѣтелями, если не излѣчивающими, то усыпляющими страданіе.

Можно подмѣтить и область распространенія ассоціацій по округамъ и болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ свои излюбленныя мѣста; есть и центры, которые легко найти, несмотря на разнообразіе формъ, обусловленное окружающей средой. Если, напр., кооперативная молочная оставалась въ теченіе столѣтій, какъ альпійскій цвѣтокъ, на высокихъ плоскогоріяхъ, то она же спустилась потомъ въ равнины и удивительно распространилась въ Даніи, Бельгіи и Ирландіи. Если всѣ кооперативныя потребительныя общества имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ святую родину Рошдаля, то зерно ихъ оплодотворяетъ теперь весь міръ — вплоть до Индіи и Австраліи. Область распространенія другихъ ассоціацій менѣе обширна. Если ссудосберегательныя и строительныя общества (building and loan societies) давно перешли границы своего родного города — Филадельфіи, прозваннаго, благодаря имъ, City of Homes, то, въ общемъ, они мало распространились за предѣлами Соединенныхъ Штатовъ. Производительныя ассоціаціи, въ своей самостоятельной

формѣ, не имѣли собственно успѣха за предѣлами Франціи, а ассоціацію „braccianti“ мы находимъ только въ Италіи. Винодѣльныя ассоціаціи замкнуты въ нѣсколькихъ боковыхъ долинахъ Рейна и весьма далеки отъ распространенія на всѣ мѣстности, гдѣ созрѣваетъ виноградъ.

Различныя формы ассоціаціи не всегда живутъ въ мирѣ между собою. Каждая изъ нихъ, повинуясь своему инстинкту,— такъ же присущему учрежденіямъ, какъ и живымъ существамъ,— стремится расширить свою область, захватывая области другихъ. Она претендуетъ на функціи сосѣднихъ ассоціацій, какъ на свои собственныя. Профессіональные синдикаты хотятъ заниматься взаимной помощью, земледѣльческіе синдикаты — кредитомъ, общества взаимной помощи—дѣломъ потребительныхъ ассоціацій, а эти послѣднія стремятся поглотить производительныя ассоціаціи. Даже каждая изъ трехъ формъ рабочей ассоціаціи-- профессіональная, потребительная и ассоціація взаимной помощи--считаетъ себя основнымъ типомъ, отъ котораго должны зависѣть всѣ другія ассоціаціи; каждая изъ нихъ, при полномъ развитіи своихъ функцій, полагаетъ, будто она представляетъ основныя черты будущаго соціальнаго строя, и каждая, вдохновляясь какимъ-то особымъ имперіализмомъ, старается присоединить къ себѣ всѣ территоріи соціальной экономіи. Все это образуетъ весьма живой и обширный міръ, который я не могу изобразить лучше, какъ ознакомивъ васъ съ итогами одной изъ таблицъ, выставленныхъ нашимъ Управленіемъ Труда (Office du travail) въ секціи соціальной экономіи всемірной выставки 1900 г. Эта таблица, составленная Спиромъ (Spire), давала статистику ассоціацій всѣхъ видовъ, существованіе которыхъ было удостовѣрено въ 1900 г., и я лишь нѣсколько измѣню группировку этой таблицы—для того, чтобы она была короче и нагляднѣе.

1. Профессіональныя ассоціаціи . . . . . (Эта группа обнимаетъ собою въ особенности профессіональные синдикаты, въ числѣ 6.235, но она заключаетъ въ себѣ также нѣсколько болѣе тысячи земледѣльческихъ, торговыхъ, морскихъ, колоніальныхъ и другихъ ассоціацій, не подходящихъ подъ законодательное опредѣленіе профессіональнаго синдиката).	7246
2. Ассоціаціи взаимной помощи	11232
3. Кооперативныя ассоціаціи	1918

4.	Школьныя ассоціаціи	2468
5.	Благотворительныя ассоціаціи	990
6.	Ассоціаціи для самообразованія, обученія ремесламъ, попечительства, ученыя общества и т. д.	2203
7.	Ассоціаціи для разныхъ видовъ спорта и игръ	7480
8.	Ассоціаціи музыкальныя, пѣвческія . . .	6453
9.	Клубы	3677
10.	Различныя ассоціаціи (военныя, земляческія и не получившія опредѣленія) . . .	1481
	Итого	45148

Если предположить въ каждой ассоціаціи 100 человѣкъ,— что должно быть ниже дѣйствительности, такъ какъ существуютъ ассоціаціи, — кооперативныя, профессіональныя, альпинистскія и другія, — считающія своихъ членовъ тысячами, — то мы получимъ цифру въ 45,000,000 французовъ, участвующихъ въ той или другой ассоціаціи. Есть, конечно, страны, какъ, напр., Бельгія, Англія, Германія, гдѣ духъ ассоціацій развитъ гораздо болѣе и, слѣдовательно, число ихъ значительнѣе, чѣмъ во Франціи; но и приведенная цифра не дурна для страны, въ которой до вчерашняго дня, т. е. до закона 1-го іюля 1901 г., всякая ассоціація была *незаконна*.

Нужно еще замѣтить, что приведенныя выше оффиціальныя цифры несомнѣнно ниже дѣйствительности—и, можетъ быть, на половину,—такъ какъ онѣ не обнимаютъ собою ни политическихъ и религіозныхъ ассоціацій, ни тѣхъ, которыя остались неизвѣстными администраціи. Дѣйствительное число благотворительныхъ, кооперативныхъ, школьныхъ и другихъ ассоціацій превышаетъ, во всякомъ случаѣ, и превышаетъ значительно, цифры оффиціальной статистики. Кромѣ того, въ послѣдніе три года это число на много возрасло: такъ, теперь насчитываютъ, вмѣсто указанныхъ выше 2408,—8580 школьныхъ и послѣ-школьныхъ ассоціацій и вмѣсто 1918—около 5000 кооперативныхъ обществъ.

Вѣроятно, и даже навѣрное, это ассоціаціонное движеніе будетъ расти во Франціи, такъ какъ оно вошло теперь составной частью даже въ наше первоначальное образованіе. 550,000 дѣтей,— т. е. цѣлая треть нашего школьнаго населенія, получающаго „свѣтское“ образованіе,—учится съ дѣтства взаимной помощи въ ассоціаціяхъ, основанныхъ Кабé, и болѣе 14,000 послѣ-школьныхъ

ассоціацій, свѣтскихъ и католическихъ попечительствъ—поддерживаетъ подростковъ отъ 13 до 18 лѣтъ на томъ пути, который приведетъ ихъ позднѣе въ общества взаимной помощи и въ кооперативныя и профессіональныя ассоціаціи

Переходя теперь къ другому фактору соціальной экономіи, мы должны сказать, что *законодательная дѣятельность* не уступала въ теченіе XIX в. дѣятельности ассоціацій. Правда, еще недавно думали,—и это было даже *credo* либеральной политической экономіи,—что личная инниціатива не можетъ не быть слабой тамъ, гдѣ сильно государственное вмѣшательство, и наоборотъ. И какъ часто еще въ наши дни либеральные экономисты обрушиваются на лѣнность индивидовъ, говоря: берегитесь, если вы будете бездѣйствовать, то вмѣшается государство. Это безпокойство напрасно! Когда индивидъ дѣлаетъ немного, государство дѣлаетъ еще меньше; тамъ же, гдѣ личная инниціатива активна и предпріимчива, усиливается и государственная дѣятельность. Опытъ показалъ, что между этими двумя соціальными факторами нѣтъ никакого антагонизма. Они расцвѣтаютъ вмѣстѣ и такъ же вмѣстѣ прозябаютъ. Ихъ дѣйствіе параллельно. Нигдѣ свободная ассоціація въ своей тройной формѣ — трэдъюніоновъ, кооперативныхъ ассоціацій и обществъ взаимной помощи—не развивалась съ такой полнотой, какъ въ Англіи, и нигдѣ также вступленіе законодательства въ соціальную область не было такъ дѣятельно и такъ непрерывно. Англія открываетъ соціальное законодательство XIX стол. закономъ 1802 г. объ ограниченіи дѣтскаго труда на фабрикахъ, и даже Леонъ Сэ признаетъ ея выдающуюся роль въ развитіи этого законодательства, замѣчая съ грустью въ своемъ отчетѣ о всемірной выставкѣ 1889 г.: „Англія уже не защищается отъ государственнаго соціализма,—она сдается“. Напротивъ, нигдѣ этатизмъ не выступалъ съ такой специальной рѣзкостью, какъ въ Германіи, и тѣмъ не менѣе онъ вовсе не изсушилъ источниковъ ни народнаго, ни частнаго богатства; онъ не задерживалъ нимало и того замѣчательнаго подъема духа ассоціаціи, который кажется врожденнымъ германской расѣ и который вызвалъ къ жизни, въ одной лишь группѣ коопераціи, более 20,000 ассоціацій.

Нѣтъ сомнѣнія, что значеніе и государственнаго фактора соціальной экономіи постоянно растетъ и будетъ расти. И если въ области соціальныхъ явленій возможны какія-нибудь вѣрныя предсказанія, то къ нимъ надо отнести то, которое считаетъ, что практика всеобщаго голосованія дастъ возможность проникать въ муниципальныя и законодательныя собранія всѣхъ странъ все боль-

шему и бо́льшему числу рабочихъ представителей, что эти рабочіе представители, будучи сегодня меньшинствомъ, завтра составятъ, можетъ быть, и большинство, которое будетъ все сильнѣе и сильнѣе давить на государственную власть и проведетъ, въ концѣ концовъ, всѣ свои „рабочіе законы", т. е. законы, необходимые для интересовъ рабочаго класса. Этому можно не сочувствовать или сочувствовать, но это естественно, и было бы удивительно, если бы этого не случилось.

Сверхъ того, по логикѣ вещей свободная ассоціація, по мѣрѣ своего распространенія и утвержденія всеобщаго сознанія въ ея настоятельной необходимости, стремится перейти въ учрежденіе съ функціями публичнаго права: общества взаимной помощи — въ государственное страхованіе или въ государственныя пенсіонныя кассы; кооперативныя ассоціаціи — въ муниципальныя предпріятія по поставкѣ воды, газа, электричества, по городской перевозкѣ и даже постройкѣ домовъ для рабочихъ; благотворительныя учрежденія для доставленія труда или спасенія дѣтей — въ муниципальныя же или государственныя земледѣльческія колоніи, рабочіе дома, „reformatories schools", профессіональныя ассоціаціи—въ „совѣты труда" (conseils du travail), сообщающіе въ большей или меньшей степени законодательную силу внутреннимъ распорядкамъ синдикатовъ. И, беря тотъ же вопросъ съ другого конца, мы можемъ сказать, что опять по логикѣ вещей, формы дѣятельности государства и муниципалитетовъ, съ одной стороны, и свободной ассоціаціи, съ другой, — стремятся къ сліянію, по мѣрѣ того, какъ эти учрежденія приближаются другъ къ другу по своему внутреннему строю, т. е. по мѣрѣ того, какъ государства и муниципалитеты, проникаясь демократическимъ принципомъ, признаютъ своими единственными законами тѣ, которые они свободно даютъ себѣ сами. Классическое возраженіе противъ государственнаго вмѣшательства, указывающее на его *принудительность*, теряетъ значительно въ своей силѣ, когда эту законную принудительность составляетъ рѣшеніе большинства или, нѣкоторымъ образомъ, законодательство общественнаго мнѣнія. Развѣ рѣшеніе большинства не есть законъ и для всякой ассоціаціи, какъ бы свободна она ни была? Конечно, осторожность требуетъ не предоставлять вездѣ личность на произволъ рѣшеній большинства, — именно того большинства, которое, по часто оправдывающемуся выраженію Ибсена, „никогда не право". И тѣмъ не менѣе было бы еще большей тираніей отдавать большинство на произволъ ретрограднаго меньшинства. Между тѣмъ, какъ ни парадоксальны могутъ показаться мои слова, къ этому

именно результату часто приводитъ свободная конкурренція. Соціальныя реформы, на которыя соглашается большинство, и соглашается потому, что находитъ въ нихъ свой интересъ,— таковы, напр., сокращеніе рабочаго дня, закрытіе магазиновъ въ воскресные дни и т. д.,—могутъ быть остановлены въ своемъ осуществленіи недобросовѣстностью нѣсколькихъ упрямцевъ.

Законодательная дѣятельность государства прогрессируетъ не только количественно, но и качественно. Если она отстаетъ еще во многихъ случаяхъ отъ двухъ остальныхъ факторовъ соціальной экономіи, то упрекъ, обращенный къ ней Шейсономъ (Cheysson), въ его отчетѣ о выставкѣ 1889 г., становится все-таки менѣе и менѣе заслуженнымъ. „Къ несчастью,—писалъ Шейсонъ,— государство является монотоннымъ уравнителемъ, располагающимъ только грубыми въ своей простотѣ... и не всегда подходящими средствами“. Теперь довольно просмотрѣть любое собраніе рабочихъ законовъ, чтобы убѣдиться, насколько государственное вмѣшательство стало изобрѣтательно, многообразно, обильно разнородными рѣшеніями, и насколько оно старается примѣняться къ каждому отдѣльному случаю.

Третій факторъ, который мы называемъ *патронатомъ*, не идетъ въ ногу съ двумя другими: напротивъ, онъ все болѣе и болѣе отстаетъ, и это можно констатировать на исторіи всемірныхъ выставокъ. На выставкѣ 1867 г.,—гдѣ соціальная экономія выступила въ первый разъ и была, такъ сказать, окрещена этимъ именемъ, въ его спеціальномъ значеніи, организаторомъ выставки Ле Плэ,—списокъ учрежденій, представленныхъ къ конкурсу на награды, заключалъ въ себѣ только патрональныя учрежденія. Это даже настолько компрометировало соціальную экономію, что она едва не была исключена изъ выставки 1878 г. подъ предлогомъ „повторенія другихъ элементовъ этой выставки и подчеркиванія общественныхъ различій, несовмѣстимыхъ съ современными нравами и республиканскимъ режимомъ“; ей пришлось фигурировать здѣсь почти incognito. Но выставки 1889 и 1900 гг. были торжествомъ соціальной экономіи, и на первой изъ нихъ патрональныя учрежденія составляли особую группу, занимавшую почетное мѣсто: ей было присуждено въ три раза больше наградъ, чѣмъ остальнымъ 15-ти группамъ, и это было справедливо, такъ какъ она превосходила богатствомъ выставленныхъ предметовъ всѣ другія группы и занимала третью часть всего отведеннаго для соціальной экономіи помѣщенія. Шейсонъ въ своемъ отчетѣ объ этой секціи выставки приписывалъ „патронату“ самую

большую роль въ дѣлѣ учрежденій соціальной экономіи, хотя и признавалъ, что „его одного недостаточно для этой задачи".

Въ 1900 г. не было уже особой группы патрональныхъ учрежденій: они были размѣщены, смотря по ихъ предметамъ, по различнымъ группамъ. Но, хотя и затерянныя въ массѣ другихъ учрежденій, они занимали и здѣсь очень видное мѣсто, такъ что если бы мы сравнили по каталогамъ экспонентовъ и спискамъ наградъ имена патроновъ и большихъ ассоціацій, то нѣтъ сомнѣнія, что первымъ принадлежало бы первое мѣсто. Это нетрудно и объяснить: патроны или предприниматели вообще склонны выставлять и поставлены въ лучшія условія, чтобы хорошо выставлять. Но выдающемуся положенію этихъ учрежденій въ предѣлахъ выставки уже не соотвѣтствуетъ ихъ значеніе въ дѣйствительной жизни.

Надо, тѣмъ не менѣе, воздать патрональнымъ учрежденіямъ ту честь, что они во многихъ случаяхъ шли впереди и служили примѣромъ для двухъ другихъ факторовъ соціальной экономіи. Благородныя слова, произнесенныя три четверти вѣка тому назадъ Дольфюсомъ:—„долгъ фабриканта передъ его рабочими не исчерпывается заработной платой" — произвели большую жатву патрональныхъ учрежденій. Въ настоящее время эти учрежденія играютъ еще значительную роль и служатъ почти единственнымъ источникомъ соціальной экономіи въ странахъ съ только-что возникающей промышленной жизнью, какъ, напр., въ Россіи. Но тамъ, гдѣ экономическое воспитаніе достаточно подвинулось впередъ, патрональныя учрежденія оттиснуты на задній планъ, и какъ бы съ двухъ сторонъ сразу: снизу—развитіемъ рабочихъ ассоціацій, удовлетворяющихъ нуждамъ рабочаго класса своими собственными средствами; сверху—вмѣшательствомъ государства, становящагося на мѣсто предпринимателей во имя публичнаго интереса. Съ одной стороны, экономаты и дома для рабочихъ, созданные большими предпринимателями для ихъ рабочаго персонала, стушевываются передъ кооперативными магазинами и кооперативными обществами для построекъ; съ другой стороны, патрональныя кассы для сбереженій, пенсій и страхованій вытѣсняются государственными сберегательными и пенсіонными кассами и обязательнымъ страхованіемъ. Больницы, состоящія въ Россіи при большихъ фабрикахъ, замѣняются государственными и муниципальными больницами. Мѣры обезпеченія безопасности и здоровья на фабрикахъ теряютъ свой добровольный характеръ и становятся принудительными. Регламентація фабрикъ подчиняется законодательному контролю, и все, что касается отноше-

ній между хозяевами и рабочими, также все болѣе и болѣе подпадаетъ регламентаціи оффиціальныхъ „совѣтовъ труда“.„ Добрый патронъ“ — уже не хозяинъ у себя, и его власть настолько же ограничена, какъ и власть античнаго *pater familias*. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напр., въ Швейцаріи, фабрика не можетъ быть открыта иначе, какъ съ правительственнаго разрѣшенія (законъ 2-го марта 1877 г.). Такимъ образомъ, фабрика становится учрежденіемъ публичнаго характера, а патронъ — чѣмъ то, въ родѣ должностного лица.

То же превращеніе мы наблюдаемъ и за предѣлами промышленнаго міра — въ области благотворительнаго „патроната“. Помощь посредствомъ доставленія работы безработнымъ, помѣщеніе рабочихъ, ищущихъ жилища, раздача бѣднымъ земельныхъ участковъ, безвозмездныя ссуды нуждающимся,—всѣ эти „добрыя дѣла“, въ которыя облекалась прежде и облекается отчасти и теперь религіозная и свѣтская благотворительность, исполняются въ настоящее время либо общественной благотворительностью, либо ассоціаціями, профессіональными и взаимной помощи.

Кромѣ того, патрональныя учрежденія подвергаются жестокимъ нападкамъ со стороны различныхъ соціальныхъ школъ, принадлежащихъ какъ къ лѣвой, такъ и къ правой: соціалисты борятся съ ними потому, что видятъ въ нихъ милостыню, подаваемую эксплуататорами; либеральные экономисты отвергаютъ ихъ, въ свою очередь, потому, что эти учрежденія представляются имъ преградами для свободныхъ проявленій спроса и предложенія.

„Освожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“ — такова формула, постоянно повторяемая. Но въ этой формулѣ есть доля заблужденія. Исторія учитъ насъ, что освобожденіе угнетенныхъ было лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ „ихъ дѣломъ“; почти всегда и, можетъ быть, даже всегда, оно было дѣломъ классовъ, стоявшихъ выше въ соціальномъ отношеніи. Не войны Спартака, не смерть Джона Брауна уничтожили античное рабство, средневѣковое крѣпостничество и рабство негровъ въ Америкѣ. Если „права женщины“ получатъ когда-нибудь полное признаніе, то заслуга въ этомъ дѣлѣ будетъ принадлежать въ значительной мѣрѣ мущинамъ-феминистамъ, и если рабочій классъ добьется, наконецъ, установленія той соціальной республики, къ которой онъ стремится, то весьма вѣроятно, что онъ будетъ обязанъ этимъ сотрудничеству — сознательному или безсознательному — буржуазіи, а не тѣхъ только „интеллигентовъ“, о которыхъ теперь говорятъ.

Съ другой стороны, трудно допустить, чтобы управленіе людьми и предпріятіями могло когда нибудь утратить свое экономическое значеніе. Напротивъ, это значеніе будетъ все болѣе и болѣе расти — по мѣрѣ того, какъ переходъ индивидуальныхъ предпріятій въ коллективныя сдѣлаетъ необходимымъ соединеніе все бо́льшихъ и бо́льшихъ массъ людей. Развитіе ассоціаціи и государства предполагаетъ также все растущее значеніе руководящихъ людей.

Поэтому я не думаю, чтобы этотъ третій факторъ соціальной эволюціи былъ наканунѣ своего исчезновенія. Но онъ долженъ облечься въ новыя формы.

Что касается „патроната" въ собственномъ смыслѣ этого слова, то онъ долженъ все болѣе и болѣе замыкаться въ предѣлы фабрики и не выходить изъ нихъ для распространенія своего вліянія и установленія хотя бы тѣни опеки надъ частной, политической или религіозной жизнью рабочаго. Онъ будетъ устраивать все менѣе и менѣе жилищъ для рабочихъ, магазиновъ, клубовъ, сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассъ. Онъ будетъ представляться все менѣе и менѣе отеческимъ. Онъ начнетъ относиться къ фабрикѣ все менѣе и менѣе — какъ къ своему дому, и все болѣе и болѣе—какъ къ „учрежденію общественной пользы", налагающему извѣстныя обязанности и предоставляющему извѣстный почетъ. Ему останется еще играть превосходную роль внутри фабрики,—во всемъ, что касается профессіональной жизни рабочаго; здѣсь онъ можетъ стараться доставить своимъ рабочимъ то, что „Лига соціальныхъ службъ" (League for social service) въ Нью-Іоркѣ называетъ *„industrial betterment"*, т. е. безопасность, чистоту, комфортъ, просторныя, красивыя, свѣтлыя и теплыя залы для работы, залы для отдыха и чтенія, залы для ѣды во время отдыха съ необходимыми приспособленіями и печами для нагрѣванія пищи (что такъ важно особенно для женщинъ и дѣвицъ), переднія со смѣннымъ, въ случаѣ надобности, платьемъ для работы, бани и души,— словомъ, все, что можетъ сдѣлать физическій трудъ, если не привлекательнымъ, какъ объ этомъ мечталъ Фурье, то, по крайней мѣрѣ, равнымъ по достоинству умственному труду, — все, что можетъ поднять трудъ рабочаго на степень „либеральной профессіи", во всемъ этимологически прекрасномъ значеніи этого выраженія.

Что касается филантропическаго „патроната", то онъ лишится своихъ особыхъ и одностороннихъ формъ и смѣшается съ другими видами соціальной дѣятельности: — ассоціаціей и государ-

ственнымъ вмѣшательствомъ, такъ что при поверхностномъ наблюденіи этотъ „патронатъ“ можетъ показаться даже исчезнувшимъ.

Вступающіе въ общества взаимной помощи часто думаютъ, что они отстоятъ на тысячи верстъ отъ всякаго „патроната“. Имъ не слѣдовало бы, однако, забывать, что эти общества могутъ существовать только благодаря взносамъ ихъ почетныхъ членовъ, что составляетъ уже одну изъ наиболѣе очерченныхъ формъ „патроната“. Кромѣ того, не взирая на принципъ теоретической взаимности, болѣетъ всегда одинъ и тотъ же контингентъ членовъ общества, какъ и здоровымъ остается всегда другой контингентъ. Всякое вмѣшательство государства, въ формѣ выдаваемаго этимъ обществамъ пособія, носитъ такъ же несомнѣнно характеръ „патроната“, и этотъ характеръ выступаетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе, вслѣдствіе развитія прогрессивнаго и дегрессивнаго налоговъ, пособія, выдаваемыя бѣднымъ, берутся изъ кармановъ богатыхъ.

Слово „патронатъ“ непопулярно теперь потому, что оно какъ будто, освящаетъ соціальныя неравенства, и еще потому, что оно носитъ религіозную и благотворительную окраску, раздражающую подозрительную демократію. Оставимъ, если угодно, слово, но будемъ надѣяться, что его содержаніе, т. е. помощь, оказываемая сильнымъ слабому, не исчезнетъ. Мы видимъ „патронатъ“ даже въ братскихъ отношеніяхъ, когда, наприм., встрѣчаемся со старшимъ братомъ, сознающимъ свои обязанности въ отношеніи къ младшимъ членамъ семьи. Мы видимъ его и въ обществахъ взаимной помощи, когда производимыя ими выдачи и услуги оказываются не вполнѣ взаимными. Строгое равенство здѣсь неосуществимымъ, да и нежелательно, если бы оно было даже осуществимо. Стремиться къ устраненнію всякой тѣни „патроната“ значитъ сводить всѣ отношенія между людьми къ чисто-экономическому обмѣну, къ принципу *do ut des* или еще дальше—ко времени Каина, старшаго брата, отвѣтившаго Богу: „Развѣ я сторожъ брата своего?“ Идеалъ соціальной экономіи, конечно, не таковъ.

* * *

Прежде чѣмъ кончить, я не хотѣлъ бы оставлять у васъ впечатлѣнія, будто я отвергаю политическую экономію и считаю ея роль оконченной. Напротивъ, я думаю, что теперь именно наступило время, когда политическая экономія и соціальная экономія должны признать другъ за другомъ право на самостоятельное существованіе, раздѣлить между собою свою обширную

область и жить, какъ добрыя сестры, каждая въ отмежеванной ей сферѣ, придя къ сознанію, что ихъ дѣятельность будетъ тѣмъ болѣе успѣшной, чѣмъ лучше каждая изъ нихъ укрѣпится за своей межой.

Предметъ политической экономіи—*„homo oeconomicus“*, т. е. человѣкъ, оторванный силой абстракціи отъ всѣхъ другихъ чувствъ, кромѣ чувства личнаго интереса, и послушный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ исключительно этому единственному или, вѣрнѣе, двойному мотиву: стремленію къ удовольствію и избѣжанію страданія; это то, что называютъ *эгоизмомъ* и что видятъ въ стремленіи каждаго доставить себѣ возможно больше наслажденія цѣной возможно-меньшаго страданія и усилія. Политическая экономія изучаетъ такого человѣка при помощи или психологическаго метода, состоящаго въ изслѣдованіи тѣхъ дѣйствій, которыя вытекаютъ изъ конфликта двухъ противоположныхъ принциповъ—исканія удовольствія и избѣжанія страданія, — или математическаго метода, разсматривающаго человѣка, какъ механизмъ, двигаемый исключительно одной силой и подчиненный только этой силѣ, на подобіе билліарднаго шара, приводимаго въ движеніе кіемъ; отсюда переходятъ обыкновенно ко многимъ, по предположенію—тождественнымъ между собою индивидамъ, соединяютъ ихъ въ группы и изучаютъ отношенія, которыя должны необходимо возникнуть при этомъ подобно тому, какъ возникаютъ движенія сталкивающихся на билліардѣ шаровъ. Это и есть *чистая* политическая экономія,—прекрасная наука, основанная во Франціи Курно, культивированная потомъ Вальрасомъ, но обоими—безъ большаго успѣха: Курно умеръ неизвѣстнымъ, а Вальрасъ переселился въ Лозанну и считался всѣми швейцарцемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что *„homo oeconomicus“* не существуетъ въ дѣйствительности: это—не артистъ, не воинъ, не свѣтскій человѣкъ и даже не эгоистъ, такъ какъ и этотъ послѣдній подчиняется въ жизни дѣйствію не одного личнаго интереса; это—чистая абстракція, подобная геометрическимъ окружностямъ, плоскостямъ, прямымъ и т. д., такъ же мало существующимъ въ природѣ, какъ и *„homo oeconomicus“*. Но эта абстракція вполнѣ законна: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, она необходима для научнаго построенія, какъ способъ упрощенія предмета, подлежащаго изученію. Геометрію опредѣляли остроумно, какъ искусство разсужденія на основаніи вымышленныхъ фигуръ; политическую экономію можно также опредѣлять, какъ искусство разсужденія на основаніи фиктивнаго человѣка.

Что же дѣлаетъ теперь соціальная экономія съ этимъ „*homo oeconomicus*", съ этимъ абстрактнымъ человѣкомъ или скелетомъ человѣка? Она возвращаетъ ему мускулы, тѣло, кровь,—словомъ, все, что у него было отнято абстракціей; она возрождаетъ его въ полнаго, реальнаго и живого человѣка, возстановляя также всѣ двигающія имъ силы, и не только жизнь и стремленіе къ личному счастью, но и альтруизмъ, и стремленіе къ чести, справедливости и т. д. Затѣмъ, она изучаетъ отношенія, устанавливающіяся между этими дѣйствительно существующими, а не абстрактными людьми. Конечно, эти отношенія несравненно менѣе просты, чѣмъ отношенія, разсматриваемыя политической экономіей, такъ какъ дѣйствительный человѣкъ представляетъ собою существо, въ высшей степени сложное, и отношенія между дѣйствительными людьми должны быть безконечно разнообразны и трудно предвидимы. Поэтому соціальной экономіи можно даже отказывать въ имени науки и называть ее скорѣе искусствомъ,—„искусствомъ соціальнаго мира и счастливой жизни" (Le Play).

Она спускается съ высотъ абстракціи въ реальную жизнь и ея повседневныя потребности; она изучаетъ, по преимуществу, *волевыя,* договорныя и основанныя на законѣ отношенія, въ которыя люди вступаютъ другъ съ другомъ для того, чтобы обезпечить за собою болѣе сносную жизнь, болѣе вѣрное будущее и лучшую справедливость, чѣмъ та, которая имѣетъ своей единственной эмблемой вѣсы купца. Она не довѣряется свободной игрѣ естественныхъ законовъ для обезпеченія счастья человѣка, какъ не довѣряется и внушеніямъ одной преданности и неопредѣленной филантропіи, но вѣритъ въ необходимость и осуществимость желанной, сознательной и раціональной организаціи. Словомъ, она отвѣчаетъ достаточно точно опредѣленію, данному ей президентомъ нашей Республики, въ его рѣчи по поводу открытія выставки 1900 г.,—опредѣленію, которое видитъ въ соціальной экономіи „усовершенствованіе искусства жизни въ обществѣ".

Одинъ изъ вашихъ выдающихся профессоровъ, Э. де Роберти, выражается въ своей послѣдней книгѣ (Le nouveau programme de sociologie) слѣдующимъ образомъ: „Выйдя изъ своей спекулятивной (т. е. чисто умозрительной) фазы—исканія истины, соціальная мысль вступаетъ въ фазу активную. Она обращается теперь къ практической истинѣ, т. е. къ толкованію или переводу на полезныя дѣйствія истинъ перваго порядка, которыя мы называемъ, по противоположенію, *безкорыстными истинами,* предчувствуемыми или устанавливаемыми наукой".

Мы можемъ сказать, другими словами, что политическая экономія есть наука *созерцательная*, а соціальная экономія—наука *дѣятельная*. Я уподоблялъ ту и другую въ началѣ моей лекціи двумъ сестрамъ; эти двѣ сестры—евангельскія Мареа и Марія: Марія сидитъ у ногъ Спасителя и внемлетъ его божественному слову; Мареа—занята домашнимъ хозяйствомъ. Правда, Іисусъ относится къ Мартѣ нѣсколько сурово, порицая ея заботливость. Но выбора между тѣмъ и другимъ дѣломъ нельзя избѣжать, и Марія избрала себѣ лучшую долю. Можетъ быть, я не преклоняюсь такъ передъ политической экономіей потому, что признаю, если угодно, ея превосходство и считаю, что истина есть единственно-необходимая вещь въ мірѣ.

Боюсь, однако, чтобы вы не увлеклись исключительно Маріей: славяне склонны, кажется, болѣе къ созерцанію, чѣмъ къ дѣйствію, и я замѣчалъ у русскихъ студентокъ и студентовъ большое пристрастіе къ абстракціямъ, начиная, хотя бы, съ абстракцій К. Маркса. Однако де-Вогюэ, знающій такъ хорошо Россію и сдѣлавшій, вмѣстѣ съ А. Леруа Болье, больше, чѣмъ кто-нибудь, для ознакомленія съ нею Франціи, замѣтилъ—и его словамъ удивительно посчастливилось,—что русскіе романисты проникнуты „религіей страданія человѣка". Но соціальная экономія, въ извѣстномъ смыслѣ, есть тоже наука о страданіи человѣка, и я хотѣлъ бы, чтобы сегодняшняя лекція могла заставить васъ полюбить эту науку и послужить ей, въ мѣру силъ каждаго. Сдѣлать это тѣмъ легче, что правительства не вооружаются обыкновенно противъ соціальной дѣятельности, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и самое бо́льшее, если они ставятъ ей нѣкоторыя преграды или стараются ее контролировать. Часто же они ищутъ въ рабочемъ классѣ поддержки и видятъ въ немъ средство обузданія передовой и, въ большинствѣ случаевъ, безпокойной и шумливой буржуазіи. Теперь даже всѣ государства, какъ самодержавныя, такъ и демократическія, считаютъ для себя вопросомъ чести соперничать другъ съ другомъ въ дѣлѣ соціальной экономіи, и если бы они захотѣли уклониться отъ этой обязанности, то имъ помѣшали бы періодически устраиваемыя международныя торжества. На всемірной выставкѣ 1900 г. русская секція соціальной экономіи, на ряду съ нѣмецкой секціей, была одной изъ самыхъ блестящихъ, и, въ составленномъ мною по порученію правительства отчетѣ по соціальной экономіи, я воздалъ русской секціи эту вполнѣ заслуженную ею дань признанія. Тѣмъ не менѣе, эта секція состояла почти исключи-

тельно изъ правительственныхъ и патрональныхъ учрежденій, среди которыхъ комитеты трезвости и кредитныя учрежденія занимали наиболѣе видное мѣсто. Но учрежденіямъ соціальной экономіи присуща, какъ мы это видѣли, тенденція къ расширенію и выходу за предѣлы намѣреній ихъ учредителей: такъ, напр., кредитные банки превращаются въ средство борьбы противъ ростовщичества и мало по малу—противъ всего капиталистическаго строя; комитеты трезвости служатъ теперь борьбѣ противъ всѣхъ золъ, подтачивающихъ жизнь рабочаго класса. Вступите и вы въ эту борьбу, и она дастъ вамъ превосходное оружіе для мирнаго прогресса. Безъ сомнѣнія, правительства стараются руководить этой борьбой, но это имъ не удается; и, вы увидите, учрежденія соціальной экономіи постепенно преобразуютъ Россію лучше, чѣмъ это могли бы сдѣлать какія бы то ни было фабрики или желѣзныя дороги. Они значительно приблизятъ день, когда вашъ великій народъ станетъ, наконецъ, и счастливымъ, и свободнымъ народомъ.

Методы научнаго анализа въ обществовѣдѣніи.

Ренэ Вормса.

А. Статистика.

I Опредѣленіе статистики и ея историческое развитіе. II Пріемы статистики. III. Цѣнность статистики и ея границы.

I.

Во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ современнаго Запада установились сами собою за послѣднее время различные способы изученія соціальныхъ фактовъ,—способы, которые составляютъ только разновидности наблюденія; ограничивая предметъ наблюденія, они придаютъ ему тѣмъ самымъ бо́льшую точность и приводятъ къ болѣе вѣрнымъ результатамъ. Статистика—самый старый изъ этихъ пріемовъ изученія; съ нея мы и начнемъ.

При своемъ возникновеніи, статистика была способомъ изслѣдованія, которымъ пользовались исключительно правительства; да и теперь ее, главнымъ образомъ, примѣняютъ правительственныя учрежденія. Сперва къ статистикѣ прибѣгали для опредѣленія числа подданныхъ, и уже въ Библіи, въ Книгѣ Числъ, мы находимъ слѣды подобнаго рода переписи народонаселенія. Во времена римской имперіи, а можетъ быть, и въ эпоху франкскихъ монархій, такія переписи повторялись; съ конца же среднихъ вѣковъ онѣ, несомнѣнно, производимлись не разъ, по приказамъ королей отдѣльныхъ государствъ. Во Франціи пріобрѣла особенную извѣстность перепись очаговъ 1328 года. Но переписи населенія получили нѣкоторое научное значеніе лишь съ XVIII-го столѣтія, хотя и въ это время считали возможнымъ довольствоваться только приблизительной оцѣнкой населенія, котораго не могли точно переписать. Съ XVIII-го же столѣтія статистика примѣняется и для болѣе широкихъ цѣлей, т. е. не только для опредѣленія численности населенія, но и для подсчета продовольственныхъ

средствъ—напр., земледѣльческихъ продуктовъ,—для опредѣленія размѣра королевскихъ доходовъ и наличнаго состава войска. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цѣли, преслѣдуемыя статистикой, были не научныя, а практическія: задача состояла только въ томъ, чтобы ознакомить короля и его министровъ съ находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, почему получаемыя свѣдѣнія не печатались и не сообщались публикѣ. Эти свѣдѣнія составляли отрасль государственнаго управленія, входили въ искусство управленія государствомъ, откуда и названіе statistica—отъ слова status, государство.

Въ XIX-омъ столѣтіи пользованіе статистическими данными приняло болѣе широкіе размѣры. Методъ подсчета стали примѣнять къ цѣлому ряду новыхъ явленій; возникла судебная статистика, статистика торговли,—развившаяся въ значительной степени, по крайней мѣрѣ, въ области внѣшней торговлѣ, въ зависимости отъ таможенъ,—статистика промышленная, колоніальная, публичныхъ работъ, народнаго просвѣщенія и культовъ, статистика смертности. На ряду съ государствомъ, подобнаго рода изслѣдованія производятъ и города, какъ, напримѣръ, Парижъ, и частныя лица, учрежающія для этой цѣли ученыя общества; такія статистическія общества имѣются теперь въ большинствѣ столичныхъ городовъ, а въ Парижѣ существуетъ еще Интернаціональный Статистическій Институтъ *). Въ печати появляются изслѣдованія, предпринимаемыя этими разнообразными статистическими учрежденіями, и они становятся, такимъ образомъ, достояніемъ большой публики; для болѣе широкаго распространенія добываемыхъ результатовъ основаны спеціальныя каѳедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но хотя въ наши дни статистика располагаетъ уже значительнымъ числомъ цѣнныхъ работъ, мы все-таки не имѣемъ права считать ее наукой: лишенная своего спеціальнаго предмета изслѣдованія, она не можетъ быть наукой. Тѣмъ не менѣе, статистику нельзя не признать весьма плодотворнымъ методомъ, который съ пользой можетъ примѣненяться во всѣхъ соціальныхъ наукахъ **). Общественныя явленія отличаются множественностью и сложностью; намъ чрезвычайно важно не терять изъ виду ихъ числа. Чтобы озна-

*) Проф. Левассёръ, состоящій вице-президентомъ бюро этого Института, представляетъ въ немъ французскую науку. Луиджи Бодіо (Luigi Bodio) изъ Рима—генеральный секретарь Института.

**) Не слѣдуетъ въ этомъ отношеніи смѣшивать статистику съ демографіей, являющейся настоящей наукой съ ей одной принадлежащимъ предметомъ изслѣдованія, а именно—народонаселеніемъ и его составными частями.

комиться съ положеніемъ какой-нибудь страны, намъ необходимо, хотя бы приблизительно, узнать размѣры ея народонаселенія, величину годового производства, сумму налоговъ, процентное отношеніе безграмотныхъ къ грамотнымъ и т. п. Имѣя дѣло со сложными соціальными явленіями, мы должны прежде всего анализировать ихъ, изучая эти явленія во всѣхъ ихъ деталяхъ и разбивая ихъ на болѣе простыя и однородныя группы. Эта именно задача и выполняется статистикой: встрѣчаясь съ тѣми или другими явленіями, статистическія выкладки касаются всегда только опредѣленной категоріи этихъ явленій; онѣ, такъ сказать, расчленяютъ ихъ на составныя части и группируютъ свои данныя по заранѣе установленнымъ рубрикамъ. Такимъ образомъ, своими начальными пріемами статистика производитъ анализъ соціальнаго міра, а конечными выводами ведетъ къ синтезу этого послѣдняго. Она удовлетворяетъ, слѣдовательно, всѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены къ истинно-научному методу.

II.

Мы приступимъ теперь къ изложенію пріемовъ статистики, не останавливаясь на деталяхъ техники, которыя видоизмѣняются, смотря по характеру изучаемаго предмета; къ тому же, изученію техники статистическихъ пріемовъ посвящено не мало подробныхъ изслѣдованій на всевозможныхъ языкахъ *). Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ нужнымъ указать, хотя бы въ общихъ чертахъ, существенныя стороны всякаго статистическаго пріема.

Мы насчитываемъ такихъ сторонъ четыре: во-первыхъ, статистикъ собираетъ свои данныя; во-вторыхъ, онъ группируетъ ихъ; въ-третьихъ, онъ выражаетъ ихъ въ цифрахъ; и въ-четвертыхъ, онъ оперируетъ полученными цифрами. Нѣтъ сомнѣнія, что, изъ этихъ четырехъ послѣдовательныхъ стадій всякаго статистическаго изслѣдованія, только первая носитъ характеръ чисто-аналитическаго пріема. Но при тѣсной связи, существующей между всѣми стадіями, мы не можемъ вполнѣ отдѣлить ихъ одну отъ другой, поэтому разсмотримъ каждую изъ нихъ по очереди.

Вслѣдствіе того, что демографія пользуется, главнымъ образомъ, и даже почти исключительно, статистическимъ методомъ, который она же стала примѣнять раньше другихъ спеціальныхъ наукъ, произошло смѣшеніе ея со статистикой,—смѣшеніе, затемнившее истинный смыслъ какъ той, такъ и другой отрасли знанія.

*) См. Jacques Bertillon, Cours élémentarie de statistique administrative. Paris, 1896. Arthur Bowley, Elements of statistics. London, 1902. Georg von Mayr, Theoretische Statistik, Freiburg und Leipzig, 1895. Antonio Gabaglia, Teoria generale della statistica, Milano, 2 тома, 2-е изд. 1888.

Собираніе фактовъ—первая забота статистика; эти факты заносятся имъ или въ списки (регистры), или въ легко перемѣщаемые „фиши“. Во Франціи, когда дѣло идетъ о статистикѣ населенія, пользуются, напримѣръ, кромѣ списковъ гражданскаго состоянія (registres de l'état civil), и фишами, составляемыми при производимой черезъ каждыя пять лѣтъ народной переписи. Уголовная статистика пользуется также, съ одной стороны, списками регистратуры уголовныхъ судовъ и тюремными записями о заключенныхъ, поступающихъ въ тюрьмы, и съ другой,—бюллетенями или фишами, заполняемыми въ особомъ бюро полицейской префектуры (въ Парижѣ), въ цѣляхъ антропометрическаго опознаванія преступниковъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно уже усмотрѣть какъ различіе, такъ и сходство употребляемыхъ пріемовъ. Сходство заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ искомыя данныя получаются по иниціативѣ административной власти; они извлекаются изъ оффиціальныхъ документовъ по установленному шаблону, одинаково примѣняемому ко всѣмъ лицамъ данной категоріи. Различіе состоитъ въ томъ, что въ списки заносятся только краткія и общія указанія, недостаточно очерчивающія индивидуальность тѣхъ, кого эти указанія касаются, тогда какъ бюллетени составляются гораздо детальнѣе. Отсюда уже видно превосходство системы бюллетеней или фишъ, которая и получаетъ все бо̀льшее и бо̀льшее распространеніе. Но объ упраздненіи системы списковъ или регистровъ нѣтъ рѣчи, такъ какъ польза этой системы несомнѣнна какъ для административныхъ, такъ и для научно-статистическихъ цѣлей.

Какимъ требованіямъ долженъ соотвѣтствовать собранный посредствомъ регистровъ и фишъ статистическій матеріалъ для того, чтобы можно было положиться на его достовѣрность? Необходимы два условія: 1) правильно установленныя рубрики для группировки собираемаго матеріала; 2) эти рубрики должны быть тщательно заполнены. Это значитъ, что, съ одной стороны, необходимы умѣло поставленные вопросы и съ другой, — точные отвѣты на нихъ. Что касается административной статистики, то установленіе рубрикъ, т. е. приготовленіе печатныхъ регистровъ или фишъ, выборъ типичныхъ вопросовъ, на которые требуются отвѣты, — все это возлагается на попеченіе центральнаго управленія. Оно печатаетъ регистры и фиши по разъ принятому образцу и разсылаетъ ихъ по всей территоріи государства мѣстнымъ управленіямъ и своимъ корреспондентамъ. На обязанности тѣхъ и другихъ лежитъ заполненіе опросныхъ листовъ требуемымъ матеріаломъ, послѣ чего регистры и фиши пересылаются

обратно въ центральное вѣдомство. Хорошо составленный вопросникъ долженъ быть, по возможности, полонъ, т. е. содержать въ себѣ всѣ существенные вопросы. Онъ долженъ также предвидѣть всѣ главнѣйшіе отвѣты на нихъ. Въ то же время вопроснику не слѣдуетъ быть слишкомъ длиннымъ, чтобы не сбивать съ толку опрашиваемыхъ лицъ. Кромѣ того, языкъ его долженъ отличаться большой ясностью, во избѣжаніе недоразумѣній относительно смысла того или другого предложеннаго вопроса; необходимо точно установить смыслъ всѣхъ употребляемыхъ вопросникомъ терминовъ и оставлять возможно меньше мѣста усмотрѣнію опрашиваемаго лица. Для заполненія регистровъ и фишъ отвѣтами на заданные вопросы нужно сотрудничество, по крайней мѣрѣ, двухъ лицъ: должностнаго лица, собирающаго статистическія данныя, и лица, отвѣчающаго на предлагаемые ему вопросы. Само собою разумѣется, что желательны точность и добросовѣстность какъ чиновника, заполняющаго регистры и фиши, такъ и всѣхъ опрашиваемыхъ имъ лицъ. Въ общемъ, на добросовѣстность чиновника можно расчитывать, если сама высшая администрація своимъ нерадѣніемъ въ дѣлѣ или завѣдомо пристрастнымъ отношеніемъ къ его результатамъ не побуждаетъ своего агента къ недобросовѣстному исполненію его обязанностей. Для полученія же отъ частныхъ лицъ вѣрныхъ и полныхъ отвѣтовъ необходимо избѣгать постановки нескромныхъ вопросовъ, на которые было бы выгодно отвѣчать только въ извѣстномъ смыслѣ; такъ, напр., слѣдуетъ воздерживаться отъ вопросовъ, отвѣтъ на которые могъ бы повлечь за собою увеличеніе налоговыхъ тягостей и доходовъ казны. При соблюденіи указанныхъ условій, частныя лица, по крайней мѣрѣ, во Франціи, почти всегда даютъ своими отвѣтами полезныя указанія. Само собою разумѣется, что эти указанія становятся все цѣннѣе и цѣннѣе, по мѣрѣ того, какъ успѣхи общаго образованія распространяютъ въ массахъ способность къ научной мысли.

Предположимъ, что нужный матеріалъ собранъ, т. е. необходимѣйшія свѣдѣнія занесены въ регистры и въ фиши. Слѣдующей операціей является группировка собранныхъ свѣдѣній. Съ этой цѣлью ихъ отсылаютъ въ центральное учрежденіе, гдѣ и происходитъ разборка какъ регистровъ, такъ и фишъ. Но при выборѣ центра мнѣнія расходятся. Одни стоятъ за прогрессивную централизацію; такъ, напримѣръ, во Франціи настаиваютъ на томъ, чтобы выписи изъ списковъ гражданскаго состоянія и фиши переписанныхъ жителей каждой французской коммуны разбирались въ самой коммунѣ, результаты этой разборки отсылались въ главный городъ округа (arrondissement), куда одновре-

менно должны поступить и результаты, полученные въ другихъ коммунахъ, входящихъ въ данный округъ; здѣсь полученный матеріалъ долженъ подвергнуться первой обработкѣ. Затѣмъ, послѣ этой частичной группировки, результаты ея отсылаются въ главный городъ департамента, гдѣ концентрируются всѣ свѣдѣнія, добытыя въ различныхъ округахъ, составляющихъ данный департаментъ. Наконецъ, всѣ круглыя цифры, полученныя въ различныхъ департаментахъ, сообщаются въ Парижъ (въ министерство внутреннихъ дѣлъ), гдѣ производится четвертая и общая группировка всего матеріала. Практическое преимущество этого порядка состоитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ экономіи расходовъ по пересылкѣ первоначальнаго матеріала, а научное преимущество—въ томъ, что этотъ порядокъ допускаетъ въ каждой стадіи централизаціи полезный контроль надъ матеріаломъ, доставленнымъ лицами, непосредственно подчиненными данному центру. Но какъ бы серьезны ни были эти выгоды, имъ въ настоящее время предпочитаютъ обыкновенно другую систему, состоящую въ немедленной отсылкѣ всѣхъ документовъ въ столицу страны. При этой системѣ каждая коммуна отправляетъ всѣ регистры и фиши прямо въ министерство, гдѣ ихъ и разрабатываютъ. Выгоды заключаются здѣсь въ томъ, что при министерствѣ могутъ быть служащіе со спеціальной подготовкой для статистическихъ работъ, между тѣмъ какъ на это совершенно нельзя расчитывать въ департаментахъ, а тѣмъ болѣе—въ округахъ и коммунахъ. При провѣркѣ матеріала въ министерствѣ руководствуются исключительно научной точностью, тогда какъ въ мѣстныхъ центрахъ различныя политическія и личныя соображенія могутъ вести къ „исправленію“ цифръ. Наконецъ, въ главномъ центрѣ возможно имѣть спеціальные приборы для автоматической классификаціи матеріала, что опять недоступно для другихъ мѣстъ. Въ настоящее время существуютъ очень хорошо устроенныя машины, механически классифицирующія фиши, и статистическія бюро нѣкоторыхъ большихъ городовъ уже владѣютъ подобными интересными приборами *).

Собранный такимъ образомъ матеріалъ выражается въ цифрахъ. Такъ, напримѣръ, окончательная сводка регистровъ, о которыхъ мы выше уже упоминали, даетъ число совершенныхъ за данный годъ браковъ въ различныхъ департаментахъ, округахъ и коммунахъ; выясняется даже, примѣрно, число браковъ между супругами въ возрастѣ отъ 35 до 40 или отъ 25 до

*) Мы укажемъ для примѣра машину Голрса (Hollerth).

30 лѣтъ. Точно также сводка фишъ по переписи даетъ понятіе о составѣ населенія во Франціи по возрастамъ, національностямъ, мѣсту жительства и даже, хотя съ меньшей точностью, и по профессіямъ. Но сообщаемыя цифры могутъ быть расположены различными способами. Самый простой—расположеніе ихъ по столбцамъ; этотъ способъ встрѣчается чаще всего въ статистическихъ работахъ. Другой способъ—наглядное изображеніе цифръ въ видѣ діаграммъ, картограммъ и стереограммъ. Діаграммы употребляются особенно часто, ихъ обыкновенно называютъ кривыми. Чтобы построить кривую, проводятъ двѣ прямыя, вертикальную и горизонтальную, и на нихъ наносятъ числа, соотвѣтствующія тѣмъ двумъ даннымъ, о которыхъ идетъ дѣло (напримѣръ, для того, чтобы представить смертность по возрастамъ, отмѣчаютъ, съ одной стороны, по вертикальной линіи числа, соотвѣтствующія смертности, съ другой—по горизонтальной--числа, соотвѣтствующія возрасту умершихъ); изъ намѣченныхъ такимъ образомъ точекъ проводятъ перпендикулярныя линіи до точекъ ихъ пересѣченія, и всѣ эти точки соединяютъ прямыми. Картограммы — обыкновенныя географическія карты, которыя для наглядности окрашиваютъ въ разные цвѣта, чтобы показать интенсивность изучаемаго явленія: для изображенія распространенія во Франціи той или другой формы преступности,—напримѣръ, воровства,—окрашиваютъ каждый департаментъ тѣнями, постепенно переходящими отъ бѣлаго къ черному, смотря по интенсивности преступности. Наконецъ, существуетъ еще третій, но рѣже примѣняемый способъ нагляднаго изображенія статистическихъ данныхъ; это—такъ называемыя стереограммы. Дѣло тутъ въ слѣдующемъ: изъ твердаго матеріала дѣлаютъ кубики или усѣченныя пирамиды, накладываютъ ихъ другъ на друга и сопоставленіемъ ихъ указываютъ на интенсивность явленія въ различныя эпохи или въ различныхъ мѣстностяхъ. На всемірной выставкѣ 1900 года можно было видѣть двѣ такихъ стереограммы, изъ которыхъ одна была въ отдѣлѣ англійскихъ колоній и изображала количество добываемаго золота въ Австраліи въ разные періоды XIX-го столѣтія; другая—въ павильонѣ города Парижа—представляла восходящій ростъ бюджета нашей столицы.

Мы должны упомянуть еще о четвертомъ пріемѣ, къ которому часто прибѣгаютъ въ статистикѣ. Не ограничиваясь изображеніемъ цифръ, резюмирующихъ собранныя данныя, надъ ними производятъ еще различныя вычисленія, напримѣръ, — выводятъ среднія. Само собою разумѣется, что эти среднія не выражаютъ ничего реальнаго, но резюмируютъ только въ удобной формѣ

длинныя серіи цифръ; такимъ образомъ выводятся среднія человѣческаго роста, продолжительности жизни, продолжительности браковъ или производства какого-нибудь продукта въ различные годы и за извѣстный періодъ времени.

Статистики различаютъ многочисленныя среднія: они противопоставляютъ настоящую среднюю мнимой, геометрическую—ариѳметической, и говорятъ даже о среднихъ гармоническихъ и т. п. Мы не будемъ останавливаться на различныхъ способахъ вычисленія этихъ среднихъ, такъ какъ всѣ они основаны, въ сущности, на чистомъ умозрѣніи и представляютъ собою только разновидности дедуктивнаго метода; во всякомъ случаѣ, они не имѣютъ почти ничего общаго съ исключительно интересующими насъ въ настоящее время методами наблюденія. Къ тому-же, и результаты этихъ вычисленій сомнительны, и основанныя на нихъ разсужденія лишены, по крайней мѣрѣ отчасти, той достовѣрности, которая дается только изслѣдованіемъ фактовъ *).

III.

Ознакомившись съ пріемами статистики, постараемся отвѣтить на вопросъ, могутъ-ли они привести насъ къ пониманію соціальнаго міра или, по крайней мѣрѣ,—того общества, въ которомъ мы живемъ? Замѣтимъ, прежде всего, что статистическіе пріемы представляютъ слѣдующее преимущество: они примѣняются обыкновенно къ доступнымъ и важнымъ фактамъ общественной жизни. Уже въ силу своей сложности и дороговизны, статистическія изслѣдованія не могутъ быть направлены на изученіе призрачныхъ или незначительныхъ явленій. Правительственныя учрежденія, которыя чаще всего ими пользуются, также какъ и частныя общества, прибѣгающія къ нимъ рѣже, находятъ почти безошибочно, благодаря своей профессіональной опытности, предметы, дѣйствительно стоющіе изученія. Только при очевидной важности соціальнаго явленія и несомнѣнной возможности дать ему числовое выраженіе, статистическое изслѣдованіе можетъ быть примѣнено съ пользой. Конечно, никто не можетъ сказать à priori, какіе факты удсвлетворятъ одновременно обоимъ указаннымъ условіямъ; но тактъ правительственныхъ

*) То, что сказано о среднихъ, относится и къ коэфиціентамъ. Коэфиціентомъ, на языкѣ статистиковъ, называется процентное отношеніе или, другими словами, отношеніе числа, полученнаго чрезъ наблюденіе, ко всему числу фактовъ, привлекаемыхъ къ сравненію и приводимыхъ къ сотнямъ. Къ сожалѣнію, произволъ при выборѣ послѣдняго числа слишкомъ великъ.

учрежденій и лицъ, работающихъ въ ученыхъ обществахъ, представляетъ въ большинствѣ случаевъ ручательство за удачный выборъ предмета изслѣдованія; и рѣдко случается, чтобы предпринятыя подъ ихъ наблюденіемъ изслѣдованія не приносили какихъ-нибудь опредѣленныхъ результатовъ. Однако слѣдуетъ признать, что статистическій методъ имѣетъ свои недостатки: пригодный вообще для изученія соціальной жизни, онъ не можетъ съ одинаковымъ удобствомъ примѣняться ко всѣмъ категоріямъ соціальныхъ явленій. По нашему мнѣнію, онъ пригоденъ лишь для явленій, имѣющихъ матеріальную основу, такъ какъ только тѣлесные предметы поддаются счету и измѣренію. Вотъ почему этотъ способъ изслѣдованія и является излюбленнымъ методомъ экономической науки.

Къ изученію явленій интеллектуальнаго порядка статистическій методъ не примѣнимъ потому, что эти явленія коренятся во внутреннемъ сознаніи, и различія между ними скорѣе качественныя, чѣмъ количественныя. Иногда возможно, конечно, уловить ихъ внѣшнія проявленія, но рѣдко удается проникнуть до ихъ принципа. Можно-ли, напримѣръ, судить о нравственности населенія по числу совершенныхъ имъ преступленій и всякаго рода проступковъ? Не слѣдуетъ-ли сообразоваться при этомъ и съ числомъ нравственныхъ поступковъ и честныхъ мыслей, подсчетъ которыхъ невозможенъ? Были попытки создать статистику умственнаго развитія путемъ регистраціи въ числѣ лицъ, отбывающихъ воинскую повинность, тѣхъ, кто умѣетъ при поступленіи въ полкъ читать, кто умѣетъ читать и писать, кто прошелъ первоначальную школу, и кто получилъ болѣе полное образованіе. Неудовлетворительность подобнаго пріема ясна сама собою. Въ былыя времена печаталась еще статистика культовъ, давно, впрочемъ, оставленная во Франціи: съ этой цѣлью регистрировали число рожденій, браковъ и смертей, подававшихъ поводъ къ религіознымъ церемоніямъ различныхъ вѣроисповѣданій. Но тутъ забывали людей, для которыхъ эти религіозныя церемоніи составляли единственную форму участія въ религіозной жизни и, къ тому-же, участія недобровольнаго въ случаяхъ рожденія и смерти, и участія, можетъ быть, совершенно индифферентнаго въ случаѣ заключенія браковъ.

Подобная статистика была бы доказательна только въ томъ случаѣ, если бы можно было опредѣлить степень внутренней вѣры каждаго индивидуума; но наука въ этомъ отношеніи пока безсильна. Такимъ образомъ, интеллектуальная жизнь, если и не

совсѣмъ закрыта, то, во всякомъ случаѣ, трудно поддается статистическимъ изслѣдованіямъ *).

Но даже тамъ, гдѣ статистика можетъ примѣняться, она наталкивается на большія затрудненія, напримѣръ,—въ области экономическихъ явленій. Во Франціи производятся періодически большія анкеты по земледѣльческому производству; послѣднія изъ нихъ были сдѣланы въ 1882 и 1892 годахъ и, несмотря на всю тщательность высшей администраціи, онѣ заключаютъ въ себѣ два источника важныхъ ошибокъ.

Съ одной стороны, низшіе агенты администраціи и особенно агенты муниципалитетовъ, которымъ поручается собираніе статистическихъ свѣдѣній, обнаруживаютъ часто большое невѣжество, равнодушіе и недостаточную подготовленность къ дѣлу. Съ другой стороны, земледѣльческое населеніе, съ которымъ эти агенты вступаютъ въ соприкосновеніе, собственники, фермеры, мелкіе съемщики, земледѣльческіе рабочіе—относятся не рѣдко съ недовѣріемъ къ этому административному вмѣшательству, подозрѣвая въ немъ начало какой-нибудь тяжелой фискальной мѣры; поэтому они или воздерживаются отъ отвѣтовъ, или даютъ неточные отвѣты. То же самое, хотя, можетъ быть, и въ нѣсколько смягченномъ видѣ, повторяется и при другихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ. Итакъ, недоброжелательство населенія и безпечность низшихъ агентовъ, вотъ два фактора, способные опорочить всякую статистику. Поэтому и результаты ея нуждаются въ провѣркѣ; они всегда только приблизительны, даютъ лишь общія указанія и не могутъ быть признаны точными свидѣтельствами.

Вотъ почему въ статистикѣ придаютъ обыкновенно настоящую цѣнность только большимъ цифрамъ: онѣ достовѣрнѣе малыхъ. Дѣйствительно, при ограниченномъ количествѣ наблюденій вѣроятность ошибокъ сильно возрастаетъ. То, что называютъ въ астрономіи „личнымъ уравненіемъ" наблюдателя, получаетъ здѣсь большую важность. Если, напримѣръ, изъ десяти наблюденій три невѣрны, то общій результатъ очень неточенъ; напротивъ, при многочисленныхъ наблюденіяхъ ошибки значительно смягчаются или потому, что тотъ же изслѣдователь вноситъ со временемъ поправки въ свои пріемы, или потому, что другіе изслѣ-

*) Но если статистика не охватываетъ всего соціальнаго міра, то, съ другой стороны, она и выходитъ за его предѣлы. Напримѣръ, въ космографіи сумма астрономическихъ наблюденій на извѣстномъ пространствѣ небеснаго свода составляетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, перепись его составныхъ частей. И въ біологіи подсчетъ кровяныхъ шариковъ у животныхъ и составныхъ частей цвѣтка у растеній тоже представляетъ собой своего рода статистику.

дователи, впадая въ противоположную крайность, тѣмъ самымъ уравновѣшиваютъ уклоненія, допущенныя первымъ изслѣдователемъ. Отсюда слѣдуетъ, что значительнаго довѣрія заслуживаютъ только крупные итоги, тогда какъ къ результатамъ, полученнымъ изъ слабыхъ числовыхъ данныхъ, нужно относиться скептически.

Необходимо замѣтить, наконецъ, что результаты статистическихъ изслѣдованій, если даже допустить ихъ точность, сами по себѣ недостаточны. Они нуждаются въ толкованіи. Каждый изъ нихъ получаетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если его объясняютъ, т. е. ставятъ въ соотношеніе съ той средой, изъ которой онъ извлеченъ. Самъ по себѣ статистическій выводъ представляется лишь голой цифрой, получающей смыслъ не иначе, какъ въ связи съ той соціальной дѣйствительностью, часть которой онъ резюмируетъ. Напримѣръ, когда намъ указываютъ число тоннъ каменнаго угля, добываемаго въ Англіи, наше впечатлѣніе очень неопредѣленно; и только въ связи съ описаніемъ дѣятельности рудокопа, его жизни, различныхъ центровъ угольныхъ копій, многочисленныхъ формъ утилизаціи угля, его огромнаго значенія для современной индустріи, обезпечиваемыхъ имъ преимуществъ за Англіей въ ея экономической и политической борьбѣ съ другими народами,—только въ этихъ условіяхъ мертвыя цифры оживаютъ *) и даютъ вѣрное представленіе о томъ явленіи, котораго онѣ касаются. Вотъ это-то сознаніе недостаточности чистой статистики и необходимости дополненія ея другими изслѣдованіями и вызвало къ жизни новый методъ описанія соціальнаго міра,—методъ монографіи, къ изложенію котораго мы теперь и перейдемъ.

Б) Монографія.

I. Опредѣленіе и историческія данныя. II. Монографія семьи. III. Распространеніе монографическаго метода. IV. Его значеніе.

I.

Статистика со своими изолированными или расположенными столбцами цифрами носитъ, по необходимости, абстрактный характеръ. Давая полезныя указанія на общія явленія соціальной жизни, она не проникаетъ въ интимную жизнь отдѣльнаго

*) Сами по себѣ цифры не только мертвы, но могутъ вводить даже въ заблужденіе;—напримѣръ, статистика показываетъ, что изъ пяти секцій государственнаго совѣта во Франціи значительно бо́льшее число дѣлъ выпадаетъ ежегодно на секцію финансовъ, откуда легко можно было бы заключить о ея болѣе интенсивной дѣятельности по сравненію съ другими секціями. Но это

лица, не вскрываетъ конкретной основы индивидуальной дѣятельности. Для того, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, и былъ созданъ монографическій методъ.

Если статистика намѣренно выдѣляетъ одну какую-либо группу явленій изъ всѣхъ другихъ для того, чтобы лучше изучить ее въ изолированномъ состояніи, то монографія наоборотъ, сближаетъ, многообразные факты, въ виду взаимнаго ихъ освѣщенія. Но никакое изслѣдованіе не можетъ охватить всей совокупности соціальныхъ явленій: для этого они слишкомъ многочисленны. Статистика, какъ мы это видѣли, принуждена отказаться отъ изученія многихъ группъ явленій, недоступныхъ для ея пріемовъ. И монографія также должна ограничиться изученіемъ только нѣкоторыхъ, самыхъ типичныхъ человѣческихъ группъ, для того, чтобы изъ ихъ признаковъ имѣть возможность дѣлать заключенія и о другихъ группахъ.

Такимъ образомъ, область монографіи уже, но въ то же время и глубже области статистики. Она уже — поскольку монографія беретъ свои факты не на всемъ протяженіи даннаго общества, а довольствуется лишь нѣкоторыми типичными ихъ сторонами. Она глубже—поскольку привлекаемыя къ ней явленія изслѣдуются во всѣхъ подробностяхъ ихъ структуры и функціонированія. По часто дѣлаемому сравненію, статистики уподобляются топографамъ, снимающимъ планъ съ извѣстной мѣстности; монографисты же дѣйствуютъ, какъ топографы, зондирующіе подпочву на опредѣленныхъ, избранныхъ ими пунктахъ. Само собою разумѣется, что оба метода не только не исключаютъ другъ друга, какъ утверждаютъ это нѣкоторые, но, напротивъ того, могутъ и должны взаимно дополняться.

Основателемъ монографическаго метода былъ Фридрихъ Ле Плэ (Fridéric Le Play). Знаменитый организаторъ всемірной выставки 1867 года, онъ посвятилъ долгіе годы изученію семейнаго быта сельскихъ и городскихъ рабочихъ, постоянно совершенствуя опытнымъ путемъ пріемы своей работы. Его плодотворныя изслѣдованія изданы въ видѣ объемистаго сборника, озаглавленнаго „Les Ouvriers Européens“.

заключеніе было бы невѣрно, такъ какъ большинство дѣлъ этой секціи касается пенсій служащихъ, солдатъ и моряковъ,—все это не требуетъ большихъ усилій даже при тщательномъ отношеніи къ дѣлу. Дѣла этой секціи совершенно несравнимы, по обширности и трудности, съ тѣми, которыми занимается, напр., секція рѣшенія вопросовъ о подсудности (section du contentieux). Изъ этого видно, что цифры должны быть освѣщены объясненіями, если изъ нихъ хотятъ вывести какія бы то ни было заключенія.

Ле Плэ удалось въ то же время создать школу, которая не только продолжала его дѣло, но даже расширила его. Такъ, онъ основалъ Общество соціальной экономіи, которое издаетъ ежемѣсячно журналъ „La Réforme Sociale“ и выпускаетъ новую серію монографій, посвященныхъ рабочимъ семьямъ, подъ заглавіемъ: „Les Ouvriers des Deux Mondes“.

Другіе послѣдователи Лэ Плэ, не придерживаясь буквы его ученія, группируются вокругъ Эдмонда Демолена (Edmond Demolins) и издаютъ журналъ „La Science Sociale“. Здѣсь насъ занимаютъ, разумѣется, взгляды Ле Плэ и его сотрудниковъ лишь настолько, насколько они касаются метода изслѣдованія. Мы оставимъ поэтому въ сторонѣ ихъ особую теорію „общественнаго воздѣйствія“ и, въ частности, апологію свободы завѣщанія, въ которой они видятъ лучшее средство для укрѣпленія семьи и государства. Мы принуждены также обойти молчаніемъ ихъ собственную систему соціальной науки, напримѣръ, классификацію Ле Плэ различныхъ формъ семьи и различныхъ типовъ обществъ (въ зависимости отъ продуктовъ, которыми живетъ разсматриваемая группа). Исключивъ, слѣдовательно, все относящееся къ доктринѣ *), мы займемся однимъ только методомъ. Излагая его, мы укажемъ, прежде всего, какъ этотъ методъ былъ задуманъ Ле Плэ и какъ онъ примѣненъ имъ къ изученію семьи. Затѣмъ, мы покажемъ, какъ его примѣняли впослѣдствіи къ изученію другихъ соціальныхъ группъ, напримѣръ, мастерской или общины. Наконецъ, мы обсудимъ и научную цѣнность, и значеніе этого метода.

II.

Самъ Ле Плэ объяснялъ предпочтеніе, отдаваемое имъ изслѣдованію семьи среди всѣхъ другихъ элементовъ соціальной жизни, тѣмъ, что она представляетъ собою, по его мнѣнію „первоначальную молекулу общества“ или „соціальную клѣточку,“ какъ выражались другіе. Являясь уже сама по себѣ маленькимъ обществомъ, семья лучше отдѣльнаго индивидуума, думалъ онъ, даетъ возможность понять общество. Въ нее входятъ и изъ нея выходятъ всѣ силы, организующія и дезорганизующія общество: по ея состоянію единства или разъединенія можно судить о таковомъ же состояніи общества въ его цѣломъ.

---

*) Резюме доктрины Ле Плэ дано въ книгѣ Мориса Винь (Maurice Vignes): „La science sociale d'aprés les principes de Le Play et de ses continuateurs“.

Однако не всѣ семьи одинаково способны разъяснить намъ окружающую среду, а только типичныя, т. е. такія, которыя стоятъ очень близко къ совокупности окружающихъ ихъ семей. Эти типичныя семьи можно встрѣтить скорѣе въ низшихъ слояхъ общества, чѣмъ въ высшихъ, — среди людей, занимающихся скорѣе ручнымъ трудомъ, чѣмъ либеральными профессіями. Дѣйствительно, трудящіеся классы находятся въ бо̀льшей зависимости отъ матеріальныхъ потребностей; эти потребности одинаковы здѣсь для всѣхъ людей, живущихъ въ данной мѣстности и занятыхъ извѣстной профессіей; поэтому у нихъ легко установляется общій типъ. Напротивъ, потребности и образъ жизни высшихъ слоевъ общества болѣе разнообразны уже въ силу того, что интелектуальный элементъ играетъ у нихъ болѣе значительную роль. Вотъ почему семьи, надъ которыми работаетъ Ле Плэ, взяты изъ рабочей среды. И здѣсь, руководствуясь тѣмъ же принципомъ, нашъ авторъ отдаетъ предпочтеніе земледѣльческимъ рабочимъ передъ городскими: сельская жизнь еще болѣе однообразна, чѣмъ жизнь промышленнаго рабочаго. Для монографическаго изслѣдованія Ле Плэ совѣтуетъ выбирать „семью, коренную въ каждой данной мѣстности, прожившую здѣсь достаточно времени для того, чтобы проникнуться мѣстными вліяніями; кромѣ того, эта семья въ нравственныхъ и матеріальныхъ условіяхъ своей жизни должна соединять въ себѣ всѣ тѣ среднія качества, которыя опредѣляютъ собою типъ“ *). И, наконецъ, по личному расположенію къ спокойной и прочной жизни, Ле Плэ направляетъ свои изслѣдованія, главнымъ образомъ, на тѣ семьи, которыя проникнуты уваженіемъ къ традиціи и утверждены на прочномъ основаніи семейной власти и активнаго сотрудничества всѣхъ своихъ членовъ въ общемъ трудѣ и общемъ дѣлѣ. Чтобы оградить Ле Плэ отъ упрека въ односторонности, мы должны замѣтить, что онъ зналъ, конечно, и другія семьи, непрочныя и дезорганизованныя, и какъ онъ самъ, такъ и еще въ большей мѣрѣ его преемники, не исключали вполнѣ и эти семьи изъ своихъ описаній.

Предположимъ, что мы нашли семью, пригодную для изслѣдованія. Какъ теперь приступить къ ея монографіи? Ле Плэ открылъ для этого руководящій принципъ. Онъ говоритъ: „всѣ дѣйствія семьи въ жизни сводятся, въ концѣ-концовъ, къ извѣстному приходу и расходу, такъ что ея бюджетъ является вѣрнымъ отраженіемъ трезвости или невоздержности, предусмотрительности или расточительности, аккуратности или безпорядочности,

*) E. Cheysson. La monographie de la famille. (Réforme Sociale, 1-er novembre 1896).

здоровья или болѣзненности, религіозныхъ или филантропическихъ привычекъ, непрестаннаго труда или разгула, пребыванія женщины у домашняго очага или удаленія отъ него, нищеты, стѣсненности или зажиточности“ *). Итакъ, бюджетъ рабочей семьи есть зеркало, въ которомъ отражается вся ея жизнь и всѣ главныя фазы ея существованія. Слѣдовательно, его можно поставить въ центрѣ монографіи. Ле Плэ такъ и поступаетъ, и всѣ его монографіи построены по строго опредѣленному и однообразному плану.

Въ центрѣ всего стоитъ бюджетъ съ колоннами цифръ по приходу и расходу. Различаются четыре разряда прихода: 1) приходъ отъ собственности семьи или ея членовъ; 2) пособія отъ хозяевъ, коммунъ, благотворительныхъ обществъ, государства (Ле Плэ придаетъ особое значеніе пособіямъ, отъ хозяевъ, такъ какъ, по его мнѣнію, участіе, выказываемое хозяевами предпріятій ихъ служебному персоналу, — участіе какъ матеріальное, такъ и моральное, — является однимъ изъ лучшихъ средствъ для сохраненія соціальнаго мира); 3) жалованье или договорная плата за работы, исполняемыя членами семьи внѣ дома; 4) прибыли отъ домашняго производства, которымъ можно заниматься, не отлучаясь изъ дома. Что касается расхода, то Ле-Плэ дѣлитъ его на 5 категорій: 1) пища; 2) жилище, домашняя обстановка, отопленіе, освѣщеніе; 3) одежда; 4) удовлетвореніе духовныхъ потребностей, отдыхъ и поддержаніе здоровья; 5) повинности за отправляемые промыслы, долги, налоги, страхованіе. Не довольствуясь сообщеніемъ круглыхъ цифръ по указаннымъ рубрикамъ прихода и расхода, Ле-Плэ дополняетъ ихъ подробными счетами, которые присоединяются къ колоннамъ и излагаютъ всѣ частныя данныя, служащія оправдательными документами къ общимъ итогамъ.

Но какимъ образомъ получаются всѣ эти свѣдѣнія? Изслѣдователь располагаетъ для этого нѣсколькими средствами. Онъ можетъ, во-первыхъ, приготовить вопросникъ и направить его къ опрашиваемымъ лицамъ съ просьбой заполнить мѣста, оставленныя для отвѣтовъ. Но это средство рѣдко достигаетъ цѣли: изъ всѣхъ запрашиваемыхъ семей сравнительно лишь немногія соглашаются отвѣчать. Доказательствомъ этого можетъ служить слѣдующій случай. Не такъ давно Луи Гембо (Louis Guimbaud) задумалъ произвести изслѣдованіе экономическаго положенія чиновниковъ во Франціи и получилъ едва одинъ изъ двадцати запрошенныхъ имъ бюджетовъ *). Во-вторыхъ, заслуживъ довѣріе хо-

---

*) Ibidem.

заекъ, можно пользоваться ихъ приходо-расходными книгами. Это, повидимому, самый вѣрный и точный способъ, но получить приходо-расходныя книги не всегда бываетъ легко. Къ тому же многія хозяйки не ведутъ ихъ; другія допускаютъ, иногда намѣренно, иногда безсознательно, пропуски. Остается третій способъ, чаще всего употребляемый Ле Плэ и охотно утилизируемый и до сихъ поръ его учениками. Это—словесный опросъ или бесѣда. Изслѣдователь знакомится съ главой семьи, выказываетъ ему участіе, старается показать, что его изслѣдованіе можетъ принести только пользу изучаемой имъ семьѣ, бесѣдуетъ съ различными членами этой семьи, наводитъ ихъ на разговоры объ ихъ повседневной жизни ихъ расходахъ и доходахъ, ихъ удовольствіяхъ и горестяхъ, отмѣчаетъ болѣе важные факты и цифры и, вернувшись къ себѣ, записываетъ все слышанное и видѣнное; затѣмъ, онъ продолжаетъ свои посѣщенія той же семьи до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ всего, что его интересуетъ. Самое трудное, повидимому, заслужить полное довѣріе главы семейства для того, чтобы добиться отъ него и его домашнихъ вполнѣ откровенныхъ признаній. Но нужно сказать, что теперь эта задача разрѣшается гораздо проще, чѣмъ во времена Ле Плэ: распространеніе образованія и вліяніе печати сдѣлали рабочія семьи гораздо менѣе скрытными и гораздо болѣе общительными; къ тому же и практика „интервью" стала теперь настолько общей, что перестала удивлять даже самыхъ простыхъ людей, подвергающихся опросамъ.

Вотъ средства, которыми опредѣляется бюджетъ семьи. Но если онъ является, какъ мы это видимъ, центромъ монографіи, то имъ монографія все-таки не исчерпывается. Ему предшествуетъ вступленіе или „предварительныя наблюденія", а за нимъ слѣдуетъ заключеніе или „дополнительныя замѣчанія". „Предварительныя наблюденія" знакомятъ съ общими условіями, въ которыхъ живетъ изучаемая семья. Необходимыя для этого свѣдѣнія черпаются монографистами изъ тѣхъ же бесѣдъ, которыя служатъ матеріаломъ для составленія бюджета. И для этой работы Ле Плэ начерталъ неизмѣнный планъ, который содержитъ въ себѣ для всѣхъ монографій пять слѣдующихъ рубрикъ:

1) Организація семьи и промышленности (качества почвы, состояніе промышленности и народонаселенія; гражданское положеніе семьи; религія и нравственныя привычки; гигіена и санитарное положеніе; мѣсто, занимаемое семьей).

---

*) Louis Guimbaud. L Employé de l'Etat en France. 1898.

2) Средства существованія семьи (собственность, денежныя пособія, работа и промыслы).

3) Условія жизни семьи (пища, завтраки и обѣды, жилище, обстановка и одежда, развлеченія).

4) Исторія семьи (главныя фазы ея жизни; нравы и учрежденія, обезпечивающіе физическое и нравственное благосостояніе семьи).

Мы думаемъ, что эти подраздѣленія не всегда достаточно ясны, и что принципъ, положенный въ ихъ основу, не вполнѣ вѣренъ. Но излагая теперь только взгляды Ле Плэ и оставляя за собою право высказать общее сужденіе о нихъ впослѣдствіи, мы точно воспроизвели предложенный имъ планъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о „дополнительныхъ замѣчаніяхъ“, которыми заканчивается монографія. Эти замѣчанія относятся къ соціальнымъ явленіямъ, оказывающимъ вліяніе на положеніе семьи, но охватывающимъ въ то же время болѣе обширный кругъ. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, большія измѣненія въ народонаселеніи, отражающіяся на положеніи семьи: уменьшеніе этого населенія, скопленіе его въ городахъ, эмиграція; крупныя перемѣны въ соціальной средѣ, заключающей въ себѣ и взятую для изслѣдованія семью; допущеніе народныхъ массъ къ участію въ политической власти, переворотъ въ жизни городскихъ рабочихъ вслѣдствіе распространенія машинъ, „индустріализаціи“ земледѣлія и т. п. Въ этихъ „дополнительныхъ замѣчаніяхъ“ Ле Плэ предоставляетъ больше всего свободы автору монографіи, который долженъ быть, по его мнѣнію, рабомъ фактовъ въ остальныхъ частяхъ монографіи, а здѣсь можетъ проявить и свою индивидуальность: ему дозволяется синтезировать, даже выходить изъ области опыта, произносить сужденія о фактахъ и высказываться относительно будущаго. Но именно поэтому субъективная часть монографіи должна быть строго отдѣлена отъ ея другихъ частей, положительнаго значенія которыхъ она не имѣетъ. Изложеніемъ бюджета и предшествующихъ ему „предварительныхъ наблюденій“ заканчивается все, что въ этомъ изслѣдованіи есть объективнаго, научнаго и достовѣрнаго.

По вышеуказанному плану было написано много монографій, и не только во Франціи, но также въ Германіи, Италіи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были составлены выдающимися, иногда даже знаменитыми изслѣдователями. До сихъ поръ этихъ монографій напечатано около ста тридцати. Онѣ не открывали, конечно, новыхъ истинъ, но точно установили многія изъ нихъ. Такъ, напр., земледѣльческій кризисъ послѣдняго

двадцатилѣтія или подавленное состояніе рабочаго населенія нашихъ большихъ городовъ, питающее революціонныя движенія, представились намъ при свѣтѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ монографій гораздо конкретнѣе, чѣмъ прежде. Благодаря этимъ же монографіямъ мы получили возможность судить о нѣкоторыхъ изъ новыхъ законовъ по ихъ практическимъ послѣдствіямъ, каковы напр., законы, регулирующіе промышленный трудъ, или даже нѣкоторые уже старые законы, какъ, напр., тѣ, которые касаются нашей фискальной организаціи. Словомъ, монографія семьи, какъ пріемъ анализа или соціальной диссекціи, имѣетъ за собой уже длинное и почтенное прошлое, полное большихъ заслугъ.

III.

Монографическій методъ, созданный Ле Плэ, былъ усовершенствованъ его учениками, которые приспособили его въ различныхъ направленіяхъ къ новымъ условіямъ.

Во-первыхъ, они внесли нѣкоторыя измѣненія въ монографію самой семьи, предложивъ упростить слишкомъ обширный планъ Ле Плэ. Не ограничиваясь примѣненіемъ монографическаго метода къ изученію рабочей семьи, они попытались приложить его и къ изслѣдованію семьи чиновниковъ и мелкихъ буржуа, надѣясь въ будущемъ воспользоваться имъ для изученія семейнаго быта и правящихъ классовъ. Сверхъ того, они приступили къ сопоставленію матеріала, уже собраннаго въ существующихъ монографіяхъ. Когда число монографій, обнародованныхъ въ „Ouvriers des Deux mondes“ дошло до ста, Эмиль Шейсонъ (Emile Cheysson), въ сотрудничествѣ съ Фокэ (Foqué), предпринялъ сравненіе всѣхъ заключающихся въ нихъ бюджетовъ. Въ результатѣ этого сравненія получился интересный фактъ безпрерывнаго роста благосостоянія рабочихъ классовъ въ XIX вѣкѣ; выяснилась и опасность притягательной силы городовъ въ отношеніи къ сельскому населенію; получилось, наконецъ, подтвержденіе выставленнаго недавно нѣмецкимъ статистикомъ Энгелемъ (Engel) закона, по которому „отношеніе между расходами на питаніе и общей суммой расходовъ тѣмъ выше, чѣмъ ниже бюджетъ“; законъ этотъ, казавшійся вѣрнымъ уже á priori, могъ, конечно, только выиграть отъ поддержки его фактами.

Во-вторыхъ, ученики Ле Плэ пытались писать монографіи не только о семьѣ, но и о другихъ соціальныхъ группахъ. Такъ, напримѣръ, Шейсонъ издалъ въ 1887 году программу для монографій мастерскихъ, которыя могли бы дать драгоцѣнныя свѣдѣнія о генезисѣ движеній, волнующихъ въ настоящее время

рабочій міръ. Но здѣсь надо отказаться отъ бюджета, какъ центральнаго пункта изслѣдованія, такъ какъ хозяева не показываютъ своихъ приходо-расходныхъ книгъ изъ боязни, чтобы онѣ не попали на глаза ихъ конкуррентамъ. Поэтому планъ изслѣдованія будетъ здѣсь проще, чѣмъ въ семейныхъ монографіяхъ и, кромѣ того, надо думать, онъ будетъ и гибче. Главныя изъ предложенныхъ подраздѣленій таковы:

1) Торговая организація (мѣстность, данная промышленность, капиталъ и прибыли, покупки и продажи, конкурренція).

2) Промышленная организація (раздѣленія мастерской, наборъ персонала, заработная плата, время и способъ расплаты, продолжительность рабочаго дня по закону и на практикѣ).

3) Учрежденія, созданныя въ пользу рабочихъ правительствомъ (страховыя кассы), хозяевами (кассы вспомоществованія, экономаты, дома для рабочихъ, школы, больницы, пособія) и самими рабочими (кооперативныя общества, общества взаимной помощи, профессіональные синдикаты).

4) Общія привычки рабочей семьи (устойчивость, трезвость, предусмотрительность, нравственность, положеніе женщины и дѣтей, болѣзненность и смертность въ зависимости отъ профессіи).

5) Отношеніе между капиталомъ и трудомъ (продолжительность рабочаго договора, безработица, стачки).

Подобныя описанія жизни мастерскихъ были бы чрезвычайно полезны и для самихъ хозяевъ, почему Шейсонъ думаетъ, что они могли бы составляться также директорами и инженерами заводовъ, въ формѣ „автомонографій" *). Но, къ сожалѣнію, эта надежда до сихъ поръ не сбывается. Мы имѣемъ, правда, нѣсколько монографій мастерскихъ, но онѣ составлены изслѣдователями, не причастными къ промышленному міру; главныя изъ нихъ принадлежатъ перу Піера дю Марусенъ (Pierre du Maroussem) и посвящены различнымъ торговымъ домамъ Парижа, изученнымъ авторомъ во время его анкеты по современнымъ рабочимъ вопросамъ, о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

Затѣмъ дальнѣйшее распространеніе этого метода привело къ мысли о монографіи коммуны. Въ коммунальной жизни легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, изучать вопросы, касающіеся движенія населенія, выгодъ и неудобствъ мелкой и крупной собственности, — мелкой и крупной промышленности, централизаціи администраціи и ея децентрализаціи. Въ виду интереса, представляемаго этимъ

*) Réforme sociale, 1-er décembre 1896.

новымъ видомъ монографій, Шейсонъ составилъ и для нихъ въ 1895 году планъ, по которому онѣ должны были начинаться съ историческаго обзора, охватывающаго общую исторію, переходя затѣмъ къ демографической, экономической и соціальной исторіи изучаемой коммуны. Но главная часть работы должна посвящаться здѣсь описанію современнаго положенія коммуны: ея территоріи, населенію, эмиграціи и иммиграціи, распредѣленію собственности, способамъ эксплуатаціи земли, ея культурѣ, земледѣльческому образованію, земледѣльческой промышленности, заработной платѣ, сдѣльной платѣ, положенію земледѣльческихъ рабочихъ, земледѣльческихъ синдикатовъ, страхованію, призрѣнію, нравственному и соціальному быту коммуны. Наконецъ, въ заключеніе авторъ могъ бы высказать и свое личное мнѣніе, т. е. сужденіе о настоящемъ и виды относительно будущаго.

Этотъ планъ, очевидно, приспособленъ къ изученію земледѣльческихъ коммунъ. Авторъ и указываетъ, что надъ такими монографіями могли бы съ успѣхомъ работать крупные землевладѣльцы, духовныя лица, сельскіе учителя и образованные городскіе жители, проводящіе лѣто въ деревнѣ *). Чтобы поощрить изданіе подобныхъ изслѣдованій, Агрономическое Общество во Франціи (Société des Agriculteurs de France) и Общество соціальной экономіи (Société d' Economie Sociale) вошли даже въ соглашеніе между собой о назначеніи преміи за лучшую монографію, посвященную какой-либо земледѣльческой коммунѣ. Отвѣтомъ на этотъ призывъ было нѣсколько десятковъ монографій о коммунахъ во Франціи и даже въ Алжирѣ, — монографій, среди которыхъ, по отзыву конкурса, оказались и выдающіяся сочиненія **); нѣкоторыя изъ нихъ были изданы впослѣдствіи Агрономическимъ Обществомъ Франціи. Кромѣ того, необходимо замѣтить, что не только сельскія, но и городскія коммуны, несмотря на свою сложность и склонность къ перемѣнамъ, вполнѣ поддаются подобной же монографической разработкѣ, что́ и доказалъ Піеръ дю Марусенъ своей недавно вышедшей книгой, въ которой онъ предложилъ даже планъ для изслѣдованія различныхъ отраслей административнаго управленія, наравнѣ съ экономической и духовной жизнью города ***). Будемъ надѣяться, что въ скоромъ времени появятся серьезные и основательные труды въ этомъ направленіи.

Мы думаемъ, что монографіи не должны ставить передъ собой

*) Réforme sociale, 1-er décembre 1896,

**) Réforme sociale, 15 aout 1897.

***) Pierre du Maroussem, Les enquêtes, practique et théorie, 1900.

болѣе широкихъ задачъ, хотя нѣкоторые монографисты - теоретики и допускаютъ возможность монографій цѣлыхъ областей и странъ, что, по нашему мнѣнію, невѣрно уже потому, что названіе монографіи не соотвѣтствовало бы въ этомъ случаѣ своему значенію. Область изслѣдованія была бы здѣсь слишкомъ обширна для того, чтобы мы могли говорить о дѣйствительномъ приложеніи къ ней монографическаго метода, этого „соціальнаго микроскопа“, какъ называютъ его нѣкоторые. Въ этомъ случаѣ можно было бы еще примѣнять наблюденіе, описаніе, статистику, анкеты, но терминъ „монографія“ слѣдовало бы сохранить только для изслѣдованія болѣе простыхъ и менѣе обширныхъ соціальныхъ группъ.

Теперь является вопросъ, можно-ли прилагать монографическій методъ и къ менѣе сложнымъ единицамъ, чѣмъ сама семья? Намъ извѣстно съ давнихъ поръ примѣненіе этого метода, подъ названіемъ *біографіи*, къ отдѣльнымъ индивидамъ; и, по всей вѣроятности, біографія, какъ самая распространенная форма монографіи, послужила образцомъ для всѣхъ ея видовъ. Можно, однако, спросить, представляетъ ли біографія собой *научную* и *соціальную* форму монографіи? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надо различать слѣдующее: во-первыхъ, если біографія задается, главнымъ образомъ, цѣлями похвальнаго слова по отношенію къ лицу, жизнь котораго она разсказываетъ, то, разумѣется, эти цѣли ненаучны, и можно опасаться, что и средства, взятыя для ихъ достиженія, будутъ такъ же не научны. Но если біографія разсказываетъ чью-либо жизнь безъ предвзятой мысли, причемъ авторъ ея воздерживается отъ личнаго сужденія или, высказывая его, отводитъ похвалѣ и порицанію должное мѣсто, то почему не признать такую біографію научной? Во-вторыхъ, біографія не была бы собственно соціальной, если бы она ограничивалась изображеніемъ индивидуальной жизни своего героя. Но это едва-ли, въ сущности, и возможно, такъ какъ біографъ всегда вынужденъ говорить о предкахъ и современникахъ своего героя, о вліяніи тѣхъ и другихъ на него и, обратно, объ его вліяніи на свое время и своихъ преемниковъ. Уже поэтому біографія будетъ, по крайней мѣрѣ, отчасти соціальной. Такимъ образомъ, всякая хорошо составленная біографія можетъ быть полезна соціологіи, и мы не видимъ, почему ее можно бы было исключить изъ числа научныхъ монографій *).

*) Монографія, подобно статистикѣ, выходитъ за предѣлы соціальнаго міра. Многочисленныя монографіи написаны о минеральныхъ породахъ, о растительныхъ и животныхъ видахъ. Это, въ своемъ родѣ, монографіи семействъ... не человѣческихъ.

IV.

Разсмотрѣвъ методъ монографіи, мы должны указать, въ заключеніе, на значеніе, какое мы придаемъ основаннымъ на немъ изслѣдованіямъ.

Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію, что картины, рисуемыя намъ монографистами, и интересны, и жизненны. Въ этомъ отношеніи за ними должно быть признано безспорное превосходство надъ статистиками. Мы не оспариваемъ также того, что очень часто монографисты бываютъ и поучительны. Мимоходомъ мы даже указывали, въ какихъ случаяхъ они особенно поучительны.

Сомнѣніе возникаетъ лишь по поводу того, на сколько полученные путемъ монографій результаты могутъ быть общи для того, чтобы служить цѣлямъ науки. Эта послѣдняя имѣетъ дѣло съ обобщеніями и законами,—и позволительно сомнѣваться, чтобы данныя, относящіяся къ той или другой семьѣ, къ той или другой мастерской или къ цѣлой коммунѣ, разсматриваемой изолированно, могли быть распространены на все общество, или положены въ основаніе соціальной науки, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

На подобное возраженіе у Ле Плэ былъ готовый отвѣтъ. Изучаемыя имъ семьи выбраны не произвольно: онѣ типичны, сходны съ большинствомъ окружающихъ ихъ семей; слѣдовательно, и описанія ихъ носятъ не индивидуальный, а видовой характеръ. Съ этимъ можно было бы, понятно, согласиться, если бы мы имѣли увѣренность въ томъ, что изучаемыя семьи дѣйствительно типичны. Но гдѣ намъ взять эту увѣренность? Ле Плэ далъ намъ, конечно, указанія, гдѣ искать рекомендуемыя имъ типичныя группы, и мы изложили выше его взгляды на этотъ предметъ. Тѣмъ не менѣе, его соображенія можно считать спорными. Кромѣ того, если бы мы послѣдовали буквально его указаніямъ, то оказалось бы, что только земледѣльческія, крестьянскія семьи и немногія семьи городскихъ рабочихъ могутъ служить предметомъ монографической разработки, и это осудило бы все дальнѣйшее развитіе, данное монографическому методу учениками Ле Плэ. Въ результатѣ, мы попадаемъ въ заколдованный кругъ. Для того, чтобы узнать, типична-ли изучаемая группа, ее нужно сравнить съ другими группами въ той же мѣстности и въ тѣхъ же условіяхъ. Но это предполагаетъ отдѣльное и прямое изученіе всѣхъ группъ, подрывая довѣріе и къ цѣнности типичной группы.

Послѣдователи Ле Плэ старались найти другой выходъ изъ затруднительнаго положенія. Шейсонъ видѣлъ его въ соединеніи

монографіи со статистикой. Мы согласны съ нимъ въ томъ, что эти два метода должны дополнять другъ друга, но форма, въ которой онъ представляетъ себѣ это взаимное дополненіе, возбуждаетъ сомнѣнія. По его мнѣнію, статистика набрасываетъ только крупные штрихи, указываетъ на пункты, требующіе спеціальныхъ изслѣдованій, а монографія производитъ эти спеціальныя изслѣдованія. Мы должны признаться, что въ данномъ случаѣ мысль автора, противъ обыкновенія, кажется намъ недостаточно ясной. Онъ не указываетъ, какъ намѣчаются статистикой пункты, подлежащіе ближайшему изслѣдованію, и мы не можемъ этого угадать. Можетъ быть, онъ хочетъ сказать, что статистика выдвигаетъ лишь обыденные факты, такъ какъ имъ именно соотвѣтствуютъ ея наиболѣе крупныя числа, и что этимъ путемъ она опредѣляетъ зерно явленій, представляемыхъ нормальными группами, среди которыхъ монографисту остается тогда только остановить свой выборъ. Но если такова (какъ я склоненъ думать) мысль Шейсона, то окажется, что монографическое изслѣдованіе можетъ быть плодотворно лишь въ томъ случаѣ, когда оно предпринимается послѣ статистическаго. Поэтому оно не только было бы недостаточнымъ для созданія соціальной науки одними своими средствами, но за нимъ нельзя было бы признать ни подготовительнаго, ни главнаго значенія и при разработкѣ соціальной науки. Первая задача ученаго въ соціальныхъ наукахъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить существенные факты, которые должны подлежать изслѣдованію. Въ данномъ же случаѣ не монографистъ опредѣлялъ бы эти существенные факты, а статистикъ, отъ котораго первый получалъ бы ихъ совершенно готовыми. Здѣсь нельзя не видѣть признанія, которое, исходя отъ одного изъ самыхъ авторитетныхъ послѣдователей Ле Плэ, получаетъ весьма важное значеніе. Оно отводитъ монографіи при научномъ изученіи общества несравненно болѣе скромное мѣсто, чѣмъ того многіе желали бы *).

---

*) Прибавимъ къ сказанному, что если монографія можетъ вдохновляться статистикой, то и обратно, статистика можетъ извлекать многое изъ монографіи. Превосходной статистикой была бы та, которая, исходя изъ предварительно составленныхъ монографій, представляла бы ихъ синтезъ. Такъ теперь и поступаютъ статистики, замѣняя регистры, въ качествѣ документальнаго матеріала, фишами (см. пред. гл.). Каждая фиша есть нѣкоторымъ образомъ маленькая монографія индивида, составленная подъ спеціальнымъ угломъ зрѣнія. Таковы, напримѣръ, фиши по переписи народонаселенія во Франціи и по удостовѣренію личности подсудимыхъ въ полицейской префектурѣ Парижа.

В) Анкета.

I. Различные виды анкеты. II. Ея пріемы.

I.

Методъ изученія, къ которому мы теперь переходимъ, еще новѣе монографіи,—по крайней мѣрѣ, въ своемъ чисто-научномъ примѣненіи. Методъ, извѣстный подъ именемъ *„анкеты“*, дѣйствительно служитъ однимъ изъ средствъ научнаго ознакомленія съ явленіями соціальной жизни не болѣе десятка лѣтъ. Но у него есть, если можно такъ выразиться, прецеденты, или, точнѣе, методъ анкеты примѣнялся и гораздо раньше—въ цѣляхъ, исключительно, практическихъ. Такъ, напримѣръ, суды пользуются имъ съ давнихъ поръ, въ формѣ слѣдствія въ уголовномъ процессѣ и даже прямо подъ названіемъ *„анкеты“* (разслѣдованія) въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Въ этихъ случаяхъ судъ или спеціально назначенное для данной цѣли должностное лицо стремятся выяснить истину на основаніи всѣхъ фактовъ, подлежащихъ ихъ оцѣнкѣ. Сюда относятся: допросы свидѣтелей, экспертизы, осмотры на мѣстѣ, изслѣдованія вещественныхъ доказательствъ, документовъ и всѣхъ вообще предметовъ, содѣйствующихъ раскрытію истины.

Въ дѣятельности административныхъ учрежденій встрѣчаются и другія формы анкеты. Таковы, напримѣръ: изслѣдованіе, извѣстное подъ именемъ *de commodo et incommodo* и предшествующее исполненію публичныхъ работъ; анкеты, предписываемыя отъ времени до времени начальниками департаментовъ различныхъ министерствъ для выясненія дѣятельности администраціи, находящейся подъ ихъ вѣдѣніемъ, предъ введеніемъ какой-нибудь реформы. Этотъ послѣдній видъ анкеты былъ усвоенъ впослѣдствіи парламентами и другими собраніями представителей съ различными цѣлями. Иногда, подражая судамъ и принимая на себя ихъ функціи, парламенты назначаютъ слѣдственныя коммиссіи изъ своихъ же членовъ и предоставляютъ имъ право вызывать и допрашивать свидѣтелей; такова была слѣдственная коммиссія, назначенная французской палатой депутатовъ для разслѣдованія фактовъ подкупа, относившихся къ установленію и дѣятельности концессіоннаго общества по прорытію Панамскаго перешейка. Случалось также, что парламенты поручали своимъ делегатамъ изслѣдованія иного характера—не судебнаго, а административнаго: такъ, напримѣръ, та же палата депутатовъ назначила анкету о положеніи средняго образованія во Франціи, т. е. по одному изъ

предметовъ государственнаго управленія. Наконецъ, есть еще третій видъ парламентской анкеты, который сходится съ предшествующимъ въ томъ, что оба заканчиваются обыкновенно предложеніемъ какого-нибудь новаго закона, но и расходится въ томъ отношеніи, что анкета, о которой мы сейчасъ говоримъ, имѣетъ своимъ предметомъ не ту или другую отрасль административнаго управленія, а соціальныя явленія частнаго порядка. Таковы анкеты, которыя англійская палата общинъ назначала много разъ по вопросамъ, связаннымъ съ положеніемъ промышленности и рабочаго класса, а именно,—по вопросамъ о дѣтскомъ трудѣ и продолжительности рабочаго дня. Этими именно анкетами было подготовлено голосованіе знаменитыхъ фабричныхъ законовъ (*factory acts*), путемъ которыхъ англійскій парламентъ ввелъ цѣлую серію охранительныхъ мѣръ въ пользу рабочаго класса.

Съ подобной же цѣлью основано и у насъ особое учрежденіе, которому мы обязаны въ нашей странѣ распространеніемъ метода анкетъ. Въ 1901 году французскій парламентъ пришелъ къ сознанію, насколько важно имѣть и намъ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими странами, постоянное учрежденіе, завѣдующее собираніемъ точныхъ данныхъ объ организаціи промышленности, о жизни и нуждахъ рабочихъ; такое учрежденіе доставляло бы самимъ палатамъ возможность ознакомляться съ матеріаломъ, необходимымъ для обсужденія стоящихъ на очереди „рабочихъ законовъ". Въ этихъ видахъ и было рѣшено учрежденіе при министерствѣ торговли и промышленности „Управленія Труда" (Office du travail). Здѣсь не мѣсто излагать довольно бурную исторію этого „Управленія", которое было, въ концѣ концовъ, сентябрьскимъ декретомъ 1900 г. соединено съ Общимъ Статистическимъ Бюро Франціи и оставлено при томъ же министерствѣ торговли и промышленности. Хотя и съ урѣзанной автономіей, это „Управленіе" продолжаетъ существовать и въ настоящее время. Въ продолженіе восьми лѣтъ самостоятельной жизни и по утратѣ ея, оно издало много изслѣдованій о рабочемъ классѣ, и все—въ формѣ анкетъ. Оно предприняло обширную анкету о мелкой промышленности Парижа и выпустило уже два большихъ тома, изъ которыхъ одинъ посвященъ промышленности пищевыхъ продуктовъ, а другой—одежды. Тотъ же анкетный методъ приложенъ имъ къ выясненію вопросовъ о пріисканіи труда для служащихъ, рабочихъ и прислуги, о производительныхъ ассоціаціяхъ рабочихъ, о патрональныхъ пенсіонныхъ кассахъ и проч. Тѣмъ же способомъ изучены нѣкоторыя явленія и заграницей, а именно,—обязательное страхованіе рабочихъ въ Германіи и въ Австріи. И въ настоящее время ведутся многія важ-

ныя анкеты, какъ, напримѣръ, о различныхъ классахъ существующихъ во Франціи ассоціацій.

Казалось бы, что какъ для статистики, такъ и для веденія анкетъ особенно пригодны должны быть административныя учрежденія въ виду того, что эти послѣднія обладаютъ компетентнымъ персоналомъ для изслѣдованій, денежными средствами, правомъ опроса должностныхъ и частныхъ лицъ—по всѣмъ вопросамъ, составляющимъ предметъ анкеты. Но на дѣлѣ и частныя лица имѣютъ полную возможность вести подобныя же изслѣдованія и достигать очень плодотворныхъ результатовъ. Такъ, напримѣръ, благодаря щедрости графа де Шамбрена (de Chambrun), въ Парижѣ основанъ Соціальный Музей, одной изъ функцій котораго является веденіе анкетъ о соціальномъ положеніи различныхъ странъ, и эта задача уже исполняется на столько удовлетворительно, что вызываетъ признаніе всѣхъ компетентныхъ ученыхъ. Этотъ Музей командируетъ и заграницу изслѣдователей, привозящихъ оттуда превосходныя работы. Одна посланная заграницу группа лицъ, съ Жоржемъ Блонделемъ (Georges Blondel) во главѣ, изучила на мѣстѣ земледѣльческій кризисъ и положеніе крестьянъ въ Германіи; Блондель и его четыре сотрудника подѣлили между собою работу по отдѣльнымъ районамъ изслѣдованія и затѣмъ соединили вмѣстѣ полученные результаты: въ итогѣ получился объемистый томъ, цѣнный какъ по общимъ выводамъ, такъ и по точности деталей. Другая группа, въ составъ которой вошли Леопольдъ Мабильо (Léopold Mabilleau), Шарль Рейнери (Charles Rayneri) и графъ де Рокиньи (de Rocquigny), посѣтила Италію съ цѣлью изучить тамъ учрежденія, принадлежащія къ типу ссудо-сберегательныхъ кассъ, кооперативныхъ обществъ и народныхъ банковъ. Она показала своимъ интереснымъ трудомъ, какую огромную пользу извлекаетъ Италія изъ предоставленнаго ея ссудо-сберегательнымъ кассамъ права распоряжаться хранящимися въ нихъ взносами для удовлетворенія мѣстныхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ нуждъ; столь же полезнымъ оказывается и замѣчательное учрежденіе странствующихъ учителей земледѣлія. Въ другихъ случаяхъ подобныя же изслѣдованія производятся и отдѣльными лицами, отправляющимися заграницу отъ имени Соціальнаго Музея. Такъ, напримѣръ, Луи Вигуру (Louis Vigouroux), по возвращеніи изъ такого путешествія, издалъ книгу „о концентраціи рабочихъ силъ въ Соединенныхъ Штатахъ“ (*La concentration des forces ouvrières aux Etats-Unis*). Надо радоваться, что великодушная иниціатива графа де Шамбрена позволила собрать столько цѣннаго матеріала и отдала разработку его въ надежныя руки.

Но и безъ помощи учрежденій, подобныхъ Соціальному Музею, дѣятельность частныхъ лицъ—такъ сказать, добровольцевъ анкеты—можетъ быть плодотворна. Такъ, Піеръ дю Марусенъ задумалъ изслѣдованіе различныхъ отраслей парижской промышленности. Результаты этого серьезнаго труда, изложенные имъ сперва на публичныхъ лекціяхъ въ Парижскомъ юридическомъ факультетѣ, вышли затѣмъ цѣлой серіей томовъ. Плотники, мебельщики Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, большіе магазины, базары, центральный рынокъ—были имъ поочередно изучены. И каждой средѣ онъ посвятилъ многочисленныя монографіи: однѣ изъ нихъ касаются семей рабочихъ и служащихъ въ магазинахъ, другія—рабочихъ въ мастерскихъ; совокупность этихъ монографій, связанныхъ въ логическомъ порядкѣ, представляетъ живую и поучительную картину отдѣльныхъ профессій. Приходится только пожалѣть, что авторъ—для того, чтобы усилить впечатлѣніе, на которое онъ разсчитываетъ,—позволяетъ себѣ иногда, особенно въ послѣднихъ томахъ, небольшія неточности. Кромѣ того, дю Марусенъ принималъ полезное участіе и въ анкетахъ „Управленія труда", о которыхъ мы уже упоминали, а именно—въ анкетѣ о мелкой промышленности Парижа. Въ своей книгѣ „*Les enquêtes, practique et théorie*" онъ излагаетъ свой методъ, преувеличивая, къ сожалѣнію, до крайности роль анкеты, которая смѣшивается у него со всѣми другими методами изслѣдованія соціальныхъ явленій и лишается своихъ интереснѣйшихъ специфическихъ чертъ.

Отмѣтимъ еще, для полноты характеристики существующихъ формъ анкеты, новую, недавно предложенную ея форму. Покойный Тардъ обратился въ Общество соціологіи (Société de Sociologie) въ Парижѣ въ декабрѣ 1899 года съ предложеніемъ пригласить его членовъ къ изученію, въ различныхъ доступныхъ имъ сферахъ, не явленій, наблюдаемыхъ въ данный моментъ, а измѣненій въ этихъ явленіяхъ въ томъ или другомъ специальномъ отношеніи и въ теченіе достаточно продолжительнаго времени; онъ предложилъ, такимъ образомъ, замѣнить статическую точку зрѣнія динамической. Въ видѣ примѣра, Тардъ указалъ измѣненія въ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Надо узнать, какъ измѣнялись, напр., въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, идеи, вѣрованія и исполненіе религіозныхъ обрядовъ въ различныхъ слояхъ общества. То же самое имъ было предложено и относительно политическихъ убѣжденій, измѣненія въ которыхъ можно прослѣдить отъ одного поколѣнія къ другому или въ томъ же поколѣніи, въ теченіе одной индивидуальной

жизни. Третья изъ указанныхъ проблемъ касалась передачи профессій. Профессіи были до революціи, по большей части, наслѣдственны, но остались ли онѣ таковыми, и въ какой мѣрѣ, въ настоящее время? И въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти избираютъ себѣ другія профессіи, какія причины побуждаютъ ихъ къ этому? Общество соціологіи остановилось на послѣдней темѣ, такъ какъ относящіеся къ ней факты лучше поддаются изслѣдованію. Оно издало и вопросникъ, который былъ разосланъ многимъ соціологамъ съ просьбой собрать возможно-многочисленные и доказательные факты по столь важному соціальному вопросу *); эта анкета еще не закончена.

Наконецъ, укажемъ еще на новѣйшее и успѣшное приложеніе анкеты къ періодической прессѣ. Журналы и газеты усмотрѣли въ ней удобное средство для ознакомленія своихъ читателей съ очередными проблемами; они предпринимаютъ анкеты по разнымъ вопросамъ дня, обращаясь за отвѣтами къ своимъ обычнымъ сотрудникамъ и посторояннимъ лицамъ, представляющимъ, въ ихъ глазахъ, извѣстный авторитетъ; они обращаются иногда и къ большой публикѣ, прося ее высказаться по тому или другому вопросу и обѣщая воспроизвести точно мнѣніе каждаго. Соціологическіе журналы, хорошо знакомые съ этимъ пріемомъ изслѣдованія, вступили первыми на этотъ путь: *Revue Internationale de Sociologie* предприняла анкету по вопросу о введеніи преподаванія соціологіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ**); она обнародовала также анкету о философіи гр. Толстого***). Другіе журналы послѣдовали этому примѣру; такъ, *Revue des Revues*, переименованная теперь въ *Revue*, открыла анкету съ цѣлью опредѣлить характерныя черты французскаго національнаго духа †), а еженедѣльный журналъ *Européen* публикуетъ отвѣты, получаемые имъ со всѣхъ концовъ свѣта на вопросъ: находится-ли Франція въ состояніи упадка ††)? Ежедневныя газеты устраиваютъ то же своего рода народные référendum, напр., по вопросу о томъ, кого считать теперь самымъ великимъ писателемъ въ той или другой области литературы, или будутъ-ли осуждены, и на какое наказаніе, подсудимые въ томъ или другомъ сенсаціонномъ процессѣ †††)?

*) Revue Internationale de Sociologie, mars 1900.

**) 1899—1900.

***) 1900.

†) 1898.

††) 1904.

†††) Анкета газеты *Le Matin* относительно процесса Эмберовъ (Humbert), 1903.

Разумѣется, не всѣ предложенные вопросы имѣютъ одинаковое значеніе, и не всѣ отвѣты исходятъ отъ людей, обладающихъ достаточной компетентностью. Но нѣтъ сомнѣнія, что совокупность этихъ отвѣтовъ представляетъ собою интересный матеріалъ, свидѣтельствующій, по крайней мѣрѣ, объ общественномъ настроеніи въ моментъ анкеты. И уже значительное число этихъ отвѣтовъ доказываетъ все растущій успѣхъ этого метода, созданнаго первоначально для судебныхъ, административныхъ и политическихъ цѣлей и примѣняющагося теперь, къ большой выгодѣ науки, почти ко всѣмъ порядкамъ соціальныхъ явленій.

II.

Послѣ всего изложеннаго, мы можемъ выдѣлить характерныя черты метода анкеты. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ менѣе многочисленны и менѣе опредѣленны, чѣмъ черты монографическаго и статистическаго методовъ. Но причина этого кроется, по нашему мнѣнію, исключительно въ новизнѣ метода анкеты — по крайней мѣрѣ, въ его научномъ примѣненіи. Все заставляетъ думать, что этотъ методъ станетъ впослѣдствіи полнѣе и богаче. Но и теперь мы можемъ отмѣтить слѣдующія черты.

Предметъ анкеты указываетъ обыкновенно и на ея значеніе. Юридическія анкеты производятся по поводу текущихъ процессовъ; административныя—по поводу замѣченныхъ недостатковъ въ органахъ государственнаго управленія или ихъ дѣятельности; парламентскія анкеты назначаются по поводу проектовъ или предложеній законовъ. Что касается научныхъ анкетъ въ собственномъ смыслѣ, то онѣ обыкновенно затрагиваютъ вопросы, интересующіе ученый міръ и требующіе разрѣшенія для дальнѣйшаго веденія другихъ изслѣдованій. Конечно, выборъ ихъ не всегда бываетъ удаченъ; случается, что предметомъ анкеты дѣлаются менѣе важные факты, тогда какъ болѣе важные упускаются изъ виду. Но есть основаніе думать, что это можетъ происходить лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; по крайней мѣрѣ, каждый разъ, когда анкета требуетъ сотрудничества многихъ лицъ, мы можемъ быть увѣрены, что она будетъ вестись нормально, благодаря содѣйствію того или другого административнаго органа, того или другого спеціальнаго учрежденія или ученаго общества; ей будетъ предшествовать въ этихъ случаяхъ совѣщаніе лицъ, руководящихъ дѣятельностью этихъ учрежденій; и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что такое совѣщаніе компетентныхъ людей не допуститъ анкеты по второстепеннымъ или недоступнымъ для изслѣдованія вопросамъ и при-

ведетъ къ выбору болѣе важныхъ и доступныхъ предметовъ. Теперь спрашивается: какъ будетъ дѣйствовать лицо, ведущее анкету? Оно будетъ, прежде всего, отбирать показанія. Это, конечно, главный источникъ его свѣдѣній, который долженъ быть укрѣпленъ тщательной провѣркой тождества лицъ, дающихъ показанія, и всѣми данными, способными удостовѣрить степень искренности сообщенныхъ отвѣтовъ. Не ограничиваясь пассивнымъ собираніемъ даваемыхъ ему показаній, изслѣдователь долженъ самъ вызывать на объясненія людей, которыхъ онъ считаетъ болѣе всего способными выяснить интересующій его вопросъ,— словомъ, онъ долженъ стараться получить отъ нихъ, возможно больше свѣдѣній. Но этого мало. Главное его усиліе должно быть направлено на то, чтобы лично удостовѣриться въ фактахъ, подлежащихъ его изслѣдованію. Для этого онъ долженъ посѣтить различныя мѣстности, въ которыхъ эти факты можно наблюдать, изслѣдовать ихъ настоящее положеніе и вызвать на объясненіе ихъ всѣхъ, кто можетъ дать ему полезныя указанія. Такія изслѣдованія должны быть настолько многочисленны и обширны, насколько это возможно, и изучаемый вопросъ долженъ быть обнятъ ими во всей своей широтѣ и во всей своей глубинѣ. Само собою разумѣется, что изслѣдователь сдѣлаетъ хорошо, если онъ ознакомится предварительно съ предметомъ своего изслѣдованія и прочтетъ важнѣйшее изъ того, что написано по этому предмету. Но ему твердо слѣдуетъ помнить, что ни одна книга, и даже всѣ книги вмѣстѣ, не заключаютъ въ себѣ истины, что никакая ученость не можетъ замѣнить личнаго наблюденія, что онъ долженъ даже остерегаться, при своихъ наблюденіяхъ, находить въ нихъ слишкомъ легко то, что имъ уже вычитано гдѣ-нибудь; словомъ,—онъ долженъ сохранить полную независимость въ своихъ личныхъ изслѣдованіяхъ. Съ другой стороны, анкета нисколько не проигрываетъ отъ того, если она ведется одновременно нѣсколькими лицами. Это часто даже необходимо, при обширности области изслѣдованія. Если изслѣдователей много, они могутъ раздѣлить трудъ по различнымъ частямъ изслѣдованія, но такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не оставался вполнѣ чуждымъ работѣ своихъ сотрудниковъ, и каждый могъ оказывать помощь всѣмъ другимъ, контролируя ихъ наблюденія, а въ случаѣ надобности— и исправляя, и дополняя ихъ; словомъ, изслѣдованіе должно вестись такъ, чтобы раздѣленіе труда соединялось и переплеталось съ настоящимъ сотрудничествомъ. Изслѣдованіе путемъ анкеты стремится къ совокупному описанію изучаемыхъ фактовъ и объединенію элементовъ этого описанія. Поэтому отчетъ или сочи-

неніе, въ которомъ резюмируются полученные результаты, отличается одновременно какъ отъ статистическихъ, такъ и отъ монографическихъ работъ: отъ первыхъ анкета отличается тѣмъ, что она состоитъ изъ текста, а не столбцовъ цифръ или діаграммъ; отъ вторыхъ—тѣмъ, что, не ограничиваясь описаніемъ какого-либо отдѣльнаго явленія, анкета ищетъ, напротивъ, синтеза всего, что имѣетъ отношеніе къ ея обширному предмету. Но это нисколько не означаетъ того, чтобы изслѣдованіе путемъ анкеты могло пренебрегать статистикой или монографіей. Напротивъ, анкета весьма заинтересована въ той и другой, какъ въ дополненіи къ своему изслѣдованію. Такъ, встрѣчаясь съ явленіями, поддающимися числовому выраженію, она сообщаетъ точнѣе числовые итоги; имѣя надобность въ болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи какого-нибудь отдѣльнаго вопроса изъ своей области, она можетъ сдѣлать его предметомъ монографіи, которая прольетъ живой свѣтъ на все изслѣдованіе. Піеръ дю Марусенъ говоритъ даже, въ цитированной выше книгѣ, что анкета есть не что иное, какъ рядъ связанныхъ между собою монографій; онъ предлагаетъ, напр., для изслѣдованія какой-нибудь отрасли промышленности, выбрать три принадлежащихъ къ ней мастерскихъ, большую, среднюю и малую, и составить ихъ монографіи; если эти мастерскія типичны, онѣ въ состояніи дать понятіе о положеніи всѣхъ частей данной отрасли промышленности. Мы не считаемъ этого пріема изслѣдованія удовлетворительнымъ, такъ какъ (мы уже указывали на это въ предъидущей главѣ) у насъ никогда не можетъ быть увѣренности въ томъ, что та или другая единица, служащая предметомъ монографіи, дѣйствительно типична и способна дать намъ точныя свѣдѣнія и о сосѣднихъ съ нею единицахъ. Поэтому мы совѣтовали бы лицамъ, производящимъ анкеты, брать возможно больше предметовъ наблюденія и останавливаться затѣмъ, если это нужно, и на болѣе подробномъ изученіи нѣкоторыхъ изъ нихъ: такъ, напримѣръ, если дѣло идетъ о какой-нибудь мѣстной промышленности, лучше посѣтить тридцать мастерскихъ, чѣмъ три; затѣмъ, нужно записать наблюденія, сдѣланныя надъ всѣми тридцатью мастерскими, если только они не слишкомъ повторяютъ другъ друга, и дать болѣе подробное описаніе тѣхъ мастерскихъ, которыя особенно поразятъ изслѣдователя. Его отчетъ уподоблялся бы тогда ровной плоскости, на которой только нѣкоторые пункты были бы изрыты въ глубину монографіями, тогда какъ другіе были бы приподняты статистикой и выражены ея цифрами. Такимъ образомъ, анкетный методъ, поддержанный двумя другими,

более старыми, чѣмъ онъ, сохранилъ бы свою оригинальность и свой специфическій характеръ.

Намъ остается отмѣтить цѣнность этого метода по отношенію къ двумъ предъидущимъ, и на это не потребуется много словъ. Съ одной стороны, анкета, подобно статистикѣ, даетъ общіе результаты, такъ какъ предметъ ея обширенъ; съ другой,— она, подобно монографіи, даетъ и конкретные результаты, такъ какъ ее занимаютъ и частности, и индивидуальности. Сверхъ того, ея преимущество сравнительно со статистикой состоитъ въ томъ, что она представляетъ собою не простое собраніе холодныхъ абстракцій; сравнительно съ монографіей ея преимущество—въ томъ, что она не теряется въ частностяхъ. Такимъ образомъ, она соединяетъ въ себѣ лучшія стороны обоихъ методовъ и подходитъ, какъ нельзя болѣе, къ научному изслѣдованію въ области соціальныхъ явленій. Мы лично склонны даже думать, что изъ всѣхъ методовъ *à posteriori* ей предстоитъ самая большая будущность. Но само собою разумѣется, что въ вѣрности этого предсказанія можно убѣдиться только черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда анкетный методъ вполнѣ докажетъ свою пригодность на практикѣ. Пока же намъ кажется, что къ этому методу слѣдуетъ прибѣгать при изученіи соціальныхъ явленій какъ можно чаще. Правда, его нельзя, повидимому, примѣнять иначе, какъ при участіи въ изслѣдованіи многихъ лицъ. Но не то же-ли самое мы видимъ въ статистикѣ, и развѣ монографіи, если изъ нихъ хотятъ сдѣлать какія-либо общія заключенія, не должны составляться на многихъ пунктахъ и требовать, слѣдовательно, такого же одновременнаго участія въ ихъ составленіи многихъ изслѣдователей? Такимъ образомъ, анкетный методъ и въ этомъ отношеніи не представляетъ болѣе серьезныхъ неудобствъ, чѣмъ другіе методы.

Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства.

М. Ковалевскаго.

Исторія капитализма начинается нѣсколькими вѣками ранѣе того, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. XVI-ое столѣтіе, по моему, далеко не должно быть разсматриваемо, какъ начало процесса его образованія, процесса, развивавшагося болѣе или менѣе безостановочно съ XIII вѣка.

По дошедшимъ изъ разныхъ странъ свидѣтельствамъ, Западная Европа уже въ XIII вѣкѣ достигла небывалой густоты населенія, небывалой—по крайней мѣрѣ, со времени паденія Римской Имперіи. Увеличеніе числа жителей, приходящихся на квадратную милю, необходимо должно было вызвать рядъ экономическихъ послѣдствій; съ одной стороны, увеличился запросъ на землю, съ другой стороны, началась погоня за рынками съ цѣлью обезпечить существованіе размножившагося населенія. Эти поиски новыхъ центровъ сбыта товаровъ должны были особенно участиться въ государствахъ съ ограниченной территоріей, государствахъ-городахъ. Таковы были условія итальянскихъ республикъ, напримѣръ, Генуи на берегу Лигурійскаго залива и Венеціи, расположенной на островахъ Адріатическаго побережья, на разстояніи немногихъ часовъ отъ Падуи; онѣ рано должны были искать сбыта для своихъ товаровъ въ далекихъ странахъ Востока и Запада. То же должно быть сказано о городахъ Ганзейской лиги, одинаково во Фландріи и Сѣверной Германіи, о городахъ прирейнскихъ, а съ XV-го и XVI-го вѣковъ—объ Антверпенѣ и Амстердамѣ. Однимъ словомъ, государства съ ограниченной территоріей, которыя, въ силу этого самаго, не могли расширить своей земледѣльческой обработки, должны были развить у себя внѣшнюю торговлю и промыслы гораздо раньше того времени, которое принято считать исходнымъ моментомъ въ исторіи развитія капитализма. Одновременно обработка земли расширялась въ нихъ и становилась болѣе интенсивной; объ этомъ послѣднемъ свидѣтельствуетъ обиліе разныхъ арендныхъ сдѣлокъ: онѣ становятся

уже въ XIII вѣкѣ очень частыми, между тѣмъ какъ раньше мы съ ними почти не встрѣчаемся. Большинство ихъ—договоры о поднятіи нови, своего рода сдачѣ земли изъ-подъ выстройки. Въ то же время мы наблюдаемъ и усиленіе внутренней колонизаціи, выразившееся въ возникновеніи новыхъ поселеній. Правительства разныхъ странъ предлагаютъ приходящимъ со стороны колонистамъ свободные участки земли и освобождаютъ ихъ въ теченіе извѣстнаго срока отъ уплаты налоговъ. Франція покрывается цѣлымъ рядомъ villes neuves. Однохарактерныя явленія наблюдаются и въ Испаніи, гдѣ правительства Каталоніи, Наварры и Аррагоніи выдаютъ колонистамъ особыя cartae pueble, или полномочія на занятіе свободныхъ, недавно отвоеванныхъ у мавровъ земель. То же явленіе мы встрѣчаемъ нынѣ въ Австраліи и Сѣверной Америкѣ, гдѣ колонистовъ надѣляютъ землею даромъ, на началахъ частнаго или общиннаго пользованія. Ни о какой земельной статистикѣ для того времени, къ которому относится зарожденіе капитализма, конечно, не можетъ быть и рѣчи; выводы приходится дѣлать только на основаніи частаго повторенія извѣстной формы юридическихъ актовъ. Вообще, XIII вѣкъ былъ вѣкомъ быстро растуещй колонизаціи. Это, въ частности, замѣтно на финскихъ и славянскихъ земляхъ, гдѣ нѣмцы селятся въ значительномъ числѣ. Такъ рыцари Тевтонскаго ордена пускаютъ корни въ странѣ Пруссовъ, а Меченосцы утверждаются на берегахъ Балтійскаго моря.Въ нѣкоторыхъ городахъ Польши нѣмецкія колоніи такъ многолюдны, что запись мѣстнаго обычая дѣлается на нѣмецкомъ языкѣ. Принимая во вниманіе всѣ эти факты, необходимо приходишь къ тому выводу, что ростъ населенія въ XIII вѣкѣ долженъ былъ повести къ разрыву съ системой натуральнаго хозяйства и содѣйствовать привитію болѣе интенсивныхъ формъ экономической дѣятельности. Значительныя перемѣны происходятъ также въ сферѣ торговой политики Прѣдпринимаются войны съ цѣлью захвата международныхъ рынковъ, войны, вызываемыя, такимъ образомъ, побужденіями коммерческаго характера. Такъ, уже въ самомъ началѣ XIII-го столѣтія, Венеціанцы, отправившись на освобожденіе Гроба Господня, высадились въ Далмаціи и фактически подчинили себѣ эту провинцію, надѣляя въ то же время ея жителей правами и вольностями; при этомъ туземное населеніе было поставлено въ необходимость покупать товары не иначе, какъ изъ рукъ Венеціанцевъ. Вслѣдъ затѣмъ они захватили Византію, несмотря на то, что греки готовы были оказать имъ поддержку въ освобожденіи Гроба Господня. На самомъ дѣлѣ, занятіе Византіи имѣло цѣлью устранить конкурренцію генуэзцевъ во внѣш-

ней торговлѣ, что и было достигнуто вполнѣ успѣшно. Латинская Имперія, основанная Венеціанцами, была, въ свою очередь, разрушена полъ-вѣка спустя при содѣйствіи Генуэзцевъ, которые помогли Грекамъ своимъ оружіемъ, подъ условіемъ, чтобы имъ были предоставлены торговыя привиллегіи, ранѣе присвоенныя Венеціанцами. Захватъ земель имѣетъ въ обоихъ случаяхъ главной задачей пріобрѣтеніе новыхъ рынковъ, а никакъ не хозяйственную эксплуатацію захваченныхъ земель или устройство въ нихъ новыхъ промышленныхъ центровъ. Всѣ эти факты совсѣмъ не соотвѣтствуютъ представленію о самодовлѣющемъ или натуральномъ хозяйствѣ и напоминаютъ наши теперешніе пріемы захвата иноземныхъ торжищъ. То же самое стремленіе сказалось во Франціи при Людовикѣ IX Святомъ, главной заботой котораго во время предпринятаго имъ крестоваго похода было обезпечить постоянный сбытъ для французскихъ товаровъ въ Тунисѣ. Съ правителемъ этой страны ему удалось заключить выгодный торговый договоръ. При томъ же Людовикѣ завязались и первыя сношенія французовъ съ Алжиромъ. Наряду съ этими фактами нужно поставить и возникновеніе въ XIII вѣкѣ (въ точности неизвѣстно, въ какомъ году) Лиги Ганзейскихъ городовъ, ставившей себѣ цѣлью развитіе торговыхъ сношеній между сѣверо-востокомъ и западомъ Европы. Торговля между русскими Новгородъ), скандинавскими и германскими городами существовала и раньше въ эпоху полу-миѳической Винеты, но съ XIII-го вѣка она усилилась и получила прочную организацію въ устройствѣ, такъ-называемой, Ганзы. Передавая всѣ перечисленные факты языкомъ экономистовъ, мы въ правѣ сказать, что XIII вѣкъ является уже періодомъ быстраго роста земельной ренты и болѣе торговаго, чѣмъ промышленнаго капитала. Ростъ ренты дѣлалъ крѣпостное право все болѣе и болѣе невыгоднымъ для помѣщика, а развитіе торговой и, въ зависимости отъ нея, промышленной дѣятельности усиливало приливъ крестьянъ въ города. Чтобы понять невыгодность крѣпостного труда при возрастающей рентѣ на землю, надо имѣть въ виду, что барщинный трудъ крестьянъ не можетъ считаться даровымъ: онъ оплачивается землей. Такая система вознагражденія была выгодна для помѣщика, пока земля имѣла низкую цѣнность. Но когда населеніе увеличилось, поднялась цѣна продуктовъ, и на землю явился большій спросъ; для помѣщика стало невыгодно оплачивать крестьянина землей; для него оказалось болѣе удобнымъ предоставить крестьянину выкупиться на свободу уступкой своего надѣла, послѣ чего ему показывали, по выраженію ломбардскихъ юридическихъ актовъ, „всѣ

четыре дороги", т. е. его отпускали изъ помѣстья. Помѣщикъ получалъ, такимъ образомъ, землю, принадлежавшую ранѣе крестьянину, и обрабатывалъ ее отнынѣ самъ болѣе интенсивно или же сдавалъ ее на срокъ въ аренду прежнему барщинному крестьянину за натуральную или денежную плату, размѣръ которой зависѣлъ отъ роста ренты. Во Франціи частымъ явленіемъ становятся съ XIII вѣка, такъ называемые, désaveux,—акты, въ силу которыхъ крестьяне переставали быть крѣпостными, а земля ихъ переходила къ помѣщику.

Массовыя отпущенія крестьянъ на волю начинаются прежде всего въ Италіи, обыкновенно подъ условіемъ уплаты помѣщику выкупа, средства на который давалъ главный городъ области, преслѣдовавшій при этомъ и политическую задачу— ослабленія власти и вліянія враждовавшихъ съ нимъ феодаловъ-помѣщиковъ. Во Франціи крѣпостное право формально было упразднено только въ 1789 году, въ ночь 4 августа, благодаря великодушному отказу высшаго дворянства отъ феодальныхъ привиллегій и при вынужденномъ согласіи мелкихъ дворянъ-владѣльцевъ; но фактически оно уже задолго до этого стало вымирать, такъ что, когда небольшая депутація сервовъ явилась благодарить Учредительное Собраніе за дарованную имъ свободу, оказалось, что число барщинныхъ крестьянъ было весьма ничтожно. Бóльшая часть ихъ принадлежала аббатству Св. Клода, въ департаментѣ Юры. Во многихъ странахъ крѣпостное право было упразднено снизу, но не путемъ крестьянскихъ возстаній, приводившихъ обыкновенно къ противоположному результату, къ его легальному упроченію, а вслѣдствіе увеличенія густоты населенія и обусловленной тѣмъ эмиграціи крестьянъ въ города въ качествѣ чернорабочихъ, „manouvriers". Въ окрестностяхъ большихъ городовъ освобожденіе крестьянъ происходило нерѣдко путемъ частныхъ соглашеній, помимо всякаго законодательнаго вмѣшательства. Въ Нормандіи уже въ XIII вѣкѣ не оставалось крѣпостного права; оно продолжаетъ держаться во Франціи только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе было менѣе густо. Замѣчательно, что освобожденные крестьяне охотно эмигрировали въ провинціи, сохранившія крѣпостное право, каждый разъ подъ условіемъ надѣленія ихъ землей, такъ, напримѣръ, въ Бургундію. Въ Англіи крѣпостное право стало вымирать, также начиная съ XIII вѣка, а барщина замѣняться оброчными платежами, подобными французскимъ censives и польско-литовскому „чиншу". Оброчные крестьяне носили здѣсь только другое названіе, именно—копигольдеровъ отъ слова „копія", или снимокъ съ волостныхъ актовъ, опредѣлявшихъ

характеръ и размѣръ ихъ обязательствъ по отношенію къ помѣщику.

Переходъ отъ барщины къ оброку вездѣ и всегда связанъ съ увеличеніемъ густоты населенія. Въ серединѣ XIV вѣка въ Европѣ появилась, какъ извѣстно, чума, упоминаемая лѣтописями подъ названіемъ „черной смерти". Татары, осаждавшіе городъ Каѳу (Ѳеодосію) въ Крыму, яко-бы передали ее европейцамъ, благодаря тому, что стали перебрасывать трупы своихъ больныхъ въ городъ. Достовѣрно извѣстно, впрочемъ, только то, что моровая язва занесена была въ Европу съ Востока. Въ Англіи и другихъ странахъ она унесла съ собою отъ 1/3 до 1/2 населенія. Этого было достаточно, чтобы помѣщики перешли снова отъ денежныхъ платежей къ прежней барщинѣ, слѣдствіемъ чего было крестьянское возстаніе, подавленное въ крови королемъ, во главѣ дворянскихъ ополченій. Для успокоенія крестьянъ, молодой правитель страны Ричардъ II даровалъ имъ волю, но бароны заставили его отмѣнить эту мѣру. Черезъ нѣсколько времени, однако, крѣпостное право стало исчезать въ Англіи въ силу общей причины,—увеличенія населенія и соотвѣтственнаго роста земельной ренты. Послѣ эпидеміи, какъ общее правило, населеніе размножается быстро, очевидно, потому, что при ней остаются въ живыхъ только наиболѣе крѣпкіе организмы. Увеличенію населенія способствовалъ въ Англіи также притокъ переселенцевъ, привлекаемыхъ въ нее выгодными условіями, въ какія, благодаря климату, поставлены здѣсь овцеводство и шерстяная промышленность. Влажность англійскаго воздуха дѣлаетъ эту страну въ высшей степени пригодною для разведенія тонкорунныхъ овецъ; англійская шерсть считалась уже въ это время лучшей въ Европѣ, послѣ испанской. Помѣщики были заинтересованы, поэтому, въ томъ, чтобы обратить возможно большія пространства земли подъ пастбища, но для этого имъ надо было избавиться предварительно отъ крѣпостныхъ. Вотъ почему крѣпостное право въ Англіи стало быстро вымирать въ первой половинѣ XV вѣка, помимо и даже вопреки закону. Подобіе съ его отмѣной легальнымъ порядкомъ представляетъ развѣ позднѣйшее упраздненіе его, за одно со всей феодальной системой, сперва Кромвелемъ, а затѣмъ, въ 1660 г., вернувшимися на престолъ Стюартами.

Если процессъ эмансипаціи крестьянъ отъ барщины потребовалъ больше времени на континентѣ, по крайней мѣрѣ, во Франціи и Германіи, то и это явленіе немудрено привести въ причинную связь съ продолжительными задержками въ ростѣ населенія и, соотвѣтственно, земельной ренты. То обстоятель-

ство, что столѣтняя, а затѣмъ тридцатилѣтняя войны велись не въ Англіи, а на материкѣ Европы, объясняетъ намъ, почему для одной Франціи и Германіи эти войны сдѣлались значительнымъ тормазомъ общественнаго прогресса и задержали начавшійся въ нихъ еще съ XIII вѣка процессъ упраздненія барщины. Когда въ серединѣ XV столѣтія англійскій канцлеръ сэръ Джонъ Фортескью обнародовалъ свои извѣстныя „Похвалы англійскимъ законамъ", онъ счелъ себя въ правѣ указать на то преимущество Англіи передъ Франціей, что въ ней исчезли уже всѣ слѣды несвободы; во Франціи же съ послѣдними остатками крѣпостного права пришлось считаться еще дѣятелямъ Учредительнаго Собранія 1789 г. Процессъ ликвидаціи средневѣкового помѣстнаго строя завершился въ разныхъ странахъ далеко не одновременно. Въ Германіи крѣпостное право продолжало оставаться общественной язвой еще въ эпоху реформаціи и знаменитой крестьянской войны 1524 и 1525 годовъ, а въ нѣкоторыхъ ея земляхъ, наполовину славянскихъ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, Австріи или остзейскихъ провинціяхъ, послѣдніе удары ему нанесены были лишь въ первой половинѣ прошлаго столѣтія.

Начавшійся въ XIII в. и наполовину завершенный въ XVI в. эмансипаціонный процессъ имѣетъ для насъ въ настоящее время значеніе только со стороны его экономическихъ послѣдствій. Онъ упразднилъ прежнюю фактическую, если не юридическую, неподвижность земельной собственности, обратилъ ее въ рыночную цѣнность, поставилъ самую доходность имѣній въ зависимость отъ возможно производительной ихъ эксплуатаціи, заставилъ собственниковъ заинтересоваться техникой земледѣлія, какъ условіемъ поднятія ренты и, соотвѣтственно, цѣны ихъ имѣній, открылъ имъ возможность повышать свои денежныя требованія съ арендаторовъ, по мѣрѣ увеличивающагося спроса на землю, и заставилъ самихъ этихъ арендаторовъ вкладывать въ нее капиталъ, съ цѣлью увеличенія ея доходности. Однимъ словомъ, онъ повелъ къ замѣнѣ экстенсивнаго хозяйства хозяйствомъ интенсивнымъ. Такое хозяйство открывало, очевидно, возможность помѣщенія капиталовъ въ землю въ иной формѣ, чѣмъ та, какую представляла средневѣковая система временныхъ, пожизненныхъ и, всего чаще, наслѣдственныхъ рентъ. Богатый горожанинъ, нажившійся промышленникъ и торговецъ, находили теперь разсчетъ въ пріобрѣтеніи недвижимой собственности. Это обстоятельство объясняетъ намъ причину прилива къ ней средняго сословія, прежде всего въ Италіи, а затѣмъ во Франціи и Англіи, гдѣ родовитое дворянство должно было удѣлить, разумѣется, за деньги,—часть своего

земельнаго фонда новому дворянству, или такъ-называемымъ облагороженнымъ, т. е. высшимъ слоямъ буржуазіи. Это позволило ему очистить свои имѣнія отъ накопившагося на нихъ долга въ формѣ отчужденныхъ наслѣдственныхъ рентъ. Папа, подъ вліяніемъ канонистовъ и съ явнымъ нарушеніемъ обязательной силы договоровъ, а по его примѣру и свѣтскіе правители допустили выкупъ такихъ рентъ даже въ случаѣ ихъ пожизненности. Нечего говорить, что какъ старые, такъ и новые собственники принуждены были перейти къ противнымъ прежнимъ порядкамъ раціональнаго хозяйничанья, не мирившагося болѣе ни съ системой открытыхъ полей, ни съ поступленіемъ ихъ подъ общій выгонъ послѣ снятія годовыхъ урожаевъ, ни съ общинными сервитутами, ни съ правомъ въѣзда и выпаса въ лѣсахъ, въ степи и на лугахъ, послѣ снятія съ нихъ сѣна. Это обстоятельство, въ свою очередь, побудило ихъ давать предпочтеніе фермерамъ-капиталистамъ передъ потомствомъ прежнихъ крѣпостныхъ гнало крестьянъ изъ помѣстій и вызывало въ ихъ средѣ рѣшительное недовольство новыми порядками. Это недовольство не разъ сказывалось въ эпоху крестьянскихъ возстаній въ требованіи возстановить прежнюю систему открытыхъ полей и нераздѣльнаго пользованія угодьями; такъ, во время движенія Уота Тэйлора въ Англіи въ 1381 г., и въ эпоху крестьянскихъ войнъ въ Германіи въ 1524 г. Нѣкоторыя правительства, въ числѣ ихъ французское, уже съ конца XVI в. признали пользу вмѣшательства въ эти спорныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ изъ-за совмѣстнаго пользованія лѣсами и пастбищами: они положили имъ конецъ путемъ обязательнаго раздѣла или такъ-называемыхъ во Франціи triages. При нихъ обыкновенно бо̀льшая часть общихъ угодій оставляема была въ исключительномъ пользованіи крестьянъ. Но въ Англіи начавшійся еще въ серединѣ XV ст. процессъ огораживаній и упраздненія системы открытыхъ полей и общинныхъ сервитутовъ, хотя и встрѣтилъ временныя препятствія въ враждебномъ ему законодательствѣ Генриха VII и Генриха VIII, тѣмъ не менѣе не могъ быть пріостановленъ: онъ нашелъ энергическую поддержку въ томъ запросѣ на англійскую шерсть, какой явился послѣдствіемъ роста обрабатывающей промышленности и, въ частности, суконодѣлія на всемъ протяженіи Европы. Ему содѣйствовало также пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ, благодаря обращенію множества пустопорожнихъ земель въ пашни какъ въ центральной, такъ и въ восточной Европѣ, а равно и легкій подвозъ хлѣба моремъ и сухимъ путемъ, въ виду лучшаго состоянія дорогъ. Доставка хлѣба на морскихъ судахъ, въ томъ числѣ съ юга

Россіи, черезъ посредство генуэзскихъ колоній, напр., Каѳы, нынѣшней Ѳеодосіи,—объясняетъ намъ причину упадка хлѣбопашества, между прочимъ въ южной половинѣ Апеннинскаго полуострова и отчасти также въ Испаніи, гдѣ оказалось гораздо выгоднѣе перейти къ овцеводству.

Обстоятельство это, въ свою очередь, содѣйствовало относительному обезлюденію деревень и скопленію населенія въ городскихъ центрахъ. Феноменальный ростъ числа жителей въ Лондонѣ, Парижѣ, Амстердамѣ, Неаполѣ, Антверпенѣ, Миланѣ, Бристолѣ и т. д.,—о которомъ говорятъ, между прочимъ, первыя и весьма несовершенныя попытки установленія своего рода популяціонистики или статистики народонаселенія, какую въ срединѣ XVII в. представляютъ намъ трактаты Грэнта, и въ особенности Политическая Ариѳметика Вилльяма Петти,—косвенно подтверждается тѣмъ свидѣтельствомъ о неудержимомъ разростаніи нѣкоторыхъ городовъ, и прежде всего Лондона, какое заключаютъ въ себѣ мѣры, направленныя, напримѣръ, королевой Елизаветой и Яковомъ I противъ постройки въ нихъ новыхъ жилищъ. Это быстрое размноженіе городского люда объясняется, разумѣется, прежде всего, успѣхами промышленности и торговли, но рядомъ съ этимъ и въ связи съ нимъ также вынужденной эмиграціей сельскаго люда, оставленіемъ деревни частью прежнихъ воздѣлывателей почвы.

Переходя отъ селъ въ города, мы уже въ XIII в. можемъ отмѣтить зачатки того обособленія интересовъ капитала отъ интересовъ труда, къ которому сводится сущность капиталистическаго хозяйства, — насколько дѣло идетъ о распредѣленіи. Извѣстно, что Марксъ начинаетъ исторію первобытнаго накопленія капитала двумя вѣками позже, т. е. не съ 13 и 14, а съ 16 ст.; онъ ставитъ этотъ фактъ, повидимому, въ исключительную зависимость отъ наступившаго съ паденіемъ феодализма искусственнаго разрыва народа съ землею. Справедливо признавая узкимъ такой взглядъ, Зомбартъ въ своемъ „Современномъ капитализмѣ" указываетъ на доходъ, получаемый собственниками отъ земельной ренты, какъ на ближайшій источникъ накопленія капиталовъ. Онъ въ то же время рѣшительно отрицаетъ, чтобы ремесленный трудъ, поставленный въ тѣсныя границы цеховыхъ порядковъ и направленный къ удовлетворенію запроса лишь ограниченнаго числа кліентовъ, способенъ былъ сдѣлаться источникомъ первоначальнаго накопленія*). Я никакъ не могу присоединиться

*) Sombart. Der moderne Kapitalissmus. Leipzig. 1902., стр. 227 и слѣд., стр. 276 и слѣд.

къ такой точкѣ зрѣнія. При установленіи ея Зомбартъ, по моему, не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что за предѣлами построенной на кооперативномъ началѣ цеховой промышленности стоялъ обширный классъ производителей полумануфактуратовъ. Они не были организованы въ цехи и заняли по отношенію къ мастерамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ цеховъ, съ ихъ учениками и рабочими - помощниками, то же зависимое положеніе, въ какомъ мы находимъ въ настоящее время лицъ, принадлежащихъ къ составу саларіата. Говоря это, я имѣю, въ частности, въ виду такой, напримѣръ, промыселъ, какъ суконодѣліе. Во Флоренціи XIII и XIV столѣтій онъ доставляетъ занятіе не только членамъ двухъ самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга цеховъ—Ars lanae и Ars calimale (смотря по тому, служитъ-ли предметомъ обработки мѣстная шерсть, или болѣе тонкая, привозная), но и тысячамъ рабочихъ, довольствующихся производствомъ полумануфактуратовъ, какъ-то: промывальщикамъ, чесальщикамъ, валяльщикамъ, и т. д. Эти-то лица и являются ближайшими виновниками возстанія Чіомпи 1378 г., возстанія, уже представляющаго собою многія черты современныхъ рабочихъ движеній. Еслибы цеховая организація включила въ себя все рабочее населеніе, еслибы число рабочихъ, помощниковъ отдѣльныхъ мастеровъ, считая между ними и изготовителей полумануфактуратовъ, было ограничено извѣстнымъ максимумомъ, преступить который никто не былъ бы вправѣ (какъ ограничено было число учениковъ и подмастерій), то объ обособленіи уже въ это время саларіата отъ предпринимателей не было бы, разумѣется, и помину. Но такъ какъ въ болѣе промышленныхъ странахъ, прежде всего въ Италіи, не существовало подобныхъ преградъ, или онѣ, по крайней мѣрѣ, не проводились на практикѣ, то и могли сложиться отношенія, представляющія собою въ зародышномъ видѣ условія капиталистическаго хозяйства. Что то же имѣло мѣсто и въ другихъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, ручательствомъ этого можетъ служить само количество ежегоднаго производства и отпуска. Возьмемъ хотя-бы ту цифру, какую дожъ Мочениго даетъ намъ въ 1420 г. въ рѣчи, произнесенной имъ передъ Венеціанскимъ Сенатомъ, касательно числа штукъ сукна, отправляемыхъ ежегодно изъ Милана для доставки затѣмъ въ Грецію и Левантъ на венеціанскихъ галерахъ и судахъ:—90 тысячъ штукъ.

Одной этой цифры, и того обстоятельства, что названное сукно предназначается не для обычныхъ кліентовъ, поставляемыхъ мѣстнымъ рынкомъ, а для міровой торговли на иноземныхъ

рынкахъ, достаточно, чтобы не допустить мысли о строгомъ ограниченіи размѣровъ производства отдѣльныхъ мастеровъ цеховыми статутами. Правда, сукнодѣліе и изготовленіе шелковыхъ тканей сосредоточивались въ рукахъ контролируемыхъ начальствомъ корпорацій, но, какъ вытекаетъ изъ городскихъ статутовъ Милана, эти корпораціи не имѣли права издавать постановленій, несогласныхъ съ общими законами города и республики, а эти общіе законы не лишали даже иностранцевъ отъ права селиться въ Миланѣ для занятія промышленностью. Весьма часто при этомъ, какъ указывалъ еще въ XVIII в. Пьетро Верри въ своемъ „Разсужденіи о народномъ хозяйствѣ Миланскаго государства", городскіе статуты въ интересахъ потребителей и свободы промышленности прямо принимали мѣры противъ цеховыхъ монополій; такъ, въ статутѣ 1480 г. значится: „да не будетъ въ городѣ Миланѣ и его графствѣ ни одного цеха и ни одной цеховой корпораціи". Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ „любой житель города или округа—все равно, мущина или женщина—въ любомъ городѣ и графствѣ въ правѣ были отправлять любое ремесло и любой промыселъ". (См. собр. сочин. Верри, т. II-ой, стр. 420—421). Въ Венеціи, которой также извѣстна была корпоративная организація промышленности, правительство не разъ отступало отъ строгаго проведенія начала цеховой исключительности въ интересахъ увеличенія числа жителей и привитія городу новыхъ промысловъ и мануфактуръ. Такъ, въ годы, слѣдовавшіе за „черной смертью" 1348 г., оба высшіе совѣты республики, съ цѣлью пополнить недостачу, оказавшуюся въ населеніи, рѣшили отмѣнить всякій запретъ заниматься промыслами и торговлей лицамъ, не включеннымъ въ составъ цеховъ, а въ томъ числѣ—и иностранцамъ. И во Франціи цеховое устройство встрѣчалось далеко не во всѣхъ городахъ, да и тамъ, гдѣ оно имѣлось, цѣлые кварталы оставались открытыми для свободнаго поселенія невключенныхъ въ корпорацію ремесленниковъ,—такъ, въ Парижѣ, напримѣръ, Louvre, Temple, и. т. д. Кромѣ того, правительство королей изъ династіи Валуа присвоило себѣ въ XVI в., частью въ фискальныхъ интересахъ, частью въ видахъ поощренія новыхъ мануфактуръ, право продавать патенты на отправленіе того или другого промысла, такъ называемыя „lettres de maitrise". Извѣстно также, что въ Англіи существованіе замкнутой въ корпораціи промышленности не помѣшало королямъ предоставить свободу отправленія ремеслъ и эмигрировавшимъ изъ Фландріи ткачамъ, и преслѣдуемымъ французскимъ правительствомъ гугенотамъ. Въ Испаніи XVI и начала XVII столѣтія значительный

контингентъ ремесленниковъ и рабочихъ составляли привлеченные высшимъ заработкомъ эмигранты изъ Лимузена и Оверни, о чемъ, между прочимъ, говоритъ Monchrétien въ первомъ по времени трактатѣ, озаглавленномъ: „Политическая экономія". Да и тамъ, гдѣ промышленность устроена была въ замкнутые цехи, капиталистическое производство все-же могло зародиться въ формѣ зависимости мелкихъ производителей отъ торговаго капитала. Это значитъ, что оно носило на первыхъ порахъ характеръ домашняго вида крупной промышленности. Такъ, рядомъ съ maîtres-ouvriers, мы находимъ въ шелковомъ производствѣ Ліона особыхъ maîtres-marchands, а также исчезнувшую со временемъ группу лицъ, ведшихъ мануфактурную и торговую дѣятельность на свой страхъ. Maîtres-marchands дѣлаютъ заказы и maîtres-ouvriers, и самостоятельнымъ мелкимъ производителямъ; они установляютъ фасоны и нерѣдко снабжаютъ maîtres-ouvriers шелкомъ-сырцомъ. Вся торговля тканями сосредоточивается въ ихъ рукахъ. Они увеличиваютъ или уменьшаютъ число своихъ заказовъ сообразно увеличенію или уменьшенію спроса на шелковыя издѣлія, не въ одномъ только Ліонѣ,—въ частности, на повторяющейся въ немъ ежегодно ярмаркѣ,—но и повсюду, гдѣ имѣется спросъ на ліонскія ткани.

Если, такимъ образомъ, обрабатывающая промышленность разрываетъ съ практикой самодовлѣющаго хозяйства, то она дѣлаетъ это только въ зависимости отъ запросовъ международнаго рынка. Понятно послѣ этого, если измѣненіе условій средневѣковаго хозяйства началось раньше всего въ сферѣ не промышленности, а торговли. Средневѣковая точка зрѣнія на торговыя сдѣлки устраняла возможность оптовыхъ закупокъ и продажъ. Лица, позволившія себѣ такую практику, подлежали судебному преслѣдованію, подъ наименованіемъ Ingrossers, Entailers, Rigrattori, и т. д. Но когда дѣло шло о заграничномъ отпускѣ, такая точка зрѣнія признавалась несостоятельной. Генуэзскія и венеціанскія галеры, какъ и суда, отправляемыя въ Балтійское и Нѣмецкое моря Ганзейскими городами, очевидно, заняты были только оптовымъ вывозомъ или ввозомъ; а это само собою указываетъ и на производство ими оптовыхъ закупокъ. Члены торговыхъ гильдій, изъ среды которыхъ выходили крупные негоціанты, не могли, поэтому, подчиняться тѣмъ ограничительнымъ правиламъ, которыя стѣсняли размѣръ производства отдѣльныхъ ремесленниковъ; изъ нихъ всего раньше и стали вербоваться капиталисты, снабжавшіе, какъ мы видѣли, сырьемъ ремесленниковъ. На этихъ торговцевъ, а не на однихъ уже обычныхъ

кліентовъ, всегда болѣе или менѣе ограниченныхъ въ своемъ числѣ, работаютъ суконодѣлы, золотыхъ дѣлъ мастера, оружейники и т. д., которыми такъ богаты Миланъ, Кремона и другіе города Ломбардіи. Для иноземнаго вывоза также трудятся въ Венеціи производители хрусталей и филиграновыхъ издѣлій, а также бархатники и фабриканты дорогихъ шелковыхъ тканей въ Венеціи, Миланѣ и Ліонѣ, наконецъ, суконные ткачи и прядильщики Гента и Ипра. Читая нѣкоторыя постановленія, принятыя венеціанскимъ сенатомъ еще въ XIV в., и знакомясь съ предпосланной этимъ постановленіямъ мотивировкой, невольно забываешь о времени ихъ редакціи: такъ близки и понятны намъ приводимыя въ нихъ соображенія. Для примѣра укажу хотя-бы на слѣдующее постановленіе отъ 1375 г.: „такъ какъ въ Венеціи накопилось много товаровъ, а товары нуждаются въ сбытѣ, то, чтобы сдѣлать возможнымъ нашимъ купцамъ поддержать свое положеніе, мы считаемъ нужнымъ назначить комиссію мудрыхъ, которые бы придумали средства увеличить отпускъ заграницу. Если есть на землѣ городъ-государство, который бы нуждался въ широкомъ отпускѣ товаровъ,—значится въ цитируемомъ мною документѣ,—то это, несомнѣнно, земля наша. Обиліе и свобода отпуска одинаково необходимы какъ для блага государства, такъ и въ интересахъ купцовъ и мореплавателей. Еслибы продуктамъ и товарамъ, привозимымъ въ Венецію въ громадномъ числѣ, предстояло не имѣть сбыта, то они подвергались бы порчѣ и истребленію, къ величайшему убытку всей общины; вѣдь, сама природа товаровъ такова, что они нуждаются въ сбытѣ“. (Senato. Misti V. 35, постановленіе отъ 20 декабря 1375 г., fol. 76). Очевидно, что такая точка зрѣнія уже не имѣетъ ничего общаго съ порядками самодовлѣющаго или, какъ говорятъ нѣмцы, натуральнаго хозяйства, но такъ какъ Венеція, какъ и всѣ вообще морскіе торговые города, всегда жила вывозомъ и ввозомъ, то есть основаніе сомнѣваться въ томъ, чтобы въ этихъ городахъ условія такого немѣнового хозяйства когда либо имѣли мѣсто.

Что и помимо морскихъ городовъ, значительные промышленные центры, въ родѣ Милана или Флоренціи, уже озабочены были въ XIII в. оптовыми оборотами,—показываетъ заботливость, съ какою ихъ правители слѣдили и за упраздненіемъ всякаго рода внутреннихъ препятствій для свободнаго провоза товаровъ, и за проведеніемъ или поддержаніемъ сухопутныхъ и рѣчныхъ сообщеній и каналовъ. Такъ, о Миланѣ мы знаемъ, что его епископы рано приняли мѣры къ тому, чтобы возобновить римскую дорогу черезъ С.-Готардъ; въ 1270 г. Верона, Мантуа и Бресчіа

уже уговариваются содержать на общій счетъ дороги, ведущія изъ города въ городъ. Цѣлымъ столѣтіемъ ранѣе, миланцы, въ 1177 г., строятъ первый каналъ, ставящій ихъ городъ въ сообщеніе съ рѣкою Тичино. Въ 1220 г. ими проводится другой каналъ изъ Адды къ Милану. Говорить ли о томъ, что почти всѣ соглашенія, Милана ли съ сосѣдними сеньорами и городами, или Флоренціи съ феодальною знатью и съ соперничающими съ нею муниципіями, имѣютъ въ виду обезпечить прежде всего свободный провозъ товаровъ. Весьма поучительнымъ въ этомъ отношеніи является чтеніе такихъ сборниковъ раннихъ торговыхъ договоровъ, какъ тотъ, какой не далѣе, какъ въ 1901 г., изданъ былъ для Флоренціи XIII вѣка Джино Аріасъ, однимъ изъ немногихъ итальянскихъ историковъ - экономистовъ, посвящающихъ свое время изученію хозяйственной жизни Италіи въ средніе вѣка и эпоху возрожденія. Той же цѣли свободнаго провоза товаровъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ своего государства, англичане достигли, благодаря своей ранней политической централизаціи, а именно,—еще въ началѣ XII столѣтія, какъ слѣдуетъ, между прочимъ, изъ той статьи Великой Хартіи Вольностей, которая обезпечиваетъ всѣмъ купцамъ свободу передвиженія на протяженіи всего государства — и при томъ вмѣстѣ съ ихъ товарами. Французскіе правители также не разъ задавались мыслью объ упраздненіи всякихъ внутреннихъ заставъ и поборовъ. Свобода плаванья по Сенѣ и Луарѣ упрочена была довольно рано, но постройка каналовъ, сдѣлавшихъ возможнымъ сообщеніе Средиземнаго моря съ Атлантическимъ океаномъ и обходъ, такимъ образомъ, судами Иберійскаго полуострова, впервые представляется, какъ нѣчто желательное, королямъ XVI и начала XVII в., въ частности—Генриху IV. Осуществленія же этой мысли приходится ждать до временъ Кольбера. Препятствіемъ къ свободному провозу товаровъ сухимъ путемъ служили долгое время державшіяся привиллегіи королевскихъ вассаловъ или феодальныхъ сеньоровъ, право ихъ взимать сборы съ дорогъ и мостовъ и устанавливать таможни на границахъ своихъ владѣній. Многія изъ этихъ привиллегій, со временемъ, были не столько выкуплены, сколько отмѣнены, но не такъ легко было справиться съ привиллегіями провинцій, переходившихъ къ Франціи по мирнымъ договорамъ отъ Испаніи и Германіи. При ихъ уступкѣ обыкновенно выговаривалось сохраненіе исконныхъ преимуществъ, въ томъ числѣ права имѣть свои пограничныя таможни. Такія области, какъ Dauphiné или Artois, доставшіяся Франціи въ царствованіе Людовика XIV, или еще Три Епископіи, les trois

évêchés—Sedan, Metz, Verdun, — продолжали слыть pays étrangers. Вы найдете, между прочимъ, въ 1-омъ томѣ моего „Происхожденія современной демократіи“ не мало фактовъ, доказывающихъ, что вплоть до французской революціи цѣна предметовъ первой необходимости, въ томъ числѣ хлѣба и вина, значительно возрастала при перевозѣ ихъ изъ провинціи въ провинцію, благодаря не однимъ путевымъ издержкамъ, но и внутреннимъ таможнямъ.

Свободѣ обмѣна, вмѣстѣ съ упраздненіемъ внутреннихъ заставъ, служили также ярмарки. Мы встрѣчаемъ ихъ въ Италіи уже въ 12-омъ и 13-омъ столѣтіяхъ; такъ, ярмарка въ Бергамо и ярмарка Св. Амвросія въ Миланѣ. Во Франціи такую же роль играли сперва ярмарки въ Шампани. Онѣ были въ самомъ тѣсномъ общеніи съ фландрскими, въ томъ числѣ съ ярмарками въ Турнэ,.Гентѣ, Ипрѣ, Брюгге. Не производя немедленной расплаты за товаръ, посѣщавшіе ихъ купцы обыкновенно выдавали письменныя обязательства разсчитаться съ продавцами на той или другой изъ сосѣднихъ ярмарокъ. Ликвидація долга всего чаще производилась простымъ обмѣномъ такихъ обязательствъ, такъ называемыхъ, lettres de foire, такъ какъ купившіе извѣстный товаръ у опредѣленнаго лица обыкновенно въ свою очередь попадали къ нему въ роли продавца другого товара. Позднѣе мѣсто шампанскихъ ярмарокъ заняли ярмарки въ Ліонѣ и Парижѣ. Ярмарки въ Нюренбергѣ и Лейпцигѣ играли въ Германіи такую же роль, какую во Франціи ярмарки Шампани и Ліона; на нихъ допускались всякаго рода иноземные торговцы. Необезпеченность путей отъ разбойниковъ, вызывая понятное желаніе дѣлать переѣздъ большими партіями, легко объясняетъ намъ причину, по которой съѣзды купцовъ на ярмарки въ прошлыя столѣтія представляли собою бо̀льшую необходимость, чѣмъ въ наши дни.

Я сказалъ, что въ процессѣ первоначальнаго накопленія капиталовъ, вопреки Зомбарту, мнѣ кажется необходимымъ признать выдающееся значеніе, рядомъ съ торговлей, и за такъ-называемымъ ремесломъ. Но первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ въ этомъ процессѣ развитію денежныхъ кредитныхъ операцій или такъ называемаго роста.

Этотъ ростъ встрѣчалъ въ средніе вѣка осужденіе со стороны церкви и каноническаго права, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой ссужаемые капиталы должны были идти не на цѣли производства, а на цѣли потребленія. Когда же торговля въ отдаленныхъ странахъ Востока потребовала развитія кредита для производительныхъ цѣлей, одинаково въ формѣ товарищества,

commenda, и въ формѣ учета векселей, не въ томъ городѣ, въ которомъ они были выданы, допущено было помѣщеніе денегъ подъ проценты. Послѣднее заявленіе требуетъ нѣкотораго поясненія: канонисты допускали взысканіе процентовъ или потому, что при ссудѣ кредиторъ наравнѣ съ должникомъ участвовалъ въ рискѣ предпріятія, или потому, что при переводѣ денегъ на разстояніе лицо, производившее этотъ актъ, наравнѣ, съ рискомъ, могло предъявить основаніемъ къ вознагражденію и затрату времени, какого потребовалъ самый переводъ. Отъ этой старинной точки зрѣнія, какъ справедливо замѣчаетъ Claudio Jannet, доселѣ уцѣлѣло во Франціи правило, по которому вексель не можетъ быть учтенъ въ мѣстѣ его выдачи. Такъ какъ въ морскихъ республикахъ Италіи, въ томъ числѣ въ Венеціи и Генуѣ, особенно чувствовалась необходимость въ кредитѣ для отдаленныхъ торговыхъ предпріятій, то немудрено, если здѣсь именно и началось развитіе векселей и депозитныхъ банковъ, съ правомъ затраты реализированныхъ такимъ образомъ суммъ во всякаго рода торговыхъ предпріятіяхъ. Документы, отпечатанные Латесомъ, не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи, на первыхъ порахъ, въ Венеціи свободы открытія частныхъ банковъ. Долгое время державшееся представленіе о раннемъ учрежденіи здѣсь государственнаго банка должно быть въ настоящее время оставлено. Но, съ другой стороны, намъ надо признать, что уже въ 1270 г. частные банки были упрочившимся въ ней учрежденіемъ. Правительству, въ интересахъ обезпеченія публики, пришлось требовать отъ лицъ, открывавшихъ ихъ, денежнаго обезпеченія въ 3000 лиръ. Оно было увеличено въ 1318 г. еще на двѣ тысячи. Банки носили названіе tavole, т. е. столовъ, вѣроятно, оттого, что первыми банкирами были мѣнялы, сидѣвшіе за этими столами. Венеціанскіе банкиры принимали депозиты или суммы, даваемыя имъ на храненіе, но, конечно, не съ цѣлью держать ихъ безъ употребленія. Они затрачивали ихъ на всякаго рода торговыя сдѣлки нѣкоторыя изъ этихъ сдѣлокъ, какъ покупка мѣди, свинца и желѣза, признаны были опасными въ виду многочисленныхъ случаевъ банкротства лицъ, предававшихся имъ. Легко открыть и причину, почему венеціанскіе банкиры отдавали предпочтеніе покупкѣ такихъ именно предметовъ. Въ спискѣ вещей, поступавшихъ на галеры и отправляемыхъ въ дальнее плаваніе вплоть до Азова, я нерѣдко встрѣчалъ упоминаніе о нагрузкѣ такого именно товара. Но стоило тѣмъ или другимъ причинамъ, обыкновенно политическаго характера (напримѣръ, нашествію Тамерлана и междоусобіямъ, возникшимъ въ слѣдъ

затѣмъ изъ-за престолонаслѣдія въ татарскомъ ханствѣ), нарушить мирный ходъ обмѣна, и сами собой возникали условія, неизбѣжно ведшія къ застою торговли и послѣдовательно къ банкротству лицъ, помѣстившихъ въ нее свои капиталы. Вотъ почему въ 1374 г., какъ и въ 86 и 90 вплоть до 1403, правительство не разъ запрещало затрачивать ввѣренные банкамъ капиталы на покупку вышеуказанныхъ товаровъ, а въ 1403 г. проведено было имъ то общее правило, что банкиры вообще не должны производить торговыхъ операцій на сумму, превышавшую въ полтора раза размѣръ той, какая была затрачена ими на покупку государственныхъ рентъ. Въ 1450 г. имъ запрещено было выдавать дутые векселя, т. е. не обезпеченные товарами или имуществами. Все это не помѣшало повторенію ряда банкротствъ, ради предупрежденія которыхъ увеличена была сумма требуемаго отъ банкировъ обезпеченія до 20000 дукатовъ. Въ мѣстныхъ хроникахъ передается немало интересныхъ подробностей о тѣхъ причинахъ, какими вызывалось, и о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ вело банкротство отдѣльныхъ фирмъ, въ томъ числѣ фирмы Липомани и Пизани. Мы узнаемъ, что венеціанская синьорія не прочь была предупредить такія банкротства ссудами банкамъ, не имѣвшимъ денежной наличности для производства необходимыхъ расплатъ, а также законодательной отсрочкой момента реализаціи ихъ обязательствъ. Паника, вызываемая бѣгствомъ того или другого банкира и сказывавшаяся въ предъявленіи требованій объ учетѣ векселей и въ другихъ банкахъ, помимо его собственнаго, обыкновенно падала, какъ только рядъ дворянъ принималъ на себѣ роль поручителей въ томъ, что каждый кредиторъ получитъ обратно ввѣренную имъ сумму.

Въ Анналахъ Малимпьери разсказывается о томъ, какъ въ 1498 году достаточно было такого заявленія, чтобы вызвать прекращеніе паники и спасти банкъ Пизани, „наполовину уже подкошенный въ своемъ существованіи“ (che era mezzo rotto). Не ранѣе 1561 г. поставленъ былъ въ венеціанскомъ сенатѣ на очередь вопросъ о созданіи Государственнаго Банка, при чемъ въ защиту свободы банковъ представлены были Контарини тѣ самыя соображенія, какими эта свобода защищается и по настоящій день. Это, впрочемъ, не помѣшало установленію въ республикѣ Св. Марка Государственнаго Банка въ 1586 г. подъ названіемъ „Banco di Rialto“; онъ переименованъ въ 1610 г. въ „Banco di giro“.

Та же свобода банковъ, что и въ Венеціи, держалась долгое время въ Генуѣ. Знаменитая „Casa di San Giorgio“ начала производить свои операціи только въ 1418 г. (см. Sieweking, стр. 87).

Въ Миланѣ свобода банковъ была общимъ правиломъ; банкъ Св. Амвросія, на который можно смотрѣть, какъ на первый по времени, возникъ не ранѣе 1693 г. Во Флоренціи частные банки были въ общемъ ходу, и нѣкоторые банкирскіе дома, какъ напримѣръ Медичи, имѣли въ другихъ городахъ Европы цѣлыхъ 16 конторъ, что и объясняетъ намъ до нѣкоторой степени значительность ихъ кредитныхъ операцій во всѣхъ странахъ запада. Въ Барселонѣ къ частнымъ банкамъ уже въ 1401 г. присоединилось подобіе не столько государственнаго или городского банка, сколько банка гильдейскаго. Члены гильдіи купцовъ, завѣдывавшіе, впрочемъ, и муниципальнымъ управленіемъ, создали при биржѣ особую кассу депозитовъ, въ которую поступали не только свободныя суммы города, но также и тѣ, какія давались банку на храненіе частными его кліентами. Барселонскій банкъ впервые ввелъ практику разсчета между вкладчиками путемъ простого переноса по книгамъ банка ихъ денежныхъ обязательствъ,—практика, извѣстная нынѣ подъ названіемъ „virement de partie“. Въ Венеціи частные банки выдавали ссудившимъ имъ тѣ или другія суммы расписки, извѣстныя подъ названіемъ „феди“ (fedi); онѣ нерѣдко поступали наравнѣ съ деньгами въ уплату по долгамъ. Благодаря этому, расчетъ должника съ кредиторомъ и здѣсь нерѣдко производился простымъ переносомъ съ одного кліента на другого. Города Ганзейскіе, Прирейнскіе и средне-германскіе, рядомъ съ частными банками, уже съ середины XV в. имѣютъ свои муниципальные,—такъ, Любекъ, Франкфуртъ, Нюренбергъ, Страсбургъ, Базель. Банкъ въ Страсбургѣ получалъ на храненіе денежныя сбереженія города и распоряжался ими для ссудъ коммерсантамъ. Прочія государства Европы, по примѣру римскихъ папъ, обращались за деньгами къ итальянскимъ банкирамъ; частныя лица—къ тѣмъ ломбардцамъ и евреямъ, какіе занимались ростовщичествомъ въ большихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ; правительства же—обыкновенно непосредственно къ большимъ банкирскимъ домамъ Тосканы; такъ, папы уже съ XIII в. поручали сборъ церковной десятины агентамъ сіеннскихъ банкировъ и кредитовались у послѣднихъ. Во второй половинѣ столѣтія мѣсто сіеннскихъ банкировъ при папскомъ дворѣ стали занимать флорентинскіе. Къ извѣстнымъ Перуцци и Барди прибѣгали за займомъ также англійскіе короли изъ династіи Плантагенетовъ, въ частности—Эдуардъ III. Долгъ этотъ никогда не былъ выплаченъ и вызвалъ банкротство дома Барди. Не ранѣе XVI вѣка основанъ былъ и во Франціи своего рода Государственный Банкъ въ Ліонѣ, къ которому обращались всѣ

торговавшіе на ліонской ярмаркѣ туземные и иноземные купцы. До этого же времени и французы не обходились безъ содѣйствія флорентинскихъ и венеціанскихъ банкировъ, въ томъ числѣ—дома Медичи.

Всѣ только что переименованные банки питали своимъ кредитомъ, по преимуществу, если не исключительно, торговыя и промышленныя предпріятія; земельные же собственники и вообще, всѣ сельско-хозяйственные классы, какъ и низшіе слои городского населенія, поставлены были въ необходимость доставать деньги у ростовщиковъ-евреевъ и ломбардцевъ, платя имъ рѣдко когда менѣе 25 %. Неудивительно, что церковь, преслѣдовавшая лихоимство, съ каѳедры обличала частныхъ ростовщиковъ, какъ виновниковъ народнаго разоренія, что противъ нихъ не разъ направлялъ стрѣлы своей проповѣди во Флоренціи знаменитый Саванаролла, что и изъ среды нищенствующаго ордена францисканцевъ вышли первыя попытки создать мелкій кредитъ подъ залогъ движимаго имущества, кредитъ даровой или полударовой. Органами такого кредита явились такъ-называемые Monti, прообразъ современныхъ „Monts de Piété“. Мысль о созданіи дарового кредита высказывалась еще во 2-й четверти XIV в. епископомъ Durand de St. Pourquin, а въ концѣ того же вѣка однимъ изъ членовъ совѣта регентства въ малолѣтство Карла VI, Филиппомъ де Мезьеръ. Его проектъ, озаглавленный Songe du vieux pélérin, недавно обнародованъ профессоромъ Брантсомъ изъ Лувэна; онъ отличается тѣмъ, что возлагаетъ обязанность по составленію первоначальнаго денежнаго фонда для такихъ банковъ на короля, затрачивающаго для этой цѣли часть доходовъ, поступающихъ отъ казенныхъ имуществъ и косвенныхъ сборовъ. Ссуда должна была производиться подъ залогъ имуществъ и должники приглашались, но не были принуждаемы къ уплатѣ десятины, т. е. 10% въ пользу банка въ моментъ окончательнаго разсчета. Проекту Мезьера не суждено было осуществиться; но того же нельзя сказать о частной попыткѣ, сдѣланной въ Лондонѣ въ 1361 г. епископомъ Михаиломъ Нордбухомъ. По завѣщанію онъ отказалъ капитулу каѳедральнаго собора 1000 марокъ для устройства даровыхъ ссудъ нуждающимся. Размѣръ этихъ ссудъ поставленъ былъ въ зависимость отъ общественнаго положенія должника. Деньги скоро разошлись, и о банкѣ не было болѣе и помину. Иной исходъ имѣла попытка францисканцевъ Барнабода Терни и Фортунато Декаполиса создать въ Перуджіи въ 1462 г. первый по времени Monte съ капиталомъ, образовавшимся изъ частныхъ приноше-

ній. Послѣ первыхъ попытокъ обезпечить даровой кредитъ нуждающимся рѣшено было въ 1498 г. на общемъ собраніи францисканцевъ, что, безъ взиманія процентовъ въ скромномъ размѣрѣ пяти въ годъ, это учрежденіе не можетъ существовать; введена была, поэтому, практика выдачи ссудъ подъ залогъ движимости и съ уплатою процента. На тѣхъ же основаніяхъ возникли въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XV в. такіе же Monti въ Орвіетто, въ Витербо, во Флоренціи, въ Мантуѣ, а съ 1484 г. — въ шестнадцати другихъ городахъ средней Италіи.

Всего болѣе содѣйствовалъ ихъ распространенію францисканецъ Bernardino da Feltre, ходившій изъ города въ городъ и изъ деревни въ деревню съ проповѣдью противъ ростовщичества и съ призывомъ къ созданію дешеваго кредита. Агитація, вышедшая изъ среды францисканскаго ордена, уже потому самому должна была встрѣтить отпоръ въ ихъ антагонистахъ, доминиканцахъ. Неудивительно, поэтому, если послѣдніе, въ лицѣ кардинала Гаэтано и монаха Сотто, поспѣшили обнародовать свои мнѣнія о грѣховности такой практики, какъ несогласной съ каноническимъ ученіемъ о ростѣ и процентахъ. Но папы Пій II, Сикстъ IV и Иннокентій VIII не согласились съ ихъ аргументаціей, а соборъ въ Латеранѣ въ 1515 г. высказался открыто въ пользу устройства новыхъ Monti. Въ 1539 г. созданъ былъ Monte въ Римѣ, а папы, начиная съ Юлія III, чтобы обезпечить успѣшность такихъ учрежденій мелкаго кредита, позволили имъ платить процентъ тѣмъ, кто соглашался снабдить ихъ необходимымъ капиталомъ подъ условіемъ полученія постоянной ренты. Вскорѣ разрѣшено было принимать и срочные вклады подъ проценты, при чемъ послѣдніе признаны были вознагражденіемъ за потерю кредиторами прежняго дохода отъ ихъ капитала, вознагражденія за такъ-называемый канонистами lucrum cessans. Это и позволило не видѣть въ такой практикѣ отступленія отъ ученій церкви противъ роста.

Система Monts de Piété распространилась во Франціи довольно поздно, и то лишь въ городахъ, сосѣднихъ съ Италіей, а именно, въ Авиньонѣ, въ Ниццѣ съ 1590 г., въ Монпелье съ 1634 г. и Бокэрѣ. Monts de Piété въ Ниццѣ и Монпелье ссужаютъ деньгами безвозмездно. Въ Германіи тѣ же Monti возникли только въ городахъ, бывшихъ въ частомъ общеніи съ Италіей, между прочимъ въ Нюренбергѣ въ 1494 г. Во Фландріи Monti появляются лишь въ 1615 г., при чемъ правительство явилось ихъ иниціаторомъ и сразу обратилось къ созданію цѣлыхъ 15 Monti; но такъ какъ эти банки не имѣли, какъ въ Италіи, поддержки въ рели-

гіозныхъ братствахъ, то имъ пришлось повысить свой процентъ до 10. Въ Португаліи Monts de Piété, подъ именемъ Misericordias, пустили корни въ началѣ XVII вѣка и довольствовались, благодаря поддержкѣ церковныхъ братствъ, взиманіемъ всего 5%. Попытки Людовика XIII создать Monts de Piété по всей Франціи — не удались; въ Парижѣ такое учрежденіе возникло впервые лишь въ 1777 г.

Широкое развитіе и оригинальную судьбу имѣли Monti въ неаполитанскомъ королевствѣ; древнѣйшіе изъ нихъ возникли еще въ 1539 г., причемъ ихъ особенность составляла безпроцентность займовъ, не превышавшихъ размѣра 10 дукатовъ, и обложеніе процентомъ остальныхъ. Семь различныхъ Monti, основанныхъ въ Неаполѣ въ теченіе 16 вѣка, образовали затѣмъ одинъ общій банкъ Неаполя, существующій и по настоящій день и представляющій ту особенность, что его капиталъ, въ отличіе отъ другихъ банковъ, составился не путемъ выпуска акцій, а изъ вкладовъ, вносимыхъ въ отдѣльные Monti. Исторію этого банка его недавній бытописатель, Tortora, начинаетъ, поэтому, 1539 годомъ, эпохой основанія въ Неаполѣ первыхъ Monti; но, пожалуй, вѣрнѣе было бы вести ее съ 1584 г., когда вошло въ обычай принимать въ платежъ однимъ Monte кредитныхъ обязательствъ, выданныхъ другимъ,—практика, извѣстная подъ названіемъ riscontri, или встрѣчъ. Любопытную особенность Неаполитанскаго Банка составляетъ та черта, что уже въ XVI в., располагая бо́льшей денежной наличностью противъ той, какая необходима была для покрытія предъявляемыхъ къ нему требованій объ учетѣ, онъ располагалъ остаткомъ для даровыхъ ссудъ своимъ обыкновеннымъ вкладчикамъ. Эти такъ-называемыя accomodazioni каждый разъ вотировались въ собраніи администраторовъ банка.

Очевидно, что такое широкое развитіе кредитныхъ сдѣлокъ должно было вызвать измѣненіе въ отношеніи Церкви и канонистовъ къ кредиту. Прежде они подводили всѣ его операціи подъ ростовщичество и потому осуждали огуломъ; позднѣе сдѣлано было исключеніе для такъ-называемыхъ земельныхъ рентъ; осуждаемыя еще въ XIII в. канонистомъ Генрихомъ изъ Гента, онѣ признаны были законными папою Мартиномъ V. Теперь пришлось объявить дозволенными всякаго рода кредитныя сдѣлки, разъ ссужаемый ими капиталъ шелъ на цѣли производства, а не на цѣли потребленія. Чтобы примирить такую точку зрѣнія съ прежнимъ преслѣдованіемъ процента, канонистамъ XVI в. предстояло выработать ученіе о такъ-называемомъ трехстороннемъ контрактѣ, т. е. такомъ, въ которомъ взиманіе „интереса“ оправды-

вается одновременно и принятымъ на себя кредиторомъ рискомъ, и пріостановкой его прежняго дохода, и личной затратой времени и усилій, сказывающейся въ переводѣ денегъ изъ одного мѣста въ другое. Всѣ кредитныя сдѣлки, заключаемыя съ цѣлью производительнаго употребленія капитала, очевидно, подошли подъ это опредѣленіе, и помѣщеніе денегъ подъ проценты оказалось оправданнымъ съ точки зрѣнія каноническаго права. Позднѣйшимъ писателямъ-экономистамъ, говорящимъ о кредитѣ и процентахъ, въ томъ числѣ Кульпеперу и Юму, останется доказывать не его закономѣрность, а преимущества, вытекающія изъ свободы опредѣленія его размѣра самими сторонами. Съ этой свободой они поставятъ въ зависимость пониженіе самаго процента, проводя въ тоже время тотъ взглядъ, что высота его зависитъ отъ суммы обращающихся въ странѣ денегъ, а также отъ бо̀льшаго или мѐньшаго спроса на нихъ, а не отъ выгодности самого предпріятія, на которое производится заемъ, какъ не прочь думать нѣкоторые современные экономисты, въ томъ числѣ Маклеодъ.

Въ числѣ ближайшихъ факторовъ первоначальнаго накопленія видное мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ колоніальной политикѣ. Эту мысль какъ нельзя лучше оттѣняетъ и Зомбартъ, высказывая въ то же время соболѣзнованіе о томъ, что доселѣ въ историко-экономической литературѣ не имѣется ни одного сочиненія объ исторіи колонизаціи Итальянскихъ республикъ на Востокѣ, съ чего, какъ извѣстно, начинается исторія колонизаціи новыхъ народовъ. По всей вѣроятности, въ виду недостатка фактическихъ данныхъ по этому вопросу, самъ бреславльскій экономистъ рисуетъ себѣ, какъ намъ кажется, не вполнѣ вѣрную картину того, чѣмъ была эта колонизація. Отправляясь отъ того факта, что Венеціанцы одно время владѣли обширными заморскими территоріями, какъ-то: Пелопонесомъ или Мореей, островомъ Кипромъ, и т. д., и что не менѣе обширныя владѣнія достались и Генуэзцамъ, напримѣръ, въ Корсикѣ, Зомбартъ не прочь думать, что итальянцы въ своей колонизаціи уже придерживались болѣе или менѣе той практики эксплоатаціи туземнаго населенія, путемъ захвата его земель и насильственнаго распредѣленія самихъ воздѣлывателей ихъ между осѣдавшими въ колоніи выходцами изъ метрополіи, классическимъ примѣромъ которой являются испанскія энкоммієндасъ и репартиміентосъ въ Мексикѣ, Перу и вообще, на американскомъ материкѣ. Кое-что, на первый взглядъ, говоритъ въ пользу такой догадки, а именно, искусственное введеніе Венеціанцами въ нѣкоторыхъ изъ своихъ колоній на Во-

стокѣ феодальныхъ порядковъ и помѣстнаго землевладѣнія въ пользу выселившихся на Левантъ собственныхъ гражданъ. Мнѣ пришлось видѣть въ архивѣ республики св. Марка подобіе ренталей и помѣстныхъ инвентарей съ обозначеніемъ размѣра годовыхъ поступленій отъ крестьянъ, будетъ-ли то барщиной, натуральными платежами или производительными монополіями, отвѣчающими во Франціи понятію, такъ называемыхъ bannalités. Но, рядомъ съ этимъ типомъ колоній, Венеціанцы и Генуэзцы знали и другой; это типъ торговой факторіи съ незначительнымъ гарнизономъ, едва достаточнымъ для охраны итальянской слободы, нерѣдко укрѣпленной башнями, стѣною и валомъ отъ возможныхъ нападеній мѣстнаго туземнаго населенія. Такими факторіями была, напримѣръ, Пера, составляющая нынѣ европейскій кварталъ Константинополя, или еще Каѳа, нынѣшняя Ѳеодосія, главный центръ генуэзскихъ поселеній на Черномъ морѣ, или, наконецъ, Тана, нынѣшній Азовъ, такой же центръ торговыхъ оборотовъ Венеціанцевъ на Азовскомъ морѣ. Съ исторіей этой послѣдней колоніи мнѣ пришлось ближе познакомиться на основаніи протоколовъ Венеціанскаго Сената отъ XIV и XV вѣковъ. Эти источники едва-ли позволяютъ придти къ заключенію, что господствующимъ типомъ колоніальной политики итальянцевъ былъ раздѣлъ колоніальныхъ земель и ихъ воздѣлывателей между завоевателями. Мы имѣемъ дѣло въ Азовѣ съ территоріально ограниченнымъ поселеніемъ, длина и ширина котораго вычисляется въ актахъ, самое большее, тысячами шаговъ; оно тянется отъ берега Дона въ гору и лежитъ между еврейскимъ кварталомъ, съ одной стороны, и такимъ же участкомъ, отведеннымъ для поселенія Генуэзцевъ, съ другой. На противоположномъ берегу находятся обѣ туземныя слободы: одна, занятая татарами, другая — черкесами. Чтобы защитить свой поселокъ одинаково отъ всѣхъ сосѣдей, Венеціанцы ставятъ башню на берегу Дона, прямо противъ кварталовъ, занятыхъ туземцами. Они воздвигаютъ такую же башню въ томъ мѣстѣ, гдѣ подъемный мостъ открываетъ сообщеніе съ еврейскимъ Гето и генуэзской слободой. Между башнями они строятъ палисады, а позднѣе — кирпичныя стѣны, окруженныя глубокимъ рвомъ. Къ этимъ средствамъ защиты обращаются, однако, не раньше, какъ послѣ того, когда рядъ погромовъ, произведенныхъ татарами и монголами, между прочимъ, подъ предводительствомъ Тамерлана, убѣдили Венеціанцевъ въ невозможности положиться на силу выданныхъ имъ привиллегій и подписанныхъ соглашеній съ ханами. Внутри слободы помѣщается зданіе консульства, а по близости—

склады для привознаго товара. Всѣ лавки и магазины считаются принадлежащими республикѣ Св. Марка, и частные торговцы получаютъ ихъ не иначе, какъ въ пользованіе. Изъ Азова Венеціанцы отправляютъ привезенный ими товаръ вверхъ по теченію Дона, затѣмъ перегружаютъ его на подводы съ тѣмъ, чтобы приблизительно около Царицына сложить его снова на баржи, доставляющія его въ центръ Золотой Орды, недалеко отъ теперешней Астрахани. Торгуютъ венеціанцы всякимъ товаромъ, на который имѣется спросъ на Востокѣ, какъ венеціанскими издѣліями, такъ и полученными изъ-за границы, въ томъ числѣ—англійскими и французскими сукнами. Изъ Азова же они везутъ обратно легкій и тяжелый товаръ, въ томъ числѣ, рядомъ съ прибывшими изъ Персіи и даже Индіи драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, маисъ и овечьи шкуры, а также взятыхъ въ плѣнъ и проданныхъ въ неволю рабовъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣдними являются русскіе обоихъ половъ. Еще въ XV в. эти православные плѣнники представляютъ столь обычную статью отпускаемаго изъ Таны товара, что въ нотаріальныхъ актахъ Венеціи при продажѣ того или другого раба или рабыни—de natione russorum—прибавляется, что за нихъ заплачено было столько-то монетъ, имѣющихъ обращеніе въ Танѣ или Азовѣ.

Рядомъ съ венеціанской колоніей устроилась генуэзская, также огражденная башнями, стѣнами и валомъ; ея жители озабочены мыслью о томъ, какъ бы избѣжать погрома въ такой же мѣрѣ отъ татаръ, какъ и отъ венеціанцевъ. Соперничество обѣихъ владычицъ надъ морями, вызванное торговыми интересами, продолжается и на отдаленномъ Востокѣ, въ странѣ невѣрныхъ. Оно болѣе или менѣе смолкаетъ только въ самомъ концѣ существованія колоній, въ виду угрожающаго напора турецкой державы и болѣе или менѣе послушныхъ ей татаръ.

Каждая колонія имѣетъ свое самоуправленіе. Генуя и Венеція довольствуются только посылкой консула, назначаемаго изъ дворянъ; совѣтъ же по управленію колоніи и вицеконсула ставитъ изъ своей среды мѣстное купечество. Многія итальянскія семьи отъ отца къ сыну продолжаютъ вести на разстояніи ряда столѣтій дѣятельную торговлю съ татарами. Это можно сказать, напримѣръ, о династіи Поло, изъ которой вышелъ знаменитый путешественникъ XIII в., Марко Поло, впервые познакомившій средневѣковую Европу съ чудесами Индіи и Китая. Его отецъ и дѣдъ уже торговали съ татарами и входили въ сношенія съ ханами, жившими, какъ значится, въ Болгарахъ, т. е., по всей вѣроятности, въ посѣщен-

номъ мною старинномъ аулѣ Балхары, въ недалекомъ разстояніи отъ Кисловодска. Не всѣ, однако, готовы были остаться на всю жизнь въ Танѣ; многіе спѣшили обратно въ метрополію. Изъ ходатайствъ о безпошлинномъ провозѣ нажитаго имущества мы нерѣдко приходимъ къ заключенію и о его размѣрѣ. Онъ не производитъ впечатлѣнія колоссальности. Рѣчь идетъ, самое бо̀льшее, о десяткахъ тысячъ libri. Но эти десятки тысячъ, попадающіе въ Венецію изъ колоній и затрачиваемые на промышленныя или торговыя предпріятія, вполнѣ могутъ разсматриваться, какъ продуктъ первоначальнаго накопленія.

Говорить ли о томъ, что Каѳа, самая значительная изъ генуэзскихъ колоній на Черномъ морѣ, была устроена по тому же образцу, что и Тана, т. е. являлась не болѣе, какъ обширной торговой факторіей, пользовавшейся такимъ же внутреннимъ самоуправленіемъ, подъ главенствомъ присылаемаго изъ метрополіи консула, какъ и Тана или Азовъ. Дневникъ одного путешествія, уцѣлѣвшаго въ рукописяхъ Амвросіанской библіотеки въ Миланѣ, путешествія, предпринятаго въ самомъ началѣ XV столѣтія изъ Венеціи въ Тану, говоритъ намъ о значительности Каѳы, представляющей, по словамъ анонимнаго автора, 1/4 или 1/5 часть Константинополя, самаго обширнаго города на Востокѣ. Составитель дневника прибавляетъ, что внѣ ея предѣловъ Генуэзцы не владѣютъ никакими землями. Поэтому, когда въ XIV столѣтіи татары вздумали было захватить Каѳу въ свои руки, ихъ полчища легко могли подойти къ самымъ стѣнамъ города, а Генуэзцы заперлись въ нихъ, какъ въ крѣпости. Пера и Галата были такими же факторіями Венеціанцевъ и Генуэзцевъ въ Константинополѣ и не выходили по своимъ размѣрамъ за предѣлы отдѣльныхъ кварталовъ города. Тѣмъ же, разумѣется, являлась и генуэзская Пантикапея, нынѣшняя Керчь, и венеціанская колонія въ Трапезунтѣ. Всѣ эти болѣе или менѣе укрѣпленныя слободы управлялись своими избранными совѣтами подъ главенствомъ присланнаго изъ метрополіи консула, нерѣдко носившаго названіе Bajulus. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ путемъ обмѣна создавались значительные капиталы, возвращавшіеся затѣмъ обратно въ Италію съ тѣмъ, чтобы снова поступить въ торговыя и промышленныя предпріятія.

Капиталистическое хозяйство требуетъ для своего появленія, по меньшей мѣрѣ, слѣдующихъ двухъ условій: во-первыхъ, наличности ищущаго производительнаго помѣщенія капитала, во-вторыхъ, существованія разорвавшаго связь съ землею и живущаго собственнымъ заработкомъ класса пролетаріевъ. Эти два условія, какъ мы

видѣли, были на лицо еще ранѣе XVI вѣка. Мы въ правѣ, поэтому, сказать, что и независимо отъ развитія техники, болѣе или менѣе слабаго еще въ то время, производство приняло уже форму капиталистическую. Было бы, однако, ошибкою утверждать, что техника нисколько не подвинулась въ своемъ развитіи, начиная съ среднихъ вѣковъ. Въ Италіи еще въ періодъ крестовыхъ походовъ производится рядъ открытій, въ числѣ которыхъ не всѣ служили, какъ порохъ или бомбарды и аркебузы, исключительно цѣлямъ войны, но также интересамъ промышленности. Таковы были водяныя и вѣтряныя мельницы, мельницы, приводимыя въ движеніе, подобно часамъ, путемъ сложнаго механизма противовѣсовъ, о которыхъ впервые заводитъ рѣчь миланскій анналистъ Гальвано Фіамма подъ 1340 годомъ. Рядомъ съ этимъ изобрѣтены были въ Луккѣ пріемы пряденія шелка, неизвѣстные раннему періоду среднихъ вѣковъ, какъ неизвѣстенъ былъ ему и занесеный съ востока шелковичный червь, впервые сдѣлавшійся въ Европѣ туземнымъ въ Сициліи, почему здѣсь, а именно въ Палермо, уже въ 1169 г., по свидѣтельству Уго Фолькано, было въ ходу шелкопряденіе. Въ XIII и XIV вв., наряду съ Луккою, во Флоренціи и Миланѣ уже распространено производство тканей не только изъ шерсти, но также, какъ значится у современниковъ, „de sirico“, т. е. изъ шелка, и рядомъ съ этимъ изъ хлопка (bombace) и льна (lino). Въ XIV в. Миланъ производитъ шелковыя матеріи и парчу „съ изощреннымъ искусствомъ“ (con sottile artificio), согласно выраженію, употребляемому Фіамма въ 1340 г. Еще въ 1272 г. входитъ въ употребленіе механическій способъ крученія шелка съ помощью животной силы и особаго прибора, извѣстнаго подъ названіемъ torcitojo, прибора, введеннаго въ практику Borgesano изъ Болоньи. Можно прибавить еще изобрѣтеніе въ Италіи въ началѣ XIV в. стеклянныхъ очковъ и часовъ, указывавшихъ время ударами въ колоколъ. Въ первый разъ о такихъ часахъ упоминается въ Болоньѣ въ 1300 году; въ Миланѣ они входятъ въ употребленіе въ 1375 г. Не забудемъ также изобрѣтенія компаса, сдѣлавшаго возможнымъ удаленіе судовъ отъ берега на значительное разстояніе. Сказаннымъ мы далеко не исчерпали всѣхъ тѣхъ техническихъ усовершенствованій, которыя сдѣланы были въ Италіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ и отсюда распространились по всему свѣту. Гаузеръ, въ своей недавней попыткѣ указать зарожденіе капитализма во Франціи между XIII и XV столѣтіемъ (Rev. d' économie pol. 1902 г.), прибавляетъ къ перечисленнымъ нами техническимъ открытіямъ еще гидравлическіе приборы для производства чугуна и желѣза, которые восходятъ къ XV столѣтію, печатные станки

и употребительныя при обработкѣ шелка „мельницы, станки и чаны"; о послѣднихъ заходитъ, напримѣръ, рѣчь при перенесеніи Людовикомъ XI шелковой мануфактуры изъ Ліона въ Туръ. Въ самомъ началѣ XVII-го вѣка извѣстный Лаффемасъ уже говоритъ съ гордостью о приспособленіи мельницъ къ желѣзодѣлательной промышленности и о возможности, благодаря этому, изготовить въ одинъ день больше лезвій, чѣмъ прежде въ мѣсяцъ съ помощью простого молота. Не продолжая далѣе этого перечня новыхъ техническихъ пріемовъ и усовершенствованій, которыхъ не мало было въ XV вѣкѣ и въ горнозаводской промышленности, мы все-же должны будемъ сказать, что они не выдерживаютъ, по своему числу и значенію, сравненія съ тѣми, какими въ серединѣ XVIII в. произведенъ былъ переходъ отъ ману—къ машино-фактурамъ: я разумѣю открытія Аркрайта и Уотта; съ нихъ, повторяю, собственно и начинается исторія машиннаго производства въ области промышленности и, прежде всего, въ области изготовленія тканей.

Потому-то и является необходимость указать на это сравнительно слабое развитіе техники въ XV и XVI столѣтіи, что, не препятствуя наступленію капиталистическаго производства, оно въ то же время дало ему не форму фабричной и заводской промышленности, форму, предполагающую сосредоточеніе рабочей силы пролетаріевъ въ мѣстѣ нахожденія машины, а форму домашняго производства, получающаго матеріалъ и заказы отъ капиталистовъ. Тѣ десятки тысячъ ткачей, какіе разсѣяны были по селамъ, прилегающимъ къ Ипру, работали на дому, исполняя заказы владѣльцевъ торговаго капитала; то же приходится сказать о шелковыхъ производителяхъ Милана, дѣлавшихъ возможной поставку этимъ городомъ въ 1420 г., вмѣстѣ съ другими городами Ломбардіи, 90 тысячъ штукъ сукна для вывоза изъ одной только Венеціи. Такъ какъ въ Миланѣ, какъ и въ большинствѣ средневѣковыхъ городовъ, имѣвшихъ цеховое устройство, запрещено было заниматься ткачествомъ внѣ предѣловъ города, то расширеніе производства, о которомъ говоритъ, между прочимъ, наличность въ немъ въ XV вѣкѣ 14,600 лавокъ, не считая шелкопрядиленъ, имѣло послѣдствіемъ ростъ населенія до цифры 300,000 жителей. Итакъ, промышленное производство XV и XVI столѣтій было производствомъ капиталистическимъ и, въ то же время, не было машиннымъ. Чтобы иллюстрировать мою мысль примѣромъ, заимствованнымъ изъ современности, я скажу, что и по настоящій день шелковое производство сѣверной Италіи, напримѣръ, на берегахъ Комскаго озера, на которомъ оно является важнѣйшимъ видомъ промышлен-

ности, производится крестьянами и въ особенности крестьянками у себя на дому, но по заказу сравнительно небольшого числа предпринимателей. Въ сентябрѣ 1902 года стачка шелковыхъ ткачей и прядильщиковъ, стачка, въ которой приняло участіе болѣе 10,000 человѣкъ, и въ частности много женщинъ, въ числѣ другихъ причинъ была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что предприниматели, устроивъ обширныя заведенія, въ которыхъ примѣнены новѣйшія изобрѣтенія техники, сократили за послѣднее время размѣръ своихъ раздачъ шелка сырца крестьянамъ на домъ для пряденія. Очевидно, они желаютъ перенести работу изъ крестьянскихъ жилищъ на свои фабрики.

Недостатокъ техническихъ усовершенствованій въ XV и XVI вв. давалъ возможность ремесленнику производить бóльшую часть своего труда въ домашней мастерской; но онъ не освобождалъ его отъ всякой зависимости отъ торговаго капитала, зависимости, болѣе или менѣе неизвѣстной въ средніе вѣка, когда ремесленникъ работалъ для удовлетворенія запроса ограниченнаго числа кліентовъ и мѣстнаго рынка. Но какъ только промышленность поставила себѣ задачей производство товаровъ для оптоваго сбыта, и нашлись свободные для того капиталы и трудъ, ремесленное производство стало выполнять заказы крупныхъ предпринимателей-торговцевъ, дѣйствующихъ каждый на свой страхъ или организованныхъ въ торговыя кампаніи. Послѣднія надѣлялись правительствомъ монополіями обмѣна съ тѣми или другими странами или монополіями отпуска публикѣ извѣстныхъ товаровъ. Во Франціи этотъ поворотъ въ сторону капиталистическаго производства уже наглядно сказывается въ серединѣ XVI вѣка, когда, пользуясь ссудами созданнаго Францискомъ I ліонскаго банка, купцы уже производятъ на ярмаркѣ оптовыя закупки и продажи, разсчитанныя на удовлетвореніе запросовъ международнаго рынка. Въ Германіи слѣдуетъ напомнить роль банкирскихъ домовъ Вельзеровъ и Фугеровъ въ Аугсбургѣ и Нюрнбергѣ. Различнѣйшіе виды промышленности и торговли питались капиталами этихъ банкирскихъ домовъ. Банкротство въ Аугсбургѣ отражалось, поэтому, по словамъ Гаузера, на культурѣ корицы на Зондскихъ островахъ, такъ какъ эта культура поддерживалась кредитомъ аугсбургскаго банка. Неудивительно, если стачки, одно изъ обычныхъ явленій хозяйства, построеннаго на началѣ свободной конкурренціи и приспособляющагося къ измѣнчивымъ отношеніямъ спроса и предложенія, становятся нерѣдкимъ явленіемъ еще въ періодъ времени отъ XIII по XVI столѣтіе. „Обычное право Бове“ въ изложеніи, какое даетъ ему

Philippe de Beaumanoir въ 1280 г., уже упоминаетъ о стачкахъ. Его компиляторъ, извѣстный юристъ и королевскій бальифъ, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ намъ ихъ природу: „Союзами противъ общей выгоды (alliances contre le commun profit) надо считать, пишетъ онъ, такіе, когда извѣстнаго сорта люди сговариваются не работать болѣе за прежнюю плату и увеличиваютъ цѣну на трудъ по собственному усмотрѣнію, или застращиваютъ пенями тѣхъ изъ товарищей, которые не соблюдаютъ уговора“. Въ Руанѣ, уже пять лѣтъ спустя, идутъ препирательства между суконщиками и ткачами, препирательства, доходящія до суда Echiquier de Normandie. Суконщики хотятъ помѣшать ткачамъ сходиться на площади и здѣсь предлагать свой трудъ наемщикамъ, говоря, что они пользуются такими собраніями для уговоровъ между собою и повышенія своихъ денежныхъ требованій (enchérissement de leur oeuvres à leur volonté). Въ XVI вѣкѣ стачки явленіе обычное. Въ 1571 г. происходятъ въ Ліонѣ очень рѣзкія столкновенія между рабочими въ типографіяхъ и хозяевами послѣднихъ, которые, какъ значится въ документахъ, „только поставляютъ рабочимъ матеріалъ и орудія“. Эти стачки являются продолженіемъ тѣхъ недоразумѣній, которыя возникли между владѣльцами типографій и простыми исполнителями труда въ 1539 г. На разстояніи 12 лѣтъ повторяется въ Труа подобная же стачка между сапожниками: подмастерья и слуги (compagnons, serviteurs et garçons) обвиняются хозяевами въ томъ, что они требуютъ большей платы противъ положенной ранѣе и вошедшей въ обычай. Въ особомъ сочиненіи, озаглавленномъ Les ouvriers du temps passé, Гаузеръ собралъ довольно богатый матеріалъ о стачкахъ въ періодъ времени, предшествующій французской революціи. Большинство ихъ принадлежитъ къ 18-ому вѣку; относительная рѣдкость стачекъ въ болѣе раннія столѣтія свидѣтельствуетъ скорѣе о медленности, нежели о быстромъ развитіи во Франціи капиталистическаго хозяйства, задержаннаго въ своемъ ростѣ и столѣтней войной съ Англіей, и разбоями такъ-называемыхъ Grandes compagnies, т. е. не получающихъ жалованья наемныхъ дружинъ, и междоусобіями Арманьяковъ и Бургиньоновъ, и военными походами въ Италію Карла VIII и Людовика XII, сопровождавшимися столь же разорительной для Франціи рыцарской политикой Франциска I, наконецъ, религіозными войнами второй половины 16-го столѣтія. Въ Англіи законодательное фиксированіе размѣра заработной платы и передача въ руки мировыхъ судей права на ея повышеніе и пониженіе, сообразно обстоятельствамъ времени, также преслѣдуетъ цѣль уничтоженія

стачекъ. Насколько правительство держится еще этой системы даже въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, показываетъ законодательство Елизаветы и ея ближайшаго преемника, Якова I, обращающихся къ изданію новыхъ тарифовъ на трудъ.

Съ переходомъ къ денежному или капиталистическому хозяйству, хотя-бы въ формѣ зависимой отъ торговаго капитала домашней промышленности, происходитъ перемѣна и въ основныхъ воззрѣніяхъ на задачи, преслѣдуемыя частнымъ лицомъ при занятіи хозяйственной дѣятельностью. Намъ извѣстно средневѣковое пониманіе ихъ; оно сводится къ тому, что каждый долженъ отъ своего производства, будетъ-ли имъ земледѣліе, или промышленность, получать достаточный доходъ, чтобы жить, какъ подобаетъ его общественному положенію. Капиталистическая же точка зрѣнія довольно наглядно сказывается уже въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ частнаго дневника одного изъ денежныхъ тузовъ 16-го вѣка, Антона Фугера. Онъ сообщаетъ, что нѣкій Іеркъ Турзо живетъ на покоѣ въ Аугсбургѣ и оставилъ торговую дѣятельность; отъ него получено его родителемъ, главою фирмы, Яковомъ Фугеромъ, не одно письмо съ совѣтомъ не заниматься болѣе обогащеніемъ, такъ какъ того, что накоплено, болѣе чѣмъ достаточно, да и другимъ пора предоставить возможность обогатиться. Составитель дневника прибавляетъ: господинъ же Яковъ Фугеръ всякій разъ отвѣчалъ на это упрекомъ въ малодушіи, говоря: „я смотрю на дѣло совершенно иначе и желаю пріобрѣтать, сколько будетъ въ моихъ силахъ“. (Зомбартъ, стр. 396 I-го тома).

Эта точка зрѣнія была настолько нова, что современники не сразу готовы были стать на нее. Въ обличительной литературѣ и церковныхъ проповѣдниковъ, какъ католиковъ такъ и протестантовъ, и свѣтскихъ писателей эпохи возрожденія, и публицистовъ-революціонеровъ, мы одинаково встрѣчаемъ нападки на купцовъ и банкировъ, желающихъ все забрать въ свои руки, монополизирующихъ цѣлые виды торговли или грабящихъ народъ ростовщичествомъ.

Даже у Эразма Роттердамскаго, который болѣе другихъ современниковъ сознаетъ пользу торговли и ни словомъ не обмолвился о безнравственности процентовъ, встрѣчаются жалобы на то, что лавочники, мѣнялы и откупщики, нѣкогда столь презираемые, теперь пользуются высокимъ положеніемъ. Жажда наживы, отличающая его современниковъ, вызываетъ въ авторѣ „Похвалы глупости“ строгое осужденіе: „прежде всего ищутъ денегъ, а потомъ добродѣтели“. Всѣ повинуются „pecuniae“. Гораздо рѣзче выступаетъ противъ слагающагося капитализма дру-

гой гуманистъ, рыцарь Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Въ своемъ шутливо-обличительномъ трактатѣ „о лихорадкѣ“, онъ отсылаетъ эту болѣзнь не только къ попамъ, но и къ купцамъ и банкирамъ, въ частности—къ „Фугерамъ“, разжившимся на счетъ народа. Въ числѣ четырехъ разбойничьихъ классовъ, которымъ посвященъ написанный въ 1521 г. трактатъ Гуттена „Predones“, мы, наряду съ рыцарями, писцами и юристами, встрѣчаемъ и торговцевъ; для него они хуже рыцарей-разбойниковъ, такъ какъ вывозятъ золото изъ страны, а взамѣнъ его поставляютъ иноземный товаръ: перецъ, имбирь, шафранъ, шелкъ,—размножая тѣмъ роскошь и ведя къ изнѣженію народа. Всего вреднѣе между купцами наиболѣе зажиточные, тѣ, которые сумѣли пріобрѣсти монополію того или другого торга, въ частности—Фугеры; ничто такъ не обогатило ихъ, какъ нежеланіе довольствоваться производимыми на мѣстѣ продуктами; Фугеры такъ разжились, благодаря этой страсти къ иноземнымъ товарамъ, что въ Германіи они одни владѣютъ несмѣтными запасами золота и серебра, а также роскошными домами. Ихъ состояніе больше того, какимъ могутъ похвастаться правящія династіи. Чтобы поддержать свои торговыя привиллегіи, они не-прочь затратить въ годъ 200,000 флориновъ; правительству слѣдовало бы упразднить ихъ монополіи и запретить имъ вывозъ денегъ въ Римъ и другія части Европы. Можно ли допустить, чтобы тотъ или другой человѣкъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ товары извѣстнаго рода такъ, чтобы нельзя было пріобрѣсть этихъ товаровъ ни отъ кого, кромѣ него; вѣдь это и позволяетъ ему опредѣлять цѣны по своему усмотрѣнію“.

Менѣе удивительно, что такія же сѣтованія, но въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ, высказываютъ тѣ изъ современниковъ, которые поставили себѣ цѣлью осуществить на землѣ идеалъ христіанскаго коммунизма, идеалъ, возродившійся въ передовыхъ сектахъ протестантизма, въ частности—у анабаптистовъ. Протестъ противъ развивающагося капитализма мы встрѣчаемъ и у всѣхъ тѣхъ, кого захватила проповѣдь только что переведеннаго на латинскій языкъ трактата Платона о республикѣ; такъ, напримѣръ, у Дона, Моруса и Кампанеллы. Но тѣ же нападки на торгующихъ оптомъ купцовъ и на живущихъ процентомъ заимодавцевъ повторяются и главами англійскаго протестантизма, Виклефомъ въ томъ числѣ, а равно Лютеромъ и Меланхтономъ, которые въ этомъ отношеніи нимало не порвали съ ученіями канонистовъ-католиковъ.

Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. [1]

А. И. Чупрова.

I.

Вопросъ о мелкомъ земледѣліи въ экономической наукѣ. Физіократы. Марксъ и его школа. Рѣшеніе этого вопроса жизнью въ концѣ XIX вѣка. Факты сельско-хозяйственной статистики въ Германіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ.

Вопросы, о которыхъ я предполагаю вести рѣчь, имѣютъ первоклассное значеніе въ народной экономіи: отъ способа ихъ рѣшенія зависитъ судьба многихъ милліоновъ человѣческихъ существъ. Какъ ни грандіозенъ происшедшій въ XIX-мъ вѣкѣ расцвѣтъ промышленности, какъ ни величественны перемѣны, совершившіяся въ способахъ перевозки, въ формахъ внутренней и международной торговли, но сельское хозяйство съ разнообразными его отраслями составляетъ до сихъ поръ, за исключеніемъ двухъ-трехъ странъ въ мірѣ, господствующее занятіе большинства людей. Въ частности, въ нашемъ отечествѣ не менѣе трехъ четвертей населенія извлекаетъ себѣ средства къ жизни отъ земли. Если вдуматься въ условія нашей народной экономіи, то окажется, что судьба и прочихъ промысловъ зависитъ отъ процвѣтанія или упадка земледѣлія: у насъ нѣтъ внѣшнихъ рынковъ, какъ у Англіи или Германіи: наши фабрики и мануфактуры вынуждены искать себѣ покупателей исключительно внутри страны, главнымъ образомъ, среди той многомилліонной массы, которая населяетъ деревни.

Сельскохозяйственное производство въ современной экономіи народовъ существуетъ въ двухъ главныхъ формахъ: въ видѣ мелкаго и крупнаго хозяйства. Мелкимъ хозяйствомъ признается такое,

---

[1]) Лекціи, читанныя въ январѣ 1904 года въ Русской Высшей школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ, съ нѣкоторыми дополненіями по новымъ даннымъ; болѣе значительныя прибавки сдѣланы въ главѣ VI.

въ которомъ предприниматель, — будетъ - ли то собственникъ, или арендаторъ, —выполняетъ самъ съ своей семьей основныя работы; напротивъ, крупнымъ называется такое предпріятіе, гдѣ хозяинъ и его семья не занимаются сами исполнительными работами, а ограничиваются надзоромъ за нанятыми людьми. Вопросъ о томъ, какая изъ этихъ двухъ формъ обладаетъ большей жизненностью, неизбѣжно возникаетъ въ головѣ всякаго, кто сознательно относится къ явленіямъ окружающей жизни.

Споры о сравнительныхъ достоинствахъ крупнаго и мелкаго земледѣлія столь же стары, какъ сама экономическая наука. Во второй половинѣ XVIII вѣка, среди первыхъ теоретиковъ политической экономіи, физіократовъ, они велись съ такою же горячностью, какъ и въ концѣ XIX столѣтія въ лагерѣ сторонниковъ Марксовой доктрины. Основатель физіократіи, Кенэ, и самый видный представитель школы, Тюрго, были безусловными приверженцами крупнаго земледѣлія и противниками тогдашняго крестьянскаго хозяйства. Признавая главной цѣлью народной экономіи полученіе возможно большаго чистаго дохода, Кенэ и Тюрго считали, что лишь крупные фермеры, начинавшіе появляться въ XVIII вѣкѣ во Франціи, могутъ имѣть чистый доходъ, тогда какъ мелкіе земледѣльцы едва-едва въ состояніи прокормить себя и свои семьи. Причина такой разницы заключается въ двухъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, крупные фермеры располагаютъ капиталомъ, который они могутъ вкладывать въ землю и этимъ способомъ увеличивать ея валовой доходъ, у мелкихъ же ничего нѣтъ, и потому не мудрено, что они добываютъ не больше половины тѣхъ сборовъ, какіе имѣютъ съ своей земли крупные фермеры. Во-вторыхъ, крупные хозяева имѣютъ сбереженія на расходахъ: затраты не увеличиваются пропорціонально размѣрамъ воздѣлываемаго участка; для полученія той же жатвы имъ нужно меньше рабочихъ, меньше скота и пр. Излишекъ надъ затратами можетъ быть только съ крупныхъ фермъ, говоритъ Кенэ [1]). Отъ большаго дохода земель оказываются въ выигрышѣ не одни собственники, но и тѣ, чей трудъ необходимъ для обработки ихъ земель; богатый фермеръ даетъ занятіе крестьянину и поддерживаетъ его существованіе; всюду, гдѣ нѣтъ фермеровъ, крестьяне живутъ плохо. Тѣ же аргументы составляютъ большею частью и у послѣдующихъ писателей основу разсужденій, направленныхъ въ пользу крупной формы земледѣлія. Англійская классическая экономія, имѣвшая передъ

---

[1]) *Auguste Oncken*, Oeuvres de F. Quesnay, p. 181, 188.

глазами примѣръ пышнаго развитія крупной фермерской системы, видѣла въ послѣдней прочный оплотъ высокаго чистаго дохода, который для Рикардо, какъ и для Кенэ, составляетъ источникъ и частнаго, и національнаго богатства.

Отрицаніе мелкаго земледѣлія нашло себѣ новое солидное обоснованіе въ школѣ Маркса. Блестящая схема историческаго развитія обрабатывающей промышленности, построенная Марксомъ, естественно, приводила къ мысли распространить ее и на земледѣліе. Правда, въ первыхъ двухъ томахъ „Капитала", составленныхъ самимъ авторомъ, мы не находимъ яснаго выраженія идей о судьбахъ земледѣлія, но въ третьемъ томѣ [1]) имѣется нѣсколько мѣстъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія относительно взглядовъ Маркса на будущность мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Критика этой формы представлена въ видѣ отрывочнаго конспекта, который, однако, ясно передаетъ мысль автора. „Мелкая собственность", которая въ данномъ мѣстѣ называется парцеллярною, „исключаетъ по своей природѣ: развитіе общественныхъ производительныхъ силъ труда, общественныя формы труда, общественную концентрацію капиталовъ, скотоводство въ большомъ масштабѣ, прогрессивное приложеніе науки. Ростовщичество и налоговое бремя повсюду приводятъ ее къ нищетѣ. Затрата средствъ на покупку земли отрываетъ капиталъ отъ культуры." Далѣе Марксъ приписываетъ мелкой собственности: безконечное раздробленіе производительныхъ средствъ, разъединеніе самихъ производителей и огромное расточеніе человѣческой силы. Прогрессивное ухудшеніе условій производства и вздорожаніе средствъ производства составляетъ необходимый законъ парцеллярной (мелкой) собственности. Мелкая собственность, по взгляду Маркса, представляетъ лишь переходный пунктъ въ развитіи земледѣлія. Причины, по которымъ она исчезаетъ, таковы: уничтоженіе развивающеюся крупной индустріей сельской домашней промышленности, которая составляетъ естественное дополненіе мелкаго земледѣлія; постепенное обѣднѣніе и истощеніе почвы, занятой подъ мелкую культуру; конкурренція капиталистически ведущейся крупной культуры. Земледѣльческія улучшенія, влекущія за собой паденіе цѣнъ продуктовъ и требующія крупныхъ затратъ, съ своей стороны, содѣйствуютъ тому же исходу, какъ это и было въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Англіи. Такимъ образомъ, Марксъ не только предрекаетъ постепенный упадокъ мелкаго земледѣлія, но и обстоятельно изобра-

---

[1]) *Karl Marx*, Das Kapital, III Band, zweiter Theil. S. 341, 342, 347; 348.

жаетъ даже самыя причины и теченіе этого кризиса.—Ученіе Маркса было развито его послѣдователями. Каутскій въ своей Эрфуртской программѣ въ началѣ 90-хъ годовъ доказывалъ, по его собственному резюме, слѣдующее: „Неизбѣжная гибель мелкаго земледѣлія—такова красная нить, которая проходитъ черезъ все мое сочиненіе. Хозяйство мелкаго крестьянина, на мой взглядъ,—экономически конченное дѣло. Такой крестьянинъ поддерживаетъ себя въ конкурренціи единственно лишь непосильнымъ трудомъ и голоданьемъ.“ Въ новѣйшемъ сочиненіи о поземельномъ вопросѣ Каутскій нѣсколько смягчаетъ свои взгляды, но въ извѣстной шестой главѣ, посвященной сравненію крупнаго и мелкаго хозяйства, онъ по-прежнему доказываетъ техническое преимущество перваго предъ вторымъ во всѣхъ отношеніяхъ и утверждаетъ, что мелкое земледѣліе въ состояніи противопоставить соперничеству крупнаго только лишній трудъ и меньшее потребленіе (Uebeгarbeit und Unterkonsumtion).

Серьезное испытаніе для изложенныхъ теорій долженъ былъ представить сельскохозяйственный кризисъ, разразившійся надъ европейскимъ земледѣліемъ съ средины 70-хъ годовъ и не вполнѣ миновавшій даже и теперь. Въ сферѣ обрабатывающей промышленности эпохи кризисовъ всегда оказывались особенно гибельными для мелкихъ предпріятій съ малымъ капиталомъ и низкой техникой; ремесленные и кустарные промыслы подавлялись происходившимъ при кризисахъ паденіемъ цѣнъ, тогда какъ крупныя фабрики, хоть и работали въ такое время съ меньшей прибылью, но все-таки не закрывались и даже иногда расширяли свое производство за счетъ вымиравшихъ мелкихъ предпріятій. Казалось бы, періодъ кризиса долженъ былъ въ еще большей степени поразить мелкое земледѣльческое хозяйство, которое и раньше держалось, по словамъ приведенныхъ выше писателей, лишь крайнимъ напряженіемъ рабочей силы и голоданіемъ. Однако ни въ одной странѣ, гдѣ мелкая собственность имѣетъ значеніе, дѣйствительность не подтвердила этихъ ожиданій. Изслѣдованія, произведенныя въ концѣ XIX вѣка, показали, что мелкія хозяйства, несмотря на тяжкія времена, стойко сохраняютъ свою позицію и даже увеличиваются въ числѣ.

Самый важный и интересный документъ представляетъ для настоящаго вопроса германская перепись 1895 года, которая, произведена по тому же плану, какъ и перепись 1882 года, и потому допускаетъ вполнѣ точное сравненіе съ послѣднею. Если принять, кромѣ того, во вниманіе, что перепись выполнена при помощи наиболѣе совершенныхъ статистическихъ пріемовъ, какими рас-

полагаетъ теперь наука въ примѣненіи къ этому роду изслѣдованій, то существуютъ всѣ основанія особенно внимательно остановиться на германскихъ данныхъ. Нѣмецкая перепись 1895 года показала, что въ общемъ число хозяйствъ увеличилось съ 1882 года на 282,000, поднявшись съ 5,276,344 до 5,558,317. Поднялась, но въ меньшей степени, и площадь, находящаяся въ сельскохозяйственномъ пользованіи,—съ 31,868,973 до 32,517,941, т. е. на 648, 963 гектаровъ. Уже эти цифры даютъ понять, что въ Германіи не наблюдается концентраціи сельско хозяйственныхъ предпріятій, а напротивъ, замѣчается нѣкоторое раздробленіе. — Къ тому же приводитъ сравненіе числа хозяевъ съ числомъ рабочихъ въ сельской промышленности. Изъ общаго количества лицъ, самостоятельно занятыхъ въ этой промышленности, въ 1882 году 27,7 процентовъ приходилось на хозяевъ, а 72,2 проц. состояли изъ служащихъ и рабочихъ; между тѣмъ въ 1895 году хозяевъ насчитано 31 проц., а служащихъ и рабочихъ—лишь 69 процентовъ. Приростъ доли хозяевъ и уменьшеніе процента рабочихъ въ общей суммѣ лицъ, занятыхъ сельскохозяйственнымъ производствомъ, составляетъ опять ясный признакъ того, что концентрація за разсматриваемый періодъ не увеличилась, а уменьшилась. Заключенія, получаемыя на основаніи общихъ итоговъ, подтверждаются и детальнымъ анализомъ цифръ, относящихся къ различнымъ по величинѣ группамъ хозяйствъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этихъ цифръ, а отмѣтимъ только, что за время съ 1882 по 1895 годъ число парцеллярныхъ хозяйствъ, площадью меньше 2 гектаровъ, возрасло на 5,5 проц., число мелкокрестьянскихъ хозяйствъ, величиной отъ 2 до 5 гектаровъ, увеличилось на 3 процента, число крестьянскихъ хозяйствъ средняго размѣра, величиной отъ 5 до 20 гектаровъ, прибавилось даже на 8 процентовъ. Напротивъ того, крупно-крестьянскія хозяйства величиной отъ 20 до 100 гектаровъ, остались въ неподвижномъ состояніи; что же касается помѣщичьихъ имѣній, съ площадью выше 100 гектаровъ, то они прибавились, но мало: именно, по числу на 3,8 проц., а по площади лишь на 0,6 проц. [1]) Изъ приведенныхъ цифръ видно, что крупный приростъ средняго и мелкаго крестьянства совершился частью за счетъ общаго увеличенія культурной площади, частью же за счетъ крупно-крестьянскаго владѣнія, въ которомъ при неподвижности числа хозяйствъ замѣчается нѣкоторая, правда, небольшая, убыль принадлежащей имъ площади.

---

[1]) Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge. Band 112.

Земледѣльческія анкеты во Франціи, повторяемыя, какъ общее правило, черезъ десять лѣтъ, представляютъ менѣе удобный матеріалъ для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, нежели германскія переписи; онѣ выполняются и разрабатываются по менѣе совершеннымъ методамъ и по самой программѣ своей не столь пригодны для изслѣдованія. По поводу французскихъ данныхъ велись въ литературѣ горячіе споры; одни видѣли въ этихъ данныхъ подтвержденіе прочности крестьянскаго хозяйства во Франціи, а другіе ими же доказывали упадокъ этого хозяйства. Однако для каждаго, кто безъ предвзятаго взгляда займется цифрами анкетъ, будетъ совершенно ясно, что нѣтъ основанія говорить ни о прогрессѣ, ни о регрессѣ мелкаго земледѣлія во Франціи. Оно удержалось въ годы остраго кризиса въ томъ же состояніи, въ какомъ находилось и раньше. Въ самомъ дѣлѣ, сравненіе анкеты 1892 г. съ анкетою 1882 г показываетъ, что за это время сильнѣе всего возрасло число хозяйствъ въ группѣ менѣе одного гектара, очень многочисленной во Франціи; оно поднялось на 3,5 процента. Однако эта категорія хозяйствъ имѣетъ малое сельскохозяйственное значеніе: это, по большей части, небольшіе клочки земли, которыми обзаводятся рабочіе и служащіе въ промышленности и торговлѣ; лишь въ подгородныхъ районахъ, гдѣ процвѣтаетъ огородная и садовая культура, даже участокъ въ одинъ гектаръ и меньше даетъ возможность кормиться сельскимъ хозяйствомъ. Слѣдующая затѣмъ группа мелко-крестьянскихъ хозяйствъ, величиной отъ 1—10 гект., осталась почти безъ перемѣны. Замѣтно нѣкоторое уменьшеніе, но оно равняется всего 0,6%; это такая ничтожная убыль, что существуютъ всѣ основанія считать мелко-крестьянское хозяйство удерживающимъ свое прежнее положеніе. Въ средне-крестьянскомъ хозяйствѣ, отъ 10—20 гектаровъ, число эксплуатацій сократилось на 0,4 процента; слѣдовательно, мы имѣемъ право признавать и эту группу оставшеюся въ неподвижномъ состояніи. Такимъ образомъ, во Франціи, мелкія хозяйства работающія лишь силами своей семьи (до 20 гект.) остались, въ годы кризиса въ совершенно прежнемъ видѣ: число ихъ составляло въ 1882 году 5,234,000, или 92,3 проц. всѣхъ хозяйствъ, а въ 1892 году ихъ было 5,282,000, т. е. 92,6 проц. общаго количества хозяйствъ. Если мы теперь обратимся къ крупному крестьянству, именно, къ хозяйствамъ отъ 20 — 40 гект., и затѣмъ отъ 40—100, т. е. къ такимъ, которыя безъ наемнаго труда уже невозможны, то замѣтимъ во всѣхъ его разрядахъ несомнѣнную убыль, хотя и не столь крупную, чтобы можно было говорить о разрушеніи этого типа хозяйствъ, какъ иногда характеризуютъ

этотъ процессъ. Число эксплуатацій размѣромъ отъ 20—40 гект. упало на 4,6 проц., категорія же хозяйствъ отъ 40 — 100 гект. уменьшилась на 6 процентовъ. Напротивъ, въ самыхъ крупныхъ хозяйствахъ обнаруживается приростъ: группа выше 100 гектаровъ насчитывала въ 1892 году на 13,8 процентовъ больше хозяйствъ, нежели въ 1882 г. [1]) У насъ нѣтъ подъ руками точныхъ данныхъ о перемѣнахъ въ пространствѣ крупныхъ владѣній, но имѣются основанія думать, что ихъ площадь увеличилась въ гораздо меньшей пропорціи, нежели число (именно, не больше, какъ на 1 проц.). Такимъ образомъ, движеніе въ области крупныхъ хозяйствъ, отмѣченное анкетой 1892 года (сильное увеличеніе числа хозяйствъ при почти полной неизмѣнности площади), можетъ быть охарактеризовано, какъ ихъ размельченіе.—Что сдѣланный выводъ не представляетъ собою лишь нашего личнаго мнѣнія, это подтверждается характеристикой перемѣнъ въ положеніи сельскаго хозяйства, которая содержится въ общемъ отчетѣ по всемірной выставкѣ 1900 года, редактированномъ Шарлемъ Жидомъ. „Сельскохозяйственныя анкеты 1882 и 1892 года“, читаемъ мы въ этомъ отчетѣ: „показываютъ, что число земледѣльческихъ предпріятій во Франціи осталось почти безъ перемѣны, и если ужъ особенно тщательно искать какихъ-либо измѣненій, то придется, вмѣстѣ съ докладчикомъ 103 класса, признать мелкую собственность нѣсколько выигравшею (на 1 процентъ), а крупную немного проигравшею“ [2]).

Изъ странъ съ преобладаніемъ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ заслуживаютъ вниманія Соединенные Штаты. О перемѣнахъ, происшедшихъ въ этой странѣ, даетъ понятіе уже тотъ фактъ, что средній размѣръ фермы съ 203 акровъ въ 1850 г. спустился къ 1900 году до 146 акровъ, и что процентъ служащихъ и рабочихъ (всѣхъ лицъ, кромѣ хозяевъ и арендаторовъ) въ общей суммѣ населенія, занятаго сельскимъ хозяйствомъ, составлявшій въ 1870 году 52 проц., спустился къ 1880 году до 43,3, къ 1890 году до 41,4 проц. и къ 1900 году до 34,6 проц. [3]) Въ прямой противоположности къ развитію индустріи, въ сельскомъ хозяйствѣ элементъ наемныхъ рабочихъ убываетъ, а число самостоятельныхъ предпринимателей

[1]) Statistique agricole de la France. Resultats généraux de l'enquête dècennale de 1892. Troisiéme partie, p. 229, 230.

[2]) Rapports du jury international. Introduction générale. Sixième partie. Economie sociale, p. 314, 315.

[3]) Twelfth census of the United States. Volume V. Agriculture. Part 1, p. XXI LXXVIII.

возрастаетъ. Интересныя подробности, разъясняющія приведенныя цифры, даетъ Густавъ Фишеръ на основаніи наблюденій и свѣдѣній, собранныхъ во время путешествія по Соединеннымъ Штатамъ лѣтомъ 1901 года. „Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ", пишетъ Фишеръ: „что въ заселившихся раньше всего восточныхъ штатахъ большія хозяйства распадаются... Въ прибрежныхъ штатахъ раздробленіе хозяйствъ доходитъ во многихъ случаяхъ до того, что полевое хозяйство почти совсѣмъ смѣнилось огородною культурою овощей и тому подобныхъ растеній... Въ центральныхъ штатахъ преобладаютъ среднія имѣнія, въ которыхъ владѣлецъ всегда работаетъ самъ, нанимая очень мало или вовсе не нанимая батраковъ. Только въ обширныхъ пшеничныхъ областяхъ вдоль Красной Рѣки въ Дакотѣ и въ долинахъ Калифорніи, гдѣ сухой лѣтній климатъ допускаетъ примѣненіе расчитанныхъ на самую экстенсивную культуру гигантскихъ плуговъ, а также сложныхъ жатвенныхъ машинъ и молотилокъ, крупное хозяйство все еще имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ. Но гдѣ начинаетъ замѣчаться истощеніе почвы и гдѣ приходится переходить къ болѣе интенсивной культурѣ, тамъ мелкія фермы берутъ верхъ. О поглощеніи мелкихъ фермъ автору не приходилось слышать. Напротивъ, въ восточныхъ штатахъ онѣ выигрываютъ въ числѣ, и то же самое наблюдается въ садовыхъ округахъ Калифорніи, гдѣ культура апельсинъ, лимоновъ и т. п. требуетъ крайней тщательности и потому при дороговизнѣ рабочихъ рукъ особенно подходитъ для мелкаго хозяйства, въ которомъ трудится вся семья" [1]).

II.

Объясненіе причинъ устойчивости мелкаго земледѣлія. 1) Особенности сельскаго хозяйства сравнительно съ индустріей. 2) Особенности мелкаго земледѣлія сравнительно съ крупнымъ. 3) Особенности конца XIX вѣка сравнительно съ предшествующими эпохами въ области сельскаго хозяйства.

Приведенныя изъ разныхъ странъ данныя показали, что мелкое земледѣліе не только не вытѣснено безпримѣрнымъ по продолжительности сельскохозяйственнымъ кризисомъ, но даже кое-гдѣ расширило свою область. Этотъ фактъ, противорѣчащій предсказаніямъ авторитетныхъ представителей науки и видныхъ дѣятелей въ политикѣ, естественно долженъ былъ обратить на себя вниманіе,

---

1) *G. Fischer.* Die sociale Bedeutung der Maschinen in der Landwirthschaft. S. 57, 62.

явилась потребность провѣрить тѣ аргументы, на которые опиралось ученіе о неизбѣжно предстоящемъ упадкѣ мелкаго земледѣлія. Какъ это всегда бывало въ исторіи экономической науки, уроки жизни заставили приступить къ пересмотру теоріи. Въ послѣдніе годы XIX-го вѣка и въ первые текущаго столѣтія появился цѣлый рядъ сочиненій, которыя ставятъ себѣ задачею объяснить жизнеспособность мелкаго земледѣлія и анализировать условія его соперничества съ крупнымъ хозяйствомъ: въ Германіи работы Аугагена, Штумпфе, Бернштейна, Герца, а въ самое послѣднее время Давида и Зомбарта, въ Италіи труды Вирджили и Гатти, у насъ сочиненія Левитскаго и Булгакова [1], — всѣ одинаково ищутъ требуемаго объясненія въ природѣ сельскохозяйственнаго промысла и въ особенностяхъ мелкаго земледѣлія сравнительно съ крупнымъ. Приведенными изслѣдованіями установленъ цѣлый рядъ интересныхъ признаковъ земледѣлія вообще и мелкаго въ частности, которые до сихъ поръ или ускользали отъ вниманія, или оцѣнивались не достаточнымъ образомъ. Мы не можемъ входить въ подробности изысканій названныхъ авторовъ, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ главной задачи; лишь въ краткихъ чертахъ мы познакомимъ съ ихъ выводами, поскольку послѣдніе нужны для обоснованія дальнѣйшаго изложенія.

Ученіе о предстоящемъ паденіи мелкаго земледѣлія и у самого Маркса, и у его послѣдователей основывалось на признаніи аналогіи между обрабатывающей промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. По Марксу процессъ производства въ индустріи и земледѣліи въ сущности однороденъ, откуда естественно вытекаетъ, что тенденція къ переходу отъ мелкаго производства къ крупному, найденная путемъ анализа обрабатывающей промышленности, прилагается въ одинаковой степени и къ сельскому хозяйству. Посвященная сельскому хозяйству глава „Капитала"

---

[1]) *Anhagen*, Ueber Gross - und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft. Thiels Landwirtsch. Jahrbücher, XXV Band, 1896.

Stumpfe E., Der landw. Gross-, Mittel- und Kleinbetrieb, 1901.

Bernstein Ed., Die Voraussetzungen des Socialismus, 1899.

Hertz F. O., Die agrarischen Fragen, 1899.

David Ed., Socialismus und Landwirtschaft, 1903.

Sombart Werner, Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert, 1903.

Virgili F., Il problema agricolo e l'avvenire sociale, 1900.

Gatti G., Agricoltura e Socialismo, 1900.

Левитскій, В. Ф., Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1892) 1899.

Булгаковъ, С. Н., Капитализмъ и земледѣліе. 1900.

проникнута мыслью, что мелкое земледѣліе вытѣсняется крупнымъ съ помощью машинъ и другихъ вспомогательныхъ средствъ современнаго капитализма. Между тѣмъ анализы показываютъ, что сельское хозяйство отличается отъ промышленности такими существенными признаками, которые заставляютъ думать, что ихъ развитіе не можетъ совершаться аналогически. Основная черта различія заключается въ томъ, что—говоря словами Давида— „промышленное производство есть процессъ механическій, а сельскохозяйственное — органическій". Тамъ человѣкъ распоряжается мертвой матеріей по усмотрѣнію, раздѣляя и соединяя ее по своимъ надобностямъ,—здѣсь, напротивъ, все производство совершается силами живой природы: человѣческій трудъ лишь помогаетъ природѣ и при этомъ долженъ приспособляться къ ея законамъ и даже капризамъ. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ послѣдствій. Промышленный трудъ отличается непрерывностью. Вы можете во всякое время приступить къ изготовленію стола, шляпы, и разъ вы начали работу, ничто въ самомъ процессѣ производства не обязываетъ васъ отрываться отъ нея; вы можете прервать работу, если захотите, но это зависитъ отъ васъ, а не отъ требованій дѣла. Какъ скоро одно издѣліе готово, ничто не мѣшаетъ тотчасъ же перейти къ другому. Не то въ земледѣліи. Здѣсь трудъ прилагается съ перерывами, зависящими не отъ человѣка, а отъ требованій природы. Это—производство, какъ его иногда называютъ, „сезонное". Отъ климатическихъ условій зависитъ начало полевыхъ работъ; между первой, второй, а иногда и третьей вспашкой проходятъ цѣлыя недѣли для того, чтобы дать совершиться физико-химическимъ и бактеріологическимъ процессамъ въ почвѣ. Послѣ посѣва должны пройти мѣсяцы, когда человѣкъ совсѣмъ выходитъ изъ дѣла. Жатвой оканчивается лѣтній сезонъ, и трудъ уже не можетъ въ нашихъ климатахъ возобновиться до начала слѣдующаго года. Природа въ земледѣліи то призываетъ, то отпускаетъ человѣка. Земледѣліе является „сезоннымъ" производствомъ не потому только, что оно занимаетъ рабочую силу лишь въ опредѣленныя части года; даже въ занятые періоды рабочая сила потребляется въ крайне неравномѣрныхъ доляхъ. Этой отрасли производства особенно свойственны „критическіе моменты", когда работа нужна бываетъ въ количествахъ, далеко превышающихъ обычную среднюю потребность въ ней; таковы періоды жатвы и всякой прочей уборки. Г. Мейеръ посвятилъ особую монографію вопросу о колебаніяхъ потребности въ ручномъ трудѣ въ нѣмецкомъ земледѣліи. Онъ подробно изучилъ количество рабочихъ, требовавшихся въ

пяти хозяйствахъ, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ Германіи, и нашелъ, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ, что, если принять количество труда, прилагаемое въ первую четверть года, за 1, то во вторую четверть нужно 1,8, въ третью 3,2, въ четвертую 2,5. Въ этомъ хозяйствѣ, кромѣ хлѣбныхъ растеній, производится также и свекловица; но и въ чисто хлѣбномъ хозяйствѣ разница по четвертямъ года такова: 1 : 1,3: 1,7: 1,1.

Непрерывность промышленнаго труда допускаетъ одновременное выполненіе рядомъ одна съ другою нѣсколькихъ операцій, относящихся къ одному и тому же производительному процессу; напримѣръ, на бумагопрядильнѣ совершаются одновременно: чистка хлопка, прядение, бѣленіе готовой нити, упаковка и пр.— Извѣстно, какое удобство въ смыслѣ усовершенствованія и ускоренія работы доставляетъ эта возможность дѣлать нѣсколько дѣлъ заразъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ земледѣліи. Работы отдѣлены здѣсь одна отъ другой по времени; нельзя въ одно и то же время пахать, сѣять и жать. Какъ бы лихорадочно ни работалъ человѣкъ, онъ не можетъ ускорить производительнаго процесса въ земледѣліи: пшеничное зерно не созрѣетъ, яблоко не нальется, теленокъ не выростетъ раньше опредѣленнаго срока, какія бы старанія ни прилагалъ къ тому хозяинъ. Поэтому, не отъ человѣка зависитъ ускорить ходъ работъ, чтобы сблизить перерывы въ нихъ.—Нужно прибавить еще, что земледѣльческому производству свойственна разбросанность въ пространствѣ. Его нельзя концентрировать въ одномъ пунктѣ на подобіе того, какъ одна крупная фабрика, въ родѣ Крупповской въ Эссенѣ или Морозовской въ Орѣховѣ-Зуевѣ, сосредоточиваетъ десятки тысячъ рабочихъ. Это свойство земледѣлія зависитъ отъ того, что въ немъ земля является не однимъ только мѣстомъ труда, какъ на фабрикѣ, но также сырымъ матеріаломъ и орудіемъ производства. Каждый кусокъ земли можетъ дать пищу лишь извѣстному числу экземпляровъ даннаго растенія, и потому человѣческій трудъ вынужденъ разбрасываться на тѣмъ болѣе широкой площади, чѣмъ больше требуется добыть пищи и другихъ продуктовъ. Сравнительно невысокій предѣлъ возможнаго усиленія производительности ставитъ узкія границы для концентраціи труда въ этомъ промыслѣ.—Сказанное объясняетъ, почему въ сельскохозяйственномъ производствѣ такъ мало примѣняется раздѣленіе труда, на которомъ по преимуществу зиждутся успѣхи мануфактурной промышленности. Работающимъ земледѣльцамъ приходится дѣлать въ данный моментъ не разныя дѣла, а одно и то же: „люди трудятся здѣсь не сообща, а рядомъ“. Одному и

тому же лицу приходится, смотря по сезону, пахать, боронить, сѣять, жать, возить снопы, молотить. Если бы, по примѣру мануфактуры, одно лицо сдѣлалось пахаремъ, другое жнецомъ, третье молотильщикомъ, то большую часть года имъ пришлось бы сидѣть сложа руки, и такой способъ работы, вмѣсто сбереженія, причинилъ бы величайшее расточеніе труда. Мы говорили сейчасъ о томъ, что Марксъ называетъ раздѣленіемъ труда внутри предпріятія; но столь же мало примѣнимо къ сельскому хозяйству и „общественное“ раздѣленіе труда. Сельскій хозяинъ не можетъ сосредоточиться на производствѣ одного какого-либо вида продуктовъ на подобіе того, какъ современный фабрикантъ выдѣлываетъ одинъ видъ тканей или одинъ сортъ желѣзныхъ издѣлій, напримѣръ, топоры или напильники. Такой спеціализаціи препятствуютъ требованія сѣвооборота и необходимость поддерживать плодородіе почвы. По этой послѣдней причинѣ земледѣліе соединяется съ скотоводствомъ, а въ виду первой бобовыя растенія чередуются съ злаковыми и корнеплодными, пшеница съ овсомъ или гречихой. Къ этимъ соображеніямъ присоединяется желаніе хозяина застраховать себя отъ неблагопріятныхъ вліяній погоды. Кто сѣетъ одно, два растенія, какъ напримѣръ, крестьяне нашихъ подмосковныхъ губерній—рожь и овесъ, тотъ ставитъ на карту все свое благосостояніе: случится или слишкомъ засушливое, или слишкомъ мочливое лѣто, губительное для зерновыхъ хлѣбовъ, и такой хозяинъ теряетъ все. Оттого съ развитіемъ раціональнаго земледѣлія увеличивается разнообразіе продуктовъ. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ, напримѣръ, сѣвооборотъ нащего крестьянскаго поля съ крестьянскимъ же полемъ подъ Лейпцигомъ, на берегу Рейна, въ долинѣ. По, или же сопоставивъ сѣвооборотъ въ одномъ и томъ же имѣніи въ началѣ и въ концѣ XIX-го вѣка.

Одно изъ самыхъ важныхъ отличій земледѣлія отъ обрабатывающей промышленности заключается въ меньшей примѣнимости машинъ. Анализъ Маркса съ рѣдкой ясностью показалъ, что главной причиной торжества крупной промышленности является широкое употребленіе машинъ. Въ картинѣ, извѣстной всякому читателю „Капитала“, Марксъ рисуетъ, какъ въ современной фабрикѣ одна центральная сила, посредствомъ сложной системы передачъ, приводитъ въ движеніе разнообразныя рабочія машины; высокое совершенство рабочихъ машинъ, которыя вытѣснили и замѣнили ручныя орудія прежняго періода, соединяется здѣсь съ могучей силой центральнаго двигателя. Въ сельскомъ хозяйствѣ одинаково затруднено, сравнительно съ индустріей, прило-

женіе и тѣхъ, и другихъ механизмовъ. Рабочая машина находитъ себѣ наибольшій доступъ въ такія производства, которыя могутъ быть разложены на однообразныя, въ томъ же видѣ постоянно повторяющіяся или непрерывно продолжающіяся операціи; гдѣ движенія сложны, гдѣ приходится приноравливаться къ разнымъ особенностямъ матеріала или преодолѣвать измѣняющіяся сопротивленія, тамъ машинная работа представляетъ значительныя трудности. Мы уже раньше указали, что это основное условіе примѣнимости машинъ встрѣчается въ земледѣліи въ гораздо меньшей степени или вовсе отсутствуетъ. Сельскохозяйственное производство состоитъ изъ цѣлаго ряда процессовъ, постоянно прерывающихся и требующихъ спеціальнаго приспособленія къ особенностямъ почвы, климата, положенія участковъ. Оттого въ самыхъ совершенныхъ хозяйствахъ примѣненіе рабочихъ машинъ доселѣ ничтожно по сравненію съ заурядной фабрикой; главная масса работъ исполняется въ нихъ ручнымъ трудомъ, для котораго сравнительно немногія машины являются лишь вспомогательнымъ средствомъ. По той же причинѣ мало примѣнимы въ земледѣліи, по крайней мѣрѣ, теперь, центральные источники силы. Машины, употребляющіяся въ сельскомъ хозяйствѣ, почти всѣ передвижныя, которыя, поэтому, нельзя безъ крупныхъ расходовъ приводить въ движеніе изъ центра. Господствующій типъ механическаго двигателя въ земледѣліи—не стаціонарная паровая машина, а локомобиль. Правда, въ послѣднее время дѣлаются опыты съ приложеніемъ къ сельскому хозяйству электрической силы, и недавно еще Парижское общество сельскаго хозяйства выдало премію одному землевладѣльцу, который утилизировалъ въ этихъ видахъ силу потока, но мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первыми попытками, а пока, при господствующихъ нынѣ силахъ, паровой и водяной, примѣненіе центральнаго двигателя для полевыхъ работъ встрѣчается въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ рѣдкое исключеніе. Трудно думать, чтобы и въ будущемъ сильно увеличилась примѣнимость машинъ къ сельскому хозяйству. Этому препятствуетъ уже раньше отмѣченное возрастаніе интенсивности системъ хозяйства. По мѣрѣ перехода къ высшимъ системамъ увеличивается разнообразіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ играть все большую и большую роль такія растенія, которыя требуютъ обильной затраты труда и, такъ сказать, индивидуальнаго обращенія съ каждымъ изъ нихъ. Сравните въ этомъ отношеніи культуру ржи и сахарной свеклы. Когда сѣется или жнется рожь, работникъ при каждомъ движеніи руки, имѣетъ дѣло съ массою отдѣльныхъ растеній, если не съ сот-

нями, то во всякомъ случаѣ съ нѣсколькими десятками. Напротивъ, при выращиваніи сахарной свеклы нужно отдѣльно посадить каждое сѣмячко, или же, если садятся нѣсколько сѣмянъ, нужно впослѣдствіи оставить одинъ болѣе сильный ростокъ, а остальные выполоть; то же самое при уборкѣ свеклы: каждое отдѣльное растеніе нужно вынуть изъ гряды, околотить съ него землю и срѣзать ботву. Еще больше работы въ огородной культурѣ; здѣсь приходится каждое отдѣльное растеньице сначала посѣять въ парникѣ, потомъ высадить въ грядку и затѣмъ уже разсадить въ полѣ. Въ современномъ интенсивномъ хозяйствѣ доля такихъ культуръ съ индивидуальнымъ уходомъ за отдѣльными растеніями возрасла въ огромной степени. Не говоря о подгородныхъ районахъ, о мѣстностяхъ вблизи заводовъ, перерабатывающихъ продукты земледѣлія, напримѣръ, сахарныхъ, повсюду, гдѣ привились современные пріемы хозяйства, увеличилась площадь, занятая подъ корнеплоды, напримѣръ, подъ свеклу, равно какъ подъ разные виды кормовыхъ овощей. И это по простой причинѣ, именно, по условіямъ раціональнаго земледѣлія, которое требуетъ смѣны однихъ растеній другими. Такимъ образомъ, культуры, не благопріятствующія машинному труду, возрастаютъ за счетъ тѣхъ, гдѣ машины могли бы примѣняться съ выгодой. Нельзя не принять въ разсчетъ и постепенно усиливающейся въ земледѣліи роли скотоводства; оно увеличиваетъ находящееся въ распоряженіи хозяйства число животныхъ двигателей, которыхъ приходится держать для другихъ надобностей,— для использованія корма, имѣющагося въ изобиліи при плодоперемѣнной системѣ, и ради удобренія. Итакъ, въ особыхъ чертахъ земледѣльческаго промысла заключаются препятствія, къ примѣненію тѣхъ могучихъ средствъ, при помощи которыхъ крупная индустрія вытѣсняетъ ремесло,—раздѣленія труда и машинъ.

* * *

До сихъ поръ шла рѣчь о такихъ особенностяхъ земледѣльческаго промысла, которые отличаютъ его отъ другихъ отраслей промышленности, но въ предѣлахъ сельскаго хозяйства одинаково свойственны какъ крупной, такъ и мелкой его формѣ. Къ указаннымъ особенностямъ нужно прибавить еще такія, которыя составляютъ принадлежность собственно мелкаго земледѣлія и отличаютъ его отъ крупнаго. Эти особенныя черты касаются какъ технической, такъ и экономической стороны производства. Однако прежде, нежели остановиться на упомянутомъ вопросѣ, мы должны сдѣлать оговорку объ одномъ важномъ отличіи продуктовъ земледѣлія, которое нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ жизнеспособ-

ности крупнаго и мелкаго сельскаго хозяйства. Когда вы сравниваете между собою продукты, производимые, съ одной стороны, фабрикой и, съ другой стороны, ремесленной мастерской или кустарной избой, вы непремѣнно наталкиваетесь на различія въ качествѣ. Продукты крупной индустріи частью вовсе недоступны для мелкой, частью же превосходятъ издѣлія послѣдней по своимъ свойствамъ. Прядильная машина, локомотивъ, не могутъ быть вовсе созданы въ ремесленной мастерской, а доморощенному холсту не угоняться за высшими сортами фабричнаго полотна. Оттого, кромѣ меньшей стоимости, крупная фабрика побиваетъ мелкое предпріятіе качествомъ издѣлій. Въ сельскомъ хозяйствѣ такой разницы въ изготовляемыхъ продуктахъ, можно сказать, не существуетъ. „Возьмите горсть зерна изъ XV-го вѣка, если бы она сохранилась какимъ-либо чудомъ, и горсть зерна нашего времени, зерно, производимое русскимъ крестьяниномъ, англійскимъ фермеромъ и пшеничнымъ фабрикантомъ дальняго Запада Соединенныхъ Штатовъ, и, не будучи спеціалистомъ, вы не замѣтите разницы, а если она и будетъ, то, по всей вѣроятности, будетъ отражать разницу почвъ, а не условій производства“. То же можно сказать о мясѣ и большинствѣ другихъ продуктовъ. Мы не думаемъ утверждать, чтобы сельское хозяйство вовсе не знало различій продуктовъ по качеству; каждому изъ насъ хорошо извѣстно по собственному опыту, какъ могутъ разниться молоко, масло, мясо, плоды и пр. Мы отмѣчаемъ только, что эти различія не зависятъ непремѣнно отъ размѣровъ хозяйства: изъ крупнѣйшей фермы можно получить никуда негодное молоко или масло, а простая крестьянка на рынкѣ продастъ вамъ иногда превосходные продукты. Крупная форма производства въ сельскомъ хозяйствѣ не обусловливаетъ собою по существу высшаго качества продуктовъ, какое мы видимъ въ индустріи. Какъ скоро достоинство продуктовъ не зависитъ отъ размѣровъ производства, то исходъ конкурренціи между крупными и мелкими хозяйствами рѣшается техническими и экономическими условіями производства, къ которымъ мы и переходимъ.

Въ спорѣ между крупной и мелкой формами производства уже давно выставлялось то преимущество мелкаго земледѣлія, что при немъ достигаются высшія качества труда. Успѣшность труда, прилагаемаго къ производству, или, что то же, отношеніе между количествомъ затраченной работы и полученными результатами, опредѣляется двумя условіями: интенсивностью и ловкостью труда. Если трудъ въ хозяйствѣ крупнаго владѣльца можетъ прилагаться искуснѣе, благодаря возможному содѣйствію

науки въ лицѣ техника-спеціалиста, то на сторонѣ мелкаго земледѣльца остается неоспоримое преимущество въ большей интенсивности труда. Крестьянинъ работаетъ на себя, а наемный рабочій на хозяина: въ этомъ очевидномъ и простомъ фактѣ заключается условіе, котораго иногда бываетъ достаточно, чтобы рѣшить исходъ конкурренціи. Убѣжденіе въ томъ, что плоды трудовъ будутъ всецѣло принадлежать ему самому, заставляетъ мелкаго земледѣльца напрягать свою энергію до послѣдней возможности. Каждый, кто читалъ Д. С. Милля, помнитъ тѣ краснорѣчивыя страницы, гдѣ описывается прилежаніе мелкихъ земледѣльцевъ въ Швейцаріи, во Франціи, въ Скандинавскихъ государствахъ и т. д. У наемнаго рабочаго этотъ мотивъ отсутствуетъ; собственная выгода заставляетъ его не напрягать, а беречь свои силы. Крупному хозяину приходится возмѣщать недостатокъ въ рабочемъ собственной заинтересованности внимательнымъ за нимъ надзоромъ; но этотъ надзоръ вообще въ сельскомъ хозяйствѣ труднѣе, нежели на фабрикѣ, по той причинѣ, что рабочая сила разбросана на пространствѣ полей, тогда какъ на фабрикѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ работаютъ нерѣдко въ одномъ зданіи. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскохозяйственныхъ занятій надзоръ почти невозможенъ, такъ какъ работа не оставляетъ замѣтныхъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы отличить, сдѣлана ли она тщательно или нѣтъ; приходилось бы въ такомъ случаѣ ставить надсмотрщика къ каждому человѣку, что невозможно. Уже въ силу одной лишь бо́льшей тщательности труда, нѣкоторыя, такъ-называемыя, спеціальныя культуры, напримѣръ, табаководство, огородничество, лучше удаются въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ хозяйствахъ. Аугагенъ подвергъ тщательному изученію различія въ результатахъ мелкаго и крупнаго хозяйства на примѣрѣ двухъ владѣній, находящихся въ одномъ и томъ же селеніи, и нашелъ, что въ мелкомъ хозяйствѣ результаты выгоднѣе, главнымъ образомъ, благодаря большей тщательности работы. Разница, о которой идетъ рѣчь, сводится къ очень осязательнному факту. „На мѣсто 20 самостоятельныхъ производительныхъ рабочихъ наилучшаго качества въ крупномъ хозяйствѣ являются 19 производительныхъ рабочихъ худшаго качества и одинъ непроизводительный надсмотрщикъ. Вознагражденіе послѣдняго прибавляется къ общему расходу на трудъ и приводитъ къ тому, что крупное хозяйство, имѣя въ своемъ распоряженіи худшую „рабочую силу оплачиваетъ ее дороже, нежели мелкое.“ Къ сказанному нужно прибавить еще и то, что въ собст-

венномъ мелкомъ производствѣ находятъ себѣ приложеніе такія рабочія силы, которыя не могутъ быть утилизированы въ чужомъ хозяйствѣ, и, не будучи примѣнены на мѣстѣ, остались бы вовсе безъ занятія. Таковы силы малолѣтнихъ дѣтей, матерей семейства, которымъ нельзя оторваться отъ дѣтей на чужую работу, стариковъ, вышедшихъ изъ годовъ: и ребенокъ, и старикъ могутъ найти на мѣстѣ подходящее дѣло, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнить даже работника. Но часто и настоящій работникъ бываетъ въ такомъ же положеніи. У насъ, есть напримѣръ. множество крестьянскихъ дворовъ, въ которыхъ имѣется всего одинъ работникъ. Такому „одиночкѣ" нельзя, какъ говорятъ у насъ, „уйти на сторону", не ставя на карту своего земледѣльческаго хозяйства, между тѣмъ дома у него, вслѣдствіе малаго размѣра участка, остается много свободнаго времени. Если повышеніе интенсивности хозяйства дастъ ему возможность использовать остающуюся непримѣненной рабочую силу, то онъ получаетъ этимъ какъ-бы чистый барышъ, такъ какъ содержаніе его рабочей силы покрывалось уже участкомъ въ прежнемъ его состояніи. Это обстоятельство имѣетъ, на мой взглядъ, чрезвычайно важное значеніе при оцѣнкѣ примѣнимости и экономической выгодности улучшенныхъ системъ земледѣлія въ крестьянскомъ хозяйствѣ.—Говоря о техническихъ различіяхъ крупнаго и мелкаго хозяйства, мы не можемъ не обратить вниманія на болѣе бережное обращеніе человѣка со своими собственными вещами, нежели съ чужими. Марксъ приводитъ, въ „Капиталѣ" случай одной Манчерстерской фабрики, въ которой былъ примѣненъ принципъ участія рабочихъ въ прибыляхъ; однимъ изъ послѣдствій этого нововведенія было немедленное уменьшеніе потерь, происходящихъ отъ порчи матеріаловъ и орудій. Нашей статистикой давно отмѣченъ фактъ, что на югѣ Россіи жатвенныя машины сильнѣе распространяются въ крестьянскихъ хозяйствахъ, нежели въ крупныхъ имѣніяхъ. По объясненію одного извѣстнаго южно-русскаго сельскаго хозяина, такая разница прямо зависитъ отъ того, что крестьянинъ самъ работаетъ на своей машинѣ и потому обращается съ ней аккуратно и бережно, тогда какъ въ крупномъ имѣніи приходится пускать машину съ наемнымъ рабочимъ, который мало заботится объ ея сохранности. Жатвенныя и другія сложныя машины, по заявленію того же хозяина, становятся доступными лишь очень крупнымъ землевладѣльцамъ, которые въ состояніи завести собственную мастерскую для быстраго исправленія попорченныхъ машинъ.

Такимъ образомъ, уже въ техникѣ есть нѣкоторыя немаловажныя преимущества на сторонѣ мелкаго хозяйства; но главная его сила заключается не въ нихъ, а въ чисто экономическихъ особенностяхъ, которыя даютъ себя знать при всякомъ положеніи техники и имѣютъ особенную важность въ эпоху кризисовъ. Крестьянское хозяйство гораздо меньше зависитъ отъ рынка, нежели крупно-владѣльческое, потому что большая доля его продуктовъ потребляется дома. Эта особенность крестьянскаго хозяйства настолько очевидна, что не нуждается въ доказательствахъ,—иначе я могъ бы привести въ подтвержденіе цѣлый рядъ фактовъ изъ заграничной и русской жизни. Многочисленныя въ нашей литературѣ изслѣдованія крестьянскихъ бюджетовъ, особенно обильныя по Воронежской губерніи, показываютъ, что въ предѣлахъ самихъ крестьянскихъ дворовъ процентъ отчуждаемыхъ на сторону продуктовъ возрастаетъ съ увеличеніемъ размѣровъ хозяйства; есть не малая доля хозяйствъ, которыя ничего не продаютъ изъ земледѣльческихъ продуктовъ, а денежные свои расходы покрываютъ изъ стороннихъ заработковъ. Ни въ какой другой отрасли промышленности подобныя самодовлѣющія хозяйства нынѣ невозможны. Портной или сапожникъ, а тѣмъ болѣе фабрикантъ, не могутъ прожить недѣли, не мѣняя своихъ произведеній на другіе товары, тогда какъ мелкій земледѣлецъ сталкивается съ рынкомъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Это обстоятельство настолько важно, что, напримѣръ, Зомбартъ, ставитъ его на первый планъ при объясненіи экономической возможности одновременнаго существованія разнообразныхъ типовъ земледѣльческаго хозяйства, которое такъ поражаетъ мыслящаго наблюдателя при сравненіи деревни съ городомъ. „Всякая законосообразность, какую мы знаемъ въ экономической области", говоритъ Зомбартъ, „порождается зависимостью отдѣльнаго хозяйства отъ рынка; иной законосообразности въ хозяйствѣ нѣтъ" [1]). Если такая зависимость отпадаетъ, то исчезаетъ и однообразная правильность развитія, и становится возможнымъ совмѣстное существованіе хозяйствъ, которыя принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ историческимъ формаціямъ. Оттого чисто натуральное хозяйство крестьянскаго двора можетъ держаться наряду съ фермой, гдѣ каждый шагъ основанъ на тонкомъ денежномъ разсчетѣ.

Есть еще другое важное экономическое условіе силы мелкаго земледѣлія во время кризисовъ. Мелкій земледѣлецъ смот-

---

[1]) *Sombart*, цит. соч. с. 377.

ритъ на землю, какъ на средство приложенія труда и прокормленія семьи; онъ будетъ вести хозяйство до тѣхъ поръ, пока достигаются эти двѣ основныя задачи. Крестьянину выгодно оставаться на своемъ участкѣ, какъ скоро онъ выручаетъ отъ него, по крайней мѣрѣ, столько, сколько дала бы ему заработная плата въ чужомъ предпріятіи; онъ не броситъ землю даже при нѣсколько меньшей выручкѣ въ виду того, что стоимость содержанія у себя дома дешевле, нежели „на сторонѣ", гдѣ все покупное. Между тѣмъ, у крупнаго владѣльца совершенно иныя основанія разсчета. Ему невозможно вести хозяйство, если за покрытіемъ выплаченной заработной платы и затраченнаго капитала не остается прибыли и ренты. Онъ не можетъ, обыкновенно, даже ограничиться одною прибылью на капиталъ, такъ какъ часто капиталъ бываетъ у него взятъ на сторонѣ и долженъ оплачиваться опредѣленнымъ процентомъ; платежи по займамъ, постепенно возрастая, захватываютъ и часть ренты. Оттого, крупному хозяйству, при прочихъ равныхъ условіяхъ, приходится требовать за свои продукты высшую цѣну, нежели мелкому; послѣднее можетъ держаться, даже не выручая при продажѣ продуктовъ ничего, кромѣ заработной платы, тогда какъ крупному хозяйству при подобномъ положеніи приходится ликвидировать дѣла. На эту особенность изслѣдователи указываютъ, какъ на одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ въ конкурренціи. „При наличности извѣстныхъ условій", говоритъ Булгаковъ, „земледѣліе можетъ прогрессировать въ мелкомъ хозяйствѣ и при понижающихся цѣнахъ, когда чахнетъ крупное хозяйство".— Указанная разница имѣла важное значеніе въ періодъ послѣдняго кризиса. Извѣстно, что, начиная съ 80-хъ годовъ XIX-го вѣка, повсюду въ западно - европейскихъ государствахъ произошелъ сильный подъемъ промышленности. Мы не будемъ входить въ разъясненіе причинъ этого факта, но не можемъ не отмѣтить его послѣдствій. Промышленный ростъ поднялъ заработную плату въ городскихъ промыслахъ, а усиленіе рабочихъ организацій закрѣпило этотъ подъемъ и возвело его, такъ сказать, въ норму. Результатомъ былъ отливъ населенія изъ деревни въ города, повлекшій за собою недостатокъ рабочихъ рукъ и ихъ вздорожаніе въ земледѣліи. Крупному собственнику приходилось выше оплачивать трудъ своихъ рабочихъ въ то время, когда рынокъ все понижалъ цѣны хлѣба и другихъ продуктовъ. Что мудренаго, если при такомъ совпаденіи двухъ экономическихъ тенденцій многіе не выдержали и либо вовсе разстались со своими имѣніями, либо передали ихъ въ аренду мелкимъ

людямъ! Крестьянинъ оказался способнымъ платить за чужую землю болѣе высокую аренду, чѣмъ сколько можетъ выручить самъ владѣлецъ при собственномъ хозяйничаньѣ. Такъ какъ цѣна земли опредѣляется капитализированнымъ доходомъ, то тотъ же мелкій владѣлецъ и при покупкѣ могъ оплачивать землю дороже, нежели капиталистическій предприниматель, и могучимъ орудіемъ болѣе высокой цѣны оттѣснять послѣдняго.

Мы разсмотрѣли особенности сельскаго хозяйства по сравненію съ другими промыслами, а затѣмъ особенности мелкой формы производства въ земледѣліи по сравненію съ крупной. При этомъ получилось много данныхъ для объясненія важнаго историческаго факта, отмѣченнаго въ началѣ,—устойчивости мелкаго земледѣлія. Но, тѣмъ не менѣе, мы имѣемъ въ рукахъ не все объясненіе. Каждый можетъ задать вопросъ: если у мелкаго земледѣлія имѣется столько шансовъ для конкурренціи съ крупнымъ, то отчего же это не обнаруживалось и не замѣчалось раньше? Отчего до эпохи настоящаго кризиса людямъ съ высокимъ научнымъ авторитетомъ казалось, что мелкое земледѣліе идетъ на убыль и даже что оно обречено на гибель? Было бы несправедливо приписывать это недостатку проницательности у такихъ высокихъ умовъ, какъ Марксъ; было бы обидно для памяти великаго покойника утверждать, что Герцъ или Давидъ обогнали его по силѣ логическаго анализа. Все дѣло здѣсь единственно въ томъ, что за четверть вѣка, протекшую послѣ смерти Маркса, произошли въ земледѣліи и земледѣльцахъ такія перемѣны, которыхъ никакъ не могъ предвидѣть даже геніальный авторъ „Капитала“. Не отдавъ себѣ отчета въ томъ, что новаго совершилось въ земледѣліи въ послѣднюю четверть вѣка, мы не можемъ вполнѣ объяснить ни поставленнаго выше вопроса, ни той погрѣшности въ прогнозѣ, какая сдѣлана Марксомъ и его послѣдователями.

III

Очеркъ научныхъ открытій въ области земледѣлія за послѣднюю четверть вѣка. Либихъ и минеральныя удобренія. Выясненіе роли бобовыхъ растеній для индукціи азота. Гельригель и бактеріальная теорія азотнаго удобренія. Вліяніе этихъ открытій на постановку земледѣльческаго хозяйства и его результаты.

Конецъ прошлаго вѣка ознаменовался цѣлымъ рядомъ открытій въ сельскомъ хозяйствѣ, благодаря которымъ этотъ промыселъ поставленъ теперь на совершенно иныя основанія. Зомбартъ въ своей исторіи германскаго хозяйства въ XIX вѣкѣ считаетъ,

что ни въ одной области промышленной техники не произошло за прошлое столѣтіе столь крупнаго переворота, какъ въ земледѣліи. Открытія въ земледѣліи кажутся ему принципіально гораздо болѣе важными, нежели, напримѣръ, разнообразныя примѣненія паровой силы. Открытія, о которыхъ мы говоримъ, касаются, главнымъ образомъ, вопроса о питаніи культурныхъ растеній. Прошлый вѣкъ принесъ много новаго и въ прочихъ отрасляхъ агрономіи, напримѣръ, въ сельскохозяйственной механикѣ, въ техникѣ скотоводства, въ сѣменоводствѣ и т. д., но все это блѣднѣетъ передъ той перемѣной, которая послѣдовала въ теоріи и практикѣ питанія растеній.

Стариннымъ, издавна примѣнявшимся, способомъ возстановлять плодородіе почвы являлись органическія удобренія; все искусство хозяина строилось на томъ, чтобы накопить возможно большіе запасы ихъ и наиболѣе выгодно распредѣлить ихъ по полямъ. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія теорія сельскаго хозяйства лишь закрѣпляла и систематизировала опыты хозяевъ-практиковъ; но въ срединѣ XIX вѣка эта область эмпиризма была внезапно освѣщена открытіями чистой науки. Честь поставить сельское хозяйство на новыя основы выпала на долю нѣмецкаго ученаго Либиха. Либихъ явился основателемъ новѣйшей физіологіи растеній, земледѣльческой химіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, современной научной теоріи удобренія. Либиху удалось разгадать сущность отношенія между растеніемъ и почвой и въ этой разгадкѣ найти разрѣшеніе проблемы о способахъ поддерживать или даже возвышать плодородіе почвы. Либихъ впервые установилъ тотъ фактъ, сдѣлавшійся теперь общеизвѣстной истиной, а въ его время оспаривавшійся даже самыми просвѣщенными людьми, что причиною плодородія является извлеченіе изъ почвы минеральныхъ веществъ, которыя идутъ на образованіе растеній и остаются по ихъ сожженіи въ видѣ золы. Изъ числа 10 главныхъ элементовъ, входящихъ въ химическій составъ растенія и, слѣдовательно, необходимыхъ ему для питанія, углеродъ оно находитъ въ видѣ углекислоты въ атмосферномъ воздухѣ, водородъ и кислородъ—въ формѣ воды, проливающейся дождемъ на землю, и кислородъ, сверхъ того,—свободнымъ въ атмосферѣ; все же прочее берется растеніемъ изъ запаса питательныхъ веществъ въ почвѣ, и, поскольку этотъ запасъ оказывается недостаточнымъ, его приходится пополнять путемъ удобренія. Но не всѣ элементы играютъ одинаковую роль въ смыслѣ удобреній: нѣкоторыхъ изъ нихъ растенію требуется немного, другихъ больше; нѣкоторыми почва богата, другими

бѣдна. Въ силу этого теоріи удобренія приходится имѣть дѣло, главнымъ образомъ, съ тремя категоріями веществъ: съ соединеніями азота, фосфора и калія. Всѣ эти три рода веществъ обычно содержатся въ почвѣ въ недостаточныхъ количествахъ; если же растеніе не получаетъ хоть одного изъ нужныхъ ему элементовъ, то органическаго вещества не образуется, и ростъ становится невозможнымъ. Съ этой точки зрѣнія каждое изъ необходимыхъ для растенія веществъ имѣетъ для него равную важность: разъ какого-нибудь недостаетъ, растеніе не можетъ развиваться. Растенію нисколько не помогаетъ то, что другія вещества, хотя бы даже всѣ, за исключеніемъ даннаго, находятся въ полномъ изобиліи: въ этомъ случаѣ они—ни къ чему, растеніе не можетъ сдѣлать изъ нихъ никакого употребленія. Такимъ образомъ, тотъ изъ элементовъ, который находится въ наименьшемъ количествѣ (по отношенію къ потребности растенія въ немъ), обусловливаетъ количества всѣхъ другихъ веществъ, которыя могутъ быть усвоены растеніемъ. Либихъ такъ формулировалъ этотъ законъ: „Высота урожая, получаемаго съ поля даннаго физическаго строенія и химическаго состава, стоитъ въ зависимости отъ того изъ необходимыхъ растенію для нормальнаго развитія элементовъ, который находится въ почвѣ (въ пригодной для усвоенія формѣ) въ наименьшемъ количествѣ,—in minimo“. Въ этомъ „законѣ минимума“ былъ найденъ прочный фундаментъ для теоріи удобренія. При исключительно навозномъ удобреніи поля ежегодно недополучаютъ часть того, что отдаютъ растенію. Оттого сельскому хозяйству, наряду съ раціональнымъ примѣненіемъ навоза, приходится прибѣгать и къ искусственнымъ удобреніямъ. Либихъ первый указалъ на необходимость этихъ удобреній и привлекъ къ нимъ вниманія. Главное сочиненіе Либиха: „Химія въ ея приложеніи къ земледѣлію и физіологіи“ вышло въ 1840 году и на первыхъ порахъ встрѣчено было враждебно; много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ изслѣдователь дождался признанія своихъ взглядовъ. Въ 1855 году Либихъ свелъ свое ученіе въ „Основаніяхъ земледѣльческой химіи“ къ 50 тезисамъ, ставшимъ съ тѣхъ поръ отправнымъ пунктомъ какъ для теоріи питанія растеній, такъ и для практическихъ ея примѣненій.

Дальнѣйшіе успѣхи теоріи удобренія въ первое время заключались въ изученіи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ могли быть добыты необходимыя растенію минеральныя вещества, и условій наиболѣе выгоднаго внесенія ихъ въ почву. Фосфорной кислотой достаточно снабжаетъ насъ природа. Во многихъ частяхъ Европы и Америки встрѣчаются, такъ называемые,

фосфориты. Въ частности, у насъ въ Россіи имѣются обильныя залежи этихъ минераловъ и притомъ превосходнаго качества, вслѣдствіе чего, напримѣръ, подольскіе фосфориты сотнями тысячъ пудовъ вывозятся за-границу. Фосфориты употребляются въ сельскомъ хозяйствѣ въ размельченномъ видѣ; это размельченіе обходится недорого, а потому размолотые фосфориты представляютъ самый дешевый видъ удобренія. Но сырые фосфориты трудно растворяются и плохо усвояются почвой; лишь на нѣкоторыхъ почвахъ (съ кислой реакціей) и для нѣкоторыхъ растеній (каковы, напримѣръ, гречиха, лупинъ,) сырые фосфориты обладаютъ достаточною усвояемостью; въ большинствѣ же случаевъ фосфориты, чтобы послужить для питанія растеній, должны быть обработаны сѣрной кислотой, послѣ чего они называются „суперфосфатами“. Другимъ источникомъ фосфорной кислоты является пережженная и размельченная кость, такъ называемая, костяная мука. Третій источникъ сравнительно недавно открытъ въ Томасовыхъ шлакахъ, названныхъ такъ по имени лица, предложившаго новый способъ переработки. Томасовы шлаки получаются въ качествѣ отброса при такой переработкѣ чугуна въ желѣзо и сталь. Въ Томасовомъ шлакѣ, превращенномъ въ тонкую муку, фосфорная кислота оказалась легко усвояемой, сверхъ ожиданія, растеніями. Первые опыты примѣненія Томасова шлака сдѣланы были въ Германіи въ 1884 году, причемъ наблюдено, что на торфяныхъ почвахъ онъ вполнѣ замѣняетъ суперфосфатъ, на другихъ же почвахъ для равнаго эффекта съ послѣднимъ долженъ вноситься въ нѣсколько большемъ количествѣ.

Кали, если находится въ минимумѣ, является столь же необходимымъ элементомъ плодородія, какъ и фосфорная кислота. Матеріаломъ для калійныхъ удобреній служитъ древесная зола, а съ сравнительно недавняго времени калійныя соли, (особенно каинитъ), добываемыя въ Стассфуртѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Германіи. Разработка стассфуртскихъ солей стала производиться съ 60-хъ годовъ, но широкое употребленіе ихъ въ сельскомъ хозяйствѣ пошло не ранѣе 80-хъ годовъ.

Самымъ важнымъ элементомъ питанія растеній является азотъ. Главнымъ источникомъ азотистыхъ удобреній служитъ селитра. Она доставляется въ Европу изъ Южной Америки и называется обыкновенно чилійской; въ одну Германію ввозится ея до 30 мил. пудовъ въ годъ. Другимъ распространеннымъ азотистымъ удобреніемъ служитъ сѣрнокислый амміакъ, получаемый, какъ отбросъ нѣкоторыхъ заводскихъ производствъ, главнымъ же образомъ при добываніи газа. Кромѣ того, одно изъ величайшихъ

открытій новаго времени показало и доказало, что сельское хозяйство имѣетъ неисчерпаемый источникъ азота въ атмосферномъ воздухѣ. Это открытіе составляетъ такую же основу современнаго раціональнаго земледѣлія, какъ и Либиховы законы, и потому мы разсмотримъ его подробнѣе.

Сельскохозяйственная практика съ давнихъ поръ знала, что есть растенія изъ порядка бобовыхъ (клеверъ, люцерна, лупинъ, горохъ и др.), которыя обладаютъ способностью питаться азотомъ за счетъ воздуха, и есть другія, какъ наши хлѣбныя растенія, которыя этого свойства „бобовыхъ" не имѣютъ и потому должны находить азотъ въ почвѣ въ видѣ удобреній. Эта разница между двумя родами растеній дала французскому агроному Виллю поводъ предложить новую систему удобренія, которую онъ назвалъ „сидераціей". Вилль рекомендовалъ удобрять почву подъ хлѣбныя растенія черезъ предварительный посѣвъ клевера, люцерны или лупина и запахиваніе всего ихъ урожая. Этимъ путемъ сборъ пшеницы дѣйствительно повышался, но представлялось нецѣлесообразнымъ терять цѣлую жатву кормовыхъ травъ на удобреніе. Возможность сберечь эту жатву была указана Станиславомъ Солари въ Италіи въ концѣ 70-хъ годовъ[1]). Солари чисто-практическимъ путемъ пришелъ къ убѣжденію, что растенія, обогащающія почву азотомъ, получаютъ его изъ воздуха, заключающагося въ порахъ почвы, черезъ корни, и что главный запасъ накопленнаго азота заключается не въ зеленой части растеній, а въ корняхъ. Солари убѣдился, что для удобренія подъ пшеницу нѣтъ надобности запахивать урожай клевера; для этого достаточно остающихся послѣ снятія укоса подземныхъ частей клевера. Солари рекомендовалъ возвращеніе къ практиковавшейся еще древними системѣ чередованія кормовыхъ травъ съ хлѣбными растеніями, въ особенности же, клевера и люцерны съ пшеницей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Солари требовалъ непремѣннаго внесенія въ почву необходимыхъ растенію минеральныхъ удобрительныхъ веществъ, за единственнымъ исключеніемъ азота, который долженъ получаться изъ атмосферы; снабженіе почвы, достаточнымъ количествомъ сравнительно дешевыхъ фосфорной кислоты, кали и извести Солари считалъ необходимымъ условіемъ для обильнаго обогащенія почвы, азотомъ, самымъ дорогимъ изъ всѣхъ удобрительныхъ веществъ. Въ отличіе отъ большинства

[1]) Послѣ многолѣтнихъ опытовъ въ своемъ имѣніи близъ Пармы, Солари въ 1881 году началъ примѣнять свою систему въ обширныхъ размѣрахъ въ имѣніи Certosino, принадлежавшемъ г. Rocca. *Stanislao Solari.* Il progresso dell'agricoltura nella induzione dell'azoto, Parma 1897, p. 9 и сл.

современныхъ ему практиковъ, Солари совѣтовалъ удобрять поля предъ посѣвомъ не пшеницы, а клевера или люцерны, и удобрять, притомъ, въ двойномъ количествѣ, достаточномъ для урожая бобовыхъ и слѣдующей за ними пшеницы. Затраты на минеральныя удобренія покрывались при системѣ Солари съ прибылью уже однимъ богатымъ сборомъ кормовыхъ травъ, а превосходные урожаи пшеницы получались задаромъ, благодаря азоту, обильно накопляемому въ почвѣ бобовыми растеніями.

Система Солари вызвала широкій отзвукъ въ Италіи, но она бродила, въ сущности, въ потьмахъ. Солари вѣрно подмѣтилъ факты, но объяснить ихъ былъ не въ состояніи. Эту задачу выполнилъ нѣмецкій ученый Гельригель. Послѣ многолѣтнихъ работъ на агрономическихъ опытныхъ станціяхъ, Гельригель въ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1886 году на Берлинскомъ съѣздѣ натуралистовъ, а потомъ въ сочиненіи, опубликованномъ въ 1888 году, съ полною несомнѣнностью доказалъ, что причина отличія бобовыхъ растеній отъ прочихъ заключается въ неодинаковомъ отношеній тѣхъ и другихъ къ свободному азоту воздуха, который бобовыя могутъ ассимилировать, тогда какъ большинству другихъ растеній этотъ источникъ питанія недоступенъ. Гельригель съ точностью установилъ и условія, при которыхъ происходитъ усвоеніе азота бобовыми растеніями. Онъ объяснилъ это явленіе дѣйствіемъ микроорганизмовъ и указалъ органы, черезъ которые происходитъ усвоеніе азота,—такъ называемые „корневые клубеньки“. Пока клубеньки не начали образовываться, бобовое растеніе, по питанію своему, не отличается отъ другихъ: оно точно также нуждается въ „связанномъ“ азотѣ, въ селитрѣ, аммiакѣ и т. п.; но стоитъ образоваться клубенькамъ, и образъ жизни его совершенно мѣняется; свободный азотъ воздуха, до тѣхъ поръ для него недоступный, начинаетъ потребляться имъ въ пищу. Причина этой бросающейся въ глаза перемѣны заключается въ томъ, что въ клубенькахъ живутъ особаго рода бактеріи, которыя обладаютъ способностью питаться за счетъ свободнаго азота воздуха, накопленное же въ организмахъ бактерій азотистое вещество служитъ источникомъ азота для бобоваго растенія. Такимъ образомъ, Гельригель показалъ, что бобовыя могутъ увеличивать въ почвѣ запасъ азота. Учетъ обнаруживаетъ, что послѣ удачнаго посѣва клевера или люцерны почва можетъ получить азота не меньше, чѣмъ отъ нормальнаго навознаго удобренія въ 2400 пудовъ на десятину. Значеніе открытія Гельригеля для сельскаго хозяйства громадно. Правда, полезное дѣйствіе бобовыхъ было извѣстно и раньше, но теоретическое разъ-

ясненіе явленія всегда дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ простое знакомство съ нимъ изъ опыта. Поэтому со времени появленія книги Гельригеля правильное введеніе бобовыхъ растеній въ сѣвооборотъ сдѣлало новые крупные успѣхи.

Минеральныя удобренія и пользованіе атмосфернымъ азотомъ при помощи бобовыхъ растеній съ замѣчательною быстротой распространились за послѣднюю четверть вѣка во всѣхъ культурныхъ странахъ и вызвали рѣзкую перемѣну въ постановкѣ земледѣлія. Послушаемъ, что говоритъ объ этой перемѣнѣ Павелъ Вагнеръ, директоръ опытной агрономической станціи въ Дармштатѣ, который своей неутомимой научной и практической дѣятельностью больше, чѣмъ кто-либо другой, содѣйствовалъ популяризаціи минеральныхъ удобреній въ Германіи. „Поля и луга"—пишетъ Вагнеръ:—„представляютъ теперь совсѣмъ новую картину. Темная, сочная зелень, мощные стебли, густые пышно-разросшіеся посѣвы растилаются теперь тамъ, гдѣ прежде глазъ встрѣчалъ лишь чахлыя, голодающія растенія. Мохъ исчезъ съ луговъ; бурьянъ и жесткіе безсочные злаки, негодные ни на какое употребленіе, вытѣснены ровными, густыми полосами цвѣтущаго клевера, роскошно уродившейся вики и другими кормовыми травами. И съ врагами своими сельскій хозяинъ борется теперь успѣшнѣе: опустошенія, производившіяся насѣкомыми, болѣзнетворными грибами, морозомъ, засухою, излишней сыростью и вообще неблагопріятной погодой, если не совсѣмъ прекратились, то въ значительной степени ослабѣли. Здоровыя, хорошо питающіяся растенія могутъ съ успѣхомъ противостоять многимъ напастямъ. Поврежденія, которыя имъ причиняютъ насѣкомыя или морозъ, сами собой у нихъ залѣчиваются; болѣзнетворные грибки не находятъ себѣ благопріятной среды въ организмѣ здороваго растенія; противъ засухи оно борется, посылая свои корни далеко въ глубь земли, противъ излишней влаги,—развивая большее количество листьевъ и усиливая такимъ образомъ потребленіе воды. И это не обманчивая картина: на самомъ дѣлѣ все измѣнилось въ веденіи земледѣльческаго промысла за нѣсколько послѣднихъ десятковъ лѣтъ. Завоеванія естественныхъ наукъ по вопросу о питаніи растеній и непрерывно съ непостижимою быстротой развивавшаяся теорія и практика раціональнаго удобренія сдѣлали сельскаго хозяина въ извѣстной мѣрѣ независимымъ отъ свойствъ его земли и мѣстныхъ условій его хозяйства, отъ установленнаго сѣвооборота. Сельскій хозяинъ чувствуетъ теперь себя свободнѣе и больше можетъ распоряжаться въ своемъ дѣлѣ: тощую почву онъ можетъ обра-

тить въ плодородную выпаханную, истощенную, хищническимъ хозяйствомъ землю онъ быстро доводитъ до самыхъ высокихъ урожаевъ; онъ лучше умѣетъ теперь пользоваться всѣми особыми выгодами почвы, климата, рынка, умѣетъ заставлять растеніе развиваться самымъ совершеннымъ образомъ, дать наилучшій продуктъ, принести наибольшій доходъ...“ [1]).

Чтобы подтвердить слова знаменитаго агронома, я приведу изъ неисчерпаемой литературы предмета два-три числовыхъ примѣра, показывающихъ, какое вліяніе на урожай производятъ минеральныя удобренія, раціонально примѣняемыя. Въ недавнемъ сочиненіи, въ которомъ сведены и популярно изложены результаты многолѣтнихъ работъ, Вагнеръ сообщаетъ, что при опытахъ полевыхъ культуръ въ разныхъ мѣстностяхъ Гессена онъ получилъ слѣдующіе результаты. [2])

Полное удобреніе (азотомъ, фосфорной кислотой и кали) подняло въ среднемъ, выведенномъ изъ опытовъ на 5 участкахъ, урожай ячменя съ 19 до 27 доппельцентнеровъ зерна на гектаръ, увеличивъ прибыль на 90 марокъ съ гектара; подобное же полное удобреніе увеличило сборъ овса въ среднемъ на 7 участкахъ, съ 16 до 29 доппельцентнеровъ съ гектара, прибыль же довело до 127 марокъ. Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1904 году, Вагнеръ сводитъ результаты семилѣтняго полевого опыта, продолжавшагося съ 1897 по 1903 годъ, при которомъ овесъ въ теченіе двухъ лѣтъ далъ безъ удобренія 18 и 19 доппельцентеровъ, а съ полнымъ удобреніемъ 39,8 и 39,7 доппельцентнеровъ на гектаръ, т. е. около 266 пудовъ на десятину, такъ что съ приложеніемъ выручки отъ лишней соломы принесъ дохода больше неудобренныхъ участковъ на 313 и 338 марокъ съ гектара. При томъ же 7-ми-лѣтнемъ опытѣ озимая пшеница дала безъ удобренія 14 дц., а при полномъ удобреніи 30,3 доппельцентнера на гектаръ, т. е. 203 пуда на десятину, такъ что лишняя прибыль на гектаръ достигала 312 марокъ. Въ результатѣ семилѣтняго опыта полное минеральное удобреніе принесло лишняго дохода на гектаръ 1985 марокъ, тогда какъ стоило оно 671 марку, такъ что чистый доходъ, полученный отъ удобренія, составлялъ 1314 марокъ за 7 лѣтъ, или 188 марокъ въ годъ. [3])

Мы позволимъ себѣ привести еще одинъ опытъ, интересный тѣмъ, что онъ продолжался исключительно долгое время.

---

[1]) *P. Wagner.* Die Anwendung künstlicher Düngemittel im Obst-und Gemüsebau, 1900. S. 5, 6.

[2]) *P. Wagner.* Anwendung künstlicher Düngemittel. S. 123.

[3]) *P. Wagner.* Düngungsfragen. Heft V, 1904. S. 15—16.

Извѣстный ветеранъ нѣмецкой агрономіи, профессоръ Кюнъ, опубликовалъ недавно свои изслѣдованія, производившіяся надъ озимой рожью на опытномъ полѣ при университетѣ въ Галле 23 года безъ перерыва. Одинъ изъ участковъ, засѣвавшихся каждый годъ рожью оставался безъ всякаго удобренія, на другомъ примѣнялось сильное навозное удобреніе, на третьемъ — исключительно минеральныя удобренія, безъ малѣйшей примѣси навоза. За пять лѣтъ, съ 1894 по 1898 годъ, по расчету на гектаръ, получилось озимой ржи: безъ удобренія— 19,7 доппельцентн., при исключительно навозномъ удобреніи— 27,7 доппельцентеровъ, при исключительно минеральномъ удобреніи — 29,3 доппельцентнеровъ; соломы: безъ удобренія—39 дц., при навозномъ удобреніи—57 дц., при минеральномъ удобреніи— 60 дц. Прибавка въ денежномъ доходѣ получилась отъ навознаго удобренія въ 148 марокъ, а отъ минеральнаго удобренія въ 174 марки на гектаръ; такъ какъ навозъ стоилъ 72 марки, а минеральныя удобренія 73 марки въ годъ, то чистый доходъ, полученный отъ примѣненія минеральныхъ удобреній, выходитъ въ 101 марку, а отъ навоза въ 75 марокъ на гектаръ, т. е. на 26 проц. меньше. [1])

Мы привели цифры поднятія урожаевъ подъ вліяніемъ минеральныхъ удобреній; но повышенію сбора способствуетъ, кромѣ того, въ весьма значительной степени улучшеніе сѣмянъ, въ которомъ также сдѣланы въ послѣднюю четверть вѣка огромные успѣхи. Если къ вліянію удобреній присоединяется еще выборъ сѣмянъ высокаго качества, то получаются результаты, значительно превосходящіе упомянутыя выше цифры. Сборы озимой пшеницы, при благопріятныхъ условіяхъ и высокой интенсивной культурѣ, доходятъ до 48 доппельцентнеровъ зерна и до 60 доппельцентнеровъ соломы съ гектара, т. е. до 320 пудовъ зерна и до 400 пудовъ соломы съ десятины; сборы озимой ржи — до 42 доппельцентнеровъ на гектаръ или до 280 пудовъ на десятину, ячменя—до 47 доппельц. съ гектара или до 313 пуд. съ десятины, овса—до 50 доппельцентнеровъ съ гектара, или до 335 пуд. съ десятины, картофеля—до 320 доппельц. съ гектара, или до 2150 пудовъ съ десятины. До эпохи минеральныхъ удобреній подобные урожаи даже на самыхъ лучшихъ почвахъ и при наиболѣе высокой культурѣ представлялись немыслимыми. [2])

---

[1]) *Kühn.* Berichte aus dem physiologischen Laboratorium und der Versuchsanstalt des landw. Instituts der Universität Halle, Heft XV, S. 173.

[2]) Mittheilungen d. Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. 1904. Stück 32, 32, 38, 39. Cp. *Menzel und v. Lengerke.* Landw. Kalender 1905, 1. Theil, S. 81.

Во Франціи надъ выработкой экономически выгоднаго типа интенсивнаго хозяйства въ теченіе трехъ десятилѣтій трудится Грандо. Въ 1902 году Грандо опубликовалъ результаты своихъ новѣйшихъ наблюденій на опытномъ полѣ въ Парижѣ. Онъ довольствовался довольно ограниченными дозами минеральныхъ удобреній: на гектаръ онъ тратилъ ихъ не больше, какъ на 50—54 франка. Средній урожай пшеницы на удобренномъ участкѣ былъ въ 1901 году 20,9 квинталовъ съ гектара, или 140 пудовъ съ десятины, на неудобренной же контрольной полосѣ—лишь 6.6 квинталовъ съ гектара, или 44 пуда съ десятины. Излишекъ, собранный благодаря удобренію, составлялъ 14,3 квинтала, да кромѣ того, было получено лишней соломы 17 квинталовъ. Стоимость излишка зерна составляетъ, при цѣнѣ пшеницы въ 22,2 франка за квинталъ, 317 франковъ, а соломы—52,8 фр. За вычетомъ расходовъ на удобреніе и на лишнюю работу (эту послѣднюю Грандо оцѣниваетъ въ 26 франковъ на гектаръ), получился чистый остатокъ въ 289 франк., въ три раза превышающій стоимость удобреній. Подобнымъ же образомъ и въ томъ же году примѣненіе минеральныхъ удобреній къ ржи, съ тѣмъ же расходомъ, дало чистый излишекъ въ 256 франк., къ овсу—въ 265 франковъ 60 сант. [1]).

Мы разсмотрѣли, какъ въ послѣдней четверти XIX-го вѣка измѣнилась теорія и практика сельскаго хозяйства, благодаря цѣлому ряду замѣчательныхъ открытій. Главную роль въ этомъ поворотѣ играло выясненіе роли минеральныхъ удобреній, равно какъ отысканіе удобныхъ способовъ привлекать азотъ изъ атмосферы. Эти открытія имѣли величайшую экономическую важность и въ частности отразились на условіяхъ конкурренціи мелкаго хозяйства съ крупнымъ. Прежніе теоретики имѣли полное право отказывать мелкому земледѣльцу въ надеждѣ на болѣе свѣтлое будущее. Прежде раціональное земледѣліе основывалось, главнымъ образомъ, на дорого стоющихъ меліораціяхъ, на широкомъ употребленіи машинъ и на обширномъ скотоводствѣ, которое одно давало способъ поднять плодородіе земли: и то, и другое, и третье были доступны преимущественно крупнымъ собственникамъ, которые имѣли необходимый для того капиталъ и, главное, обладали знаніями или могли располагать помощью образованнаго спеціалиста; всѣ эти улучшенія требовали, притомъ, для своего полнаго дѣйствія болѣе или менѣе длиннаго срока, въ теченіи котораго приходилось довольствоваться однимъ ожиданіемъ будущаго прироста доходовъ. Эти разсчеты существенно измѣнились

---

[1]) *L. Grandeau.* Въ „*Le Temps*" 1902, номеръ отъ 16 августа.

когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходъ земледѣльца, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена. Этотъ родъ земледѣльческаго капитала имѣетъ совершенно иную экономическую природу по сравненію съ упомянутыми раньше. Въ отличіе отъ другихъ земледѣльческихъ улучшеній, химическія удобренія и лучшія сѣмена дѣйствуютъ быстро, можно сказать, немедленно; подъ ихъ вліяніемъ жатва повышается въ тотъ же годъ, возвращая издержки съ обильной, а иногда даже съ громадной прибылью. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность, потому что, благодаря ему, открылась возможность примѣнять новыя системы не только собственникамъ, но и временнымъ владѣльцамъ и арендаторамъ, которые иногда снимаютъ землю не больше, чѣмъ на годъ. Минеральныя удобренія оказываютъ свое дѣйствіе и въ крупныхъ и въ мелкихъ владѣніяхъ, и на тучныхъ, и на тощихъ земляхъ, на послѣднихъ даже еще нагляднѣе и поразительнѣе. Для поднятія урожаевъ при помощи новыхъ пріемовъ не нужно ни продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала. Даже скотоводство перестаетъ теперь быть обязательнымъ для земледѣльца: съ тѣхъ поръ, какъ навозное удобреніе начало съ успѣхомъ замѣняться минеральнымъ, количество содержимаго скота стало опредѣляться не потребностью въ поддержаніи плодородія почвы, какъ прежде, а исключительно степенью его доходности. Конечно, расходы на минеральные туки, въ особенности когда ихъ примѣненіе соединяется еще съ посѣвомъ улучшенныхъ сѣмянъ и съ болѣе тщательной обработкой почвы, требуются не малые; но какъ скоро затраты дѣлаются лишь на одинъ хозяйственный годъ и сопровождаются вѣрнымъ барышомъ, то требующіяся суммы безъ труда могутъ добываться при помощи обычнаго краткосрочнаго кредита.

Такимъ образомъ, практика минеральныхъ удобреній, улучшенныхъ сѣмянъ и травопольнаго хозяйства окрылила дѣло земледѣльческаго прогресса среди мелкихъ хозяевъ. Перемѣны, быстро производимыя въ состояніи полей и луговъ новыми пріемами, были настолько осязательны и выгодны, что у земледѣльца естественно возникала горячая вѣра въ науку и одушевленное желаніе примѣнить на дѣлѣ ея внушенія.

отношенію къ минеральнымъ удобреніямъ многолѣтними трудами Павла Вагнера на Дармштадтской станціи. Не довольствуясь лабораторными и тепличными изслѣдованіями, Дармштадтская станція ежегодно ведетъ по плану и подъ наблюденіемъ Вагнера полевые опыты болѣе чѣмъ на тысячѣ парцеллъ, разбросанныхъ въ разныхъ частяхъ Гессена. Что же мудренаго, что эта страна одна изъ первыхъ воспользовалась богатыми результатами наблюденій станціи, что именно въ ней произошли тѣ перемѣны въ способахъ веденія хозяйства, которыя описываетъ Вагнеръ въ столь краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, приведенныхъ выше?

Тоже можно сказать и о станціи, которою управляетъ Грандо. Онъ основалъ въ 1868 г. станцію въ Нанси, которую въ 1890 г. перенесъ въ Парижъ. Главная задача, которую онъ преслѣдовалъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ на опытныхъ поляхъ, по его собственному заявленію, состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить вліяніе различныхъ минеральныхъ удобреній на высоту урожаевъ и на стоимость хлѣбовъ самому хозяину. Въ особенности интересовался Грандо способами внесенія въ почву фосфорной кислоты, въ которой чувствуется недостатокъ на большей части французскихъ почвъ. Яркіе результаты, полученные станціей, популяризовались Грандо и, по общему отзыву, оказали большое вліяніе на повышеніе доходовъ французскаго земледѣлія. Грандо постоянно стремился доказать полную возможность увеличить при помощи разумнаго примѣненія удобрительныхъ средствъ урожаи даже самыхъ бѣдныхъ почвъ и притомъ настолько, что хозяйство станетъ выгоднымъ. Онъ твердо убѣжденъ въ осуществимости значительнаго подъема жатвъ и черезъ то крупнаго пониженія издержекъ производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ удешевленія, къ выгодѣ націи, продажной цѣны хлѣба, мяса и кормовыхъ средствъ.

Работы опытныхъ станцій подготовляютъ планъ улучшеній для отдѣльныхъ мѣстностей, приспособляютъ общія истины агрономической науки къ потребностямъ и условіямъ каждой полосы. Но этого мало для того, чтобы улучшенные пріемы сельскаго хозяйства нашли себѣ приложеніе въ широкихъ массахъ народа. Мелкіе земледѣльцы будутъ по-прежнему надрывать свои силы въ безплодной борьбѣ съ природой, если не будутъ отысканы цѣлесообразные способы провести новыя знанія въ ихъ среду. Конецъ XIX-го вѣка и въ этомъ отношеніи ознаменовался открытіемъ новыхъ путей.

Во всѣхъ отрасляхъ промышленности одно поколѣніе пере-

даетъ другому пріобрѣтенное умѣнье преобразовывать природу для нуждъ человѣка; наслѣдственное усвоеніе техники составляетъ неизбѣжное условіе существованія человѣческаго общества. Эта передача въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ совершалась при помощи примѣра и подражанія; дѣти перенимали у отцовъ, подмастерья у мастеровъ техническіе навыки, полученные ими самими отъ прежнихъ поколѣній. Но этотъ путь медленъ и случаенъ; онъ не обезпечиваетъ раціональной постановки промысловъ, вызываемой идущими впередъ потребностями людей. Оттого безсознательная выучка все больше и больше начинаетъ замѣняться сознательнымъ обученіемъ. Въ обрабатывающей промышленности уже давно простое ученичество стало вытѣсняться техническими школами; школьное преподаваніе постепенно распространяется на такія отрасли занятій, которыя еще недавно были достояніемъ чистой рутины: не только механики, инженеры, красильщики выходятъ теперь изъ спеціальныхъ школъ, но даже портные, сапожники, получаютъ свою подготовку въ особыхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя нерѣдко величаютъ себя громкими именами академій и институтовъ. Въ одномъ земледѣліи до сихъ поръ милліоны хозяевъ ведутъ свое дѣло по вѣковой рутинѣ и передаютъ дѣтямъ свои познанія тѣми же пріемами, какъ въ библейскія времена. Правда, съ начала XIX-го вѣка стали заводиться земледѣльческія школы разныхъ степеней и типовъ, но онѣ составляютъ достояніе немногихъ избранныхъ; онѣ готовятъ или ученыхъ, или спеціалистовъ-практиковъ, призванныхъ завѣдывать большими дѣлами. Изъ нихъ выходятъ управляющіе, учителя агрономіи, но не тѣ непосредственные исполнители работъ, изъ которыхъ состоитъ огромное большинство лицъ, принадлежащихъ къ сельскохозяйственному промыслу. Въ обученіи такихъ исполнителей, пожалуй, и не предстояло надобности, пока единственными носителями сельскохозяйственнаго прогресса являлись крупныя предпріятія, которыя всегда могли обзавестись спеціалистами. Но въ послѣднее время выдвинулись на сцену мелкія хозяйства; они тоже хотятъ жить и двигаться впередъ; кризисъ и ихъ заставилъ задуматься надъ усвоеніемъ тѣхъ новыхъ пріемовъ, на которыхъ крупное хозяйство строило свою будущность. Для этого понадобились особые способы, спеціально приноровленные къ нуждамъ народныхъ массъ.

Всякому ясно, что провести милліоны людей чрезъ агрономическія учебныя заведенія традиціоннаго типа невозможно по недостатку у большинства крестьянъ времени и средствъ и, на-

конецъ, даже по отсутствію необходимаго числа школъ. Да въ этомъ, въ сущности, и нѣтъ нужды. Крестьянинъ съ дѣтства незамѣтно перенимаетъ безчисленные пріемы, изъ которыхъ слагается сельскохозяйственная техника. Его не требуется знакомить со всѣми мелочами промысла, на подобіе того, какъ приходится въ технической школѣ обучать будущаго столяра или слесаря. Пахать, косить, убирать скотъ, ухаживать за птицей онъ сумѣетъ, пожалуй, лучше всякаго ученаго. Ему недостаетъ не навыковъ, а знаній. Ему не хватаетъ того новаго, что внесла наука въ современное хозяйство, вслѣдствіе чего онъ и остается безпомощнымъ предъ разнообразными бѣдствіями, которыя посылаетъ ему природа или рынокъ. Нужно познакомить его съ пріобрѣтеніями науки, что легче, нежели пріучить къ техникѣ.—Сознаніе этой необходимости вызвало во всѣхъ странахъ, гдѣ удержалось крестьянство, особый видъ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній при помощи странствующихъ агрономовъ. Въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, въ Скандинавскихъ государствахъ—вездѣ роль этихъ лицъ одна и та же: они отыскиваютъ земледѣльца на мѣстахъ и наиболѣе понятнымъ и удобнымъ способомъ знакомятъ его съ особенно важными для данной мѣстности практическими примѣненіями науки. Въ отличіе отъ школы, странствующій учитель передаетъ не всю систему сельскохозяйственныхъ знаній, а только то, что безусловно требуется въ данной мѣстности и въ данное время, и, съ другой стороны, передаетъ это необходимое въ видѣ готовыхъ результатовъ, мало останавливая вниманіе на томъ, какъ они получены. Самая форма передачи приноравляется къ натурѣ простого человѣка: это скорѣе совѣты, наставленія, чѣмъ разсужденія. Удачно формулируетъ задачи странствующаго преподаванія одинъ изъ популяризаторовъ его въ Италіи, Гверчи.

„Изъ всего міра научныхъ изысканій, анализовъ и опытовъ вытекаютъ нѣкоторыя простыя и доступныя для всѣхъ истины. Простолюдинъ, слыша разговоры о химическихъ удобреніяхъ, воображаетъ себѣ разныя трудности, которыхъ на дѣлѣ вовсе нѣтъ. Трудностей, конечно, очень много, если бы онъ захотѣлъ продѣлать весь путь, пройденный профессоромъ агрономіи, у котораго на первомъ планѣ изслѣдованіе встрѣчающихся явленій. Но если онъ удовольствуется—а онъ долженъ удовольствоваться—познаніемъ того, что требуется для улучшенія его хозяйства, то истины, съ какими ему нужно будетъ познакомиться, окажутся ясными и простыми,—гораздо болѣе простыми, чѣмъ тѣ эмпирическія начала, которыя управляютъ стариннымъ земледѣліемъ. Если бы, напримѣръ, крестьянинъ не

пожелалъ приступить къ удобренію клевернаго поля суперфосфатомъ, пока не пойметъ, какъ питается растеніе, то его коровы померли бы съ голоду. Если же, не гоняясь за изслѣдованіемъ, онъ разбросаетъ по полю суперфосфатъ, то хотя онъ и недалеко уйдетъ въ растительной физіологіи, но за то его сѣновалъ будетъ полонъ, а на слѣдующій годъ такое же изобиліе окажется и въ его хлѣбномъ амбарѣ“ [1]). Это выдѣленіе изъ широкой научной области ряда общепонятныхъ и удобопримѣнимыхъ наставленій, приноровленныхъ къ особенностямъ каждаго даннаго случая, значительно уподобляетъ дѣятельность странствующаго учителя работѣ врача: и тому, и другому приходится прописывать рецепты, и притомъ на вѣру, но этого достаточно для успѣшной борьбы послѣднему—съ болѣзнями людей, первому—съ недугами земли. Врачебные совѣты не могутъ быть замѣнены обученіемъ всѣхъ и каждаго не только въ университетахъ, но даже и въ фельдшерскихъ школахъ. Было бы странно утверждать, что для сохраненія здоровья каждому изъ насъ нужно пройти медицинскій факультетъ. Врачъ можетъ лѣчить не только себя и свою семью, но и сотни окружающихъ людей; подобнымъ же образомъ образованный агрономъ можетъ направлять дѣятельность цѣлыхъ сотенъ хозяевъ, и, чтобы воспользоваться его совѣтами, нѣтъ надобности въ спеціальной подготовкѣ. Странствующій агрономъ такъ же нуженъ современной деревнѣ, какъ и мѣстный врачъ.

Идея странствующихъ учителей, какъ и многое изъ того, чѣмъ двинуто впередъ современное мелкое хозяйство, пришла изъ Германіи, гдѣ первыя ея примѣненія восходятъ къ началу 70-хъ годовъ. Въ настоящее время въ одной Пруссіи считается до 175 постоянныхъ странствующихъ учителей; но ту же роль въ значительной мѣрѣ выполняютъ свѣдущія лица, приглашаемыя сельско-хозяйственными обществами и органами самоуправленія для временнаго преподаванія или подачи совѣтовъ изъ числа спеціалистовъ, занятыхъ другими дѣлами. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, постоянныхъ странствующихъ преподавателей немного; обученіе земледѣлію ведется тамъ повсюду при помощи временно приглашаемыхъ лицъ, большею частью изъ состава преподавателей спеціальныхъ школъ. Съ 1879 года этотъ пріемъ распространенія знаній получилъ право гражданства и во Франціи. Въ каждый департаментъ въ силу закона 1879 г. былъ назначенъ

---

[1]) *C. Guerci,* instituzioni agrarie della Provincia di Parma, 1895, p. 12—13.

профессоръ агрономіи, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, веденіе сельскохозяйственныхъ бесѣдъ по деревнямъ. Изъ Франціи это учрежденіе перешло въ Италію, но въ значительно измѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ, такъ что именно въ этой странѣ оно оказывается теперь всего лучше поставленнымъ. Такъ какъ я имѣлъ случай близко ознакомиться въ Италіи съ институтомъ „странствующихъ каѳедръ“ не только по литературѣ, но и путемъ личныхъ сношеній, то я позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на организаціи и дѣятельности этого учрежденія, которое является главной пружиной всего прогрессивнаго движенія въ тамошнемъ мелкомъ хозяйствѣ.

„Странствующая каѳедра земледѣлія“, какъ названо въ Италіи занимающее насъ учрежденіе, состоитъ изъ спеціалиста-профессора, при которомъ находится одинъ или нѣсколько ассистентовъ. Учрежденіе имѣетъ свою библіотеку, химическую лабораторію, не большой музей и участокъ земли для опытовъ. Въ отличіе отъ другихъ странъ, гдѣ функціи странствующаго учителя совмѣщаются нерѣдко съ должностью преподавателя въ земледѣльческой школѣ и выполняются въ свободное отъ другихъ занятій время, въ Италіи профессоръ долженъ цѣликомъ отдавать своему дѣлу всѣ силы, а въ отличіе отъ французскаго департаментскаго профессора, онъ является не правительственнымъ чиновникомъ, исполняющимъ программу министерства, а свободнымъ дѣятелемъ, который работаетъ примѣнительно къ нуждамъ своего района по плану, намѣченному имъ самимъ, совмѣстно съ представителями пригласившихъ его учрежденій:— мѣстнаго провинціальнаго совѣта (нѣчто въ родѣ нашего земства), или же сельскохозяйственной комиціи, сберегательной кассы и пр. Всего ближе профессоръ странствующей каѳедры подходитъ къ типу нашихъ земскихъ агрономовъ, но онъ лучше обставленъ и имѣетъ болѣе обширную программу дѣятельности.

Первая странствующая каѳедра учредилась въ Ровиго въ 1886 году на средства провинціи съ субсидіей отъ правительства; но истинное значеніе каѳедра получила лишь съ 1890 года, когда на должность ея директора былъ приглашенъ агрономъ и писатель по сельскому хозяйству Тито Поджи. Этому скромному ученому принадлежитъ иниціатива современной организаціи агрономической помощи въ Италіи. Профессоръ Поджи въ первый же годъ принялся проповѣдывать крестьянамъ и арендаторамъ необходимость завести травосѣяніе и, главное, пустить въ ходъ минеральныя удобренія, дотолѣ почти неизвѣстныя въ провинціи. Конференціи свѣдущаго и краснорѣчиваго учителя привлекали толпы слуша-

телей, но, главнымъ образомъ, произвели неотразимое впечатлѣніе на массу показательныя поля, устроенныя сразу въ шести мѣстахъ съ цѣлью демонстрировать выгодность минеральныхъ удобреній для пшеницы, для клевера и для естественныхъ луговъ. Успѣхъ этихъ опытовъ былъ поразительный. Урожай пшеницы, благодаря химическимъ удобреніямъ, получился въ два съ половиной раза больше обычнаго, и издержки на минеральные туки вернулись съ прибылью, много превышавшею затрату. Профессора на перерывъ стали приглашать то въ одно, то въ другое селеніе, и его пріемная въ рыночные дни стала осаждаться земледѣльцами, ищущими совѣта и наставленія. Черезъ годъ Поджи опубликовалъ отчетъ о своей дѣятельности, которому суждено было сыграть первостепенную роль въ дѣлѣ распространенія странствующихъ каѳедръ земледѣлія. Изложенные въ немъ факты, свидѣтельствовавшіе о быстромъ успѣхѣ новыхъ идей и намѣчавшіе для ихъ пропаганды опредѣленный планъ и способъ дѣйствій, произвели живѣйшее впечатлѣніе въ странѣ и вызвали подражаніе. Первою откликнулась на это дѣло Пармская провинція въ 1891 г., а потомъ странствующія каѳедры стали распространяться и въ другихъ округахъ, особенно быстро съ 1897 года. Посмотримъ, въ чемъ состоятъ ихъ способы дѣйствія.

Первоначальнымъ и основнымъ средствомъ вліянія странствующихъ каѳедръ на окружающее населеніе является устройство публичныхъ лекцій или бесѣдъ, или, какъ ихъ принято называть въ Италіи, конференцій. Цѣль этихъ лекцій—расшевелить косную массу при помощи горячаго и убѣжденнаго слова, зажечь первую мысль о возможныхъ улучшеніяхъ. „Часто говорятъ“, — пишетъ Тито Поджи [1]),— „что конференціи—потерянное время, что у слушателей слова лектора влетаютъ въ одно ухо, а вылетаютъ въ другое, что невѣжество, недовѣрчивость и бѣдность крестьянъ составляютъ непреодолимое препятствіе всякому прогрессу. Это—крайнее преувеличеніе. Я знаю, что между присутствующими на конференціи всегда бываетъ немного, а иногда даже совсѣмъ мало такихъ лицъ, которыя захотятъ потомъ примѣнить къ дѣлу полученныя внушенія; но эти немногіе послужатъ ферментомъ движенія, сдѣлавшись, въ свою очередь, проповѣдниками, иногда даже болѣе вліятельными, нежели самъ лекторъ“. Весь успѣхъ конференціи зависитъ отъ умѣнья профессора приноровить ихъ по содержанію и формѣ къ потребностямъ и пониманію мѣстной среды. Лучшая конференція—та, ко-

---

1) Le cattedre ambulanti di agricoltura in Italia. Roma, 1899.

торая приспособлена къ насущнымъ интересамъ данной мѣстности, къ частнымъ, иногда даже патологическимъ случаямъ: такая бесѣда, прямо отвѣчающая на запросы жизни, всего скорѣе можетъ оказать вліяніе. Поэтому-то профессоры стараются избирать свои темы для каждаго района: въ области зерновыхъ хлѣбовъ трактуютъ о химическихъ удобреніяхъ, о выгодахъ улучшенныхъ сѣмянъ, о способахъ посѣва и уборки хлѣбовъ; въ горныхъ мѣстностяхъ—объ улучшеніи естественныхъ луговъ, объ усовершенствованіи породъ скота, о заведеніи общественныхъ молочныхъ и т. д. Огромную помощь профессорамъ при ихъ пропагандѣ приносятъ наглядныя пособія. Нельзя себѣ представить, напримѣръ, какую неоцѣненную услугу оказываетъ фотографія дѣлу распространенія сельскохозяйственныхъ знаній. Простой человѣкъ трудно усваиваетъ числовые учеты и теряется при видѣ таблицъ, но когда ему представятъ въ фотографическихъ снимкахъ, напримѣръ, вегетаціонные опыты Вагнера, онъ невольно задумается и обратитъ на нихъ вниманіе; при первомъ же взглядѣ ему бросается въ глаза громадная разница въ развитіи растенія при отсутствіи и при наличности минеральныхъ удобреній. Каждаго человѣка нельзя привести на опытную станцію въ тотъ моментъ когда опытъ представляетъ наибольшую степень убѣдительности; фотографическіе снимки какъ бы переносятъ опытную станцію въ другое пространство и въ другое время. Въ Италіи сплошь и рядомъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на стѣнахъ школъ, церквей, сельскихъ общественныхъ учрежденій можно увидѣть развѣшанными Вагнеровскія фотографіи въ большомъ масштабѣ, и каждый, при остановкѣ, напримѣръ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, можетъ быть свидѣтелемъ того, какъ эти странной формы картинки собираютъ вокругъ себя любопытную толпу.

Поѣздка профессора въ деревню никогда не заканчивается одною устной лекціей; почти всегда за лекціей слѣдуетъ обсужденіе сказаннаго, разрѣшеніе недоумѣній, дополненіе и повтореніе того, что для слушателей оказалось недостаточно понятнымъ. Бесѣда обыкновенно сопровождается экскурсіей въ поле, въ виноградникъ, на лугъ или скотный дворъ. Въ глухихъ мѣстахъ, куда еще не проникла охота къ улучшеніямъ, на первое время нелегко бываетъ профессору привлечь слушателей. Оттого опытные профессоры совѣтуютъ съ осмотрительностью избирать мѣста для первыхъ конференцій въ новомъ краѣ. Слѣдуетъ начинать съ такихъ селеній, гдѣ завѣдомо есть хоть нѣсколько любознательныхъ земледѣльцевъ, которые не останутся глухими

къ словамъ лектора. Если конференція въ одномъ селеніи удастся и произведетъ должное вліяніе, другія захотятъ имѣть ее уже изъ-за одного подражанія. Отдѣльная лекція не всегда достаточно западаетъ въ душу; поэтому, профессоры странствующихъ каѳедръ наряду съ единичными бесѣдами устраиваютъ цѣлые курсы. Пармская каѳедра держитъ такіе курсы зимою, обыкновенно каждый по недѣлѣ, перемѣщаясь изъ одной общины въ другую. Въ Кремонѣ курсы отличаются большею продолжительностью, но за то каждый годъ читаются всего въ одной или двухъ общинахъ. Профессоры придаютъ огромное значеніе подобнымъ курсамъ, такъ какъ, благодаря имъ, завязываются прочныя связи въ деревнѣ и подготовляются наиболѣе убѣжденные и свѣдущіе дѣятели для сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Еще большее число сторонниковъ на мѣстахъ получаетъ каѳедра черезъ привлеченіе школьныхъ учителей къ дѣлу распространенія раціональнаго земледѣлія. Въ Италіи считается невозможнымъ вводить въ программу народной школы обученіе земледѣлію, какъ отдѣльный предметъ, но признается осуществимымъ и желательнымъ сообщеніе нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній попутно при занятіяхъ другими предметами, напримѣръ, объяснительнымъ чтеніемъ, ариѳметикой и пр., при экскурсіяхъ и при практическихъ упражненіяхъ на небольшихъ участкахъ земли (campicelli scolari), заводимыхъ при школахъ. Чтобы примѣнить къ дѣлу съ пользою для учениковъ это косвенное преподаваніе, народные учителя должны быть хоть нѣсколько знакомы съ основами научнаго земледѣлія. Такъ какъ у большинства учителей вовсе нѣтъ подобнаго знакомства, то явилась необходимость восполнить столь существенный пробѣлъ ихъ подготовки. На этотъ запросъ съ радостью откликнулись странствующія каѳедры въ надеждѣ, что учитель не только будетъ въ состояніи заронить въ своихъ воспитанникахъ идею о лучшемъ веденіи хозяйства, но явится также вѣрнымъ помощникомъ профессора при осуществленіи его совѣтовъ среди мѣстнаго населенія. Нѣкоторые профессоры, кромѣ того, полагаютъ, что школьный участокъ, при добромъ желаніи учителя, можетъ отчасти выполнить роль показательнаго поля. Неудивительно, поэтому, что большинство профессоровъ странствующихъ каѳедръ ввели въ кругъ своихъ ежегодныхъ дѣлъ чтеніе небольшихъ курсовъ по агрономіи учителямъ народныхъ школъ, собирающимся для того въ городъ въ свободное отъ занятій время. Въ короткое время, въ 10 — 20 уроковъ, народные учителя, конечно, очень многаго узнать не могутъ, но

они получаютъ указанія, какъ дополнить недостающія свѣдѣнія путемъ самостоятельнаго изученія и на какихъ вопросахъ имъ слѣдуетъ сосредоточить вниманіе учениковъ и свое собственное.

Пропаганда земледѣльческихъ улучшеній не можетъ ограничиться однимъ устнымъ преподаваніемъ. Простой человѣкъ больше вѣритъ фактамъ, нежели словамъ. Оттого, итальянскіе профессоры самымъ энергическимъ образомъ настаиваютъ на учрежденіи въ различныхъ мѣстностяхъ ихъ района показательныхъ полей. Они считаютъ такія поля однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ пособій для популярнаго преподаванія земледѣлія и вмѣстѣ съ тѣмъ—руководствомъ и подспорьемъ для самой каѳедры. На показательномъ полѣ подтверждается очевидными фактами справедливость того, о чемъ идетъ рѣчь на конференціяхъ. Программа показательныхъ полей представляетъ большое разнообразіе въ зависимости отъ условій мѣста и времени, но въ провинціяхъ, которыя намъ болѣе извѣстны, надъ всѣми прочими задачами имѣетъ преобладаніе пропаганда минеральныхъ удобреній. Причина такого перевѣса заключается въ новизнѣ этихъ опытовъ для Италіи и въ первенствующемъ вліяніи, какое практика химическихъ удобреній имѣла на земледѣльческую реформу вообще. Лишь завоевавъ довѣріе къ себѣ и къ своей проповѣди бьющими въ глаза экспериментами, профессоры рѣшались постепенно вводить въ программу опыты съ менѣе яркими результатами. Изданія каѳедръ переполнены фактами могущественнаго воздѣйствія показательныхъ полей на окрестныхъ земледѣльцевъ. Отчетъ Кремонской каѳедры заявляетъ, что, благодаря полямъ, получили совершенно неожиданное распространеніе минеральныя удобренія, сѣялки, сѣнокосилки, усовершенствованные плуги и другія орудія и вслѣдствіе этого въ какіе-нибудь три года произошло радикальное измѣненіе въ трехъ главныхъ мѣстныхъ культурахъ:—пшеницы, маиса и травъ. Чтобы придать опытамъ болѣе широкое распространеніе, каѳедры публикуютъ подробныя ихъ описанія и полученные результаты въ своихъ изданіяхъ. Такимъ путемъ опыты теряютъ исключительно мѣстную цѣнность и становятся достояніемъ всей страны.

Въ сѣверной и средней Италіи, гдѣ по преимуществу распространены странствующія каѳедры земледѣлія, сдѣлала большіе успѣхи грамотность. Молодое поколѣніе почти сплошь умѣетъ читать и писать, а по большей части прошло даже правильную школу. Это обстоятельство имѣетъ чрезвычайную важность для пропаганды улучшеній, потому что къ дѣйствію живого слова

прибавляется еще могучее вліяніе печати. Опытъ всѣхъ странъ, особенно же Германіи, Скандинавскихъ государствъ и Италіи, показываетъ, что успѣшность распространенія новыхъ пріемовъ земледѣлія прямо пропорціональна степени грамотности и развитости населенія. Странствующія каѳедры широко пользуются печатнымъ словомъ. Всѣ онѣ издаютъ свои отчеты, въ которыхъ обыкновенно, кромѣ изложенія занятій каѳедры, находится описаніе результатовъ, полученныхъ на опытныхъ и показательныхъ поляхъ, передается содержаніе важнѣйшихъ конференцій и т. п. Кромѣ отчетовъ, каѳедры публикуютъ и распространяютъ въ большомъ количествѣ брошюры и листки по поводу насущныхъ агрономическихъ вопросовъ мѣстнаго значенія. Каждый родъ минеральныхъ удобреній, разные виды земледѣльческихъ орудій, каждая изъ отраслей мѣстныхъ культуръ, болѣзни, постигающія мѣстныя растенія, очередныя работы, предстоящія земледѣльцамъ, различныя формы земледѣльческихъ ассоціацій,—все это составляетъ предметъ брошюръ, написанныхъ популярнымъ языкомъ, большею частью съ наглядными рисунками. Многія каѳедры, не довольствуясь изданіемъ отчетовъ и брошюръ, издаютъ періодическіе журналы. Профессоры находятъ, что тяжкій трудъ изданія, уносящій ихъ силы, а подчасъ и средства, вполнѣ окупается приносимою пользою. Журналы каѳедръ имѣютъ спеціальный характеръ, приспособленный къ интересамъ и нуждамъ извѣстнаго района. Мѣстная публика находитъ въ нихъ то, чего никакъ не можетъ получить въ общихъ изданіяхъ, именно—совѣты, вызванные особыми ея потребностями, обсужденіе вопросовъ, важныхъ для нея какъ разъ въ данный моментъ времени, факты о дѣятельности каѳедры и т. д. Журналъ служитъ связующимъ звеномъ между каѳедрой и земледѣльцами, органомъ, при помощи котораго профессоръ непрерывно продолжаетъ свою бесѣду, ареной для споровъ по мѣстнымъ вопросамъ.

Разнообразные способы распространенія агрономическихъ идей, о которыхъ говорилось выше, естественно возбуждаютъ въ окружающей средѣ желаніе испробовать и примѣнить на дѣлѣ преподанныя наставленія; но такое примѣненіе почти всегда наталкивается на препятствія, вызываетъ вопросы и потому требуетъ помощи свѣдущаго человѣка. Поэтому, наряду съ преподавательской обязанностью, въ программу странствующей каѳедры всегда входитъ сельскохозяйственная консультація: профессоръ принимаетъ на себя обязательство отвѣчать на запросы мѣстныхъ земледѣльцевъ, являющихся къ нему за помощью. Наибольшая

часть совѣтовъ дается въ личныхъ бесѣдахъ. Для пріема желающихъ профессоръ отводитъ опредѣленное время, избирая для этого рыночные дни, когда земледѣльцы являются въ городъ. Иногда, кромѣ города, назначается еще одинъ или два пріемныхъ дня въ болѣе важныхъ деревенскихъ пунктахъ съ цѣлью облегчить доступъ къ профессору и для лицъ, удаленныхъ отъ города. Кромѣ устныхъ совѣтовъ, профессоръ даетъ отвѣты и на запросы, обращаемые къ нему письменно. Содержаніе запросовъ, съ которыми обращаются земледѣльцы, разнообразно, но, по наблюденіямъ профессоровъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ вопросы, касающіеся удобреній, въ особенности минеральныхъ, и затѣмъ средствъ противъ вредителей растеній. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ профессоръ, подобно врачу, кончаетъ обыкновенно свою консультацію выдачей рецепта для удобреній или противъ болѣзней растеній, по которому земледѣлецъ тотчасъ же забираетъ все, что нужно, въ общественномъ складѣ, подобно тому, какъ паціентъ отъ врача идетъ въ аптеку.

Мы разсмотрѣли главные роды занятій странствующихъ каѳедръ, которыя повсюду входятъ въ ихъ программу. Но, независимо отъ изложенныхъ обязательныхъ дѣлъ, профессоры, по собственной волѣ или по требованію обстоятельствъ, обыкновенно выполняютъ еще множество разнообразныхъ второстепенныхъ задачъ, которыя измѣняются по мѣстностямъ. Истинное значеніе странствующихъ каѳедръ въ томъ и состоитъ, что въ небольшомъ районѣ заводится спеціалистъ, который имѣетъ своей задачей отыскивать пути къ улучшенію мѣстнаго хозяйства. Всѣ его помыслы направлены на одно дѣло; вся его гордость—въ тѣхъ полезныхъ начинаніяхъ, которыя онъ намѣтитъ или осуществитъ. Въ рукахъ директора каѳедры, если это мѣсто занимаетъ дѣятельная и авторитетная личность, сосредоточена вся инициатива, стянуты всѣ нити прогрессивнаго движенія, происходящаго въ данной области. Не даромъ же теперь въ Италіи нѣкоторые профессоры странствующихъ каѳедръ являются самыми популярными людьми въ своихъ районахъ и бываютъ окружены ореоломъ глубокаго уваженія и горячей симпатіи.

Мы остановились на странствующихъ профессорахъ, быть можетъ, дольше, чѣмъ слѣдовало, но къ тому были достаточныя основанія. Странствующія каѳедры составляютъ душу реформаціоннаго движенія въ мелкомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Это основной двигатель начинающагося преобразованія. Отъ нихъ исходитъ толчекъ, имъ же принадлежитъ поддержка и приведе-

ніе къ опредѣленнымъ результатамъ того, что у простого человѣка является лишь смутнымъ инстинктомъ и неяснымъ чаяніемъ. Въ рукахъ этихъ людей лежитъ ключъ къ богатству и благосостоянію тѣхъ районовъ, въ которыхъ они работаютъ. Недаромъ же пропагандистъ этого учрежденія въ Италіи, Поджи, въ своей статьѣ о каѳедрахъ пишетъ: „Если бы правительство завело сотню странствующихъ каѳедръ съ затратой полумилліона франковъ, къ которымъ провинціи съ радостью приложили бы другіе полмилліона, то отъ этого получился бы баснословный выигрышъ въ народной экономіи" [1]).

V.

Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ; ея значеніе и быстрое распространеніе Союзы и центральныя кассы. Земледѣльческіе синдикаты въ Германіи, Франціи и Италіи. Ссудныя товарищества. Основанія устройства мелкаго сельскохозяйственнаго кредита. Формы кредита земледѣльцамъ въ Италіи. Развитіе сельскаго кредита въ Германіи.

Усовершенствованія агрономической техники, придуманныя современной наукой, сопровождаются цѣлымъ переворотомъ въ строѣ хозяйства. Нужно передѣлать сложившіеся порядки пользованія землей, чтобы ввести новые сѣвообороты; нужно обзавестись улучшенными сѣменами, пустить въ ходъ неизвѣданныя раньше удобренія, примѣнить новыя орудія, измѣнить способы переработки продуктовъ. Для всего этого требуется масса знаній и, главное, капиталовъ. Оттого долгое время людямъ казалось, что всѣ новости науки доступны единственно крупнымъ хозяйствамъ, и что техническія преимущества большихъ дѣлъ, которыя обусловили побѣду крупнаго производства въ индустріи, должны имѣть такую же силу и въ сельскомъ хозяйствѣ. Но здѣсь неожиданно пришла на выручку мелкому земледѣлію кооперація; что было не подъ силу осуществить отдѣльному человѣку, то стало возможнымъ для массы. Идея ассоціаціи въ примѣненіи къ сельскому хозяйству является не менѣе великимъ открытіемъ, нежели изложенные выше новые пріемы техники.

Значеніе ассоціаціи, гдѣ бы она ни прилагалась, заключается въ томъ, что она доставляетъ мелкому хозяйству выгоды крупныхъ дѣлъ. Уже одинъ фактъ соединенія многихъ людей въ

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе дѣятельности „странствующихъ каѳедръ" въ Италіи сдѣлано было авторомъ на страницахъ газеты *„Русскія Вѣдомости"* №№ 340 и 353 за 1900 г., №№ 47, 48, 72 и 75 за 1901 г.

общее предпріятіе часто измѣняетъ къ ихъ выгодѣ условія экономической дѣятельности. Сто крестьянскихъ дворовъ, соединившись вмѣстѣ для закупки нужныхъ товаровъ или для продажи своихъ продуктовъ, представляютъ на рынкѣ крупную партію, съ которой приходится считаться: уже по одной этой причинѣ такая группа можетъ купить или продать выгоднѣе, чѣмъ отдѣльные дворы, входящіе въ ея составъ. Сто дворовъ могутъ съ полнымъ успѣхомъ устроить совмѣстную переработку молока въ масло или сыръ, или общую продажу его на городскомъ рынкѣ, тогда какъ отдѣльный крестьянинъ вынужденъ вести производство рутиннымъ способомъ или продавать свое молоко скупщику по цѣнѣ, какую онъ предложитъ. Это же соединеніе людей въ одно цѣлое можетъ облегчить имъ пріобрѣтеніе дорого стоющихъ орудій и осуществленіе меліораціонныхъ работъ, которыя иначе были бы примѣнимы только въ крупныхъ хозяйствахъ. Но еще важнѣе роль ассоціаціи въ дѣлѣ доставленія капитала. Главная невыгода мелкаго хозяйства, которая прежде всего бросается въ глаза, это— ничтожность капитала, обычно находящагося въ его распоряженіи, и чрезвычайная трудность привлечь средства со стороны. Мелкій производитель, у котораго зачастую нѣтъ никакого имущества, кромѣ рабочей силы, искони казался владѣльцамъ капитала некредитоспособнымъ; всякому представлялось, что стоитъ заболѣть или умереть такому лицу, и ссуженный капиталъ безвозвратно пропадетъ. Ассоціація успѣшно устранила это естественное опасеніе, введя совокупную отвѣтственность каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго. Наряду съ капиталомъ, ассоціація снабжаетъ соединившуюся группу знаніемъ, необходимымъ для выгоднаго веденія общаго дѣла. Постоянныя сношенія людей между собою обообщаютъ опытъ каждаго. Среди объединенной группы могутъ найтись свѣдущія лица, пригодныя для завѣдыванія дѣломъ, а если бы такихъ не оказалось, группа можетъ пригласить спеціалиста со стороны, на подобіе того, какъ обзаводится имъ крупный предприниматель. Такимъ образомъ, ассоціація открываетъ людямъ съ малыми силами доступъ ко всѣмъ тѣмъ главнымъ выгодамъ, при помощи которыхъ крупное хозяйство торжествуетъ надъ мелкимъ.

Извѣстно, что кооперативное движеніе въ современной его формѣ пошло изъ Германіи. Первое примѣненіе ассоціаціи осуществилось въ средѣ мелкаго ремесла. Я считаю излишнимъ останавливаться на исторіи возникновенія первыхъ ассоціацій въ Саксоніи, по инициативѣ Шульце изъ Делича, среди тамошнихъ сапожниковъ и портныхъ. Въ послѣднее время эта исторія съ

новыхъ научныхъ точекъ зрѣнія разсказана профессоромъ В. А. Косинскимъ въ его трудѣ „Учрежденія мелкаго кредита въ Германіи“ (Москва, 1901 года). Честь приспособленія къ сельской средѣ выработавшихся въ городскихъ ремеслахъ формъ ассоціаціи принадлежитъ Райфейзену. Райфейзенъ, подъ вліяніемъ примѣра Шульце-Делича, основалъ въ Прирейнской Пруссіи въ Геддесдорфской общинѣ первую ссудную кассу, которая послужила образцомъ для многихъ тысячъ подобныхъ учрежденій въ Германіи и въ прочихъ странахъ. Типъ кооперативнаго учрежденія, созданный Райфейзеномъ, все болѣе и болѣе прививается въ деревнѣ, вытѣсняя прочія. Главныя черты райфейзенскихъ кассъ общеизвѣстны. Это—небольшіе союзы, ограниченные по большей части предѣлами одной общины или даже одного селенія, составленные изъ людей, которые близко знаютъ другъ друга и соединены узами взаимной отвѣтственности. Цѣль такихъ союзовъ заключается въ выдачѣ ссудъ членамъ для улучшенія ихъ производства и въ удовлетвореніи другихъ хозяйственныхъ потребностей, каковы, напримѣръ, покупка нужныхъ орудій, матеріаловъ и зачастую предметовъ домашняго хозяйства, продажа произведеній, взаимное страхованіе и пр.

Характерной чертой всѣхъ сельскихъ ассоціацій является солидарная отвѣтственность. Будетъ ли отвѣтствѣнность распространяться безъ изъятій на все имущество членовъ, какъ это большею частью имѣетъ мѣсто въ Германіи въ средѣ райфейзенскихъ союзовъ, или же будетъ ограничиваться лишь извѣстною суммою, какъ практикуется во французскихъ и итальянскихъ земледѣльческихъ синдикатахъ, но сущность всѣхъ кооперативныхъ соединеній состоитъ въ томъ, что каждому приходится рисковать частью своего достоянія на покрытіе, въ случаѣ надобности, обязательствъ союза. Эта неизбѣжность риска была причиной того, что сельскій людъ долго стоялъ въ сторонѣ отъ кооперативнаго движенія, возникшаго въ болѣе развитой средѣ городскихъ ремесленниковъ. Однако въ послѣднее время, въ особенности съ начала восьмидесятыхъ годовъ, упорный сельскохозяйственный кризисъ показалъ мелкимъ землевладѣльцамъ безпомощность каждаго отдѣльно взятаго лица въ борьбѣ съ бѣдствіемъ и заставилъ ихъ искать выхода въ ассоціаціи. Единственнымъ способомъ удержаться въ это трудное время было преобразованіе системы хозяйства, которое настоятельно требовало прилива новыхъ знаній и капиталовъ. Ассоціація обѣщала доставить то и другое, и потому немудрено, что послѣ первыхъ же удачныхъ опытовъ къ ней устремились помыслы

земледѣльцевъ во всѣхъ странахъ. Повсюду въ Европѣ начало кооперативнаго движенія среди сельскихъ жителей приходится на конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ. Въ Баваріи первый райфейзенскій ферейнъ возникъ въ 1877 году, въ Баденѣ первое закупочное общество—въ 1882 году, въ Даніи первое молочное товарищество—въ 1882 году, во Франціи первый земледѣльческій синдикатъ —въ 1883 году, въ Италіи первая сельская касса райфейзенскаго типа—въ 1883 году. Однако, начавшись позднѣе, сельское кооперативное движеніе пошло настолько успѣшно, что скоро перегнало городское.

Развитіе сельскохозяйственныхъ ассоціацій въ разныхъ странахъ Европы представляетъ нѣкоторыя общія черты, заслуживающія большого вниманія. Первое, что бросается въ глаза, это ихъ чрезвычайно быстрое распространеніе, котораго никакъ нельзя было ждать вначалѣ, судя по тому темпу, въ какомъ совершалось оно въ средѣ городскихъ ремесленныхъ и рабочихъ классовъ,—и по завѣдомой малоподвижности сельскаго человѣка. Изъ германской статистики мы узнаемъ, что товарищеское движеніе въ нѣмецкомъ сельскомъ хозяйствѣ—совершенно новаго происхожденія. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1890 году, изъ числа нынѣшнихъ товариществъ не существовало даже одной шестой части. Къ 1890 г. въ Германіи было 3.006 сельскихъ товариществъ; къ 1892 г.— 4.374; къ 1894 г.—6.031; къ 1896 г.—8.986; къ 1898 г.—11.839; къ 1900 г. —14.636; къ 1902 г.—16.097; къ 1904 г.—18.309. Начиная съ 1895 года, каждый годъ возникало въ Германіи болѣе тысячи товариществъ. Сельскохозяйственныя товарищества составляютъ теперь четыре пятыхъ (82 %) всего числа ассоціацій, занесенныхъ въ судебные регистры. То же нужно сказать и о другихъ странахъ. Какъ быстро шло развитіе въ Австро-Венгріи, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ провинціи Нижней Австріи первое товарищество райфейзенскаго типа было основано въ 1889 году; черезъ пять лѣтъ такихъ товариществъ имѣлось уже 119, черезъ десять— 433, а черезъ четырнадцать, въ 1903 году, — 515, да, кромѣ того, существовало еще до 100 товариществъ иного устройства.—Во Франціи первый синдикатъ учредился, какъ мы видѣли, въ 1883 году; къ концу 1885 года ихъ насчитывалось 39, къ 1890 г.— 648, къ 1895—1.188, къ 1901 г.—2.375. Въ Даніи первое молочное товарищество возникло въ 1882 году, а къ 1900 году въ этой маленькой странѣ имѣлось уже 1.373 кооперативныхъ и общественныхъ молочныхъ.

Чтобы оцѣнить успѣхи, сдѣланные кооперативнымъ движеніемъ среди мелкихъ земледѣльцевъ за послѣднее время,

всего удобнѣе взять Германію, гдѣ статистика его ведется съ наибольшей исправностью. Послѣдній отчетъ Имперскаго Союза [1]) сельскохозяйственныхъ товариществъ насчитывалъ къ 1 іюля 1904 года земледѣльческихъ ассоціацій разныхъ видовъ 18.309 съ общимъ числомъ членовъ въ 1.650.000 человѣкъ, среди которыхъ было около 1.100.000 самостоятельныхъ земледѣльцевъ (хозяевъ). Но, кромѣ того, къ числу лицъ, захваченныхъ кооперативнымъ движеніемъ, нельзя не отнести тѣхъ земледѣльцевъ, которые примыкаютъ къ ассоціаціямъ преимущественно городского характера, такъ-называемаго Шульце-Деличевскаго типа. По отчету Союза этихъ послѣднихъ за 1902 г., въ его составѣ находилось до 157.000 сельскихъ хозяевъ, такъ что общее число земледѣльцевъ, входящихъ въ составъ товариществъ въ Германіи, должно быть исчислено не менѣе какъ въ 1.250.000 человѣкъ. Если принять въ расчетъ, что въ Германіи, по переписи занятій 1895 года, самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ имѣлось 2.568.000 человѣкъ, то, значитъ, теперь объединена въ товариществахъ уже половина хозяевъ.

Если вглядѣться въ характерныя черты отдѣльныхъ германскихъ государствъ, особенно выдающихся по развитію товарищескаго движенія, то придется признать, что ими являются какъ разъ районы съ преобладаніемъ мелкаго и даже мельчайшаго землевладѣнія. Въ настоящее время всего больше сельскохозяйственныхъ товариществъ, по отношенію къ пространству, имѣется: въ Гессенѣ (одно товарищество на 646 гектаровъ), въ Вюртембергѣ (одно товарищество на 970 гект.), въ Баденѣ (одно товарищество на 1.116 гект.) и въ Баваріи (одно товарищество на 1.319 гект. [2]). Извѣстно, что эти государства отличаются наибольшимъ во всей Германіи развитіемъ мелкаго землевладѣнія: по даннымъ переписи 1895 года, мелкими хозяйствами, размѣромъ до 20 гектаровъ, было занято: въ Баваріи—65%, въ Гессенѣ—70%, въ Вюртембергѣ — 77%, въ Баденѣ—83% всей земли, находящейся въ сельскохозяйственномъ пользованіи, тогда какъ во всей Германской Имперіи на хозяйства такого размѣра приходится только 45 процентовъ.

Во Франціи синдикальное движеніе слабо на сѣверѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ центральнаго плато, гдѣ сильнѣе всего

[1]) Имперскій Союзъ (Reichsverband) до 1903 года назывался Всеобщимъ Союзомъ (Allgemeiner Verband der deutschen landwirtschaftlichen Genossenschaften).

[2]) Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes der deutschen landwirtschaftlichen Genossenschaften für 1903--1904, S. 11.

представлено крупное зерновое хозяйство и скотоводство, и напротивъ, синдикаты очень многочисленны и дѣятельны на востокѣ, юго-востокѣ, въ долинѣ Луары и въ Пиринейской области; они, по словамъ знатока ихъ, Рокиньи, явно преуспѣваютъ въ районахъ мелкой культуры и въ области винодѣлія.—Почти безпримѣрное развитіе сельскохозяйственныхъ товариществъ въ Даніи объясняется чрезвычайною раздробленностью тамошняго земледѣлія: двѣ трети датскихъ хозяйствъ имѣютъ меньше 10 гектаровъ; изъ всего числа хозяевъ 40% держатъ отъ 1 до 3 коровъ, 29%—отъ 3 до 9 коровъ, 27%—отъ 10 до 29 коровъ и только 4% больше 30 коровъ.

На ряду съ быстрымъ ростомъ товариществъ, повсюду въ Европѣ замѣчается постепенное сліяніе ихъ въ союзы, созданіе, такъ сказать, коопераций второго и третьяго порядка. Какъ бы ни были сильны отдѣльныя товарищества, они въ изолированномъ видѣ не могутъ обезпечить всѣхъ тѣхъ благъ, какія доставляетъ людямъ сотрудничество; существеннымъ условіемъ ихъ успѣха является взаимная связь и правильная координація. Опытомъ установлено, что сельскія кооперативныя учрежденія всего надежнѣе достигаютъ своей цѣли, когда они дѣйствуютъ въ малыхъ районахъ, гдѣ всѣ знаютъ другъ друга; но малый районъ дѣйствій представляетъ неудобства для привлеченія капиталовъ, для совмѣстныхъ закупокъ и для сбыта произведеній. Объединеніе отдѣльныхъ товариществъ въ болѣе или менѣе крупные союзы даетъ возможность комбинировать ихъ усилія въ виду общихъ цѣлей, направлять ихъ дѣятельность, препятствовать отклоненію отъ истинныхъ задачъ коопераціи, контролировать технику веденія дѣла и всѣми этими путями обезпечивать единство и цѣлесообразность движенія въ цѣлой области и даже странѣ. Но помимо этой пользы, общей для всякихъ ассоціацій, планомѣрное соединеніе въ постоянные союзы приноситъ каждому ихъ роду спеціальныя выгоды. Таково, напримѣръ, для кредитныхъ товариществъ доставляемое союзами удобство перемѣщать свободные капиталы оттуда, гдѣ они въ данный моментъ излишни, туда, гдѣ они особенно нужны, и тѣмъ уравнивать мѣстныя и временныя колебанія въ предложеніи и спросѣ капиталовъ, устранять затрудненія, происходящія отъ избытка средствъ въ одномъ мѣстѣ и недостатка ихъ въ другомъ. Такова для закупочныхъ обществъ и земледѣльческихъ синдикатовъ возникающая вслѣдствіе концентраціи заказовъ возможность производить крупныя оптовыя покупки на самыхъ выгодныхъ рынкахъ, пользоваться услугами науки и техники для контроля пріобрѣтаемыхъ това-

ровъ и, что еще важнѣе, создавать собственное производство для предметовъ массоваго спроса, напримѣръ, фабрики минеральныхъ удобреній. Такова для обществъ сбыта возможность устраивать общіе склады и заводить конторы и агентства на крупныхъ рынкахъ. Таково, наконецъ, для страховыхъ ассоціацій достигаемое, благодаря ихъ связи, раздѣленіе опасныхъ рисковъ и происходящее оттого возрастаніе солидности каждаго отдѣльнаго учрежденія, мелкое общество страхованія отъ скотскаго падежа или отъ града безсильно помочь при широкихъ размѣрахъ бѣдствія, союзъ же однородныхъ обществъ, распространяющійся на цѣлую область, а тѣмъ болѣе на цѣлую страну, можетъ смѣло смотрѣть въ глаза всякой опасности. Во всѣхъ отрасляхъ коопераціи оправдывается правило, что, благодаря союзамъ, происходитъ не „сложеніе", а „умноженіе" силъ входящихъ въ нихъ предпріятій.

Въ виду сказаннаго неудивительно, что всѣ роды ассоціацій стремятся къ взаимному сближенію, завязывая связи сначала въ ограниченныхъ районахъ, а затѣмъ постепенно расширяя ихъ на цѣлую страну. Всего совершеннѣе союзная организація осуществлена въ Германіи. Для сельскохозяйственныхъ товариществъ тамъ существуютъ два центральныхъ союза, распространяющихся на всю Имперію, и 28 мѣстныхъ. Изъ центральныхъ союзовъ стоитъ на первомъ мѣстѣ по числу входящихъ въ него учрежденій „Имперскій союзъ нѣмецкихъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ". Къ этому союзу въ срединѣ 1904 года принадлежали: 10.974 товариществъ, въ томъ числѣ 7.017 кредитныхъ, 1.924 закупочныхъ, 1.368 для переработки молока. Этотъ колоссальный союзъ подраздѣленъ на 28 подсоюзовъ. Какъ быстро развивается союзъ видно изъ того, что въ 1895 году въ его составъ входило лишь 93.000, а въ 1903 году болѣе 500.000 членовъ. Другой крупный союзъ, Нейвидскій, соединяетъ 4.000 товариществъ райфейзенскаго типа, изъ которыхъ 3.375, доставившіе отчеты, имѣли 311.000 членовъ. Обороты центральныхъ кассъ, принадлежащихъ къ этимъ двумъ союзамъ, простирались въ 1903 году до громадной цифры—2.440 милліоновъ марокъ.

Союзная организація Германіи завершается основанною въ 1896 году прусскою центральною кассою товариществъ. Эта касса имѣетъ своей задачей посредничество въ денежныхъ расчетахъ товариществъ и приведеніе ихъ въ связь съ общимъ денежнымъ рынкомъ. Она была открыта съ капиталомъ въ 5 милліоновъ марокъ, а теперь ея капиталъ доведенъ до 50 милліоновъ марокъ. Въ 1902 году прусская центральная касса находилась въ дѣло-

выхъ сношеніяхъ съ 52 союзными кассами, въ составъ которыхъ входили 9.153 товарищества съ 855.759 членами. Изъ этого числа 33 союзныхъ кассы съ 8.756 товариществами и 776.500 членами имѣли по преимуществу сельскій характеръ. Такимъ образомъ, центральная касса работаетъ преимущественно для сельской кооператіи. Касса кредитуетъ не отдѣльныя товарищества, а лишь союзы. Она учитываетъ ихъ векселя, однако въ послѣдніе годы главнѣйшимъ образомъ, кредитуетъ ихъ по текущему счету; къ ней же стекаются вклады товариществъ. Прусская касса играетъ для цѣлыхъ союзовъ ту же роль, какую послѣдніе— для отдѣльныхъ товариществъ. Денежныя операціи центральной кассы съ товариществами достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ: общій оборотъ въ 1902 году равнялся 8.180.509.549 марокъ. Главными операціями были: пріемъ вкладовъ отъ союзовъ товариществъ и выдача ссудъ въ формѣ текущихъ счетовъ и вексельнаго учета.— Подобнымъ же устройствомъ обзавелись и французскіе земледѣльческіе синдикаты. Большая ихъ часть вошла въ составъ десяти областныхъ союзовъ, которые соединены въ „Центральный союзъ французскихъ синдикатовъ“, имѣющій пребываніе въ Парижѣ. Цѣль центральнаго союза—оптовая закупка всего, что нужно для отдѣльныхъ ассоціацій. Для облегченія же сбыта образовалось особое общество, такъ называемая „французская земледѣльческая унія“.

З е м л е д ѣ л ь ч е с к і е с и н д и к а т ы. Однимъ изъ самыхъ раннихъ и распространенныхъ родовъ кооперацій въ земледѣліи являются общества для закупки товаровъ, нужныхъ для этого промысла. Современное сельское хозяйство тѣсно связано съ рынкомъ. Въ былое время земледѣлецъ производилъ въ собственномъ хозяйствѣ и сѣмена, и орудія, и удобреніе, не говоря уже о скотѣ, который выращивался и откармливался въ предѣлахъ хозяйства. Измѣненія въ техникѣ, происшедшія въ теченіе послѣдней четверти вѣка, заставили добывать извнѣ большую часть предметовъ, изъ которыхъ состоитъ капиталъ земледѣльца. Мѣсто доморощеннаго плуга занялъ фабричный, мѣсто серпа или косы—жатвенная или косильная машина, вмѣсто обыкновенныхъ домашнихъ сѣмянъ—покупныя; въ особенности же все усиливающаяся роль минеральныхъ удобреній обусловила правильную и постоянную связь съ рынкомъ. Эта связь на первыхъ порахъ дорого доставалась крестьянину. Сѣмена, покупныя кормовыя средства, особенно же минеральныя удобренія, представляютъ собой темный товаръ, въ которомъ даже свѣдущему чело-

вѣку мудрено уберечься отъ обмановъ и на цѣнѣ, и на качествѣ. Стоитъ взять сообщенія хозяевъ лѣтъ за двадцать тому назадъ, даже изъ самыхъ просвѣщеныхъ частей Германіи, чтобы увидѣть, какъ трудно приходилось въ то время крестьянству. По словамъ основателя союза гессенскихъ закупочныхъ обществъ, Гааза, 25 лѣтъ тому назадъ на югѣ Германіи существовали цѣлыя фабрики, приготовлявшія сѣмена хлѣбныхъ растеній изъ глины, и эти фабрики дѣлали выгодныя дѣла. Подобнымъ же поддѣлкамъ подвергались удобренія; напримѣръ, костяная мука смѣшивалась съ пескомъ, въ селитру прибавляли каинитъ, суперфосфатъ окрашивали сажей и подъ видомъ настоящаго удобрительнаго матеріала продавали смѣсь, въ которой фосфорной кислоты было не больше 2—3 процентовъ [1]). Еще больше эксплуатировали малознающихъ покупателей на цѣнѣ. Земледѣлецъ находился во власти мѣстныхъ мелкихъ торговцевъ, а впослѣдствіи къ этому присоединилось вліяніе картелей, которые въ Германіи давно составились относительно главныхъ видовъ минеральныхъ удобреній. Извѣстно, напримѣръ, что почти всѣ заводы, изготовляющіе Томасову муку, входятъ въ составъ могущественнаго союза, который установляетъ цѣны по своему произволу.

Бороться единичными силами съ разнообразными видами эксплуатаціи въ торговлѣ мудрено уже по той причинѣ, что у мелкихъ хозяевъ нѣтъ ни знаній, ни средствъ, которыя необходимы для успѣха въ борьбѣ. Но то, что недоступно отдѣльному человѣку, становится осуществимымъ для цѣлаго союза. Ассоціаціи земледѣльцевъ, получившія названіе „сельскихъ потребительныхъ обществъ“, „закупочныхъ товариществъ“, „земледѣльческихъ синдикатовъ“, „консорціумовъ“, пріобрѣтаютъ въ большихъ количествахъ по оптовой цѣнѣ нужные въ хозяйствѣ предметы, и продаютъ ихъ членамъ въ розницу съ небольшой надбавкой на покрытіе расходовъ управленія. Особенно важно для земледѣльца, что ассоціаціи отпускаютъ товары съ гарантіей ихъ качества, напримѣръ, извѣстнаго содержанія удобрительныхъ веществъ въ минеральныхъ тукахъ, всхожести сѣмянъ, прочности и достоинства орудій; для этого ассоціаціи обыкновенно входятъ въ соглашеніе съ земледѣльческою опытной станціей, которая, по ихъ порученію, производитъ анализы. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ ассоціаціи, начинаетъ водворяться въ торговлѣ обычай

---

[1]) Das landwirthschaftliche Genossenschaftswesen im Grossherzogthum Hessen in den Jahren 1873—1898. S. 7.

продажи и оплаты удобреній по содержанію въ нихъ удобрительнаго вещества, напримѣръ, въ суперфосфатѣ или Томасовой мукѣ по содержанію растворимой фосфорной кислоты. Эта перемѣна въ способѣ продажи удобрительныхъ матеріаловъ по справедливости считается самымъ важнымъ успѣхомъ закупочныхъ обществъ. Лишь благодаря такой перемѣнѣ, земледѣлецъ можетъ быть увѣренъ, что онъ сыплетъ въ землю дѣйствительное удобреніе, а не безразличный порошокъ; только при этомъ условіи пропаганда улучшеній можетъ вестись съ открытыми глазами.

Не менѣе важно было установленіе настоящей цѣны. Минеральныя удобренія дороги; особенно они кажутся дорогими земледѣльцу при началѣ ихъ употребленія. Ассоціаціи сразу начали понижать цѣны уже по той одной причинѣ, что онѣ стали предъявлять спросъ крупными партіями. Какъ велико было это пониженіе цѣны, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. На юбилейномъ съѣздѣ гессенскихъ товариществъ (въ 1898 г.) было сообщено, что центнеръ суперфосфата (100 кил.) съ 17%-нымъ содержаніемъ фосфорной кислоты стоилъ въ Гессенѣ: въ 1874 году 17,3 марки, 1882 г.—11,9 мар., 1889 г.—7,8 мар., 1898 г.—5,3 мар. Такимъ образомъ, за двадцать пять лѣтъ цѣна суперфосфата понизилась болѣе, чѣмъ втрое [1]), Подобнымъ же образомъ за время между 1880 и 1897 годомъ чилійская селитра упала въ цѣнѣ съ 31,4 мар. до 14,9 мар., сѣрнокислый амміакъ—съ 38 мар. до 15,7 марокъ, костяная мука съ 16—17 марокъ—до 9,5 марокъ за 100 килограммовъ [2]). Конечно, въ отмѣченномъ пониженіи играло главную роль удешевленіе производства и перевозки, но не малую долю вліянія оказали и закупочныя товарищества.

Закупочныя товарищества имѣютъ широкое распространеніе. Въ Германіи, въ срединѣ 1904 года ихъ числилось 2.025. Эта цифра относится лишь къ обществамъ, устроеннымъ спеціально для совмѣстныхъ закупокъ, но, сверхъ того, множество товариществъ, учрежденныхъ съ другими цѣлями, принимаютъ на себя порученія по закупкѣ: таковы кредитные ферейны, товарищества по переработкѣ молока и по выдѣлкѣ вина, а также сельскохозяйственныя общества, распространенныя по всѣмъ угламъ Германіи. Выполненіе закупокъ не приспособленными къ тому спеціально организаціями становится возможнымъ лишь благодаря существованію центральныхъ закупочныхъ обществъ, которыя

---

[1]) Тамъ же. Прил. II. 2.

[2]) *Holdefleiss.* Die Preise der käuflichen Düngemittel in den letzten 25 Jahren. 1898.

снабжаютъ мелкія товарищества всѣми нужными имъ товарами, такъ что на ихъ долю остается лишь распредѣленіе послѣднихъ между отдѣльными покупателями. Въ какихъ размѣрахъ производятся въ Германіи закупки при помощи товариществъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Чрезъ центральныя кассы Имперскаго союза сельскохозяйственными товариществами было пріобрѣтено въ 1903 году 24.742.000 центнеровъ (75 мил. пуд.) разныхъ товаровъ, въ томъ числѣ 11.500.000 центн. (35 мил. пуд.) минеральныхъ удобреній, всего на сумму 57.000.000 марокъ Столь же крупны были обороты Нейвидскаго союза; его закупочное отдѣленіе съ филіальными агентствами пріобрѣло въ 1903 году товаровъ на 38.400.000 марокъ [1]). Какую силу представляютъ союзы нѣмецкихъ товариществъ, занимающихся закупками, видно изъ того, что они завели нѣсколько крупныхъ заводовъ химическихъ удобреній, а въ 1900 году скупили въ Чили значительную часть мѣстъ добыванія селитры. Когда въ 1898 году синдикатъ Томасовыхъ шлаковъ обнаружилъ намѣреніе поднять цѣны, то всѣ нѣмецкіе союзы, соединившись вмѣстѣ, потребовали пониженія, и синдикатъ долженъ былъ уступить, такъ какъ общій спросъ объединенныхъ союзовъ равнялся половинѣ всего производства Томасовой муки въ Германіи.

Родиной земледѣльческихъ синдикатовъ была, какъ мы видѣли, Германія, но особенный расцвѣтъ учрежденій этого рода пришелся на долю Франціи. Новое движеніе встрѣчало на первыхъ порахъ въ этой странѣ не малыя трудности: широко распространенная и издавна сложившаяся мелкая земельная частная собственность укрѣпила въ французскихъ крестьянахъ привычки индивидуальнаго хозяйствованія и отучила ихъ отъ всякихъ дѣйствій сообща. Задача убѣдить сельское населеніе въ выгодахъ совмѣстной дѣятельности выпала на долю образованныхъ землевладѣльцевъ, школьныхъ учителей, а въ особенности мѣстныхъ агрономовъ, департаментскихъ профессоровъ земледѣлія. Первый синдикатъ основанъ былъ въ 1883 году въ департаментѣ Луары и Шера профессоромъ Танвире. Цѣль ассоціаціи заключалась въ покупкѣ сообща минеральныхъ удобреній, чтобы добиться этимъ путемъ удешевленія цѣнъ и устраненія обмановъ при поставкахъ. Косвенная задача синдиката состояла въ облегченіи земледѣльцамъ выбора удобрительныхъ веществъ соотвѣтственно качествамъ почвы и требованіямъ различныхъ ра-

---

[1]) Свѣдѣнія о состояніи закупочныхъ товариществъ взяты изъ Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes für 1903—1904.

стеній. Моментъ былъ избранъ благопріятный, потому что нужда въ улучшеніи пріемовъ земледѣлія чувствовалась настоятельно, и въ сельскую среду уже начали проникать чрезъ школу и прессу слухи о возможности увеличить доходы хозяйства и уменьшить стоимость производства путемъ примѣненія минеральныхъ туковъ. Когда оказалось, что ассоціація, даже небольшая, какою она была вначалѣ, благодаря вызываемой ею конкурренціи между поставщиками удобреній и строгому контролю при пріемѣ товаровъ, въ состояніи обезпечить и сравнительно высокое качество, и возможно низкую цѣну удобреній, когда правильное примѣненіе туковъ, согласно совѣтамъ болѣе свѣдущихъ и опытныхъ членовъ ассоціаціи, удвоило прежніе сборы продуктовъ,— новое дѣло привлекло къ себѣ всеобщее довѣріе, и мѣстные хозяева бросились запасаться чрезъ ассоціацію химическими удобреніями. Къ этому времени подоспѣло изданіе закона о профессіональныхъ синдикатахъ 22 марта 1884 года. Интересно, что проектъ этого закона имѣлъ въ виду лишь промышленные синдикаты, и въ его текстѣ имѣлось слѣдующее опредѣленіе синдикатовъ: „синдикаты имѣютъ задачей изучать и защищать экономическіе, промышленные и торговые интересы“. При обсужденіи закона одинъ сенаторъ предложилъ дополнить это опредѣленіе словомъ: „сельскохозяйственные“. Прибавка была принята безъ возраженій, и одно лишнее слово оказало громадное вліяніе на судьбу новаго движенія. Законъ 1884 года, предоставивъ синдикатамъ права юридическаго лица, обезпечивъ за ними широкую свободу дѣйствій и гарантировавъ покровительство закона и государства, открывалъ широкія перспективы примѣненію коперативнаго начала. Извѣстно, какое могучее движеніе вызвалъ этотъ законъ среди ремесленниковъ и фабричнаго рабочаго класса, но нигдѣ, можетъ быть, его вліяніе не отразилось столь сильно, какъ въ области только что зарождавшихся земледѣльческихъ синдикатовъ.

Тотчасъ по изданіи закона, г. Танвире организовалъ „Синдикатъ земледѣльцевъ Луары и Шера“, который насчитываетъ теперь больше 4.000 членовъ. Удачный примѣръ быстро сталъ извѣстнымъ во Франціи и немедленно вызвалъ подражаніе. Вскорѣ возникли подобныя же учрежденія въ Орлеанѣ, въ Авиньонѣ, въ Полиньи; всѣ они устроены или мѣстными сельскохозяйственными обществами, или отдѣльными просвѣщенными дѣятелями по образцу вышеназваннаго перваго синдиката. Какъ скоро сдѣлалось возможнымъ ссылаться на цѣлый рядъ удачныхъ примѣровъ, иногда одной одушевленной лекціи на

мѣстѣ бывало достаточно, чтобы положить основаніе новому синдикату. Рокиньи, авторъ лучшаго сочиненія о французскихъ синдикатахъ, разсказываетъ, что директоръ одного земледѣльческаго журнала, переѣзжая съ мѣста на мѣсто и устраивая бесѣды, основалъ до сотни синдикатовъ. Въ настоящее время насчитывается во Франціи, по оффиціальной статистикѣ, до 2.500 синдикатовъ, въ которыхъ имѣется до 600.000 членовъ; но, по мнѣнію Рокиньи, эта цифра ниже дѣйствительной, истинное же число членовъ земледѣльческихъ синдикатовъ должно быть принято не менѣе, какъ въ 800.000 [1]).

Въ Италіи о синдикатахъ заговорили только во второй половинѣ 80-хъ годовъ, когда стали извѣстными результаты французскихъ организацій, и, кромѣ того, стала ясно ощущаться земледѣльцами потребность въ минеральныхъ удобреніяхъ, а также въ химическихъ веществахъ для борьбы съ виноградными паразитами. Первый правильный синдикатъ учредился въ 1889 году въ Туринѣ, а вскорѣ затѣмъ въ Падуѣ, по точному образцу французскихъ ассоціацій этого рода. Устройство синдикатовъ пошло въ особенности живо съ тѣхъ поръ, какъ была основана въ Пьяченцѣ федерація итальянскихъ земледѣльческихъ синдикатовъ. Это учрежденіе, предназначенное, главнымъ образомъ, для удобнѣйшаго выполненія оптовыхъ закупокъ, поставило, между прочимъ, себѣ цѣлью пропаганду земледѣльческихъ ассоціацій и ведетъ ее настолько успѣшно, что теперь вся сѣверная и средняя Италія покрыты земледѣльческими синдикатами. Главную роль въ учрежденіи синдикатовъ играютъ профессоры странствующихъ кафедръ; кромѣ нихъ, въ ряду учредителей синдикатовъ постоянно фигурируютъ учителя, врачи, адвокаты, чиновники и т. п. Въ отличіе отъ прочихъ странъ, Италія особенно выдвинула въ своихъ земледѣльческихъ синдикатахъ задачу распространенія спеціальныхъ знаній. Эта задача достигается при помощи тѣсной связи странствующихъ каѳедръ съ синдикатами. Странствующій профессоръ не могъ не убѣдиться, что его проповѣдь— гласъ вопіющаго въ пустынѣ, пока у земледѣльцевъ нѣтъ подъ руками тѣхъ удобреній, сѣмянъ, орудій, которыя онъ рекомендуетъ. Онъ не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ обмановъ, которые приходилось терпѣть отъ торговцевъ крестьянамъ, рѣшившимся послушаться его совѣтовъ. Профессоры странствующихъ каѳедръ естественно стали стремиться заводить новые синдикаты или вступать въ сношенія съ уже существующими.

[1]) *Rocquigny*, Les Syndicats Agricoles et leur oeuvre. Paris, 1900, p. 50.

Съ своей стороны, синдикаты нуждались въ помощи свѣдущаго лица, которое руководило бы заказами ихъ кліентовъ, указывая. что именно нужнѣе всего при данныхъ обстоятельствахъ. Оттого директоръ каѳедры въ Италіи очень часто является и директоромъ синдиката; тамъ же, гдѣ такого соединенія нѣтъ, онъ участвуетъ въ управленіи въ качествѣ члена совѣта.

Образовательныя цѣли синдиката достигаются уже самымъ фактомъ соединенія его съ каѳедрою не только въ лицѣ директора, но и въ видѣ помѣщенія въ одномъ и томъ же зданіи. Явившись въ складъ за покупкой, земледѣлецъ пользуется указаніями находящагося тутъ же профессора. И самъ профессоръ, и его помощники, завѣдующіе складомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ слѣдятъ за тѣмъ, чтобы земледѣльцу попало въ руки именно то, что всего больше подходитъ къ его хозяйству и всего вѣрнѣе принесетъ выгоду. Синдикатъ оказываетъ матеріальную поддержку просвѣтительнымъ начинаніямъ каѳедры; онъ предоставляетъ безплатно сѣмена и минеральныя удобренія для опытныхъ и показательныхъ полей, участвуетъ въ мѣстныхъ конкурсахъ, и выставкахъ и т. п.; словомъ, синдикатъ при содѣйствіи профессора пользуется всякимъ случаемъ, чтобы возбудить въ окружающемъ населеніи интересъ къ новымъ пріемамъ и затѣмъ помочь примѣненію ихъ на дѣлѣ [1]).

Ссудныя товарищества. Опытъ Западной Европы показываетъ, что для быстраго прогресса сельскохозяйственной техники въ средѣ мелкихъ земледѣльцевъ необходимы склады нужныхъ въ хозяйствѣ матеріаловъ и орудій. Положимъ, въ данной мѣстности, подъ вліяніемъ книгъ или встрѣченныхъ образцовъ, или пропаганды спеціалиста-агронома, возникаетъ желаніе испробовать посѣвъ травъ съ минеральными удобреніями. Такое намѣреніе немедленно перейдетъ въ исполненіе, если представится случай тутъ же, на мѣстѣ, найти сѣмена травъ и минеральные туки съ гарантіей ихъ достоинства и настоящей цѣны, или же затормозится при невозможности разыскать вблизи требующіеся сорта сѣмянъ и удобреній и уберечься отъ обмана на ихъ качествѣ и стоимости. Это требованіе, какъ мы видѣли выше, удовлетворяется кооперативными учрежденіями, извѣстными подъ

---

[1]) Интересныя подробности объ устройствѣ и дѣятельности итальянскихъ синдикатовъ можно найти въ изданіи федераціи синдикатовъ: Annuario dei consorzi agrari italiani. Piacenza, 1900.

именемъ закупочныхъ обществъ или земледѣльческихъ синдикатовъ. Выдвинутая въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ синдикатная форма кооперацiи принесла мелкому земледѣлію неисчислимыя выгоды и помогла ему выдержать бремя кризиса. Однако, одно устройство склада орудій, сѣмянъ и туковъ еще не даетъ ручательства, что всѣ эти предметы пойдутъ въ ходъ. У нуждающихся въ нихъ лицъ можетъ не найтись средствъ для покупки, а потому земледѣльцы, при всемъ сочувствіи полезнымъ нововведеніямъ, не будутъ въ силахъ провести ихъ въ жизнь. Это обстоятельство невольно приводитъ къ вопросу о снабженіи мелкаго хозяйства необходимыми ему капиталами при помощи кредита. Безъ устройства доступнаго народу кредита нечего и думать объ успѣшномъ осуществленіи крупныхъ перемѣнъ въ земледѣліи. Въ послѣдней четверти XIX-го вѣка кооперація совершила истинныя чудеса и по этой части.

Когда заходитъ рѣчь о доставленіи капиталовъ мелкому земледѣлію, имѣется въ виду, главнымъ образомъ, производительный кредитъ. Производительнымъ кредитомъ называется передача однимъ лицомъ (кредиторомъ) другому (должнику) капитала съ цѣлью дать этому капиталу приложеніе въ предпріятіи заемщика. Кредитъ есть, прежде всего, круговращеніе капитала въ чужомъ предпріятіи. Часть прибавочной стоимости, созданная при такомъ круговращеніи, поступаетъ въ видѣ процента на капиталъ въ пользу кредитора, другая же часть остается заемщику, какъ прибыль предпринимателя.

Долгое время и въ теоріи, и въ практикѣ господствовало мнѣніе, что единственною основною кредитоспособности служитъ обладаніе имуществомъ: у кого не было достатка, могущаго обезпечить ссуду, тотъ признавался неблагонадежнымъ относительно ея возврата. Оттого считалось, что кредитъ людямъ, не имѣющимъ ничего, кромѣ рабочей силы, можетъ быть построенъ только на благотворительномъ началѣ. Но болѣе внимательный анализъ кредитной сдѣлки показалъ, что такія понятія основаны на недоразумѣніи. При заключеніи кредитной сдѣлки весь вопросъ сводится къ тому, способно ли предпріятіе, для котораго занимается капиталъ, воспроизвести его съ извѣстною прибылью. Если существуетъ твердое основаніе думать, что предпріятіе возстановитъ въ заключеніи производительнаго процесса ссуженный капиталъ, то такое предпріятіе должно считаться и считается кредитоспособнымъ, хотя бы у его хозяина не имѣлось не только имущества, равнаго по размѣру ссужаемому капиталу, но даже никакого имущества. Условія правильнаго воспроизведенія капи-

тала заключаются частью въ свойствахъ предпріятія, частью въ качествахъ заемщика; но если они на-лицо, то кредитоспособность предпріятія не можетъ подвергаться сомнѣнію. Въ этомъ случаѣ самый фактъ затраты капитала создаетъ источникъ для оплаты долга. Какъ обезпечить, чтобы полученный капиталъ правильно возстановлялся и попадалъ обратно къ кредитору въ условленный срокъ,—это рѣшаетъ организація народнаго, кредита, нынѣ во всѣхъ подробностяхъ выработанная многолѣтнимъ опытомъ [1]).

Организація мелкаго земледѣльческаго кредита основана на примѣненіи кооперативнаго принципа. Если группа мелкихъ заемщиковъ, ведущихъ жизнеспособныя предпріятія, обяжется нести круговую отвѣтственность за цѣлость и исправный возвратъ занятыхъ на сторонѣ капиталовъ, то кредиторъ можетъ съ полною безопасностью ссудить ей свои средства, хотя у должниковъ не имѣется никакого вещественнаго обезпеченія. Каждый предприниматель въ отдѣльности можетъ потерпѣть неудачу или подвергнуться несчастію, но, если дѣло идетъ о правильно поставленной отрасли производства, всѣ предпріятія никогда не могутъ разориться; испытаетъ неудачу лишь нѣкоторая ихъ часть. Оттого, въ цѣломъ, воспроизведеніе капитала всей подобной группы имѣетъ устойчивый характеръ. Если изъ регулярныхъ взносовъ отдѣльныхъ заемщиковъ образовать особый резервный фондъ, то убытки могутъ покрываться изъ него, и платежная способность всей совокупности предпринимателей-заемщиковъ, объединенныхъ въ товариществѣ, будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. Такія учрежденія мелкаго кредита могутъ вполнѣ гарантировать своимъ заимодавцамъ цѣлость ихъ вкладовъ, а это даетъ возможность легко привлекать со стороны свободные капиталы.

Какимъ же образомъ товарищества могутъ обезпечивать правильное воспроизведеніе капитала въ средѣ своихъ членовъ? Прежде всего—путемъ строгаго выбора членовъ. Въ товарищества допускаются лишь лица, ведущія жизнеспособныя предпріятія, а чтобы можно было безошибочно судить объ этомъ, въ кругу одного товарищества объединяются люди, знакомые другъ другу, связанные или единствомъ занятій, или сосѣдствомъ. Въ извѣстномъ по своему широкому распространенію въ Германіи рай-

[1]) Подробное теоретическое и историческое обоснованіе изложенныхъ взглядовъ на существо кредита и основанія кредитоспособности можно найти въ замѣчательномъ трудѣ проф. В. А. Косинскаго „Учрежденія мелкаго кредита въ Германіи“. Москва, 1901 г.

фейзенскомъ типѣ кредитныхъ товариществъ принято за правило ограничивать ихъ предѣлами самыхъ тѣсныхъ районовъ, напримѣръ, одной общины, въ тѣхъ именно видахъ, чтобы обезпечить освѣдомленность членовъ относительно другъ друга. Та же цѣль достигается выборомъ правленія изъ лицъ, близко знакомыхъ съ предпріятіями кліентовъ, требованіемъ, чтобы ссуды выдавались лишь для производства и, наконецъ, возложеніемъ на правленіе обязанности наблюдать за цѣлесообразнымъ употребленіемъ должниками занятыхъ средствъ.

Изложенная простая организація оказалась совершенно достаточной для того, чтобы создать притокъ капиталовъ къ городскимъ ремесламъ и промысламъ. Тамъ она широко распространилась еще въ срединѣ XIX-го вѣка, но въ сельскихъ округахъ она прививалась медленно. Однако въ концѣ прошлаго вѣка она получила могучее и совершенно неожиданное развитіе именно въ средѣ мелкихъ земледѣльцевъ. Причина безпримѣрнаго успѣха кредитной коопераціи въ деревнѣ заключалась въ тѣхъ преобразованіяхъ, которыя испытало тогда сельское хозяйство. Пока земледѣльческая промышленность велась рутиннымъ образомъ, едва покрывая скудныя затраты и полуголодное существованіе земледѣльца, посторонніе капиталы чуждались деревни: ихъ владѣльцы опасались потерять свои средства при первомъ неурожаѣ. Все это измѣнилось, когда въ сельскую среду проникъ духъ прогресса, и воспринятіе новыхъ пріемовъ хозяйствованія превратило земледѣльческій промыселъ изъ бездоходнаго въ прибыльный. Если, разсыпавъ на вашемъ участкѣ мѣшокъ суперфосфата, вы можете получить двойной, противъ прежняго, доходъ, то вамъ не страшно занять, а торговцу суперфосфатомъ дать взаймы этотъ капиталъ, такъ какъ уже самый фактъ затраты послѣдняго улучшаетъ положеніе заемщика и создаетъ фондъ для уплаты капитала и процентовъ.

Современное развитіе сельскаго кредита, имѣло своимъ базисомъ преобразованія въ земледѣліи, но ближайшимъ толчкомъ для него послужило такое устройство кредитныхъ операцій, которое обезпечивало производительное и цѣлесообразное употребленіе капиталовъ. Мелкому хозяину всего нужнѣе краткосрочный кредитъ на покупку сѣмянъ, удобреній, орудій, скота. Крупному земледѣльцу нуженъ еще капиталъ на наемъ рабочихъ; крестьянинъ же самъ, съ своей семьей, поставляетъ большую часть необходимаго труда, и потому его потребность въ кредитѣ для нуждъ хозяйства ограничивается расходомъ на только-что поименованные предметы. Расходъ этотъ при раціональномъ веденіи хо-

зяйства—немалый и притомъ постепенно увеличивающійся по мѣрѣ возрастанія интенсивности земледѣльческихъ системъ; но этотъ значительный расходъ не страшенъ, потому что онъ окупается тѣмъ съ большимъ избыткомъ, чѣмъ прогрессивнѣе становится земледѣліе [1]). Чтобы предоставить въ распоряженіе земледѣльца оборотныя средства путемъ кредита, нужно имѣть увѣренность въ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, въ томъ, что ссуда пойдетъ на производительное назначеніе, и, во-вторыхъ,—что производительная по своей цѣли затрата будетъ сдѣлана раціонально и, слѣдовательно, возвритится въ продуктѣ. Эта цѣль достигается особенно удобно, когда кредиторъ, въ данномъ случаѣ кредитное товарищество, выдаетъ ссуды не деньгами, а натурой, т. е. сѣменами, удобреніями, скотомъ, или же вступаетъ въ соглашеніе со складомъ, которому оно оплачиваетъ товары этого рода, отпущенные его членамъ. Первая форма, — выдача ссуды нужными земледѣльцу товарами, въ большомъ ходу въ райфейзенскихъ кредитныхъ товариществахъ въ Германіи, которыя, большею частью, наряду съ кредитованіемъ членовъ принимаютъ на себя снабженіе ихъ нужными товарами, т. е. выполняютъ функціи синдикатовъ; вторая форма распространена особенно во Франціи и Италіи, гдѣ наряду съ кредитными товариществами существуютъ отдѣльные отъ нихъ синдикаты. Наибольшаго совершенства эта послѣдняя форма достигла въ Италіи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ заведены странствующія каѳедры и при нихъ синдикаты, и гдѣ, съ другой стороны, имѣются сильные народные банки. Посмотримъ, какъ слагаются въ Италіи кредитныя операціи съ земледѣльцами [2]).

Банкъ входитъ въ соглашеніе съ синдикатомъ и съ профессоромъ. Земледѣлецъ пріобрѣтаетъ рекомендованныя профессоромъ сѣмена, удобренія или орудія въ складѣ синдиката, уплачиваетъ же за нихъ при помощи займа въ банкѣ, —

---

[1]) Увеличеніе земельнаго дохода при помощи постепенно увеличивающихся затратъ труда и капитала не безгранично: по достиженіи извѣстнаго предѣла интенсивности хозяйства вступаетъ въ дѣйствіе такъ называемый „законъ убывающей выручки отъ земли“, въ силу котораго равныя затраты начинаютъ приносить все меньшіе и меньшіе доходы. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе этого сложнаго вопроса, мы замѣтимъ лишь, что названный предѣлъ постепенно повышается съ успѣхами земледѣльческой техники и при нынѣшнемъ состояніи послѣдней настолько высокъ, что большинству хозяйствъ даже въ Западной Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, практически не приходится пока считаться съ нимъ.

[2]) Описаніе извлечено изъ статьи автора въ *„Русскихъ Вѣдомостяхъ“* за 1900 г., № 340.

займа, который не поступаетъ въ его руки, а записывается банкомъ прямо на кредитъ синдиката. При такомъ порядкѣ, банкъ имѣетъ всѣ гарантіи исправной уплаты по ссудѣ. Личныя достоинства заемщика, его интеллигентность добросовѣстность, аккуратность удостовѣряются синдикатомъ; самая форма займа служитъ ручательствомъ, что онъ пойдетъ на производительное назначеніе. Но этого мало. Такъ какъ предполагаемая затрата, напримѣръ, родъ и количество удобреній, одобрена спеціалистомъ-профессоромъ, то банкъ имѣетъ полную увѣренность, что она будетъ сдѣлана раціонально и, возвысивъ доходъ поля, дастъ въ свое время земледѣльцу возможность вернуть ссуду банку. Нечего и говорить, что подобная комбинація является выгодною не для однихъ только банковъ, которымъ она создаетъ надежныхъ кліентовъ, но въ еще большей степени для земледѣльческихъ синдикатовъ и для самихъ заемщиковъ, доставляя первымъ возможность расширенія ихъ дѣятельности, а для послѣднихъ являясь нерѣдко единственнымъ способомъ выбиться изъ нужды и достигнуть благосостоянія. Съ перваго же взгляда видно, что истинной движущей силою во всемъ этомъ механизмѣ является работа профессора странствующей каѳедры, какъ это ясно сознаютъ и сами итальянскіе спеціалисты. Основою для кредита служитъ распространеніе техническихъ знаній, раціональной земледѣльческой практики, являющейся результатомъ дѣятельности профессора. Благонадежность каждой кредитной сдѣлки обезпечивается удостовѣреніемъ профессора въ томъ, что пріобрѣтенный при ея помощи капиталъ будетъ цѣлесообразно и съ выгодою вложенъ въ землю. Движеніе земледѣльческаго прогресса, осуществляемое при помощи каѳедры, является, такимъ образомъ, реальной почвой, на которой создается прочное зданіе сельскаго кредита.

Описанное соглашеніе кредитныхъ учрежденій съ синдикатомъ при посредствѣ каѳедръ осуществляется въ разныхъ формахъ, при чемъ съ теченіемъ времени формы эти все болѣе упрощаются и совершенствуются. Обычный и первоначальный типъ сдѣлки съ банкомъ состоитъ въ выдачѣ заемщикомъ банку векселя въ уплату за товары, забираемые въ складѣ синдиката. Уже въ первое время кредитныя учрежденія, высоко цѣня гарантіи, доставляемыя участіемъ синдиката въ ссудѣ, соглашались дѣлать для земледѣльцевъ нѣкоторыя льготы, именно, нѣсколько понижали учетный процентъ и, что было особенно важно, выдавали ссуды на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ въ обычномъ коммерческомъ кредитѣ. Важнымъ усовершенствованіемъ было

примѣненіе текущаго счета. Членъ синдиката вручаетъ банку вексель на всю стоимость нужныхъ ему въ теченіе года товаровъ и получаетъ книжку текущаго счета, по которой онъ забираетъ у синдиката товары, когда хочетъ, равно какъ и платитъ въ банкъ, когда ему удобнѣе. Этимъ способомъ членъ синдиката избавляется отъ необходимости при каждой покупкѣ ходатайствовать передъ банкомъ о ссудѣ, подписывать вексель и заботиться объ уплатѣ векселя въ опредѣленный срокъ.

Опытъ синдикатовъ показалъ, что для земледѣльцевъ представляетъ особеныя неудобства вторая подпись на векселѣ. Многіе, даже наиболѣе солидные хозяева соглашаются лучше переплатить на товарѣ у частнаго торговца, довольствующагося однимъ личнымъ обязательствомъ должника, нежели одолжаться предъ тѣми лицами, которыя согласятся поставить вторую подпись на векселѣ. Убѣдившись на основаніи многолѣтняго опыта въ полной благонадежности ссудъ чрезъ посредство синдикатовъ, банки стали удовлетворяться одной подписью заемщика по подобнымъ ссудамъ, сначала прилагая эту льготу къ особенно мелкимъ кредитамъ, напримѣръ, до 200 лиръ (въ Падуанскомъ синдикатѣ и тамошнемъ банкѣ), а потомъ распространяя ее и на ссуды большихъ размѣровъ. Очень удобную, упрощенную форму для подобныхъ ссудъ придумалъ въ послѣдніе годы Болонскій синдикатъ по соглашенію съ тамошнимъ народнымъ банкомъ. Должникъ, получая товары изъ синдиката, подписываетъ фактуру съ обозначеніемъ времени предполагаемой имъ уплаты, а синдикатъ представляетъ эту фактуру къ учету въ банкъ. По уставу синдиката, кредитъ въ этой формѣ можетъ быть оказанъ члену его на срокъ не долѣе шести мѣсяцевъ и притомъ лишь въ суммѣ строго необходимой для веденія его земледѣльческаго хозяйства, съ полнымъ исключеніемъ какихъ бы то ни было коммерческихъ операцій [1]. — Однако, на кредитованіе синдикатовъ подъ документы за одною подписью должника соглашаются далеко не всѣ итальянскіе банки, и потому среди синдикатовъ все больше и больше распространяется мысль о возможности и необходимости замѣнить вторую подпись на векселѣ земледѣльца формальнымъ поручительствомъ синдиката передъ банкомъ за своихъ членовъ. При этомъ условіи кредитъ членовъ синдиката въ любомъ изъ банковъ будетъ неограниченнымъ, а между тѣмъ

---

[1]) Правила о кредитованіи подъ фактуры, равно какъ свѣдѣнія о ссудахъ за одной подписью въ Падуанскомъ синдикатѣ, взяты изъ книги проф. *Ghino Valenti*, Cooperazione rurale, 1902, p. 412, 413.

для синдикатовъ подобное поручительство не представляетъ риска, такъ какъ до сихъ поръ не было примѣровъ неуплаты по ссудамъ, оказаннымъ какъ самими синдикатами непосредственно, такъ и при помощи банковъ.

Устройство изложенныхъ простыхъ комбинацій окрылило дѣло сельскаго кредита и быстро двинуло впередъ раціональныя улучшенія въ итальянскомъ мелкомъ земледѣліи. Тогда какъ при рутинномъ малодоходномъ хозяйствѣ даже исключительно льготный кредитъ, убыточный для банковъ, разоряетъ заемщика, прогрессивное, высоко-прибыльное земледѣліе вполнѣ окупаетъ капиталы, притекающіе къ нему на обычныхъ условіяхъ рынка, безъ всякихъ милостей со стороны кого бы то ни было. Въ тѣхъ мѣстностяхъ сѣверной Италіи, гдѣ пронеслось оживляющее дыханіе этой реформы, земледѣльцы съ гордостью заявляли на конгрессахъ, что они не нуждаются ни въ какихъ подачкахъ, такъ какъ и безъ того могутъ доставать въ любомъ количествѣ требующіеся капиталы. И дѣйствительно, кредитныя учрежденія скоро поняли, что выдача ссудъ земледѣльцамъ чрезъ посредство синдикатовъ и при участіи каѳедръ есть не только доброе дѣло, но и выгодная афера. Операціи этого рода стали быстро расширяться, разливая капиталы по всѣмъ самымъ глухимъ угламъ страны. Одни итальянскіе народные банки выдали въ 1898 году сельскимъ хозяевамъ ссудъ въ разныхъ формахъ, между прочимъ и въ описанной, на сумму болѣе 100 милл. лиръ [1]). Но къ этой цифрѣ нужно еще прибавить ссуды изъ крупныхъ частныхъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, сельскихъ кассъ и т. д. Благодаря широкому кредиту, операціи синдикатовъ съ удобреніями, сѣменами, средствами противъ болѣзней винограда, растутъ не по днямъ, а по часамъ, удваиваются и утраиваются въ одинъ годъ, удесятеряются въ три-четыре года.

Еще бо́льшіе успѣхи, чѣмъ въ Италіи, сдѣлалъ сельскій кредитъ въ Германіи. Тамъ въ 1904 году существовало 12.477 ссудныхъ товариществъ, изъ которыхъ 98,5% были объединены въ союзы. Самый крупный изъ этихъ союзовъ Имперскій, прежде—Всеобщій) имѣлъ въ своемъ составѣ въ 1903 году 6.097 ссудныхъ товариществъ съ 506.069 членами. Собственный капиталъ этихъ кредитныхъ учрежденій равнялся всего 26,5 милл. марокъ, а между тѣмъ имъ удалось привлечь со стороны 594

[1]) Banche popolari, Anno 1898. (Ministero di Agricoltura, Industria e Commercia). Roma, 1900, p. LV.

милл. марокъ, т. е. въ 22 раза больше. Кредитовъ было оказано членамъ къ началу 1903 года 526 милл. марокъ, въ томъ числѣ 362 милл. на опредѣленные сроки и 164 милл. марокъ по текущему счету. Откуда же брались средства для такого громаднаго оборота? По сообщенію отчета, въ 1902 году притекло изъ мѣстныхъ источниковъ (не считая позаимствованій изъ другихъ банковъ) 476 милл. марокъ, такъ что потребность членовъ въ кредитѣ почти покрывалась мѣстными средствами [1]). Другой крупный союзъ, Нейвидскій, объединялъ къ началу 1903 года 3.375 ссудныхъ товариществъ. Въ немъ собственныхъ капиталовъ сравнительно еще меньше, нежели во Всеобщемъ,—именно, лишь 4.₂ милліоновъ марокъ, тогда какъ сумма посторонних вкладовъ равнялась въ концѣ 1902 года 280 милл. марокъ, т. е. почти въ 55 разъ превышала собственныя средства. Цифра выданныхъ ссудъ къ концу 1902 года равнялась 167 милл. марокъ. Наибольшее количество ссудъ было выдано по четыре съ половиной процента и очень много по четыре процента [2]). Такимъ образомъ, благодаря образцовой организаціи кредита, мелкій земледѣлецъ въ Германіи имѣетъ теперь возможность получать капиталъ дешевле, чѣмъ добываетъ его крупный землевладѣлецъ и даже коммерсантъ. И все это сдѣлалось за какія-нибудь двѣнадцать, пятнадцать лѣтъ. Приливъ капиталовъ къ сельскимъ кредитнымъ учрежденіямъ не только не былъ поколебленъ, но даже какъ будто поощренъ послѣднимъ кризисомъ. Послѣ паденія нѣсколькихъ крупныхъ частныхъ банковъ, многіе вкладчики стали охотнѣе ввѣрять свои средства товарищескимъ предпріятіямъ. Теперь, по заявленіямъ руководителей, товариществамъ приходится бороться не съ недостаткомъ, а съ чрезмѣрнымъ изобиліемъ денегъ, для которыхъ трудно найти достаточно надежныя и выгодныя помѣщенія. Какъ ни обиленъ притокъ капиталовъ къ сельскимъ кредитнымъ учрежденіямъ въ Германіи, но несомнѣнно, что имъ предстоитъ въ будущемъ еще болѣе широкое развитіе. Оборотныя средства сельскихъ товариществъ незначительны по сравненію съ тѣми колоссальными суммами, которыя стекаются въ сберегательныя кассы. Къ началу 1902 года въ Германской Имперіи имѣлось 15.432.211 вкладчиковъ, которыми было внесено въ сберегательныя кассы девять съ половиной милліардовъ марокъ (9.552.127.000 [3]). Это такой неисчерпаемый

[1]) Jahrbuch des Reichsverbandes der deutschen landwirtschaftlichen Genossenschaften für 1903. S. 151—165.

[2]) Jahresbericht 1903 der Neuwieder Raiffeisen-Organisation. S. II

[3]) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1904. S. 189.

запасъ свободныхъ капиталовъ, собранныхъ отъ мелкаго люда, что у сельскаго кредита, при правильной его постановкѣ, никогда не можетъ оказаться недостатка въ средствахъ.

VI.

Кооперація въ сельскохозяйственномъ производствѣ: машинныя товарищества скотоводческія товарищества; контрольныя товарищества. — Кооперація въ переработкѣ продуктовъ: кооперативное маслодѣліе и сывареніе; товарищества винодѣловъ; товарищеская переработка овощей, плодовъ и ягодъ; кооперативныя заводскія производства.—Кооперація въ сбытѣ: товарищества по торговлѣ яйцами; кооперативный сбытъ мяса; товарищеская организація хлѣбной торговли.—Сельскохозяйственныя общества; ихъ значеніе, устройство и распространеніе въ Германіи.

Мы довольно подробно описали два главные вида сельскохозяйственныхъ товариществъ, занимающіе во всѣхъ странахъ первое мѣсто и по числу предпріятій, и по количеству участниковъ; но на ряду съ этими основными видами есть еще множество другихъ, не столь распространенныхъ, но не менѣе важныхъ. Возьмемъ ли мы самый процессъ сельскохозяйственнаго производства въ разныхъ его отрасляхъ, или же техническую переработку его продуктовъ, или, наконецъ, сбытъ послѣднихъ,—вездѣ соединеніе мелкихъ земледѣльцевъ даетъ возможность придать дѣлу такую постановку, которая безъ того была бы доступна лишь крупнымъ производителямъ.

Кооперація въ производствѣ. Основное преимущество крупнаго земледѣльческаго хозяйства, которое, особенно бьетъ въ глаза при сравненіи его съ мелкимъ, заключается въ возможности примѣнять въ производствѣ разнаго рода машины, сберегающія трудъ и улучшающія продуктъ. Мы уже упоминали раньше, что обзаведеніе многими изъ машинъ облегчается сельскохозяйственными синдикатами и закупочными товариществами. При помощи этихъ организацій орудія и недорогія машины стали доступными мелкому хозяйству на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они попадаютъ къ крупному. Но есть не мало сельскохозяйственныхъ машинъ, которыя не подъ силу небольшому предпріятію и не могутъ быть имъ вполнѣ использованы; таковы, напримѣръ, локомобили, паровыя молотилки, рядовыя сѣялки, усовершенствованныя сортировки и пр. Кооперація и здѣсь, какъ въ прочихъ подобныхъ случаяхъ, является на выручку, и притомъ въ двухъ видахъ. Во-первыхъ, сплошь и рядомъ товарищества, уже раньше описанныя, закупочныя и кредитныя,

пріобрѣтаютъ дорогія машины и отдаютъ ихъ во временное пользованіе своимъ членамъ за опредѣленную невысокую плату. Такъ поступаютъ обычно во Франціи и въ Италіи земледѣльческіе синдикаты: отдача на прокатъ цѣнныхъ машинъ, напримѣръ, хорошихъ сортировокъ и винныхъ прессовъ, составляетъ ихъ заурядную операцію. Подобнымъ же образомъ въ Германіи нѣкоторыя ссудныя товарищества, въ особенности райфейзенскаго типа, пріобрѣтаютъ рядовыя сѣялки, сортировки, косилки и пр. и даютъ ихъ въ наемъ членамъ [1]). Другую форму обзаведенія цѣнными орудіями представляютъ спеціальныя машинныя товарищества. Идея и устройство такихъ товариществъ очень просты: нѣсколько хозяевъ въ складчину покупаютъ дорогую машину, часто въ кредитъ подъ общей отвѣтственностью, и пользуются ею сообща въ порядкѣ, опредѣляемомъ по взаимному соглашенію. Такія товарищества особенно распространены въ Германіи и всего больше въ Баваріи. По отчету Имперскаго Союза за 1904 годъ отмѣчено для всей Германіи 100 товариществъ для паровой молотьбы и, сверхъ того, 22 товарищества для пользованія паровымъ плугомъ и другими машинами. Но отчетъ исчисляетъ лишь предпріятія, законно-оформленныя и внесенныя въ списки, а между тѣмъ существуетъ несравненно большее число соединеній, которыя не желаютъ или еще не успѣли выполнить формальности, установленныя закономъ. Такъ, въ Баваріи существовало въ 1902 году 683 товарищества для молотьбы (съ 16.000 членами), изъ которыхъ только 93 были внесены въ списки. Вообще въ Баваріи къ концу 1902 года находилось во владѣніи разнаго рода товариществъ и союзовъ 2.969 сельскохозяйственныхъ машинъ [2]). Сильно распространены подобныя товарищества въ Швейцаріи, главнымъ образомъ, для совмѣстнаго обзаведенія локомобилями и молотилками.

Скотоводство всегда представляло сильную сторону крупныхъ хозяйствъ. Большія имѣнія располагаютъ средствами обзаводиться скотомъ лучшихъ породъ и обезпечивать ему раціональное, содержаніе и уходъ. Устройство скотоводческихъ обществъ

---

[1]) Интересный примѣръ отдачи рядовыхъ сѣялокъ на прокатъ въ мѣстности съ крайне раздробленнымъ землевладѣніемъ описанъ у Давида въ цитированномъ выше сочиненіи (стр. 596), на основаніи сообщенія Силезской сельскохозяйственной газеты.—Въ Баваріи въ 1902 году ссуднымъ товариществамъ принадлежало 100 молотилокъ съ механическими двигателями и болѣе 1.600 другихъ машинъ. Die Massnahmen auf dem Gebiete der landwirtschaftlichen Verwaltung in Bayern 1897—1903. S. 86—87.

[2]) Тамъ же, 87.

или товариществъ стремится, по возможности, сравнять въ этомъ отношенiи мелкихъ владѣльцевъ съ крупными. Въ Германiи такiя общества (Zuchtgenossenschaften, Züchtervereinigungen) появились еще въ 60-хъ годахъ, но сильно пошли въ ходъ съ 1887 года, подъ влiянiемъ знаменитыхъ выставокъ, ежегодно устраиваемыхъ Германскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства. Члены товарищества сообща прiобрѣтаютъ племенныхъ животныхъ, ведутъ списки лучшихъ особей и ихъ потомства, поощряютъ соревнованiе мѣстными выставками и премiями и заботятся о выгодномъ сбытѣ. Дѣло товариществъ особенно двинулось съ тѣхъ поръ, какъ они стали соединяться въ крупные союзы, которые по большей части ставятъ себѣ цѣлью разводить и совершенствовать извѣстныя породы животныхъ, специально подходящiя къ мѣстнымъ условiямъ. Такъ, напримѣръ, въ Баварiи существуютъ: союзъ для разведенiя одноцвѣтнаго Альпiйскаго горнаго скота, союзъ для Пинцгаускаго скота и др.; въ Саксонiи—союзъ для разведенiя Мейсенскихъ свиней и т. д. По статистикѣ Германскаго Общества сельскаго хозяйства, въ 1901 году насчитывалось 851 скотоводческое общество, но на самомъ дѣлѣ ихъ гораздо больше. По новѣйшимъ свѣдѣнiямъ, въ одной Баварiи имѣется 657 такихъ обществъ, въ Баденѣ—563 съ 7.500 членами. Очень богата скотоводческими обществами Швейцарiя, гдѣ въ 1903 году ихъ было 460 [1]).

Особый видъ кооперативныхъ предпрiятiй по улучшенiю скота представляютъ, такъ называемыя, контрольныя товарищества. Эта совсѣмъ новая отрасль ассоцiацiй возникла въ Данiи. Для правильнаго веденiя молочнаго хозяйства важно съ точностью опредѣлять, какъ оплачиваетъ кормъ каждая корова, съ тѣмъ чтобы держать и размножать только тѣ изъ нихъ, которыя даютъ удовлетворительный доходъ. Такъ какъ у мелкаго земледѣльца обыкновенно не хватаетъ для этого времени, а часто и знанiй, то двумъ датскимъ специалистамъ пришла въ 1895 году мысль помочь хозяевамъ посредствомъ особаго рода товарищества, которое было ими названо „контрольнымъ". Для выполненiя работъ по надзору было приглашено специально къ тому подготовленное лицо,—„ассистентъ". „Ассистентъ" посѣщаетъ разъ въ двѣ недѣли каждый скотный дворъ, входящiй въ составъ това-

---

[1]) Цифры взяты: для всей Германiи изъ Arbeiten der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. H. 66. Die Züchter-Vereinigungen im Deutschem Reiche; для Баварiи—Die Massnahmen auf dem Gebiete der landw. Verwaltung in Bayern 1897—1903, 206; для Бадена—Statistisches Jahrbuch fur das Grossh. Baden, 1902. S. 140; для Швейцарiи—Credito e Cooperazione, 1905. № 2.

рищества, присутствуетъ при доеніи, взвѣшиваетъ молоко отъ каждой коровы, опредѣляетъ содержаніе въ немъ жира, узнаетъ количество и качество корма, получаемаго каждой коровой, и записываетъ все это по установленной формѣ. Значеніе подобныхъ записей очевидно. Когда въ концѣ года владѣлецъ беретъ въ руки таблицу, въ которую занесены данныя относительно молочности всѣхъ его коровъ, онъ тотчасъ же можетъ сообразить, насколько выгодно затраченъ былъ кормъ на каждую изъ нихъ, а это даетъ возможность отобрать лучшихъ животныхъ и отъ самыхъ лучшихъ разводить потомство. Оказалось, что, благодаря такой браковкѣ по степени оплачиванія корма, черезъ четыре, пять лѣтъ произошло въ районѣ товарищества существенное улучшеніе въ составѣ стадъ, выразившееся въ крупномъ приростѣ средняго выхода масла. Послѣдствіемъ такого успѣха было быстрое распространеніе подобныхъ товариществъ какъ въ самой Даніи, такъ и въ другихъ странахъ. Въ 1904 году въ Даніи считалось уже 340 контрольныхъ товариществъ, въ Швеціи—204, въ Норвегіи—120, въ Финляндіи—40 и въ Германіи до 50 [1]).

Кооперація въ переработкѣ продуктовъ. Одна изъ важныхъ выгодъ крупнаго земледѣлія заключается въ возможности присоединенія къ нему производствъ, перерабатывающихъ его продукты. Маслодѣльни и сыроварни, мельницы, крахмальные или винокуренные заводы составляютъ часто главныя доходныя статьи большихъ имѣній. И эта выгода начинаетъ становиться постепенно доступной и мелкимъ хозяйствамъ, благодаря ассоціаціи.

Кооперативное маслодѣліе и сыровареніе представляютъ собою наиболѣе распространенный видъ въ разсматриваемомъ родѣ предпріятій. Еще недавно, всего какое-нибудь поколѣніе тому назадъ, переработка молока на масло повсюду въ Европѣ велась въ тѣхъ же самыхъ хозяйствахъ, которыя накопляли молоко. Въ крестьянскомъ обиходѣ это было одною изъ повседневныхъ обязанностей хозяйки дома; она отстаивала молоко, оставшееся отъ собственнаго потребленія семьи, снимала съ него сливки и, сбивши масло, несла на рынокъ. Изобрѣтеніе сепаратора, гораздо полнѣе отдѣляющаго сливки отъ молока, сдѣлало выгоднымъ приготовленіе масла въ спеціальныхъ предпріятіяхъ, а устройство практически удобныхъ инструментовъ для измѣренія количества жира въ молокѣ облегчило осуществленіе этихъ предпріятій въ

---

[1]) Отчетъ Мюнхенскаго профессора *Потта* въ Arbeiten der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. Heft 99, 1904. Kontrollvereine für Milchleistungen.

кооперативной формѣ [1]). Примѣненіе кооперативнаго принципа къ переработкѣ молока всего шире и успѣшнѣе проведено въ Даніи. Прогрессъ, наблюдаемый въ Даніи, является результатомъ проповѣди, которая, начиная съ 70-хъ годовъ XIX вѣка, неустанно велась среди народа по иниціативѣ королевскаго Общества земледѣлія. Странствующіе инструкторы выясняли крестьянамъ выгодность правильно поставленнаго молочнаго хозяйства при раціональномъ кормленіи скота и технически совершенной переработкѣ молока въ масло и сыръ. Пропаганда новыхъ пріемовъ нашла себѣ благодарную почву, потому что она велась среди народа грамотнаго, привыкшаго къ книгѣ и вынесшаго изъ своихъ оригинальныхъ „крестьянскихъ университетовъ" горячую вѣру въ науку. Но осуществленіе техническихъ новинокъ стоитъ не дешево. Какъ крестьянину, владѣющему тремя-четырьмя головами скота, завести усовершенствованные аппараты, которые требуются современной техникой молочнаго дѣла, и, что еще важнѣе, какъ ему отыскать рынокъ для приготовляемыхъ имъ продуктовъ? Отдѣльныя лица были бы совершенно безсильны осуществиьт рекомендуемую спеціалистами реформу хозяйства, но на помощь имъ явилась кооперація, планъ и формы которой предлагались одновременно съ проповѣдью техническихъ улучшеній. Ассоціація мелкихъ хозяевъ достигаетъ нынѣ въ Даніи такихъ же результатовъ, какіе осуществляются въ другихъ странахъ съ помощью капиталистическихъ заводовъ и крупныхъ экспортныхъ фирмъ.

Кооперативныя молочныя въ Даніи являются новымъ дѣломъ. Первая изъ нихъ была устроена въ 1882 году на западѣ Ютландіи мѣстнымъ скотоводомъ Андерсономъ и пошла настолько успѣшно, что быстро стала вызывать подражаніе. Къ началу 1899 года въ Даніи существовало уже 1.013 кооперативныхъ молочныхъ и, кромѣ того, 260,—принадлежащихъ сельскимъ общинамъ; въ среднемъ на каждую молочную приходилось около 800 коровъ. Молочныя устроены и обставлены по всѣмъ правиламъ современной техники и оттого обошлись не дешево, именно, въ среднемъ на наши деньги около 11.000 рублей (отъ 4.000 до 20.000 рублей). Кооперативныя молочныя строятся, обыкновенно, на занятыя деньги; займы, заключаются изъ 4—5% и погашаются, по большей части, въ десятилѣтній срокъ. Члены ассоціацій принимаютъ на себя гарантію уплаты по займамъ пропорціо-

---

[1]) Такъ объясняетъ происхожденіе коопераціи въ молочномъ хозяйствѣ *E. David*, стр. 540—541

нально количеству головъ скота, принадлежащихъ каждому изъ нихъ. Завѣдываніе молочными, равно какъ счетоводство, ведется самими членами-крестьянами, входящими въ составъ ассоціацій. техническая же часть находится въ рукахъ мастеровъ-спеціали стовъ, искусство которыхъ поддерживается соревнованіемъ на многочисленныхъ выставкахъ. Кооперативныя молочныя ведутъ точную статистику производства. Изъ нея мы узнаемъ, что въ 1898 году въ молочныхъ участвовало 148.000 хозяевъ, владѣвшихъ 842.000 коровами. Общее годовое производство масла въ однѣхъ кооперативныхъ молочныхъ доходило до 69-ти милл. киллограммовъ — 4,2 милл. пудовъ, а во всѣхъ правильно устроенныхъ молочныхъ — до 75 милл. килогр.— 4,6 милл. пудовъ.—Данія сама потребляетъ лишь малую долю получаемыхъ ею молочныхъ продуктовъ, главная же часть ея огромнаго производства масла идетъ за-границу, преимущественно въ Англію. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Англія ввозитъ изъ Даніи отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ милліоновъ пудовъ масла, что составляетъ отъ 42% до 45% всего масла, получаемаго англійскимъ рынкомъ изъ-за границы. Ни одна изъ странъ, не исключая сосѣдней Франціи, не отправляетъ даже четверти того, что посылаетъ Данія. Датское масло котируется въ Лондонѣ по самымъ высокимъ цѣнамъ и даетъ крупную выручку производителямъ. Въ 1903 году, по даннымъ англійской статистики, Данія получила за свое масло съ Англіи громадную сумму, равняющуюся 84 милліонамъ рублей на наши деньги [1]).

Успѣхъ Даніи заставилъ и другія страны послѣдовать ея примѣру. Въ послѣдніе годы быстро пошла по этому пути Ирландія, учредивъ въ короткое время около 200 товарищескихъ молочныхъ. Въ Швейцаріи число кооперативныхъ сыроваренъ и маслодѣленъ дошло въ 1903 году до 1.536, такъ что производство сыровъ почти цѣликомъ находится теперь въ рукахъ кооперативныхъ обществъ [2]). Въ Италіи, по подсчету, сдѣланному въ концѣ 90-хъ годовъ, имѣется около 900 кооперативныхъ молочныхъ разныхъ типовъ [3]). Въ особенности крупные успѣхи сдѣ-

---

1) Свѣдѣнія о датскомъ общественномъ маслодѣліи, кромѣ статьи автора въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", цитированной выше, взяты изъ книги *N. Pudor*, Die Selbsthilfe der Landwirtschaft, S. 31—44 и изъ Mitteilungen der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft, 1905, Stück 3.

2) Данныя о Швейцаріи взяты изъ статьи извѣстнаго спеціалиста по Швейцарской коопераціи Johann Müller, реферированной въ журналѣ Credito e Cooperazione, 1905, № 2.

3) Ercole *Bassi*, Le latterie sociali in Italia. Cap. 5.

лала въ этой области Германія. Десять лѣтъ тому назадъ въ Германіи существовало всего 1.003 товарищества для переработки молока, а къ срединѣ 1904 года, по отчету Имперскаго Союза, число ихъ дошло до 2.713; за послѣдніе пять лѣтъ возникло ихъ болѣе 1.000. Въ настоящее время уже 40 процентовъ производимаго Германіей громаднаго количества масла выдѣлывается въ кооперативныхъ молочныхъ. Столь быстрое распространеніе общественнаго маслодѣлія объясняется, главнымъ образомъ, дѣятельностью союзовъ, которые не только ведутъ пропаганду кооперативныхъ молочныхъ, но и всячески помогаютъ ихъ устройству, технической и коммерческой ихъ постановкѣ, въ особенности же сбыту производимыхъ ими товаровъ[1]).

Вліяніе коопераціи не ограничивается улучшеніемъ переработки молока: оно отражается и на самомъ положеніи скотоводства. Оплата молока, получаемаго изъ разныхъ хозяйствъ, по количеству содержащагося въ немъ жира, обезпечиваетъ лучшимъ хозяевамъ бо́льшую выручку и тѣмъ поощряетъ хорошій подборъ молочнаго скота и раціональный уходъ за нимъ; этимъ же путемъ общественныя молочныя оказываютъ давленіе на отсталыя хозяйства. Но, кромѣ того, товарищества даютъ своимъ членамъ наставленія и даже предписанія относительно ухода за скотомъ. Союзы кооперативныхъ молочныхъ нерѣдко нанимаютъ особыхъ инструкторовъ, которые осматриваютъ хозяйства и намѣчаютъ возможныя въ нихъ усовершенствованія.

Съ успѣхомъ начинаетъ примѣняться кооперація въ винодѣліи. Земледѣльческіе синдикаты во Франціи и Италіи уже давно оказывали разныя услуги мелкимъ владѣльцамъ виноградниковъ, но, независимо отъ нихъ, начинаютъ теперь возникать, особенно въ Южной Германіи, спеціальныя товарищества винодѣловъ (Winzergenossenschaften). Приготовленіе вина представляетъ трудную и капризную операцію, которая требуетъ для правильной постановки значительнаго капитала. Мелкіе крестьяне въ Южной Германіи, владѣющіе ничтожными участками земли, вынуждены были по недостатку средствъ продавать скупщикамъ едва выдавленный виноградный сокъ за всякую предложенную цѣну. Устройство кооперативныхъ винодѣльныхъ товариществъ дало возможность придать дѣлу совершенно иную постановку. Члены товариществъ доставляютъ весь собираемый ими виноградъ въ одно мѣсто; тамъ онъ сортируется весь вмѣстѣ по сортамъ и перерабатывается на вино подъ руководствомъ спеціалиста. Приго-

[1]) Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes für 1903—1904. S. 67.

Имперскаго Союза, въ 1904 году существовало 69 подобныхъ товариществъ.

Изъ другихъ видовъ торговли можно отмѣтить кооперативный сбытъ мяса. Въ Даніи въ 1900 году существовало 26 товариществъ съ 62.000 членовъ для убоя и вывоза свиней за границу. Дѣло это въ короткое время достигло крупныхъ успѣховъ: въ 1899 году было убито 729.000 свиней и 22.500 штукъ рогатаго скота, всего на сумму до 17.000.000 руб. на наши деньги. Капиталъ для этихъ предпріятій полученъ путемъ кредита, гарантированнаго членами пропорціонально количеству принадлежащаго имъ скота. Всѣ товарищества объединяются центральной ассоціацией въ Копенгагенѣ, которая состоитъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заграничными рынками и руководитъ сбытомъ [1]). Въ Германіи въ послѣдніе годы началось сильное движеніе въ пользу подобной же организаціи торговли скотомъ и мясомъ. Это было настоятельной потребностью, потому что главная масса скота въ Германіи, по ея статистическимъ даннымъ, находится у среднихъ и мелкихъ хозяевъ, которые, вслѣдствіе ограниченности числа штукъ предназначаемаго каждымъ изъ нихъ на продажу, не могутъ не только выручать надлежащихъ цѣнъ, но даже не въ состояніи воспользоваться льготными условіями вагонной перевозки. Въ послѣдніе десять лѣтъ стали составляться товарищества владѣльцевъ для совмѣстнаго сбыта скота въ живомъ или битомъ видѣ. Вначалѣ это были разрозненныя попытки, но въ 1889 году основано въ Берлинѣ центральное товарищество, которое сразу поставило торговлю скотомъ на крупную ногу. Оно устроило на правительственную ссуду огромный скотскій рынокъ въ Берлинѣ и повело дѣло настолько широко, что его кассовый оборотъ въ 1902 году простирался до 82 мил. мар.; къ 1904 году въ его составъ входило 2.217 членовъ, въ числѣ которыхъ находилось 172 товарищества. Другое подобное же центральное товарищество учредилось въ Кельнѣ для Рейнской области [2]).

Самымъ важнымъ предметомъ сбыта для земледѣльца служитъ хлѣбъ, и потому не мудрено, что на кооперативной организаціи хлѣбной торговли сосредоточены въ послѣднее время главныя заботы сторонниковъ сельскохозяйственныхъ товариществъ. Извѣстно, что такая организація образцово устроена въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ при ближайшемъ участіи союзовъ

---

[1]) Ср. статью въ *Русскихъ Вѣдом.* за 1901 г. № 172.

[2]) Jahresbericht des Anwalts des Reichsverbandes. 1903—1904.

фермеровъ. Съ тѣхъ поръ, какъ американскіе опыты стали извѣстны въ Европѣ, повсюду возникло стремленіе обзавестись чѣмъ-нибудь подобнымъ. Въ Германіи, благодаря дѣятельной поддержкѣ со стороны правительствъ и союзовъ сельскохозяйственныхъ товариществъ, устройство совмѣстнаго сбыта хлѣба пошло въ послѣднее время довольно бойко. Особенно посчастливилось складочному дѣлу въ Баваріи. Къ концу 1904 года тамъ было построено уже 105 хлѣбныхъ складовъ, изъ числа которыхъ только 14 принадлежали спеціальнымъ товариществамъ, большинство же, именно 73, были сооружены ссудными ферейнами или ихъ союзами. Въ 1903—04 гг. было доставлено на всѣ Баварскіе склады около 3.000.000 пуд. разнаго хлѣба и почти столько же продано. Въ большинствѣ случаевъ вырученная цѣна нѣсколько превышала обычную рыночную (отъ 20 пфен. до 1 марки на центнеръ). Болѣе высокая расцѣнка естественно объясняется тѣмъ, что склады составляютъ изъ мелкихъ партій, привозимыхъ ихъ участниками, крупныя и, кромѣ того, подвергаютъ хлѣбъ болѣе тщательной сортировкѣ и очисткѣ. И въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ съ распространеннымъ мелкимъ землевладѣніемъ идетъ успѣшная работа по организаціи хлѣбнаго сбыта на товарищескихъ началахъ. Въ Вюртембергѣ, въ Баденѣ, хлѣбные склады считаются десятками, независимо отъ тѣхъ многочисленныхъ совмѣстныхъ продажъ хлѣба которыя производятся ссудными и закупочными товариществами. Въ Австріи въ 1903 г. существовало 47 спеціальныхъ товариществъ, владѣвшихъ складами. Повсюду, гдѣ встрѣчаются склады, они не ограничиваются одной продажей хлѣба: они обыкновенно выдаютъ ссуды подъ залогъ хранящагося въ нихъ хлѣба, и, кромѣ того, занимаются закупкой и продажей предметовъ, нужныхъ сельскому хозяину, особенно минеральныхъ удобреній и кормовыхъ средствъ [1]).

Сельско-хозяйственныя общества. Въ очеркѣ кооперативнаго движенія среди земледѣльцевъ мы имѣли до сихъ поръ въ виду лишь такія товарищества которыя облацаютъ правами юридическихъ лицъ и представляютъ собою правильныя промышленныя предпріятія съ опредѣленнымъ капиталомъ, съ солидарною отвѣтственностью членовъ по обязательствамъ и съ законно оформленною организаціей. Но, кромѣ такихъ въ соб-

---

[1]) Подробности о хлѣбныхъ складахъ имѣются въ цитированномъ отчетѣ Имперскаго Союза сельск.тов. за 1903—1904 г. с. 68, въ книгѣ Massnahmen der landwirtschaftlichen Verwaltung in Bayern 1897—1903. S. 352—356 и въ журналѣ Wochenschrift des landw. Vereins in Bayern. 1905. № 42.

ственномъ смыслѣ слова кооперативныхъ предпріятій, во многихъ странахъ имѣются и играютъ крупную роль разнаго рода свободныя соединенія мелкихъ хозяевъ, не связывающія ихъ ничѣмъ, кромѣ членскихъ взносовъ и добровольныхъ складчинъ, и не подвергающіяся, поэтому, установленной въ законахъ регистраціи. Такія общества съ разными названіями и цѣлями существуютъ повсюду, но особенно широкое развитіе получили они въ Германіи. Главнымъ видомъ этихъ свободныхъ союзовъ являются такъ называемыя „общества сельскаго хозяйства". Общества подъ этимъ наименованіемъ обыкновенно соединяютъ въ своей средѣ ученыхъ и выдающихся хозяевъ, являясь, поэтому, скорѣе органами научной разработки агрономическихъ знаній, нежели приложенія ихъ на практикѣ. Лишь въ Германіи сельскохозяйственныя общества демократизировались и нашли себѣ доступъ въ среду крестьянъ. Въ нѣмецкихъ государствахъ съ преобладающимъ мелкимъ землевладѣніемъ сельскохозяйственныя общества имѣются чуть не въ каждой деревнѣ и управляются мѣстными интеллигентными жителями, по большей части крестьянами. Главная задача этихъ мелкихъ союзовъ—взаимное общеніе и поученіе, что достигается засѣданіями, назначаемыми, какъ общее правило, разъ въ мѣсяцъ, за исключеніемъ горячей рабочей поры. Засѣданія нерѣдко посѣщаются спеспеціалистами, въ особенности странствующими учителями земледѣлія и преподавателями сельскохозяйственныхъ школъ, которые дѣлаютъ въ нихъ доклады или по собственной иниціативѣ, или по приглашенію обществъ, за плату. Не ограничиваясь просвѣтительнымъ вліяніемъ бесѣдъ и собраній, деревенскія сельскохозяйственныя общества зачастую преслѣдуютъ и практическія цѣли: закупаютъ сообща нужные членамъ товары или входятъ въ соглашеніе съ торговцами объ отпускѣ товаровъ на льготныхъ условіяхъ (въ особенности съ гарантіей качества), устраиваютъ сообща опыты, а иногда учреждаютъ цѣлыя опытныя станціи, организуютъ конкурсы и выставки и т. п. Мѣстныя сельскохозяйственныя общества соединяются въ окружныя, а послѣднія сливаются въ одномъ центральномъ учрежденіи для цѣлой страны (сельскохозяйственные совѣты въ Саксоніи, Баваріи, Гессенѣ). Какъ широко захватываютъ сельскохозяйственныя общества сельское населеніе, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Въ Саксонскомъ королевствѣ въ 1903 году сельскохозяйственныхъ обществъ разныхъ наименованій (земледѣлія, скотоводства, птицеводства, пчеловодства, садоводства, огородничества и т. п.) считалось 1.044 съ 65.000 членами. Чтобы

оцѣнить значеніе этой цифры, нужно имѣть въ виду, что въ Саксоніи находится, по даннымъ переписи 1895 года, 193.708 хозяйствъ, изъ которыхъ, однако, большинство имѣетъ площадь меньше 2 гектаровъ. Если исключить эти мельчайшіе участки, какъ не пригодные для веденія правильнаго земледѣлія, то останется 77.309 хозяйствъ. Оказывается, такимъ образомъ, что почти каждое изъ саксонскихъ хозяйствъ, занимающихся земледѣльческимъ промысломъ, представлено въ мѣстныхъ обществахъ.—Въ Баденѣ въ 1902 году имѣлось 37 окружныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ съ 35.500 членами и, сверхъ того, 802 крестьянскихъ ферейна съ 55.500 членами. Въ Баваріи, центральное сельскохозяйственное общество съ 235 окружными имѣло въ 1903 году 93.000 членовъ. Но, сверхъ того, тамъ существуетъ множество свободныхъ ферейновъ, не входящихъ въ составъ только что названнаго общества. По подсчету Статистическаго бюро, въ концѣ 1902 года имѣлось въ Баваріи, со включеніемъ промышленныхъ и страховыхъ товариществъ, 9.262 общества сельскохозяйственнаго характера съ 586.628 членами. Если принять во вниманіе, что въ Баваріи находится лишь 427.210 хозяйствъ съ площадью выше 2 гектаровъ, то дальше идти въ развитіи ассоціаціи, повидимому, некуда. Судя по приведеннымъ цифрамъ, каждый баварскій сельскій хозяинъ участвуетъ въ какомъ-либо обществѣ, а многіе даже въ нѣсколькихъ. Замѣчательно, что Баварія вступила на путь коопераціи лишь въ самое недавнее время: въ 1887 году въ ней существовало лишь 1.953 общества съ 153.000 членовъ.

Блестящее развитіе сельскохозяйственныхъ ассоціацій въ Германіи,—блестящее какъ по ихъ количеству и многочисленности членовъ, такъ и по образцовой ихъ координаціи,—представляетъ собою не менѣе важную причину успѣховъ мелкаго хозяйства, нежели агрономическія открытія, о которыхъ шла рѣчь выше. Если бы нѣмецкое крестьянство оставалось такимъ же разрозненнымъ, какимъ оно было въ первое время послѣ паденія стараго сословнаго строя, то понадобилось бы очень много десятилѣтій для того, чтобы благотворныя улучшенія, предлагаемыя наукой, сдѣлались общимъ достояніемъ. Но, къ счастью для нѣмецкаго крестьянства, оно скоро, по инициативѣ нѣсколькихъ выдающихся личностей и подъ мощной эгидой гарантированной законами свободы собраній и союзовъ, было охвачено объединительнымъ движеніемъ, которое, начавшись съ мелкихъ и незамѣтныхъ попытокъ, постепенно, все болѣе широкими волнами разлилось по всей странѣ. Когда громадное большинство земле-

дѣльцевъ участвуетъ въ мѣстныхъ обществахъ, связанныхъ чрезъ посредство окружныхъ союзовъ съ центральными органами, каждая новость науки немедленно разносится повсюду. Популярные журналы обществъ, вслѣдствіе их дешевизны попадающіе въ руки даже бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ, чутко слѣдятъ за всякой интересной новинкой и передаютъ вѣсти о ней въ самые глухіе углы [1]). Если новость того заслуживаетъ, она становится предметомъ лекцій и докладовъ и подвергается живому обсужденію въ засѣданіяхъ обществъ. Немедленно выискиваются бойкіе хозяева, готовые испробоватъ новые пріемы, или же налаживаются за общій счетъ мѣстные опыты и, если улучшеніе выдержитъ пробу, его быстро перенимаютъ всѣ. Такимъ образомъ, организація сельскохозяйственныхъ обществъ осуществляетъ то взаимодѣйствіе между научнымъ изслѣдованіемъ и практической жизнью, безъ котораго въ наши дни невозможно движеніе впередъ [2]).

VII.

Результаты перемѣнъ, изложенныхъ въ предшествовавшихъ главахъ,—для мелкаго хозяйства.—Измѣненіе земледѣльческихъ системъ: уменьшеніе пара, возрастаніе площади подъ кормовыми травами и корнеплодами.—Приростъ потребленія минеральныхъ туковъ.—Прибавка въ количествѣ и цѣнности скота.—Подъемъ урожаевъ.

Мы показали, что въ эпоху тяжкаго кризиса, угнетавшаго сельское хозяйство Западной Европы въ послѣднюю треть XIX вѣка, на помощь мелкимъ земледѣльцамъ явились новыя агрономическія открытія, новые способы распространенія знаній и новыя разнообразныя примѣненія кооперація. Спрашивается, однако, воспользовалось ли мелкое земледѣліе тѣми новыми прі-

---

[1]) Насколько дешевы журналы, издаваемые сельскохозяйственными обществами, можно судить по двумъ примѣрамъ. Въ Баваріи Сельскохозяйственнымъ Совѣтомъ издается еженедѣльная газета Wochenblatt des landwirtschaftlichen Vereins in Bayern. Эта газета, дающая въ каждомъ номерѣ 24 страницы большого формата въ два столбца, изъ которыхъ, впрочемъ, половина занята объявленіями, стоитъ для членовъ сельскохозяйственныхъ обществъ всего 1 марку въ годъ. Превосходное изданіе саксонскихъ сельскохозяйственныхъ обществъ Sächsische landwirtschaftliche Zeitschrift, выходящее тоже каждую недѣлю, стоитъ 3 марки въ годъ.

[2]) Данныя о сельскохозяйственныхъ обществахъ взяты: по Саксоніи изъ Sächsische landwirtschaftliche Zeitschrift, 1904, № 14; по Бадену—изъ Statistisches Jahrbuch für das Grossh. Baden, S. 130; по Баваріи—изъ Die Massnahmen auf dem Gebiete der landw. Verwaltung in Bayern 1890—1897, S. 346 и 1895—1903 S. 474, 480.

обрѣтеніями, которыя принесъ ему конецъ XIX вѣка? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ послужить нѣсколько цифръ, относящихся преимущественно къ Германіи, въ которой всѣ факторы, поддерживающіе мелкое хозяйство, получили наибольшее развитіе, и гдѣ притомъ же лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ, поставлена экономическая статистика.

Первый фактъ, бросающійся въ глаза, это—преобразованіе земледѣльческихъ системъ. Въ началѣ истекшаго вѣка въ Германіи 30% всей пахотной площади находилось подъ паромъ[1]), точь въ точь какъ у насъ, что́ естественно объясняется повсемѣстнымъ господствомъ трехпольной системы полеводства. Теперь паръ почти исчезъ, и эта перемѣна совершилась въ сравнительно недавнее время. Въ 1878 г. во всей Германіи находилось подъ паромъ еще 9% пахотной площади, а по послѣднему изслѣдованію, произведенному въ 1900 году, оказалось пара лишь 4,77 процента. Особенно крупное сокращеніе пара замѣчается въ странахъ мелкаго земледѣлія, каковы, напримѣръ, Гессенъ и Баденъ, гдѣ 4/5 всѣхъ хозяйствъ имѣютъ площадь менѣе 20-ти гектаровъ. Въ Гессенѣ подъ паромъ находится лишь 0,4%, а въ Баденѣ—2,6% пахотной земли [2]).—Другая перемѣна, отмѣченная нѣмецкой статистикой, касается рода растеній, воздѣлываемыхъ на поляхъ. Въ началѣ XIX вѣка въ Германіи было то же, что у насъ: почти все находившееся подъ посѣвами пространство занималось зерновыми хлѣбами [3]). Съ половины столѣтія стала быстро увеличиваться площадь подъ кормовыми растеніями, корнеплодами и овощами, что составляетъ ясный признакъ происходившей замѣны стариннаго трехполья травопольною и плодоперемѣнною системами. Въ 1878 году подъ корнеплодами и овощами находилось въ Германіи 13,7% и подъ посѣвными травами 9,5%, а въ 1900 г. доля корнеплодовъ и овощей поднялась до 17,8%, а травъ—до 10,8% всего распаханнаго пространства. Всего сильнѣе развились эти культуры, характеризующія собою высшія системы земледѣлія, именно въ странахъ самаго мелкаго хозяйства. Въ Гессенѣ подъ корнеплодами, овощами и кормовыми травами находится

[1]) Статья *Traugott Müller* въ Сборникѣ Die deutsche Landwirthschaft auf der Weltausstellung in Paris 1900. S. 36.

[2]) Statistische Mitteilungen über die Landwirtschaft in Bayern. 1903. S. 185.

[3]) Яркая картина состоянія нѣмецкаго сельскаго хозяйства въ концѣ XVIII столѣтія, поразительно напоминающая наши нынѣшнія отношенія, находится въ сочиненіи *von der Goltz*, Geschichte der deutschen Landwirtschaft. B. 1. S. 247—290.

40%, а въ Баденѣ—38% всей полевой площади [1]). Въ еще большей степени осуществила подобныя перемѣны Данія,—эта страна почти исключительно крестьянской культуры. Начиная съ 1876 г., пространство, занятое тамъ зерновыми хлѣбами, сократилось почти на половину, а въ соотвѣтствіи съ этимъ расширилась площадь подъ клеверомъ, люцерной и корнеплодами, которая нынѣ равняется болѣе чѣмъ трети всей поверхности Даніи [2]). Изъ другихъ странъ крупныя перемѣны въ пользованіи полевой землей замѣчаются во Франціи. Въ 1840 году площадь подъ паромъ составляла 26%, въ 1862 году—18%, а въ 1892 году—менѣе 13% пахотной земли [3]). По развитію посѣвовъ кормовыхъ травъ и корнеплодовъ Франція отстала отъ Германіи, но все-таки въ концѣ XIX вѣка ими было занято, по показаніямъ оффиціальной статистики, уже болѣе 15% всей распаханной площади.

Вмѣстѣ съ преобразованіемъ системъ полеводства мелкое земледѣліе чрезвычайно широко воспользовалось въ концѣ прошлаго вѣка могучимъ средствомъ къ поднятію плодородія почвы, заключающимся въ минеральныхъ удобреніяхъ. Въ Германіи потребленіе Томасовой муки увеличилось съ 500.00 доппельцентнеровъ въ 1880 году до 9.000.000 дц. въ 1903 году. Если принять во вниманіе, что въ томъ же году было употреблено 8.500.000 дц. суперфосфата и до 2.000.000 дц. прочихъ фосфатныхъ туковъ, то выйдетъ, что въ Германіи вносится теперь въ землю удобреній, содержащихъ фосфорную кислоту, до 19.500.000 дц., т. е. до 118.000.000 пудовъ [4]), Количество калійныхъ удобреній, примѣняемыхъ въ германскомъ земледѣліи, съ 407.000 дц. въ 1882 году поднялось до 10.789.000 дц.—или до 65.000.000 пудовъ въ 1902 году [5]). Большая часть Чилійской селитры, ввозимой въ Германію въ послѣдніе годы въ количествѣ до 5.000.000 дц. или 30.000.000 пудовъ, идетъ на нужды земледѣлія. Что нѣмецкій крестьянинъ не отстаетъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ примѣненіи минеральныхъ туковъ, это я могу подтвердить прежде всего личными наблюденіями и разспросами въ разныхъ частяхъ Германіи. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи на берегахъ Эльбы, не только зажиточные крестьяне, но даже

[1]) Statistische Mitteilungen über die Landwirtschaft in Bayern. 1903 S. 185.

[2]) Ср. статью автора въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1901 г. № 172, гдѣ указаны и источники.

[3]) *Проф. Левитскій* Сельскохозяйственный кризисъ во Франціи, стр. 58, 213, на основаніи enquêtes décennales 1882 и 1892 годовъ.

[4]) Die deutsche Landwirtschaft auf der Weltausstellung St. Louis 1904, S. 30.

[5]) Arbeiten der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschit. aft He88.

владѣльцы и съемщики мелкихъ парцеллъ систематически каждый годъ сдабриваютъ свою землю разными искусственными туками. Крестьяне вполнѣ освоились съ качествами и способами употребленія туковъ и разсуждаютъ о сравнительныхъ достоинствахъ суперфосфата и Томасова шлака, селитры и сѣрнокислаго аммiака не хуже иныхъ агрономовъ. Еще убѣдительнѣе это подтверждается прямыми свидѣтельствами опытныхъ и контрольныхъ станцій, а особенно отчетами сельскохозяйственныхъ ассоціацій, дѣйствующихъ, главнымъ образомъ, въ средѣ мелкихъ земледѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, закупка минеральныхъ удобреній чрезъ посредство Имперскаго Союза нѣмецкихъ сельскохозяйственныхъ товариществъ, быстро увеличиваясь съ каждымъ годомъ, дошла въ 1903 году до 11,5 милл. центнеровъ, или 35 милл. пудовъ [1]). Мы привели цифры относительно Германіи, но громадныя массы минеральныхъ удобреній употребляются нынѣ и въ другихъ странахъ. Франція, по сообщенію отчета экспертной коммиссіи международной выставки 1900 г. (кл. 35), потребила въ 1899 году до 17-ти милліоновъ квинталовъ, или до 103 милл. пудовъ искусственныхъ удобреній разнаго рода, на сумму около 205 милл. франковъ. Грандо въ изданной имъ статистикѣ минеральныхъ удобреній вычисляетъ, что въ 1899 году на каждый гектаръ воздѣлываемой площади среднимъ числомъ затрачивалось фосфорно-кислыхъ туковъ: въ Бельгіи—122, въ Германіи—57, въ Швейцаріи—50, во Франціи—43, въ Сѣверной Италіи—39 килограммовъ [2]).

Прибавка кормовыхъ средствъ чрезъ введеніе въ сѣвооборотъ травъ и корнеплодовъ сопровождалась приростомъ скота. Въ Германіи за время съ 1873 по 1900 годъ число лошадей поднялось съ 3,3 милл. до 4,2 милл. или на 26%, рогатаго скота—съ 15,7 милл. до 18,9 милл. головъ или на 20%, свиней съ 7,1 милл. до 16,8 милл. или на 163%. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилось и качество животныхъ, то произошло крупное повышеніе общей цѣнности скота, которое лишь за періодъ съ 1883 по 1900 годъ оцѣнивается для всей Германской имперіи въ 2.119 милліоновъ марокъ: въ 1883 году общая цѣнность скота равнялась 5.557 милл., а въ 1900 г.—7.698 милл. марокъ [3]). Эта огромная прибавка количества и цѣнности скота падаетъ, глав-

---

[1]) Jahresbericht für 1903—1904, 60.

[2]) *L. Grandeau*, Production et consommation des engrais minéraux dans le monde en 1900, p. 14.

[3]) Cp. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 38.

нымъ образомъ, на долю мелкаго хозяйства, въ которомъ, какъ показываютъ данныя переписи 1895 года, лежитъ нынѣ центръ тяжести германскаго скотоводства; въ мелкихъ хозяйствахъ размѣромъ до 5 гектаровъ, по разсчету на единицу обрабатываемой земли, рогатаго скота имѣется въ $3^1/_2$ раза, а свиней въ 7 разъ больше, нежели у крупныхъ собственниковъ съ имѣніями свыше 100 гектаровъ[1]).—Столь же крупное возрастаніе скотоводства замѣчается въ Даніи, гдѣ кормовая площадь расширилась въ еще большей пропорціи, чѣмъ въ Германіи. За время съ 1861 по 1898 годъ рогатаго скота прибавилось тамъ на 59%, свиней—на 32%, лошадей—на 7%. Во Франціи приростъ скота нѣсколько меньше, но все-таки онъ равняется за періодъ съ 1862 по 1892 года для рогатаго скота 13%, а для свиней—27% [2]).

Естественнымъ послѣдствіемъ изложенныхъ перемѣнъ въ хозяйствѣ былъ замѣтный подъемъ урожаевъ. По даннымъ Германской статистики, въ среднемъ для цѣлой Имперіи получалось съ гектара: ржи въ 1879-1888 г.—9,8, въ 1887-1896 г.—10,8, въ 1889-1902 г.—14,7, а въ 1903 г.—16,5 доппельцентнеровъ или, по нашему счету, 110 пудовъ съ десятины; пшеницы въ 1879-1888 г.—13,1, въ 1887-1896 г.—14,3, въ 1899-1902 г.—18,6, въ 1903 г.—19,7 доппельц. или 130 пудовъ на десятину; овса въ 1879-1888 г.—11,5, въ 18991-902 г.—17, 1, въ 1903 г.—18,4 доппельц. или 123 пуда съ десятины; ячменя въ 1879-1888 г.—13, въ 1899-1902 г.—18,2, въ 1903 г.—19,5 доппельц. или 130 пуд. съ десятины; картофеля въ 1879-1885 г.—81, въ 1899-1902 г.—132,6 въ 1908 г.—132,5 доппельц. или 788 п. на десятину. Мы привели лишь средніе урожаи для всей Германской имперіи; по отдѣльнымъ же странамъ получается въ нѣкоторыхъ случаяхъ жатва несравненно болѣе высокая. Такъ, въ 1903 году въ Ангальтѣ было получено съ гектара: 29,8 доппельц. пшеницы и 28,3 доппельц. ячменя, въ Брауншвейгѣ—26 доппельц. овса, въ Мекленбургъ - Шверинѣ—156,7 доппельц. картофеля. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ странахъ мелкаго хозяйства урожаи по всѣмъ родамъ хлѣбовъ выше, чѣмъ среднимъ числомъ въ Германіи, и много выше, нежели въ мѣстностяхъ съ крупными имѣніями, каковы, напримѣръ, провинціи Пруссіи, лежащія къ востоку отъ Эльбы. Такъ, въ королевствѣ Саксонскомъ въ 1903 г. урожай пшеницы былъ 25, ржи—21,7, овса—22,9, ячменя—22,1 картофеля—161,3 доппельцентнеровъ съ гектара, въ Гессенѣ—

1) Statistik des Deutschen Reichs N. F. B. 112.

2) *Левитскій*, стр. 52.

пшеницы—21,7 ржи—21,4, ячменя—23,7, овса—20,9 доппельц. съ гектара [1]). За послѣднюю четверть вѣка сильно возрасло въ Германіи населеніе, но ростъ хлѣбнаго производства обогналъ увеличеніе числа жителей; въ Пруссіи въ 1879—1885 году было добыто на душу населенія ржи и пшеницы 185 килограммовъ, а въ 1886-1895—210 кил. [2]). Изъ другихъ странъ заслуживаетъ вниманія приростъ урожаевъ, происшедшій во Франціи. Въ концѣ XVIII вѣка, по указаніямъ Грандо, собиралось пшеницы, самое большее, около шести квинталовъ съ гектара (около 40 пудовъ съ десятины); въ 1889 году сборъ пшеницы поднялся до 11 квинталовъ, а къ 1899 году дошелъ до 14,5 квинталовъ.

VIII.

Положеніе мелкаго земледѣлія въ Россіи: усиливающееся малоземелье; расширеніе пашни за счетъ прочихъ угодій; уменьшеніе скота; сокращеніе сбора хлѣбовъ по расчету на душу.—Необходимость повышенія техники крестьянскаго хозяйства; важность минеральныхъ туковъ при рѣшеніи этой задачи, особенно въ черноземной полосѣ и въ районахъ травосѣянія.—Экономическая оцѣнка подъема техники сравнительно съ другими мѣрами къ увеличенію пищевыхъ запасовъ крестьянскаго двора.—Вліяніе подъема техники на арендныя цѣны и на заработную плату.—Источникъ средствъ для повышенія техники въ крестьянскихъ хозяйствахъ.—Совмѣстимость стоящихъ на ближайшей очереди техническихъ улучшеній съ общиннымъ земельнымъ строемъ.

Картина измѣненій, происшедшихъ въ строѣ хозяйства мелкихъ земледѣльцевъ въ Западной Европѣ, невольно переноситъ мысль къ судьбамъ русскаго крестьянства. Задачи, которыя такъ удачно разрѣшилъ нѣмецкій крестьянинъ, ставятся жизнью и у насъ. Наше населеніе увеличивается еще быстрѣе, чѣмъ западно-европейское. Согласно опубликованнымъ недавно исчисленіямъ департамента окладныхъ сборовъ, сельское населеніе 50-ти губерній Европейской Россіи съ 1861 по 1900 годъ возрасло съ 50-ти до 86-ти милліоновъ или на 79%. Такъ какъ площадь надѣльной земли оставалась за это время почти одина-

[1]) Свѣдѣнія объ урожаяхъ въ Германіи взяты: за 1879—1888 и 1887—1896 гг. изъ статьи *Traugott Müller* въ изданіи Die deutsche Landwirtscshaft auf der Weltausstellung in Paris 1899, 41, а за 1899—1902 гг.—изъ Vierteljahreshefte zur Statistik des Deutschen Reichs, 1904, H. 1. По заявленію нѣмецкихъ статистиковъ цифры урожая на гектаръ до 1898 года включительно нѣсколько уменьшены (отъ 18% до 21%). (Die Deutsche Volkswirtschaft am Schlüsse des 19 Jahrhunderts. S. 59). Однако даже съ упомянутой поправкой увеличеніе урожая въ Германіи оказывается очень значительнымъ.

[2]) *E. David*, 664.

ковою, то средній размѣръ надѣла, составлявшій въ 1860 году 4,8 десятины на наличную душу мужскаго пола, понизился къ 1900 году до 2,6 дес., уменьшившись, такимъ образомъ, почти на половину. Въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ очутились губерніи среднеземледѣльческія, малороссійскія и западныя, въ которыхъ надѣлъ опускается по нѣкоторымъ губерніямъ до 1,1—1,7 десят. на душу [1]).

Быстрый ростъ населенія при неподвижности пріемовъ крестьянскаго земледѣлія неизбѣжно долженъ былъ повести къ постепенному расширенію пашни. Во многихъ мѣстностяхъ черноземной полосы надѣльная земля обратилась въ одно почти сплошное пахотное поле. Все, что можно было распахать, распахано; выгоны почти исчезли; сѣнокосы удержались лишь по оврагамъ и отчасти по низменнымъ берегамъ рѣкъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляются изъ другихъ губерніи средне-земледѣльческія, малороссійскія и юго-западныя (Подольская и Кіевская), въ которыхъ, по заявленію департамента земледѣлія [2]), распахано до 80-ти и болѣе процентовъ удобной крестьянской земли, а крестьянскіе луга занимаютъ лишь 3—7% надѣла при еще меньшей площади выгоновъ. Весьма близки, по свѣдѣніямъ того же департамента, къ такому положенію крестьянскаго хозяйства и средневолжскія губерніи.—Пашня, поглотившая у крестьянъ въ нѣсколькихъ полосахъ Россіи всѣ прочія земельныя угодья, почти сплошь занята нынѣ частью паромъ, частью же зерновыми хлѣбами. Подъ паромъ вмѣстѣ съ залежами находится у насъ до 36-ти процентовъ воздѣлываемой земли, а изъ засѣваемой площади девять десятыхъ заняты зерновыми хлѣбами, главнымъ образомъ, тремя изъ нихъ:—рожью, овсомъ и пшеницей, на которые приходится три четверти засѣваемаго пространства [3]). Такая односторонность посѣвовъ влечетъ за собою чрезвычайную зависимость отъ неблагопріятныхъ вліяній погоды. При томъ разнообразіи культуръ, какое мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ Германіи, погода, гибельная для одного рода растеній, можетъ быть выгодна для другого, вслѣдствіе чего никогда не случается всеобщаго неурожая; напротивъ, у насъ, гдѣ всѣ поля бываютъ заняты двумя-тремя хлѣбами, чрезмѣрно засушливый или дождливый годъ можетъ оставить крестьянина безъ всякаго сбора. Если при этомъ принять во вниманіе, что обработка почвы обык-

---

[1]) *Вѣстникъ Финансовъ.* 1903. № 45.

[2]) Прилож. къ № 42-му *Вѣстника Финансовъ* за 1902 г.

[3]) Россія въ концѣ XIX вѣка, стр. 139.

новенно производится у крестьянъ допотопными орудіями, а посѣвъ—несортированными, легковѣсными и сорными сѣменами, то отъ крестьянскаго хозяйства нельзя и ждать никакихъ иныхъ результатовъ, кромѣ самыхъ жалкихъ.—Постепенное сокращеніе кормовой площади и участившіеся за послѣднія десятилѣтія недоборы хлѣбовъ и травъ повлекли за собой сокращеніе скотоводства. Число лошадей въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи, опредѣлявшееся въ 1888 г. въ 19.653.000, упало къ 1898 г. до 17.004,000; крупнаго рогатаго скота въ 1888 г. было 34.609.000, а въ 1898 г.—лишь 24.425.000 головъ [1]).

Совокупностью изложенныхъ условій объясняются чрезвычайно низкіе урожаи хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ. По свѣдѣніямъ отдѣла сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики, средній урожай озимой ржи у крестьянъ равнялся за 20 лѣтъ, съ 1881 по 1900 г., 5-ти четвертямъ, а овса—7% четвертямъ съ десятины [2]). Сборъ съ десятины 40 пуд. ржи и 45 пуд. овса такъ малъ, что уже по нему одному можно судить о первобытности пріемовъ крестьянскаго земледѣлія.—Сильный приростъ числа людей, при неизмѣнившемся количествѣ земли и неподвижности техники, естественно долженъ былъ отразиться уменьшеніемъ добываемой пищи, по расчету на каждую душу. Въ изслѣдованіи К. Д. Полѣнова о положеніи центрально-черноземныхъ губерній приведенъ (стр. 12) сообщенный департаментомъ окладныхъ сборовъ, любопытный подсчетъ, насколько измѣнилось съ 60-хъ годовъ количество хлѣбовъ и картофеля, собираемыхъ на душу населенія въ различныхъ полосахъ Россіи. Выходитъ, что во всѣхъ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи теперь получается на душу на 7%,—въ промышленныхъ губерніяхъ на 21%, а въ центрально-черноземныхъ даже на 33% меньше противъ 1861—1865 годовъ.

Примѣръ Западной Европы указываетъ намъ, гдѣ слѣдуетъ искать выхода изъ того положенія, въ которомъ очутилось наше крестьянство. Нужно, во что бы то ни стало, измѣнить технику крестьянскаго хозяйства. Трехполье у насъ отживаетъ свой вѣкъ, какъ отжило его на Западѣ. Трехпольная система можетъ держаться безъ истощенія почвы, пока на десятину пашни приходится около полуторы десятины луговъ и выгоновъ. Это старое правило не осуществляется теперь у крестьянъ почти нигдѣ;

---

[1]) Прилож. къ № 23 Вѣстн. Фин. за 1902 г.

[2]) Прилож. къ № 42 Вѣстн. Фин. за 1902 г. „Записка департамента земледѣлія о мѣрахъ къ улучшенію организаціи крестьянскаго хозяйства".

смотря по полосамъ, на десятину пашни приходится у насъ луговъ и выгоновъ 1/3 десятины, 1/4 десятины, а въ нѣкоторыхъ густонаселенныхъ губерніяхъ, напр., Курской, даже до 1/30 доли десятины, вслѣдствіе чего удобряется не весь паръ, а лишь малая часть его. Такъ жить дальше нельзя. На первую очередь выдвигается сокращеніе огромнаго нынѣ процента пара и залежей. Невозможно съ экономической точки зрѣнія оставлять подъ паромъ цѣлую треть пахотной земли, когда цѣна на нее поднялась до 150, 200 и даже 300 рублей за десятину, а арендная плата нерѣдко достигаетъ 20—30-ти рублей за десятину. Нельзя довольствоваться и ничтожными жатвами, получаемыми при трехпольѣ съ остальныхъ двухъ третей пашни. Сборомъ въ 40 пудовъ ржи съ десятины при нынѣшнихъ цѣнахъ на хлѣбъ не покрывается сплошь и рядомъ даже арендная плата или процентъ на капиталъ, затраченный для покупки земли. Сокращеніе пара тѣсно связано съ введеніемъ посѣвовъ травъ, въ особенности бобовыхъ растеній, клевера, люцерны, а также корнеплодовъ, какъ для прибавки кормовыхъ средствъ, такъ и для поднятія урожайности полей. Кромѣ перехода къ улучшеннымъ системамъ полеводства повышенію урожайности должны способствовать лучшая обработка земли при помощи болѣе совершенныхъ орудій, повышеніе достоинства посѣвныхъ сѣмянъ и—главное—искусственныя удобренія. Эта программа техническихъ улучшеній, съ очевидностью вытекающая изъ нынѣшнихъ условій крестьянскаго хозяйства, ясно сознана всѣми компетентными лицами и неизмѣнно выставляется на видъ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь о поднятіи продуктивности нашего земледѣлія [1]).

При оцѣнкѣ различныхъ пунктовъ изложенной программы, надо остановить вниманіе на особой важности минеральныхъ удобреній для перехода къ улучшеннымъ системамъ полеводства. Когда приходится заводить, вмѣсто трехъ, четыре поля, напримѣръ, при переходѣ къ травосѣянію, то рожью будетъ занята не треть, а четверть пашни. Если пріемы земледѣлія останутся прежніе, то крестьянскому двору придется въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получать меньше хлѣба для своего пропитанія. Чтобы устранить это препятствіе улучшеніямъ, особенно ощутительное въ малоземельной полосѣ, самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ, при обычной тамъ недостаточности скота и навоза, является примѣсь правильно подобранныхъ минеральныхъ удобреній. Бла-

---

[1]) Ср. Записка департамента земледѣлія. Прил. къ № 42 Вѣстника Финансовъ за 1902 г.

годаря имъ, возможно тотчасъ же, въ первый годъ по переходѣ къ новой системѣ, получить на четверти пахотной площади, по меньшей мѣрѣ, тотъ же сборъ ржи, какъ и на трети, и слѣдовательно, обезпечить крестьянской семьѣ тѣ же условія пропитанія, какія имѣлись раньше. Этотъ способъ поднятія плодородія почвы, въ отличіе отъ большей части другихъ, одинаково пригоденъ для двора съ нищенскимъ надѣломъ, какъ и для многоземельнаго, для арендатора, какъ и для собственника, для общиннаго, какъ и для подворнаго владѣльца; чтобы примѣнить его на своихъ полосахъ, крестьянинъ не нуждается въ согласіи „міра". Уже по приведеннымъ основаніямъ вопросъ объ искусственныхъ удобреніяхъ долженъ былъ бы привлечь къ себѣ живѣйшій интересъ въ общинной Россіи и въ частности въ малоземельныхъ губерніяхъ. Минеральные туки заслуживали бы у насъ вниманія и потому еще, что эффектъ, производимый ими, быстръ и очевиденъ, вслѣдствіе чего повсюду на Западѣ они служили и служатъ главнѣйшимъ средствомъ для убѣжденія народныхъ массъ въ выгодахъ раціональнаго земледѣлія.

Примѣненіе искусственныхъ туковъ, повидимому, представляетъ особенныя выгоды въ черноземной полосѣ, гдѣ, къ тому же вслѣдствіе малоземелья крестьянъ, оно и всего нужнѣе. Уже давно замѣчено, что нашъ черноземъ мало чувствителенъ къ азотнымъ удобреніямъ, наиболѣе дорогимъ, и, напротивъ, чрезвычайно отзывчивъ на сравнительно дешевыя фосфорнокислыя удобренія. Изъ многочисленныхъ фактовъ, подтверждающихъ это положеніе, мы сошлемся на вегетаціонные опыты проф. Прянишникова въ Московскомъ Сельскохозяйственномъ Институтѣ, на полевые опыты нѣсколькихъ нашихъ опытныхъ станцій и на довольно уже обширную въ настоящее время практику въ свеклосахарныхъ и отчасти зерновыхъ хозяйствахъ черноземной полосы [1]):

[1]) Вегетаціонные опыты проф. Прянишникова показали, что на испытанныхъ имъ черноземныхъ почвахъ ни азотистое, ни калійное удобреніе не дѣйствовали, пока не была внесена фосфорная кислота; послѣдняя же вызывала рѣзкое повышеніе урожая (въ два и даже въ три раза), а добавленіе къ ней азотистаго удобренія—дальнѣйшее повышеніе. См. „Извѣстія Московскаго Сельскохозяйственнаго Института", годъ VII, кн. II, а также „Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства" за 1902 годъ, №№ 23 и 48.—Многолѣтніе опыты Плотянской опытной станціи князя П. П. Трубецкого въ Подольской губ. свидѣтельствуютъ, что „суперфосфатъ одинъ или въ сочетаніи съ прочими удобреніями вызываетъ почти повсюду замѣтное повышеніе урожая". См. „Опытное поле Плотянской станціи въ 1900 г.", табл. VII, стр. 53. „Изслѣдованія химической лабораторіи Плотянской станціи въ 1902 году", стр. 45. Данныя Кохановскаго опытнаго поля приводятъ къ заключенію, что „на южныхъ почвахъ фосфорно-

всѣ эти данныя, правда, еще недостаточно многочисленныя и требующія тщательной провѣрки, показываютъ, что фосфорная кислота находится на многихъ черноземныхъ почвахъ въ минимумѣ, вслѣдствіе чего внесеніе фосфатовъ вызываетъ крупный

кислое удобреніе даетъ наилучшіе результаты и оказывается наиболѣе рентабельнымъ". „Вѣстн. сел. хоз." за 1903 г. № 7. Деребчинское, опытное поле доказало, что мѣстныя почвы бѣдны фосфорной кислотой, и что на нихъ дѣйствіе суперфосфата и костяной муки равняется дѣйствію навоза. „Ежегодникъ русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденій". Выпускъ I, стр. 273. На опытномъ полѣ Тамбовскаго уѣзднаго земства наиболѣе выгоднымъ тукомъ явился суперфосфатъ (тамъ же стр. 457).—Всего болѣе наблюденій о вліяніи минеральныхъ туковъ собрано у насъ въ свекловичныхъ хозяйствахъ разныхъ районовъ черноземной полосы. „Многочисленные опыты въ имѣніяхъ П. И. Харитоненко", пишетъ проф. Прянишниковъ въ „Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства" за 1902 г., № 23, „произведенные преимущественно въ Харьковской и смежныхъ съ нею губерніяхъ черноземной полосы, показываютъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ недостающимъ элементомъ бываетъ именно фосфорная кислота". Въ опытахъ Я. М. Жукова, которые реферируетъ г. Прянишниковъ въ № 9. „Вѣстника Сельскаго Хозяйства" за 1903 годъ, дѣйствіе суперфосфата сказалось чрезвычайно рельефно и, „конечно, расходы по удобренію", прибавляетъ референтъ, „покрыты во много разъ приростомъ". Относительно прочихъ свекловичныхъ хозяйствъ многочисленныя данныя можно найти въ „Вѣстникѣ Сахарной Промышленности", напримѣръ, за 1901 годъ, №№ 4, 23; за 1902 годъ, №№ 16, 17 и др.—По части опытовъ съ хлѣбами заслуживаетъ вниманія сообщеніе А. И. Стебута въ „Вѣстникѣ Сельскаго Хозяйства" за 1904 г., № 7. Въ 1903 году произведенное весной поверхностное удобреніе дѣлянки въ четверть десятины 6 пудами суперфосфата имѣло послѣдствіемъ урожай ржи въ 55 пуд. 32 ф., т. е. съ десятины до 223 пудовъ. Въ рентабельности удобренія нельзя сомнѣваться, если упомянуть, что средній урожай 1903 года для всего имѣнія съ удобренными и запольными землями, по заявленію А. И. Стебута, равнялся 100 пудамъ съ казенной десятины. — Цѣлый рядъ фактовъ о выгодномъ дѣйствіи фосфорно-кислыхъ туковъ на черноземѣ отмѣченъ корреспондентами Министерства Земледѣлія за 1903 годъ и резюмированъ въ изданіи „1903 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи" Вып. VI. Эти факты относятся къ Ливенскому уѣзду Орловской губ. (стр. 233), къ Сумскому уѣзду Харьковской губ. (стр. 234 и 236), къ Заславскому уѣзду Волынской губ. (стр. 233), къ Винницкому и другимъ уѣздамъ Подольской губ. (стр. 233 и 240).—Хотя вышеприведенными наблюденіями устанавливается значительная вѣроятность благопріятнаго вліянія фосфорно-кислыхъ удобреній на черноземѣ, но этотъ вопросъ, при отсутствіи матеріаловъ для его рѣшенія въ заграничной литературѣ (по неимѣнію въ культурныхъ государствахъ Запада почвъ, сходныхъ съ нашимъ черноземомъ), требуетъ еще долгой внимательной работы со стороны нашихъ опытныхъ станцій и полей. Къ сожалѣнію, русскія сельскохозяйственныя опытныя учрежденія, поглощенныя массой другихъ научныхъ и практическихъ интересовъ, до сихъ поръ удѣляли этому предмету слишкомъ мало вниманія, насколько можно судить объ этомъ по отчетамъ, резюмированнымъ въ „Ежегодникѣ русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденій", Вып. I, 1901 г.

подъемъ урожаевъ и оплачивается съ большой прибылью. Въ нечерноземной полосѣ вопросъ о минеральныхъ удобреніяхъ долженъ привлечь къ себѣ особое вниманіе въ связи съ начавшимся широкимъ распространеніемъ травосѣянія. Посѣвы клевера и другихъ бобовыхъ, какъ о томъ было говорено выше, обогащаютъ почву азотомъ и служатъ средствомъ къ повышенію урожаевъ слѣдующихъ за ними зерновыхъ хлѣбовъ; но для того, чтобы это вліяніе бобовыхъ растеній обнаружилось въ надлежащей степени, въ почвѣ долженъ имѣться достаточный запасъ питательныхъ элементовъ, нужныхъ растенію, особенно фосфорной кислоты и кали. Оттого въ западно-европейской агрономической литературѣ и практикѣ необходимость снабжать клеверные и слѣдующіе за ними посѣвы достаточнымъ количествомъ фосфатовъ и калійныхъ солей считается нынѣ аксіомой, а уклоненіе отъ этого правила—признакомъ нераціональности хозяйства [1]). Наблюденія надъ крестьянскимъ травосѣяніемъ съ ясно-

[1]) Необходимость фосфорнокислыхъ и калійныхъ удобреній для бобовыхъ, чтобы обезпечить при ихъ помощи обильное привлеченіе дарового азота изъ атмосферы, была доказана въ началѣ 80-хъ годовъ во Франціи Виллемъ, и независимо отъ него въ Италіи—Солари. Но наиболѣе широкіе опыты по этой части, придавшіе особую популярность этой системѣ, были произведены въ Германіи въ срединѣ и концѣ 80-хъ годовъ Шульцомъ-Лупицъ. Примѣромъ своего хозяйства Шульцъ-Лупицъ убѣдительно показалъ, какія крупныя выгоды доставляетъ обильное пользованіе атмосфернымъ азотомъ на легкихъ песчаныхъ почвахъ. Въ умѣньи добывать азотъ изъ этого неисчерпаемаго источника онъ видѣлъ главный секретъ обогащенія земледѣльцевъ. Въ послѣднее время всего больше потрудился для выясненія способовъ привлеченія дарового азота при помощи бобовыхъ растеній П. Вагнеръ. Въ 1896 году П. Вагнеръ писалъ: „Самый дешевый источникъ азота есть атмосферный воздухъ, при помощи бактерій переводимый въ почву бобовыми растеніями. Чѣмъ роскошнѣе развиваются бобовыя, тѣмъ большее количество азота они берутъ изъ атмосферы. Чтобы побудить растенія къ обильному усвоенію атмосферного азота, нужно возможно интенсивнѣе питать ихъ каліемъ и фосфорной кислотой Удобреніе фосфорной кислотой и каліемъ какъ бы открываетъ для бобовыхъ растеній магазинъ азота въ атмосферномъ воздухѣ“. Наглядными вегетаціонными опытами П. Вагнеръ доказываетъ, что, благодаря кали-фосфатному удобренію, горохъ поглощаетъ изъ атмосферы втрое больше азота, чѣмъ безъ него. *Paul Wagner*. Düngungsfragen, Heft II, 16, 19. Въ новомъ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1904 году, П. Вагнеръ, резюмируя выводы излагаемыхъ тамъ опытовъ, пишетъ: „Заставлять лугъ или поле, занятое клеверомъ, люцерной, горохомъ, викой, лупиномъ или сераделлой, испытывать голодъ въ фосфорной кислотѣ, значитъ дозволять себѣ неслыханную роскошь, доступную только очень богатымъ людямъ. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, чтобы получить при помощи гороха изъ воздуха 100 килограммовъ азота, стоющіе на рынкѣ 80 марокъ, нужно издержать фосфорной кислоты на 16 марокъ. Если вы сэкономите на фосфорной кислотѣ, если вы дадите гороху лишь половину того количества

стью, на нашъ взглядъ, показываютъ, что и русской нечерноземной полосѣ давно пора вступить на тотъ же путь. Время не ждетъ. Несмотря на распространеніе клевера, подъема урожаевъ хлѣбныхъ растеній въ районахъ травосѣянія почти не замѣ-

---

Томасовой муки, которое требуется для полученія 100 килограммовъ азота, то вы сбережете 8 марокъ въ расходахъ по удобренію, но за то будете имѣть на азотѣ недовыручку въ 40 марокъ". „Такимъ образомъ", —заключаетъ Вагнеръ,— нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ удобрять кормовыя и луговыя растенія такимъ количествомъ фосфорной кислоты, какое только можетъ быть ими усвоено, и нѣтъ ничего безразсуднѣе, какъ заставлять эти растенія, равно какъ все, что называется бобовыми, испытывать голодъ въ фосфорной кислотѣ". Düngungsfragen, Heft V, 59, 60. Въ новомъ, 14 изданіи извѣстнаго Вольфова „Ученія объ удобреніи" (Wolff's Düngungslehre, 149) говорится: „Фосфорная кислота въ настоящее время въ Германіи стоитъ въ суперфосфатѣ среднимъ числомъ втрое, въ Томасовомъ шлакѣ вчетверо, а кали отъ восьми до десяти разъ дешевле, чѣмъ азотъ въ селитрѣ или амміачныхъ соляхъ. Съ помощью этихъ сравнительно дешевыхъ веществъ можно получать дорогой азотъ почти задаромъ".

Указанія спеціалистовъ, широко распространяемыя странствующими учителями земледѣлія, мелкими сельскохозяйственными обществами, товариществами, популярной литературой, нашли себѣ широкій доступъ въ сельскохозяйственную практику. Вы рѣдко встрѣтите теперь въ Германіи, Франціи или Сѣв. Италіи не только крупное, но даже крестьянское хозяйство, которое не старалось бы получить „задаромъ" дорогой азотъ, при помощи бобовыхъ, обильно удобряемыхъ Томасовой мукой и каинитомъ. Уже тотъ фактъ, что кали-фосфатныя удобренія съ одинаковымъ успѣхомъ примѣняются при посѣвахъ лупина, клевера или люцерны и на песчаныхъ почвахъ Сѣверной Германіи, и на берегахъ Рейна, и на плодородныхъ долинахъ сѣверо-итальянскихъ рѣкъ заставляетъ предполагать, что и наши почвы едва ли составляютъ исключеніе изъ широко обоснованнаго правила. Такое предположеніе оправдывается на самомъ дѣлѣ. Въ нашемъ отечествѣ можно найти не мало примѣровъ, что и въ русскихъ условіяхъ, въ частности на почвахъ и при климатѣ нечерноземной полосы, фосфорнокислыя и калійныя удобренія значительно повышаютъ урожаи какъ кормовыхъ травъ, такъ и слѣдующихъ за ними хлѣбныхъ растеній. Въ I выпускѣ „Ежегодника русскихъ сельскохозяйственныхъ опытныхъ учрежденій" сообщается, что на сельскохозяйственной фермѣ въ Горкахъ, Могилевской губ., урожай сѣна съ десятины, засѣянной клеверомъ, былъ слѣдующій: въ 1893 году: безъ удобренія—115 пудовъ, по фосфогипсу—249 пудовъ, по каиниту—286 пуд.; въ среднемъ выводѣ за 1894 и 1895 годъ: первогодній клеверъ безъ удобренія—96 пуд., по фосфогипсу—256 пуд., по каиниту—271 пудъ; второгодній безъ удобренія—58 пуд., по фосфогипсу—170 пуд.—по каиниту—135 пуд. Расходы по удобренію фосфогипсомъ равнялись 7 руб., по удобренію каинитомъ—11 рублямъ; прибыль, полученная отъ фосфогипса, составляла 47 рублей, отъ каинита 39 руб. на десятину (стр. 81). На той же фермѣ было опредѣлено вліяніе удобренія суперфосфатомъ на яровую пшеницу, слѣдовавшую за второгоднимъ клеверомъ. Въ среднемъ за три года безъ удобренія было получено съ десятины 76 пудовъ, по суперфосфату же 95 пудовъ, при чемъ во всѣ годы натура пшеницы на удобренныхъ участкахъ оказалась выше отъ 16 до 24 фунтовъ на четверть (стр. 82).—Опыты Батищевской станціи

чается,—ясный признакъ, что привлеченіе азота клеверомъ происходитъ въ недостаточной мѣрѣ, и что даже тотъ запасъ азота, какой накопляется въ почвѣ, не можетъ быть использованъ послѣдующими растеніями вслѣдствіе недостатка въ ней фосфорной кислоты и кали, унесенныхъ многовѣковой культурой хлѣбовъ.

доказываютъ громадное вліяніе каинита на клеверъ первыхъ трехъ лѣтъ пользованія. Разница въ укосѣ составляла до 200 пудовъ съ десятины. Растенія слѣдовавшія за клеверомъ, ленъ и рожь, дали двойной урожай (стр. 76—80) Въ опытахъ Запольской станціи урожай клевера въ среднемъ для трехъ лѣтъ при удобреніи томасшлакомъ былъ на 45 проц. выше противъ навознаго удобренія, положеннаго въ количествѣ 2400 пудовъ на десятину; рожь, по суперфосфату, уродилась на 56% больше, чѣмъ по навозу; овесъ по костяной мукѣ далъ на 49% больше, чѣмъ по навозному удобренію (стр. 66).—На Вятской опытной сельскохозяйственной станціи въ 1900 году гипсъ увеличилъ урожай клевера на 86%, суперфосфатъ на четвертый годъ послѣ внесенія удобренія поднялъ укосъ клевера на 62%. („Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству". Вып. пятый. 1902 г., стр. 638). Изъ сообщеній корреспондентовъ министерства земледѣлія, опубликованныхъ въ изданіи министерства „1903 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи", Вып. VI, мы узнаемъ, что удобреніе минеральными туками клеверныхъ полей начинаетъ кое-гдѣ примѣняться въ хозяйствахъ и обыкновенно приноситъ большія выгоды. Такія сообщенія имѣются: изъ Судогодскаго и Вязниковскаго у. Влад. губ. (с. 236), изъ Ржевскаго у. Тверской г. (с. 236), изъ Алексинскаго у. Тул. г. (с. 237), изъ Духовщинскаго у. Смоленской губ. (суперфосфатъ и каинитъ увеличили урожай сѣна вдвое и довели его до 500 пуд. съ десятины, стр. 241), изъ Новгородскаго у. (томасшлакъ и каинитъ, стоившіе 13 р. на десятину, увеличили чистую прибыль по сравненію съ неудобреннымъ участкомъ: для однолѣтняго клевера на 11 р., для двухлѣтняго—на 41 р., для трехлѣтняго на 16 руб., для четырехлѣтняго—на 20 р., стр. 242).

Приведенные примѣры, къ которымъ легко было бы прибавить десятки другихъ, даже болѣе рельефныхъ, достаточно убѣждаютъ въ выгодности минеральныхъ удобреній при травосѣяніи; но тѣмъ не менѣе въ самыхъ важныхъ областяхъ распространенія послѣдняго, въ губерніяхъ подмосковнаго района, этотъ способъ привлеченія „дарового азота" среди крестьянскихъ хозяйствъ, наиболѣе въ немъ нуждающихся, вовсе не примѣняется. Земскіе агрономы, распространяющіе травосѣяніе среди крестьянъ, превосходно знаютъ, что „томасшлакъ и пр. на почвахъ послѣ клевера дѣйствуютъ ничуть не хуже полнаго навознаго удобренія (2400 пуд. на десятину), а каинитъ повышаетъ урожаи и клевера и льна" (*Зубрилинъ.* „Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства, въ нечерноземной полосѣ. Изъ практики Волоколамскаго земства". стр. 130), но они не рѣшаются предлагать крестьянамъ это средство по той причинѣ, что, по мнѣнію агрономовъ, „вопросъ о рентабельности и условіяхъ примѣненія минеральныхъ туковъ недостаточно выясненъ и нуждается еще въ разработкѣ на опытныхъ поляхъ и фермахъ" (Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству 10-19 февраля 1901 года. Часть 1, стр. 51). Такъ какъ число земледѣльческихъ опытныхъ станцій, полей и фермъ въ нечерноземной полосѣ совершенно ничтожно, то достаточнаго выясненія вопроса о минеральныхъ тукахъ придется прождать еще многіе годы,

Скота тоже не прибавляется, такъ какъ крестьяне подъ вліяніемъ нужды и поддаваясь приманкѣ выгодныхъ цѣнъ, сплошь и рядомъ продаютъ клеверъ на сторону. Начинаютъ раздаваться голоса, что травосѣяніе принесло одно разочарованіе. Но прежде, нежели произносить приговоръ „клеверному движенію“, пусть скептики подумаютъ: виноватъ ли довѣрчивый сельскій людъ въ томъ, что ему рекомендовали травосѣяніе не въ современной постановкѣ съ широкимъ примѣненіемъ минеральныхъ туковъ, а въ устарѣлой формѣ, практиковавшейся въ Италіи до Солари и въ Германіи до Шульца-Лупицъ.

Мы видѣли, что переходъ крестьянскаго хозяйства къ улучшеннымъ системамъ вызывается неотложною жизненной необходимостью. Но спрашивается, можетъ ли онъ быть оправданъ экономическими соображеніями? Недостатокъ продовольственныхъ средствъ, составляющій въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи истинное бѣдствіе крестьянства, зависитъ тамъ отъ двухъ причинъ. Прежде всего, у крестьянъ мало земли и вообще, и въ частности теперь, по сравненію съ первымъ временемъ послѣ освобожденія. Крестьянство стремится всячески увеличить земельный просторъ, выселяясь на новыя мѣста, прикупая землю при помощи Крестьянскаго Банка, въ особенности же забирая въ аренду все, что можно снять изъ земельныхъ угодій. Съ другой стороны, земля даетъ слишкомъ малые сборы. Крестьянство само чувствуетъ это и во многихъ мѣстахъ идетъ навстрѣчу попыткамъ земствъ къ поднятію техники земледѣлія и скотоводства. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію величайшая важность причинъ перваго рода и настоятельная необходимость придти на помощь сельскому на-

---

если наши земскія агрономическія организаціи, по примѣру итальянскихъ странствующихъ каѳедръ, сами не примутъ мѣръ къ провѣркѣ на тщательныхъ мѣстныхъ опытахъ того, что давно выработано въ теоріи и въ практикѣ безчисленныхъ заграничныхъ хозяйствъ. Къ сожалѣнію, сколько-нибудь солидно обставленные опыты съ минеральными удобреніями были до сихъ поръ недоступны для земскихъ агрономовъ, въ виду ничтожности отпускаемыхъ на это суммъ (въ Московской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, напримѣръ, по 50 руб. на уѣздъ). Каждый, кто знаетъ, чего стоятъ минеральныя удобренія, и какого труда и вниманія требуетъ правильное производство опытовъ, согласится съ тѣмъ, что на подобныя грошевыя средства нельзя выяснить ничего какъ это и оказывается на практикѣ. Если мы станемъ искать объясненія пробѣловъ въ постановкѣ нашего крестьянскаго травосѣянія, то едва ли не увидимъ его въ томъ роковомъ фактѣ, что въ русскомъ государственномъ бюджетѣ находятся средства на все, что угодно, но ихъ никогда не оказывается на созданіе нужнаго количества опытныхъ станцій и на снабженіе уже существующихъ станцій достаточными средствами для работы.

селенію въ его борьбѣ съ малоземельемъ. Средства, ведущія къ этой цѣли, ясно сознаны нашимъ обществомъ и въ подробностяхъ разработаны какъ литературой,—такъ, въ особенности въ послѣднее время, комитетами Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности [1]). Гораздо менѣе оцѣнены у насъ мѣры второго рода, на которыхъ, поэтому, я и намѣренъ преимущественно остановить вниманіе, въ параллель тому, что отмѣчено было выше въ примѣненіи къ западно-европейскому хозяйству.

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ сравнительномъ значеніи обоихъ разрядовъ мѣръ, выяснимъ прежде всего предѣлы достижимаго въ той и другой области. Представимъ себѣ, что вся удобная земля, находящаяся въ Европейской Россіи, какимъ-либо чудомъ попала въ руки крестьянъ. Насколько увеличилось бы отъ этого, при неподвижности земледѣльческихъ системъ, количество добываемой пищи? По единственно полнымъ, но нынѣ уже сильно устарѣлымъ свѣдѣніямъ 1877—78 гг., все землевладѣніе крестьянъ исчисляется въ 131 милл. десятинъ. Всѣхъ прочихъ земель, кромѣ крестьянскихъ и государственныхъ, считается 108 милл. дес. Если къ нимъ присоединить еще 4 милл. дес. изъ государственныхъ земель [2]), и въ такомъ случаѣ прибавляющаяся площадь была бы много меньше той, которая имѣется нынѣ во владѣніи крестьянъ. Но прибавка не будетъ достигать даже этого размѣра. Около половины частновладѣльческихъ удѣльныхъ и государственныхъ удобныхъ земель уже теперь находится въ пользованіи крестьянъ на арендномъ правѣ: общее пространство арендуемой крестьянами земли можно принять въ 40 милл. дес. [3]). Обращеніе всей удобной земли въ собственность крестьянъ увеличило бы нынѣшнее ихъ пользованіе (171 милл. дес.) на 72 милл. дес. или на 42%. Но это лишь средняя цифра. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи почти вся земля перешла въ руки крестьянъ или путемъ покупокъ, или чрезъ аренду. Такъ, напримѣръ, въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи считается болѣе 90% всей земли въ эксплоатаціи крестьянъ. Во Владимірскомъ уѣздѣ, согласно недавно появившемуся земско-статисти-

[1]) Превосходный сводъ и оцѣнку мнѣній комитетовъ даетъ статья, *А. В. Пѣшехонова* „Земельныя нужды деревни“ въ сборникѣ „Нужды деревни“ Спб., 1904 г., Т. II.

[2]) Всѣхъ государственныхъ земель, по изслѣдованію 1877—78 гг., считалось 150 милл. дес., но изъ нихъ на удобныя земли приходится лишь 2,5%, все же прочее пространство занято неудобными землями и лѣсами.

[3]) Проф. Карышевъ въ спеціальномъ своимъ изслѣдованіи объ арендахъ считалъ для 50-ти губ. Европейской Россіи даже около 50-ти милл. дес.

ческому изслѣдованію, 91% всей пахотной площади принадлежитъ крестьянамъ, но и изъ остающихся 9% почти все сдается имъ же въ аренду. Въ подобныхъ мѣстностяхъ, которыхъ немало въ густо-населенныхъ частяхъ Европейской Россіи, прибавка крестьянскаго землевладѣнія—пустое слово.

Посмотримъ, съ другой стороны, на предѣлы возможныхъ улучшеній техники. Обычные наши урожаи на крестьянскихъ земляхъ въ 35—40 пудовъ ржи на десятину до такой степени ничтожны, что самыхъ примитивныхъ, всѣмъ доступныхъ улучшеній достаточно для того, чтобы поднять сборъ на половину противъ нынѣшняго его уровня. По многочисленнымъ наблюденіямъ агрономовъ, одного лучшаго подбора сѣмянъ почти что достаточно для полученія такой прибавки [1]). Но вѣдь техника располагаетъ несравненно болѣе могущественными средствами. Урожай въ 30 квинталовъ ржи на гектаръ или въ 200 пудовъ на десятину, считается въ мѣстностяхъ съ широкимъ примѣненіемъ искусственныхъ туковъ довольно нерѣдкимъ. Даже доведеніе урожая до половины подобнаго сбора, до размѣра 15 квинталовъ на гектаръ, равняющагося среднему за послѣдніе годы урожаю ржи въ Германской имперіи и давно уже достигаемаго въ лучшихъ русскихъ экономіяхъ, въ три раза превысило бы эффектъ обращенія въ крестьянское пользованіе всей удобной земли Европейской Россіи. Стоитъ вдуматься въ эти отношенія, чтобы понять всю серьезность вопросовъ, связанныхъ съ улучшеніемъ техники.

Другимъ критеріемъ для сравнительной оцѣнки разсматриваемыхъ мѣръ можно считать болѣе или менѣе быструю ихъ осуществимость. Расширеніе площади крестьянскаго землепользованія обычными доступными при настоящихъ условіяхъ способами можетъ совершаться лишь крайне медленно. Двадцать слишкомъ лѣтъ работаетъ Крестьянскій Банкъ, а между тѣмъ съ его помощью крестьяне прикупили за все время лишь 5 милл. десятинъ, что составляетъ не больше 3% по отношенію къ принадлежащей имъ земельной площади. Въ теченіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія идетъ эмиграція русскаго крестьянства въ Сибирь, а между тѣмъ съ 1885 по 1901 гг. ушло туда всего 1.207.000 человѣкъ [2]), т. е. гораздо меньше того числа, на которое

---

[1]) Въ Тверскомъ уѣздѣ подмѣчено, что, благодаря улучшенію сѣмянъ при помощи самыхъ простыхъ приспособленій для сортировки, урожай увеличился на 50%. Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству (10—19 февраля 1901 года. Часть I, стр. 54).

[2]) *„Вѣстникъ Финансовъ“*. 1903 г. № 45.

каждый годъ прибавляется населеніе Россіи. Успѣшнѣе всего происходитъ расширеніе крестьянскаго землепользованія путемъ аренды, но въ этомъ отношеніи крестьянствомъ сдѣлано уже все, что можно,—снято все, что до сихъ поръ сдавалось и сдается. Дальше идти по этому пути некуда. Крестьянскія аренды открываютъ широкое поприще для усовершенствованій въ смыслѣ упроченія и улучшенія условій договора, въ смыслѣ пониженія неестественно, силой нужды, вздутыхъ цѣнъ [1]); но что касается дальнѣйшей прибавки земли при помощи арендъ, то надежды на этотъ счетъ плохи: скорѣе можно ожидать обратнаго,—сокращенія арендъ подъ вліяніемъ возрастающаго интереса частныхъ землевладѣльцевъ къ собственному хозяйствованію. Такимъ образомъ, приходится признать, что увеличеніе запаса пищи у крестьянъ путемъ приращенія земельной площади можетъ совершаться и совершается лишь медленно,—настолько медленно, что оно далеко не поспѣваетъ за ежегоднымъ приростомъ населенія.—Иное нужно сказать о техническихъ улучшеніяхъ. Завися единственно отъ знаній и средствъ, усовершенствованіе техники находится въ полномъ распоряженіи самого человѣка, не сталкиваясь ни съ какими политическими направленіями или пріобрѣтенными правами. Если я знаю, что мѣшокъ суперфосфата можетъ удвоить у меня урожай ржи, и имѣю въ карманѣ 3 рубля 50 коп., чтобы пріобрѣсти его, то никакая сила не можетъ помѣшать мнѣ примѣнить эту простую операцію на моей нивѣ. Оттого, разъ въ умы сельскаго населенія проникаетъ сознаніе цѣлесообразности тѣхъ или другихъ улучшеній, они осуществляются съ поразительною быстротой,—съ такой быстротой, которая не имѣетъ ничего общаго съ темпомъ перемѣнъ въ землевладѣніи.

Да не подумаетъ кто-нибудь, что я возражаю противъ давнихъ стремленій лучшей части русскаго общества вывести крестьянство изъ нищеты путемъ прибавки земли. Напротивъ, я ясно сознаю, что каждая лишняя десятина, попавшая въ руки крестьянства, есть неоцѣнимое благо, которое навѣки будетъ увеличивать сумму довольства въ народной средѣ, и что на извѣстной степени малоземелья безъ прирѣзки земли останутся недѣйствительными всякія иныя мѣры. Я хочу указать лишь на то, что однимъ этимъ способомъ, даже въ самомъ крайнемъ, въ

---

[1]) Вопросу о значеніи арендъ въ Россіи и необходимыхъ реформахъ въ этой области, въ связи съ Трудами Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, посвящены статьи проф. *А. А. Мануилова* и проф. *В. М. Хвостова* въ „Очеркахъ по крестьянскому вопросу". Т. II. 1905 г. и *А. И. Каминка* въ сборникѣ „Нужды деревни". 1904 г.

сущности недостижимомъ его примѣненіи, не можетъ быть въ достаточной мѣрѣ уменьшена глубина моря народной нужды. Поднятіе же техники, напротивъ, открываетъ болѣе широкія перспективы и, что главное, можетъ быть относительно быстро осуществлено силами самого общества, сознательно и разумно направленными.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прибавка землепользованія, напримѣръ, путемъ аренды, являлась бы для крестьянъ возможною, имъ нерѣдко выгоднѣе съ затратой лишняго труда и капитала поднять урожай на собственномъ участкѣ, нежели прибѣгать къ найму чужой земли. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи арендная плата доходитъ до 15—20-ти рублей за десятину и больше. Въ подобныхъ случаяхъ для крестьянина можетъ существовать прямой разсчетъ добыть требующееся добавочное количество пищи со своего участка, обработавъ и удобривъ его по указаніямъ современной техники, вмѣсто того, чтобы принанимать землю на сторонѣ. Затративъ 20 рублей на минеральныя удобренія, конечно, при условіи соотвѣтственно лучшей обработки, онъ можетъ получить со своей десятины несравненно больше лишняго хлѣба и корма, нежели съ кое-какъ обработанной нанятой десятины. Въ подтвержденіе я позволю себѣ привести одинъ изъ безчисленныхъ имѣющихся примѣровъ. Профессоръ Грандо въ опытахъ, которые онъ ведетъ въ парижской агрономической станціи Parc des Princes, издерживаетъ минеральныхъ удобреній по разсчету на гектаръ на 60 франковъ, что составляетъ по курсу около 23-хъ рублей на десятину. Посмотримъ же, сколько приноситъ такая затрата. Опыты Грандо подробно описаны имъ за многіе годы, но я беру лишь одинъ изъ послѣднихъ годовъ. Въ 1901 году Грандо получилъ на удобренныхъ участкахъ 28 квинталовъ ржи съ гектара, что, по разсчету на десятину, составитъ 183 пуда, тогда какъ на неудобренныхъ участкахъ сборъ ржи равнялся всего 12,5 квинталамъ, т. е. 83-мъ пудамъ на десятину. Уже одна прибавка 100 пудовъ ржи на десятину съ лихвою окупаетъ расходъ на удобренія, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что за тѣ же деньги Грандо получилъ еще 32 квинт. или 214 пудовъ съ десятины лишней соломы [1]). Оказывается, такимъ образомъ, что за сумму, по какой орловскій или курскій крестьянинъ снимаютъ чужую пашню,

[1]) Приводимый опытъ подробно изложенъ L. Grandeau въ газетѣ „Le Temps" отъ 16 августа 1902 года.

они на собственныхъ земляхъ могли бы получить втрое больше хлѣба и соломы. Но если бы даже, израсходовавъ 20 рублей на удобренія, крестьянинъ получилъ не столько продуктовъ, сколько съ тою же затратой получаетъ Грандо, а вдвое меньше, и въ такомъ случаѣ ему выгоднѣе было бы издержать эти 20 рублей именно на удобренія, а не на аренду. Ему пришлось бы въ такомъ случаѣ засѣять и обработать не двѣ, а одну десятину, значитъ сберeглись бы лишнія сѣмена и трудъ. Но, что еще важнѣе, посредствомъ лучшей механической обработки и болѣе интенсивнаго удобренія крестьянинъ способствовалъ бы улучшенію своей земли, тогда какъ, напротивъ, вывозя на арендованную десятину хотя и малую долю накопленнаго запаса удобреній, который иначе пошелъ бы на собственный участокъ, онъ неизбѣжно уменьшаетъ возможное плодородіе послѣдняго.

На-ряду съ изложенными прямыми выгодами подъема техники на крестьянскихъ земляхъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и косвенныхъ. Земско-статистическія изслѣдованія съ ясностью показываютъ, что высота арендныхъ цѣнъ зависитъ у насъ не столько отъ естественной производительности почвы, сколько отъ соотношенія между спросомъ на землю со стороны крестьянъ и предложеніемъ земли; уже давно замѣчено статистиками, что въ разныхъ селеніяхъ однихъ и тѣхъ же уѣздовъ высота арендной платы бываетъ обратно пропорціональна степени надѣленія крестьянскихъ дворовъ землей. Но размѣръ спроса на чужую землю опредѣляется не однимъ только количествомъ собственной земли, а также и суммою продуктовъ, получаемыхъ съ той и другой. Если крестьянину, имѣющему двѣ десятины надѣльной пашни, приходится изъ-за недостаточности добываемыхъ съ нихъ пищевыхъ средствъ и корма принанимать на сторонѣ еще двѣ десятины, то при повышеніи урожаевъ съ помощью раціональной техники на 50%, онъ можетъ ограничиться арендованіемъ всего одной десятины, а принимая во вниманіе возможность приложить улучшенные пріемы и къ нанятой землѣ, пожалуй, даже меньше одной десятины. Что это не есть лишь абстрактное разсужденіе, видно изъ фактовъ, которые въ послѣднее время наблюдались повсюду, гдѣ произошло массовое улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Такъ, въ тѣхъ селеніяхъ Московской губерніи, въ которыхъ черезъ достаточно длинный срокъ по введеніи травосѣянія было произведено обслѣдованіе, одною изъ главныхъ выгодъ новой системы полеводства оказалось пониженіе расходовъ на наемъ земли подъ покосы, являющійся господству-

ющимъ въ губерніи видомъ аренды [1]). Такая экономія произошла частью отъ того, что деревни съ травосѣяніемъ стали снимать меньше земли на сторонѣ, частью же отъ того, что понизилась арендная плата. Такимъ образомъ, улучшеніе хозяйства на собственной землѣ обѣщаетъ сдѣлать болѣе льготными и условія пользованія чужими землями.

Другимъ способомъ дополненія скуднаго дохода отъ земли служитъ для крестьянина продажа своей рабочей силы въ видѣ найма въ частновладѣльческія имѣнія или отхода на разные промыслы. Милліоны рабочихъ рукъ привлекаются этимъ путемъ ежегодно въ чужія хозяйства. Извѣстно, что наша заработная плата, особенно въ густо населенныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, крайне низка, и это объясняется преимущественно вынужденнымъ предложеніемъ рабочей силы. По вычисленіямъ департамента окладныхъ сборовъ у насъ вообще имѣется крупный излишекъ рабочихъ силъ, который для 1900 года опредѣлялся по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи въ 52%, а въ земледѣльческихъ черноземныхъ губерніяхъ—даже въ 64—68% наличныхъ работниковъ [2]). Но не одинъ этотъ избытокъ рабочихъ силъ, а, главнымъ образомъ, безысходная нужда заставляетъ малоземельнаго крестьянина гнаться за всякими средствами добыть себѣ пищу. Улучшеніе техники прежде всего дастъ дополнительное занятіе на своемъ участкѣ: всѣ работы должны будутъ выполняться тщательнѣе и, слѣдовательно, потребуютъ больше времени и затраты труда. Но, кромѣ того, съ повышеніемъ валового дохода отъ земли уменьшится въ соотвѣтствующей пропорціи необходимость продавать на сторону рабочую силу: къ этому не будетъ побуждать, по крайней мѣрѣ, неотложная и неустранимая продовольственная нужда. По двумъ указаннымъ основаніямъ крестьянину возможно будетъ сбывать свой трудъ въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ и, слѣдовательно, на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Выше мы говорили о важномъ значеніи поднятія урожаевъ на крестьянскихъ земляхъ при помощи улучшенныхъ пріемовъ земледѣлія. Можетъ, однако, явиться вопросъ: чѣмъ же крестьянскій дворъ, въ особенности захудалый, будетъ покрывать дополнительныя затраты, неизбѣжно вызываемыя повышеніемъ интенсивности хозяйства (на лучшія сѣмена, на искусственныя удоб-

---

[1]) *В. Г. Бажаевъ*. Крестьянское травопольное хозяйство въ нечерноземной полосѣ Европейской Россіи, стр. 260, 231.

[2]) *Вѣстникъ Финансовъ*, 1903, № 45.

ренія, на болѣе совершенныя орудія)? Отвѣтъ кажется намъ яснымъ:—тѣмъ же, чѣмъ покрываются въ настоящее время въ малоземельныхъ хозяйствахъ расходы на прикупку недостающаго хлѣба или на арендованіе чужихъ земель,—именно, сторонними заработками крестьянской семьи. Произвести съ помощью техническихъ улучшеній лишній хлѣбъ въ своемъ хозяйствѣ выгоднѣе, чѣмъ купить то же количество на рынкѣ. Съ точки зрѣнія крестьянскаго двора, въ первомъ случаѣ оплачивается лишь часть средствъ производства, другая же часть,—силы человѣка и животныхъ, а также орудія,—поставляется самимъ дворомъ; между тѣмъ во второмъ случаѣ въ рыночной цѣнѣ хлѣба долженъ быть покрытъ крестьянскимъ дворомъ весь капиталъ, затраченный въ чужомъ хозяйствѣ на производство хлѣба, въ томъ числѣ и расходъ на оплату рабочей силы, равно какъ живого и мертваго инвентаря. Первый исходъ представляется цѣлесообразнѣе и съ точки зрѣнія всего русскаго народнаго хозяйства. Наши крестьяне владѣютъ, по сравненію съ принадлежащею имъ площадью земли, крупнымъ избыткомъ рабочей силы, а часто также и инвентаря: при введеніи болѣе раціональной земледѣльческой техники, эти нынѣ безплодно пропадающія силы найдутъ себѣ цѣлесообразное приложеніе въ производствѣ дополнительной пищи.

Я не буду подробно останавливаться на вопросѣ о совмѣстимости техническихъ улучшеній съ господствующимъ въ Россіи общиннымъ строемъ крестьянскаго землевладѣнія [1]). Длинные споры на эту тему, еще такъ недавно раздававшіеся въ нашемъ обществѣ и литературѣ, нынѣ разрѣшены самою жизнью. Мудрено доказывать недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію,—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ. Дальнѣйшіе шаги уже гораздо легче. Улучшенныя сѣмена могутъ быть испробованы при всякой формѣ землевладѣнія; мірское устройство даже помогаетъ пріобрѣтенію лучшихъ сѣмянъ: цѣлою общиной легче купить ихъ или завести сортировку. Искусственныя удобренія, которыя стоятъ теперь на ближайшей очереди, приносятъ свой результатъ немедленно, въ тотъ же посѣвъ, когда они вложены въ

[1]) Довольно подробную разработку этого вопроса можно найти въ статьѣ *А. А. Чупрова* въ сборникѣ „Нужды деревни", 1904 г., т. II, въ особенности стр. 136—147.

землю, вслѣдствіе чего мірскіе передѣлы не представляютъ для нихъ никакой помѣхи. Объ усовершенствованныхъ орудіяхъ и говорить нечего: то изъ нихъ, что доступно и цѣлесообразно для крестьянскаго хозяйства, столь же быстро распространяется въ общинныхъ селеніяхъ, какъ и въ деревняхъ съ подворнымъ устройствомъ. Плугъ въ значительной части общинной Россіи вытѣснилъ соху; сортировки, вѣялки, молотилки простой конструкціи продаются во множествѣ земскими складами во всѣхъ полосахъ Россіи. Такимъ образомъ, для ближайшихъ, самыхъ настоятельныхъ преобразованій техники общинное устройство не представляетъ препятствій, а о прочемъ намъ пока и мечтать нечего.

IX.

Осуществимоость улучшеній въ крестьянской земледѣльческой техникѣ.— Примѣры быстраго распространенія новыхъ сельскохозяйственныхъ орудій и пріемовъ среди крестьянъ: водвореніе плуга; развитіе травосѣянія; примѣненіе минеральныхъ туковъ.—Необходимость агрономической помощи народу.— Земская агрономическая организація; ея успѣшный, но недостаточный ростъ.— Важная роль грамотности при пропагандѣ улучшеній.—Способы обезпеченія притока капиталовъ, необходимыхъ для подъема техники у крестьянъ.—Громадная потребность земледѣльцевъ въ кредитѣ и ничтожное его развитіе въ Россіи.—Вопросъ о кредитоспособности крестьянъ.—Источникъ средствъ для мелкаго крестьянскаго кредита.—Заключеніе.

Мы указали на необходимость и цѣлесообразность преобразованія крестьянской земледѣльческой техники. Но это—такая обширная, сложная и трудная задача, что многимъ она представляется почти безнадежною. При обозрѣніи длиннаго пути, пройденнаго исторіей сельскаго хозяйства въ Западной Европѣ, каждаго невольно поражаетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что травосѣяніе, извѣстное во Фландріи еще въ XIII вѣкѣ, перешло въ сосѣднюю Германію только въ концѣ XVI столѣтія, а распространилось тамъ повсемѣстно лишь въ первой половинѣ XIX вѣка. Если ужъ западно-европейскіе народы, далеко насъ опередившіе по части культурнаго развитія, употребили цѣлый рядъ поколѣній на переходъ отъ тысячелѣтняго господства трехполья къ болѣе раціональнымъ системамъ полеводства, то какъ же мы, при общей нашей отсталости, при малограмотности, захудалости и безправности нашей деревни, можемъ мечтать о томъ, что русскій крестьянинъ въ не особенно продолжительный, доступный нашему предвидѣнію срокъ успѣетъ водворить въ своемъ хозяйствѣ тѣ же пріемы, которые принесли новую жизнь нѣмецкому или датскому земледѣльцу?

Конечно, если, сложа руки, ожидать, пока крестьянинъ самостоятельно надумается переломать свое многовѣковое трехполье, то пришлось бы прождать, можетъ быть, сотню лѣтъ, да и не одну. Но вѣдь въ Западной Европѣ представители агрономическаго знанія въ наши дни сами разыскали земледѣльца на его поляхъ, познакомили его съ новыми пріемами хозяйства и вдохнули въ его душу горячую вѣру въ возможность достигнуть лучшаго будущаго чрезъ слѣдованіе по путямъ, намѣченнымъ наукой. Крестьянинъ мало податливъ на отвлеченное разсужденіе, даже на краснорѣчивую проповѣдь, но если передъ его глазами проходитъ яркій фактъ, съ неопровержимой наглядностью доказывающій выгоды чего-нибудь новаго, то онъ хватается за это новое съ увлеченіемъ, со страстью, напоминающими по своей живости чувства ребенка. Отчеты лицъ, которымъ приходилось въ послѣдніе годы сталкиваться съ крестьянствомъ по поводу разныхъ затѣянныхъ земствами улучшеній, полны свидѣтельствъ объ этой своеобразной народной психологіи, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще мало изученной. Остановимся хотя бы на распространеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Вотъ, напримѣръ, разсказъ земскаго агронома, много лѣтъ работавшаго въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи [1]).

65-тилѣтній старикъ - старообрядецъ сообщаетъ агроному, какъ въ ихъ деревнѣ завелись плуги. Въ первый разъ завезенъ былъ плугъ сыномъ старика, жившимъ на заработкахъ въ Петербургѣ. Сынъ привезъ плугъ отцу въ подарокъ, но старообрядецъ и слышать не хотѣлъ о плугѣ, какъ сынъ ни убѣждалъ его. Пришло время метать паръ. Лѣто было сухое; земля „заклякла, какъ кирпичъ". Ждали дождя, но не дождались, а больше мѣшкать съ пашней было нельзя. „Виѣхали въ поле",— продолжаетъ старикъ,—„вся деревня на сохахъ, только Василій мой запрягъ плугъ и сталъ на одной полосѣ, а я съ меньшимъ парнемъ вдали отъ него на другой. Только работа у насъ совсѣмъ не клеится: десять шаговъ отъѣдешь,—стой: то подвои ослабли, то сошникъ загнулся или выскочилъ, то черезсѣдельникъ оборвался; что ни придумывай, а дѣло бросать приходится и всѣ такъ-то. Только посмотрю-посмотрю въ сторону Василія, а

---

[1]) Разсказъ взятъ изъ интересной книги *А. А. Зубрилина* „Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ". М. 1901, стр. 93. Нельзя не пожалѣть, что въ нашей литературѣ слишкомъ мало книгъ, подобныхъ названной: прочіе агрономы не слѣдуютъ примѣру г. Зубрилина,— не дѣлятся съ публикой наблюденіями и впечатлѣніями изъ своей практики

онъ работаетъ безъ останову. Подошелъ я къ нему и—глазамъ не вѣрю: лошадь идетъ ровно, только хвостикомъ помахиваетъ; плугъ работаетъ превосходно, дѣлаетъ широкую и чистую борозду, пластъ разсыпаетъ и заваливаетъ навозъ такъ, какъ сохѣ никогда не сдѣлать и съ сырою землей; человѣкъ держитъ его одною рукой, а въ другой кнутъ и возжи. Взялъ это я его въ руки, да какъ прошелъ кругомъ борозды двѣ—три, вѣрите ли, очумѣлъ отъ удивленія: никакой, то-есть, силы не надо, словно съ пустыми руками идешь. Спрашиваю у Василія: „Гдѣ ты купилъ его?"—„Въ Питерѣ".—„А что, въ городѣ никто ими не торгуетъ?" Говоритъ, слышалъ, будто въ земствѣ есть, а тамъ не знаю, правда ли, нѣтъ ли. „Ну,—говорю,—поди, возьми мою лошадь изъ сохи да погоняй въ городъ, привози еще два плуга, только смотри, чтобы точно такихъ, какъ этотъ, другихъ не надо". Ну, Василій, значитъ, въ городъ, а ко мнѣ сталъ народъ подходить,—всѣ любуютъ его, пробуютъ и удивляются. Въ то же лѣто половина деревни обзавелась плугами, а на другой годъ почти всѣ ужъ сохи побросали".

„Не мало селъ и деревень", пишетъ одинъ изъ земскихъ корреспондентовъ Александровскаго уѣзда Владимірской губерніи: „въ которыхъ три-четыре года тому назадъ совершенно не знали употребленія плуга, теперь же почти разучились пользоваться сохой". Составитель отчета объ успѣхахъ крестьянской земледѣльческой техники во Владимірской губерніи сдѣлалъ попытку численно изобразить ростъ плужной обработки въ губерніи, на основаніи показаній земскихъ корреспондентовъ по текущей статистикѣ. Оказалось, что въ 1897 году на 196 показаній, свидѣтельствующихъ объ употребленіи плуга, имѣлось 212, говорящихъ, что плугъ не употребляется, а въ 1903 г. первыхъ показаній было 373, а вторыхъ—только 84. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, каковы Александровскій, Ковровскій, Покровскій, почти не было въ 1903 г. показаній о неупотребленіи плуговъ [1]).

Систематическая работа земства по водворенію клевера въ Волоколамскомъ у. Моск. губ. началась съ 1892 г., но въ первое время дѣло подвигалось туго. Это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что при переходѣ къ правильному травосѣянію крестьянскимъ общинамъ приходилось переломать въ корень все свое хозяйство. Въ первое время просили о введеніи травосѣянія

[1]) *Вс. Никольскій.* Къ вопросу объ успѣхахъ техники земледѣлія въ крестьянскихъ хозяйствахъ Владимірской губерніи. 1903. Изд. Влад. губ. упр., стр. 2.

не больше 10—15-ти обществъ въ годъ. Въ 1897 году вдругъ поступили приговоры о разбивкѣ полей отъ 42-хъ сельскихъ обществъ. Чѣмъ же объясняется такой внезапный поворотъ? „Въ 1897 году“, пишетъ г. Зубрилинъ, „по случаю засушливаго лѣта и весны луговыя и лѣсныя травы дали половинный сборъ сѣна, а укосъ клевера оказался весьма удовлетворительнымъ, и въ то время, какъ у хозяевъ безъ клевера ощущался значительный недостатокъ въ кормѣ (а цѣна сѣна дошла до 28—35-ти коп. за пудъ), крестьяне, у которыхъ было заведено травосѣяніе, не только не нуждались въ покупкѣ кормовъ, но еще продавали клеверъ, получая большую выгоду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многіе по опытамъ своихъ сосѣдей убѣдились, что при замѣнѣ трехполья новымъ сѣвооборотомъ, несмотря на сокращеніе площади зерновыхъ хлѣбовъ, общая сумма сбора хлѣбовъ не только не уменьшается, но даже возрастаетъ“ (стр. 32). Подъ вліяніемъ этихъ опытовъ спросъ на сѣмена былъ такъ великъ, что управа едва могла съ нимъ справиться. Крестьяне готовы были занимать деньги изъ 36%, а иногда даже до 100% въ годъ, лишь бы только обзавестись клеверными сѣменами (стр. 34).

Чѣмъ инымъ, какъ не крайнею нуждой и этою порывистою страстностью, можно объяснить почти безпримѣрный въ исторіи сельскаго хозяйства фактъ, что уже къ 1898 году, черезъ шесть лѣтъ послѣ первыхъ опытовъ въ Волоколамскомъ уѣздѣ, перешли къ правильному полевому травосѣянію 138 сельскихъ обществъ, а въ 1905 году обществъ съ травосѣяніемъ имѣлось уже 172, и имъ принадлежало 57% всей надѣльной земли въ уѣздѣ? Еще быстрѣе шло дѣло въ другихъ уѣздахъ Московской губерніи, которые приступили къ водворенію травопольнаго хозяйства уже послѣ удачнаго примѣра Волоколамскаго. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ 1896 году ввели правильное травосѣяніе 5 обществъ, въ 1897 г. тоже 5, а въ 1898 году сразу 62 общества, такъ что къ 1905 году имѣлось въ этомъ уѣздѣ 151 общество съ правильнымъ травопольемъ, которымъ принадлежало около 22% надѣльной земли. Въ цѣлой Московской губерніи въ 1904 г. считалось уже, судя по отчету губернской земской управы, 996 селеній съ правильнымъ общественнымъ травосѣяніемъ. И все это произошло въ какія-нибудь 12 и даже, вѣрнѣе, въ 10 лѣтъ! Столь же быстрые успѣхи сдѣлало травосѣяніе и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Въ Тверской губерніи въ 1897 г. подъ крестьянскимъ травосѣяніемъ находилось 3.973 дес., въ 1898 г.—уже 6.700 дес., а въ 1899 г.—14.152 дес.; въ 847-ми селеніяхъ изъ 10.036 уже имѣлось въ томъ году общественное тра-

восѣяніе. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напримѣръ, въ Зубцовскомъ и Старицкомъ, почти половина селеній сѣютъ траву. Въ Псковской губерніи развитіе травосѣянія идетъ тоже съ замѣчательною быстротой. По свѣдѣніямъ, собраннымъ уполномоченнымъ министерства земледѣлія, въ 1901 году травосѣяніе примѣнялось въ 614-ти обществахъ Псковскаго уѣзда, въ 250-ти Опочскаго, въ 68-ми Холмскаго. Въ Псковскомъ уѣздѣ зарегистровано 5.618 дворовъ, сѣявшихъ клеверъ, что составляетъ болѣе 1/5 всѣхъ дворовъ уѣзда. Замѣчательно, что все это движеніе развилось въ послѣднія пять лѣтъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, чрезвычайной цѣнности клеверищъ для посѣва льна [1]).

То же нужно сказать объ употребленіи крестьянами улучшенныхъ сѣмянъ. Въ 1898 году владимірское земство собрало свѣдѣнія о попыткахъ введенія усовершенствованнаго посѣвнаго матеріала. Оказалось, что въ томъ году это были единичные, разрозненные опыты, безъ системы, интересные, по словамъ составителя отчета, „не столько своимъ непосредственнымъ значеніемъ, сколько какъ первые шаги въ важной земледѣльческой отрасли, которой вся роль еще въ будущемъ. Прошло пять лѣтъ, и неувѣренные опыты выросли въ крупное дѣло, прочно и широко поставленное“. Въ 1903 году 45% всѣхъ корреспондентовъ земства сообщаютъ, что въ ихъ районахъ у крестьянъ въ ходу улучшенные сорта сѣмянъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ этотъ процентъ доходитъ до 66 и даже 69 [2]).

Примѣненіе минеральныхъ туковъ встрѣчается въ нашихъ деревняхъ пока очень рѣдко, но тамъ, гдѣ крестьяне убѣдились въ его пользѣ, оно развивается съ тою же быстротой, какая была отмѣчена выше относительно земледѣльческихъ орудій и травосѣянія. Вотъ, что разсказывается въ изданіи Владимірскаго земства о томъ, какъ пошла въ ходъ среди крестьянъ Меленковскаго уѣзда костяная мука. Предсѣдатель Крюковскаго сельскохозяйственнаго общества, распространяющаго свои дѣйствія на четыре волости, выяснивъ въ собственномъ имѣніи выгодность для той мѣстности фосфорнокислыхъ туковъ, поставилъ показательные опыты на крестьянскихъ земляхъ каждой изъ четырехъ волостей. Костяная мука разсыпалась подъ озимую рожь на участкахъ, удаленныхъ отъ усадебъ и потому не удобрявшихся. Опыты оказались весьма удачными, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. „Крестьянинъ И. Н. Гудилевъ на неудобренномъ

---

1) „Русск. Вѣд.“ 1902 г., № 25.

2) *Вс. Никольскій*, стр. 27, 29.

участкѣ получилъ съ десятины 507 снопов и 25 пудовъ 29 фунтовъ зерна, на участкѣ же, удобренномъ 32-мя пудами муки изъ сырой кости, собралъ 1.137 сноповъ и 84 пуда зерна,—прибавка зерна составила 58 пуд. 11 ф. Крестьянинъ Корытниковъ на неудобренномъ участкѣ собралъ съ десятины 688 сноповъ и 43 п. зерна, а на удобренномъ 32-мя пудами муки изъ жженой кости—1.120 сноповъ и 100 пуд. 8 ф. зерна,—прибавка равнялась 56 пуд. 32 ф. Какъ только эти и другіе сходные, не приводимые нами, опыты сдѣлались извѣстными, крестьяне тотчасъ же начали покупать костяную муку, что немедленно отразилось на оборотахъ склада Крюковскаго сельскохозяйственнаго общества. Складомъ было отпущено искусственныхъ удобреній: въ 1899-1900 г.—202 пуда, въ 1900-01—260 п., въ 1901-02—1.411, въ 1902-03—7.220, въ 1903-04—19.822 пуда. Въ 1903 году туки разошлись въ 1200 крестьянскихъ хозяйствахъ 46 селеній [1].—Съ еще большимъ успѣхомъ дѣйствовало въ смыслѣ распространенія минеральныхъ туковъ среди крестьянъ Псковское общество сельскаго хозяйства. Путемъ опыта въ частныхъ хозяйствахъ общество убѣдилось, что искусственныя удобренія повышаютъ урожайность при благопріятныхъ условіяхъ и правильномъ ихъ примѣненіи болѣе чѣмъ на 100%, и что расходы на него окупаются съ прибылью въ два—три раза противъ затраченной суммы. Начавъ послѣ того усиленно рекомендовать искусственные туки хозяевамъ, общество въ сравнительно короткое время достигло довольно значительныхъ результатовъ. До 1893 года изъ складовъ общества продавалось населенію, преимущественно Псковскаго уѣзда, искусственныхъ удобреній отъ 1.000 до 2.500 пуд. въ годъ. Съ 1894 года обороты склада съ этимъ товаромъ начинаютъ возрастать съ быстротой, все ускоряющейся. Продажа искусственныхъ туковъ составляла: въ 1894 году—6.035 пуд., въ 1896 г.—6.895 пуд., въ 1898 г.—18.725 пуд., въ 1900 г.—53.422 пуд., въ 1902 г.—102.000 пуд. [2]). Удобренія расходятся преимущественно между крестьянами. Центральный складъ общества имѣлъ въ числѣ своихъ покупщиковъ въ 1902 году около 6.000 крестьянъ-одиночекъ и 229 артелей изъ крестьянъ [3]). Насколько вошло

---

[1]) *Гвоздецкій.* „Очеркъ мѣропріятій земствъ Владимірской губ. по содѣйствію мѣстному сельскому хозяйству". 1903, стр. 68—72, и *Вѣст. сел. хоз.* за 1904 г. № 41, ст. *А. Новикова* на основаніи „Трудовъ" Крюковскаго общества.

[2]) Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи сельскому хозяйству. Часть II, Псковская губ. Обзоръ, доставленный псковскимъ общ. сельск. хоз., стр. 6.

[3]) *„Хозяинъ"*, 1903 г., № 50. Извлеченіе изъ отчета псковск. общ. сельск. хоз. за 1902 г.

въ обычай минеральное удобреніе среди крестьянъ нѣкоторыхъ частей Псковскаго уѣзда, указываетъ тотъ фактъ, что въ Елизаветинскомъ кредитномъ товариществѣ, по сообщенію его попечителя, отмѣчено много ссудъ въ размѣрѣ отъ 3 р. 65 к. до 10 р. на одинъ, два или три мѣшка суперфосфата. Это товарищество въ 1901 году выдало натурой крестьянамъ въ кредитъ до 8.000 пуд. суперфосфата [1]).

Я не могу дольше останавливаться на разныхъ видахъ начавшагося среди крестьянъ движенія къ перестройкѣ своихъ земледѣльческихъ порядковъ; но что это движеніе возникло, быстро развивается и достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительной интенсивности,—въ этомъ каждый можетъ убѣдиться уже изъ вышеприведенныхъ фактовъ. Нельзя не придавать величайшей важности этимъ первымъ признакамъ обновленія въ крестьянскомъ хозяйствѣ; они показываютъ, что потребность въ улучшеніи хозяйства народилась, что пути къ нему намѣтились и ясно сознаются заинтересованными лицами, а это, по свидѣтельству западно-европейскаго опыта, составляетъ основное условіе всѣхъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Нужно удивляться, какъ такое выдающееся явленіе,—явленіе, которому, на мой взглядъ, почти нѣтъ равнаго по важности въ нашей новѣйшей экономической исторіи,—проходится безъ вниманія нашею общею печатью и даже сравнительно мало было затронуто въ работахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Исторія перемѣнъ въ хозяйственной техникѣ ясно свидѣтельствуетъ, что стремленіе къ нимъ безъ помощи свѣдущихъ лицъ обыкновенно не можетъ даже возникнуть среди мелкихъ земледѣльцевъ, а если и возникнетъ, способно бываетъ при первой неудачѣ заглохнуть и затормозиться. Возьмемъ, напримѣръ, травосѣяніе. Оно началось въ Московской губерніи съ попытокъ самихъ крестьянъ, по большей части вызванныхъ подражаніемъ частнымъ хозяйствамъ, но эти опыты показали все безсиліе крестьянства справиться съ новымъ дѣломъ. Сельскія общества, введшія травосѣяніе, скоро пришли къ такому безпорядочному пестрополью, изъ котораго не видѣли никакого иного выхода, кромѣ прекращенія посѣвовъ травы. Начало правильнаго травосѣянія и его быстрые успѣхи прямо связаны здѣсь съ устройствомъ земской агрономической организаціи. Въ еще большей степени приходится сказать то же объ искусственныхъ тукахъ: немногіе примѣры ихъ примѣненія въ крестьянскихъ хозяйст-

---

[1]) „*Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства*“, 1902 годъ, № 14.

вахъ осуществились подъ непосредственнымъ вліяніемъ сельско-хозяйственныхъ обществъ или отдѣльныхъ спеціалистовъ.

Агрономическая организація при земствахъ—фактъ совершенно новый: первые ея примѣры встрѣчаются не раньше 1889 года. Полная организація, какъ она сложилась къ настоящему времени, состоитъ изъ совѣщательныхъ коллегіальныхъ учрежденій,—экономическихъ совѣтовъ при губернскихъ и уѣздныхъ управахъ,—и исполнительныхъ органовъ,—губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ агрономовъ. По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ министерствомъ земледѣлія, къ 1904 году изъ 34-хъ губернскихъ земствъ 32 располагали уже сельскохозяйственными коллегіальными органами, а изъ 359-ти уѣздныхъ земствъ такіе органы имѣлись при 218; губернскіе агрономы были приглашены 32 губернскими, а уѣздные—219-ю уѣздными земствами [1]).

Одну изъ наиболѣе привившихся у насъ формъ культурнаго воздѣйствія на крестьянскую земледѣльческую технику представляетъ устройство сельскохозяйственныхъ складовъ. Склады орудій и сѣмянъ стали заводиться земствами сравнительно давно, но лишь со времени учрежденія земскихъ агрономическихъ органовъ они превратились въ орудіе широкаго распространенія знаній и массового улучшенія техническихъ пріемовъ. Число складовъ въ 1891 году не превышало 50-ти, а къ 1904 году они имѣлись въ 310 изъ 359 земскихъ уѣздовъ. Оборотные капиталы, назначенные для операцій складовъ, въ 1895 году составляли около 700 тысячъ рублей, въ 1898 году дошли до 2 милл. рублей, а къ 1904 году, по даннымъ министерства земледѣлія, поднялись до $6,_8$ милл. руб. [2]). Какъ широко пользуется населеніе складами, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Псковское общество сельскаго хозяйства въ своемъ отчетѣ за 1902 годъ сообщаетъ, что въ этомъ году число покупателей изъ склада и его отдѣленій простиралось до 16.000 чел. (въ 1900 г. было 9.227 [3]). Въ ярославскомъ губернскомъ земскомъ складѣ за девять мѣсяцевъ 1900 г. перебывало покупателей 6.240 лицъ, изъ которыхъ многіе обращались за совѣтомъ къ агрономамъ [4]). Самарскимъ складомъ пользуются почти исключительно крестьяне, и притомъ въ количествахъ, все

---

[1]) Справочныя свѣдѣнія о дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Вып. VII, с. XIV, XV.

[2]) Справочныя свѣдѣнія о дѣят. земствъ по сел. хоз. Вып. VII, стр. XI.

[3]) Отчетъ изложенъ въ журналѣ „*Хозяинъ*“ за 1903 г., № 50-й.

[4]) Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи сельскому хозяйству. 1901 г. Часть II. Ярославская губ.

возрастающихъ; къ его услугамъ обратились: въ 1896 году—20, въ 1897—185, въ 1898—392, въ 1899 г.—1.458 крестьянъ [1]).

Хотя агрономическая организація введена теперь въ большинствѣ земствъ, но тѣмъ не менѣе нельзя закрывать глаза на то, что мы находимся еще при первыхъ зачаткахъ серьезной работы въ этой области. Есть земскія губерніи, въ которыхъ не имѣется никакихъ слѣдовъ такой организаціи; даже тамъ, гдѣ мы ее находимъ, она по большей части неполна. Начать съ того, что во многихъ губерніяхъ приглашены губернскіе агрономы, но нѣтъ уѣздныхъ или во всѣхъ, или въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Если, впрочемъ, и въ каждомъ уѣздѣ имѣется агрономъ, этого еще недостаточно для полнаго осуществленія сельскохозяйственной помощи народу. Уѣздъ—слишкомъ крупная единица: нужны спеціалисты, дѣйствующіе въ меньшихъ районахъ, хотя бы въ качествѣ помощниковъ агрономовъ съ среднимъ и даже съ низшимъ сельскохозяйственнымъ образованіемъ [2]). То же приходится сказать о земскихъ складахъ: уѣздные города очень отдалены отъ многихъ частей уѣзда; необходимы отдѣленія въ возможно большемъ числѣ пунктовъ. Изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу выполнено до сихъ поръ земскими организаціями пока немного. Въ черноземной полосѣ еще твердо не установлено, повидимому, какую систему полеводства слѣдуетъ рекомендовать крестьянамъ взамѣнъ отживающаго зерноваго трехполья, и дѣло находится пока въ подготовительной стадіи [3]). Въ

---

[1]) Тамъ же. Самарская губ.

[2]) Въ странахъ, которыя съ полною энергіей принялись за агрономическое содѣйствіе населенію, спеціалистамъ поручаются гораздо меньшіе районы, нежели наши уѣзды. Такъ, въ итальянской провинціи Парма, которая, по послѣдней переписи, имѣла, за вычетомъ города Пармы, 220 т. жителей (т. е. столько же, сколько числится обыкновенно въ нашихъ уѣздахъ), до 1904 года находилась одна такъ-называемая „странствующая каѳедра", при которой состояли профессоръ и два его помощника, всѣ съ высшимъ агрономическимъ образованіемъ; въ 1904 же году устроены въ провинціи еще три самостоятельныхъ каѳедры, замѣщенныя по конкурсу докторами сельскохозяйственныхъ наукъ. Къ одной изъ новыхъ каѳедръ причислено 11 общинъ, къ другой—10, къ третьей—7, при центральной же пармской каѳедрѣ оставлено 22 общины. Замѣтимъ, что общины пармской провинціи имѣютъ среднимъ числомъ по 4.500 жителей и, значитъ, похожи на наши волости (см. журналъ пармской каѳедры *L'Avvenire Agricolo*, 1904, № 3).

[3]) Отсутствіе достаточно разработаннаго плана новыхъ формъ хозяйства, долженствующихъ смѣнить у крестьянъ черноземной полосы зерновую систему, прямо признается въ Запискѣ департамента земледѣлія, представленной въ Особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. „Полевые посѣвы клевера и тимофеевки, распространившіеся въ нечер-

нечерноземной полосѣ самой жизнью выдвинуто на первое мѣсто распространеніе травосѣянія среди крестьянъ, которое всецѣло поглощаетъ нынѣ вниманіе агрономовъ. При неожиданно быстромъ развитіи травосѣянія, при необходимости приноровить его къ господствующимъ порядкамъ общиннаго землевладѣнія, у земскихъ агрономовъ уходитъ столько времени на составленіе плановъ перехода отъ трехполья къ многополью и на разбивку полей, что имъ некогда подумать больше ни о чемъ,—ни объ увеличеніи выгодъ травосѣянія посредствомъ искусственныхъ туковъ, ни объ умноженіи и улучшеніи скотоводства, ни о болѣе совершенной переработкѣ молочныхъ продуктовъ, не говоря уже о множествѣ другихъ задачъ, которыя соприкасаются съ незатронутыми до сихъ поръ сторонами крестьянской сельскохозяйственной жизни. Воздѣйствіе агрономовъ успѣшно распространяется вширь, но не идетъ пока вглубь. Въ такомъ положеніи дѣло долго оставаться не можетъ: вмѣстѣ съ увеличеніемъ личнаго состава, земскія агрономическія организаціи должны будутъ постепенно возлагать на себя все новыя и новыя задачи.—Недостаточность современной агрономической помощи населенію обнаруживается изъ того факта, что на нее удѣляются земствами слишкомъ малыя средства. Земскія ассигнованія растутъ съ каждымъ годомъ, однако и до сихъ поръ они составляютъ очень скромную сумму,—именно, въ 1903 году—3.335 тыс. рублей на всю земскую Россію. Есть земства, которыя отпускаютъ на экономическія предпріятія до 300 тыс. и даже до 350 тыс. рублей (вятское и полтавское), но нѣкоторыя назначаютъ на всю эту отрасль дѣятельности по 9 тыс. руб. въ годъ (Рязанское, Пензенское [1]). Въ первыхъ двухъ губерніяхъ ассигнованіе составляетъ около 10 коп., а въ послѣднихъ—меньше 1 коп. на душу населенія. Какъ бы ни были усердны и энергичны агрономическіе дѣятели, съ подобными суммами широко не развернешься.

Существеннымъ подспорьемъ для земскихъ агрономовъ въ дѣлѣ распространенія техническихъ знаній могло бы явиться развитіе **грамотности**, на важную роль которой постоянно встрѣ-

---

ноземной полосѣ, не могутъ служить примѣромъ для крестьянъ черноземнаго района, потому что условія и требованія этого района совсѣмъ другія". Министерство думаетъ замѣнить въ нѣкоторыхъ губерніяхъ посѣвы травъ культурой кормового бурака, въ другихъ ввести посѣвы люцерны и эспарцета, въ третьихъ пустить въ ходъ степныя травы, но всѣ эти предположенія пока еще не провѣрены достаточнымъ опытомъ. Прил. къ № 42 „*Вѣстника Финансовъ*", 1902 г., № 42.

[1]) Справочныя свѣдѣнія о дѣят. земствъ по сел. хоз. Вып. VII., стр. XII.

чаются указанія въ отчетахъ земствъ [1]). Нигдѣ, быть можетъ, не обнаруживается въ такой степени связь между начальнымъ образованіемъ и народнымъ богатствомъ, какъ въ области сельскохозяйственныхъ улучшеній. Грамотная среда гораздо болѣе воспріимчива къ новымъ пріемамъ, нежели патріархальное, рутинное, умственно-косное населеніе. Не удивительно, поэтому, что травосѣяніе, улучшенныя орудія, лучшія сѣмена,—все это привилось преимущественно въ губерніяхъ, группирующихся около Москвы, гдѣ земства съ давнихъ поръ усердно работаютъ по части народнаго образованія и успѣли уже провести большую часть жителей черезъ правильныя школы. Скромные труженики просвѣщенія у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, являются творцами народнаго благосостоянія. Долго пришлось имъ работать лишь въ надеждѣ на будущіе плоды ихъ усилій; теперь эти плоды начинаютъ кое-гдѣ созрѣвать, но мы стоимъ еще при самомъ началѣ жатвы. Нельзя забывать, что даже въ земскихъ губерніяхъ около половины поступающихъ въ военную службу не умѣютъ читать и писать, а въ неземскихъ цѣлыхъ двѣ трети ихъ неграмотны. Такихъ губерній, какъ Московская, Ярославская, Тверская, гдѣ $^{9}/_{10}$ новобранцевъ знаютъ грамоту, а $^{1}/_{5}$ даже имѣютъ свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса въ школахъ, у насъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ немного. Возможно быстрое приближеніе прочихъ губерній къ этому образцу составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій для улучшенія земледѣльческаго хозяйства, а черезъ то и для подъема благосостоянія крестьянъ.

На-ряду съ распространеніемъ знаній, кореннымъ условіемъ реформы крестьянскаго хозяйства является **притокъ капиталовъ**. Мелкій земледѣлецъ не только въ нашей захудалой деревнѣ, но даже въ болѣе зажиточныхъ западно-европейскихъ странахъ не въ силахъ на собственныя средства обзавестись всѣмъ, что нужно для постановки дѣла на новыхъ, раціональныхъ началахъ. Существуютъ многочисленныя доказательства того факта, что преобразованіе сельскохозяйственной техники, осуществленное западноевропейскимъ крестьянствомъ въ концѣ прошлаго вѣка, было бы совершенно немыслимо, если бы одновременно съ новыми пріемами не явились разнообразные виды кредита. Земледѣльческіе синдикаты отпускали крестьянамъ въ долгъ орудія, сѣмена и искусственныя удобренія, сельскія ссудныя товарищества снабжали ихъ всѣми

[1]) Нѣсколько очень характерныхъ отзывовъ этого рода приведено въ „*Вѣстникъ Фин.*“ (1904, № 12-й, стр. 540).

прочими видами оборотныхъ капиталовъ, а гипотечные и меліоративные банки давали средства для долгосрочныхъ улучшеній. Лишь широкимъ размѣромъ общедоступнаго кредита, приспособленнаго по своимъ формамъ къ нуждамъ сельскихъ жителей, можно объяснить поразительную быстроту техническаго перерожденія нѣмецкой или итальянской деревни. Примѣръ Запада съ несомнѣнною очевидностью показываетъ, что безъ устройства народнаго кредита въ достаточномъ объемѣ и въ цѣлесообразныхъ формахъ нечего и думать объ успѣшномъ осуществленіи крупныхъ перемѣнъ въ земледѣліи. Оттого всякій, кто желалъ бы вывести наше крестьянство изъ нищеты посредствомъ поднятія производительности его труда, долженъ съ полною ясностью сознавать, что всѣ попытки этого рода останутся безплодными, пока не будетъ создано правильныхъ органовъ для привлеченія къ мелкому земледѣлію недостающихъ ему капиталовъ.

Относительно кредитной помощи народу у насъ много говорится, но почти ничего не дѣлается. Практика земскихъ складовъ показываетъ, какъ громадна и неотложна потребность въ отпускѣ крестьянамъ въ ссуду на короткіе сроки сѣмянъ, орудій, а подчасъ и удобреній. Если бы земства не раздавали крестьянамъ въ долгъ клеверныхъ сѣмянъ, общественное травосѣяніе оставалось бы до сихъ поръ въ области благихъ пожеланій. Что это такъ, доказательствомъ служитъ прекращеніе многими селеніями Московской губерніи повторныхъ посѣвовъ травъ единственно потому, что сѣмена предоставлялись земствами въ долгъ лишь на одинъ первый посѣвъ. Успѣшное распространеніе плуговъ въ нѣкоторыхъ русскихъ губерніяхъ прямо объясняется продажей ихъ крестьянамъ въ кредитъ изъ земскихъ складовъ. Склады въ своихъ отчетахъ постоянно свидѣтельствуютъ о настоятельной нуждѣ населенія въ кредитѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о своей неспособности удовлетворять ее. Лишенные достаточныхъ оборотныхъ средствъ, склады вынуждены сокращать, а иногда и вовсе прекращать отпускъ своихъ товаровъ въ кредитъ и отягчать условія ссудъ. Многочисленные примѣры, имѣющіеся у меня подъ руками, ясно показываютъ, что всякая подобная заминка въ кредитованіи тотчасъ же отражается на работѣ складовъ. Такимъ образомъ, дѣло улучшенія крестьянскаго хозяйства существенно тормозится отсутствіемъ у земствъ капиталовъ, иногда очень скромныхъ.

Еще прямѣе и полнѣе могли бы соотвѣтствовать запросамъ народа спеціальныя кредитныя учрежденія, но число ихъ въ нашей странѣ до сихъ поръ ничтожно. На 1-е января 1904 года у

насъ числилось: 892 ссудо-сберегательныхъ товарищества, 378 кредитныхъ товариществъ и, кромѣ того, на 1 января 1902 г.—582 сельскихъ банка [1]). Правда, есть еще немало унаслѣдованныхъ отъ дореформеннаго времени сберегательно-вспомогательныхъ кассъ и мірскихъ ссудныхъ капиталовъ, но эти учрежденія существуютъ больше по имени вслѣдствіе явнаго несоотвѣтствія ихъ уставовъ требованіямъ банковой техники и условіямъ новаго времени. Что значатъ имѣющіяся на всю нашу громадную страну 2.000 кредитныхъ учрежденій по сравненію хотя бы съ Германіей, въ которой на 1-е іюля 1904 г. существовало 12.477 сельскихъ кредитныхъ товариществъ, не считая многочисленныхъ сберегательныхъ кассъ, тоже оказывающихъ личный кредитъ земледѣльцамъ? По этому масштабу намъ нужно было бы увеличить число нашихъ кредитныхъ учрежденій по крайней мѣрѣ разъ въ пятнадцать; но даже и такой прибавки мало, если принять во вниманіе, что нашему крестьянину недоступенъ тотъ источникъ средствъ, который имѣется къ услугамъ заграничнаго въ гипотечномъ кредитѣ.

Я не буду касаться техническихъ вопросовъ, связанныхъ съ устройствомъ народнаго кредита [2]), но не могу обойти двухъ возраженій, которыя обычно противополагаются у насъ всякому проекту кредитной помощи народу.

Говорятъ, нашъ крестьянинъ некредитоспособенъ. Это мнѣніе одинаково имѣетъ своихъ сторонниковъ и среди ученыхъ, и въ правительственныхъ вѣдомствахъ [3]), однако оно не согласуется съ современными взглядами на существо производительнаго кредита и съ опытомъ Западной Европы. Выше, въ отдѣлѣ

---

[1]) XXIX отчетъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, 1904 г.

[2]) Обстоятельный сводъ мнѣній Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ мелкаго кредита въ Россіи, равно какъ весьма цѣнныя собственныя соображенія по этому предмету, можно найти въ статьѣ проф. *М. Я. Герценштейна* въ сборникѣ „Нужды деревни", Т. II, стр. 375—485.

[3]) Проф. Исаевъ въ своей извѣстной книгѣ „Начала политической экономіи" (3-е изд., стр. 484) говоритъ, что „русская деревня не представляетъ данныхъ, необходимыхъ для развитія дешеваго личнаго кредита: кромѣ небольшаго меньшинства, сельскій людъ и въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, и въ своихъ промыслахъ, мѣстныхъ и отхожихъ, не даетъ обезпеченія для возврата ссуды". Подобное же сужденіе высказывается въ запискѣ, представленной кредитною канцеляріей въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности (*Вѣст. Фин.*, 1902, № 21-й, особенно стр. 327 и 328).

о кредитныхъ товариществахъ уже, было изложено, что кредитъ, по его современному пониманію, есть передача капитала изъ однѣхъ рукъ въ другія съ цѣлью его воспроизведенія въ чужомъ предпріятіи. Если существуютъ твердыя основанія предполагать, что предпріятіе возстановитъ въ производительномъ процессѣ ссуженный капиталъ, то оно должно считаться кредитоспособнымъ, хотя бы у его хозяина не имѣлось собственнаго имущества. Чрезъ приложеніе къ мелкому кредиту начала кооперацiи достигается обезпеченіе правильнаго возстановленія капитала и возвратъ его къ кредитору въ опредѣленный срокъ. Мы не будемъ излагать здѣсь теоріи мелкаго кредита, но не можемъ не замѣтить, что, опираясь на ея простыя истины, Шульце-Деличъ создалъ для нѣмецкихъ городскихъ ремесленниковъ, не обладавшихъ ничѣмъ, кромѣ рабочихъ рукъ и малоцѣнныхъ орудій, особый типъ кооперативныхъ кредитныхъ учрежденій, которыя при крахахъ послѣдняго времени оказались благонадежнѣе грандіозныхъ банковъ. Нашъ крестьянинъ, какъ онъ ни бѣденъ, имѣетъ больше, чѣмъ тѣ рядовые городскіе ремесленники, для которыхъ были устроены первые народные банки. Кромѣ рабочихъ рукъ, у него есть земля и часть необходимаго капитала въ видѣ скота и орудій; у него заведено хозяйство; ему не требуется создавать все изъ ничего, какъ сплошь и рядомъ ремесленнику. Бѣда въ томъ, что трудъ земледѣльца малопроизводителенъ отъ недостатка знаній и средствъ; но мы уже показали выше, что нашъ крестьянинъ во многихъ мѣстахъ жадно стремится измѣнить свое хозяйство, и что въ обществѣ постемпенно создается организація, готовая помочь ему въ этихъ стремленіяхъ. Если, заведя травополье или плодосмѣнъ, улучшивъ сѣмена, пустивъ въ дѣло подходящія минеральныя удобренія, крестьянинъ вдвое подниметъ свой земельный доходъ, то эта прибавка и составитъ тотъ источникъ, изъ котораго онъ будетъ выплачивать ссуду. На пониманіи этой простой истины построено все зданіе современнаго мелкаго сельскаго кредита, и мнѣ удивительно, что нѣкоторые наши ученые и спеціалисты-практики не принимаютъ ея въ расчетъ. Чѣмъ инымъ, какъ не яснымъ сознаніемъ той же истины объясняется безпрепятственное кредитованіе итальянскими земледѣльческими синдикатами мелкихъ съемщиковъ чужихъ участковъ, половниковъ, у которыхъ, какъ общее правило, нѣтъ ни своей земли и даже скота. Синдикатъ знаетъ, что, вложивъ въ почву въ рекомендуемой имъ пропорціи суперфосфатъ или селитру, половникъ получитъ на своемъ участкѣ такой сборъ, который съ избыткомъ вернетъ всѣ затраты,

и этого достаточно, чтобы, напримѣръ, какъ приводилось выше, въ Падуанскомъ синдикатѣ было принято за правило отпускать каждому изъ его членовъ товары изъ склада въ кредитъ на сумму до 200 лиръ (75 руб.) безъ всякаго поручительства. Хотя большинство клiентовъ Падуанскаго синдиката—мелкiе люди, но онъ въ теченiе многолѣтняго существованiя не имѣлъ никакихъ убытковъ отъ своихъ льготныхъ ссудъ. Подобные опыты имѣются и у насъ. Такъ, Московское земство щедро кредитовало крестьянъ при покупкѣ ими клеверныхъ сѣмянъ и никогда до сихъ поръ не оставалось въ накладѣ. Псковское Общество сельскаго хозяйства отпускаетъ изъ своихъ складовъ товары въ кредитъ и крестьянамъ, и частнымъ землевладѣльцамъ, и, какъ это ни странно, первые оказываются болѣе исправными плательщиками, нежели послѣднiе. За три года (1898—1900) Обществомъ выдано было разныхъ товаровъ въ ссуду 274 землевладѣльцамъ на сумму 14.701 р. и 4.713 крестьянамъ-домохозяевамъ на сумму 35.338 р.; за первыми осталось не погашенныхъ 2.237 р., за крестьянами же—лишь 303 р. [1]). Это и понятно. Такъ какъ искусственныя удобренiя, которыя преимущественно выдаются въ ссуду псковскимъ крестьянамъ, увеличиваютъ въ тѣхъ мѣстахъ урожай хлѣбовъ и льна вдвое, а то и втрое, то, продавъ полученный сборъ, заемщикъ первымъ дѣломъ спѣшитъ возвратить ссуду, хорошо зная, что въ слѣдующiй разъ онъ снова безпрепятственно получитъ ее и, напротивъ, лишится кредита, а съ нимъ и крупнаго добавочнаго дохода, если обманетъ довѣрiе. Весь секретъ успѣшности подобныхъ операцiй, особенно искусно примѣняемыхъ въ Сѣверной Италiи [2]), состоитъ именно въ томъ, что каждая ссуда сопровождается вѣрнымъ и быстрымъ подъемомъ дохода, изъ котораго она тотчасъ же и выплачивается.

Другой пунктъ — о средствахъ. Откуда взять сельскимъ кредитнымъ учрежденiямъ тѣ крупные капиталы, которые потребуются нашему крестьянству для того, чтобы улучшить его земледѣльческую технику? Рѣшенiе этого вопроса опять дается современною теорiей и опытомъ Западной Европы. Какъ общее правило, кредитное учрежденiе представляетъ собою организацiю мѣстнаго круговращенiя капиталовъ въ чужихъ

---

[1]) См. извлеченiе изъ отчета Псковскаго Общ. сел. хоз. за 1901 г. въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* за 1902 г., № 315.

[2]) См. статьи автора въ *Русск. Вѣд.* 1900 г., №№ 335, 340, 353 и 360.

предпріятіяхъ [1]). Пока въ данной мѣстности нѣтъ настоящихъ банковъ, тамъ не существуетъ никакого иного кредита, кромѣ ростовщическаго; но какъ скоро заведены правильныя банковыя учрежденія, гарантирующія вѣрный возвратъ капиталовъ, тотчасъ же находятся и мѣстныя средства, которыя и начинаютъ приливать къ нимъ. Германскія и австрійскія учрежденія народнаго кредита съ тѣхъ поръ, какъ ихъ прочность при помощи окружныхъ и центральныхъ кассъ утвердилась на незыблемыхъ основаніяхъ, не знаютъ, что дѣлать со скопляющимися капиталами: имъ, по заявленіямъ руководителей, приходится бороться теперь не съ недостаткомъ, а съ чрезмѣрнымъ обиліемъ денегъ. Что мѣстныя сбереженія имѣются и у насъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ быстрый ростъ вкладовъ въ государственныя сберегательныя кассы съ тѣхъ поръ, какъ въ 1896 году было измѣнено къ лучшему ихъ устройство. Къ 1904 г. остатокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы дошелъ до громадной цифры—1.022 милл. р., и такой приростъ совершился въ самое короткое время; изъ этой суммы почти половина поступила отъ сельскихъ вкладчиковъ. Если учрежденія для мелкаго народнаго кредита получатъ у насъ, наконецъ, солидную и цѣлесообразную организацію,—на что въ послѣднее время какъ-будто появляются надежды,—то можно не безъ основанія разсчитывать, въ виду многочисленныхъ западно-европейскихъ примѣровъ, что, по крайней мѣрѣ, часть тѣхъ средствъ, которыя оттягиваются нынѣ отъ деревни сберегательными кассами, останется на мѣстѣ и въ формѣ банковыхъ вкладовъ пойдетъ на пользу сельскому населенію. Въ самомъ дѣлѣ, отъ кого поступаютъ мѣстные вклады въ сберегательныя кассы? Возьмемъ для примѣра Курскую губернію. Въ ней собрано было кассами въ 1902 г. отъ единоличныхъ вкладчиковъ 120.20.000 руб. Изъ этого количества 3.141.300 руб. поступили отъ лицъ, занимающихся земледѣліемъ и сельскими промыслами, и 1.935.100 руб.—отъ лицъ духовнаго званія (Отч. гос. сбер. кассъ за 1901 г., стр. 148). И зажиточные крестьяне, и духовенство стоятъ близко къ мѣстнымъ кредитнымъ учрежденіямъ и имѣютъ полную возможность присматриваться къ ихъ дѣятельности и оцѣнивать ихъ прочность. Если результаты этой оцѣнки будутъ благопріятны, то очевидный интересъ заставитъ многихъ изъ этихъ лицъ предпочесть помѣщеніе своихъ денегъ на мѣстѣ отдачѣ ихъ въ сберегательную кассу. Уже то обстоятельство, что

---

[1]) Обстоятельное развитіе этой мысли можно найти въ цитированномъ выше сочиненіи проф. В. А. Косинскаго.

наши сберегательныя кассы платятъ по вкладамъ меньше $3\frac{1}{2}$% (въ 1901 г.—3,37%), а ссудо-сберегательныя и кредитныя товарищества, по крайней мѣрѣ,—5% (первыя, въ среднемъ выводѣ изъ 500 отчетовъ, платили въ 1901 г. 5,1%), заставитъ людей, умѣющихъ считать, перевести свои вклады изъ сберегательныхъ кассъ въ мѣстныя товарищества. Съ упорядоченіемъ народнаго кредита, быть можетъ, и само управленіе сберегательныхъ кассъ подѣлится частью сосредоточенныхъ въ его рукахъ колоссальныхъ средствъ съ мѣстными мелко-кредитными учрежденіями, что и для самихъ сберегательныхъ кассъ, и для цѣлаго русскаго народнаго хозяйства было бы несравненно выгоднѣе нынѣшняго помѣщенія этихъ средствъ въ бумаги желѣзныхъ дорогъ и ипотечныхъ банковъ, и безъ того находящія себѣ достаточно покупателей [1]).

Мы показали, что техника крестьянскаго хозяйства, а съ нею и благосостояніе деревни могли бы быстро повышаться, если-бы былъ обезпеченъ широкій приливъ въ народную среду знаній и капиталовъ. Нужно, однако, помнить, что такая задача, какъ поднятіе доходности многихъ милліоновъ мелкихъ хозяйствъ, не можетъ быть разрѣшена изъ одного центра. Здѣсь требуется приложеніе силъ въ безчисленныхъ пунктахъ страны; здѣсь необходимы соединенныя усилія просвѣщенныхъ людей, разбросанныхъ въ разныхъ концахъ Россіи. Никакими законами невозможно заставить крестьянина сѣять клеверъ или разбрасывать по полю костяную муку; никакими предписаніями нельзя устроить общественной молочной, земледѣльческаго синдиката или кредитнаго товарищества. Всѣ подобныя начинанія, заводимыя по приказу сверху, скоро превращаются въ бездушный трупъ. Лишь воодушевленіе, которое исходитъ отъ свободной иниціативы людей, влагающихъ силы въ излюбленное дѣло, способно оживить кропотливую работу по части распространенія знаній среди народныхъ массъ и водворенія коопераціи. Работа, о которой идетъ рѣчь, многимъ кажется мелкой, но она неизбѣжна и ничѣмъ незамѣнима; ее приходится продѣлать всѣмъ странамъ съ преобладающимъ мелкимъ земледѣліемъ, на какой бы ступени развитія онѣ ни находились, какимъ бы общественнымъ строемъ онѣ ни обладали. И чѣмъ скорѣе начнется эта молекулярная работа, тѣмъ

---

[1]) Дѣятельность нашихъ сберегательныхъ кассъ за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904 г.) подробно разсмотрѣна и основательно оцѣнена проф. *М. Я. Герценштейномъ* въ „Очеркахъ по крестьянскому вопросу“, 1905 г. Вып. 11.

быстрѣе воспрянетъ къ бодрой жизни наша нынѣ обезсилѣвшая деревня. Всякое промедленіе невыразимо дорого обходится странѣ. Не говоря уже о массѣ страданій, порождаемыхъ нуждой, каждый годъ безплодно и безслѣдно исчезаютъ рабочія силы, не находящія себѣ приложенія, подобно тому, какъ утекаютъ въ безбрежное море волны быстро несущейся рѣки, которыя при большей заботливости со стороны человѣка могли бы быть превращены въ полезную работу.

Право и политика.

Понятія индивидуальной и коллективной собственности.

Тарбуріеша.

Ничего не можетъ быть менѣе научно, какъ абсолютное противоположеніе индивидуальной и коллективной собственности. Индивидуальная собственность соприкасается во множествѣ пунктовъ съ интересами общества и всегда въ своихъ разнообразныхъ формахъ выдаетъ болѣе или менѣе оттѣненный коллективный характеръ. Въ свою очередь, и коллективная собственность всегда, въ извѣстномъ смыслѣ, индивидуальна.

Объ индивидуальной собственности можно говорить, что она существуетъ, если не исключительно, то преимущественно въ интересѣ того индивида, который ею обладаетъ. Напротивъ, о коллективной собственности нельзя сказать, чтобы она существовала въ интересѣ того *юридическаго лица*, къ которому ее обыкновенно прикрѣпляютъ: она установлена въ интересѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ членовъ данной общественной группы, и эти члены пользуются ею непосредственно или посредственно, нераздѣльно или каждый въ своей опредѣленной долѣ.

Теорія юридическаго лица, которой я долженъ тутъ попутно коснуться, господствовала въ теченіе всего XIX стол. Теперь ее можно считать опровергнутой. Заключающійся въ ней родъ антропоморфизма объясняется тѣмъ, что положенія закона, созданнаго для частной собственности, были перенесены безъ измѣненія и на коллективную собственность[1]). Несмотря на всѣ усилія показать реальность и естественность такого юридическаго лица, пришлось признать, что оно представляетъ собою только фикцію, установливаемую либо законодателемъ, либо доктриной. Это—абстракція, не имѣющая ничего общаго съ живыми людьми. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, видѣть въ коллективной собственности настоящую собственность? Очевидно, нѣтъ. Здѣсь можно

---

[1]) Planiol, Manuel de droit civil, т. I., стр. 261 и слѣд.

было бы еще усмотрѣть право распоряженія, но никакъ не способность къ пользованію. Нельзя ли, однако, понимать эту фикцію, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ управленія и храненія собственности? Такова формула, допускаемая теоретиками административнаго права въ отношеніи къ предметамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи верховной государственной власти (domaine pulbic), въ отличіе отъ предметовъ, составляющихъ область частнаго права (domaine privé) и настоящую арену собственности. Это утвержденіе можно было бы поддерживать, напр., въ отношеніи къ землямъ и домамъ, сдаваемымъ въ аренду общиной—точно такимъ же образомъ, какъ они сдаются и частнымъ собственникомъ. Но и здѣсь не слѣдовало бы упускать изъ виду, что доходы, поступающіе въ кассу общины, уменьшаютъ настолько же налоги, падающіе на населеніе общины, и, слѣдовательно, обращаются косвенно въ пользу того же населенія. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ общиннымъ имуществамъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, истинными собственниками—если не на языкѣ римскаго права и не съ чисто-юридической, то съ экономической и соціальной точки зрѣнія,—являются жители общины, посылающіе пасти свой скотъ на общинныя пастбища и запасающіеся дровами для топлива изъ общиннаго лѣса [1]). Община является тутъ лишь юридической подставкой или административнымъ аппаратомъ, и изучать коллективную собственность только съ точки зрѣнія такого юридическаго лица значило бы впа-

[1] Здѣсь я схожусь съ Варейль-Сомiеромъ (Vareilles-Sommières, Note sur la personnalité morale au Congrès de legislation comparée de 1900, p. 24, 26, 30), сдѣлавшемъ въ своемъ докладѣ на международномъ конгрессѣ сравнительнаго законодательства 1900 г. примѣненіе этой теоріи юридическаго лица къ общиннымъ имуществамъ. „Юридическое лицо есть фиктивное лицо, созданное, однако, не законодателемъ, который не имѣетъ никакого основанія обращаться къ созданію такого призрака и никогда до нашихъ дней не обращался къ нему, а если бы и обратился, то не создалъ бы ровно ничего; это—созданіе доктрины, форма мысли или способъ изложенія, превосходно изображающіе и резюмирующіе правила и итоги того юридическаго строя, который можетъ быть принятъ всѣми ассоціаціями, и безъ котораго не могутъ обойтись большія и открытыя ассоціаціи, въ которыя всѣ входятъ и изъ которыхъ всѣ выходятъ съ большой легкостью, и членами которыхъ могутъ быть государства, общины, профессіональныя ассоціаціи и толпа“. Этотъ строй, называемый авторомъ „строемъ олицетворенія“ (regime personnifiant), таковъ, что „въ юридическихъ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ, къ публикѣ, все происходитъ совершенно такъ, какъ если бы всѣ члены ассоціаціи, взятые въ данномъ качествѣ, составляли одну и ту же личность, обладающую только имуществомъ ассоціаціи. Такимъ образомъ, хотя имущество общины принадлежитъ въ дѣйствительности ея членамъ, какъ это и опредѣляется точно ст. 542 Code civil, но олицетворе-

дать въ подобную же ошибку, въ какую впалъ бы юристъ, если бы онъ разсматривалъ и акціонерныя компаніи исключительно съ точки зрѣнія юридическаго лица, оставляя безъ вниманія акціонеровъ и ихъ участіе въ прибыляхъ.

Поэтому и опредѣленіе общинныхъ имуществъ, данное въ 543 ст. нашего Code civ., вовсе не такъ абсурдно, какъ о немъ обыкновенно говорятъ. Оно называетъ общинными имуществами тѣ, „на собственность или произведенія которыхъ жители общины имѣютъ пріобрѣтенное право“ (les biens á la propriété ou au produit desquels les habitants ont un droit acquis). Что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ упущеніемъ или недомолвкой, на это указываютъ распоряженія нашего лѣсного законодательства о правѣ въѣзда въ лѣса и особенно ст. 109 Лѣсного Устава (Code forestier). Наша административная доктрина и практика толкуютъ эти распоряженія въ томъ смыслѣ, что община не можетъ отказать своимъ жителямъ въ обычномъ пользованіи лѣсомъ и обратить этотъ послѣдній на покрытіе своихъ общинныхъ расходовъ—иначе, какъ въ видѣ исключенія и въ случаяхъ необходимости, должнымъ образомъ удостовѣренныхъ [1]).

Такимъ образомъ, юридическое лицо представляется мнѣ существующимъ только въ интересѣ членовъ общины, откуда не слѣдуетъ, однако, чтобы я вполнѣ раздѣлялъ по этому вопросу теорію Іеринга. Этотъ великій юристъ исходилъ изъ того положенія, что настоящими субъектами права являются въ корпораціи—ея члены, въ учрежденіи—его дестинатеры, т. е. лица, ради которыхъ существуетъ данное учрежденіе, какъ, напр., бѣдные, больные и т. д., но отнюдь не такъ-наз. юридическія лица, которыя, не будучи правоспособны къ пользованію и не имѣя ни своего интереса, ни своей цѣли, представляютъ собою не что иное, какъ спеціальную форму, въ которой члены той или другой группы выражаютъ свои отношенія къ стоящему внѣ ихъ міру или къ третьимъ лицамъ. Отсюда онъ заключалъ къ тому, что юридическія лица фиктивны, такъ какъ всѣ обыкновенно связываемыя съ ними явленія суть только формы и видоизмѣненія правъ индивидуальной личности. Я не допускаю этого

ніе необходимо въ данномъ случаѣ потому, что это имущество выступаетъ во внѣ такъ, какъ если бы оно принадлежало одному единственному лицу, составленному изъ всѣхъ жителей общины“.

(Эта теорія была предложена и установлена Іерингомъ еще въ первомъ изданіи 3-го тома его Geist des römischen Rehts, III, I, вышедшемъ въ 60-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Прим. ред.).

[1]) См. по этому вопросу Migneret, Traité de l'affouage, стр. 9—20.

заключенія и думаю, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ обманчивой внѣшностью, а съ чѣмъ-то инымъ.

Если юристы такъ настаиваютъ на правѣ юридическаго лица и прибѣгаютъ при его построеніи даже къ юридическому *фокусу*, то они дѣлаютъ это, главнымъ образомъ, для того, чтобы выразить рельефнѣе принципъ, въ силу котораго явленія собственности въ ассоціаціи должны связываться не съ наличными ея членами, а со всей совокупностью прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ поколѣній. Этотъ-же принципъ, руководилъ и юристами нашего „стараго порядка", когда они представляли себѣ общинное имущество какъ бы связаннымъ вѣчной субституціей, т. е. заранѣе установленнымъ порядкомъ наслѣдованія въ кругу членовъ данной общины. Революціонное законодательство не поняло этого принципа и замѣнило теорію субституціи, обезпечивавшую переходъ общаго имущества изъ поколѣнія въ поколѣніе, теоріей слитной, т. е. нераздѣленной общей собственности наличныхъ членовъ общины,—теоріей, которая неминуемо должна была повести къ раздѣлу этой общей собственности. Если мы вернулись съ тѣхъ поръ къ римской теоріи собственности въ лицѣ *civitas* или *populus*, то нами руководила, конечно, не абсурдная идея приравнять къ физическому лицу, пользующемуся реально своей собственностью, такія абстракціи, какъ община и государство, и не стремленіе сдѣлать изъ этихъ абстракцій какихъ то боговъ, скрытыхъ въ глубинѣ алтаря. Управители ассоціацій—не жрецы, питающіеся приношеніями, которыхъ не могутъ переварить хранимые ими идолы. Нѣтъ, эта теорія хочетъ только сохранить за коллективной собственностью ея назначеніе и обезпечить такое управленіе ею, которое соотвѣтствовало бы требованіямъ общаго интереса, могущимъ и разойтись съ интересами того или другого поколѣнія.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ великой идеѣ общаго интереса, которая, однако, присуща не одной только коллективной собственности. Эта же именно идея приводитъ законодателя къ ограниченію правъ и частнаго собственника. Ей мы обязаны, равнымъ образомъ, и тѣмъ, что законодатель извлекаетъ извѣстныя имущества изъ частнаго обладанія и приписываетъ ихъ тѣмъ или другимъ отвлеченнымъ существамъ, опредѣляя въ то же время, по своему усмотрѣнію, и права̀ въ нихъ частныхъ лицъ,—права́, болѣе или менѣе ограниченныя и могущія быть сведенными даже къ нулю.

Какія же это имущества, которыя такъ важно охранить отъ опаснаго соприкосновенія съ индивидомъ? Это—напр., лѣса, сохраненіе которыхъ необходимо по соображеніямъ гигіены и бе-

зопасности страны. Они, конечно, могутъ быть подчинены правильному хозяйству, въ виду полученія топлива и строительнаго матеріала; но законодатель долженъ особенно препятствовать ихъ истребленію путемъ сплошной вырубки и расчистки. Онъ располагаетъ для этого теоретически двумя средствами. Онъ можетъ сказать: лѣса доступны частной собственности, но ихъ хозяева будутъ пользоваться ими не иначе, какъ слѣдуя извѣстнымъ правиламъ и подчиняясь надзору государственной администраціи. Но онъ можетъ и объявить, что лѣса состоятъ и будутъ состоять въ верховной на собственности государства, а отдѣльныя лица могутъ пользоваться ими только согласно опредѣленнымъ правиламъ, или—что одно лишь государство должно эксплоатировать лѣса, а отдѣльные потребители будутъ получать ихъ продукты въ свое распоряженіе только отъ него, путемъ такъ или иначе организованвой продажи. Это—два порядка лѣсного хозяйства, принятые различными законодательствами для примиренія частнаго интереса съ общимъ. Различныя историческія условія, различныя экономическія и соціальныя соображенія приводили въ той или другой странѣ къ исключительному торжеству или преобладанію либо одного, либо другого изъ этихъ порядковъ. Но можемъ-ли мы думать, вмѣстѣ съ защитниками „естественнаго права" и представителями правовѣрной политической экономіи, что эти два рѣшенія одной и той же задачи отдѣлены другъ отъ друга непроходимой пропастью? Юридическія отношенія между отдѣльными лицами при томъ и другомъ порядкѣ вовсе не противоположны, и съ той высшей точки зрѣнія, на которой мы теперь стоимъ, намъ нельзя противополагать собственность государства и его послѣдовательныхъ подраздѣленій—собственности отдѣльныхъ индивидовъ. Или, точнѣе, для каждой изъ этихъ двухъ категорій столь различно, повидимому, регулированныхъ имуществъ мы должны поставить одинъ и тотъ же вопросъ, но въ двухъ различныхъ формахъ.

Въ какой мѣрѣ отдѣльныя лица допускаются къ участію въ пользованіи имуществами, которыя предоставлены въ собственность коллективной единицѣ?

Въ какой мѣрѣ государство вступается въ индивидуальныя отношенія, ограничивая правá индивидовъ на собственность, признанную за ними закономъ?

И такъ-ли легко вообще отличать коллективную собственность отъ индивидуальной, какъ это принято думать?

Вотъ вопросъ, который можетъ показаться страннымъ, празднымъ и даже смѣшнымъ—сборщикамъ налоговъ съ государствен-

ныхъ имуществъ и секретарямъ общинныхъ управленій. Они могутъ всякую минуту представить намъ списки имуществъ, состоящихъ въ собственности государства, департаментовъ и общинъ. Такъ же точно и любой совѣтникъ префектуры авторитетно напомнитъ намъ, что различіе между частной собственностью и пользованіемъ ею, съ одной стороны, и коллективной собственностью и пользованіемъ послѣдней, съ другой, — ясно указано основнымъ правиломъ подсудности: гражданской—для споровъ первой категоріи, и административной — для споровъ второй категоріи.

Но если вдуматься въ этотъ вопросъ глубже, то легко замѣтить, что указанныя различія вытекаютъ только изъ болѣе или менѣе произвольныхъ текстовъ закона и изъ хорошо или плохо извѣстныхъ историческихъ прецедентовъ, но вовсе не опираются на какой либо точный принципъ. Даже съ точки зрѣнія закона возникаетъ иногда сомнѣніе о томъ, имѣемъ ли мы въ отдѣльномъ случаѣ дѣло съ пользованіемъ *jure domini in re propria,* т. е. съ пользованіемъ въ силу нашего самостоятельнаго права собственности, или съ пользованіемъ въ силу концессіи или уступки намъ имущества, состоящаго въ государственной собственности. Таковъ, напр., случай съ обработкой руды: порядокъ, установленный для этого дѣла закономъ 1810 г., стоитъ, какъ будто, въ полномъ противорѣчіи съ принципомъ, перенесеннымъ въ ст. 552 Code civ. изъ Институцій Юстиніана. Но если отъ толкованія темныхъ и противорѣчивыхъ текстовъ перейти на точку зрѣнія законодательной политики и разсуждать *de lege ferenda*, т. е. о цѣлесообразности и желательности закона, то часто бываетъ по отношенію къ тому или другому имуществу трудно сказать: должно ли оно быть оставлено въ коллективной собственности, съ предоставленіемъ въ немъ извѣстныхъ правъ частнымъ лицамъ, или его лучше отдать въ частную собственность подъ условіемъ болѣе или менѣе строгихъ ограниченій этой послѣдней.

Мы констатируемъ, такимъ образомъ, ненаучность противоположенія, которое принимается обыкновенно молчаливо или открыто, безсознательно или сознательно, между индивидуальной и коллективной собственностью. Это противоположеніе подобно противоположенію между бѣлымъ и чернымъ, и оно могло бы быть допущено только въ томъ смыслѣ, какъ и это послѣднее, т. е. въ смыслѣ вполнѣ абстрактныхъ типовъ собственности, какъ они представляются экономистамъ; но эти абстрактные типы

такъ же не существуютъ ни въ одномъ обществѣ, какъ абсолютно-бѣлое и абсолютно-черное не существуютъ въ природѣ.

Въ гаммѣ многихъ тысячъ цвѣтовъ, которая восхищаетъ насъ въ гобеленахъ, недостаетъ только бѣлаго и чернаго. Но каждый изъ основныхъ цвѣтовъ заключаетъ въ себѣ для художниковъ-рабочихъ въ гобеленовыхъ мастерскихъ цѣлую серію оттѣнковъ, переходящихъ отъ самыхъ темныхъ къ самымъ свѣтлымъ цвѣтамъ, отъ краснаго—до такой степени темнаго, что онъ равносиленъ черному,—къ красному, до такой степени свѣтлому, что имъ пользуются вмѣсто бѣлаго.

Точно такъ же мы напрасно стали бы искать въ исторіи права или въ сравнительномъ правовѣдѣніи индивидуальную собственность безъ всякаго слѣда коллективизма. Я вызываю всѣхъ соціологовъ указать мнѣ хотя бы одинъ примѣръ такой собственности въ какую бы то ни было историческую эпоху и у какого бы то ни было народа: они не найдутъ ея ни въ жестоко-эгоистическомъ патріархатѣ древняго Рима, ни въ разнузданномъ капитализмѣ Соединенныхъ Штатовъ. Мы не найдемъ, равнымъ образомъ, и каллективной собственности, свободной отъ всякого индивидуализма.

Но между этими двумя идеальными и абстрактными типами, которые, повторяю, такъ же мало существуютъ въ дѣйствительности, какъ абсолютно-бѣлое и абсолютно-черное, выступаетъ множество правъ, въ ряду которыхъ первые NN представляютъ намъ нагляднѣйшія черты пользованія коллективной собственностью, а послѣдніе—осуществляютъ все болѣе и болѣе, достигая почти совершенства, абстрактную идею частной собственности. Въ какихъ-же NN этой воображаемой серіи правъ мы сходимъ съ коллективизма на индивидуализмъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ невозможно, что легко усмотрѣть изъ приводимой ниже таблицы правъ коллективной собственности (см. стр. 412).

Можемъ-ли мы извлечь изъ этой таблицы какой-нибудь критерій для различенія индивидуальной собственности отъ коллективной? Не лежитъ-ли этотъ критерій въ происхожденіи собственности, и не слѣдовало-ли бы въ такомъ случаѣ исключить изъ частной собственности всѣ права, переходящія къ частнымъ лицамъ непосредственно отъ государства? Это было бы совершенно произвольно, такъ какъ мы знаемъ много случаевъ, когда государство создаетъ или передаетъ не что иное, какъ несомнѣнную частную собственность. Мы видимъ это, напр., при продажахъ выморочныхъ имуществъ, не утилизируемой для публичныхъ работъ государственной собственности, отдѣляемыхъ отъ нея же

КОЛЛЕКТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

	Характеръ и объемъ права индивида.	Предметъ права.	Продолжительность права.
Пользованія.	Отсутствіе индивидуальнаго пользованія.	Имущества, предназначенныя для общественныхъ надобностей (публичныя зданія, военныя укрѣпленія и т. д.).	Неограниченная продолжительность, обусловленная только существованіемъ предмета права или его предназначенія
	Общественное пользованіе, безвозмездное или оплачиваемое.	Верховная собственность государства въ настоящемъ смыслѣ слова (дороги, улицы, площади, текущія воды, каналы, порты, желѣзныя дороги).	Idem.
	Пользованіе данной группы лицъ, обусловленное поломъ, возрастомъ, національностью, религіозными вѣрованіями, потребностями, службой.	Имущества, предоставленныя образовательнымъ, благотворительнымъ, религіознымъ и другимъ учрежденіямъ.	Idem.
		Нераздѣльныя общественныя угодья.	Idem.
	Индивидуальное пользованіе.	Общественныя угодья съ раздѣльнымъ пользованіемъ.	Временная продолжительность, пожизненная или наслѣдственная.
Концессіи отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ.	А. Безъ права воздвигать постройки.	Мѣста стоянки,—складовъ товаровъ.	Короткая продолжительность.
	Б. Съ правомъ воздвигать легкія постройки, временныя или постоянныя.	Мѣста на рынкѣ подъ открытымъ небомъ или въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.	Idem.
	В. Съ правомъ воздвигать капитальныя постройки.	Промышленныя обзаведенія на текущихъ водахъ.	Неопредѣленная продолжительность и постоянная возможность отмѣны.
	Г. Съ правомъ производить большія работы и воздвигать капитальныя постройки, превосходящія средній размѣръ работъ и построекъ на частной собственности.	Колоніальныя концессіи.	Длинная продолжительность, соотвѣтствующая эмфитевзису—отъ 50 до 90 лѣтъ.
		Желѣзныя дороги.	
		Каналы.	Idem.
		Порты.	
		Руды.	Вѣчность.

лѣсовъ и мѣстъ для гулянья, равно какъ и при колоніальныхъ концессіяхъ. Для того, чтобы подойти къ опредѣленію частной собственности въ ст. 544 нашего гражданскаго кодекса, нѣтъ никакой надобности основывать ее на древнихъ правахъ, теряющихся въ глубинѣ вѣковъ.

Переходя отъ происхожденія права къ его объему, мы не можемъ считать несовмѣстимыми съ частной собственностью и налагаемыя на нее закономъ ограниченія, такъ какъ всѣ формы собственности подвергаются болѣе или менѣе существеннымъ ограниченіямъ во имя общаго интереса, и ни одна изъ нихъ не даетъ абсолютнаго права.

Но не присуща-ли частной собственности черта исключительности права?

Одинъ профессоръ утверждалъ недавно, будто существенный аттрибутъ собственности заключаеся въ томъ, что она можетъ быть замкнута. Если бы это было вѣрно, то можно было бы видѣть тотъ критерій, котораго мы ищемъ,—въ исключительности права. Но это не вѣрно, такъ какъ есть случаи, когда собственникъ обязанъ допускать противъ себя—единственно въ силу закона и независимо какъ отъ личной иниціативы, такъ и отъ договоровъ, исходящихъ отъ его предшественниковъ, — дѣйствіе такихъ важныхъ правъ, каковы, напр., легальные сервитуты прохода, проѣзда, проведеніе воды и т. д. Я могъ бы сослаться еще на постановленія нашихъ старыхъ кутюмовъ о правѣ выпаса,--постановленія, слѣды которыхъ не вполнѣ стерлись и въ современномъ намъ правѣ: лишь только жатва убрана, сѣно скошено, находящіяся подъ ними поля и пастбища открываются стадамъ населенія общины или цѣлой группы общинъ. И обратно,—общинныя угодія не вполнѣ предоставлены общинному пользованію, такъ какъ между ними встрѣчаются и такія, которыя составляютъ предметъ исключительнаго пользованія; тотъ же характеръ отличаетъ многія концессіи государственной собственности, какъ, напр., концессіи въ судоходныхъ водахъ.

Приведенные примѣры позволяютъ мнѣ устранить и тотъ критерій частной собственности, который находятъ въ ея трехъ аттрибутахъ: *usus, fructus, abusus*. Два первыхъ—пользованіе самой вещью и пользованіе ея произведеніями—встрѣчаются дѣйствительно въ большомъ числѣ пользованій, предоставляемыхъ какъ въ государственной, такъ и въ частной собственности, а третій, *abusus* или право отчужденія, можетъ связываться и съ государственными концессіями, которыя не всегда личны и бываютъ иногда надѣлены свойствомъ передаваемости. Таковы именно

промышленныя обзаведенія въ публичныхъ водахъ, допускающія отчужденіе и переходъ по наслѣдству, несмотря на то, что они, по существу, всегда могутъ быть постоянно отмѣнены государственной властью. Но не лежитъ-ли именно въ этомъ правѣ государства на возвращеніе себѣ имуществъ, сданныхъ по концессіи, отыскиваемый нами критерій для частной собственности? Эта мысль кажется правдоподобной, но она не выдерживаетъ критики.

Право отмѣны государствомъ данной имъ концессіи не означаетъ произвола, и это можно видѣть на приведенномъ выше примѣрѣ. Государство не можетъ уничтожить тѣ или другія обзаведенія на судоходной рѣкѣ иначе, какъ опираясь на необходимыя потребности судоходства, другими словами, на общій интересъ. Но общій интересъ лежитъ, какъ извѣстно, и въ основаніи экстропріаціи частной собственности, совершаемой ради общеполезныхъ предпріятій. Что же отличаетъ положеніе промышленныхъ обзаведеній на судоходной рѣкѣ,—обзаведеній, которыя подлежатъ уничтоженію въ указанныхъ условіяхъ,—отъ положенія частной собственности, могущей исчезнуть въ силу экспропріаціи? Различіе заключается въ подсудности, въ порядкѣ судопроизводства и въ правѣ на вознагражденіе, отрицаемомъ въ первомъ случаѣ и признаваемомъ во второмъ. Это различіе— конечно, важное на практикѣ—оказывается менѣе важнымъ съ точки зрѣнія принципіальной. Оно основывается на той идеѣ, что государство является хранителемъ общаго достоянія, что оно не можетъ отчуждать его окончательно, безповоротно, и что концессіи государства связываются всегда съ возможностью ихъ отобранія и безъ вознагражденія, если это потребуется общимъ интересомъ. Подобное же условіе можетъ сопровождать и договоры объ отчужденіи недвижимости частныхъ лицъ. Таковъ былъ смыслъ и такъ наз. „доманіальныхъ условій“ („clauses domaniales“), включавшихся въ договоры о продажѣ національныхъ имуществъ. То же могутъ дѣлать и отдѣльныя лица, и мы знаемъ торговцевъ недвижимостями, которые выговариваютъ въ заключаемыхъ ими договорахъ по отчужденію тѣхъ или другихъ земель право общины на пріобрѣтеніе этихъ же земель, если онѣ понадобятся для устройства какой-нибудь дороги. Такія условія не могутъ, конечно, измѣнить природу переносимаго права.

Кромѣ того, ошибочно было бы думать, будто право отмѣны безъ вознагражденія связывается со всѣми концессіями. Существуетъ много концессій, которыя даются на болѣе твердомъ основаніи и не отмѣняются безъ вознагражденія въ теченіе условленнаго для нихъ срока.

Мы подошли къ вопросу о времени пользованія тѣмъ или другимъ правомъ. Нельзя-ли найти принципъ различія коллективной и индивидуальной собствености въ продолжительности той и другой? Приведенная выше таблица представляетъ въ этомъ отношеніи большое разнообразіе. Продолжительность занесенныхъ въ нее правъ или неопредѣленна, или твердо установлена; одни изъ этихъ правъ пожизненны, другія—наслѣдственны. Право, которымъ заканчивается наша таблица, вѣчно: это—концессія руды, а на основаніе вѣчности этой концессіи указываютъ подготовительныя работы къ закону 1810 г. Этимъ основаніемъ оказывается воля Наполеона I „запечатлѣть владѣніе рудниками печатью собственности, обратить его въ настоящую собственность, которая должна быть священна, въ смыслѣ какъ права и какъ факта“ [1]. Если мы сопоставимъ теперь съ этой концессіей, которая вѣчна, концессію желѣзныхъ дорогъ, которая ограничена обыкновенно срокомъ въ 99 лѣтъ, то позволительно-ли думать, что и эта послѣдняя концессія создаетъ частную собственность? Этого не допускаетъ теперь никто, какъ не дпускается, въ общемъ, и противоположное воззрѣніе, сводящее концессію желѣзной дороги къ простому обязательственному отношенію. Господствующее мнѣніе признаетъ нынѣ за желѣзнодорожными компаніями вещное право *sui generis* въ недвижимости, родъ пользованія или узуфрукта [2]. И что бы мы ни думали объ этихъ выраженіяхъ, они несомнѣнно предполагаютъ ту идею, что вѣчность есть существенный атрибутъ собственности. Собственностью не можетъ быть, по общепринятому представленію, право, которому опредѣленъ какой-бы то нн было предѣлъ во времени, хотя бы этотъ предѣлъ отодвигался даже на десять столѣтій, какъ это встрѣчается, напр., при государственныхъ концессіяхъ въ Новой Зеландіи. Но я отвергаю этотъ критерій, какъ и всѣ предыдущіе: вѣчность не составляетъ характерной черты собственности, какъ это, съ одной стороны, можно видѣть на примѣрѣ правъ авторовъ, художниковъ, изобрѣтателей, и, съ другой,—вѣчность связывается также съ нѣкоторыми пользованіями въ коллективной собственности, какъ, напр., при концессіяхъ промышленныхъ обзаведеній на судоходныхъ рѣкахъ.

Я могу, наконецъ, сказать, что и возвращеніе государству или къ общинѣ имуществъ, сданныхъ по концессіи, не указываетъ на признакъ отличія коллективной отъ индивидуальной

---

[1]) Засѣданіе Государственнаго Совѣта 18 ноября 1809 г.

[2]) Répertoire général du droit français et étranger. V-e. Chemins de fer, no 868.

собственности. Такое возвращеніе имуществъ къ государству или общинѣ вполнѣ совмѣстимо и съ понятіемъ частной собственности, которая тоже подвергается ему только въ другихъ формахъ какъ, напр., въ формѣ публичной экспропріаціи, сопровождаемой или не сопровождаемой вознагражденіемъ частнаго собственника, или въ формѣ права государства на такъ наз. „безхозяйныя вещи“ и наслѣдства, остающіяся безъ законныхъ наслѣдниковъ и наслѣдниковъ по завѣщанію.

Такимъ образомъ, я прихожу къ слѣдующему заключенію: отрѣшаясь отъ легальныхъ или историческихъ категорій, не содержащихъ въ себѣ ничего раціональнаго, я могу сказать, что всѣ права, значащіяся въ моей таблицѣ,—какъ права концессіонеровъ на желѣзныя дороги, рудники или гидравлическія сооруженія, такъ и права лицъ, пользующихся лѣсомъ въ государственныхъ и общинныхъ лѣсахъ, и т. д.,—отличаются отъ права римскаго собственника на его поле или домъ скорѣе по своей напряженности, нежели по природѣ. Если стать только на точку зрѣнія отношеній частныхъ лицъ другъ къ другу, то права, какими они пользуются въ государственномъ и общинномъ имуществѣ, равно какъ и получаемыя ими же концессіи на двигательную силу рѣчной воды и т. д., представятъ намъ слѣдующее сходство съ частной собственностью: они усваиваются каждымъ съ исключеніемъ всѣхъ другихъ, и хотя имъ недостаетъ нѣкоторыхъ идеальныхъ аттрибутовъ собственности, это не можетъ имѣть существеннаго значенія, такъ какъ наличные аттрибуты сосредоточиваются въ рукахъ каждаго отдѣльнаго управомоченнаго лица, а недостающихъ аттрибутовъ нѣтъ и ни у какого другого отдѣльнаго лица. Эти соображенія приводятъ меня къ опредѣленію собственности не въ смыслѣ самаго абсолютнаго права, какое только можно имѣть въ теоріи на данную вещь, а въ смыслѣ самаго полнаго и широкаго права, которое отдѣльныя лица производятъ изъ положительнаго закона на ту или другую категорію имуществъ, при чемъ необходимо помнить, что это абсолютное или почти абсолютное право для нѣкоторыхъ категорій имуществъ оказывается болѣе ограниченнымъ, чѣмъ для другихъ, а для третьихъ—можетъ сводиться даже почти къ нулю.

*
* *

Вмѣсто двухъ слишкомъ простыхъ, но чисто - абстрактныхъ и не поддающихся опредѣленію понятій индивидуальной и коллективной собственности, которыя не были, притомъ, и, вѣроятно никогда не будутъ осуществлены ни однимъ положительнымъ,

законодательствомъ, я предлагаю соціологамъ, озабоченнымъ классификаціей различныхъ и многообразныхъ правъ этого рода, другой методъ — правда, эмпирическій, но болѣе надежный,— формулируемый мною слѣдующимъ образомъ: свести безчисленныя формы собственности, представляемыя намъ различными законодательствами, къ нѣсколькимъ отчетливымъ типамъ и расположить эти типы по классамъ[1]).

Эти классы могутъ быть установлены, по моему мнѣнію, въ количествѣ семи.

Первый классъ охватываетъ всѣ виды собственности, которые я назову коммунистическими; второй—феодальную собственность; третій—верховную государственную собственность; къ этому послѣднему близко подходитъ четвертый классъ, обнимающій собственность различныхъ учрежденій; въ пятый классъ входитъ *dominium ex jure quiritium*, или абстрактный типъ частной собственности, схематизированной ст. 544 нашего Code civil; шестой классъ составляютъ монополіи и привиллегіи; и, наконецъ, седьмой и послѣдній—товарищеская собственность.

Разсмотримъ теперь эти классы и обнимаемые ими типы собственности нѣсколько подробнѣе.

Первый классъ заключаетъ въ себѣ, какъ я сказалъ, различные виды коммунистической собственности. Я предпочитаю это названіе термину „общая“ собственность, такъ какъ послѣдній, примѣняясь одинаково къ собственности государства, учрежденій и совокупности индивидуальныхъ собственниковъ, можетъ вести къ недоразумѣніямь.

---

[1]) Менгеръ въ своей книгѣ „Droit au produit intégral du travail“ (Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag), стр. 214, отмѣчаетъ „три различныя формы собственности, изъ которыхъ каждая разсматриваетъ право на полный продуктъ труда со своей особой точки зрѣнія“. Эти формы слѣдующія:

1. Частная собственность, соединенная всегда и съ частнымъ пользованіемъ.

2. Общая собственность, соединенная съ частнымъ пользованіемъ.

3. Общая собственность, соединенныя съ общимъ пользованіемъ.

Право на полный продуктъ труда, говоритъ Менгеръ, неосуществимо при первой формѣ, но можетъ быть осуществлено при второй и третьей; я замѣчу, что приведенная классификація, ближе соприкасаясь съ фактами, несравненно выше традиціоннаго противоположенія между коллективной и индивидуальной собственностью, но она все-таки не полна. Менгеръ забываетъ частную собственнвсть, обремененную общинными пользованіями (лѣсные и пастбищные сервитуты). Съ другой стороны, какъ ввести феодальную собственность въ категорію частной собственности съ частнымъ пользованіемъ? И можно-ли русскій *міръ* и концессіи въ римскомъ *ager publicus* подвести подъ одну и ту же категорію общей собственности съ частнымъ пользованіемъ?

Коммунистическая собственность восходитъ, если не до происхожденія человѣка, то, во всякомъ случаѣ, до временъ, предшествовавшихъ исторіи. Она обнимаетъ собой четыре главныхъ типа:

а) собственность клановъ или племенъ на территорію охоты или рыбной ловли;

б) сельскія общины въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. земледѣльческія эксплоатаціи, ведущіяся сообща кланами или семьями, — матріархатными или патріархатными,—съ общимъ для всѣхъ жилищемъ или безъ таковаго, съ общностью въ промысловомъ трудѣ или безъ такой общности;

в) общинная собственность съ раздѣломъ обрабатываемой земли по жребію между членами общины,—все равно, съ періодическими передѣлами или безъ таковыхъ, съ временнымъ, пожизненнымъ или, въ извѣстной степени, даже наслѣдственнымъ пользованіемъ подѣленными участками земли: германская *марка*, русскій *міръ*, швейцарскій *Allmend* и *„portions ménagères“* нѣкоторыхъ французскихъ провинцій представляютъ собою разновидности этого типа;

г) пользованія различныхъ общинъ въ государственныхъ земляхъ, въ земляхъ, принадлежащихъ сообща нѣсколькимъ общинамъ, наконецъ,—въ сеньоральныхъ и частныхъ земляхъ; эти пользованія перешли отъ самыхъ отдаленныхъ временъ и въ нашу современную цивилизацію; но уже въ средніе вѣка, сохраняя въ соціальномъ отношеніи все тотъ же характеръ, они должны были юридически преобразиться и слиться, въ общемъ, съ феодальной собственностью.

Подъ феодализмомъ надо понимать не только тотъ феодализмъ, который возникъ на развалинахъ античнаго государства, но и тотъ, который могъ предшествовать послѣднему, равно какъ и феодализмъ, который мы наблюдаемъ еще и въ наши дни у различныхъ народовъ. Соотвѣтствующій ему порядокъ собственности характеризуется смѣшеніемъ ея съ правами верховной власти, точно отличаемыми отъ собственности въ обществахъ, которыя слагаются въ государства.. Разъ верховенство соединяется съ собственностью, атрибуты послѣдней дѣлаются, по существу, государственными. Поземельному собственнику принадлежитъ право объявленія войны, чеканки монеты, управленія, отправленія правосудія, взиманія налоговъ. Феодальный владѣлецъ разсматриваетъ свое владѣніе, прежде всего, со стороны доставляемыхъ имъ выгодъ, прямыхъ или косвенныхъ, и этотъ типъ собственности, притязающій на аттрибуты верховенства, заключаетъ въ себѣ безчисленныя

разновидности. Я не имѣю надобности указывать на различнаго рода сборы, налоги, штрафы, конфискаціи, наслѣдованіе иностранцами и выморочныхъ имуществъ, береговое право и т. д.

Интересно вспомнить, что этотъ патримоніальный характеръ феодальнаго владѣнія привелъ логически къ продажѣ и арендѣ публичныхъ должностей. *Продажныя должности,* игравшія при „старомъ порядкѣ“ такую большую роль, пережили его и существуютъ даже въ современномъ государствѣ. Сюда можно отнести собственность на военные полки, концессіи торговымъ и колонизаціоннымъ компаніямъ такихъ атрибутовъ верховенства, какъ, напр., право веденія войны, заключенія трактатовъ, право чеканки монеты, отправленія правосудія, взысканія налоговъ и т. д. Эти монопольныя компаніи находятся въ связи и съ другимъ типомъ принадлежащимъ также къ феодальной собственности,—съ типомъ собственности на трудъ, откуда произошли цехи, промышленныя привиллегіи (напр., королевскія мануфактуры) и монопольныя компаніи. Современныя намъ привиллегіи и монополіи стоятъ въ прямой исторической связи съ этимъ порядкомъ. Поземельная собственность является источникомъ и основаніемъ всего права. Она обнимаетъ всѣ древнія формы коммунистической собственности, *dominium publicum* и *dominium privatum,* отличаемыя въ обществахъ съ чисто-государственной организаціей, т. е. она обнимаетъ собою не только земельные участки и дома, но также дороги, улицы, текущія воды и даже моря.

Феодальная собственность представляетъ чрезвычайно интересныя черты съ соціальной точки зрѣнія. Земли стоятъ другъ къ другу, если можно такъ выразиться, не въ отношеніи равенства, а въ отношеніи подчиненія; онѣ устанавливаютъ іерархію между собственниками, поднимающимися другъ надъ другомъ: въ верху пирамиды красуется государь, въ основаніи ея прозябаетъ жалкій крѣпостной. Эта первая черта феодальной собственности находится въ связи съ другой: феодальной собственности, въ отличіе отъ римской, недостаетъ юридическаго единства; аттрибуты ея не концентрированы въ рукахъ единаго собственника, а разсѣяны среди множества лицъ, имѣющихъ въ ней тѣ или другія права.

Благодаря такой расщепленности собственности, какой-нибудь кусокъ земли является предметомъ массы *вещныхъ правъ* различной напряженности, начиная отъ *jus eminens,* почти исключительно почетнаго, и кончая *jus utile,* почти равноцѣннаго римскому *dominium ex jure quiritium;* эти права переплетаются между со-

бою весьма нестройно для юриста, но очень удачно въ соціальномъ смыслѣ, предоставляя постоянно, изо дня въ день, возрастающее участіе въ собственности тому, кто прилагаетъ къ ней свой трудъ и кто по римскому праву былъ самъ предметомъ собственности, а по нашему гражданскому кодексу остается всегда арендаторамъ или наемнымъ рабочимъ, лишеннымъ всякаго вещнаго права на то поле, которое имъ воздѣлывается. Какъ бы значительна ни была по отношенію къ настоящей цѣнности земли роль приложеннаго къ ней труда, земледѣлецъ не будетъ владѣть ею *jure domini* до тѣхъ поръ, пока останется въ силѣ правовой порядокъ, санкціонированный кодексомъ 1804 г., которымъ буржуазія сумѣла такъ осторожно оградить себя отъ повторенія эволюціи, сдѣлавшей изъ римскаго раба и средневѣковаго крѣпостного, путемъ уничтоженія феодальныхъ повинностей, крестьянина-собственника.

Указанной второй чертой феодальной поземельной собственности обусловливается и третья. Въ то время, какъ квиритская собственность является почти абсолютнымъ правомъ (я не имѣю надобности настаивать на относительномъ значеніи этого выраженія), предоставляющимъ своему владѣльцу только права и не налагающимъ на него, въ принципѣ, никакихъ обязанностей—уже потому, что онъ изолированъ въ своемъ владѣніи и не связанъ юридически ни съ кѣмъ,—земельные собственники реднихъ вѣковъ, напротивъ, стоятъ, другъ къ другу въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ, и договорный характеръ этихъ отношеній несомнѣненъ, выступая съ особенною яркостью въ дворянскихъ земляхъ. Договоръ объ установленіи феодальнаго отношенія двустороненъ, и какъ сеньоръ, такъ и вассалъ ставятъ въ въ немъ свои условія и удерживаютъ за собой свои права. Несоблюденіе какой-либо изъ сторонъ своихъ обязанностей освобождаетъ и другую сторону отъ ея обязательствъ. Вѣрность и нарушеніе вѣрности взаимны. Если вассалъ нарушаетъ свои обязанности въ отношеніи вѣрности на войнѣ или въ отношеніи исполненія другихъ феодальныхъ повинностей, онъ наказывается потерей своего владѣнія, точно такъ же, какъ и сеньоръ, если онъ отказываетъ вассалу въ защитѣ и судѣ, лишается своихъ феодальныхъ правъ въ пользу своего сюзерена. Договорный характеръ крестьянскаго землевладѣнія очерченъ менѣе ярко, но онъ всетаки несомнѣненъ, такъ какъ договоръ вовсе не предполагаетъ равенства договаривающихся сторонъ.

Совершенно естественно, что въ эпохи общественныхъ неурядицъ слабый готовъ отдать сильному свою собственность и свою

свободу въ обмѣнъ за безопастность, необходимую для существованія. Это—коммендація, основа отношеній между крестьяниномъ и его сеньоромъ. Эти отношенія нисколько не похожи на тѣ, которыя устанавливаются между арендаторами и собственниками въ наше время, не знающее земель, которыя не были бы утилизированы. Въ средніе вѣка, напротивъ, необработанныхъ земель было много, и, воспользоваться ими могъ каждый, кто хотѣлъ или, вѣрнѣе могъ ихъ расчистить. Земледѣлецъ искалъ, прежде всего, защиты отъ непріятеля и вымогательствъ фиска, съѣстныхъ припасовъ и одежды во время голода и нужды, капитала, необходимаго для обработки земли, скота и прокармливающихъ его пользованій. Сеньоръ легко переносилъ эти пользованія, не особенно его стѣснявшія, въ лѣсахъ и пастбищахъ, которые и не допускали иной утилизаціи. Онъ предоставлялъ крестьянамъ двѣ трети своихъ годныхъ для обработки земель и виноградниковъ, которыхъ онъ не могъ эксплоатировать одними своими средствами, имѣя въ виду обезпечить за собой, кромѣ повинностей въ натурѣ и деньгахъ,—повинностей, довольно легкихъ и устанавливавшихся въ одномъ и томъ же размѣрѣ разъ на всегда,—еще слѣдующія выгоды: во 1), рабочія руки, въ которыхъ онъ нуждался для обработки оставленной имъ за собой земли; во 2), распоряженіе вооруженной силой, которая ему была нужна для исполненія его феодальныхъ обязанностей и поддержанія его могущества; наконецъ, въ 3), онъ могъ разсчитывать въ случаѣ экономическаго кризиса и на помощь чрезвычайными сборами, которыми оплачивались выкупъ его изъ плѣна, приданое его дочери, расходы по посвященію его сына въ рыцарство или походъ въ Святую Землю.

Небезъинтересно замѣтить, что и колонизація нашихъ дней создала между аннамитами и французами въ Тонкинѣ соціальныя отношенія, весьма аналогичныя тѣмъ, которыя связывали нѣкогда сеньора съ его крестьянами. Получая концессію на покинутыя рисовыя плантаціи, колонисты снова призываютъ на нихъ прежнихъ собственниковъ, разсѣянныхъ пиратами и войной; эти послѣдніе обязываются отдавать колонисту половину производимой ими рисовой жатвы въ обмѣнъ, съ одной стороны, на необходимый имъ движимый капиталъ (сѣмена, буйволы) и съѣстные припасы на цѣлый годъ, и, съ другой, на столь же необходимую поддержку противъ намѣстника и мандариновъ, фиска и его вымогательствъ. Мало того, есть колонисты добившіеся для своихъ владѣній нѣкоторой экстерриторіальности, освобождающей управляемыхъ ими аннамитовъ отъ прямой подсудности французскимъ властямъ; нѣкоторыя укрѣпленныя фермы напоминаютъ

теперь средневѣковые замки, и это—вообще чрезвычайно странное въ XX вѣкѣ воскресеніе иммунитетовъ, коммендацій и нравовъ среднихъ вѣковъ!

Такимъ образомъ, феодальная собственность создаетъ между собственниками взаимныя обязательства, отношенія между *патронами и кліентами* [1]). Этотъ характеръ такъ же глубоко отличаетъ феодализмъ отъ строго-государственнаго римскаго строя, какъ и противоположеніе между *dominium privatum* и *dominium publicum*, послѣдовательно проводившееся римскими юристами и совершенно исчезнувшее въ средніе вѣка.

Третій классъ собственности, представляющій государственную собственность, распространяется на имущества, и, главнымъ образомъ, недвижимыя, собственникомъ которыхъ состоитъ государство, какъ юридическое лицо, или одно изъ подраздѣленій государства: провинція, департаментъ, муниципія, городъ, община и т. п. Нѣкоторыя изъ этихъ имуществъ, посвященныя на общественныя надобности, совсѣмъ недоступны для частнаго пользованія (военныя укрѣпленія, зданія подъ государственныя учрежденія). Другія открыты для общественнаго пользованія безвозмездно или съ оплатой этого пользованія: дороги, текущія воды, каналы, желѣзно-дорожные пути и т. д. Третьи предоставляются въ пользованіе отдѣльныхъ лицъ или обществъ; сюда въ нашемъ современномъ правѣ слѣдуетъ отнести обзаведенія на судоходныхъ рѣкахъ, желѣзныя дороги и т. д. Не противно логикѣ было бы говорить въ этомъ классѣ и о римскихъ *agri vectigales*, т. е. концессіяхъ на недвижимости, принадлежавшія римскимъ муниципіямъ. Кромѣ того, извѣстно, что и земля побѣжденныхъ народовъ переходила по римскому праву въ собственность *populus romanus*, который оставлялъ ее побѣжденнымъ подъ условіемъ платежа ими извѣстнаго налога и удержанія за собой *jus eminens*. Въ сущности, полное и наслѣдственное пользованіе *solum provinciale*, т. е. провинціальной землей, было такъ же прочно и выгодно, какъ и квиритская собственность, такъ что мы попадаемъ здѣсь на

[1]) Съ исчезновеніемъ этихъ отношеній феодальный порядокъ преобразился въ сеньоральный—въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ послѣдній существовалъ во Франціи наканунѣ Революціи. Онъ выражался въ наслѣдственномъ пользованіи, имѣвшемъ характеръ вещнаго права. Это была, по общепринятому мнѣнію, весьма неудовлетворительная форма аренды какъ для собственника, который не могъ увеличить размѣра арендной платы, такъ и для арендатора, который не могъ улучшить хозяйства на обрабатываемой ими землѣ. Это отношеніе можно было бы выдѣлить въ собый типъ феодальной собственности. Указанная эволюція замѣчательно удачно очерчена М. Ковалевскимъ въ одномъ изъ курсовъ, читанныхъ имъ въ Collège libre des sciences sociales.

одинъ изъ тѣхъ пограничныхъ между индивидуальной и коллективной собственностью пунктовъ, о которыхъ у насъ была уже рѣчь.

То же надо сказать и о нашемъ четвертомъ классѣ, заключающемъ въ себѣ собственность учрежденій или такъ-называемую собственность *„мертвой руки“* (main morte). Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ имуществами, собственникомъ которыхъ можетъ быть или государство, или одно изъ его подраздѣленій—напр., провинціи, департаменты, общины, публичныя учрежденія,—или одно изъ тѣхъ фиктивныхъ лицъ, которыя называются „моральными“ или „юридическими“ и которыя придуманы для того, чтобы служить юридической опорой для дѣятельности какого-нибудь учрежденія. Это учрежденіе, устраиваемое, управляемое и поддерживаемое какой-либо альтруистической ассоціаціей или капиталистическимъ обществомъ, или даже отдѣльнымъ лицомъ, имѣетъ цѣлью обезпечить посредствомъ того или другого имущества, движимаго или недвижимаго, религіозныя службы (церкви, храмы, монастыри), народное образованіе (университеты, гимназіи, первоначальныя школы), общественное призрѣніе (больницы, богадѣльни), общественную салидарность (общества взаимной помощи, страхованіе) и даже удовольствія. Тѣ, которые пользуются услугами этихъ учрежденій (платно или безплатно), образуютъ собой группы лицъ, опредѣляемыя различными условіями пола, возраста, національности, мѣстожительства, вѣрованій или потребностей. Такія учрежденія могутъ имѣть въ нѣкоторыхъ обществахъ чрезвычайную важность. Ими обезпечивается часто исполненіе важнѣйшихъ государственныхъ функцій, что облегчаетъ, конечно, государство, но и создаетъ ему иногда весьма опасныхъ соперниковъ.

При разрѣшеніи тонкихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ дѣятельностью такихъ учрежденій, я не считаю хорошимъ методомъ тотъ, который разсматриваетъ эти учрежденія съ точки зрѣнія ихъ основателей и управителей, или свободы и правъ, предоставляемыхъ этимъ лицамъ. Мнѣ кажется предпочтительнѣе разсматривать эти учрежденія, какъ имущества или совокупности имуществъ, подлежащія оцѣнкѣ съ экономической точки зрѣнія. Независимо отъ различій юридическаго порядка, вытекающихъ изъ различія законодательствъ, въ учрежденіяхъ нельзя не видѣть спеціальнаго класса собственности, анализъ котораго приводитъ къ открытію многообразныхъ типовъ и безчисленныхъ разновидностей.

Пятый классъ объединяетъ собою права, изъ которыхъ одни

входятъ, какъ будто, въ государственную собственность, другія—въ индивидуальную, и многіе юристы отказываются даже квалифицировать эти права, какъ собственность. Источникъ ихъ кроется въ томъ феодальномъ принципѣ, по которому право на трудъ входитъ составной частью въ собственность сеньора, имѣющаго также возможность уступить ее тому или другому лицу съ исключеніемъ всѣхъ другихъ. Построенныя на этомъ принципѣ права удержались и въ современномъ намъ обществѣ подъ двумя формами, изъ которыхъ одну представляютъ государственныя монополіи, а другую—привиллегіи, жалуемыя отдѣльнымъ лицамъ. Я не буду останавливаться на первыхъ, такъ какъ онѣ имѣютъ въ своемъ основаніи общій или фискальный интересъ: это, напр., пороховая, табачная, спичечная, спиртовая, почтовая, телеграфная, желѣзнодорожная и т. п. монополіи. Что касается частныхъ привиллегій, это—то, что называютъ обыкновенно собственностью литературной, художественной, промышленной и торговой,—имущественныя права авторовъ и художниковъ на ихъ произведенія,—изобрѣтателей, промышленниковъ и купцовъ—на рисунки, модели, марки и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти права, законность которыхъ никѣмъ не оспаривается, возникли исторически изъ королевскихъ привиллегій, предшествовавшихъ 1789 г. Юридическая природа этихъ правъ возбуждаетъ до нашихъ дней большіе споры. Я склоненъ видѣть въ нихъ настоящія привиллегіи или монополіи, хотя эти слова звучатъ нехорошо въ ушахъ сыновъ Революціи. Но намъ нечего бояться словъ и окутывать ими наши предразсудки при критической оцѣнкѣ тѣхъ учрежденій, къ которымъ они прилагаются.

Люди, даже менѣе всего знакомые съ юриспруденціей, не могутъ не замѣтить пропасти, отдѣляющей право автора какой-нибудь книги, сводящееся къ запрету воспроизведенія этой книги, или право живописца не допускать фотографій со своихъ картинъ—и право собственности на тотъ или другой земельный участокъ или домъ. Только „остроуміе“ Альфонса Карра могло претендовать на разрѣшеніе всѣхъ теоретическихъ и практическихъ трудностей, связанныхъ съ авторскимъ правомъ, такимъ ворчливымъ утвержденіемъ: „литературная собственность есть собственность“, которая ничѣмъ не отличается отъ собственности „на дыни и канталупы“.

Съ послѣдними примѣрами мы приходимъ къ индивидуальной собственности, единственно-допускаемой либеральной политической экономіей. Но уже предшествующее изложеніе показало намъ, что далеко не она одна существуетъ даже въ наше время, хотя

нельзя отрицать, что ее именно имѣетъ въ своей основѣ правовой порядокъ какъ нашего гражданскаго кодекса, такъ и римскаго права.

Я постараюсь избѣгать выраженія „индивидуальная собственность“ и буду говорить о *„dominium ex jure quiritium“* или о собственности, схематизированной ст. 544 нашего кодекса, такъ какъ индивидуальная собственность есть абстрактный типъ собственности, никогда не осуществляемый на практикѣ уже въ силу дѣйствія многочисленныхъ „спеціальныхъ законодательствъ“. Подъ этотъ типъ собственности едва-едва подойдутъ только нѣкоторыя движимости. Эти движимости составляли, можно сказать, главный предметъ того *dominium ex jure quiritium*, которое въ Римѣ распространялось первоначально только на нихъ. Первоначальной формой собственности въ доисторическія времена была, по всѣмъ видимостямъ, та, которую признали прежде всего на оружіе и мелкіе предметы ежедневнаго употребленія; она была индивидуальна, можетъ быть, даже въ бóльшей степени, чѣмъ въ настоящее время, сопровождая своего владѣльца даже въ могилу [1]) и оставаясь таковой и въ коммунистическихъ обществахъ. Въ этихъ обществахъ мы видимъ иногда примѣненіе индивидуальной собственности и къ предметамъ внѣшней торговли. Въ Римѣ и на всемъ пространствѣ классической древности индивидуальная собственность распространялась на животныхъ и на человѣка, и эта собственность на человѣка не исчезла еще не только со всего лица земли, но и въ странахъ, „цивилизуемыхъ“ нашимъ Западомъ. Наконецъ, индивидуальная собственность захватываетъ и землю, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что даже въ коммунистическихъ обществахъ встрѣчается индивидуальная собственность на жилища и окружающіе ихъ сады (*heredium*, *bina jugera*, предоставленныя каждой семьѣ Ромуломъ при раздѣлѣ Палатинской горы; *terra salica* и т. д.). Въ различныхъ странахъ и въ различныя времена область распространенія этой квиритской собственности также различна.

Но капиталистическій строй придаетъ во многихъ случаяхъ этой собственности новый и до такой степени специфическій характеръ, что ее нужно въ этихъ условіяхъ выдѣлить въ особый, седьмой классъ собственности, который мы будемъ называть *товарищеской* собственностью (*propriété sociétaire*). И подобно

[1]) Въ силу вѣрованій, обозначаемыхъ обыкновенно терминомъ: анимизмъ, предметы, служившіе умершему, подвергались уничтоженію, въ виду освобожденія ихъ души, которая слѣдовала въ загробной жизни за душой ихъ умершаго собственника.

тому, какъ пользованія въ государственной собственности идутъ постепенно отъ коллективныхъ формъ къ индивидуальнымъ, такъ и товарищеская собственность приводитъ насъ отъ древняго коммунизма къ будущему коллективизму, проходя черезъ три ступени: семейныя товарищества, товарищества лицъ, товарищества капиталовъ.

Первыя вышли изъ древняго семейнаго коммунизма, переживъ его и послѣ перехода этого коммунизма въ индивидуалистическій строй. Не то-ли представляютъ намъ супружеская общность имуществъ и общность имуществъ между братьями и сестрами, регламентируемыя даже нѣкоторыми современными законодательствами, какъ напр., въ Швейцаріи? Такое удержаніе древнихъ формъ коммунизма среди индивидуалистическаго строя можно считать, повидимому, твердо установленнымъ и въ отношеніи къ римской *societas omnium bonorum*, особенности которой нельзя объяснить иначе, какъ происхожденіемъ изъ семейнаго коммунизма. Эти особенности хорошо извѣстны, и сами римскіе юристы связывали ихъ съ какимъ-то *jus fraternitatis*.

„Договоръ товарищества — замѣчаетъ справедливо Мейніаль [1])—выступаетъ первоначально не иначе, какъ смѣшанный съ общностью имуществъ, и почти такой характеръ онъ носитъ и въ римскомъ правѣ. Освобождаясь отъ этого смѣшенія, онъ все-таки остается проникнутымъ древними нормами, и чтеніе Потье оставляетъ именно то впечатлѣніе, что механизмъ товарищества служитъ долгое время только тому, чтобы препятствовать захватамъ, возможнымъ со стороны каждаго изъ соучастниковъ въ товариществѣ, въ отношеніи къ другимъ соучастникамъ".

Это и есть точка зрѣнія коммунистическихъ обществъ, гдѣ всѣ юридическія правила разсчитаны на то, чтобы регулировать возможно болѣе точно и справедливо права пользованія общими вещами и, путемъ уравненія вліянія каждаго изъ членовъ данной группы, избѣжать между ними всякихъ столкновеній.

„Нашъ гражданскій кодексъ,—продолжаетъ Мейніаль,—переписываетъ Потье, и на ряду съ правилами, ограничивающими права каждаго изъ участниковъ въ товариществѣ въ интересѣ общаго дѣла, мы находимъ въ немъ и другія правила, проникнутыя противоположнымъ духомъ", т. е. имѣющія въ виду установленіе между товарищами іерархіи и начала власти, служащихъ спекулятивнымъ цѣлямъ. „Изданіе торговаго кодекса и промышленное развитіе начала XIX в. не замедлили обнаружить несо-

[1]) Meynial, примѣч. въ *Recueil des lois et arrêts*, Sirey, 1892, I, стр. 73.

стоятельность этой регламентаціи". Затѣмъ Мейніаль показываетъ, какъ въ теченіе этого вѣка, путемъ доктрины и судебной практики, установился болѣе или менѣе удовлетворительный режимъ гражданскихъ и торговыхъ товариществъ, называемыхъ обыкновенно товариществами лицъ (потому что никто не входитъ въ нихъ иначе, какъ *intuitu personae*), тогда какъ болѣе точнымъ названіемъ было бы—товарищество лицъ и капиталовъ.

Но капиталистическій строй, начиная съ XVI в., вызвалъ развитіе чистыхъ товариществъ капиталовъ въ такихъ поразительныхъ размѣрахъ, о какихъ не могло быть и рѣчи въ Римѣ, гдѣ подобныя товарищества существовали только для откупа налоговъ.

Большинство юристовъ и экономистовъ сходятся въ томъ, что тѣ и другіе приравниваютъ гигантскій заводъ или огромный базаръ къ маленькой деревенской лавкѣ или клочку земли въ нѣсколько сажень. Акціи и облигаціи представляютъ собою, конечно, индивидуальную собственость. Но и въ юридической теоріи за акціонерами ни въ коемъ случаѣ не признается собственности, даже нераздѣльной, на недвижимости акціонерныхъ компаній, состоящія, какъ говорятъ, въ собственности юридическаго лица. И какова бы ни была цѣнность этой фикціи, обращеніе къ ней уже указываетъ на различное положеніе дѣла въ настоящемъ случаѣ и въ томъ, который предусматривается ст. 544 Code civ.

И дѣйствительно, мы видимъ тутъ въ нагляднѣйшей формѣ то раздвоеніе между трудомъ и собственностью, которое такъ осуждается соціалистами: нигдѣ доходъ безъ труда не выступаетъ съ такой яркостью, какъ именно здѣсь. Не останавливаясь на этомъ пунктѣ, я считаю важнымъ обратить вниманіе на то, что товарищества капиталовъ представляютъ многочисленные типы, которые могутъ быть сведены въ серіи. На ряду съ элементарными товариществами, если можно такъ выразиться, существуютъ сложныя товарищества, или союзы товариществъ. Это, прежде всего,—общія товарищества (Omnium), соединяющія акціи промышленныхъ предпріятій различнаго рода.

Затѣмъ идутъ картели, которые Мартенъ Сентъ-Леонъ [1]) опредѣляетъ такъ: „соглашеніе между производителями тождественныхъ или сходныхъ продуктовъ съ цѣлью ограниченія конкурренціи и обезпеченія—путемъ-ли уменьшенія чистаго дохода съ этихъ продуктовъ, или стѣсненія производства, или установле-

[1]) Martin Saint-Leon, Cartells et Trusts, 2-ое изд. 1903, стр. 21 и 28.

нія твердой цифры минимальной продажной цѣны — прочности предпріятія и постоянства промышленной прибыли.

„Лучшей классификаціей картелей, по ихъ предмету, является та, которая предложена недавно Грунцелемъ (Grunzel) въ его книгѣ: Ueber Kartell, Leipzig, 1902, стр. 38—119. Этотъ авторъ поддерживаетъ, прежде всего, вмѣстѣ съ Лифманомъ (Liefmann), общее раздѣленіе картелей на регулирующіе спросъ либо на рабочія руки, либо на сырье, и регулирующіе предложеніе. Эти послѣдніе подраздѣляются слѣдующимъ образомъ: 1) Картели по условіямъ продажи, куда входятъ запреты дисконта или значительной уступки съ цѣны товаровъ, запреты кредитовъ за предѣлами извѣстныхъ сроковъ и т. д; 2) картели цѣнъ (установленіе минимальной продажной цѣны); 3) картели по ограниченію производства; 4) картели по раздѣлу рынковъ между заинтересованными сторонами; 5) картели по раздѣлу производства между тѣми же сторонами; 6) картели по централизаціи продажи внутри страны; 7) картели по регулированію вывоза.

„Картели можно классифицировать еще по ихъ *формѣ*; въ этомъ отношеніи различаютъ двѣ категоріи: обыкновенные картели и картели-синдикаты продажи.

„*Обыкновенные картели.*—Это—простое соглашеніе, по которому многіе производители обязываются другъ передъ другомъ, напр., не продавать своихъ продуктовъ ниже установленной минимальной цѣны или не расширять производства далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Нарушающіе эти обязательства платятъ опредѣленную неустойку, для обезпеченія которой участники картеля вручаютъ администраціи его векселя, снабженные ихъ акцептомъ; и, если наступаютъ условія взысканія неустойки, эти векселя идутъ въ оборотъ. Въ этой формѣ были установлены первые германскіе картели, и именно картели углепромышленниковъ въ Вестфаліи передъ 1890 г.

„*Картели-синдкиаты продажи.*—Опытъ показалъ, что участники картелей часто нарушаютъ свои обязательства, и что такія нарушенія, какъ, напр., уступки съ продажной цѣны, очень трудно контролировать. Это привело къ измѣненію формы картеля и созданію новой комбинаціи, — *синдиката продажи,* дѣлавшей еще шагъ впередъ въ отношеніи концентраціи капитала. Эта концентрація касается торговли: каждый изъ участниковъ такого картеля сохраняетъ за собою собственность и управленіе своимъ предпріятіемъ, но отказывается въ пользу картеля или, точнѣе, созданнаго имъ бюро продажи отъ торговаго завѣдыва-

нія этимъ предпріятіемъ. Подобная комбинація картеля и бюро продажи можетъ получить одну изъ 4-хъ слѣдующихъ формъ:

„*1-ая форма.*—Бюро продажи выступаетъ только въ посреднической или маклерской роли: оно не представляетъ собой юридическаго лица. Единственно-управомоченнымъ и обязаннымъ лицомъ является здѣсь самъ участникъ картеля, которому, т. е. этому участнику, бюро продажи передаетъ и полученные имъ заказы. По этому типу организованъ нѣмецкій поташевый картель (Kalikartell).

„*2-ая форма.* — Бюро продажи также не имѣетъ качества юридическаго лица, отличнаго отъ юридическаго лица картеля-синдиката, но оно вступаетъ въ договоры отъ имени картеля, передавая затѣмъ всѣ заказы, съ вытекающими изъ нихъ правами и обязанностями, тому или другому члену картеля.

„*3-ья форма.*—До сихъ поръ бюро было только органомъ синдиката. Но оно можетъ дѣйствовать и въ качествѣ коммиссіонера, т. е. покупать и продавать *отъ своего собственнаго имени,* обращая лишь въ конечномъ счетѣ всѣ выгоды и потери по заключаемымъ имъ сдѣлкамъ на картель. Устроенное такимъ образомъ бюро продажи взимаетъ коммиссію съ каждой продажи и принимаетъ иногда форму акціонерной (напр., бюро продажи при картелѣ Вестфальскихъ углепромышленниковъ) или коммандитной компаніи. Организація и управленіе бюро продажи поручается часто и отдѣльному лицу или какому-нибудь банку.

„*4-ая форма.*— Случается, наконецъ, что какая-либо акціонерная компанія или частное лицо покупаетъ у картеля все его производство съ цѣлью перепродажи на свой собственный рискъ и страхъ, заинтересовывая, въ то же время, картель въ результатѣ продажи, если онъ превыситъ извѣстную сумму. Нѣмецкій целлюлозный картель заключилъ подобнаго рода договоръ съ однимъ банкомъ, эксплуатирующимъ его бюро продажи".

Изъ сказаннаго видно, что картели достигаютъ ограниченія конкурренціи установленіемъ между промышленниками свободной ассоціаціи, „которая связываетъ ихъ свободу лишь въ одномъ или въ нѣсколькихъ точно опредѣленныхъ пунктахъ. Если же связанныя общимъ интересомъ предпріятія окончательно сливаются, и происходитъ полное уничтоженіе независимости соединенныхъ предпріятій, то ассоціація перестаетъ быть картелемъ и становится трестомъ". Обратимся опять къ Сентъ-Леону [1]) за опредѣленіемъ этой экономической группы, возбуждающей теперь такъ много споровъ.

[1]) M. Saint-Leon, цит. соч., стр. 101—109.

„Желая положить конецъ раздѣлявшей ихъ конкуренціи и увеличить свои прибыли—путемъ-ли поднятія цѣнъ на свои продукты, или пониженія издержекъ производства и продажи—нѣкоторые предприниматели стали искать комбинаціи, которая позволила бы имъ достигнуть полнаго единства въ цѣляхъ и въ способахъ дѣйствія—тамъ, гдѣ такъ долго господствовало одно соперничество. Сдѣланныя до того попытки соединить всѣхъ предпринимателей по той или другой отрасли промышленности въ синдикаты, сгруппировать ихъ въ то, что американцы называютъ *pools* (это — американское названіе картелей), кончились, одна за другой, неудачами...

„Пока не смѣли еще думать объ открытомъ сліяніи частныхъ предпріятій въ единое общество, организованное въ формѣ акціонерной компаніи. Такъ какъ формула искомой комбинаціи не должна была подавать кліентамъ предпринимателей, вступавшихъ въ новый синдикатъ, повода къ отступленію отъ заключенныхъ и имѣвшихъ быть заключенными ими договоровъ, то придумана была слѣдующая форма. Синдикатъ, созданный для концентраціи главныхъ предпріятій одной и той же отрасли промышленности, приглашалъ всѣхъ акціонеровъ этихъ предпріятій (или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ акціонеровъ, которые располагали большинствомъ акцій каждаго предпріятія) передать ему ихъ акціи. Взамѣнъ этихъ акцій акціонеры получали именныя свидѣтельства трëстовъ, могущія передаваться, какъ и акціи, и дававшія, наравнѣ съ послѣдними, право какъ на часть дивидендовъ, такъ и на часть общаго актива въ случаѣ ликвидаціи предпріятія; но эти свидѣтельства не давали права голоса въ общихъ собраніяхъ,—права, которое оставалось связаннымъ съ переданными въ трëстъ акціями, лишенными теперь своей имущественной цѣнности, но обезпечивавшими за *trustees* или уполномоченными синдиката, большинство голосовъ во всѣхъ общихъ собраніяхъ соединенныхъ компаній. Если эти послѣднія съ легальной точки зрѣнія и сохраняли свою независимость, то единство управленія, а съ нимъ и двойная концентрація—торговая и промышленная—казались достигнутыми“.

Но федеральный законъ Соединеныхъ Штатовъ объявилъ такого рода договоры недѣйствительными; короли трестовъ испугались и изобрѣли три новыхъ комбинацій

Первая комбинація—консолидація или простое сліяніе. Многіе трëсты, встревоженные однимъ рѣшеніемъ Нью-Іоркскаго суда, прибѣгли къ слѣдующей мѣрѣ: всѣ компаніи, сгруппированныя вокругъ того или другого треста, постановляли въ одинъ и тотъ

же день на своихъ общихъ собраніяхъ о прекращеніи своего существованія; въ тотъ же день составлялась обширная акціонерная компанія (*corparation*), которая принимала на себя активъ и пассивъ распущенныхъ компаній; держатели прежнихъ свидѣтельствъ трёста становились, естественно, акціонерами новой компаніи, и прежніе *trustees* обмѣнивали свой титулъ на званіе директоровъ „корпораціи".

Вторая комбинація. Керосиновый трестъ поступилъ иначе: старыя компаніи были распущены, но тотчасъ же составлено 20 новыхъ; *9 trustees* стараго треста, владѣвшіе большей частью актива старыхъ компаній, получили большинство акцій и въ каждой изъ вновь образовавшихся компаній, директорами и администраторами которыхъ стали „подставныя" лица; старые акціонеры распущенныхъ компаній получили, вмѣсто прежнихъ свидѣтельствъ треста, паи въ новыхъ компаніяхъ. Одна изъ этихъ 20 компаній, а именно „Нью-Джерсейская корпорація", приступила недавно къ пріобрѣтенію всѣхъ акцій 19 остальныхъ компаній. Нью-Джерсейская корпорація, руководимая Рокфелеромъ и К°, будетъ, такимъ образомъ, единственной собственницей всего огромнаго имущества керосиноваго треста.

Третья комбинація—holding trust. Этотъ синдикатъ устанавливается также въ формѣ акціонерной компаніи и имѣетъ цѣлью не эксплуатацію собственными средствами того или другого промышленнаго предпріятія, а пріобрѣтеніе большинства акцій различныхъ компаній, эксплуатирующихъ отдѣльныя предпріятія и стремящихся къ объединенію. Эти компаніи не сливаются другъ съ другомъ, по крайней мѣрѣ, открыто и сохраняютъ—каждая свое отдѣльное существованіе. Но *holding trust*, располагающій большинствомъ голосовъ въ каждомъ общемъ собраніи, царитъ неограниченно надъ этими компаніями, назначая на должности директоровъ и администраторовъ своихъ людей и проводя на общихъ собраніяхъ всѣ постановленія, которыя онъ считаетъ соотвѣтствующими своимъ интересамъ. Этотъ типъ организаціи, повидимому, становится съ 1898 г. преобладающимъ. Федеральная стальная компанія 1898 г., Американская компанія очистки спирта 1899 г. и, наконецъ, два чудовищныхъ по своимъ размѣрамъ предпріятія—стальной трестъ (U. S. Steel corporation) и судоходный трестъ (International mercantile company) — принадлежатъ къ типу holding trust.

М. Сентъ-Леонъ совершенно правильно настаиваетъ на различіи между картелями и трёстами со стороны автономіи группирующихся въ нихъ предпріятій. „Въ картеляхъ предприниматель

остается полнымъ собственникомъ своего предпріятія. Если ему приходится отречься отъ своей свободы въ отношеніи къ торговлѣ, то онъ продолжаетъ быть единственнымъ хозяиномъ въ отношеніи къ производству, которымъ ему предоставляется управлять и распоряжаться, какъ онъ хочетъ. Совсѣмъ иное въ трестахъ. Они не только ограничиваютъ, какъ картели, свободу группируемыхъ ими вокругъ себя предпріятій, но и уничтожаютъ эту свободу. Это—не простой союзъ, а полное сліяніе. Подъ воздѣйствіемъ треста, совершается тройная корцентрація: торговая, промышленная и финансовая. Мы не видимъ здѣсь, какъ въ картеляхъ, союзниковъ, которые совѣщаются объ общемъ планѣ кампаніи, приходятъ къ соглашенію о стратегическихъ движеніяхъ, но подробности исполненія предоставляютъ свободѣ дѣйствія каждаго изъ союзниковъ. Мы видимъ здѣсь, напротивъ, властное начальство, которое командуетъ и требуетъ безпрекословнаго повиновенія; оно не допускаетъ ни противорѣчія, ни противодѣйствія даваемымъ имъ приказамъ. Абсолютный господинъ надъ слитыми юридически или фактически предпріятіями, трестъ назначаетъ въ нихъ и смѣняетъ, по своему усмотрѣнію, директоровъ, ускоряетъ, замедляетъ или совершенно останавливаетъ все или часть производства этихъ предпріятій, располагаетъ ихъ собственностью путемъ продажъ и обмѣновъ, регулируетъ покупку сырья, ведетъ переговоры съ персоналомъ рабочихъ, устанавливаетъ условія рабочаго договора, вводитъ во всѣ или только въ нѣкоторые заводы новыя машины и тѣ усовершенствованія, какія считаетъ полезными. Словомъ, онъ надѣленъ всѣми аттрибутами собственности въ томъ смыслѣ, какъ ее опредѣляли римскіе юристы: правомъ пользованія, употребленія и даже злоупотребленія, принимаемаго школьной традиціей“.

Не имѣя въ виду изслѣдовать экономическія послѣдствія трестовъ и оцѣнивать ихъ преимущества и неудобства для настоящаго времени, я ограничусь замѣчаніемъ, что осуществляемая ими концентрація капиталовъ подготовляетъ и призываетъ будущій коллективизмъ. Онъ возникнетъ роковымъ образомъ изъ монополіи нѣсколькихъ милліардеровъ, деспотизмъ которыхъ не можетъ быть долго терпимъ.

Сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы оправдать включеніе въ мою классификацію формъ собственности ея седьмой и послѣдней категоріи, которую я называю товарищеской собственностью.

* * *

По установленіи указанныхъ выше формъ собственности, намъ не трудно ввести въ нихъ учрежденія, наблюдаемыя у различныхъ народовъ въ различныя эпохи ихъ исторіи. Вмѣсто того, чтобы утверждать, что то или другое пользованіе, примѣненное къ той или другой категоріи вещей, составляетъ частную или коллективную собственность,—мы видѣли, что это утвержденіе не имѣетъ никакого смысла, — мы можемъ включить данное пользованіе въ категорію, примѣрно, коммунистической или государственной собственности, если только мы откроемъ его тождество или болѣе или менѣе значительное сходство съ соотвѣтственными типами нашей таблицы формъ собственности. Само собою разумѣется, что намъ придется удлинять или расширять эту таблицу всѣми тѣми формами собственности, которыя невозможно будетъ свести къ предварительно намѣченнымъ типамъ. Этотъ методъ не предлагался и не практиковался, сколько мнѣ извѣстно, еще ни однимъ авторомъ.

Но полезно упомянуть, что въ полемикѣ о собственности спорящія стороны имѣютъ обыкновенно въ виду, явно или молчаливо, только одинъ изъ перечисленныхъ мною типовъ собственности. Такъ, напримѣръ, правовѣрные экономисты проповѣдуютъ и желаютъ распространенія одной римской собственности, возстановленной 544 ст. Code civ., а многіе изъ соціологовъ отождествляютъ въ своихъ разсужденіяхъ коллективную собственность съ формой русскаго *міра* или германскаго *allmend'a*. Это естественно затягиваетъ споры о собственности до безконечности и объясняется лишь отсутствіемъ предварительной методической классификаціи, необходимой для всякаго сравненія или противоположенія различныхъ категорій изучаемаго явленія. Многіе горячо спорятъ о коммунизмѣ, не уяснивъ себѣ точнаго смысла словъ, которыя они употребляютъ, т. е. смысла келлективной и индивидуальной собственности. Съ этимъ упрекомъ я въ правѣ обратиться особенно къ Фюстель де-Куланжу. Этотъ замѣчательный писатель никогда не связывалъ опредѣленныхъ представленій съ нѣкоторыми понятіями, данными тѣми или другими законодательствами. Во многихъ мѣстахъ своихъ произведеній онъ приписывалъ эпитетамъ „индивидуальный“ и „коллективный“ странный смыслъ, несвойственный ни языку юристовъ, ни ихъ сочиненіямъ.

Онъ думалъ, что занимавшая его проблема могла быть поставлена такъ: существуетъ или несуществуетъ собственность въ той или другой странѣ? [1]). Это — очевидная ошибка. Позити-

[1]) Онъ озаглавливаетъ 7-ю и 8-ю главы своихъ *Recherches* такъ: „Отмѣ-

висты очень вѣрно замѣтили, что собственность, если ее брать въ наиболѣе общемъ и абстрактномъ смыслѣ, существуетъ вездѣ и существовала всегда. Жизнь въ обществѣ, каковы бы ни были ея экономическія условія, необходимо производитъ между людьми юридическія отношенія по поводу обладанія тѣми или другими предметами внѣшней природы.

Проблема собственности должна быть поставлена иначе.

Надо рѣшить, представляетъ-ли собою та или другая группа вещей какой-нибудь подлежащій оцѣнкѣ интересъ для даннаго общества, или, другими словами, имѣетъ ли она какую-нибудь цѣнность, потребительную или оборотную? Если на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить утвердительно, то не можетъ быть и вопроса о собственности. Не смѣшно-ли было бы, въ самомъ дѣлѣ, искать юридическаго регулированія ртутныхъ розсыпей или залежей фосфата у патагонцевъ или людей каменнаго вѣка, озабоченныхъ несравненно болѣе, поисками кремня, изъ котораго они дѣлали свои топоры? Въ мѣловыхъ пластахъ найдены довольно значительныя галлереи, свидѣтельствующія о существованіи правилъ для работы въ этихъ галлереяхъ. Отсюда можно вывести заключеніе и о существованіи извѣстнаго горнаго права въ эту эпоху—въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Монтескьё утверждалъ существованіе у краснокожихъ международнаго права, сводившагося къ скальпированію непріятеля. Напротивъ, ни люди каменнаго вѣка, ни краснокожіе не устраивали заставъ для сбора денегъ передъ „красотами природы“, какъ это дѣлаютъ современные намъ швейцарцы или собственникъ озера Катринъ, выбивающій себѣ доходъ изъ поэзіи Вальтера Скотта.

Если, поэтому, какое-нибудь общество утилизируетъ тѣ или другіе предметы, оно и примѣняетъ къ нимъ юридическій режимъ, вытекающій изъ существующихъ экономическихъ отношеній. И такъ какъ число концептовъ и идей права, по необходимости, ограниченно, то и формы собственности распредѣляются, какъ мы уже видѣли, въ предѣлахъ двухъ абстракцій: индивидуальной и коллективной собственности. Но представленія Ф. де Куланжа о коллективной собственности чрезвычайно странны[1]). Она

чаютъ ли Цезарь и Тацитъ отсутствіе собственности у германцевъ?“ См. также стр. 269: „*Существованіе или отсутствіе собственности*“.

[1]) Fustel de Coulanges, *Recherches*, стр. 262, 268: „Тацитъ не говоритъ, чтобы земля была общей, *promiscua*, чтобы она принадлежала всѣмъ“. Комментируя на стр. 273 слова Тацита: agri partiuntur pro numero virorum, Ф. де Куланжъ выражается такъ: „Если бы Тацитъ хотѣлъ сказать, что земля принадлежала всѣмъ, то число земледѣльцевъ не имѣло бы никакого значенія,

для него *terra promiscua*, что не означаетъ, въ сущности, ровно ничего. Или земля не имѣетъ цѣнности ни для кого и, не будучи способна къ утилизаціи, ускользаетъ отъ права, какъ, напримѣръ, вершина Горизанкара или кратеры на лунѣ; или она способна къ утилизаціи тѣмъ или другимъ способомъ, и тогда найдутся всегда люди, которые пожелаютъ удержать за собой выгоды исключительнаго пользованія ею или въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, *ut singuli*, или въ качествѣ членовъ какой-нибудь группы: племени, класса, семьи, націи или общины [1]). Нельзя принять опредѣленіе коллективной собственности, которымъ не обнимались бы какъ территоріи охоты краснокожихъ, такъ и зданія современныхъ университетовъ и академій.

Изученіе *міра* и *allmend'a* показало бы Ф. де-Куланжу, если бы онъ далъ себѣ этотъ трудъ, что аграрный коммунизмъ вовсе не предполагаетъ ни обработки земли сообща, ни распредѣленія ея по жребію, ни равенства надѣловъ [2]). Связывать коммунизмъ съ соціальнымъ равенствомъ, это значитъ дѣлать большую ошибку, въ которую впадаетъ особенно часто утопическій соціализмъ. Древнія общества, практиковавшія коммунизмъ, равно какъ и общества, опиравшіяся на индивидуализмъ, знали рабство, неравенство и іерархію свободныхъ людей. Даже въ наше время, если коммунистическая собственность и стремится смягчить или ограничить неравенство, предупреждая скупку земель, то она все-таки не уничтожаетъ этого неравенства. Она не затрагиваетъ неравенствъ, имѣющхъ въ своемъ источникѣ обладаніе капиталомъ, и въ наши дни, какъ и во времена древнихъ германцевъ, общинныя имущества не приносятъ пользы крестьянину, который вслѣдствіе эпизотіи или ростовщичества лишается своего скота. Именно поэтому масса русскихъ крестьянъ и теряетъ свои надѣлы, переходящіе въ руки ростовщиковъ или такъ-называемыхъ „міроѣдовъ“. Такъ же точно и дороги, устраиваемыя для верховой ѣзды или ѣзды на велосипедахъ, служатъ только тѣмъ, кто настолько

и тогда было бы непонятно, почему Тацитъ говоритъ о немъ“. То же на стр. 278.

[1]) Въ поясненіе сказаннаго можно поставить слѣдующій вопросъ, который покажется, пожалуй, страннымъ: кому принадлежитъ вершина Монъ-Блана? Въ теченіе вѣковъ никто не задавался этимъ вопросомъ. Но вотъ, въ концѣ XIX в., на Монъ-Бланѣ построили гостиницу, обсерваторію, различныя убѣжища, и двѣ прилегающія къ нему общины, Шамони и Сентъ-Жервэ, оспариваютъ теперь другъ у друга собственность, которая прежде ихъ вовсе не интересовала.

[2]) F. de Coulanges, Recherches, стр. 279, 283.

богатъ, чтобы владѣть верховой лошадью или велосипедомъ. Неужели-же это обстоятельство можетъ быть достаточнымъ основаніемъ для признанія въ данномъ случаѣ индивидуальной или коллективной собственности за любителями верховой ѣзды и велосипедистами? Ф. де-Куланжъ стоялъ бы здѣсь за индивидуальную собственность, такъ какъ онъ видитъ ее всюду, гдѣ „кто-нибудь имѣетъ личное или индивидуальное право на то или другое пространство земли", гдѣ каждое лицо или каждая семья обладаетъ собственнымъ правомъ въ отношеніи къ данному участку земли" [1]). Уклоненіе отъ обычнаго смысла понятія индивидуальной собственности идетъ здѣсь дальше всего, что можно себѣ представить. На обычномъ языкѣ экономистовъ и юристовъ, это понятіе примѣняется только къ тѣмъ случаямъ, гдѣ кто-нибудь имѣетъ постоянное и даже вѣчное право на тотъ или другой участокъ земли. И я уже указывалъ на то, что во всякой коллективной собственности есть индивидуальная сторона. Нѣтъ такого коммунистическаго порядка, въ которомъ не ставился бы вопросъ: кто участвуетъ въ данномъ общемъ или исключительномъ правѣ, и какова мѣра этого участія? Кому принадлежитъ право судоходства на рѣкѣ: населенію-ли омываемыхъ ею провинцій, или населенію всего государства? Кто можетъ посылать скотъ на общественное пастбище и въ какомъ числѣ головъ? За кѣмъ признано право въѣзда въ тотъ или другой лѣсъ и въ какой мѣрѣ? Кто изъ членовъ общины участвуетъ въ періодическомъ раздѣлѣ общинныхъ угодій и въ какомъ размѣрѣ?

Провозглашать индивидуальную собственность во всѣхъ случаяхъ признанія закономъ или обычаемъ за индивидомъ личнаго и опредѣленнаго права на то или другое пространство земли, это значило бы не только разрушать установившееся словоупотребленіе, но и вычеркивать коммунизмъ изъ всемірной исторіи. Этого дѣйствительно и хотѣлъ Ф. де-Куланжъ, но онъ могъ измѣнить только смыслъ словъ: факты оставались въ своей силѣ.

Безъ сомнѣнія, Мауреръ и Лавеле ошибались, когда они пытались свести всѣ формы коммунистической собственности къ одному источнику и отожествить ея отдаленнѣйшія состоянія съ русскимъ мірскимъ землевладѣніемъ съ его періодическими передѣлами, при чемъ и всѣ другія формы этого мірского землевладѣнія представлялись имъ не чѣмъ инымъ, какъ „различными

[1]) F. de Coulanges, тамъ же, стр. 280 281, 283.

ступенями его разложенія“ [1]). Но противники этого воззрѣнія слишкомъ спѣшатъ торжествоовать побѣду, говоря, будто „ничто не доказываетъ того, чтобы міръ съ періодическими передѣлами представлялъ собой отдаленнѣйшій типъ первобытной собственности“. Пусть будетъ такъ, но эта критика отдѣляется цѣлой бездной отъ того предположенія, что доисторическіе охотники исповѣдывали экономическіе догматы Тьера или Бастіà, или что германцы, побѣдившіе Вара, практиковали въ своемъ Тевтбурскомъ лѣсу *dominium ex jure quiritium*.

Этого не думали, конечно, римляне, наблюдавшіе германцевъ съ той проницательностью, которой самъ Ф. де-Куланжъ отдаетъ дань признанія [2]), и этого достаточно также, чтобы уничтожить антикоммунистическій тезисъ нашего знаменитаго историка, а съ нимъ—и ту поддержку, которую онъ долженъ былъ, повидимому, оказать индивидуалистическимъ доктринамъ.

Здѣсь будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и объ аргументаціи либеральныхъ экономистовъ противъ аграрнаго коммунизма. Они не перестаютъ повторять, будто ничто не можетъ быть такъ мало производительнымъ, какъ общинныя угодья. Но они забываютъ, что, если общинныя угодья безплодны, то это происходитъ отъ ихъ природы и мѣстоположенія, а вовсе не отъ ихъ юридическаго характера. Напр., склоны горъ часто невозможно утилизировать иначе, какъ въ видѣ общинныхъ пастбищъ, и послѣ изданія закона 1793 г. о раздѣлѣ общинныхъ имуществъ констатировано, что эксплуатація ихъ въ иной формѣ и обращеніе въ индивидуальную собственность—невозможны. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что индивидуализмъ, по своему существу, разрушителенъ для лѣсовъ, имѣющихъ важное значеніе для климата всѣхъ странъ, такъ что сохраненіе лѣсовъ и хорошее управленіе ими не можетъ быть обезпечено иначе, какъ въ формѣ государственнаго хозяйства.

Что касается земледѣлія, то достаточно сказать, что даже въ наши дни можно наблюдать превосходно обработываемыя земли въ формѣ коммунистическаго хозяйства, какъ, напр., большія меланезійскія плантаціи и швейцарскіе альменды. Объ этой коллективной собственности, связанной съ индивидуальнымъ пользованіемъ, можно сказать еще болѣе, а именно,—что она ближе, чѣмъ *dominium ex jure quiritium*, къ идеалу собственности, вознаграждающей трудъ и возбуждающей къ нему. Каждый получаетъ

[1]) M. Kovalevsky, *Rapport au Congrès de droit comparé*, стр. 180.
[2]) F. de Coulanges, тамъ же, стр. 261.

здѣсь въ свою пользу продукты воздѣланнаго имъ поля—вмѣсто того, чтобы быть наемнымъ рабочимъ, какъ мы видимъ это въ большихъ имѣніяхъ, составляющихъ собственность потомковъ прежнихъ феодаловъ или современныхъ акціонерныхъ компаній.

Какъ изслѣдованіе прошлаго, такъ и ближайшее наблюденіе современной намъ капиталистической цивилизаціи приводитъ къ заключенію объ абсурдности того положенія, которое утверждаетъ, что безъ частной собственности міръ превратился бы въ дикій лѣсъ, а люди—въ хищныхъ звѣрей. Блэкстона, формулировавшаго эту мысль, можно было бы извинить, но новые писатели повторяющіе ее, впадаютъ въ непростительное заблужденіе. Хищными звѣрями люди стали бы не при коммунистическомъ а при чисто-индивидуалистическомъ порядкѣ. Во всякомъ коммунистическомъ обществѣ всѣ учрежденія разсчитаны на установленіе и поддержаніе равенства и мира, что̀ уже само собою исключаетъ взаимные посягательства и захваты.

Столь же смѣшно, поэтому, и слѣдующее разсужденіе Ж. Б. Сэ. „Безъ частной собственности у работниковъ не было бы земли, которую они могли бы обрабатывать. Если мнѣ на это скажутъ, что они обрабатывали бы первую попавшуюся имъ землю, то я отвѣчу, что тогда и первый встрѣчный могъ бы разорить и собрать ихъ жатву". Но почему въ нашемъ обществѣ собственникъ огражденъ отъ такой случайности? Всякій скажетъ, что его защищаетъ общество. Эта же защита обезпечена за земледѣльцемъ, и обезпечена гораздо лучше, при коммунистическомъ порядкѣ. Водворяя земледѣльца на землѣ, коммунистическое общество ограждаетъ его не только отъ вульгарныхъ актовъ разбоя, но и отъ всѣхъ другихъ причинъ потери владѣнія,—и даже такихъ причинъ, которыя освящены нашимъ правомъ, какъ, напр., экспропріація за долги или болѣе или менѣе вынужденная продажа.

Въ буржуазной прессѣ часто повторяется и такое утвержденіе, что если бы равный раздѣлъ всѣхъ имуществъ былъ произведенъ между всѣмъ населеніемъ той или другой страны, то неравенство возстановилось на слѣдующій же день, такъ какъ пьяница или игрокъ продалъ бы свою землю. Это возраженіе имѣло бы значеніе въ томъ случаѣ, если бы все дѣло ограничилось простымъ перемѣщеніемъ собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, при чемъ за всѣми пріобрѣтателями ея была бы оставлена и полнота правъ римскаго собственника; но если бы распоряженіе собственностью было отдѣлено отъ пользованія ею, и за собственниками оставлено только послѣднее, то приведенное возраженіе потеряло бы всякую силу.

Нерѣдко повторяется и слѣдующая фраза: „здоровое неравенство лучше нездороваго равенства“. Но гдѣ же это бывало, чтобы равенство было менѣе здорово, чѣмъ неравенство? Все это — недоказанныя утвержденія *à priori*, падающія отъ перваго прикосновенія исторической дѣйствительности.

„Вездѣ, гдѣ не было установлено собственности, нищета была господствующимъ порядкомъ“. Это—опять грубое заблужденіе, такъ какъ при коммунистическомъ порядкѣ люди живутъ въ дѣйствительности на равную ногу, не обладая большимъ богатствомъ, но и не терпя крайней нужды. По мнѣнію Ж. Б. Сэ, „люди не такъ несчастны, когда они окружены богатыми, какъ въ томъ случаѣ, если ихъ окружаютъ только бѣдные“. Это, очевидно, невѣрно, такъ какъ бѣдность переносится легче, когда она—общая, равная для всѣхъ; и то, что въ нашихъ обществахъ дѣлаетъ жизнь бѣдныхъ особенно тяжелой, это—контрастъ переносимыхъ ими лишеній съ роскошью богатыхъ.

Коммунистическія общества отличаются обыкновенно общительностью, нравственностью, мягкостью, свободнымъ развитіемъ чувствъ, не уродуемыхъ вліяніемъ личнаго интереса, сознаніемъ собственнаго достоинства и вниманіемъ къ общественному мнѣнію [1]). Напротивъ, идивидуализмъ ведетъ къ пауперизму съ его обычными послѣдствіями, состоящими въ безнравственности и преступности.

Извѣстно возраженіе послѣдователей Ле Плэ,—возраженіе, основанное на наблюденіи семейныхъ общинъ,— противъ теоріи, усматривающей прогрессъ въ освобожденіи отъ коммунизма и въ установленіи ничѣмъ неограниченнаго индивидуализма. Они говорятъ, что этотъ прогрессъ есть регрессъ, разложеніе, и что спасеніе лежитъ въ „соціальномъ мирѣ“. Этого „соціальнаго мира“ не существовало, къ сожалѣнію, никогда — по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ его представляютъ себѣ послѣдователи Ле Плэ.

Во всякомъ случаѣ, говорить объ уничтоженіи коммунизма, какъ о прогрессѣ, можно лишь послѣ изслѣдованія ближайшихъ причинъ этого уничтоженія, и весьма возможно, что разложеніе того или другого коммунистическаго общества представится намъ тогда во многихъ случаяхъ результатомъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, какъ, напр., войнъ. Такимъ образомъ, исчезно-

---

[1]) Ср. то, что говоритъ Laveleye въ своей книгѣ: *De la propriété primitive*, стр. 477—486, о семейныхъ общинахъ.

веніе коммунизма, послѣ его болѣе или менѣе продолжительнаго существованія, не докажетъ намъ еще ни его низкопробности, ни превосходства надъ индивидуализмомъ. Мы не считаемъ возможнымъ разсматривать вопросъ о сравнительной цѣнности обоихъ порядковъ *in abstracto* и установлять, какой изъ этихъ порядковъ болѣе подходитъ къ абстрактному человѣку, къ такъ называемому *homo oeconomicus*, надъ которымъ такъ много и такъ основательно смѣялись. Изслѣдовать можно лишь то, какой изъ этихъ порядковъ подходитъ лучше къ данному обществу, локализированному во времени и въ пространствѣ. Говоря языкомъ марксистовъ, изслѣдованію подлежитъ только соціальная надстройка, соотвѣтствующая данной экономической основѣ, и въ нашемъ случаѣ—тотъ юридическій режимъ, который болѣе всего подходитъ къ нашимъ производственнымъ отношеніямъ. И это уже сама по себѣ—трудная задача, для разрѣшенія которой ничего намъ не дадутъ абстрактныя разсужденія о выгодахъ или невыгодахъ частной собственности.

Мнѣ кажется, что я уже достаточно высказался о методѣ, которому нужно слѣдовать при критическомъ изслѣдованіи формъ собственности, раскрываемыхъ намъ или прямымъ наблюденіемъ существующихъ обществъ, или исторіей исчезнувшихъ цивилизацій. Теперь я долженъ отвѣтить на вопросъ, можетъ-ли указанный мною „методъ типовъ“ принести какую-нибудь пользу марксисту, который попытался бы, имѣя въ виду будущее, построить юридическій порядокъ, соотвѣтствующій коллективистическому обществу? Недостаточно говорить, какъ это дѣлаетъ большинство пропагандистовъ, что съ концомъ капитализма наступитъ конецъ и индивидуальной собственности, которую либеральные экономисты считаютъ, напротивъ, какъ мы это видѣли, до такой степени основнымъ учрежденіемъ для всякаго цивилизованнаго общества, что отмѣна ея представляется имъ не иначе, какъ регрессомъ и даже возвращеніемъ къ дикости. Оба лагеря допускаютъ то единство собственности, которое не выдерживаетъ, какъ это было уже показано, критики фактовъ. Одни приходятъ къ коммунизму, если не въ потребленіи, то въ производствѣ, и разсчитываютъ на его установленіе въ будущемъ; другіе пребываютъ въ почтительномъ созерцаніи и обожаніи индивидуализма, этого, по ихъ мнѣнію, источника, цивилизаціи.

Обѣ стороны противополагаютъ другъ другу различные идеалы и стремятся выразить ихъ въ юридическихъ формулахъ. И слова, которыми онѣ пользуются, должны естественно выражать антиноміи. Разъ буржуазные экономисты написали на

своемъ знамени „индивидуальная собственность“, соціалисты не нашли противопоставить ей ничего лучшаго, какъ „коллективную собственность“.

Оба выраженія имѣютъ для обоихъ противниковъ значеніе, по существу, отрицательное, подобно тому, какъ и слово „свобода“ въ сочиненіяхъ физіократовъ XVIII вѣка не означало ничего иного, какъ только уничтоженіе препятствій, стоявшихъ на пути нарождавшемуся капитализму, въ формѣ сеньоральнаго, корпоративнаго и меркантильнаго режима.

Словами „коллективная собственность“ соціалисты произносятъ теперь осужденіе капитализму, также какъ и словами „индивидуальная собственность“ либеральные экономисты не хотятъ выразить ничего иного, какъ только отрицаніе революціоннаго соціализма.

Но можно-ли связать съ этими словами, независимо отъ ихъ отрицательнаго значенія, и какую-нибудь положительную цѣнность? Я этого не думаю и полагаю, что обѣимъ сторонамъ было бы весьма трудно поставить на мѣсто этихъ словъ точныя и научныя опредѣленія. Это вытекаетъ изъ предшествующаго изложенія, и въ этомъ положеніи дѣла не измѣнила бы ничего и соціальная революція.

Юридическая проблема, можетъ получить иное рѣшеніе, но ее не поставятъ и не будутъ никогда въ состояніи поставить иначе, чѣмъ она поставлена мною. Всегда придется опредѣлять отношенія людей другъ къ другу по поводу вещей, которыми они будутъ пользоваться для удовлетворенія своихъ потребностей,— все равно, будутъ ли этими вещами сырые матеріалы, силы природы или пространство, необходимое для всѣхъ человѣческихъ предпріятій.

Наши потомки увидятъ большія измѣненія въ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ производства, которое будетъ соціализировано, тогда какъ теперь оно составляетъ монополію капиталистовъ. Это понятно. Но когда полный коллективизмъ замѣнитъ тотъ неполный индивидуализмъ (эту неполноту должны признать и либеральные экономисты), въ условіяхъ котораго мы теперь живемъ, то спрашивается, понадобится ли для него, т. е. для коллективизма то юридическое единство, котораго не зналъ никогда индивидуализмъ—даже въ обществахъ, повидимому, наиболѣе расположенныхъ къ его осуществленію?

Я болѣе склоненъ думать, что кодексы будущаго представятъ нашимъ дѣтямъ многообразныя формы собственности. Между ними будутъ, можетъ быть, и совершенно новыя, которыхъ мы не ви-

дѣли до нашихъ дней. Но это мало вѣроятно, такъ какъ юридическія категоріи, подобно другимъ созданіямъ человѣческаго ума, не неограниченны въ своемъ числѣ. Мы можемъ предположить, что будущій коллективизмъ приспособитъ къ себѣ учрежденія, которыя выработаны предшествовавшими ему обществами, смѣшивавшими въ неравныхъ доляхъ индивидуализмъ съ коллективизмомъ. Заимствованіе однимъ соціальнымъ порядкомъ у другого составляетъ великій законъ исторіи; я имѣю въ виду не только переживанія, которыя переходятъ къ намъ отъ отдаленныхъ временъ, и отъ которыхъ мы долго не можемъ отдѣлаться.

Мнѣ представляется, что соціальныя сооруженія воздвигаются въ гораздо меньшей степени изъ матеріаловъ, спеціально для нихъ приготовленныхъ, чѣмъ изъ матеріаловъ, заимствованныхъ изъ другихъ зданій,—правда, передѣланныхъ и иначе расположенныхъ, въ соотвѣтствіи съ постоянно измѣняющимися планами общественныхъ сооруженій. Въ соціальномъ порядкѣ, какъ и въ физическомъ, ничего не теряется и ничего не создается: все только трансформируется или превращается. Юридическія учрежденія— нѣчто въ родѣ общечеловѣческаго фонда, изъ котораго безпрестанно черпаютъ всѣ народы. Считающій себя изобрѣтателемъ часто лишь повторяетъ давно извѣстныя вещи.

Наши потомки при осуществленіи нашей мечты, удержатъ нѣкоторые типы собственности, существующіе въ наше время, или возстановятъ нѣкоторые другіе, указанные исторіей. Такъ, напримѣръ, римское *dominium ex jure quiritium* или право, опредѣляемое ст. 544 нашего кодекса,—право, такъ энергично осуждаемое соціалистами подъ именемъ индивидуальной собственности,—можетъ и не исчезнуть вполнѣ, продолжая примѣняться къ предметамъ личнаго потребленія: одеждѣ, домашней обстановкѣ и даже нѣкоторымъ орудіямъ. Наряду съ этимъ типомъ собственности сохранятся, можетъ быть, на нѣкоторыя средства производства и права, аналогичныя концессіямъ римскаго государства въ *ager publicus* или новаго государства—въ его государственной собственности или въ колоніальныхъ земляхъ. Можетъ воскреснуть даже феодальное представленіе о собственности, и наши потомки могутъ увидѣть возстановленіе между отдѣльными и юридическими лицами отношеній, подобныхъ тѣмъ, которыя связывали нѣкогда вассала съ его сюзереномъ. Это не заключало бы въ себѣ ничего абсурднаго, такъ какъ идея договорнаго отношенія, производящая взаимныя обязательства—съ одной стороны, на вѣрность, съ другой,—на защиту,— эта идея могла-бы оказаться весьма подходящей и для общества,

которое поставило бы своей цѣлью примиреніе возможно-большей свободы индивида съ возможно-строжайшей экономической связанностью. Мы находимъ и при капитализмѣ, напр., въ горномъ правѣ, слѣды того режима бенефицій, который объединяетъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ пользованіе орудіями производства и спеціальныя обязанности въ отношеніи къ государству. Кто знаетъ, не станетъ-ли государственная концессія, съ постояннымъ правомъ отмѣны этой концессіи со стороны государства, господствующимъ учрежденіемъ завтряшняго дня? Эволюція идетъ, какъ говорятъ, спиралью и приводитъ нерѣдко, по разнымъ причинамъ, къ возстановленію исчезнувшихъ учрежденій и въ новыхъ условіяхъ.

Можно, наконецъ, предположить, что въ коллективистическомъ обществѣ, къ которому насъ влечетъ историческое теченіе, учрежденія для разныхъ общественныхъ цѣлей и чистокоммунистическія формы собственности—въ ихъ двойной формѣ: общаго и раздѣльнаго пользованія—займутъ видное мѣсто въ новой системѣ права, имѣющей смѣнить господствующій теперь индивидуализмъ.

Право собственности.

Ю. С. Гамбарова.

I.

Право собственности называютъ часто основаніемъ и краеугольнымъ камнемъ всего права и народнаго хозяйства. Характеристику, выраженную въ такой общей формѣ, можно было бы считать правильной, если бы подъ собственностью разумѣлось только проявленіе инстинкта апропріаціи или удержанія за собою человѣкомъ всего того, что ему нужно для удовлетворенія его потребностей. Этотъ инстинктъ, общій человѣку съ высшими типами животнаго міра, представляетъ собою, по убѣжденію многихъ антропологовъ, одно изъ послѣдствій инстинкта самосохраненія, и онъ такъ же повелителенъ и тираниченъ, какъ и всѣ инстинкты. Поэтому не удивительно, если и то выраженіе этого инстинкта, которое называютъ правомъ собственности, занимаетъ въ жизни человѣческихъ обществъ мѣсто основного двигателя, передъ которымъ склоняются всѣ религіи, всѣ политическія формы, всѣ кодексы нравственности и права,—словомъ, все соціальное существованіе человѣка. Правъ или неправъ былъ К. Марксъ, когда онъ полагалъ имущественныя отношенія въ основу всей эволюціи общества, нельзя сомнѣваться, что человѣкъ нуждается прежде всего въ существованіи и въ обезпеченіи этого существованія. Тотъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ средства этого существованія, держитъ въ рукахъ и его самого. Поэтому-то имущество играло всегда и играетъ теперь выдающуюся роль въ жизни человѣчества, переходя даже отъ чисто-имущественныхъ отношеній во всѣ другія, не исключая и высшихъ проявленій человѣческаго духа. Поэтому-же сильные міра всѣхъ временъ, каково бы ни было основаніе ихъ силы, стремились всегда добиться имущества и удержать его за собою, и если даже допустить, что обладаніе имъ не было первоначальной причиной соціальнаго могущества, то оно, несомнѣнно, дѣлалось его источникомъ при послѣдующихъ стадіяхъ общественнаго развитія. Это соціальное могущество, основанное—если не цѣликомъ, то преимущественно—на имущественномъ пре-

обладаніи, находитъ соотвѣтственное выраженіе въ государственномъ и правовомъ строѣ, постоянно отражающемъ существующія въ данномъ обществѣ отношенія власти, которыя и опираются, поэтому, главнымъ образомъ, на тотъ или другой порядокъ собственности. Отсюда понятно, почему мы не знаемъ ни одного значительнаго политическаго переворота, которому не соотвѣтствовало бы то или другое измѣненіе въ порядкѣ собственности, точно такъ же, какъ мы не знаемъ и ни одного болѣе или менѣе крупнаго измѣненія въ этомъ правѣ, которому не корреспондировала бы какая-либо существенная политическая реформа. И если Монтескьё утверждалъ не безъ основанія, что по тому или другому строю судебныхъ учрежденій страны можно опредѣлить съ достаточной вѣроятностью ея государственную форму, то еще болѣе тѣсное взаимодѣйствіе, въ которомъ стоятъ имущественныя, политическія, нравственныя и другія соціальныя отношенія, даетъ не менѣе основанія утверждать то же самое и о господствующемъ въ данной странѣ порядкѣ собственности. Зависимость же правового строя отъ существующихъ отношеній собственности можно видѣть лучше всего на нормахъ гражданскаго права, имѣющихъ своимъ главнымъ содержаніемъ обезпеченіе внѣшнихъ условій индивидуальнаго существованія и его продолженія въ будущемъ. Первой изъ этихъ цѣлей служитъ собственность, второй—семья, и къ этимъ двумъ основнымъ учрежденіямъ гражданскаго права примыкаютъ—такъ или иначе—всѣ его положенія. Интересы, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, принадлежатъ къ наиболѣе общимъ интересамъ человѣческаго бытія, и тѣмъ не менѣе нормы, регулирующія отношенія собственности и семейнаго быта, устанавливаются не въ общемъ интересѣ всѣхъ членовъ общества, а въ исключительномъ интересѣ тѣхъ его классовъ, которые, держа въ своихъ рукахъ власть и имущество, навязываютъ, въ результатѣ вѣковой борьбы, учреждаемый ими правовой порядокъ и всѣмъ другимъ, слабѣйшимъ классамъ общества (Ср. A. Menger: Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen и Neue Staatslehre).

Наконецъ, близко стоящія заключенія отъ того или другого порядка собственности могутъ быть сдѣланы и къ тому, какую стадію развитія проходитъ изучаемый нами народъ:—кочевую, земледѣльческую, торговую, промышленную,—или какое общественное состояніе является у него преобладающимъ: состояніе ли военнаго, или мирнаго развитія, свободнаго или несвободнаго труда, аристократическаго, плутократическаго или демократическаго строя, и т. д.. Если Менгеръ и Штамлеръ (Das Recht und

Wirthschaft) правы, когда они утверждаютъ совмѣстимость одного и отго же экономическаго порядка съ различными системами права и политическаго строя—такъ что, напр., первоначальная земледѣльческая культура не обусловливаетъ необходимо индивидуалистическаго и рабовладѣльческаго хозяйства греко-римской эпохи, такъ же какъ она не вызываетъ необходимо и мысли о братски-коллективистической организаціи собственности въ монастыряхъ первыхъ христіанъ,—и это потому, что всякій порядокъ хозяйства можетъ быть глубоко видоизмѣненъ и разстроенъ вмѣшательствомъ грубой силы, отсталой системы права и т. д.,—то тѣсная связь между организаціями хозяйства, политическими формами и порядками собственности не можетъ все-таки подвергаться сомнѣнію. Новѣйшія этнографическія изслѣдованія,—въ ряду которыхъ я назову сочиненіе Штейнметца: Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Oceanien, 1903,—свидѣтельствуютъ, что аморфнымъ состояніямъ общества, не знающимъ еще ни кастъ, ни классовъ, ни центральной власти, соотвѣтствуетъ такое же аморфное и неорганизованное состояніе собственности, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ ея важнѣйшему виду: собственности на землю. Тутъ нельзя говорить, въ сущности, и о коллективной собственности, такъ какъ коллективныя единицы не совершаютъ еще актовъ апропріаціи земли. Эта послѣдняя принадлежитъ всѣмъ и не принадлежитъ никому или, вѣрнѣе, принадлежитъ тому, кто ее занимаетъ, и до тѣхъ лишь поръ, пока онъ ее занимаетъ. Но какъ скоро происходитъ дифференціація функцій этихъ первобытныхъ обществъ, образуются классы, касты и сильная центральная власть, мы видимъ всюду и упорядоченіе поземельной собственности. Она сосредоточивается иногда—и, по большей части, номинально—въ лицѣ деспотическаго главы племени присваивающаго себѣ верховное право на всѣ земли (это—такъ-называемое, *dominium eminens*), но на дѣлѣ земельная собственность находится въ это время въ коллективномъ обладаніи родовыхъ, семейныхъ и другихъ общинъ, представляющихъ собою уже не только фактическія, но и юридическія единства. Достаточно установленный и господствующій теперь взглядъ на коллективный характеръ первоначальной собственности на землю вызываетъ, однако, противъ себя въ послѣднее время оппозицію, которая опирается, главнымъ образомъ, на средневѣковое происхожденіе Трирскихъ общинъ, нашего мірского землевладѣнія и южно-славянскихъ семейныхъ общинъ (См. особенно G. v. Below, Das kurze Leben einer vielgenannten Theorie, 1903). Въ основаніи этой оппозиціи лежитъ несомнѣнная переоцѣнка доказательной

силы упомянутыхъ фактовъ и пренебреженіе какъ историческими аналогіями и общимъ ходомъ историческаго развитія, такъ и техническими условіями хозяйства и права. Оставляя пока въ сторонѣ и критику фактовъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, и историческія аналогіи, съ которыми мы будемъ имѣть дѣло при историческомъ обозрѣніи института собственности, я не могу здѣсь же не замѣтить слѣдующаго. Коллективный, въ видѣ общаго правила, характеръ первоначальной собственности на землю вытекаетъ необходимо какъ изъ семейной организаціи, соотвѣтствующей начальнымъ стадіямъ общественнаго развитія, такъ и изъ чрезвычайныхъ трудностей, соединенныхъ, при переходѣ къ земледѣльческой стадіи развитія, съ обработкой земли единичнымъ трудомъ земледѣльца, вынужденнаго довольствоваться еще весьма несовершенными орудіями производства. Сюда надо присоединить и недостатокъ безопасности, заставляющій людей, которымъ постоянно грозитъ нашествіе непріятеля, селиться и обработывать землю сообща, организуясь въ крѣпко сплоченныя общины. Внутри этихъ общинъ, не признающихъ за личностью, какъ таковой, никакихъ правъ, не можетъ быть, естественно, и рѣчи о частной собственности на землю. Эта послѣдняя возникаетъ, на ряду съ другими причинами, и благодаря постепенному освобожденію личности отъ ея подчиненія роду, семьѣ, цехамъ и другимъ общественнымъ союзамъ, сковывавшимъ до того ея самостоятельность. Поэтому частная собственность, какъ и всякая другая, отражаетъ и по своемъ возникновеніи продолжающееся вліяніе какъ названныхъ союзовъ, такъ и господствующаго въ данное время и въ данномъ мѣстѣ экономическаго строя. Для иллюстраціи этой мысли я сошлюсь на различное положеніе собственности при дѣйствіи натуральнаго и денежнаго хозяйствъ.

Натуральное хозяйство характеризуется тѣмъ, что при немъ значеніе для права каждой вещи исчерпывается ея природными свойствами и дѣлаемымъ изъ нея непосредственно употребленіемъ. Другими словами, каждая вещь имѣетъ здѣсь для ея обладателя не объективную, а субъективную цѣнность, которую, примѣняясь къ современнымъ понятіямъ, можно называть *аффекціонной*. Чтó можетъ стоить оружіе въ рукахъ того, кто неспособенъ носить его, или домашняя утварь—въ рукахъ постоянно передвигающагося съ мѣсто на мѣсто воина, если ни тотъ, ни другой не имѣетъ возможности получить за эти вещи какой бы то ни было эквивалентъ? Такимъ образомъ, собственность въ условіяхъ натуральнаго хозяйства получаетъ значеніе лишь тогда, когда собственникъ пользуется предметомъ своей собствен-

ности или употребляетъ его непосредственно на удовлетвореніе своихъ потребностей. На языкѣ экономическихъ понятій, собственность можетъ имѣть здѣсь только *потребительную*, но не *мѣновую* или оборотную цѣнность. Понятно, что и земля, пока ея достаточно для свободной оккупаціи или заимки, имѣетъ цѣнность въ этихъ условіяхъ только въ видѣ обработанныхъ участковъ или такихъ участковъ, которыми можно такъ или иначе пользоваться; и это положеніе дѣла отражается соотвѣтственно и на другихъ, связанныхъ съ собственностью, юридическихъ отношеніяхъ. Такъ, напр., отдавая свою вещь внаймы, собственникъ передаетъ на нее на время найма свое право совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ дѣлаетъ это впослѣдствіи и въ настоящее время. Наниматель становится къ этой вещи въ положеніе, настолько близкое къ положенію собственника, его господство надъ вещью такъ похоже на господство собственника, что то и другое отношеніе считаются однородными (одинаково *вещными правами*) и защищаются однимъ и тѣмъ же (*вещнымъ*) *искомъ*, извѣстнымъ въ средневѣковомъ германскомъ правѣ подъ именемъ *Gewere*. Точно такъ же и залогъ, если имъ хотятъ обезпечить какой-нибудь долгъ, долженъ соединяться, по этому же праву, съ владѣніемъ и пользованіемъ заложенной вещью или употребленіемъ ея со стороны кредитора для себя. Иначе залогъ не имѣлъ бы для кредитора цѣнности и не обезпечивалъ бы его права требованія. Отсюда— слѣдующія послѣдствія для залоговаго права, которое устанавливается въ трехъ формахъ: 1) или кредиторъ получаетъ пользованіе заложенной вещью, вмѣстѣ съ которой къ нему переходитъ на все время дѣйствія залога и вещный искъ, защищающій его пользованіе не только противъ должника, но и противъ всѣхъ третьихъ лицъ, нарушающихъ его право; 2) или кредитору достается съ самого момента заключенія залоговой сдѣлки и право собственности на заложенную вещь, которой онъ, если и не пользуется, то оказываетъ удержаніемъ ея въ своихъ рукахъ давленіе на должника, въ смыслѣ понужденія его къ исполненію обязательства, вмѣстѣ съ чѣмъ, т. е. съ исполненіемъ обязательства, совершается и возстановленіе собственности должника; 3) или кредитору предоставляется собственность на заложенную вещь только послѣ неисполненія должникомъ его обязательства, не влекущаго за собой до этого момента ни перехода собственности, ни перехода владѣнія. Послѣдняя сдѣлка получаетъ практическое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если кредиторъ можетъ признать какую-либо цѣнность за правомъ, оторваннымъ съ самаго начала отъ владѣнія вещью, остающеюся у должника. Первыя двѣ сдѣлки болѣе древни: онѣ носятъ въ средневѣковомъ гер-

манскомъ правѣ названіе *alte Satzung* и соотвѣтствуютъ вполнѣ условіямъ натуральнаго хозяйства. Напротивъ, послѣдняя сдѣлка, называющаяся *neue Satzung*, выходитъ изъ рамокъ натуральнаго хозяйства и представляетъ собою переходъ къ современнымъ формамъ залоговаго права, принадлежащимъ денежному хозяйству.

Въ наслѣдственномъ правѣ, вытекающемъ изъ института частной собственности и укрѣпляющемъ этотъ послѣдній, послѣдствія натуральнаго хозяйства выражаются въ томъ, что наслѣдуемые предметы переходятъ лишь къ тѣмъ наслѣдникамъ, которые могутъ пользоваться ими. Оружіе идетъ къ сыновьямъ, домашняя утварь—къ дочерямъ, а стада, находящіяся, по весьма вѣроятному предположенію, въ общемъ обладаніи и при пріуроченіи ихъ къ хозяйству на отдѣльныхъ земельныхъ участкахъ, поступаютъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними, къ тѣмъ же сыновьямъ. На равномъ основаніи и приданое, насколько оно заключается въ платьѣ, украшеніяхъ, утвари, остается за женой; въ остальныхъ частяхъ оно не выходитъ изъ семейнаго имущества.

Такимъ образомъ, собственность связывается съ лицомъ, которое можетъ ею пользоваться, и участки земли, распредѣляемые общиной между своими членами, служатъ только этимъ послѣднимъ съ ихъ семьями. Дворъ и принадлежащая къ нему земля составляютъ достояніе семьи, и это положеніе сохраняетъ силу даже тогда, когда дворъ и земля превращаются въ частную собственность. Ея нельзя еще отчуждать, или, если отчужденіе впослѣдствіи допускается, то не иначе, какъ съ согласія членовъ семьи, въ качествѣ наслѣдниковъ вообще или ближайшихъ наслѣдниковъ въ этой собственности. Даже кредиторы, если они не ссылаются на особую сдѣлку съ наслѣдниками, не могутъ обратить своихъ взысканій на земельную собственность. Должникъ, при отсутствіи другого имущества, все-равно объявляется несостоятельнымъ, если бы даже лежащіе на немъ долги покрывались въ нѣсколько разъ цѣнностью принадлежащей ему земельной собственности. Отсюда получается такое странное, съ точки зрѣнія современныхъ намъ представленій, положеніе имущества. Собственникъ распоряжается свободно одной движимостью и расплачивается ею со своими кредиторами—или потому, что эта движимость составляетъ его личную собственность, или потому, что она принадлежитъ подвластнымъ ему лицамъ. Недвижимость, напротивъ, изъята какъ изъ распоряженія собственника, такъ и изъ-подъ власти кредиторовъ, претензіи которыхъ могутъ быть удовлетворены только изъ одной и притомъ вовсе не наиболѣе цѣнной части имущества должника. Съ такимъ положеніемъ ве-

щей связываются два существенно-важныя послѣдствія. Во 1-хъ, никто въ подобныхъ условіяхъ не можетъ пользоваться *личнымъ кредитомъ*, или этотъ личный кредитъ, во всякомъ случаѣ, весьма ограниченъ. Вступая въ обязательственныя отношенія, нельзя разсчитывать на удовлетвореніе изъ наиболѣе цѣннаго недвижимаго имущества должника, а движимости представляютъ въ это время слишкомъ мало цѣнности для того, чтобы гарантировать какія бы то ни было обязательства. Поэтому кредитъ при такихъ условіяхъ можетъ быть только *реальный*, и онъ устанавливается добавочными соглашеніями съ наслѣдниками по обладанію той или другой недвижимостью и залоговыми сдѣлками по той же недвижимости. До установленія частной собственности на землю, въ современномъ значеніи этого понятія, указываемый пробѣлъ пополняется совокупнымъ поручительствомъ по тѣмъ или другимъ обязательствамъ нѣсколькихъ лицъ или такимъ же поручительствомъ членовъ какой-либо союзной группы. Во 2-хъ, личные долги, не обезпеченные опредѣленнымъ имуществомъ или поручительствомъ, обязываютъ только лицо, ихъ заключающее, и не переходятъ на наслѣдниковъ. Наслѣдство передается безъ долговъ въ указанномъ выше порядкѣ: сыновьямъ—оружіе, дочерямъ — утварь, семьѣ—дворъ со всѣми его принадлежностями, а кредиторамъ остается охранять свои права только путемъ залога и поручительства. Наслѣдованія въ римскомъ и современномъ намъ смыслѣ универсальнаго преемства—не существуетъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ древне-германское имущественное право, которое повторяется въ своихъ крупнѣйшихъ штрихахъ и въ правѣ славянскихъ народовъ и можетъ называться, по всей справедливости, имущественнымъ правомъ системы натуральнаго хозяйства. Смѣняющая эту послѣднюю система денежнаго хозяйства отправляется отъ противоположнаго натуральному хозяйству принципа. Объектъ права, вещь, имѣетъ при установленіи денежнаго хозяйства значеніе не только для того, кто имъ пользуется или его употребляетъ, но и для всего оборота; превратимость вещи въ деньги дѣлаетъ изъ нея какъ бы звонкую монету. Поэтому и власть собственника надъ его вещью становится здѣсь въ хозяйственномъ смыслѣ шире, въ юридическомъ—многообразнѣе. Ссуда, наемъ, залогъ развиваются свободнѣе и разностороннѣе. Эманципированная личность проявляетъ въ оборотѣ несравненно болѣе силы и интенсивности. Она постоянно покупаетъ, продаетъ, заключаетъ займы и спекулируетъ какъ своимъ, такъ и чужимъ имуществомъ. На мѣсто связаннаго реальнаго кредита выступаетъ

свободный личный кредитъ; имущество обращается въ единство, активъ котораго служитъ для покрытія пассива, и наслѣдственное право развивается въ преемство, охватывающее всю совокупность правъ и обязанностей наслѣдодателя. Сюда присоединяется и чрезвычайное развитіе договорнаго права, находившагося до того въ зачаточномъ состояніи, и освобожденіе обязательства отъ неразрывной въ прежнее время связи его съ личностью управомоченнаго субъекта. Такъ какъ дѣло идетъ объ оборотной цѣнности, то не все-ли равно для должника, кому онъ заплатитъ по своему обязательству? Въ своей оборотной функціи, обязательство остается неизмѣннымъ какъ при одномъ, такъ и при другомъ управомоченномъ субъектѣ. Поэтому нѣтъ болѣе рѣчи и объ ограниченіяхъ цессіи или уступки правъ по имущественнымъ обязательствамъ, если не имѣть въ виду совсѣмъ особыхъ отношеній, какими являются, напримѣръ, права мужа въ имуществѣ жены. Нѣтъ болѣе основаній ограничивать и прямое представительство, недопускаемое древнимъ правомъ; новыя законодательства вводятъ его безъ колебанія въ институты обязательственнаго права, подвергая этимъ ихъ существеннымъ измѣненіямъ. Затрагивается, наконецъ, и послѣдній оплотъ натуральнаго хозяйства,—недвижимая собственность: она подвергается путемъ ипотекъ и закладныхъ листовъ такой усиленной мобилизаціи, что въ этомъ отношеніи ее нельзя почти и отличать отъ собственности на денежные капиталы (Huber, System und Geschichte des schweizerischen Privatrechts, IV, 1886).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что право собственности, если оно берется въ своемъ наиболѣе общемъ значеніи, сопровождаетъ необходимо соціальную жизнь, опредѣляя эту послѣднюю и, точно такъ же, опредѣляясь ею. Это можно удостовѣрить, независимо отъ всего другого, и тѣмъ, что соціальная жизнь, въ какихъ бы экономическихъ условіяхъ она ни устанавливалась, не обходится никогда безъ того или другого порядка какъ разъ тѣхъ отношеній, которыя, возникая изъ утилизаціи человѣкомъ окружающаго его міра, дѣлаются однимъ изъ предметовъ самаго ранняго юридическаго регулированія. Поэтому-то о правѣ собственности въ этомъ общемъ смыслѣ и можно говорить, что оно представляетъ собою „вѣчное понятіе, которое не исчезнетъ никогда изъ соціальной жизни человѣчества“ (Menger, Neue Staatslehre), и что имъ дѣйствительно опредѣляется все хозяйство и право.

Дѣло, однако, въ томъ, что огромное большинство философовъ, экономистовъ и юристовъ, писавшихъ и пишущихъ о собственности, приписываютъ ей такое абсолютное значеніе,

разумѣя подъ собственностью вовсе не ту *формальную* категорію апропріаціи или присвоенія себѣ человѣкомъ предметовъ внѣшняго міра, о которой у насъ велась до сихъ поръ рѣчь. Они имѣютъ въ виду только одно изъ совершенно *конкретныхъ* выраженій этой логической категоріи въ исторіи права, и именно, — выраженіе ея въ формѣ *частной собственности*, т. е. принадлежности вещи отдѣльному лицу или совокупности отдѣльныхъ лицъ, изъ коихъ каждое утверждаетъ и въ совокупномъ обладаніи свое индивидуальное право. Точно такъ же и многочисленные критики права собственности, умозаключающіе обыкновенно къ необходимости его уничтоженія, имѣютъ въ виду, по преимуществу, одну частную собственность и смѣшиваютъ, сознательно или безсознательно, формальное понятіе собственности съ его конкретными формами выраженія. Неправильность этого смѣшенія очевидна: конкретныя формы собственности разнообразятся, подобно всѣмъ общественнымъ учрежденіями, по странамъ, расамъ, видамъ труда, предметамъ, способамъ защиты и т. д., такъ что ни объ одной изъ этихъ различныхъ по своему содержанію формъ собственности нельзя говорить иначе, какъ въ связи съ данными историческими условіями и данными общественными состояніями, вызывающими эти формы къ жизни. Напротивъ, формальное понятіе собственности намѣренно отвлекается отъ всякаго эмпирически-обусловленнаго содержанія и, стоя независимо отъ этого содержанія, можетъ быть примѣрено къ различнымъ историческимъ условіямъ и различнымъ общественнымъ состояніямъ. Поэтому и то, что вѣрно для формальнаго понятія собственности, не можетъ въ той же мѣрѣ быть вѣрнымъ ни для одной изъ конкретныхъ формъ собственности, или можетъ быть вѣрнымъ для каждой изъ нихъ лишь въ ея исторически-обусловленной обстановкѣ. Поэтому-же и частная собственность можетъ лежать въ основаніи какого-либо даннаго, но никакъ не всякаго хозяйственнаго и правового порядка, и нападки на нее вовсе не затрагиваютъ формальнаго понятія собственности.

Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, достаточно вспомнить о *коллективной собственности*, субъектомъ которой выступаетъ та или другая общественная группа. Эта форма собственности долго господствуетъ надъ всѣми другими и производитъ иныя послѣдствія, чѣмъ тѣ, которыя связываются съ порядкомъ частной собственности. Мы увидимъ ниже, что даже послѣ того, какъ частная собственность беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ коллективной, послѣдняя продолжаетъ сосуществовать съ первой и вліять на нее въ различныхъ направленіяхъ. Борьба съ коллектив-

ной собственностью, во имя частной, привела насъ, можетъ быть, къ чрезмѣрному распространенію и столь же преувеличенной оцѣнкѣ преимуществъ частной собственности. Но теперь мы научились лучше цѣнить сохранившіеся еще остатки старой коллективной собственности, какъ, напр., современную намъ государственную собственность, и прежнія нападки на эту послѣднюю, безъ отношенія къ ея предмету и цѣли, могутъ быть въ настоящее время признаны необоснованными. Противъ исходной точки этихъ нападокъ, состоящей въ утвержденіи, что частная собственность есть лучшая—и обезпечивающая высшее производство—форма вещнаго обладанія, говорятъ болѣе всего два соображенія. Во-первыхъ, иныя, и именно коллективныя, формы собственности оказываются для многихъ категорій вещей не менѣе удобными и цѣлесообразными, чѣмъ частная собственность: напр., государство можетъ хозяйничать въ своихъ доменахъ такъ же хорошо, какъ и частный собственникъ въ своей собственности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., при лѣсномъ хозяйствѣ, и лучше, чѣмъ частный собственникъ. Во-вторыхъ, извлеченіе высшаго дохода изъ капитала не составляетъ единственной цѣли народнаго хозяйства, сообразующагося также съ послѣдствіями этого процесса для общества, взятаго въ его цѣломъ: напр., возможно, что извѣстная цѣпь желѣзныхъ дорогъ, состоя въ частной собственности, приносила бы болѣе чистаго дохода, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы она состояла въ собственоости государства; но государственная собственность въ настоящемъ случаѣ лучше соотвѣтствуетъ требованіямъ народнаго хозяйства, считаясь съ интересами всего общества. Кромѣ того, противъ частной собственности, независимо отъ упрека въ томъ, что она возникла изъ насилія и поэтому уже несправедлива, приводятъ два основныхъ возраженія. Говорятъ, во 1), что ее нельзя считать цѣлесообразной съ хозяйственной точки зрѣнія, такъ какъ, предоставляя извлеченіе дохода изъ капитала на произволъ индивидуальной воли,—неспособной, особенно въ виду наслѣдственныхъ переходовъ собственности, гарантировать разумное распоряженіе капиталомъ,—она исключаетъ планомѣрную организацію производства и ведетъ къ чрезмѣрному расходу силъ, который усугубляется конкурренціей отдѣльныхъ хозяйствъ и могъ бы быть избѣгнутъ при лучшей организаціи народнаго хозяйства. Во 2), указываютъ на то, что большой капиталъ и крупная собственность всегда сильнѣе маленькаго капитала и мелкой собственности—не говоря уже о тѣхъ, кто вовсе не имѣетъ ни капитала, ни собственности,—такъ что, при равной юридической защитѣ всѣхъ частныхъ собственниковъ, крупные

собственники будутъ неизбѣжно давитъ мелкихъ и обогащаться на счетъ послѣднихъ. Сказаннымъ объясняется достаточно не только поворотъ во взглядахъ на коллективную собственность, но и то, что, послѣ своего временнаго упадка, совпавшаго съ торжествомъ индивидуализма, коллективная собственность обнаруживаетъ теперь замѣтную тенденцію къ усиленію, выступая то въ соединеніи капиталовъ въ формѣ различныхъ акціонерныхъ компаній, промышленныхъ синдикатовъ, артелей, трёстовъ и т. д., то въ распространеніи государственной, муниципальной и т. п. формъ общественнаго хозяйства и коллективной собственности на все бóльшее и бóльшее число предпріятій.

Несмотря на все это, мы тѣмъ не менѣе констатируемъ, что господствующей формой собственности является въ наше время одна частная собственность, налагающая теперь свою печать не только на отношенія индивидовъ другъ къ другу, какъ въ экономическомъ, такъ и въ юридическомъ смыслѣ, но и на самую коллективную собственность. Эта послѣдняя строится по образцу первой и не идетъ непосредственно на надобности всѣхъ лицъ, составляющихъ данную коллективную единицу, какъ это было при первоначальной коллективной собственности, а выступаетъ независимо отъ этихъ лицъ и занимаетъ приблизительно то же положеніе, чтó и частная собственность. Самая форма такъ-наз. *юридическаго лица,* въ которой юристы мыслятъ съ давнихъ поръ коллективную собственность, есть не что иное, какъ плодъ стремленія свести всѣ виды юридическаго обладанія къ одному индивидуальному обладанію и всѣ виды собственности—къ одной частной собственности. Юридическое лицо считается распространеніемъ понятія физическаго лица, какъ единственно-возможнаго субъекта права, на искусственное единство многихъ лицъ, и отсюда выводится заключеніе о примѣненіи къ этому единству, съ небольшими ограниченіями, тѣхъ же положеній права, которыя имѣютъ силу въ отношеніи къ отдѣльному лицу. Между тѣмъ изъ необходимости понятія *лица* вовсе не слѣдуетъ необходимости понятія *единаго лица* ни вообще для юридическаго обладанія, ни въ частности для собственности, которая можетъ принадлежать также многимъ и обусловливать собою въ этомъ случаѣ не индивидуальное, а весьма отличное отъ него коллективное обладаніе. Я не могу остановиться здѣсь на развитіи этой мысли, которое было бы умѣстно въ ученіи о юридическомъ лицѣ, и ограничусь замѣчаніемъ, что противоположеніе коллективной и частной собственности завоевываетъ себѣ въ современной экономической и юри-

дической литературѣ все больше сторонниковъ и дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, спорнымъ сближеніе той и другой формы собственности. Но нѣтъ и не можетъ быть спора объ опредѣляющемъ значеніи господствующихъ въ наше время формъ частной собственности для всего порядка нашего частнаго или гражданскаго права, т. е. той безусловно важнѣйшей отрасли всего права, которая имѣетъ своимъ предметомъ права и обязанности индивидовъ, въ ихъ повседневныхъ и наиболѣе жизненныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Не можетъ быть спора и о томъ, что черезъ частное хозяйство и гражданское право современный порядокъ частной собственности вліяетъ такимъ же опредѣляющимъ образомъ и на современное народное хозяйство, и на современное публичное право. Для подтвержденія сказаннаго я сдѣлаю нѣсколько поясненій по юридическому и соціальному положенію этого правящаго нами теперь учрежденія.

Частная собственность принадлежитъ къ области *имущественнаго* и, въ предѣлахъ этого послѣдняго, такъ-наз. *вещнаго права*. Я не войду здѣсь въ техническое объясненіе понятія вещнаго права и только замѣчу, что оно даетъ главный членъ той классификаціи гражданскихъ правъ, въ основу которой кладется различіе ихъ *предмета*. Предметомъ вещнаго права служитъ *вещь*, состоящая въ наличномъ и непосредственномъ обладаніи управомоченнаго субъекта. Этимъ признакомъ вещное право рѣзко отличается какъ отъ семейнаго, предметомъ котораго служатъ не вещи, а семейныя отношенія, такъ и отъ обязательственнаго, гдѣ, даже въ случаяхъ имущественныхъ обязательствъ, мы не видимъ ни наличнаго обладанія, ни непосредственнаго отношенія управомоченнаго лица къ его имуществу: между тѣмъ и другимъ стоитъ тутъ еще другое лицо, должникъ, обязанный доставить кредитору то имущество, на которое послѣдній имѣетъ пока одно лишь право требованія, а не такое наличное и непосредственное обладаніе, съ какимъ мы встрѣчаемся только въ вещныхъ отношеніяхъ. Въ составъ этихъ вещныхъ отношеній включаютъ обыкновенно слѣдующіе институты: 1) *право собственности*, какъ высшее право на вещь, какое только можетъ быть предоставлено управомоченному субъекту; 2) *владѣніе*, представляющее собою не что иное, какъ „видимость“ и облегченную форму защиты того же права собственности; 3) *сервитуты*, въ смыслѣ разныхъ видовъ пользованія отдѣльными сторонами полезности той или другой вещи и, главнымъ образомъ, недвижимости; и, наконецъ, 4) *залогъ*, въ смыслѣ тяготѣющаго на вещи собственника обезпеченія его обязательства. Одного перечня и данныхъ мною крат-

кихъ опредѣленій вещныхъ отношеній достаточно, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что все это вещное право разсчитано только на дополненіе и возможно-полное развитіе института частной собственности. Владѣніе имѣетъ исключительной цѣлью легчайшее и наиболѣе практичное осуществленіе защиты собственности; сервитуты и залогъ представляются теперь отдѣльными частями содержанія той же собственности, выдѣляемыми изъ нея и возводимыми въ самостоятельныя вещныя права. Нужно сказать еще болѣе, а именно, что не только всѣ вещныя права, но и обязательства, и наслѣдованіе—суть въ современномъ порядкѣ гражданскаго права не что иное, какъ такія же дополненія все къ той же частной собственности. Общепризнанный въ настоящее время принципъ свободы договорнаго права означаетъ только то, что каждый можетъ свободно распоряжаться своей собственностью посредствомъ соглашеній съ другими и тѣмъ же путемъ пріобрѣтать для своей собственности и чужую рабочую силу. Поэтому и множество юридическихъ актовъ имѣетъ своимъ необходимымъ предположеніемъ право собственности и обыкновеннѣйшимъ послѣдствіемъ—осуществленіе и переходъ этого права. Безъ него нельзя обойтись, по крайней мѣрѣ, при заключеніи договоровъ, направленныхъ на куплю - продажу, мѣну, заемъ, поставку, подрядъ, вознагражденіе за трудъ, платежъ за различныя услуги и т. д. Имъ обусловливается также свободный переходъ имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, быстрое обращеніе ихъ, направленіе этихъ имуществъ къ наслѣдованію и т. д.

Наконецъ, что̀ такое и такъ-наз. „интересы гражданскаго оборота“, и постоянное поощреніе этихъ интересовъ со стороны новыхъ законодательствъ и, особенно, новѣйшаго Гражданскаго Уложенія Германіи 1900 г., какъ не желаніе создать для частнаго собственника возможно-удобное и безпрепятственное осуществленіе его собственности? Словомъ, все имущественное право сводится теперь къ частной собственности и проведенію ея во всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ послѣдствіяхъ.

Въ соціальномъ смыслѣ значеніе частной собственности такъ же крупно, какъ и значеніе ея въ чисто-юридическихъ отношеніяхъ. Ничего другого, въ виду обусловленности юридическихъ отношеній соціальными, мы не могли бы и ожидать. Съ одной стороны, развитіе частной собственности идетъ параллельно развитію личности, сознанію и пріобрѣтенію ею индивидуальныхъ правъ, занимая въ отношеніи къ этому послѣднему процессу положеніе какъ опредѣляющаго его, такъ и опредѣляемаго имъ момента. Съ другой стороны, именно вслѣдствіе связи этого процесса

съ ростомъ частной собственности, результаты его обращаются— если не исключительно, то преимущественно—въ пользу тѣхъ лицъ и общественныхъ классовъ, которымъ открытъ свободный доступъ къ частной собственности и возможность такъ или иначе монополизировать ее въ своихъ рукахъ. Отсюда понятно, почему частная собственность, будучи источникомъ самыхъ жгучихъ общественныхъ противоположенiй, лежитъ въ основѣ не только индивидуальной розни имущихъ съ неимущими, но и большинства массовыхъ соцiальныхъ движенiй. Она служитъ центральнымъ пунктомъ, раздѣляющимъ приверженцевъ существующаго порядка, опирающагося на частное хозяйство и частную собственность, и новаго порядка, ожидаемаго въ будущемъ и опираемаго въ большинствѣ имущественныхъ объектовъ на коллективное хозяйство и. коллективную собственность. Подъ собственностью разумѣютъ въ этомъ случаѣ всѣ имущественныя права,--все, что́ такъ или иначе признается въ обладанiи даннаго лица: принадлежащiя ему права по обязательствамъ, права на изобрѣтенiя, фирмы, марки, авторскiя и наслѣдственныя права—въ такой же мѣрѣ, какъ и права на наличные капиталы и земельные участки. То, что одно лицо должно другому, есть въ этомъ смыслѣ уже собственность этого другого, а въ рукахъ перваго — *aes alienum*, т. е. чужiя деньги, какъ выражались римскiе юристы. Кто говоритъ о собственности, тотъ думаетъ обыкновенно объ имуществѣ; собственность и ея противоположенiе составляютъ богатство и бѣдность; и борьба съ частной собственностью, этотъ лозунгъ соцiализма, направлена одинаково противъ всякаго исключительнаго обладанiя имуществомъ,—противъ владѣльцевъ движимаго капитала и земли, какъ и противъ всякихъ кредиторовъ.

Проблема регулированiя этой собственности, въ связи съ тѣмъ или другимъ отношенiемъ къ ней государственной власти, есть то, что называютъ теперь *соцiальнымъ вопросомъ*, въ отношенiи къ которому различiе между существующимъ въ настоящемъ и чаемымъ въ будущемъ порядкомъ собственности можетъ быть сведено къ тремъ существеннымъ пунктамъ. Въ силу господствующаго порядка собственности -1), нахожденiе всѣхъ вещей— насколько противное не установлено, въ видѣ исключенiя, закономъ—въ индивидуальномъ обладанiи или въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ составляетъ общее правило. Это — *принципъ частной собственности*. 2), Каждому предоставлено, въ видѣ общаго правила, обязываться свободно передъ другими ко всякаго рода дѣйствiямъ (за исключенiемъ безнравственныхъ и противныхъ государственному порядку и закону), при чемъ надъ

обязывающимся къ этимъ дѣйствіямъ лицомъ тяготѣетъ и судебное принужденіе. Это — *принципъ свободы договорнаго права.* 3), Всѣ имущественныя права, если законъ не устанавливаетъ спеціальныхъ исключеній, переходятъ по смерти ихъ обладателей къ тѣмъ, кого они сами назначаютъ своими наслѣдниками, или кто, при отсутствіи такого назначенія, призывается къ наслѣдованію закономъ. Это — *принципъ наслѣдованія и свободы завѣщаній.* Въ соціалистической юридической системѣ указанныя положенія переходятъ въ свои противоположенія. Всѣ вещи, за небольшими исключеніями, состоятъ въ собственности государства или другихъ, подобныхъ государству, союзовъ; отдѣльное лицо обязывается, по общему правилу, тѣми или другими дѣйствіями только въ отношеніи къ государству; и переходъ имущественныхъ правъ, насколько онъ вообще возможенъ при соціалистическомъ строѣ, допускается въ случаѣ смерти управомоченнаго лица лишь въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ (Menger, Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen). Отлагая развитіе и критику этого ученія до заключительной лекціи, гдѣ будутъ изложены и другія теоріи собственности, мы займемся предварительно опредѣленіемъ этого понятія, которое до сихъ поръ остается не установленнымъ.

II.

Въ виду указанной выше важности института собственности и его крупной роли какъ въ общемъ ходѣ историческаго развитія, такъ и въ современномъ общественномъ и юридическомъ строѣ, можно было бы ожидать, что понятіе его давно выяснено правовѣдѣніемъ. Но ни теорія, ни, тѣмъ менѣе, положительныя законодательства не оправдываютъ такого ожиданія: помимо упомянутаго уже смѣшенія общаго понятія собственности и понятія частной собственности, мы увидимъ, что всѣ ходячія опредѣленія и теоріи, касающіяся даже частной собственности, не соотвѣтствуютъ ея дѣйствительнымъ состояніямъ и уже поэтому должны быть осуждены. Между тѣмъ, намъ необходимо имѣть прочно установленное общее понятіе собственности, такъ какъ иначе, при отсутствіи масштаба или при неправильномъ масштабѣ, у насъ не было бы возможности ни наблюдать историческія различія въ формахъ собственности, ни судить о томъ, когда мы имѣемъ дѣло съ собственностью, и когда намъ слѣдуетъ ее отвергать.

Есть писатели, которые особенно настаиваютъ на различіяхъ от-

дѣльныхъ законодательствъ и институтовъ, утверждая повсюду различное и не допускающее общаго опредѣленія регулированіе собственности. Эти писатели совершаютъ обычную для эмпиризма ошибку, состоящую въ безсознательномъ допущеніи, при подобныхъ утвержденіяхъ, того самаго общаго понятія, которое они отрицаютъ, и которое проходитъ, тѣмъ не менѣе, черезъ весь обрабатываемый ими матеріалъ. Не надо только впадать въ противоположную крайность, т. е. приписывать такимъ общимъ понятіямъ, необходимымъ для оріентированія въ изучаемомъ матеріалѣ, иное значеніе, кромѣ чисто-формальнаго, думая, напр., что подобныя понятія могутъ касаться также содержанія этого матеріала, напр., содержанія права, и составлять также въ этомъ смыслѣ основаніе не только того или другого, но и всякаго права. Всѣ и даже наиболѣе общіе концепты права выступаютъ пока, по вѣрному замѣчанію Штамлера (Konrad's Handwörterbuch der Staatswissenschaften, III, Eigenthum), только въ видѣ вопросовъ, которые въ своей необходимой общности могутъ лишь ставиться для всякаго состоянія права, но не разрѣшаться такъ же однообразно и въ отношеніи къ своему содержанію. Такъ, напр., для всякаго правового порядка ставится вопросъ объ управляющей имъ высшей власти, объ отношеніи между мужемъ и женой,— между матерью и ея ребенкомъ, о вліяніи смерти, о дѣйствіи наказанія, о силѣ договора, и т. д. Въ такомъ же смыслѣ долженъ ставиться для всякаго времени и мѣста и вопросъ о понятіи собственности, но отвѣтъ на этотъ вопросъ получается различный какъ въ исторіи права, такъ и въ современныхъ законодательствахъ.

Въ отношеніи собственности дѣло идетъ объ обладаніи, которое характеризуется господствующимъ до сихъ поръ представленіемъ о собственности признаками *„полноты“* и *„исключительности“*. Эта характеристика не можетъ быть правильной, уже потому, что, при наличности обременяющихъ собственность вещныхъ правъ третьихъ лицъ, какъ, напр., залога, различныхъ видовъ пользованія, устанавливаемыхъ въ той же вещи, которая служитъ собственнику, и т. д., — „полное и исключительное господство“ этого послѣдняго надъ своей вещью заключало бы въ себѣ непримиримое внутреннее противорѣчіе, если бы мы даже забыли о множествѣ законныхъ и полицейскихъ ограниченій, лежащихъ на всякой собственности. Непригодность же для характеристики собственности особенно подчеркиваемаго обыкновенно признака „исключительности“ можно видѣть и по тому, что этотъ признакъ, въ смыслѣ исклю-

ченія изъ отправленія права всякаго другого лица, кромѣ надѣленнаго этимъ правомъ субъекта, сопровождаетъ не только собственность, но и массу другихъ правъ какъ въ вещи, такъ и въ иныхъ имущественныхъ объектахъ. И мы знаемъ объ этихъ существующихъ рядомъ съ собственностью и такъ же исключительныхъ правахъ не только изъ логическихъ формулъ, выводимыхъ отвлеченнымъ путемъ, но и изъ исторіи права, и изъ современныхъ намъ законодательствъ, представляющихъ чрезвычайное разнообразіе и чрезвычайную разнородность исключительныхъ правъ. Тому же учитъ насъ и обыденная рѣчь, въ которой принадлежность мнѣ вещи на правѣ собственности я означаю обыкновеннно выраженіемъ „моя вещь", тогда какъ того же выраженія я вовсе не примѣняю къ отношеніямъ, отличнымъ отъ права собственности. Отсюда—первая и самая большая трудность въ опредѣленіи собственности: ка̀къ разграничить обще-обязательное въ указанномъ выше смыслѣ понятіе собственности отъ существующихъ рядомъ съ нимъ исключительныхъ правъ на вещь? Ка́къ различить, напр., собственность, въ самомъ ея понятіи, отъ пожизненнаго пользованія или наслѣдственной аренды,—исчерпывающихъ часто почти всю полезность вещи, состоящей въ собственности другого лица, — или отъ залога, такъ давящаго на собственность и угрожающаго ей уничтоженіемъ? И можетъ-ли вообще существовать собственность, въ смыслѣ обычнаго о ней представленія, при связывающихъ ее многочисленныхъ и часто чрезвычайно тяжелыхъ ограниченіяхъ ея правами сосѣдства, требованіями государства и другихъ общественныхъ союзовъ?

Само собою разумѣется, что указываемое затрудненіе приводитъ къ попыткамъ установленія порядка послѣдовательности между различными правами въ одной и той же вещи и къ изысканію даже качественнаго различія между собственностью и другими вещными правами. Собственность предполагается *„высшимъ"* правомъ сравнительно со всѣми другими и опредѣляется, независимо отъ упомянутыхъ выше признаковъ или въ связи съ ними, то какъ *„всестороннее"* господство надъ вещью, то какъ господство *„въ совокупности ея отношеній"*, между тѣмъ какъ залогъ, сервитуты и другія вещныя права считаются только *„частичнымъ"* господствомъ, господствомъ надъ одной или нѣсколькими сторонами полезности той же вещи; еще распространеннѣе опредѣленіе собственности въ смыслѣ *„абсолютнаго"* и *„неограниченнаго"* права пользованія и распоряженія вещью (см. ниже).

Всѣ эти опредѣленія не даютъ, къ сожалѣнію, ни яснаго, ни надежнаго, ни отвѣчающаго условіямъ дѣйствительности признака

собственности. Они навѣяны, какъ мы увидимъ это впослѣдствіи, метафизическими теоріями права и грѣшатъ одинаково апріоризмомъ и отрѣшенностью отъ жизни. Если вещь должна быть подчинена собственнику „всесторонне“ или „въ совокупности ея отношеній“, то не понятно, какъ рядомъ съ такимъ полнымъ подчиненіемъ возможно еще другое, частичное подчиненіе той же вещи, когда это частичное подчиненіе соединяется съ „всестороннимъ“, какъ, напр., въ случаѣ залога, переходящаго къ собственнику, который получаетъ тогда господство одновременно въ совокупности отношеній своей вещи и еще въ какомъ-то особомъ отношеніи, вызываемомъ пріобрѣтеніемъ имъ чужого залога въ той же вещи. Въ свою очередь, тѣ, которые видятъ существо собственности въ „абсолютномъ“ или „неограниченномъ“ правѣ пользованія и распоряженія вещью, должны не только осудить всѣ существующія ограниченія собственности—даже въ интересахъ сосѣдства и общественной пользы,—но и считать эти ограниченія измѣной въ отношеніи къ чистотѣ ихъ концепта собственности. Отвѣтъ, даваемый часто на это возраженіе и состоящій въ утвержденіи, что собственность только *„сама по себѣ“* („an sich“) доставляетъ своему субъекту право распоряженія вещью „въ совокупности ея отношеній“, или что собственность „абсолютна и неограниченна“ лишь *„какъ таковая“* и не исключаетъ возможности налагаемыхъ на нее въ конкретныхъ случаяхъ ограниченій,—этотъ отвѣтъ ставитъ пустыя слова на мѣсто ясныхъ указаній какъ жизни, такъ и закона, и, конечно, не достигаетъ своей цѣли. Замѣчу еще, что исходную точку указанныхъ опредѣленій собственности составляетъ опять одна частная собственность, и нѣкоторые юристы идутъ даже такъ далеко, что говорятъ о собственности, какъ объ *„индивидуальномъ* и *вѣчномъ* правѣ“, принимая „индивидуальный характеръ“ и „вѣчность“ за существеннѣйшіе моменты его понятія (см. напр. Hello, De l'inviolabilité du droit de propriété, 1845, стр. 21 и слѣд.). Неправильность этого представленія бьетъ въ глаза: оставляя въ сторонѣ несостоятельность предположенія о какихъ бы то ни было „вѣчныхъ“ правахъ и признаніе многими законодательствами, какъ, напр., французскимъ, срочной собственности на ирригаціонные и судоходные каналы, на такъ-наз. суперфиціи, т. е. постройки на арендованной землѣ, и т. д. (см. Tarbouriech, Essai sur la propriété, 1904, стр. 242 и слѣд.), можно ли считаться съ теоріями, которыя исключаютъ изъ понятія собственности одинъ изъ ея важнѣйшихъ видовъ,—коллективную собственность и, притомъ, утверждаютъ, вопреки исторіи и современному состоянію права, что эта по-

слѣдняя, т. е. коллективная собственность, есть учрежденіе, производное отъ частной собственности и стоящее даже внѣ конституціонной гарантіи, установленной для права собственности? Если такое пренебреженіе коллективной собственностью и даже прямо-враждебное къ ней отношеніе можетъ быть объяснено XVIII в. борьбой за индивидуальность и за освобожденіе собственности отъ тяготѣвшихъ надъ нею феодальныхъ, цеховыхъ и другихъ корпоративныхъ узъ, не соотвѣтствовавшихъ болѣе новымъ условіямъ экономической и культурной жизни,—то продолженіе этой вражды и упорное настаиваніе на возможно-неограниченной частной собственности и въ наше время нельзя объяснить иначе, какъ вліяніемъ традиціи и современнаго капиталистическаго строя, который нуждается, для своего поддержанія, именно въ такой привиллегированной собственности и въ возможно-меньшемъ вмѣшательствѣ государства въ ея порядокъ.

Всѣ приведенныя выше опредѣленія понятія собственности стремятся подчеркнуть въ лицѣ собственника широчайшее и сильнѣйшее содержаніе его права: собственникъ выступаетъ во внѣшнемъ мірѣ самостоятельнѣе, распоряжается своею вещью свободнѣе, энергичнѣе и извлекаетъ изъ нея болѣе юридическихъ выгодъ, чѣмъ это могутъ дѣлать другія лица, имѣющія правà въ той же вещи. Вотъ вытекающее изъ разсмотрѣнныхъ опредѣленій собственности различіе ея отъ другихъ вещныхъ правъ. Но принять это различіе невозможно уже потому, что представленіе, лежащее въ его основаніи, противорѣчитъ всѣмъ ограниченіямъ собственности и особенно тѣмъ, которыя заключаютъ въ себѣ самостоятельныя права третьихъ лицъ, могущія идти до уничтоженія въ собственности всего ея матеріальнаго содержанія. Отсюда уже видно, что собственность нельзя опредѣлять по ея содержанію, которое разнообразится до безконечности, доходитъ иногда до нуля и не можетъ дать никогда критерія для разграниченія ея отъ другихъ правъ. Надо, поэтому, довольствоваться однимъ формальнымъ критеріемъ и опредѣлять собственность, вмѣстѣ съ Штамлеромъ (см. его статью о собственности въ цит. выше Словарѣ Конрада), какъ такое вещное право, которое имѣетъ *рѣшающее въ послѣдней инстанціи значеніе для вещи*, составляющей его предметъ. Это значитъ, что, когда одна и та же вещь служитъ предметомъ двухъ или нѣсколькихъ вещныхъ правъ, собственность стоитъ за всѣми этими правами и главенствуетъ надъ ними въ томъ смыслѣ, что, если бы какое-нибудь изъ этихъ правъ утрачивалось почему-либо для его настоящаго обладателя, оно

обращалось бы *само собой* или *ipso jure*, какъ говорятъ юристы, въ пользу собственника—безъ того, чтобы этотъ послѣдній имѣлъ надобность для поворота къ себѣ этого права въ совершеніи особаго пріобрѣтательнаго акта. Предположимъ, что какое-нибудь третье лицо уплачиваетъ долгъ, заключенный мною при помощи залога моего дома. Лицо, уплачивающее мой долгъ, не вступаетъ при этомъ въ права моего залогового кредитора, имѣя въ виду оказать мнѣ чисто-дарственную услугу. Ко мнѣ, какъ собственнику дома, возвращается въ этомъ случаѣ „само собой", т. е. безъ того, чтобы я совершилъ для этого какое бы то ни было особое дѣйствіе, право распоряженія этимъ домомъ,—право, котораго я былъ до того лишенъ вслѣдствіе тяготѣвшаго надъ моимъ домомъ залога. Старые юристы называли это совершающееся само собою возвращеніе къ собственнику вещныхъ правъ, утрачиваемыхъ для ихъ бывшихъ владѣльцевъ, неуклюжимъ именемъ *jus recadentiae*, и нѣкоторые изъ нихъ уже давно видѣли въ этомъ правѣ отличительный признакъ собственности именно потому, что оно всегда сопутствуетъ ей, независимо отъ какого бы то ни было содержанія собственности (Maurenbrecher, Privatrecht, § 245). Нѣсколько иначе и, можетъ быть, лучше этотъ же признакъ формулируется теперь Штамлеромъ. Онъ говоритъ, что различныя права въ вещи, которая составляетъ одновременно и предметъ собственности, идутъ *впереди* этой послѣдней; они могутъ захватывать даже всю полезность и всѣ произведенія этой вещи, равно какъ и все управленіе и распоряженіе ею, такъ что собственнику останется въ этихъ случаяхъ работать, какъ рабу, на другихъ и не думать вовсе о такъ-наз. „неограниченномъ" и „свободномъ" правѣ распоряженія ни въ одномъ атомѣ своей вещи. Тѣмъ не менѣе всѣ эти идущія впереди его собственности права заключены въ строго-опредѣленныя границы, внутри которыхъ не возникаетъ вопроса о распоряженіи вещью въ послѣдней инстанціи; за этими же границами стоитъ собственникъ, располагающій вещью именно въ этой послѣдней инстанціи. Это отношеніе между собственностью и другими вещными правами можно представить яснѣе, если сказать, что въ извѣстныхъ и заранѣе опредѣляемыхъ условіяхъ за какимъ-нибудь лицомъ, напримѣръ, А, признается дѣйствующимъ законодательствомъ то или другое право въ данной вещи, напримѣръ, право пользованія, не допускающее распространенія за указанныя ему границы; рядомъ или за этимъ правомъ пользованія то же законодательство можетъ признать въ столь же опредѣленныхъ условіяхъ за другимъ лицомъ, напримѣръ, В, такъ же твердо ограниченное право распоряженія той

же вещью, напримѣръ, право залога; затѣмъ можетъ идти равнымъ образомъ ограниченное право С, и т. д. Наконецъ, въ послѣднемъ счетѣ, когда область дѣйствія правъ А, В, С и т. д. будетъ исчерпана, выступитъ право собственника, оказывающееся въ такомъ же отношеніи и къ законнымъ ограниченіямъ, налагаемымъ на его право по общественнымъ и инымъ соображеніямъ. За этими законными ограниченіями, какъ и за указанными выше отдѣльными вещными правами, собственность только и получаетъ свое практическое осуществленіе.

Вотъ формальный признакъ, который, если и не даетъ новаго понятія собственности, то достаточно разъясняетъ это понятіе и указываетъ на то, чтò слѣдуетъ разумѣть подъ нимъ въ дѣйствительной жизни. Кромѣ того—и это особенно важно,—съ помощью предлагаемаго Штамлеромъ и принимаемаемаго нами формальнаго критерія для понятія собственности, можно всегда, въ случаѣ сомнѣнія, сказать, кому принадлежитъ въ данныхъ конкретныхъ отношеніяхъ право собственности, и кому—то или другое ограниченное право въ той же вещи. Кого, напримѣръ, считать собственникомъ: феодальнаго сеньора или его вассала? За кѣмъ признать право собственности на такъ-назыв. семейные фидеикоммиссы или наши заповѣдныя имѣнія, или дворянскія родовыя имущества съ тяготѣвшими и отчасти тяготѣющими надъ ними и теперь нормами обычнаго и законодательнаго права, которыя исключаютъ въ нихъ наслѣдованіе дочерей и освящаютъ правà отмѣны произведенныхъ безъ согласія родственниковъ отчужденій и правà выкупа въ этихъ случаяхъ со стороны тѣхъ же родственниковъ? Какъ толковать завѣщанія, которыми устанавливаются различныя вещныя права въ одномъ и томъ же имуществѣ? Какъ представлять себѣ первоначальное и позднѣйшее отношеніе въ средневѣковомъ германскомъ правѣ между правами на землю со стороны общины и правами на нее со стороны отдѣльныхъ членовъ этой общины? Составляли-ли первыя право собственности, а послѣднія -- вещныя права пользованія, или это были какія-нибудь иныя права, и сохранилось-ли существовавшее между тѣми и другими отношеніе и въ позднѣйшемъ правѣ? Не отвѣчая теперь на эти вопросы, съ которыми намъ придется встрѣтиться при историческомъ изученіи права собственности, я укажу здѣсь только на методъ ихъ разрѣшенія, вытекающій изъ предшествующаго изложенія. Правà, которыя приходится опредѣлять въ ихъ юридической природѣ, надо представлять себѣ, прежде всего, въ состояніи конфликта или столкновенія другъ съ другомъ. То изъ этихъ правъ, которое, въ

силу дѣйствующихъ юридическихъ нормъ, будетъ идти впереди другого и предпочитаться ему въ своихъ ближайшихъ и твердо опредѣленныхъ границахъ, слѣдуетъ признать не собственностью, а тѣмъ или другимъ спеціальнымъ правомъ на вещь, напримѣръ, пользованіемъ, сельскимъ сервитутомъ, залогомъ и т. д. То же право, которое при подобномъ конфликтѣ должно отступить передъ другимъ и стать къ нему въ пассивное отношеніе—до тѣхъ поръ, пока оно въ послѣднемъ счетѣ не получитъ рѣшающаго для вещи значенія,—будетъ правомъ собственности.

Предлагаемый критерій отличается чисто-формальнымъ характеромъ и, не беря ничего изъ содержанія права того или другого народа и той или другой эпохи, онъ уже поэтому можетъ быть примѣненъ къ праву всѣхъ народовъ и всѣхъ эпохъ. Поэтому-же ничто не мѣшаетъ прилагать его къ праву на всевозможныя вещи, способныя состоять въ собственности или не изъятыя изъ нея по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, и къ праву какъ частной, такъ и коллективной собственности. Если вопросъ ставится только о томъ, кто располагаетъ въ послѣднемъ итогѣ, когда это возможно, судьбой данной вещи, то не все-ли равно, какая это вещь, и кому предоставлено такое право распоряженія ею:—отдѣльному-ли индивиду, совокупности-ли отдѣльныхъ индивидовъ, или ихъ идеальному единству? Во-внѣ, въ отношеніи къ другимъ вещнымъ правамъ и къ третьимъ лицамъ, собственность, въ своемъ формальномъ значеніи, остается одинаковой, какая бы вещь ни была ея объектомъ, и какія бы лица ни выступали ея субъектами: индивидуальный-ли собственникъ, большая ли акціонерная компанія, семья, община, корпорація, или государство. Въ качествѣ собственниковъ и въ отношеніи къ предмету их собственности, всѣ эти союзы такъ же противополагаютъ себя всему стоящему внѣ ихъ міру, какъ это дѣлаютъ и отдѣльные частные собственники. На практикѣ право союзной собственности примѣняется даже рѣзче права частной собственности: послѣдняя вынуждается часто на уступки, о которыхъ при союзной собственности не возникаетъ и рѣчи.

Укажу еще на одно преимущество формальнаго критерія для понятія собственности. Съ одной стороны, этотъ критерій не только не противорѣчитъ, подобно господствующимъ опредѣленіямъ собственности, существованію, рядомъ съ нею, другихъ правъ въ той же вещи, но и прямо допускаетъ эти права, не разрѣшая только собственнику, въ отношеніи къ его вещи, тѣхъ дѣйствій, которыя несовмѣстимы съ отправленіемъ установленныхъ въ ней же правъ другихъ лицъ. Съ другой стороны.

тѣмъ же формальнымъ критеріемъ объясняется и слѣдующее важное различіе въ защитѣ собственности и другихъ вещныхъ правъ: въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ, третьи лица обязаны воздерживаться только отъ *извѣстныхъ* дѣйствій, противорѣчащихъ содержанію этихъ правъ; въ отношеніи-же къ собственности, какими бы особыми вещными правами она ни была обременена, третьи лица обязаны къ воздержанію отъ *всѣхъ* дѣйствій, такъ или иначе затрагивающихъ вещь, подчиненную собственнику (См. Thon, Rechtsnorm und Subjectives Recht, стр. 164).

Не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что обусловленное нашимъ критеріемъ единое понятіе собственности, примѣнимое однообразно ко всѣмъ его субъектамъ и объектамъ, есть лишь логическая категорія, созданная нашимъ умомъ, и лишь для того, чтобы удобнѣе и лучше оріентироваться въ сложныхъ явленіяхъ вещнаго обладанія. Такія логическія категоріи не покрываютъ никогда тѣхъ явленій дѣйствительной жизни, въ виду которыхъ ихъ устанавливаютъ; онѣ помогаютъ намъ не смѣшивать эти явленія съ другими, но не указываютъ вовсе на содержаніе, безъ котораго нельзя мыслить, какъ я разъяснялъ это въ другомъ мѣстѣ (см. Сборникъ общихъ юридическихъ знаній, моя статья: Что такое право?), ни существованія, ни функціонированія какого бы то ни было права. Поэтому-то и уловить формальные признаки права собственности не значитъ еще понять его природу. Съ одними формальными элементами понятія собственности мы не уяснимъ себѣ его живого и измѣнчиваго содержанія, что возможно лишь при знакомствѣ съ бытовой обстановкой, наполняющей формальные элементы матеріальнымъ содержаніемъ, и при изученіи историческихъ судебъ института собственности. „Только при методѣ различенія историческихъ стадій развитія этого института по эпохамъ, національностямъ и условіямъ культуры, его формальные признаки оживутъ для насъ и выйдутъ изъ міра философскихъ тѣней и абстрактныхъ фигуръ“ (Дювернуа, Пособіе къ лекціямъ по гражданскому праву. Часть особенная, стр. 23). Въ виду уясненія отношенія между формальнымъ и матеріальнымъ моментами права собственности, я считаю нелишнимъ привести еще слѣдующія соображенія.

Въ формальное понятіе собственности входятъ необходимо логическія категоріи лица и вещи. Формальное понятіе собственности не измѣнится отъ того, кого и что̀ мы подставимъ подъ эти категоріи. Но деспотъ, по отношенію къ которому все безправно, или полицейское государство, считающее себя верховнымъ собственникомъ всей государственной территоріи, представляютъ

собою, по существу, собственниковъ иного рода, чѣмъ индивидуальные и коллективные обладатели отдѣльныхъ имуществъ. Сверхъ того, какъ кругъ лицъ, объявляемыхъ способными къ собственности, такъ и форма участія этихъ лицъ въ собственности, подвержены измѣненіямъ: этотъ кругъ лицъ въ древнемъ мірѣ и въ Европѣ среднихъ вѣковъ былъ чрезвычайно ограниченъ, тогда какъ въ наши дни собственность доступна юридически, какъ извѣстно, каждому, и коллективныя формы собственности получили въ средневѣковой Европѣ и въ наше время несравненно бóльшее развитіе, чѣмъ то, какое можетъ быть констатировано, напр., въ римскомъ правѣ. Эти коллективныя формы собственности выступаютъ во-внѣ, какъ мы это уже замѣчали, съ такими же исключительными и главенствующими формально правами на вещь, какъ и права индивидуальныхъ собственниковъ. Но внутри значительнаго большинства коллективныхъ группъ права каждаго изъ ихъ членовъ теряютъ черты исключительности и, проникаясь присущимъ всѣмъ общественнымъ союзамъ духомъ солидарности, принимаютъ такія свойства, которыя рѣзко отличаютъ эти права отъ правъ индивидуальной собственности. Отсюда— необходимость различать по содержанію и устанавливать различные по этому содержанію виды собственности, смотря, прежде всего, на кругъ допускаемыхъ къ ней лицъ и, затѣмъ, на то или другое значеніе въ собственности момента коллективнаго обладанія.

Формальная категорія „вещи“ такъ же мало поможетъ намъ уразумѣть *существо* собственности, какъ и формальная категорія „лица“. Если въ кругъ „вещей“ вводятся, напр., люди, какъ это было у грековъ, римлянъ и большинства народовъ, допускавшихъ рабство, то формальная категорія „вещи“ въ такой же формальной конструкціи собственности не терпитъ отъ этого никакого измѣненія. Но собственность, построенную на такомъ распространенномъ понятіи „вещи“, надо, конечно, различать, по ея содержанію, отъ нашей собственности, не допускающей людей въ числѣ своихъ объектовъ. Въ понятіи „вещи“ можно указать и на другія существенныя измѣненія, обусловленныя различіемъ культурныхъ состояній. Средневѣковое и современное право—по причинамъ, на которыя я укажу въ свое время,—проводятъ глубокое различіе въ строеніи собственности на недвижимыя имущества и движимости, тогда какъ римское право—по крайней мѣрѣ, въ своемъ развитомъ состояніи—не дѣлало между той и другой собственностью почти никакого различія. Затѣмъ, современныя намъ законодательства въ области институтовъ вещнаго права далеко не допускаютъ такого обилія формъ исключительнаго обла-

данія, какое мы встрѣчаемъ—особенно по отношенію къ недвижимостямъ—въ средневѣковомъ правѣ: многообразіе формъ служило здѣсь интересамъ отдѣльныхъ союзныхъ группъ и стѣсняло, въ то же время, выдвинутые теперь на первый планъ интересы свободнаго имущественнаго обмѣна. Это уже объясняетъ отчасти различное регулированіе движимой и недвижимой, римской, средневѣковой и современной собственности,—различное не только въ отношеніи къ объему предоставляемыхъ той или другой собственностью правъ и характеру налагаемыхъ на нее ограниченій, но и въ отношеніи къ способамъ пріобрѣтенія потери и защиты. Словомъ, мы констатируемъ такое же различіе въ содержаніи собственности по объектамъ, въ которыхъ она имѣетъ мѣсто, и столько же видовъ собственности, сколько оказывается ея типическихъ объектовъ, какъ это было указано выше и въ отношеніи къ ея субъектамъ. На этой необходимости различать собственность по ея объектамъ настаиваетъ теперь съ особой силой Берлинскій экономистъ Ад. Вагнеръ (Wagner, Lehr-und Handbuch der politischen Oekonomie, I, Grundlegung, 3-ье изд., 1894), поддерживаемый въ этомъ направленіи и другими нѣмецкими экономистами. Но та же мысль была положена въ основаніе одного французскаго трактата о собственности, вышедшаго еще въ 1824 г. (Charles Comte, Traité de la propriété, 1824).

Изъ всего сказаннаго нельзя сдѣлать другого заключенія, кромѣ того, что единое и формальное понятіе собственности есть не адэкватное выраженіе того, что̀ существуетъ въ дѣйствительности, а только логическая формула, создаваемая для примѣрки, сравненія и расчлененія тѣхъ явленій вещнаго обладанія, которыя не отличаются въ дѣйствительности ни единствомъ содержанія, ни однообразіемъ формъ выраженія. Открытіе подобной формулы, какъ бы послѣдняя полезна и совершенна ни была, никогда не можетъ ни упразднить, ни замѣнить изученія самого явленія во всемъ многообразіи его содержанія въ прошломъ и въ настоящемъ. Но такое историческое изученіе института собственности составитъ предметъ послѣдующихъ лекцій. Теперь же я сдѣлаю еще нѣсколько общихъ и отчасти терминологическихъ замѣчаній, которыя, вмѣстѣ со всѣмъ предшествующимъ изложеніемъ, послужатъ какъ-бы вступленіемъ къ исторіи собственности.

Прежде всего надо устранить довольно распространенное представленіе, по которому собственность есть одновременно и экономическое, и юридическое понятіе, и что то̀ и другое — не тождественны. Собственность есть во всѣхъ случаяхъ только

юридическое понятіе, и экономическое разсмотрѣніе собственности состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ изслѣдованіи ея конкретнаго примѣненія къ явленіямъ экономической жизни, которыя всегда оказываются связанными опредѣленными и заранѣе предполагаемыми ими правовыми формами (Stammler, Recht und Wirthschaft). Поэтому и не можетъ быть двухъ несогласныхъ между собой и, въ то же время, одинаково вѣрныхъ опредѣленій собственности. Тѣмъ не менѣе нужно признать, какъ на это уже указывалось мною, что и въ житейскомъ словоупотребленіи, и въ законодательной практикѣ, понятіе собственности выступаетъ не только въ смыслѣ разъясненнаго выше особаго вещнаго права, но и въ смыслѣ всякаго имущественнаго права вообще, — всего, что̀ принадлежитъ кому-нибудь, что̀ находится въ чьемъ-либо имуществѣ. Въ этомъ значеніи говорятъ, напр., о собственности на сервитуты, на залогъ, на обязательства, на *„права“*, и въ этомъ же значеніи принимаютъ собственность и различные конституціонные акты, когда они провозглашаютъ ея такъ-наз. „священость“ или „неприкосновенность“. Въ томъ же смыслѣ Австрійскій гражданскій кодексъ (ст. 353) объявляетъ, что „все, что̀ принадлежитъ лицу, всѣ его тѣлесныя и безтѣлесныя вещи—называются его собственностью“. Такъ же приблизительно выражается и Прусскій Landrecht, въ которомъ мы находимъ слѣдующее опредѣленіе: „собственникомъ называется тотъ, кто вправѣ распоряжаться непосредственно или черезъ третьихъ лицъ сущностью какой - либо вещи или какого-либо *права*, исключая изъ этого распоряженія всѣхъ другихъ“ (I, 8, 1). Объ этихъ и многихъ подобныхъ опредѣленіяхъ собственности можно смѣло сказать, что они не носятъ юридическаго характера, такъ какъ ни одно законодательство не распространяетъ положеній, дѣйствующихъ относительно настоящей собственности, ни на сервитуты, ни на залогъ, ни на обязательства, ни на какія бы то ни было иныя права, кромѣ установленнаго выше спеціальнаго понятія собственности. Этимъ самымъ признается какъ существенное отличіе настоящаго права собственности отъ другихъ правъ, такъ и неправильность подведенія этихъ послѣднихъ подъ одинъ терминъ съ первымъ. Поэтому новыя законодательства и даютъ другія и болѣе точныя опредѣленія понятія собственности, характеризующія его уже, какъ особое вещное право, и значительно отступающія отъ господствующихъ доктринъ. Остановлюсь, въ ряду этихъ законодательныхъ опредѣленій собственности, на двухъ наиболѣе интересныхъ, изъ которыхъ одно принадлежитъ французскому Code civil, а другое — новѣйшему германскому

Уложенію. Первое (art. 544) гласитъ: La propriété est le droit de jouir et de disposer des choses de la manière la plus absolue, pourvu qu'on n'en fasse pas un usage prohibé par les lois ou par les réglements, т. е. собственность есть право пользоваться и распоряжаться вещами наиболѣе абсолютно, съ тѣмъ, однако, чтобы эти вещи не служили для такого употребленія, которое возбраняется законами или регламентами. Объ этомъ опредѣленіи, представляющемъ собою перифразъ римскаго „jus utendi et abutendi re suae, quotenus juris ratio patitur", мы можемъ сказать, что, съ одной стороны, оно платитъ дань господствовавшимъ во время его составленія представленіямъ о собственности. Оно приписываетъ ей невозможную квалификацію абсолютнаго права и стремится обнять ея содержаніе, что̀ невѣрно, сверхъ указанныхъ уже соображеній, и потому, что въ собственности можно видѣть, во всякомъ случаѣ, не *сумму*, а только *единство* возможныхъ въ той или другой вещи правомочій. Въ этомъ единствѣ можетъ отсутствовать въ отдѣльномъ случаѣ и пользованіе, и распоряженіе, такъ что собственность сведется къ тому, что называютъ *nudum jus*, т. е. голымъ правомъ, но она не прекратитъ все-таки своего существованія, сохраняя ту особенность, которая извѣстна подъ именемъ *jus recadentiae* и нами была уже охарактеризована. Съ другой стороны, опредѣленіе собственности во французскомъ кодексѣ указываетъ прямо на ея законныя и полицейскія ограниченія: это искупаетъ, хотя и дорогой цѣной логическаго противорѣчія, квалификацію собственности абсолютнымъ правомъ и даетъ возможность государственной власти измѣнять и регулировать, по ея усмотрѣнію, всѣ отношенія собственности. Въ этомъ смыслѣ французское законодательство идетъ даже слишкомъ далеко, предоставляя неограниченно регулированіе собственности не только законодательной, но и административной власти, дѣйствующей путемъ регламентовъ; и одинъ изъ современныхъ намъ французскихъ юристовъ справедливо замѣчаетъ, что это открываетъ просторъ такому произволу, что „на практикѣ одни лишь нравы и политическая традиція охраняютъ собственность отъ предпріимчивости и смѣлости административной власти, которой не поставлено въ этомъ отношеніи никакой законной границы" (Planiol, Traité du droit civil, I, стр. 385). Кромѣ того, французское опредѣленіе собственности можно упрекнуть и въ томъ, что, выдвигая законныя и полицейскія ограниченія этого права, оно вовсе не упоминаетъ о столь же существенныхъ, какъ мы это видѣли, для понятія собственности ограниченіяхъ его путемъ

самостоятельныхъ вещныхъ правъ въ той же вещи, которая служитъ предметомъ собственности.

Свободно отъ указанныхъ ошибокъ опредѣленіе Германскаго Гражданскаго Уложенія 1900 г. (ст. 903), гдѣ мы читаемъ: „Собственникъ вещи можетъ, насколько это не противорѣчитъ закону или правамъ третьихъ лицъ, распоряжаться вещью по своему усмотрѣнію и исключать воздѣйствіе на нее всѣхъ другихъ". Здѣсь мы не находимъ ни квалификаціи собственности абсолютнымъ правомъ, ни смѣшенія ея матеріальныхъ элементовъ съ формальными, ни освященія произвола административной власти, ни опущенія ограничивающихъ собственность вещныхъ правъ. Напротивъ, мы находимъ въ опредѣленіи новаго Германскаго Уложенія попытку объединить заключающіеся въ собственности признаки вещнаго права—непосредственное обладаніе вещью и исключеніе воздѣйствія на нее со стороны третьихъ лицъ—со столь же существенными для понятія собственности ограниченіями этого права, исходящими какъ отъ закона, такъ и отъ воли самого собственника. Эти ограниченія выступаютъ тутъ, вопреки господствующей доктринѣ, не какъ что-то только терпимое, не какъ исключеніе изъ имѣющаго, какъ будто, общее значеніе принципа неограниченной собственности, а какъ элементъ и условіе этого права, какъ нѣчто, данное его понятіемъ и долженствующее, поэтому, входить и въ опредѣленіе этого понятія. Это-же утверждаетъ взглядъ на собственность, какъ на право, существующее только въ предѣлахъ, положенныхъ ему закономъ, и устраняетъ ложное въ самомъ своемъ основаніи, хотя и весьма распространенное, представленіе о законныхъ ограниченіяхъ собственности, какъ объ осадкѣ послѣдующаго вмѣшательства государственной власти въ неограниченную первоначально полноту права собственности. Наконецъ, указаніе въ нѣмецкомъ законѣ на могущія ограничивать собственность особыя вещныя права ясно проводитъ демаркаціонную линію, по одну сторону которой остаются эти права, а по другую, въ качествѣ послѣдней для нихъ инстанціи, выступаетъ собственность.

Упомяну еще о нашемъ законодательствѣ, которое, по примѣру своихъ европейскихъ образцовъ, дополненныхъ только вставками изъ старинныхъ указовъ, опредѣляетъ собственность какъ „...власть, въ порядкѣ, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго, владѣть, пользоваться и распоряжаться *имуществомъ* вѣчно и потомственно" (ст. 420, X т. 1 ч. Св. зак.). Это слишкомъ пространное опредѣленіе, котораго я даже не привелъ цѣликомъ, грѣ-

шитъ, съ одной стороны, явно-неправильными квалификаціями собственности и тщетнымъ стремленіемъ установить его понятіе на основаніи матеріальныхъ признаковъ, а съ другой,—тѣмъ, что оно не разграничиваетъ собственности не только отъ спеціальныхъ вещныхъ правъ, но также отъ обязательственныхъ и другихъ отношеній гражданскаго права. Говоря вмѣсто „вещи" объ „имуществѣ", понятіемъ котораго обнимаются, несомнѣнно, какъ многія обязательственныя, такъ и значительная часть авторскихъ и наслѣдственныхъ правъ, опредѣленіе нашего закона можетъ быть распространено, очевидно, и на всѣ эти права, совершенно обезразличиваемыя имъ въ отношеніи къ собственности. Кромѣ того, нашъ законъ хочетъ дать общее понятіе собственности, долженствующее обнять весь этотъ институтъ, но въ дѣйствительности онъ даетъ опредѣленіе, имѣющее отношеніе только къ недвижимой собственности. Это видно изъ того, что въ примѣненіи къ движимостямъ нѣтъ надобности ни въ особомъ укрѣпленіи, о которомъ говоритъ наше опредѣленіе, ни въ томъ различіи между правами владѣнія и распоряженія, которое установлено такъ же для однихъ недвижимыхъ имуществъ (Дювернуа, ук. соч., стр. 28—9).

Я не буду приводить другихъ законодательныхъ опредѣленій собственности, такъ какъ они всѣ сходятся въ стремленіи исчерпать это понятіе его постоянно измѣняющимся содержаніемъ, но иногда и расходятся въ томъ, что одни изъ нихъ принимаютъ въ себя ограниченія собственности, а другія не дѣлаютъ этого и все-таки не отрицаютъ тѣхъ ограниченій, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ правовой порядокъ. Тѣмъ не менѣе говорить, что „собственность свободна, насколько она не ограничена закономъ", и что „собственность свободна въ принципѣ", а ограниченія ея суть аномаліи, требующія особой оговорки,—значитъ говорить разныя вещи, и если первое утвержденіе соотвѣтствуетъ, въ общемъ, дѣйствительности, то второе прямо фальсифицируетъ эту дѣйствительность и содѣйствуетъ укрѣпленію тѣхъ ложныхъ—и съ точки зрѣнія господствующаго правового порядка—представленій о собственности, о которыхъ у насъ уже велась рѣчь. Въ виду же важности законныхъ ограниченій собственности для ея понятія, я считаю нелишнимъ сдѣлать еще слѣдующія указанія.

Современное понятіе частной собственности слагалось подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ римскаго права, въ послѣдній періодъ его развитія, когда оно оттѣснило на задній планъ всѣ коллективныя формы обладанія и пришло—по крайней мѣрѣ, въ теоріи—

къ той формѣ почти неограниченнаго господства человѣка надъ вещью, которая, получивъ извѣстность подъ именемъ *„квиритской собственности“*, стала для европейской юриспруденціи и политической экономіи единственнымъ типомъ и идеаломъ всякаго порядка собственности. Правда, и римской собственности не была чужда идея соціальной связанности,—идея, выступавшая въ различныхъ формахъ вліянія семейнаго, общественнаго и государственнаго строя, равно какъ и въ многочисленныхъ уже ограниченіяхъ собственности въ силу отношеній сосѣдства, соображеній о гражданскомъ оборотѣ и т. д. Но не подлежитъ сомнѣнію,что римская собственность, съ установленіемъ въ Римѣ обширной торговли и капиталистическаго хозяйства, стала развиваться въ сторону все болѣе и болѣе индивидуалистической и неограниченной собственности, такъ что мы, напр., видимъ, что и поземельная собственность, по крайней мѣрѣ, въ Италіи, была въ теченіе первыхъ 4-хъ столѣтій по Р. Х. свободна даже отъ государственнаго налога (Mommsen, Römisches Staatsrecht, II, 2, стр. 944). Такъ же несомнѣнно, что эта свободная почти отъ всѣхъ обязанностей собственность сдѣлалась со времени рецепціи римскаго права въ Западной Европѣ всеобщимъ идеаломъ народовъ, унаслѣдовавшихъ римскую культуру. Но въ послѣднія столѣтія это понятіе собственности подверглось существеннымъ измѣненіямъ подъ дѣйствіемъ все возраставшихъ требованій, государственной власти. Путемъ спеціально-аграрнаго, горнаго, лѣсного, воднаго, промышленнаго, дорожнаго, санитарнаго, строительнаго и пожарнаго законодательствъ—отправленіе частной собственности попадаетъ подъ рѣшительный контроль и надзоръ государства. Значительная часть дохода, извлекаемаго изъ частной собственности, поступаетъ черезъ налоги въ государственную казну: къ ней идетъ 1/3 и даже 1/2 чистаго дохода домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ въ государствахъ, постоянно повышающихъ норму налоговаго обложенія, и то же можетъ случиться каждый день и съ государствами, менѣе обремененными налогами, послѣ продолжительной или неудачной войны (Menger, Neue Staatslehre, стр. 99—100). И хотя государственные налоги расходуются, главнымъ образомъ, въ интересѣ господствующихъ и имущихъ классовъ, точно такъ же, какъ и блага названныхъ выше спеціальныхъ законодательствъ обращаются, прежде всего, въ пользу тѣхъ же классовъ, мы должны, тѣмъ не менѣе, признать какъ все возрастающее участіе и неимущихъ классовъ общества въ выгодахъ, приносимыхъ этими законодательствами, такъ и, въ особенности, преобладаніе во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ момента общественности или

коллективности. Взиманіе и расходованіе налоговъ, распоряженіе государственными доменами, различные виды государственныхъ службъ и монополій и т. д.—представляютъ собою несомнѣнныя формы коллективнаго хозяйства и коллективной собственности, которыя, если и обращаются пока, главнымъ образомъ, въ пользу такъ-наз. „правящихъ классовъ“, то они же открываются все болѣе и болѣе и для другихъ классовъ общества, подготовляя путь отъ господства личныхъ и классовыхъ интересовъ къ торжеству общаго, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, интереса.

Опредѣленія аграрнаго, лѣсного, горнаго и т. п. спеціальныхъ законодательствъ, прямо и глубоко ограничивающія распоряженіе частной собственностью, такъ же представляютъ собой не что иное, какъ выраженія общественной или коллективной собственности на тѣ же предметы, которые состоятъ въ частномъ обладаніи. Если законъ обязываетъ меня къ улучшенію культуры на моей землѣ, къ уходу за моими же виноградными лозами, пораженными филоксерой; если онъ не разрѣшаетъ мнѣ разработки руды, находящейся въ моей землѣ, иначе, какъ по особой концессіи, или даже передаетъ, помимо меня, разработку этой руды другому лицу, не имѣющему отношенія къ моей собственности; если онъ, далѣе, запрещаетъ мнѣ рубку лѣса, растущаго въ моемъ имѣніи, или вынуждаетъ меня къ вступленію въ товарищества по сооруженію и содержанію плотинъ, шлюзовъ или по искусственному орошенію и осушенію полей, и т. д.,—то во всѣхъ этихъ случаяхъ, законъ, за которымъ стоитъ общество, предъявляетъ къ частной собственности свое право общественной собственности, пока не разрушающее, но вполнѣ способное, при наступленіи соотвѣтствующихъ условій, и разрушить частную собственность. Отсюда видно, что не только коллективная, но и частная собственность есть дѣйствительно „*соціальная функція*“, какъ это было высказано еще Ог. Контомъ въ его „Системѣ позитивной политики“, изъ которой я позволю себѣ привести небольшую выдержку. „При всѣхъ нормальныхъ состояніяхъ человѣчества,—писалъ Контъ,—каждый гражданинъ выступаетъ какъ-бы должностнымъ лицомъ, исполняющимъ болѣе или менѣе опредѣленныя функціи, которыми обусловливаются его обязанности и его притязанія. Этотъ всеобщій принципъ долженъ распространяться, конечно, и на собственность, въ которой позитивизмъ видитъ, прежде всего, необходимую соціальную функцію, имѣющую цѣлью образованіе капиталовъ и управленіе ими,—капиталовъ, путемъ которыхъ каждое поколѣніе подготовляетъ работу слѣдующаго поколѣнія. Вотъ нормальная оцѣнка, которая, будучи правильно понята, должна облагораживать обладаніе

собственностью, не стѣсняя ея истинной свободы и даже содѣйствуя послѣдней". Немного далѣе Контъ возстаетъ противъ преувеличеннаго индивидуализма въ пониманiи собственности новыми юристами и выражается такъ: „Эта анти-соцiальная теорiя, обязанная исторически своимъ происхожденiемъ исключительнымъ преслѣдованiямъ, столь же несправедлива, какъ и безпочвенна Такъ какъ ни одна собственность не можетъ быть ни создана ни даже передана своимъ обладателемъ иначе, какъ при необходимомъ содѣйствiи, какъ спецiальномъ, такъ и общемъ, государственной власти, то отправленiе собственности не должно быть никогда индивидуальнымъ. Всегда и вездѣ общество вступаетъ такъ или иначе въ это дѣло, подчиняя его общественнымъ потребностямъ. Налоги привлекаютъ общество къ дѣятельному участiю въ имущественномъ положенiи каждаго отдѣльнаго лица, и общiй ходъ цивилизацiи не только не ослабляетъ этого участiя, а постоянно усиливаетъ его, особенно у новыхъ народовъ, развивая все болѣе и болѣе связь между каждымъ и всѣми" (Systéme de politique positive, I, стр. 156, 163). Тѣ же идеи положены въ основанiе одного изъ послѣднихъ сочиненiй А. Фуллье, задающагося мыслью показать неправильность всѣхъ абсолютныхъ теорiй собственности. „Однѣ изъ нихъ, — говоритъ, Фуллье — приписываютъ собственности абсолютно-индивидуальный, другiя—абсолютно-соцiальный хлрактеръ. По нашему мнѣнiю, собственность заключаетъ въ себѣ одновременно и индивидуальный, и соцiальный элементъ, такъ какъ каждый продуктъ есть результатъ совмѣной работы индивида и общества" (A. Fouillée, La propriété sociale et la démocratie, 1894. стр. 1). Въ нѣмецкой литературѣ эта же точка зрѣнiя равновѣсiя между индивидуальнымъ и соцiальнымъ элементами въ собственности, или равновѣсiя между частной и коллективной собственностью, представлена въ сочиненiяхъ А. Замтера (Die Gesellschaftslehre, 1877, и Das Eigenthun in seiner socialen Bedeutung, 1879), тогда какъ Iерингъ (Zweck im Recht, I), Вагнеръ (Grundlegung), Шеффле (Leben und Bau des socialen Körpers) и др. настаиваютъ болѣе на общественномъ элементѣ и общественной собственности. Подъ то же теченiе, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ подчиненiя собственности высшимъ интересамъ общественнаго блага, подошло отчасти и новое Гражданское Уложенiе Германiи, несмотря на то, что оно осталось, въ общемъ, на чисто-римской и индивидуалистической точкѣ зрѣнiя и выразило въ гораздо бóльшей степени интересы господствующихъ классовъ, чѣмъ интересы всего общества. Уступивъ, однако, влiянiю Гирке и другихъ сторонниковъ ве столько усиленiя общественныхъ функцiй права,

сколько сохраненія старыхъ особенностей германскихъ учрежденій, это Уложеніе запретило въ своей общей части (§ 226) всякое злостное пользованіе или злоупотребленіе правомъ и постановило въ отдѣлѣ, посвященномъ спеціально собственности, что каждый собственникъ долженъ быть готовъ къ пожертвованію своей собственностью, хотя и за соотвѣтственное вознагражденіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣной этого пожертвованія можно сохранить болѣе дорогое благо другого лица (§ 904). На счетъ того же теченія можно отнести и другіе случаи вмѣшательства государства въ существующій порядокъ юридическихъ отношеній, также какъ и законодательство, и практику, регулирующія рабочіе договоры, фабричную промышленность и т. д. Въ результатѣ всего этого хода развитія получается, если не увѣренность, то, по крайней мѣрѣ, небезосновательный разсчетъ на то, что, въ противность крайнимъ послѣдствіямъ индивидуалистическаго принципа, мы можемъ дождаться въ недалекомъ будущемъ и такой организаціи права, въ основѣ которой окажутся не только индивидуальные и классовые, но и всенародные интересы.

Въ заключеніе настоящей лекціи я сдѣлаю еще одно терминологическое замѣчаніе. Слово „собственность" примѣняется часто какъ въ жизни, такъ и въ законодательныхъ кодексахъ къ различнымъ авторскимъ правамъ на произведенія литературы и изящныхъ искусствъ, на изобрѣтенія, фирмы, промышленныя клейма, марки и другія такъ-наз. *„нематеріальныя блага"* („Immaterialgüterrecht"). Въ этихъ случаяхъ говорятъ о „литературной, художественной, музыкальной, технической собственности", о „собственности на фирмы, марки" и прочія „нематеріальныя блага". Противъ такого сильно укоренившагося словоупотребленія, — оправдываемаго отчасти нѣкоторыми философскими соображеніями, но еще болѣе примѣненіемъ ко всѣмъ этимъ отношеніямъ того же механизма защиты, который мы встрѣчаемъ въ области вещныхъ правъ,—можно было бы и не возражать, если бы этой терминологіей не подавалось повода къ перенесенію на всѣ упомянутыя отношенія юридическихъ нормъ, умѣстныхъ въ примѣненіи лишь къ настоящей собственности и другимъ вещнымъ правамъ, но вовсе не совмѣстимыхъ съ многочисленными особенностями авторскихъ и иныхъ правъ на „нематеріальныя блага". Подобные пріемы разработки юридическихъ понятій нельзя считать правильными, и имъ слѣдуетъ рѣшительно предпочесть точку зрѣнія новаго нѣмецкаго Уложенія, состоящую въ признаніи самостоятельности понятія „вещи", въ смыслѣ исключительно тѣлеснаго предмета (§ 90), откуда выте-

каетъ само собою и строгое разграниченіе между вещными правами, имѣющими мѣсто только въ такихъ тѣлесныхъ предметахъ, и юридическими отношеніями въ „нематеріальныхъ благахъ“. Поэтому было бы, конечно, лучше не называть „собственностью“ ни авторскаго права, ни правъ на изобрѣтенія, ни какого бы то ни было иного права на „нематеріальныя блага“.—Отсюда мы перейдемъ къ изложенію и критикѣ теорій, выставленныхъ въ разное время для обоснованія и оправданія права собственности.

III.

Вопросъ объ основаніи и оправданіи права собственности совпадаетъ, въ строгомъ его смыслѣ, съ вопросомъ объ основаніи и оправданіи права. Разъ этотъ вопросъ рѣшается утвердительно для права вообще, то не можетъ быть иного рѣшенія и для собственности, такъ какъ всякій правовой порядокъ предполагаетъ уже признаніе того рѣшающаго въ послѣднемъ счетѣ распоряженія вещью, которое мы называемъ собственностью. Эту собственность предполагаетъ также и соціалистическій идеалъ общества, требующій лишь ея преобразованія и перемѣщенія, въ интересѣ всего общества, отъ индивидуальнаго обладанія къ коллективному, но вовсе не отмѣны самого права собственности. И только индивидуалистическій анархизмъ можетъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отрицать въ этомъ смыслѣ собственность, такъ какъ онъ отрицаетъ самое понятіе права, исходя изъ представленія о томъ—неизвѣстномъ намъ ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ—обществѣ, которое управляется не юридическими, а исключительно *конвенціональными нормами*, зависящими цѣликомъ отъ доброй воли каждаго повинующагося имъ лица (юристы говорятъ въ этомъ случаѣ объ отвергаемомъ правомъ условіи: „*si voluerit*“). Въ такомъ обществѣ нѣтъ никакихъ обязанностей, въ нашемъ смыслѣ этого слова: все принадлежитъ всѣмъ, „*omnia omnibus*“, и каждый беретъ себѣ то, что онъ можетъ удержать въ своихъ рукахъ, въ надеждѣ на добровольное признаніе своего обладанія со стороны другихъ. О собственности, какъ о распоряженіи вещью, подчиненномъ извѣстнымъ правиламъ и вызывающемъ извѣстныя обязанности, въ этомъ обществѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ эта собственность предполагается и постулируется правовымъ порядкомъ, который здѣсь какъ разъ и отвергается. Но если такъ, если собственность предполагается каждымъ правовымъ порядкомъ, а необходимость правового порядка не составляетъ для насъ предмета сомнѣнія, то вопросъ объ основаніи и оправданіи

права собственности не долженъ, казалось бы, и ставиться. Между тѣмъ, онъ постоянно ставился, ставится теперь и будетъ ставиться, такъ какъ этотъ вопросъ касается не собственности вообще, а только одного изъ ея видовъ и, въ данномъ случаѣ, — только частной или индивидуальной собственности.

Постановка настоящаго вопроса, какъ и большинства другихъ вопросовъ въ области теоріи права и государства, восходитъ къ Аристотелю, который посвятилъ въ своей „Политикѣ" (II, 2) длинное разсужденіе преимуществамъ порядка частной собственности передъ порядкомъ общности имуществъ. Всякая общность, по Аристотелю, опасна и ведетъ скорѣе къ спорамъ, чѣмъ юридически-регулированная раздѣльность каждаго индивида. Частная собственность является, кромѣ того, побужденіемъ къ труду, такъ какъ каждый обладаетъ ею для себя. Но правильнѣе, заключаетъ Аристотель, соединять преимущества частной собственности съ преимуществами общности имуществъ, для чего законодатель долженъ воспитывать гражданъ, пріучая ихъ къ добровольному и взаимному предоставленію другъ другу различныхъ пользованій. Настоящее разсужденіе, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, состоитъ изъ ряда апріорныхъ утвержденій и выдаетъ въ его авторѣ вѣру въ такъ наз. „естественное право", которая нигдѣ не получала, можетъ быть, такого прекраснаго выраженія, какъ въ словахъ Софокла, вложенныхъ въ уста Антигоны. „Я не вѣрю,—говоритъ Антигона Креону,—чтобы твои распоряженія могли поднять волю смертнаго надъ волей безсмертныхъ и стать выше неписанныхъ и никогда неизгладимыхъ законовъ. Эти законы существуютъ не съ сегодняшняго и не со вчерашняго дня; они были всегда, и никто не можетъ сказать, когда они возникли".

Римскіе юристы, стоявшіе, какъ извѣстно, подъ сильнымъ вліяніемъ греческой философіи, причисляли частную собственность къ учрежденіямъ того права, которое они называли *jus gentium*, опредѣляя его, какъ право, соблюдаемое одинаково всѣми народами: quod apud omnes gentes peraeque custoditur. Съ этимъ они соединяли еще представленіе о *„naturalis ratio"*, т. е. „естественномъ разумѣ", служащемъ основаніемъ собственности у всѣхъ народовъ. Отсюда уже видно, что римскихъ юристовъ и ихъ греческихъ учителей можно смѣло считать предшественниками европейской школы *„естественнаго права"*, съигравшей значительную роль какъ въ теоретическомъ обоснованіи, такъ и въ законодательномъ регулированіи и практическомъ примѣненіи института собственности. (Два крупныхъ законодательства конца XVIII и

начала XIX вв., Прусское и Австрійское, были составлены подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей этой школы).

Между многочисленными попытками представителей школы „естественнаго права“ обосновать право собственности особенно выдается ученіе Гоббса, не превзойденное, кажется, по своей силѣ и законченности ни однимъ построеніемъ той же школы. Гоббсъ исходитъ изъ такъ наз. „естественнаго состоянія“ человѣка, т. е. того состоянія, которое предшествуетъ возникновенію государства, и предполагаетъ, что право каждаго индивида, взятаго изолированно, состояло здѣсь въ томъ, что онъ могъ притязать, для поддержанія своего существованія, на все. Отсюда и извѣстная характеристика этого состоянія, какъ „войны всѣхъ противъ всѣхъ“,— войны, несовмѣстимой съ сохраненіемъ вида, о которомъ заботится сама природа. Отсюда же и первый изъ 20 выдвигаемыхъ Гоббсомъ принциповъ „естественнаго права“, въ силу котораго право каждаго на все отмѣняется, и положительный законъ устанавливаетъ принципъ собственности для каждаго отдѣльнаго лица — въ той именно сферѣ, въ предѣлахъ которой это лицо можетъ быть признано полнымъ хозяиномъ.

Изъ того же „естественнаго состоянія“, только болѣе или менѣе идеализируемаго, исходятъ также Гуго Гроцій, Ж. Ж. Руссо, Пуффендорфъ и многіе другіе такъ наз. „учителя естественнаго права“—для того, чтобы придти отъ него къ установленію права собственности, но уже не на основаніи положительнаго закона, какъ это дѣлаетъ Гоббсъ, а на основаніи „первоначальнаго договора“, который у Г. Гроція даетъ начало всѣмъ учрежденіямъ права, а у Руссо служитъ только обезпеченіемъ собственности, существующей и до заключенія его „общественнаго договора“.

Прежде чѣмъ высказываться объ этихъ указанныхъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ теоріяхъ, я упомяну еще о другомъ—чрезвычайно распространенномъ даже въ наши дни и выступающемъ въ различныхъ оттѣнкахъ—воззрѣніи той же школы „естественнаго права“ на основаніе института частной собственности.—Это воззрѣніе сводитъ весь вопросъ на *человѣческую личность* или ея *свободу* и считаетъ всѣ эти понятія, т. е. понятія собственности личности и свободы, покрывающими другъ друга или соотносительными. Одни изъ писателей, придерживающихся этого направленія (напр., Фихте, Шталь, Аренсъ, Франкъ, Беданъ и др.), утверждаютъ, что частная собственность есть необходимое послѣдствіе человѣческой личности, что она тождественна со свободой, или что личность требуетъ для своихъ хозяйственныхъ проявленій того именно господства надъ вещами, кото-

рое дается частной собственностью, и т. д. При утвержденіяхъ послѣдняго рода ссылаются часто на Аристотеля для того, чтобы показать, какъ частная собственность необходима для народнаго хозяйства, и какъ существенно ея значеніе, въ качествѣ мотива труда и накопленія богатствъ. Другіе писатели настаиваютъ на необходимости частной собственности для совершенствованія человѣка, какъ нравственнаго существа. Покойный Бринцъ, одинъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ юристовъ нашего времени, думалъ, что „собственность есть качество лица". Французскій юристъ Hello старался убѣдить своего читателя въ томъ, что если бы не было (частной) собственности, то не было бы права, не было бы ничего", а французскій экономистъ Michel Chevalier восклицалъ: „безъ собственности не существовало бы свободы". Въ свою очередь, нѣмецкій экономистъ Виртъ утверждалъ, что „вещь есть нѣкоторымъ образомъ часть нашей личности, продолженное я", и т. п.

Наконецъ, къ числу сторонниковъ тѣхъ же „естественно-правовыхъ" теорій собственности слѣдуетъ присоединить не только массу некомпетентной въ научныхъ вопросахъ публики, но и немалое количество юристовъ и экономистовъ, никогда не задающихся вопросомъ о происхожденіи и основаніи института собственности. Они считаютъ этотъ институтъ аксіомой, принципомъ „естественнаго права", не требующимъ доказательства; и замѣчательно, что до послѣдняго времени этотъ взглядъ былъ болѣе сего распространенъ среди экономистовъ, которымъ внимательное изслѣдованіе института собственности должно бы было служить необходимымъ введеніемъ во все ученіе о народномъ хозяйствѣ. Разъ частная собственность находится въ основаніи всего современнаго хозяйства, то именно экономистамъ слѣдовало бы менѣе, чѣмъ кому-нибудь, ограничивать свою науку отдѣльными сторонами или частями существующаго хозяйства и устранять себя отъ выясненія того глубокого отношенія зависимости, которое связываетъ каждое отдѣльное лицо съ обществомъ и регулирующими жизнь этого общества учрежденіями. Но частная собственность все предполагалась ими, какъ само-собою подразумѣвающееся условіе народнаго хозяйства, и не подвергалась ближайшему изслѣдованію, пока рѣзкая критика новаго соціализма, направленная противъ всего порядка современнаго хозяйства, а слѣдовательно, и противъ частной собственности, не вывела, наконецъ, экономическую науку изъ того состоянія квіэтизма, въ которое она была погружена Новые экономисты обратились къ защитѣ своихъ положеній противъ соціалистической критики, и внимательное изслѣдованіе

отношеній и теорій собственности занимаетъ теперь видное мѣсто напр., у А. Вагнера, въ его обширной Grundlegung, предпосланной курсу политической экономіи.

Противъ указанныхъ до сихъ поръ теорій собственности, которыя можно обнять общимъ именемъ теорій „естественнаго права", говоритъ, прежде всего, лежащій въ ихъ основаніи апріорный методъ, совершенно неумѣстный при изученіи конкретныхъ явленій исторической жизни и давно осужденный научнымъ знаніемъ. Аксіомы и принципы, изъ которыхъ исходятъ эти теоріи, или произвольны, не доказаны, или построены на неудовлетворительномъ эмпирическомъ матеріалѣ. Когда Г. Гроцій, Гоббсъ, Пуффендорфъ и др. говорятъ объ „естественномъ состояніи" человѣка и выводятъ изъ тѣхъ или другихъ свойствъ его природы весь государственный и правовой строй, они отправляются, въ сущности, вовсе не отъ необходимыхъ формъ нашего сознанія, какъ это предполагается обыкновенно сторонниками апріорной методы, а только отъ недостаточныхъ знаній или полузнаній объ этомъ „естественномъ состояніи" и вообще о человѣческой природѣ. Поэтому и всѣ системы „естественнаго права" представляются въ дѣйствительности такими же историческими формами, какъ и системы положительнаго права. Онѣ въ такой же степени, какъ и послѣднія, зависятъ отъ измѣнчивыхъ историческихъ условій; источникъ ихъ происхожденія тотъ же, что и источникъ любого положительнаго права, а содержаніе въ равной мѣрѣ отражаетъ на себѣ способы чувствованія, мышленія и потребности той эпохи, въ обстановкѣ которой онѣ зарождаются. Поэтому-же и дедуктивный характеръ всѣхъ этихъ системъ оказывается скорѣе мнимымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, сводясь на дѣлѣ къ безплодному во всѣхъ отношеніяхъ апріоризму (Stammler, Die Lehre von dem richtigen Rechte). Писатели, ссылающіеся на „человѣческую природу", на „прирожденность" чувства собственности, на „всеобщность" основаннаго на немъ права и т. д.., смѣшиваютъ, очевидно, чувство собственности съ формами его выраженія. Они же заключаютъ отъ всеобщности чувства собственности и фактовъ апропріаціи оружія, одежды и другихъ предметовъ, непосредственно удовлетворяющихъ потребностямъ человѣка, къ такой же всеобщности и современной намъ индивидуалистической и капиталистической собственности, которую нельзя, между тѣмъ, объяснить иначе, какъ соціальными причинами, имѣющими отношеніе къ той или другой странѣ и къ тому или другому времени. Авторы указанныхъ теорій забываютъ и то, что если-бы изъ такъ-называемой „человѣческой природы" исключить всѣ историческія качества и особенности, которыми люди отличаются другъ отъ друга, то отъ

нея не осталось бы ничего, кромѣ общаго анатомическаго строенія и извѣстныхъ физіологическихъ функцій. Для того, чтобы изъ этой природы выработались качества, которыя могли бы имѣть соціальное значеніе, необходимо ихъ воспитаніе и развитіе, подпадающія вліянію такого множества едва-доступныхъ для изслѣдованія соціальныхъ факторовъ, что нельзя удивляться, если, во-первыхъ, нормы, считающіяся „вѣчными и прирожденными человѣку“, не только не встрѣчаются всюду и всегда, но и прямо различаются по мѣсту и времени; и если, во-вторыхъ, на человѣческой же природѣ строятся такія противоположныя и исключающія другъ друга положенія, какъ, напр., съ одной стороны—право на существованіе,—на трудъ,—на сопротивленіе гнету и другія радикальныя требованія демократической программы; съ другой,—утвержденіе о несовмѣстимости съ человѣческой природой соціалистическаго строя и т. п.

Приведенныя соображенія можно обратить и противъ писателей, утверждающихъ необходимость частной собственности для свободнаго развитія личности, для всесторонняго проявленія ея хозяйственной дѣятельности и т. д. Ни одно изъ этихъ утвержденій не было никогда доказано, и всѣ они стоятъ въ противорѣчіи съ тѣмъ хорошо извѣстнымъ фактомъ, что большинство людей живетъ безъ собственности или, по крайней мѣрѣ, той собственности, которая служитъ для производства новыхъ благъ и одна лишь и подходитъ къ аргументаціи защитниковъ постояннаго соотвѣтствія между порядкомъ частной собственности и интересами народнаго хозяйства. Живая-же дѣйствительность указываетъ на множество собственниковъ, ровно ничего не производящихъ. Поэтому и неудивительно, если частная собственность подвергается самой жестокой критикѣ съ той же точки зрѣнія „личности“, съ которой она защищается настоящими теоріями. Въ самомъ дѣлѣ, если бы понятія личности, свободы и частной собственности были соотносительны, то отсюда слѣдовалъ бы тотъ выводъ, что всѣ люди должны быть собственниками, такъ какъ они всѣ свободны. Но едва-ли нужно говорить, что самый бѣглый взглядъ на хозяйственныя отношенія какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ—не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что огромное большинство дѣятелей народнаго хозяйства было исключено и остается исключеннымъ почти безусловно изъ отношеній продуктивной собственности, т. е. не получаетъ вовсе этой собственности. Отсюда понятно само собою, почему существующій порядокъ частной собственности не достигаетъ и не можетъ достигнуть какъ разъ тѣхъ цѣлей свободнаго развитія

личности и всесторонняго обнаруженія ея хозяйственной дѣятельности, на которыхъ такъ настаиваютъ почти всѣ теоріи „естественнаго права“ въ ихъ отношеніи въ частной собственности.

Замѣчу, наконецъ, что и то „естественное право“, на которое ссылаются постоянно сторонники упомянутыхъ теорій, скорѣе осуждаетъ, нежели оправдываетъ порядокъ частной собственности. Древнѣйшіе памятники письменности, греческіе и латинскіе поэты вспоминаютъ, какъ извѣстно, не разъ о томъ золотомъ вѣкѣ, когда люди не знали еще раздѣла земель и жили въ условіяхъ счастливой общности имуществъ. Древніе философы, опираясь на тѣ же воспоминанія, часто выдвигаютъ преимущества равнаго для всѣхъ пользованія землей, и Платонъ, напр., въ 3-ей книгѣ своего трактата о „Законахъ“ показываетъ, что общность имуществъ необходима для поддержанія чистоты нравовъ, добродѣтели и свободы. Отсюда уже видно, что, по крайней мѣрѣ, классическая древность не производила частной собственности изъ такъ-называемаго „естественнаго состоянія“, и плебеи въ Римѣ, когда они проводили аграрные законы, также утверждали, что патриціи захвативъ собственность на государственныя земли, нарушили въ свою пользу „естественные законы“. Съ наступленіемъ христіанской эры, порядокъ частной собственности становится предметомъ жестокихъ нападокъ со стороны богослововъ, ссылающихся противъ него опять на принципы „естественнаго права“. Нѣсколько извѣстныхъ отрывковъ изъ писаній святыхъ отцовъ IV в. покажутъ, что частная собственность бичевалась уже въ этихъ писаніяхъ съ неменьшей рѣзкостью, чѣмъ мы видимъ это въ современной полемической литературѣ, и бичевалась не по чему иному, какъ по тому же „естественному праву“, которое стало впослѣдствіи ея главнымъ оплотомъ. „По справедливости, все должно принадлежать всѣмъ. Частная собственность создана несправедливостью“,—писалъ Климентъ Александрійскій. „Богатый—воръ; было бы лучше, если бы всѣ имущества находились въ общеніи“,—говорилъ св. Василій. „Природа установила общность имуществъ, а захваты произвели частную собственность“,—утверждалъ св. Амвросій. Еще опредѣленнѣе выражался св. Іеронимъ: „Богатство—всегда продуктъ воровства, которое совершается, если не настоящимъ собственникомъ, то его предками“. Наконецъ, у Іоанна Златоуста мы читаемъ: „Кому ты обязанъ своимъ богатствомъ? Ты скажешь: отцу или предку. Но какъ бы высоко ты ни подымался по линіи предковъ, чтобы доказать законность твоего богатства, ты не придешь никогда къ этой цѣли. Основаніе и источникъ твоего иму-

щества—въ несправедливости. Почему? А потому, что Богъ не создалъ одного бѣднымъ, а другого—богатымъ. Онъ отдалъ землю всѣмъ сообща. И только потому, что люди пытаются стать исключительными владѣльцами того или другого имущества, между ними возникаютъ споры, возмущающіе самую природу, такъ какъ, произнося печальныя слова: „мое“ и „твое“, человѣкъ стремится разъединить то, что соединено Богомъ. Объ имуществахъ, состоящихъ въ общемъ владѣніи не споритъ никто, тогда какъ о другихъ—идетъ безпрестанный споръ“. Эта аргументація заключается слѣдующей дилеммой: „тотъ, кто имѣетъ богатство, не добръ: если онъ добръ, онъ отдастъ его,—если онъ отдастъ его, онъ перестанетъ его имѣть“.

Такимъ образомъ, отцы церкви не колебались провозглашать несовмѣстимость частной собственности съ „естественнымъ правомъ“, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., блаж. Августинъ, прямо объявляли, что собственность идетъ отъ императоровъ, т.-е. „положительнаго“, а не „естественнаго“ закона. Тому же училъ впослѣдствіи Боссюэтъ, и то же мы находимъ и въ современной католической доктринѣ. Боссюэтъ говорилъ: „Отбросьте правительство,—и земля, и всѣ ея произведенія будутъ такъ же общи людямъ, какъ свѣтъ и воздухъ. Согласно этому первоначальному праву природы, никто не имѣетъ ни на что своего особаго права. Съ установленіемъ правильнаго правительства, никому такъ же не предоставляется права занимать земли по своему усмотрѣнію... Отсюда—происхожденіе собственности и всякаго права вообще отъ правительственной власти“. Въ наши дни архіепископъ Балтиморскій Айрландъ говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей: „Богословіе учитъ, что человѣческій родъ не долженъ существовать для пользы небольшого числа людей, и что частная собственность дѣлается общей, когда нужда стучится въ двери“. Недавно умершій кардиналъ Мэнингъ не затруднялся формулировать такое положеніе: „Человѣкъ, умирающій отъ голода, имѣетъ естественное право на хлѣбъ своего ближняго“. Наконецъ, въ знаменитой папской энцикликѣ Rerum novarum Льва XIII мы читаемъ слѣдующее: „Пусть богатые помнятъ, что эксплуатировать бѣдность и нищету и спекулировать на нужду—значитъ совершать дѣйствія, одинаково осуждаемыя божескими и человѣческими законами. Преступленіемъ же, взывающимъ къ карѣ на небѣ, было бы и лишеніе кого-либо плодовъ его труда“. (См. Tarbouriech, Essai sur la propriété).

Приведенныя цитаты показываютъ достаточно ясно, что „естественное право“, если бы даже оно не было химерой, не могло бы

дать никакого аргумента за обоснованіе на немъ собственности, встрѣчающей какъ разъ здѣсь скорѣе свое опроверженіе, чѣмъ подтвержденіе. Вотъ, почему защитники частной собственности и вынуждены обращаться къ другимъ теоріямъ и пытаться обставлять ихъ серьезнѣе, чѣмъ это дѣлали старые и новые учителя „естественнаго права“.

Первая и самая старая изъ этихъ теорій, къ которой сводятся, въ сущности, и двѣ другія, носитъ названіе теоріи *„оккупаціи“* или *„овладѣнія“*. Она принималась охотно римскими юристами, считавшими ее соотвѣтствующей „естественному праву“, и защищалась какъ знаменитымъ возродителемъ этого „естественнаго права“ въ новой Европѣ, Гуго Гроціемъ, такъ и многими новыми юристами. Сущность этой теоріи состоитъ въ обоснованіи собственности на актѣ первоначальнаго овладѣнія вещью, не стоявшей до того ни въ чьемъ обладаніи, и въ признаніи этого овладѣнія обществомъ при посредствѣ молчаливо заключаемаго договора или велѣнія закона. Каждый, для удовлетворенія своихъ потребностей, имѣетъ, въ силу этой теоріи, право на присвоеніе себѣ вещей, никому въ данный моментъ не принадлежащихъ, не состоящихъ, пока-что, ни въ чьемъ обладаніи и переходящихъ уже поэтому и сами собою въ собственность того, кто впервые ими овладѣваетъ. Такое овладѣніе *res nullius*, или такъ-называемой, *„безхозяйной вещью“*, приноситъ пользу тому, кто его совершаетъ, черезъ него—всему обществу, и никому не вредитъ. Поэтому и современное право,—давно санкціонировавшее такой порядокъ частной собственности, при которомъ пріобрѣтеніе ея происходитъ, въ видѣ общаго правила, только по передачамъ собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія,—допускаетъ законность пріобрѣтенія этого права и путемъ охоты, рыбной ловли, сбора дикихъ плодовъ и травъ, растущихъ по дорогамъ и другимъ мѣстамъ, состоящимъ въ общемъ пользованіи. Само собою разумѣется, что эта теорія обоснованія собственности распространяется одинаково какъ на индивидуальную, такъ и на коллективную собственность, такъ какъ первоначальными заимщиками никому не принадлежащихъ вещей могутъ быть и отдѣльныя лица, и тѣ или другія совокупности отдѣльныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ спору, что большинство сторонниковъ теоріи „овладѣнія“ имѣетъ въ виду, преимущественно, частную собственность.

Оцѣнивая изложенную теорію, нельзя прежде всего не замѣтить, что она смѣшиваетъ историческое происхожденіе права собственности съ его философскимъ обоснованіемъ и совпадаетъ въ этомъ отношеніи съ разсмотрѣнными выше теоріями „естествен-

наго права“, которыя соприкасаются съ нею и не въ одномъ этомъ пунктѣ. Овладѣніе вещами, никому не принадлежащими, можетъ быть признано, какъ мы увидимъ это при историческомъ обозрѣніи права собственности, однимъ изъ главныхъ способовъ его первоначальнаго установленія, но вовсе не общимъ или единственнымъ источникомъ этого права. Что касается философскаго обоснованія собственности на первоначальномъ овладѣніи, то противъ него поднимается съ самаго начала слѣдующее возраженіе. Какъ происходитъ это овладѣніе? Свободно-ли оно отъ насилія, хитрости и другихъ нравственно-осуждаемыхъ дѣйствій? Можетъ-ли овладѣніе быть само по себѣ законно? Эти вопросы, въ виду несомнѣнной связи философіи права съ моралью, нельзя считать безразличными, и если бы на нихъ можно было отвѣтить утвердительно, то мы могли бы еще думать объ оправданіи собственности овладѣніемъ, предполагая существованіе причинной связи между фактами овладѣнія и установленія собственности. Но не говоря отомъ, что эта причинная связь никогда не была установлена, мы полагаемъ, что овладѣніе есть фактъ, вовсе не носящій въ себѣ, своего оправданія и могущій лишь найти это оправданіе въ какомъ-нибудь высшемъ принципѣ. Владѣніе—если не говорить о не относящемся сюда техническомъ институтѣ этого же имени—способно быть только послѣдствіемъ, но никакъ не основаніемъ права, и сами сторонники настоящей теоріи постоянно признаютъ, что первоначальное овладѣніе и, особенно, то, которое касается земли, не обходится, въ видѣ общаго правила, безъ фактовъ насилія и обмана. Послѣ этого признанія, оправданіе собственности овладѣніемъ было бы равносильно оправданію ея обманомъ и насиліемъ.

Отмѣчу, далѣе, указаніе соціалистической критики на то, что „овладѣніе“, даже при предположеніи его правильнымъ и свободнымъ отъ всѣхъ пороковъ, можетъ касаться только тѣхъ вещей, которыя способны къ овладѣнію. Этой способности лишена какъ разъ земля, составляющая главный предметъ частной собственности и, притомъ, такой предметъ, который данъ самой природой и не долженъ бы быть захватываемъ немногими въ ущербъ многимъ—такъ же, какъ солнечная теплота, сила вѣтра, проточная вода и т. п. Отсюда—естественный протестъ противъ несправедливой привилегіи первыхъ заимщиковъ земли: эта привилегія заставляетъ страдать всѣхъ тѣхъ, единственная вина которыхъ заключается въ появленіи на свѣтъ послѣ первыхъ заимщиковъ. Пусть каждое поколѣніе заботится объ удовлетвореніи своихъ непосредственныхъ нуждъ и вступаетъ во владѣніе всѣми безхозяйными вещами, необходимыми для его прямого потребленія.

Это было бы справедливо. Но несправедливость начинается тамъ, гдѣ одно поколѣніе хочетъ исключить всѣ слѣдующія за нимъ поколѣнія изъ пользованія какъ разъ тѣми вещами, которыя оно само признало для себя наиболѣе дорогими.

Слѣдуетъ идти еще далѣе и утверждать, что земля не была никогда *res nullius* или безхозяйной вещью, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Къ какой бы древности мы ни восходили, земля представляется намъ всюду, при начальныхъ стадіяхъ общественной организаціи, въ коллективной собственности племени, рода и другихъ союзовъ, среди которыхъ не возникаетъ долго и мысли о томъ, чтобы какое-нибудь отдѣльное лицо могло имѣть исключительное и наслѣдственное право собственности на тотъ или другой участокъ земли. Когда же это право устанавливается, то мы видимъ, что оно и устанавливается не иначе, какъ съ согласія и признанія той общественной группы, къ которой принадлежитъ лицо, занимающее тотъ или другой участокъ земли въ частную собственность.

Вотъ существенныя возраженія противъ теоріи, обосновывающей собственность на фактѣ овладѣнія безхозяйными вещами,— возраженія, которыя привели нѣкоторыхъ новыхъ писателей, какъ, напр., Фуллье, въ цитированномъ уже нами сочиненіи, къ признанію, рядомъ съ правомъ такъ-наз. *перваго оккупанта,* т.-е перваго заимщика земли, и права *послѣдняго оккупанта,* долженствующаго служить границей перваго.

Тѣ же возраженія обращаются съ равной силой и противъ теоріи *„завоеванія“*, объясняющей собственность побѣдой надъ непріятелемъ и не представляющей, въ сущности, ничего иного, какъ частный случай примѣненія теоріи „овладѣнія“. Относясь въ дѣйствительности къ одной поземельной собственности и опираясь также на неправильныя обобщенія римскихъ юристовъ,— утверждавшихъ, что „добыча, взятая у непріятеля, составляетъ важнѣйшій источникъ права собственности“, и что пріобрѣтеніе этой добычи есть опять „послѣдствіе естественнаго права“,—эта теорія, какъ и предшествующая, предполагаетъ рѣшеннымъ тотъ самый вопросъ, о которомъ идетъ споръ, а именно,—оправданіе индивидуальной апропріаціи, или индивидуальнаго присвоенія земли.

Соотвѣтствуя, далѣе, римскимъ представленіямъ о войнѣ и завоеваніи, указываемая теорія противорѣчитъ современнымъ представленіямъ по тому же предмету. У римлянъ объявленіе войны, сдѣланное съ соблюденіемъ торжественныхъ формъ и обрядовъ, было равносильно объявленію *res nullius,* или безхозяйными вещами, не только всего имущества непріятеля, но и са-

мого этого непріятеля, который могъ быть, въ случаѣ побѣды, обращенъ и въ рабство. Современное намъ международное право, несмотря на всѣ его органическіе пороки, не допускаетъ подобныхъ послѣдствій объявленія войны и завоеванія. Оно щадитъ, внѣ военныхъ дѣйствій, какъ личность, такъ и частную собственность непріятеля и признаетъ переходъ къ побѣдителю только *государственной собственности* побѣжденнаго, которая мѣняетъ лишь своего субъекта и уже никакъ не можетъ быть привлечена къ рѣшенію вопроса объ оправданіи *частной собственности*.

Больше значенія имѣетъ другая теорія обоснованія собственности, которая связывается обыкновенно съ именемъ знаменитаго англійскаго мыслителя Локка и кладется въ основаніе какъ классической политической экономіи, такъ и соціалитической доктрины К. Маркса и его послѣдователей. Это—извѣстная *„теорія труда"*, представляющая собою, по мнѣнію ея защитниковъ праваго крыла, и экономическое оправданіе собственности, и существеннѣйшую гарантію цивилизаціи. Свое систематическое изложеніе эта теорія нашла въ надѣлавшемъ въ свое время много шума сочиненіи Тьера „De la propriété," которое вышло въ бурную эпоху 1848 г. и, съ одной стороны, повторило всю предшествующую аргументацію въ пользу *„теоріи труда"*, а съ другой—и повторялось несмѣтное число разъ ея послѣдователями какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ.

Аргументація Тьера была такова: человѣкъ заключаетъ въ себѣ самомъ, въ своихъ наклонностяхъ и способностяхъ, первую и неоспоримѣйшую собственность, изъ которой возникаетъ и всякая иная собственность. Это—несомнѣнный перифразъ Локка, который писалъ: „Хотя природа и предоставила все въ общее пользованіе, тѣмъ не менѣе, каждый человѣкъ, будучи хозяиномъ и собственникомъ своей личности, своихъ дѣйствій, своего труда, носитъ всегда въ себѣ самомъ великое основаніе собственности". (Locke. Traité du gouvernement civil, trad. Mazel, III, p. 93). Тьеръ обосновывалъ то же разсужденіе слѣдующимъ образомъ: „Я чувствую, я мыслю, я хочу; эти чувствованія, эти мысли, эти хотѣнія—я отношу къ самому себѣ. Я знаю, что все это происходитъ во мнѣ, и я разсматриваю себя, какъ существо, отдѣльное отъ всего меня окружающаго и различное отъ того необъятнаго міра, который то притягиваетъ меня, то отталкиваетъ, то чаруетъ, то ужасаетъ. Слѣдовательно, я отличаю себя отъ всего остальнаго творенія и сознаю, что принадлежу самому себѣ... Это—моя первая, неоспоримая и нераздѣльная собственность, къ которой никто и никогда не думалъ

примѣнять законовъ Гракховъ". Побуждаемый необходимостью, человѣкъ примѣняетъ свои личныя способности къ труду. „Но разъ онъ ихъ примѣняетъ, очевидная справедливость требуетъ того, чтобы результаты его труда обращались въ его пользу, а не въ пользу кого-либо другого, и дѣлались его исключительной собственностью. Это справедливо, и это необходимо, такъ какъ человѣкъ не сталъ бы трудиться и предался бы грабежу, если бы онъ не былъ увѣренъ въ возможности удержать за собой плоды своего труда. Ему подобные дѣлали бы то же самое, и грабителямъ, которые бросались бы другъ на друга, не оставалось бы вскорѣ грабить ничего, какъ самую природу, и міръ пребывалъ бы въ варварствѣ".

Такимъ образомъ, трудъ, необходимый для производства всѣхъ вещественныхъ благъ, есть основаніе собственности, являющейся одновременно какъ его условіемъ, такъ и результатомъ. И такъ какъ мы всегда свободны дѣлать любое употребленіе изъ вещей, нами законно пріобрѣтенныхъ, то собственность должна быть постоянна и передаваема, какъ по прижизненнымъ сдѣлкамъ, такъ и по наслѣдству. Трудности примѣненія этой теоріи къ поземельной собственности, въ отношеніи къ установленію которой нельзя отрицать значительной роли насилія и другихъ противныхъ праву дѣйствій, Тьеръ думалъ избѣгнуть помощью такого разсужденія: „Съ прогрессомъ нравовъ и знанія, законодательство совершенствуется, и собственность очищается законными передачами. Можно-ли отвѣчать за то, что́ дѣлали нѣсколько столѣтій тому назадъ владѣльцы собственности, нами правильно пріобрѣтенной и оплаченной тѣмъ, что за нее спрашивалось? При хорошемъ законодательствѣ, довольно 50-тилѣтняго оборота имуществъ для того, чтобы вся существующая въ данной странѣ собственность, какъ бы она ни была загрязнена въ своемъ источникѣ, очищалась и узаконялась путемъ передачъ на справедливыхъ условіяхъ. Если намъ скажутъ, что захватчикъ могъ передать только свой захватъ—и ничего болѣе, то здравый смыслъ всѣхъ культурныхъ народовъ давно отвѣтилъ на это возраженіе установленіемъ давности... Она введена именно потому, что продолжительное владѣніе есть предположеніе труда, что ничто не было бы прочно, если бы спорамъ о прошломъ не полагалось того или другого предѣла, что ни одинъ обмѣнъ и ни одна сдѣлка не имѣли бы мѣста, если бы не существовало увѣренности въ томъ, что тотъ, кто владѣетъ въ теченіе извѣстнаго времени извѣстной вещью, владѣетъ ею правильно и можетъ передать ее, кому захочетъ".

Въ заключеніе этой аргументаціи, Тьеръ и его единомышленники стараются показать, что трудъ, дающій основаніе собственности, обращается даже въ пользу тѣхъ, кто не имѣетъ собственности, такъ какъ нигдѣ пролетаріатъ не вознаграждается за свой трудъ такъ щедро, какъ въ странахъ съ наиболѣе развитой частной собственностью.

Противъ всей этой аргументаціи надо указать, прежде всего на то,что она еще болѣе, чѣмъ аргументація учителей „естественнаго права“ и сторонниковъ теоріи „овладѣнія“, смѣшиваетъ обоснованіе собственности съ ея историческимъ возникновеніемъ. Если обоснованіе собственности на трудѣ, т. е. признаніе труда единственнымъ или, во всякомъ случаѣ, такимъ основаніемъ пріобрѣтенія собственности, къ которому должны сводиться всѣ другія основанія ея пріобрѣтенія,—можно считать желательнымъ, то уже много разъ замѣчалось, что это было бы только указаніемъ для будущаго законодателя, идеальной цѣлью будущаго порядка собственности, но никакъ не его исходной точкой и не настоящимъ состояніемъ. Между тѣмъ, послѣдователи „теоріи труда“ думаютъ, что признаніе общественной властью труда основаніемъ пріобрѣтенія собственности,—все равно, въ какую бы форму это признаніе ни облекалось, — представляетъ собою не только идеалъ, но и дѣйствительный порядокъ установленія частной собственности. И такъ какъ они видятъ въ трудѣ основаніе собственности какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, не указывая на то, чтобы трудъ когда-нибудь переставалъ служить такимъ основаніемъ, то противорѣчіе этой теоріи не только съ исторіей, но и съ современными состояніями собственности — становится вопіющимъ. Не будь этого противорѣчія, всякій, кто затрачивалъ бы на какой-нибудь продуктъ извѣстную сумму труда, дѣлался бы необходимо его собственникомъ или въ цѣломъ, или въ части, соотвѣтствующей затраченному труду. Столяру принадлежала бы собственность на шкафъ, сдѣланный имъ изъ чужого дерева; земледѣлецъ, расчистившій извѣстное пространство земли, получалъ бы на него право собственности; всякій арендаторъ, воздѣлывающій чужую землю, имѣлъ бы на нее болѣе правъ, чѣмъ устанавливающій эту аренду собственникъ земли. Во всякомъ случаѣ, у собственника земли не было бы никакихъ правъ на улучшенія этой земли и повышеніе ея цѣнности, произведенныя трудомъ арендатора; онъ былъ бы лишенъ и права на увеличеніе арендной платы, такъ какъ подобное увеличеніе означало бы присвоеніе имъ себѣ плодовъ чужого труда. Напротивъ, арендаторъ земли

долженъ былъ бы пріобрѣтать, на основаніи произведенныхъ имъ улучшеній этой земли, участіе въ собственности на нее, пропорціональное сдѣланнымъ улучшеніямъ и постоянно прогрессирующее, по мѣрѣ возвышенія цѣнности земли. Нельзя было бы признать и наслѣдственнаго перехода собственности, такъ какъ, если бы собственность была только вознагражденіемъ за приложенный къ ней трудъ, ей наступалъ бы конецъ съ оплатой этого труда, и наслѣдственный переходъ противорѣчилъ бы измѣренію собственности количествомъ или временемъ затрачиваемаго на нее труда.

Вотъ нѣкоторыя изъ послѣдствій, непосредственно вытекающія изъ „теоріи труда" и отчасти признанныя рѣдкими пока законодательными актами, свидѣтельствующими, однако, этимъ признаніемъ какъ о зернѣ истины, заключающемся въ трудовой теоріи, такъ и о возможности ея примѣненія, если не ко всѣмъ, то къ отдѣльнымъ отношеніямъ собственности. Но важнѣйшая и принципіальная сторона этихъ послѣдствій не признавалась никогда ни прошлыми, ни новыми законодательствами, постоянно допускавшими, напротивъ, монополизированіе собственности въ рукахъ немногихъ и рожденіе цѣлаго ряда поколѣній, заранѣе лишенныхъ всякой надежды на приближеніе къ продуктивной собственности; эти же поколѣнія отдавались въ отношеніи къ осуществленію ихъ труда, долженствующаго служить источникомъ существованія и собственности всѣхъ, на произволъ тѣхъ, кто, въ большинствѣ случаевъ, вовсе не трудился и только держалъ въ своихъ рукахъ орудія труда. Простѣйшее объясненіе этого противорѣчія лежитъ, какъ мы уже на это указывали, въ зависимости порядка собственности отъ существующихъ въ той или другой странѣ отношеній власти, которыя сосредоточиваютъ собственность въ рукахъ однихъ и лишаютъ ея всѣхъ другихъ. Въ этихъ условіяхъ, господствовавшихъ, въ разной степени, въ прошломъ и господствующихъ въ настоящемъ, „теорія труда" обращается противъ того самаго порядка собственности, который она стремится защитить, и о трудѣ, какъ единственномъ реальномъ источникѣ и основаніи этого права, не можетъ быть рѣчи.

Другое существенное возраженіе противъ теоріи, обосновывающей собственность на трудѣ, указываетъ на неправильность лежащаго въ ея корнѣ индивидуалистическаго ученія о производствѣ, созданнаго школами физіократовъ и Ад. Смита. Въ силу этого ученія индивидуальный трудъ, поддержанный эвентуально капиталомъ, какъ продуктомъ прежняго труда и его сбереженій, обладаетъ производительной силой самъ по себѣ, т. е. независимо

отъ общественныхъ и государственныхъ условій своего примѣненія. Но теперь едва-ли возможно сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на всю силу инстинкта эгоизма въ человѣкѣ, склоняющаго его считать себя полнымъ хозяиномъ какъ своихъ физическихъ и умственныхъ способностей, такъ и плодовъ своего труда, соціальная жизнь становится всегда поперекъ этому притязанію и дѣлается участницей во всемъ, что каждый изъ насъ имѣетъ и дѣлаетъ. Прежде всего, безъ соціальной или коллективной жизни не могли бы существовать и тѣ способности, которыми мы такъ справедливо гордимся. Предполагаемыя этой жизнью, сношенія людей другъ съ другомъ необходимы для развитія ума и навыковъ, — въ свою очередь, необходимыхъ для производства богатствъ. Если бы еще какая нибудь цѣнность могла создаваться исключительно индивидуальнымъ трудомъ, то мы были бы въ правѣ говорить о собственности, основанной на трудѣ. Въ этомъ случаѣ трудъ, безъ котораго не существовало бы цѣнности, служилъ бы дѣйствительнымъ основаніемъ и права на эту цѣнность. Но на дѣлѣ каждый индивидъ создаетъ только форму продукта, а не его матеріалъ, который доставляется природой. Сюда присоединяется, въ качествѣ опредѣляющаго условія, и участіе общества, и всего человѣчества въ созданіи каждаго продукта, такъ что, въ послѣднемъ анализѣ, частная собственность, какъ и всякая другая, оказывается заключенной между двухъ полюсовъ: индивидуальнаго и соціальнаго. Каждый изъ насъ обремененъ уже при рожденіи тяжелыми обязанностями въ отношеніи къ другимъ, и, въ обмѣнъ за все получаемое отъ среды, мы и отдаемъ ей значительную часть своей энергіи и своего имущества. Говоря иначе, каждая собственность является, по необходимости, отчасти индивидуальной, отчасти соціальной.

Къ приведеннымъ соображеніямъ противъ „теоріи труда“ присоединяются еще другія, имѣющія особое значеніе въ отношеніи къ поземельной собственности. Кто даетъ ей высокую экономическую цѣнность, какъ не общество? Изолированный индивидъ не достигъ бы никогда положенія богатаго землевладѣльца: какъ бы обширны и плодоносны ни были занятыя имъ земли, онѣ не доставили бы ему ни избытка, ни богатства. Почему въ Турціи и въ другихъ варварски управляемыхъ странахъ земля приноситъ несравненно меньше дохода и стоитъ въ десятки и сотни разъ дешевле, чѣмъ въ благоустроенныхъ обществахъ? Участіе природы, общества и всего міра въ созданіи предметовъ собственности говоритъ съ особен-

ной силой противъ трудовой теоріи въ ея примѣненіи именно къ поземельной собственности, оправданіе которой съ точки зрѣнія труда становится совершенно невозможнымъ. Если трудъ, вслѣдствіе того, что имъ создается только форма, а не матеріалъ продукта, не даетъ отдѣльному лицу исключительнаго права даже на движимости, произведенныя его дѣятельностью, то земля и ея растительная энергія совсѣмъ уже не создаются человѣкомъ и никакъ не могутъ вести къ оправданію частной собственности на основаніи труда, приложеннаго къ ея предмету. Говорятъ, что эта собственность оправдывается тѣмъ, что владѣлецъ ея усиливаетъ производительность земли и поднимаетъ ея цѣнность дѣлаемыми въ ней улучшеніями. Но это могло бы, въ лучшемъ случаѣ, оправдать частную собственность на произведенныя въ землѣ улучшенія, но вовсе не на самую землю, которой, какъ „дару природы", ничто не мѣшало бы оставаться и внѣ апропріаціи въ видѣ частной собственности. Вотъ, что говоритъ по этому поводу Г. Спенсеръ въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій, озаглавленномъ „Соціальная Статистика": „Лишать людей ихъ права пользованія землей равносильно преступленію, уступающему, по своей безнравственности, развѣ лишенію ихъ жизни или личной свободы. Даже равный раздѣлъ земли между ея обитателями не могъ бы вести къ такой частной собственности, которая была бы законна. Земля есть общее достояніе всѣхъ поколѣній, и эта теорія сонаслѣдства всѣхъ людей стоитъ въ гармоніи съ самой высокой цивилизаціей. Осуществить ее, можетъ быть, трудно, но это—требованіе справедливости".

Замѣчу, наконецъ, что обоснованіе поземельной собственности на трудѣ сводится, въ концѣ концовъ, къ обоснованію ея на овладѣніи или давности. Первое изъ этихъ основаній слѣдуетъ отвергнуть уже потому, что нѣтъ, кажется, ни одного сторонника „теоріи труда", который бы не былъ вынужденъ къ признанію, что первоначальное овладѣніе соединяется въ большинствѣ случаевъ съ насиліемъ. Что касается давности, то ссылаться на нее при обосновании собственности — значитъ или не понимать смысла этого учрежденія, или играть словами. Ни одинъ юристъ не думалъ никогда, чтобы давность имѣла цѣлью узаконять насиліе или воровство. Напротивъ, всѣ юристы были согласны всегда въ томъ, что цѣль этого института состоитъ въ укрѣпленіи уже существующей собственности путемъ облегченія ея доказательства, исключительно въ виду интересовъ законныхъ собственниковъ. Если же давностью пользуются и не-собственники, то это ея случайное послѣдствіе, допускаемое только потому, что иначе нельзя было бы

осуществить тѣхъ выгодъ, которыя давность приноситъ настоящимъ собственникамъ. Сверхъ того, ссылаться на давность—значитъ, въ сущности, отказываться отъ оправданія собственности. Время, являющееся, по одной итальянской поговоркѣ, большимъ дипломатомъ, не можетъ измѣнить характеръ ни одного дѣйствія и сдѣлать справедливымъ то, что было въ самомъ началѣ несправедливо.

Въ виду всего сказаннаго, становится само собою понятнымъ, почему противники поземельной собственности могутъ обращать противъ нея даже тѣ аргументы, которыми ревнители „теоріи труда“ пользуются съ особымъ предпочтеніемъ.

Припомню имѣвшее лѣтъ 20 тому назадъ большой успѣхъ сочиненіе H. George'a „Progress and Poverty“, гдѣ съ чрезвычайной страстностью и остроуміемъ было обнаружено противорѣчіе извѣстной теоріи поземельной ренты Рикардо съ его же обоснованіемъ собственности на трудѣ. Трудно было, дѣйствительно, придумать обоснованіе, такъ мало вязавшееся съ теоріей, укрѣпляющей за поземельными собственниками такую привилегію, которая предоставляетъ имъ спать на розахъ и спокойно ожидать, съ правильнымъ ростомъ народонаселенія, вѣрнаго и неограниченнаго повышенія цѣнъ на ихъ земли. Правда, эта теорія была впослѣдствіи исправлена Кэри и другими экономистами, указавшими на тѣ измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя не могли быть предусмотрѣны Рикардо и которыя обусловили высшую цѣнность новыхъ земель сравнительно съ ранѣе занятыми землями. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайное увеличеніе цѣнности земель въ большихъ городахъ и земель, заключающихъ въ себѣ угольныя и другія минеральныя богатства, дало въ руки критиковъ поземельной собственности такія доводы противъ этой собственности, силу которыхъ нельзя было и подозрѣвать въ то время, когда жилъ знаменитый авторъ теоріи поземельной ренты.

Точно также и А. Смитъ, родоначальникъ классической политической экономіи, далъ въ руки современному соціализму главный матеріалъ какъ для построенія его такъ называемой „трудовой теоріи цѣнности“, такъ и для нападенія съ ея помощью на современный порядокъ собственности, который, обезпечивая, подъ предлогомъ покровительства труду, ренты цѣлымъ поколѣніямъ нетрудящихся и неспособныхъ, лишаетъ, въ то же время, собственности тѣхъ, кто активно участвуетъ въ народномъ производствѣ. Но трудовая теорія собственности современнаго соціализма, не выраженная имъ ясно только по пренебрежительному отношенію ко всѣмъ вопросамъ права, но вытекающая неизбѣжно

изъ его-же трудовой теоріи цѣнности, остается въ своихъ теоритическихъ посылкахъ той же, что и трудовая теорія собственности классической политической экономіи. Поэтому она открыта для большинства возраженій, приведенныхъ выше противъ этой теоріи, хотя главное изъ этихъ возраженій, указывающее на противорѣчіе трудовой теоріи съ господствующимъ порядкомъ частной собственности, не затрагиваетъ соціалистической доктрины уже потому, что эта послѣдняя приходитъ послѣдовательно отъ посылокъ трудовой теоріи цѣнности къ отрицанію частной собственности на средства производства и обмѣна и требуетъ—по крайней мѣрѣ, на эти предметы—установленія коллективной собственности.

Особаго упоминанія—какъ по значительнымъ отступленіямъ отъ господствующей въ современной соціалистической литературѣ доктрины К. Маркса, такъ и по выраженію основныхъ требованій практическаго соціализма въ точно опредѣленныхъ юридическихъ формулахъ —заслуживаетъ новая попытка обоснованія собственности, сдѣланная А. Менгеромъ въ его послѣднемъ и цитированномъ уже нѣсколько разъ сочиненіи: „Neue Staatslehre“. Менгеръ исходитъ при своемъ построеніи собственности, съ одной стороны, изъ противоположенія между современнымъ индивидуалистическимъ и будущимъ соціалистическимъ государствомъ и, съ другой,—изъ самаго основного изъ всѣхъ правъ, *„права на жизнь“* или *„на существованіе“*, не признаннаго въ индивидуалистическомъ, но предполагаемаго обезпеченнымъ за каждой человѣческой личностью въ соціалистическомъ государствѣ.

Противоположеніе между индивидуалистическимъ и соціалистическимъ строемъ характеризуютъ обыкновенно тѣмъ, что въ первомъ вся хозяйственная дѣятельность считается сосредоточенной въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, тогда какъ во второмъ она предполагается въ распоряженіи государства и другихъ общественныхъ союзовъ. Менгеръ признаетъ эту характеристику, если не невѣрной, то не исчерпывающей. Сущность современнаго индивидуалистическаго государства состоитъ, по его мнѣнію, скорѣе въ томъ, что интересы сильныхъ составляютъ въ немъ почти исключительный предметъ государственной дѣятельности, между тѣмъ какъ интересы слабыхъ соображаются или въ рѣдкихъ случаяхъ, или на второмъ планѣ. Предоставленіе хозяйства свободной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ есть только послѣдствіе этого порядка, допускаемое потому, что хозяйственные интересы сильныхъ и имущихъ классовъ удовлетворяются этимъ путемъ лучше, чѣмъ они могли бы удовлетворяться при какомъ бы то ни было

государственномъ вмѣшательствѣ. То, что называютъ „цѣлью государства“, есть въ этихъ условіяхъ не что иное, какъ направленіе, сообщаемое дѣятельности государства сильнымъ меньшинствомъ. Большинство же не имѣетъ права даже выбора своихъ господъ, такъ какъ никто не можетъ оставить подданство, не разрывая всѣхъ связей съ родной землей. Государство простираетъ свое верховенство на всѣ земли, которыя оно можетъ захватить, не спрашивая согласія присоединяемаго къ себѣ населенія. Дѣятельность его направлена здѣсь, главнымъ образомъ, на поддержаніе и расширеніе власти правителя, веденіе внѣшнихъ сношеній, расходы на войско, платежи по военнымъ долгамъ, содержаніе судебной и административной юстиціи, охраняющей опять болѣе всего правящіе классы въ ихъ имуществѣ и привилегіяхъ, и т. д. Если существуютъ учрежденія, обращающіяся въ пользу народныхъ массъ, какъ, напр., народныя школы, санитарное законодательство и т. п., то, въ сравненіи со всей совокупностью государственной дѣятельности, эти заботы о народѣ слишкомъ недостаточны и нѣсколько расширены лишь въ послѣднее время, благодаря новому рабочему законодательству. И для индивидуалистическаго государства достаточно характерно уже то, что, за много вѣковъ своего существованія, оно открыло эти народные интересы только въ XIX в.

Въ противоположность этому традиціонному типу государства, развившемуся изъ военныхъ и политическихъ отношеній на почвѣ силы и власти, соціалистическое государство обращаетъ свои главныя заботы на индивидуальные интересы народныхъ массъ. Объ отождествленіи интересовъ правящихъ и имущихъ классовъ съ общимъ благомъ, именемъ котораго прикрывается теперь такъ часто благо одного сильнаго меньшинства, здѣсь не можетъ быть рѣчи. Сохраненіе и развитіе индивидуальнаго бытія, продолженіе рода, обезпеченіе жизни, достаточное питаніе, здоровыя жилища, соотвѣтственная одежда, удовлетвореніе духовныхъ потребностей, благоустроенная семейная жизнь, неприкосновенность личности, свобода совѣсти, свобода слова и пр. — вотъ самые дорогіе для всѣхъ интересы, служенію которыхъ посвящаетъ себя соціалистическое государство. И если какіе-нибудь интересы заслуживаютъ названія общихъ или „публичныхъ“,— это, конечно, упомянутые сейчасъ интересы, по сравненію съ которыми все, что называютъ теперь публичнымъ интересомъ, т. е. то, что относится къ традиціонной государственной жизни, отступаетъ само собою на задній планъ. Одинъ изъ главныхъ недостатковъ современнаго общественнаго строя состоитъ, по мнѣнію Менгера,

именно въ томъ, что важнѣйшія и наиболѣе общія цѣли человѣческой жизни отнесены въ немъ къ области частнаго или гражданскаго права, и каждому предоставлено достигать этихъ цѣлей на свой страхъ и собственными средствами. Напротивъ, соціалистическое государство исходитъ отъ мысли, что развитіе личности, продолженіе рода, обезпеченіе жизни, здоровья, духовныхъ силъ и пр.—составляютъ для всѣхъ важнѣйшія цѣли жизни, которыя уже поэтому должны быть и главнымъ предметомъ государственной дѣятельности. Разсматривая же сохраненіе и продолженіе индивидуальнаго бытія, какъ настоящее общее благо, необходимо согласиться на радикальныя преобразованія въ современномъ имущественномъ и семейномъ правѣ. То и другое составляютъ въ индивидуалистическомъ государствѣ дѣло каждаго отдѣльнаго лица, которое и ведетъ его на свой рискъ въ тѣсныхъ рамкахъ гражданскаго права. Напротивъ, соціалистическое государство, въ первый разъ со времени возникновенія государства, хочетъ взять въ свои руки осуществленіе наиболѣе жизненныхъ интересовъ своихъ членовъ. Это само собою отодвигаетъ назадъ тѣ интересы, которые мы называемъ теперь публичными, и которые въ дѣйствительности являются лишь интересами правящихъ классовъ. Участіе въ управленіи государствомъ выступаетъ въ соціалистической правовой системѣ только средствомъ для обезпеченія болѣе существенныхъ интересовъ индивидуальнаго бытія.

Такая радикальная перестановка задачъ государственной дѣятельности должна, естественно, отражаться не только на имущественномъ и семейномъ правѣ, но и на всѣхъ элементахъ общественнаго строя. Мы имѣемъ, однако, дѣло съ однимъ имущественнымъ правомъ и можемъ сказать, слѣдуя Менгеру, что если соціалистическое государство ставитъ своей высшей цѣлью сохраненіе и продолженіе индивидуальнаго бытія всѣхъ своихъ членовъ, то и права, служащія достиженію этой цѣли, должны отойти здѣсь отъ индивида къ государству.

На первомъ планѣ этихъ правъ стоитъ собственность, которая составляетъ въ индивидуалистическомъ государствѣ институтъ частнаго или гражданскаго права и переходитъ въ соціалистическое государство институтомъ публичнаго права. И это не можетъ быть иначе, такъ какъ, возникнувъ изъ преобладанія сильнаго, будучи поддерживаема силой, она дѣлается, въ свою очередь, общественной силой, обезпечивающей теперь во всѣхъ договорахъ,—напр., найма, займа, рабочаго договора и т. д.,—выгоды и господство тѣхъ, кто держитъ эту силу въ своихъ рукахъ. Но по-

добно тому, какъ всѣ другія общественныя силы, напр., власти: судебная, административная, военная и т. д., перешли въ руки государства, такъ же точно и наслѣдственная собственость гражданскаго права— этотъ послѣдній остатокъ феодальнаго порядка—должна утратить свой характеръ частнаго и привилегированнаго имущества для того, чтобы перейти также въ руки государства и обратиться изъ индивидуальной въ коллективную. Это необходимо, какъ скоро мы признаемъ за каждымъ индивидомъ „право на жизнь“ или „на существованіе“, т. е. принципъ, по которому „каждая потребность имѣетъ право на удовлетвореніе въ мѣру представляющихся на лицо средствъ“, такъ что *потребности,* въ силу этого принципа, служатъ, сами по себѣ, и основаніемъ для пріобрѣтенія собственности. Этотъ принципъ, исторія котораго еще не написана, предполагается большинствомъ системъ такъ-называемаго „утопическаго соціализма“; онъ проводился также на практикѣ квакерскими общинами XVII и XVIII вв., равно какъ и нѣкоторыми мѣрами Національнаго Конвента и его провинціальныхъ делегатовъ въ эпоху первой французской революціи; наконецъ, онъ находитъ свое частичное примѣненіе и въ законодательствѣ о призрѣніи бѣдныхъ (См. Andler, предисловіе къ французскому переводу другого сочиненія Менгера, озаглавленному „Le droit au produit intégral du travail“, и Aulard, „Les origines du socialisme français“ (La Revue de Paris, 15 août, 1899 г.). Но значеніе этого принципа не ограничивается его фактическими обнаруженіями. Онъ не можетъ быть замѣненъ никакимъ инымъ принципомъ, его нельзя, устранить, и вотъ почему. Принципъ такъ-наз. *„права на трудъ“* (droit au travail), полагаемый многими соціалистическими системами и, въ ихъ числѣ, системой К. Маркса, въ основаніе какъ критики существующаго, такъ и перспективы новаго строя общества, встрѣчаетъ противъ себя два существенныхъ возраженія, изъ которыхъ одно указываетъ на фактъ періодической безработицы, а другое—на имѣющійся во всякомъ обществѣ постоянный контингентъ людей, неспособныхъ къ труду. Безработица, какъ послѣдствіе перепроизводства и вытекающихъ отсюда кризисовъ, могла бы быть избѣгнута только отреченіемъ отъ прибыли, существованіе которой стоитъ, такимъ образомъ, поперекъ дороги осуществленію „права на трудъ“. Неспособность къ труду малолѣтнихъ, стариковъ, больныхъ, увѣчныхъ и т. д. приводитъ къ необходимости, съ одной стороны, охранить рынокъ труда отъ нездоровой конкурренціи и, съ другой,—дать средства къ жизни неспособнымъ къ труду, не уменьшая прибыли тѣхъ, кто къ

нему способенъ. Мѣры, достигающія этой цѣли, могутъ найти свое объясненіе не въ правѣ на трудъ, а только въ правѣ на существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, если всякій продуктъ заключаетъ въ себѣ, какъ на это уже указывалось, не только затраченный на него трудъ, но также сырой матеріалъ, извлеченный изъ земли, то и имущественный обмѣнъ не можетъ строиться на одномъ количествѣ расходуемаго на тотъ или другой продуктъ труда: сверхъ этого количества труда, во всякомъ продуктѣ останется необходимо и та часть земли или иного сырого матеріала, на которую каждый имѣетъ право только потому, что онъ—человѣкъ. То, что мѣшаетъ болѣе всего осуществленію права на существованіе, это—современный намъ порядокъ частной собственности. Для устраненія этого препятствія частная собственность и должна быть превращена въ коллективную, хотя это превращеніе не можетъ быть проведено безъ нѣкоторыхъ исключеній и выражаетъ собою только тенденцію общаго хода развитія соціалистической правовой системы.

Вещи, имѣющія значеніе не только для того или другого народа, но для многихъ народовъ и даже всего культурнаго міра, должны состоять въ собственности всего человѣчества. И такъ какъ преобразованіе правового порядка не слѣдуетъ вести далѣе того, чѣмъ это предписывается общимъ интересомъ, то и соціализація частной собственности должна относиться только къ средствамъ производства и къ вещамъ, способнымъ состоять въ постоянномъ или длящемся пользованіи: сохраненіе частной собственности именно на эти вещи поведетъ къ хозяйственному преобладанію имущихъ надъ неимущими и ко всѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ такого преобладанія. Напротивъ, въ отношеніи къ потребимымъ вещамъ, т. е. къ такимъ, которыя предназначены на непосредственное потребленіе и мало затрагиваютъ интересы общества, частная собственность можетъ быть удержана и въ своей настоящей формѣ. Вотъ эта-то соціализація, т. е. перенесеніе—отъ отдѣльнихъ лицъ на тѣ или другіе общественные союзы—собственности не на всѣ вещи, а лишь на тѣ, которыя или служатъ, какъ средства производства, для воспроизведенія другихъ вещей, или состоятъ предметомъ болѣе или менѣе длящагося пользованія,—эта соціализація и составляетъ характернѣйшій пунктъ соціалистической программы, отличающій, можно сказать, всѣ фракціи соціализма какъ отъ сторонниковъ существующаго порядка собственности, такъ и отъ партіи такъ-наз. „соціальныхъ реформистовъ“, заявляющихъ постоянно желаніе только улучшить, но вовсе не преобразовать дѣйствующую правовую систему.

Я опущу изложеніе другихъ частей книги Менгера, относящихся къ общей теоріи права, къ договорному, наслѣдственному, семейному и государственному праву, хотя критика господствующихъ положеній этихъ отдѣловъ права и предложеніе на ихъ мѣсто новыхъ, соотвѣтствующихъ строю соціалистическаго государства, представляютъ большой интересъ и не могутъ быть безразличны для сужденія о книгѣ Менгера въ ея цѣломъ. Но эти отдѣлы книги не имѣютъ прямого отношенія къ занимающему насъ вопросу о собственности, и я ограничусь замѣчаніемъ, что они только усиливаютъ то впечатлѣніе чистаго *„этатизма“* или преувеличенія роли государственнаго начала, какого не могутъ не производить и изложенные нами отдѣлы ученія Менгера. Государство есть, несомнѣнно, сильнѣйшая изъ существующихъ властей, и соціализмъ стремится, естественно, достигнуть своихъ цѣлей съ его помощью. Но нужно еще знать, какое это можетъ быть государство: современное ли, съ его бюрократическими и милитарными привычками, или новое, преобразованное государство? Менгеръ разсчитываетъ—можетъ быть, съ излишнимъ и, въ общемъ, мало свойственнымъ ему оптимизмомъ—на современное государство и считаетъ, что одного измѣненія въ постановкѣ его цѣлей было бы достаточно и для измѣненія его дѣятельности, и для достиженія новыхъ цѣлей. Полное вытѣсненіе гражданскаго права публичнымъ, соціализація всѣхъ важнѣйшихъ отраслей человѣческой дѣятельности волей одной государственной власти, созданіе ею же автономныхъ общинъ, децентрализирующихъ соціальное производство, государственное распредѣленіе продуктовъ, чрезмѣрное усиленіе административной власти на счетъ судебной и законодательной, полное пожертвованіе свободой договоровъ, свободой ассоціацій и свободой мѣстожительства, ограниченіе контроля законодательныхъ палатъ надъ административной властью—вотъ практическія послѣдствія, вытекающія неизбѣжно изъ „этатизма“ Менгера и вызывающія противъ себя большія возраженія. Но страннымъ противорѣчіемъ этому „этатизму“ является часто выдвигаемое Менгеромъ указаніе на ограниченный интересъ всякихъ политическихъ проблемъ. Это указаніе, очевидно, не мирится ни съ приведенными выше послѣдствіями его доктрины соціализаціи собственности, ни съ его же представленіемъ о государствѣ, какъ о точномъ воспроизведеніи силъ, дѣйствующихъ въ томъ или другомъ обществѣ. Если и конституціонная хартія есть, по выраженію Менгера, не что иное, какъ временное перемиріе, которымъ воюющія стороны обезпечиваютъ за собою и отграничиваютъ другъ отъ

друга завоеванныя позиціи, то развѣ эта борьба, обусловливающая, въ сущности, всѣ интересы, можетъ не представлять глубоко-жизненнаго значенія и для рабочей демократіи? Въ другомъ мѣстѣ своей книги самъ Менгеръ говоритъ, что „съ надежной арміей и хорошей полиціей можно основать и поддерживать въ теченіе столѣтій какой-угодно правовой порядокъ“, откуда слѣдуетъ, что, и по мнѣнію автора этихъ словъ, у рабочей демократіи, озабоченной переустройствомъ общества, не можетъ быть болѣе сильнаго интереса, какъ тотъ, чтобы овладѣть войскомъ, полиціей и вообще—политической властью (см. предисловіе Андлера къ французскому переводу послѣдняго сочиненія Менгера, выщедшем во французскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „État socialiste“).

Несмотря на указанныя отрицательныя черты, послѣдней книгѣ Менгера, наравнѣ съ его прежними сочиненіями, нельзя отказать, независимо отъ большихъ внѣшнихъ достоинствъ, и въ большомъ внутреннемъ значеніи. Если, послѣ многовѣковой критической работы, соціализму важно было высказать и свою положительную организаціонную мысль, то послѣдняя книга Менгера увидѣла свѣтъ въ свой настоящій часъ: на ея долю выпала честь собрать въ стройное цѣлое всѣ практическія предложенія современнаго соціализма и выразить эти предложенія въ формѣ ясныхъ юридическихъ требованій, имѣющихъ цѣлью преобразованіе современнаго общества. Это особенно значительно по двумъ соображеніямъ.

Во-первыхъ, весь предшествующій Менгеру соціализмъ, включая сюда и соціализмъ Маркса и Энгельса, опирался, главнымъ образомъ, на критику одного экономическаго строя общества. Политическій и юридическій строй оставлялся имъ какъ будто въ сторонѣ, признаваясь второстепеннымъ, хотя и критика экономическаго строя приводила неизбѣжно къ юридическимъ заключеніямъ, указывавшимъ на необходимость глубокихъ измѣненій—прежде всего, въ имущественномъ правѣ (вещномъ, обязательственномъ, наслѣдственномъ). Нѣкоторыя соціалистическія системы переходили и эту границу, задаваясь также цѣлями радикальнаго преобразованія семейныхъ, государственныхъ, религіозныхъ и другихъ отношеній общественной жизни; но мы можемъ сказать, что въ общую программу всѣхъ соціалистическихъ школъ входили преобразованія только въ имущественномъ правѣ. Во всякомъ случаѣ, преобразванія *въ правѣ* составляли всегда постулатъ соціализма, и это не могло быть иначе, такъ какъ соціальный вопросъ былъ и остается вопросомъ не только желудка, но и права, и политики. Этого сознанія недоста-

вало до сихъ поръ большинству соціалистическихъ писателей и не только въ пробужденіи, но и въ полномъ утвержденіи его лежитъ, можетъ быть, главная заслуга сочиненій Менгера.

Во вторыхъ, соціализмъ во многихъ европейскихъ государствахъ уже пересталъ быть исключительно революціоннымъ движеніемъ, смыслъ котораго исчерпывался до сихъ поръ тѣмъ, что угрозами и возбужденіемъ народныхъ массъ онъ приводилъ въ лучшемъ случаѣ только къ частичнымъ улучшеніямъ въ экономическомъ положеніи трудящихся классовъ. Въ настоящее время соціализмъ проникаетъ черезъ всеобщее голосованіе въ самое правительство и долженъ не только подготовлять постепенный переходъ къ новому экономическому, политическому и юрическому строю, но и вводить уже шагъ за шагомъ этотъ новый строй путемъ соотвѣтствующихъ ему законовъ и распоряженій правительственной власти. Однимъ изъ условій достиженія этой цѣли является заключеніе стадіи безконечныхъ экономическихъ и филантропическихъ разсужденій, все еще составляющихъ главный предметъ соціалистической литературы, и вступленіе соціализма въ стадію опредѣленныхъ и точныхъ юридическихъ понятій, способныхъ дать каждому возможность судить о томъ, насколько существующій порядокъ могъ бы быть измѣненъ въ интересѣ обдѣленныхъ до сихъ поръ классовъ общества.

Въ такой юридической переработкѣ соціализма лежитъ теперь, по справедливому замѣчанію Менгера, важнѣйшая задача философіи права, и ничто въ такой мѣрѣ, какъ разрѣшеніе этой задачи, не могло бы подготовить путь и къ мирному проведенію необходимыхъ измѣненій въ дѣйствуюшемъ правовомъ порядкѣ. Представить въ цѣломъ и въ деталяхъ юридическія формулы соціализма—вотъ задача, поставленная Менгеромъ передъ собой, и одной постановкой этой задачи, разрѣшеніе которой превосходитъ, естественно, силы одного человѣка, Менгеръ оказалъ важную услугу не только соціалистической литературѣ, но и всему общественному знанію.

Мнѣ остается теперь сказать нѣсколько словъ еще объ одной весьма распространенной теоріи обоснованія собственности,—теоріи, которая защищалась уже блаженнымъ Августиномъ, потомъ—Гоббсомъ, Боссюэтомъ, Монтескье, Руссо, а въ новое время—Бентамомъ, Лабулэ, въ его извѣстномъ сочиненіи по исторіи поземельной собственности въ Западной Европѣ, Ад. Вагнеромъ, въ его не менѣе извѣстной „Grundlegung“ къ курсу политической экономіи, и многими другими.

Теорія эта носитъ названіе *„легальной“* и обосновываетъ

частную собственность на волѣ государственной власти, которая признаетъ именно эту форму господства надъ вещами наиболѣе цѣлесообразной и ее санкціонируетъ. Къ этой теоріи, по вѣрному замѣчанію ея сторонниковъ, сводятся всѣ теоріи собственности: ни свобода личности, ни овладѣніе, ни завоеваніе, ни трудъ, не ведутъ къ собственности иначе, какъ при согласіи на это—по крайней мѣрѣ, молчаливомъ—государственной власти. Внѣ государства или какого-нибудь иного принудительнаго правового общенія не можетъ быть никакой собственности, такъ какъ право невозможно безъ иска, искъ—безъ исполненія и исполненіе—безъ принуждающей къ нему власти. „Собственность и законъ,—говорилъ Бентамъ,—родились вмѣстѣ и умрутъ вмѣстѣ. До закона не было собственности; устраните законъ, и собственность перестанетъ существовать“. — „Удержаніе земли, — писалъ Лабулэ—есть только фактъ, утверждаемый силой, пока общество не беретъ на себя защиты этого факта, освящая его своей санкціей: съ этихъ поръ фактъ дѣлается правомъ, и это право есть собственность“. Въ этомъ смыслѣ государство создаетъ собственность, какъ оно создаетъ и всѣ другія юридическія отношенія.

Важное преимущество настоящей теоріи заключается въ томъ, что она подчеркиваетъ значеніе собственности, какъ права, сведеніе котораго къ государственной волѣ упраздняетъ спорный вопросъ объ ограниченіяхъ этого права: государство не могло бы съ самаго начала ни создать, ни допустить собственности, не подчинивъ ее въ то же время соотвѣтствующимъ даннымъ условіямъ ограниченіямъ въ интересахъ сосѣдства, общежитія, и т. д. Сверхъ того, сведеніе собственности къ государственной волѣ дѣлаетъ болѣе возможными и легче осуществимыми какъ видоизмѣненія, такъ и преобразованія, и даже самое уничтоженіе института собственности, который, будучи установленъ государственной властью, можетъ быть ею же и преобразованъ, и уничтоженъ. Вотъ чрезвычайно важное, съ точки зрѣнія политики собственности, послѣдствіе „легальной“ теоріи, вызывающее горячіе протесты противъ этой теоріи со стороны защитниковъ современнаго порядка частной собственности, и особенно тѣхъ, которые выводятъ этотъ порядокъ на такъ-наз. „естественнаго права“. Такъ, напр., Аренсъ съ своемъ „Курсѣ естественнаго права“ (французскій переводъ, стр. 381—2) писалъ: „Если бы собственность не вытекала изъ природы человѣка, а составляла чистое послѣдствіе гражданскаго закона, она была бы предоставлена произвольнымъ опредѣленіямъ. Нельзя было бы отличить справедливой организаціи собственности отъ несправедливой, такъ какъ, если бы ле-

гальность была равносильна оправданію, то всѣ законы, сообщающіе собственности во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи одинъ и тотъ же легальный характеръ, сообщали бы ей, въ то же время, и одинаково справедливое основаніе; не было бы разницы въ регулированіи собственности по Кодексу Наполеона и по указамъ султана. Всякая власть, какова бы она ни была, располагала бы собственностью по своему усмотрѣнію и посягала бы на нее то въ свою пользу, то въ пользу однихъ на счетъ другихъ". Аналогично разсуждалъ и Лавеле въ своей извѣстной книгѣ „De la propriété et ses formes primitives": „Хозяинъ признавался нѣкогда собственникомъ своего раба. Развѣ эта собственность была законна, и, бразвѣ освящающій ее законъ создавалъ настоящее право? Нѣтъ что-нибудь можетъ быть справедливо или несправедливо, то или: другое учрежденіе—хорошо или дурно ранѣе, чѣмъ это объявляется закономъ, такъ же, какъ 2×2=4—ранѣе, чѣмъ эта истина формулируется. Отношенія вещей не зависятъ отъ воли людей послѣдніе могутъ писать хорошіе и дурные законы, освящать и нарушать право, которое, несмотря на все, будетъ существовать. Если не думать, что всякій законъ хорошъ, то необходимо признать, что законъ не создаетъ права. Напротивъ, именно потому, что наше представленіе о справедливости стоитъ выше условностей и законовъ, мы и можемъ судить о томъ, справедливы или несправедливы эти условности и законы".

Въ этой критикѣ „легальной" теоріи собственности можно считать вѣрнымъ указаніе на преувеличенную оцѣнку закона или вообще правового порядка — въ его отношеніи къ тому, что имъ регулируется. Если нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ законы опережаютъ соціальную дѣйствительность, обнаруживая склонность къ тому, что можно называть „законодательными неологизмами", то нормальное отношеніе между закономъ и регулируемой имъ жизнью, несомнѣнно, таково, что признаваемыя легально отношенія существуютъ фактически задолго до этого признанія. Браки между патриціями и плебеями въ древнемъ Римѣ были въ полномъ ходу и до появленія закона Канулейя, также какъ во Франціи браки между католиками и гугенотами не были рѣдкостью и до изданія эдикта 1787 г.; равнымъ образомъ, многіе виды договоровъ, профессіональные синдикаты и масса другихъ учрежденій безспорно дѣйствовали въ жизни гораздо раньше, чѣмъ ихъ дѣйствіе санкціонировалось закономъ. Поэтому и фактическія отношенія собственности не могли не существовать на практикѣ прежде, чѣмъ они были признаны закономъ или другими формально дѣйствующими въ данныхъ условіяхъ

источниками права, хотя до этого признанія имъ было чуждо юридическое значеніе, что только и утверждается „легальной" теоріей собственности, если ее правильно понимать.

Еще менѣе затрагиваетъ эту теорію и лежащее въ основаніи ея критики представленіе о правѣ, предшествующемъ закону и стоящемъ какъ бы надъ закономъ. Это представленіе принадлежитъ „естественному праву" и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ, разъ мы не можемъ понимать это послѣднее иначе, какъ въ смыслѣ синтеза руководящихъ въ данное время и въ данномъ обществѣ идей, во имя которыхъ существующія учрежденія или вызываютъ одобреніе, или подвергаются осужденію. О правѣ регулирующемъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, общественную жизнь, здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Несравненно существеннѣе тѣ возраженія противъ „легальной теоріи", которыя указываютъ, во-первыхъ, на общее всѣмъ существующимъ теоріямъ собственности смѣшеніе основанія ея возникновенія съ основаніемъ существованія, и, во-вторыхъ, на оставленіе безъ отвѣта какъ того, такъ и другого вопроса. Что основаніе возникновенія собственности лежитъ въ данномъ правовомъ порядкѣ, и что внѣ этого порядка не можетъ быть формально и собственности, это—ясно само собою и не сообщаетъ „легальной теоріи" ничего оригинальнаго. Но какъ, по соображенію съ какими фактами, собственность устанавливается внутри даннаго правового порядка, и гдѣ искать ея внутренняго оправданія, на эти вопросы „легальная теорія" не даетъ никакого отвѣта. Насколько эта теорія довольствуется ограниченнымъ отвѣтомъ на вопросъ объ основаніи возникновенія права собственности, указывая только на его формальный источникъ, настолько она неполна. Насколько же „легальная теорія" отрицаетъ постановку второго вопроса, касающагося внутренняго обоснованія права собственности, настолько она сама необоснована. (Stammler, цит. ст. въ Словарѣ Конрада).

Подводя итогъ всему изложенному о теоріяхъ собственности и нападкахъ на это право, мы можемъ сказать, что эти теоріи и нападки, насколько онѣ находятъ тотъ или другой отвѣтъ на вопросъ объ основаніи собственности или ея пригодности абсолютно-вѣрнымъ, — все равно, даютъ-ли онѣ этотъ отвѣтъ въ пользу индивидуальной или коллективной собственности, — должны быть признаны рѣшительно несостоятельными. Это обусловливается тѣмъ, что, съ одной стороны, не существуетъ ни одного положенія права, которое стояло бы прочно a priori, а съ другой,—собственности нельзя ни оправдать, ни осудить, исходя изъ че-

ловѣческой природы или опирая ее на овладѣніе, трудъ или законъ. Въ основаніи всѣхъ этихъ попытокъ обоснованія или ниспроверженія собственности лежитъ чистый апріоризмъ, который необходимо отвергнуть, если мы хотимъ оставаться на научной почвѣ. Противоположность этому апріоризму составляютъ методы наблюденія, которые, въ своемъ приложеніи къ явленіямъ права и, въ частности, къ собственности, обязываютъ насъ разсматривать каждое состояніе права и его отдѣльныхъ институтовъ, какъ часть или моментъ историческаго процесса развитія, въ условіяхъ котораго всѣ общественныя учрежденія возникаютъ, видоизмѣняются, исчезаютъ и находятъ единственно - возможное объясненіе. Эта точка зрѣнія необходимо ведетъ, съ одной стороны, къ историческимъ изслѣдованіямъ о происхожденіи и развитіи существующихъ состояній права, а съ другой—къ признанію чисто-условнаго значенія и за всѣми современными намъ учрежденіями, которыя, не будучи концомъ развитія, представляются такими же промежуточными стадіями и такими же измѣняющимися формами развитія, какъ и всѣ другія явленія физическаго и соціальнаго міра. Ставъ на такую точку зрѣнія, мы не имѣемъ надобности ни порицать частную собственность, ни провозглашать ее „святыней“. Мы должны только искать ея объясненія и слѣдить за ея судьбами въ условіяхъ историческаго развитія, чтó мы и постараемся выполнить въ нашихъ послѣдующихъ лекціяхъ или статьяхъ.

Взглядъ на общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX вѣка.

М. Ковалевскаго.

Мнѣ не разъ приходилось слышать жалобы на то, что политическая мысль, такъ энергично и творчески проявившаяся въ трактатахъ англійскихъ мыслителей XVII вѣка или французскихъ XVIII, за послѣднее столѣтіе точно замерла. Этотъ упрекъ едва ли справедливъ, если обозрѣть всю совокупность ученій, впервые высказанныхъ или только получившихъ новую постановку въ періодъ времени отъ Вѣнскаго конгресса и до начала русско-японской войны. Особенность движенія въ области литературы о государствѣ, его устройствѣ и преслѣдуемыхъ имъ цѣляхъ, за протекшее столѣтіе, представляетъ развѣ болѣе или менѣе полный разрывъ политической мысли не только съ богословіемъ, но и съ метафизикой, а также все болѣе и болѣе глубокое проникновеніе европейскихъ публицистовъ тою мыслью, что государствовѣдѣніе имѣетъ свои основы въ болѣе широкой наукѣ объ обществѣ, которая, въ свою очередь, орудуетъ самостоятельнымъ сравнительно-историческимъ методомъ. Если мы заглянемъ въ сочиненія такихъ писателей, какъ Фильмеръ или Боссюэтъ, и сопоставимъ самое оглавленіе ихъ трактатовъ съ тѣмъ, какимъ открывается или заканчивается любая книга по государствовѣдѣнію въ наше время,—насъ невольно поразитъ отсутствіе въ первыхъ всякихъ доказательствъ, кромѣ тѣхъ, какія можно почерпнуть изъ Библіи, а во вторыхъ—всякихъ соображеній о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи тѣхъ или другихъ политическихъ порядковъ съ Божественнымъ Откровеніемъ, съ текстомъ Писанія. Если мы вспомнимъ что еще Локкъ считалъ нужнымъ посвятить одно изъ своихъ двухъ разсужденій о политикѣ доказательству той мысли, что Богъ не указалъ людямъ на необходимость абсолютной монархіи, создавъ въ лицѣ Адама, какъ думалъ Фильмеръ, перваго

царя, то намъ легко будетъ вынести то впечатлѣніе, что секуляризація политической науки, разрывъ ея съ богословіемъ едва восходитъ къ концу XVII столѣтія. Съ другой стороны, во всей литературѣ, предшествующей появленію, скажемъ, трактатовъ Бентама, Бенжамена Констана и, вообще, современниковъ французской революціи, нельзя указать ни одного, который бы не занимался вопросомъ о естественномъ состояніи людей и естественномъ законѣ, какъ предшествовавшемъ во времени и отличномъ по природѣ отъ государственнаго состоянія и отъ государственнаго закона. Источникъ этого естественнаго закона искали обыкновенно въ разумѣ, а прообразъ естественнаго состоянія— въ какомъ-то изолированномъ положеніи первыхъ людей, которымъ якобы чуждо было самое понятіе общежитія. Такъ какъ метафизики, возбуждавшіе всѣ эти вопросы, начиная отъ Гуго де Грота и оканчивая Пуффендорфомъ и Томазіемъ, обыкновенно не вполнѣ отрѣшались отъ богословской точки зрѣнія, то немудрено, если въ ихъ трактатахъ не разъ поднимался вопросъ о соотвѣтствіи естественнаго закона съ закономъ божескимъ, другими словами, о согласіи велѣній разума съ Откровеніемъ. Настаивать ли на томъ, что всѣ эти вопросы, если не потеряли вполнѣ и для всѣхъ смыслъ и значеніе въ наши дни, то во всякомъ случаѣ занимаютъ, за немногими исключеніями, второстепенное мѣсто въ современныхъ трактатахъ о государственномъ правѣ и политикѣ?

Но этимъ не исчерпывается еще различіе направленій политической мысли, съ одной стороны, XVII и XVIII столѣтій, съ другой,—XIX. Первымъ двумъ совершенно недоступно представленіе объ обществѣ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ государства; въ нихъ нѣтъ также рѣчи о формахъ совмѣстной жизни людей, предшествовавшихъ во времени возникновенію государственнаго общежитія. Двѣ причины всего болѣе содѣйствовали усвоенію публицистами XIX столѣтія той точки зрѣнія, что государство—не болѣе, какъ одна изъ формъ общественной жизни, и притомъ далеко не первичная, что ей предшествовали порядки родового, общинно-помѣстнаго и автономно-городского устройства, такъ что государство, въ смыслѣ національнаго союза, есть продуктъ послѣднихъ пяти или шести столѣтій, да и то лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы. Первымъ побудительнымъ мотивомъ къ принятію такой точки зрѣнія было непосредственное знакомство съ обществами, еще сохранившими черты догосударственныхъ порядковъ, и сближеніе ихъ съ картиною быта тѣхъ племенъ Стараго и Новаго континента, которыя не доросли

еще до государственныхъ формъ общежитія. Миссіонерамъ XVII и XVIII столѣтій, какъ, напримѣръ, Шарлеруа и Лафито, удалось уже познакомить европейскую читающую публику съ жизнью краснокожихъ Америки, всецѣло основанной на началѣ кровнаго родства по матери или по отцу и не допускающей другой связи между отдѣльными родами, кромѣ союзной или федеративной. Когда Дальману и Нибуру, въ началѣ XIX-го вѣка, удалось обнаружить существованіе однохарактернаго устройства у нѣмцевъ Дитмаршена и у римлянъ въ эпоху, предшествовавшую Пуническимъ войнамъ, когда у историковъ германскаго права явилась мысль распространить выводы названныхъ писателей на все прошлое древнихъ германцевъ, а кельтисты и славистыоткрыли въ клановомъ бытѣ Шотландіи и въ древне-славянскихъ родахъ однохарактерныя черты до-государственныхъ порядковъ, политической философіи поневолѣ пришлось вдвинуть въ промежутокъ между семейнымъ и государственнымъ бытомъ ту, какъ полагали на первыхъ порахъ, промежуточную стадію, которой является бытъ родовой.

И независимо отъ сравнительно-историческихъ изслѣдованій, наблюденія надъ жизнью современныхъ обществъ неизбѣжно должны были привести къ тому заключенію, что, помимо всякой правительственной иниціативы, въ жизни отдѣльныхъ слоевъ населенія, представляемыхъ кастами, сословіями и классами, происходятъ постоянныя столкновенія, по временамъ прерываемыя соглашеніями, что и позволяетъ говорить объ ихъ общественной организаціи и общественной жизни, независимо отъ государственныхъ. Съ эпохи французской революціи, когда съ особенной наглядностью сказалось это взаимное притяженіе и отталкиваніе отдѣльныхъ общественныхъ группъ, идея общества и составляющихъ его подвижныхъ единицъ, нашла себѣ выраженіе и въ сочиненіи Кондорсэ: „Tableau des progrès de l'esprit humain", и въ первыхъ попыткахъ Сенъ-Симона положить начало общей ему съ Контомъ соціологіи. Въ отдѣльныхъ частяхъ того „Catéchisme industriel", въ которомъ Конту, рядомъ съ Сенъ-Симономъ, пришлось намѣтить, въ самыхъ, разумѣется, общихъ чертахъ, поступательный ходъ развитія человѣческаго знанія, указана и параллельная эволюція общества, переходящаго отъ милитаризма къ индустріализму, отъ косности кастоваго и сословнаго устройства къ подвижности опирающихся на экономическомъ неравенствѣ классовъ. Позднѣйшія по времени работы въ области сравнительной исторіи учрежденій, какъ и болѣе глубокій анализъ классовыхъ отношеній, одинаково въ со-

временномъ обществѣ и въ прошлыхъ, привели постепенно къ тому заключенію, что національному государству нашихъ дней предшествовало, не только родовое, но также феодальное и автономно-городское устройство. Рѣзкой ошибкой было бы, поэтому, обнимать общимъ понятіемъ такія, напримѣръ, явленія, какъ жизнь европейскихъ обществъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, итальянскихъ республикъ XIII и XIV вѣка и національныхъ монархій XVII, XVIII и XIX столѣтій. Съ другой стороны, изученіе того тѣснаго взаимодѣйствія, какое въ каждомъ обществѣ существуетъ между строемъ имущественнымъ и отношеніями классовъ между собою, позволило почти одновременно Лоренцу Штейну и Карлу Марксу изобразить жизнь обществъ, независимо отъ ихъ государственнаго устройства, въ видѣ постепеннаго перехода власти и вліянія изъ рукъ одного класса въ руки другого, по мѣрѣ перемѣщенія центра народнаго производства изъ области земледѣлія въ область торговли, промышленности и кредита. Такимъ образомъ, у писателей, занимающихся вопросами государственнаго права и политики, скажемъ, съ середины XIX столѣтія, необходимо устанавливается та точка зрѣнія, что жизнью государства не обнимается вся сумма тѣхъ явленій, которыя, въ отличіе отъ чисто-біологическихъ или жизненныхъ, нужно назвать явленіями соціальными. Отсюда то послѣдствіе, что современная политическая мысль перестаетъ смотрѣть на государство, и какъ на прямое противуположеніе индивиду, и какъ на нѣчто, существовавшее съ самаго начала, а не какъ на поздній сравнительно продуктъ общественнаго развитія.

Не удивительно, если, въ виду этихъ успѣховъ соціологіи и сравнительной исторіи учрежденій, старинный вопросъ объ отношеніи права и государства получилъ въ наше время совершенно новую постановку. Если бы мы пожелали въ немногихъ словахъ передать содержаніе тѣхъ рѣшеній, какія давались этому вопросу въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, то намъ пришлось бы дать слѣдующій отвѣтъ: рядомъ съ теоріей, признающей право выраженіемъ первичнаго божескаго закона, Откровенія, и, такъ сказать, вторичнаго, или естественнаго, раскрываемаго даннымъ намъ отъ Бога разумомъ, можно отмѣтить существованіе въ прошломъ только двухъ слѣдующихъ ученій, взаимно исключающихъ другъ друга. Согласно первому, человѣкъ отъ природы, независимо отъ государства, располагаетъ извѣстными правами, которыя не могутъ быть отняты у него всецѣло. Согласно второму, человѣкъ, въ моментъ перехода отъ изолированности къ общежитію и отъ естественнаго состоянія къ государственному,

отказывается отъ пользованія своими прирожденными правами, такъ что государству приходится сдѣлаться источникомъ всѣхъ признаваемыхъ за индивидомъ правъ. Отсюда то послѣдствіе, что право разсматривается, какъ созданіе государства и издаваемаго имъ закона. Нельзя связать эти теоріи исключительно съ именемъ того или другого писателя, но слѣдуетъ признать, что онѣ нашли себѣ наиболѣе категорическое и полное выраженіе: первая—у Локка, послѣдователями котораго является большинство писавшихъ о такъ-называемомъ естественномъ правѣ, вторая—у Гоббса, взглядъ котораго раздѣляется всѣми сторонниками всемогущества государства, въ томъ числѣ Спинозою и Жанъ-Жакомъ Руссо. Нельзя сказать, чтобы и въ наши дни не имѣлось представителей обѣихъ, столь несогласныхъ между собою, доктринъ. Точка зрѣнія Герберта Спенсера, насколько она выступаетъ изъ его Соціальной Статики и изъ второй части его трактата о Морали, озаглавленной: „Справедливость", въ сущности—та же, что и Локка и всѣхъ вообще послѣдователей школы „естественнаго права". Государство,— учатъ они,—обязано признать за личностью извѣстныя права и, въ виду этого, не можетъ расширить сферы своей самодѣятельности или, какъ говорятъ, своего вмѣшательства. Совершенно независимо отъ Спенсера, тѣхъ же воззрѣній придерживаются тѣ нѣмецкіе и, по ихъ образцу, русскіе юристы, которые, отправляясь отъ Метафизическихъ Основъ Права Эммануила Канта, въ свою очередь, только систематизировавшаго ученіе о естественныхъ вольностяхъ, признаютъ за государствомъ обязанность ихъ признанія и одно право ограниченія свободы каждаго съ цѣлью сдѣлать возможнымъ параллельное существованіе свободы всѣхъ. Рядомъ съ этимъ, взглядъ Гоббса на всемогущество государства и рѣшеніе однимъ государствомъ вопроса о томъ, что—право, а что—не право, раздѣляется всѣми послѣдователями ученія о неотчуждаемомъ и недѣлимомъ государственномъ суверенитетѣ или не терпящей никакого ограниченія власти, субъектомъ которой является, не правящее лицо или классы лицъ, а государство или нація въ цѣломъ. Это ученіе находитъ многочисленныхъ сторонниковъ въ Германіи, въ лицѣ такихъ писателей, какъ Зейдель, Лабандъ, Іеллинекъ и другіе; одни изъ нихъ не допускаютъ даже возможности изданія государствомъ законовъ, для него обязательныхъ, а другіе, и прежде всего Іеллинекъ, объясняютъ возникновеніе такихъ законовъ добровольнымъ самоограниченіемъ, къ которому государство обращается въ интересахъ большей устойчивости своей власти. Только за послѣднее время въ вопросѣ объ

отношеніи права и государства сдѣланъ былъ тотъ значительный шагъ впередъ, что источникъ обоихъ стали искать въ породившемъ ихъ обществѣ. Писатели этого направленія не видятъ возможности возникновенія права иначе, какъ подъ условіемъ общежитія, а государства—для другихъ цѣлей, кромѣ общежительныхъ. Нѣкоторые французскіе государствовѣды, и никто въ большей степени, чѣмъ Дюгюи, содѣйствовали установленію такой, правильной на мой взглядъ, точки зрѣнія; они признаютъ, что право существуетъ независимо отъ государства и выражаетъ собою требованія общественной солидарности,—требованія, обязательныя для такого союза, какъ государство, такъ какъ само оно вызвано къ жизни тѣми же интересами. Такая точка зрѣнія одинаково отрицаетъ и возможность существованія прирожденнаго человѣку права, и принадлежность одному лишь государству необходимаго авторитета для его созданія. Она одинаково враждебна и ученію о естественныхъ правахъ, и ученію о нетерпящемъ ограниченія государственномъ суверенитетѣ.

Въ отличіе отъ политическихъ доктринъ XVII и XVIII столѣтій, государствовѣдѣніе съ середины истекшаго столѣтія все болѣе и болѣе подчеркиваетъ тѣсную связь государства съ націей и отказывается видѣть въ немъ что либо иное, какъ организацію властвованія со стороны національнаго союза. Очевидно, что подобная тенденція въ области отвлеченной мысли только отражаетъ собою явленія въ области положительныхъ фактовъ. Съ эпохи той реакціи, какую вызвала послѣдняя попытка созданія всемірной монархіи,—попытка, связанная съ именемъ Наполеона I,—у отдѣльныхъ народовъ Европы стало все болѣе и болѣе складываться убѣжденіе въ томъ, что основаніемъ совмѣстной государственной жизни надо считать единство языка и историческаго прошлаго, съ которымъ болѣе или менѣе произвольно связывается представленіе о единствѣ крови или расы и общности историческаго права. Я говорю: произвольно, такъ какъ ничто не доказываетъ, чтобы между кельтами и германцами, вошедшими въ составъ французской націи, существовало большее единство расы и крови, нежели, положимъ, между племенами франковъ, аллемановъ и саксовъ, изъ которыхъ первые положили начало французской монархіи, а два послѣднихъ вошли въ составъ германскихъ политическихъ тѣлъ. Столь же мало оправдывается фактами и то предположеніе, что основаніемъ къ національному единству служитъ общность историческаго права. До революціи французскія провинціи придерживались своихъ самостоятельныхъ кутюмовъ, имѣли свои особенности въ политическомъ

устройствѣ, свои провинціальные штаты, парламенты и верховные суды; это не мѣшало имъ, однако, входить въ составъ одной націи и пребывать въ настолько тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ, что явилась возможность созданія для всѣхъ ихъ общаго языка. Нельзя сказать, чтобы и въ современной Германіи до послѣдняго времени, до введенія общаго гражданскаго кодекса, не имѣлось мѣстныхъ системъ права; особенности политическаго устройства, республиканскаго въ Гамбургѣ и Любекѣ, монархическаго въ другихъ частяхъ имперіи, держатся и по настоящій день. Это не мѣшаетъ, однако, общности такъ-называемаго германскаго духа, т. е. не устраняетъ того психическаго сродства, которое влечетъ племена, говорящія нѣмецкою рѣчью, входить въ составъ болѣе или менѣе единого политическаго цѣлаго. Такъ какъ большинство европейскихъ государствъ, не говоря уже о государствахъ Востока, возникло путемъ завоеванія, изъ неоднохарактерныхъ по своему составу частей, то національный принципъ на первыхъ порахъ принялъ характеръ „разлагающей силы“, характеръ, какой признаетъ за нимъ французскій писатель Ипполитъ Пасси. Но если этимъ принципомъ вызвано было паденіе начала легитимизма, т. е. вѣрности традиціи, если имъ положенъ былъ конецъ государствамъ съ однѣми только такъ называемыми естественными границами (limites naturelles), если, благодаря ему, Австрія перестала владѣть Ломбардіей и Венеціанской областью, а Данія—нѣмецкимъ Шлезвигомъ и Голштиніей, то онъ обнаружилъ также и силу общественнаго цемента, такъ какъ повелъ къ созданію единой Италіи и единой Германіи и породилъ въ славянскихъ народностяхъ стремленіе, внутри монархій, смѣшанныхъ по ихъ племенному составу, образовать полу-автономныя группы, въ родѣ Богеміи, Моравіи и Силезіи, съ одной стороны, Галиціи и юго-славянскихъ провинцій Венгріи— съ другой. Національное движеніе не завершается необходимо политической централизаціей: оно можетъ повести и къ созданію федерацій, легче уживающихся съ параллельной полу-автономіей отличныхъ другъ отъ друга по этнографическому составу политическихъ тѣлъ, какъ, напримѣръ, нѣмецкія или мадьярскія провинціи той же Австріи, польскія или итальянскія области Германской имперіи и имперіи Габсбурговъ, нѣмецкіе, французскіе и итальянскіе кантоны Швейцаріи. При образованіи національностей, историческое прошлое, общность пережитыхъ невзгодъ, по вѣрному замѣчанію Ренана, а соотвѣтственно и общность успѣховъ, играетъ ту связующую, созидающую единство роль, какую нельзя признать ни за общностью

крови, ни за общностью юридическаго сознанія или права. Единство историческихъ судебъ настолько ведетъ къ сближенію отдѣльныхъ частей, что порождаетъ собою общность языка, а слѣдовательно, и литературы, что, въ свою очередь, является новымъ цементомъ. Движенія, отразившіяся на измѣненіи политической карты Европы, не прошли безслѣдно и для общей теоріи государства, въ которую проникло понятіе о національности, какъ объ одномъ изъ необходимыхъ элементовъ государства,— элементѣ, столь же существенномъ, какъ территорія, и болѣе необходимомъ, чѣмъ полная независимость его высшихъ органовъ власти,—независимость, которой можетъ и не быть, какъ доказываетъ фактъ существованія такихъ полу-суверенныхъ государствъ, какъ, положимъ, княжества Болгарское и Монакское или республики Санъ-Марино и Андорра.

Если національныя движенія XIX-го столѣтія отразились въ области теоретической мысли созданіемъ ученія о національности государства, то классовая борьба, имѣвшая въ теченіе того же столѣтія такое замѣтное вліяніе на измѣненіе самого характера государственнаго устройства, необходимо должна была повести за собою постановку на очередь ряда вопросовъ, которые оставались болѣе или менѣе чуждыми политическимъ мыслителямъ двухъ предшествовавшихъ столѣтій. Когда въ XVIII-мъ вѣкѣ Руссо подымалъ вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ возможно республиканское устройство, ему не удавалось сказать ничего существенно новаго противъ того, что еще раньше было установлено писателями древности, начиная съ Аристотеля и оканчивая Цицерономъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. На разстояніи тысячелѣтій политическіе теоретики строятъ свои ученія въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми рѣшеніями, какія даютъ поставленнымъ ими вопросамъ факты политической жизни. Обширныя государственныя тѣла, представляемыя Вавилоно-Ассирійской или Персидской имперіей, такъ же мало мирились съ республиканскимъ устройствомъ, какъ французская или испанская держава XVI-го и XVII-го столѣтій. Параллельно съ этимъ города-государства, вродѣ Спарты, Аѳинъ и Рима въ древности, Генуи, Венеціи, Гамбурга и Любека въ средніе вѣка, принимали республиканскую форму устройства. Не мудрено было, при такихъ условіяхъ, говорить о незначительности территоріальнаго состава, какъ объ одномъ изъ условій прямого народовластія, говорить объ этомъ въ равной степени и въ III-мъ или I-мъ вѣкѣ до Р. Х., и въ XVIII-мъ столѣтіи послѣ него. Но съ того момента, когда, съ одной стороны, возникновеніе американской федераціи, по образцу которой устрои-

лась съ 1848 года и швейцарская, а съ другой,—появленіе и въ обширныхъ тѣлахъ такихъ сильныхъ разлагающихъ элементовъ, какъ національная и классовая рознь, породили возможность сомнѣнія въ томъ, чтобы отношеніе силъ центростремительныхъ и центробѣжныхъ зависѣло исключительно отъ протяженія государственной территоріи, весь вопросъ о естественныхъ условіяхъ возникновенія республикъ и монархій необходимо долженъ былъ подвергнуться пересмотру. Республики, покрывающія собою цѣлые материки,—говоря это, я имѣю въ виду Америку, съ ея двумя обширными федераціями на сѣверѣ, Канадской и Соединенныхъ Штатовъ, и автономными народоправствами въ центрѣ и на югѣ, необходимо вызывали сомнѣніе въ правильности той точки зрѣнія, по которой республика мыслима только въ предѣлахъ городской, а тѣмъ болѣе сельской округи. Одновременно падало и представленіе, еще наглядно выступающее у Руссо, о томъ, что федеративная связь мыслима лишь между республиками, такъ какъ возникновеніе цѣлаго ряда германскихъ союзовъ, уступившихъ затѣмъ мѣсто федеративной Германской имперіи, превращеніе Австріи, начиная съ 1867-го г., изъ политически централизованнаго тѣла въ дуалистическую монархію и образованіе федеративной связи между англійскими колоніями въ Америкѣ и Австраліи, поставили внѣ сомнѣнія вопросъ о примиримости федераціи съ монархическимъ устройствомъ и объ ихъ призваніи осуществить въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ тѣ самыя задачи мирнаго обще-гражданскаго оборота, какія, со временъ Римской имперіи, преслѣдовали всякія эфемерныя попытки возрожденія всемірной монархіи.

Ближайшая причина тому, что на республику и федерацію пришлось смотрѣть въ наши дни съ точки зрѣнія, совершенно отличной отъ той, какой придерживались писатели въ XVIII-мъ столѣтія, съ Руссо во главѣ, лежитъ несомнѣнно въ томъ расширеніи, какое получила, съ эпохи французской революціи и вопреки ожиданіямъ Руссо, представительная система. Ограниченная на первыхъ порахъ одною сферою сословныхъ монархій, изъ которыхъ къ XVIII-му столѣтію уцѣлѣла только одна—Англія, представительная система сдѣлала возможнымъ существованіе и обширныхъ демократій. Помимо всякаго прямого участія въ государственной власти, если не всего, то значительной части народа, примѣръ чего представляютъ намъ древніе Аѳины и древній Римъ, лѣсные кантоны Швейцаріи и средневѣковыя городскія республики, завѣдываніе народомъ своими судьбами, основанное на представительствѣ всего взрослаго мужскаго населенія, сдѣ-

лалось обычной формой политическаго устройства. Это можно сказать въ равной степени и о Европѣ, и объ Америкѣ, независимо отъ монархическаго или республиканскаго устройства отдѣльныхъ государствъ. Наконецъ, благодаря примѣненію представительной системы и къ такимъ сравнительно обширнымъ политическимъ тѣламъ, какъ отдѣльные штаты Сѣверной Америки и Швейцаріи, демократическая республика заняла выдающееся мѣсто въ ряду современныхъ политическихъ формъ, а это повело къ измѣненію обычнаго въ XVIII-мъ вѣкѣ и раздѣляемаго самимъ Руссо взгляда, что республикамъ, принадлежитъ только прошедшее, настоящее же и ближайшее будущее — монархіямъ.

Классификація политическихъ формъ, которую ошибочно считаютъ болѣе или менѣе неизмѣнной со временъ Аристотеля, необходимо расширилась, благодаря включенію въ нее неизвѣстной древнимъ представительной республики, какъ политически централизованной, такъ и федеративной, и столь же мало доступной ихъ пониманію федеративной монархіи, въ ея разнообразнѣйшихъ формахъ, не только личной и реальной уній, но также союза государствъ и союзнаго государства. Личная унія, предполагающая соединеніе двухъ или болѣе государствъ подъ властью одного правителя, извѣстна была еще среднимъ вѣкамъ и началу новаго времени въ формѣ такихъ соединеній, какія не разъ представляла, напр., Польша съ Венгріей. Реальныя уніи, при которыхъ два самостоятельныхъ государства соединяются въ одно подъ властью общей династіи, но съ сохраненіемъ каждымъ своихъ учрежденій и своего права, также возникли довольно рано, напр., съ момента соединенія Литвы съ Польшею въ XIV в. и много прежде—южной Франціи, т. е. Лангедока и Прованса, съ сѣверной. Многія изъ такихъ уній продолжаютъ держаться и по настоящій день, въ доказательство чего можно сослаться на союзъ Швеціи съ Норвегіей, Финляндіи съ Россіей и Венгріей съ Цислейтаніей. Но чего до временъ Вашингтона и конвенціи 1787 г. въ Филадельфіи не знала Европа, это —такой политической комбинаціи, при которой автономія уживается съ единствомъ, и между правительствами отдѣльныхъ государствъ и общимъ для всѣхъ нихъ союзнымъ происходитъ раздѣлъ функцій верховной власти. Швейцарскіе кантоны, вошедшіе въ союзъ въ началѣ XIV-го вѣка, не были равноправными частями общаго цѣлаго: одни изъ нихъ, какъ, напр., Бернъ, Цюрихъ и Люцернъ, владычествовали надъ другими. И то же, въ равной степени, можно сказать о республикѣ Соединенныхъ Нидерландъ,

съ преобладающимъ въ ней значеніемъ Голландіи и передачей ея верховному органу правъ общаго правительства уніи. Только съ 1787 года можно говорить о созданіи особаго союзнаго государства въ лицѣ Соединенныхъ Штатовъ; примѣръ ихъ рѣшилъ дальнѣйшую судьбу федерацій, заставивъ Швейцарію, сперва въ 48-мъ, а затѣмъ въ 74-мъ году, переустроить свой бытъ на тѣхъ же началахъ равенства и полуавтономіи отдѣльныхъ кантоновъ. Не удивительно, поэтому, если именно съ XIX-го столѣтія классификація формъ правленія Аристотелемъ, классификація, болѣе или менѣе удержанная и Полибіемъ, и Боденомъ, и Монтескье, оказалась тѣсной и неполной, и ея рамки необходимо было расширить для того, чтобы, рядомъ съ понятіемъ простого государства, ввести въ нее и понятіе о государствѣ сложномъ или федеративномъ.

Но эта классификація и съ указаннымъ дополненіемъ едва ли можетъ считаться полной и обнимающей собою всѣ существующія въ наши дни формы государства. Дѣло въ томъ, что въ ней отсутствуетъ представленіе о современныхъ порядкахъ, одинаково какъ представительной монархіи, такъ и представительной республики. Древніе не знали монархіи, которая не была бы въ то же время и деспотіей, и эта точка зрѣнія, повидимому, еще настолько раздѣлялась людьми XVIII вѣка, что, когда Монтескье въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о Духѣ Законовъ, обособилъ другъ отъ друга обѣ формы политическаго устройства, его критику, Вольтеру, не мудрено было встрѣтить общее сочувствіе, объявляя эти двѣ формы родными братьями. Если Монтескье настаивалъ на отличіяхъ монархіи отъ деспотіи, то только потому, что имѣлъ въ виду сословную монархію, въ XIV вѣкѣ болѣе или менѣе общераспространенную на всемъ протяженіи Европы, почти умиравшую во Франціи въ его время и продолжавшую развиваться, видоизмѣняясь, въ одной только Англіи. Эти видоизмѣненія, сущность которыхъ состояла, по вѣрному замѣчанію Локка, въ подчиненіи исполнительной власти законодательной, т. е. короля обѣимъ палатамъ парламента, не были замѣчены Монтескье. Онъ думалъ, поэтому, опредѣлить общую природу монархіи, сказавши, что въ ней власти раздѣлены между королемъ и сословіями, или, точнѣе, ихъ палатами, будутъ ли послѣдними генеральные штаты, или верховные суды. Большинство публицистовъ Америки и Европы повѣрило на слово Монтескье и признало основами англійскаго государственнаго строя и всякой вообще конституціонной представительной монархіи отдѣленіе законодательства отъ исполненія и суда, сосредоточеніе перваго

въ рукахъ представительныхъ палатъ, второго—въ рукахъ короля и поставленныхъ имъ чиновниковъ (бюрократіи), третьяго—въ рукахъ самостоятельныхъ и потому несмѣняемыхъ судей. Но англійская практика, которой за послѣднее время уподобилась въ большей или меньшей степени практика французская, испанская, итальянская и, пожалуй, австрійская, повела къ созданію новой политической организаціи, въ которой, вопреки началу раздѣленія властей и теоріи политическихъ противовѣсовъ, руководительство дѣлами страны сосредоточивается въ рукахъ комитета отъ палатъ, глава котораго, а кое гдѣ и всѣ члены, выбираются королемъ или президентомъ изъ среды вожаковъ господствующей партіи. Это—тотъ образъ политическаго устройства, который извѣстенъ подъ именемъ парламентаризма. При немъ классовая борьба находитъ возможность наиболѣе откровеннаго проявленія, такъ какъ, организуясь въ партіи и оспаривая другъ у друга политическое господство, классы добиваются большинства на выборахъ, а слѣдовательно, и въ составѣ палатъ, что, въ свою очередь, позволяетъ имъ владычествовать надъ страною въ формѣ кабинета или солидарнаго и отвѣтственнаго министерства, поставленнаго численно преобладающей партіей. Такой порядокъ политическаго устройства сталъ возможнымъ, повторяю, равно въ монархіяхъ, какъ Англія, и республикахъ, какъ Франція, тогда какъ порядокъ, обнимаемый понятіемъ раздѣленія властей, впервые введенный въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, оказался одинаково возможнымъ и въ федеративной республикѣ, и въ политически-централизованной монархіи, какъ Пруссія, а въ новѣйшее время, даже Японія, и въ такомъ сложномъ государственномъ тѣлѣ, какъ Германская имперія. Итакъ, независимо отъ различія между республиками и монархіями, простыми и сложными политическими тѣлами, необходимо ввести въ классификацію формъ государственнаго устройства еще двѣ, неизвѣстныя древности и выступающія только въ эмбріональномъ видѣ въ средніе вѣка. Одна изъ нихъ предполагаетъ раздѣлъ отдѣльныхъ функцій верховной власти между единоличнымъ правителемъ или коллегіей правителей, представительными палатами и судами, равно независимыми отъ палатъ и отъ органовъ исполненія. Въ самихъ этихъ палатахъ право представительства, принадлежавшее въ средніе вѣка сословіямъ, въ настоящее время принадлежитъ то земельному дворянству и промышленно-торговой буржуазіи, то буржуазіи и простонародью,—во всякомъ случаѣ, скорѣе классамъ, нежели сословіямъ. Рядомъ съ такой формой политическаго устройства, которую приходится назвать освященнымъ

обычаемъ терминомъ ограниченной монархіи, существуетъ другая, въ просторѣчіи извѣстная подъ названіемъ парламентаризма; природа ея состоитъ въ самоуправленіи народа и составляющихъ его сословій и классовъ чрезъ посредство представителей и при наличности избираемаго или наслѣдственнаго главы. Это самоуправленіе устраняетъ необходимость политическихъ противовѣсовъ, создаваемыхъ раздѣломъ верховной власти, и ведетъ къ всемогуществу представительныхъ палатъ; всемогущество это наглядно передается англійской поговоркой: парламентъ все можетъ сдѣлать; онъ не можетъ только обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину.

Съ торжествомъ представительной системы, съ распространеніемъ ея съ монархій на республики, форма прямого народовластія въ такой же степени отошла въ область прошедшаго, какъ и подкошенная въ корнѣ идеей равенства форма аристократіи, земельной и городской. Но пристрастіе, питаемое еще древними писателями, къ прямому народовластію, пристрастіе, раздѣляемое и Руссо, заставившее его высказаться противъ представительства и настаивать на неотчуждаемости народомъ его верховныхъ правъ даже въ руки лицъ, имъ избранныхъ, не исчезло, а, наоборотъ, стало расти и развиваться. Оно стало особенно замѣтно съ тѣхъ поръ, какъ парламентской практикой доказана была возможность рѣзкаго расхожденія между дѣйствительными желаніями большинства націи и политикой большинства ея представителей. Отсюда, съ одной стороны, критика представительныхъ порядковъ и, въ частности, парламентаризма, а съ другой, — попытки ограничить его, подчинивъ рѣшенія палатъ народному контролю въ формѣ ли референдума, или въ формѣ непосредственнаго законодательнаго почина. Послѣдній имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда значительная часть народа, какая именно—заранѣе установлено закономъ, выскажется въ пользу извѣстной реформы. Можно сказать, что со второй половины XIX столѣтія критика представительной формы правленія въ ея двухъ видахъ—ограниченной монархіи и парламентаризма—пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе въ европейской публицистикѣ.

Порядокъ правленія, впервые возникшій въ Англіи, сознательно преслѣдовалъ цѣль представительства страны лучшими гражданами и наиболѣе свѣдущими въ законахъ. Не даромъ въ призывныхъ письмахъ, посылаемыхъ съ XIII вѣка къ правителямъ отдѣльныхъ графствъ или шерифамъ, король приглашалъ ихъ озаботиться избраніемъ двухъ, какъ значится въ латинскомъ

текстѣ этихъ грамотъ, meliores et legaliores homines de visnetu, что на средневѣковой латыни значитъ: изъ лучшихъ и наиболѣе свѣдущихъ въ законахъ людей изъ сосѣдства.

Эти люди избирались всѣмъ гражданствомъ, сходившимся на собранія графствъ, точно такъ же, какъ всѣми совершеннолѣтними мужчинами выбирались во Франціи въ предѣлахъ королевскихъ городовъ депутаты, посылавшіеся среднимъ сословіемъ на генеральные штаты. Со временемъ, снисходя къ жалобамъ на неудобства, связанныя съ такимъ періодическимъ перемѣщеніемъ, правители Англіи и Франціи, и прежде всего первой, распространили на избирателей ту свободу неявки, которая признана была ранѣе всего по отношенію къ службѣ присяжнаго для лицъ, доходъ которыхъ съ земельной собственности не достигалъ цифры 40 шиллинговъ въ годъ. Такимъ образомъ положено было начало избирательному цензу. Всѣ позднѣйшія попытки оправдать этотъ цензъ соображеніями о томъ, напримѣръ, что одни недвижимые собственники неразрывно связаны съ государствомъ, такъ какъ они не имѣютъ возможности перемѣщенія своихъ капиталовъ, не находятъ себѣ никакой почвы въ исторіи представительства. Выборы въ городахъ долѣе, чѣмъ въ графствахъ, продолжали носить характеръ всеобщаго голосованія, а именно, до того момента, когда, главнымъ образомъ, въ теченіе XVI вѣка, тѣсные городскіе совѣты, составленные изъ членовъ наиболѣе зажиточныхъ семей и пополняемые путемъ кооптаціи (т. е. выбора всѣмъ совѣтомъ на оказавшіяся вакансіи) не захватили въ свои руки и назначенія депутатовъ въ парламентъ. Но, оставаясь всеобщей, представительная система въ то же время никогда не отказывалась отъ мысли ввѣрить интересы законодательства и составленіе бюджета „лучшимъ и наиболѣе свѣдущимъ въ законахъ“ гражданамъ. Такая точка зрѣнія, очевидно, далеко не совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ, что въ парламентѣ должны найти себѣ защиту интересы всѣхъ группъ, и что эта защита должна быть ввѣряема каждымъ сословіемъ или классомъ его собственнымъ избранникамъ. Косвенно, однако, эта цѣль до нѣкоторой степени достигалась—и вотъ въ какомъ смыслѣ. Высшее дворянство находило своихъ представителей въ пэрахъ королевства, какъ высшее духовенство — въ епископахъ и монастырскихъ настоятеляхъ. Съ присоединеніемъ къ нимъ высшихъ сановниковъ государства и судей, всѣ названныя лица засѣдали въ верхней палатѣ,—палатѣ лордовъ. Въ нижней—большинство голосовъ принадлежало представителямъ отъ низшаго дворянства, такъ называемымъ рыцарямъ и оруженосцамъ графствъ,

позднѣе слившимся въ одно понятіе „сквайровъ“ или „джентри“. На ряду съ ними, важнѣйшіе города, извѣстные подъ наименованіемъ королевскихъ, имѣли представителями въ нижней палатѣ парламента членовъ высшей буржуазіи, организованной въ гильдіи и цехи, и засѣдавшей въ уже упомянутыхъ мною тѣсныхъ совѣтахъ городовъ. О представительствѣ рабочаго и крестьянскаго люда съ каждымъ столѣтіемъ все менѣе и менѣе заходитъ рѣчь. Сказанное объ Англіи можетъ быть повторено о любомъ изъ государствъ континента, въ которыхъ представительство, какъ, напримѣръ, во Франціи, было построено по типу сословныхъ палатъ. Къ палатамъ дворянства, духовенства и средняго сословія, съ преобладающимъ въ немъ вліяніемъ высшей буржуазіи, въ одной только Швеціи присоединяется четвертая,—крестьянская палата. Запросъ на расширеніе избирательнаго права съ цѣлью дать болѣе широкое представительство сперва движимой собственности и капиталу, а затѣмъ сельскому и промышленному труду, начинается въ Англіи уже въ серединѣ XVII вѣка, въ эпоху установленія республики и протектората Кромвеля. Онъ находитъ себѣ временное и частичное удовлетвореніе въ избирательномъ законѣ великаго диктатора; но съ реставраціей Стюартовъ мы видимъ поворотъ къ прежнимъ порядкамъ, такъ что въ XVIII вѣкѣ англійскимъ радикаламъ, въ томъ числѣ Вильксу, приходится начать новое движеніе въ пользу расширенія избирательнаго права. Страхъ французской революціи и якобинскаго духа заставляетъ Питта Младшаго отказаться отъ проведенія необходимой реформы и оставить XIX-му столѣтію заботу объ удовлетвореніи справедливыхъ жалобъ не представленныхъ въ парламентѣ интересовъ и классовъ. Тремя реформами, 1832, 1867 и 1884 годовъ, англійское избирательное право постепенно и только частично расширило такъ называемую franchise, или право подавать голосъ на выборахъ, во-первыхъ, на владѣльцевъ движимой собственности и капиталовъ, во-вторыхъ, на фермеровъ, въ-третьихъ,— на домовладѣльцевъ и, въ-четвертыхъ,—на квартирантовъ. Въ эту послѣднюю категорію могутъ попасть и семьи рабочихъ, разъ платимая ими аренда достигаетъ положеннаго закономъ минимума. Мнѣ необходимо было указать бѣгло на этотъ ходъ развитія въ Англіи избирательнаго права для того, чтобы ознакомить читателей съ причинами, поведшими къ возникновенію въ XIX столѣтіи, и прежде всего въ самой Англіи, совершенно новой точки зрѣнія на цѣли, преслѣдуемыя представительствомъ. Оно перестаетъ быть порядкомъ истолкованія общихъ интересовъ страны „лучшими и наиболѣе свѣдующими

въ законахъ людьми“ и становится системой владычества страною со стороны отдѣльныхъ классовъ общества, ввѣряющихъ защиту своихъ классовыхъ интересовъ собственнымъ уполномоченнымъ. Исторія избирательнаго права во Франціи или любой изъ странъ европейскаго континента, а также въ отдѣльныхъ штатахъ Сѣверной Америки, только подтвердила бы этотъ взглядъ, —указывая на постепенное расширеніе такъ называемаго „pays légal“, на уравненіе сперва въ отношеніи къ представительству владѣльцевъ движимой собственности съ владѣльцами недвижимой и на надѣленіе затѣмъ правомъ голоса всѣхъ гражданъ, то въ формѣ открыто признаннаго закономъ принципа всеобщаго голосованія, какъ въ современной Франціи, Бельгіи Германіи, Швейцаріи, то въ формѣ невысокаго избирательнаго ценза, какъ, напримѣръ, въ Австріи, Пруссіи и Италіи, при которомъ одинъ пролетаріатъ, и то не вполнѣ, остается за предѣлами „pays légal“.

Но новое начало представительства интересовъ и классовъ ставитъ на очередь вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ интересы меньшинства той или другой имѣютъ мѣстности право разсчитывать на ихъ выраженіе и защиту въ общемъ собраніи страны. Не мудрено поэтому, если только съ XIX вѣка поставлена на очередь проблема пропорціональнаго представительства, т. е. представительства интересовъ каждой группы соотвѣтственно мѣсту, занимаемому ею въ ряду другихъ. Этотъ вопросъ, возбужденный и въ теоріи, и на практикѣ въ Англіи, въ лицѣ Томаса Гэра и сторонника его взглядовъ Джона Стюарта Милля, нашелъ энергичныхъ защитниковъ и пропагандистовъ.

Съ точки зрѣнія представительства, по возможности, всѣхъ интересовъ, и при томъ пропорціонально ихъ важности, какъ ограниченная монархія, такъ и парламентаризмъ, подвергаются въ наши дни одинаково строгой критикѣ. Тогда какъ референдумъ и прямой законодательный починъ въ формѣ массовыхъ петицій предлагаются, какъ средство реформировать представительную систему въ смыслѣ приближенія ея къ порядкамъ народнаго правленія,—испробованная на мѣстныхъ выборахъ въ Англіи система представительства меньшинства имѣетъ въ виду сдѣлать изъ національнаго собранія или парламента по возможности вѣрное отраженіе всѣхъ имѣющихся въ странѣ групповыхъ интересовъ. На съѣздѣ юристовъ всего свѣта, устроенномъ Обществомъ сравнительнаго законовѣдѣнія въ Парижѣ въ 1900 году, сторонникамъ и противникамъ исторически-сложившейся системы

народнаго представительства дана была возможность преломить копья. Теоретики установившагося въ Бельгіи vote plural, вызывающаго рѣзкій отпоръ со стороны рабочихъ классовъ, встрѣтились въ своихъ требованіяхъ и въ своей критикѣ съ тѣми, кто, подобно Бенуа, профессору въ Ecole des sciences politiques, подъ именемъ „организаціи" всеобщаго голосованія, преслѣдуетъ цѣль сдѣлать изъ народнаго собранія выразителя не столько интересовъ націи, сколько составляющихъ ее классовъ и группъ.

Парламентская система въ большей степени, чѣмъ система ограниченной монархіи, встрѣчаетъ въ наши дни критиковъ и съ точки зрѣнія чрезмѣрнаго сосредоточенія ею всей власти въ рукахъ народной палаты. Въ Италіи это движеніе встрѣтило особенно многочисленныхъ сторонниковъ въ лицѣ профессоровъ конституціоннаго права. Профессоръ Милези, читавшій въ прошломъ году лекціи и въ Русской Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ, является однимъ изъ главныхъ представителей этого направленія. Ссылаясь на примѣръ сената республиканскаго Рима и сената республики Св. Марка, Венеціи, а также на порядки, которые въ наши дни держатся въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, гдѣ, какъ уже сказано, проведено начало раздѣленія властей, Милези доказываетъ опасность сосредоточенія въ рукахъ обѣихъ палатъ, а не одной только высшей, вмѣстѣ съ законодательствомъ и составленіемъ бюджета, также рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики, въ томъ числѣ вопроса о войнѣ и мирѣ. Всѣ эти вопросы должны вѣдаться, по его мнѣнію, высшей палатой, какъ отличающейся бо́льшимъ постоянствомъ состава и большей политической опытностью. Это движеніе, къ которому примыкаетъ не мало послѣдователей въ странахъ, или не перешедшихъ еще къ порядкамъ парламентскаго правленія, или разувѣрившихся въ его преимуществахъ, вызываетъ въ наши дни у многихъ писателей поворотъ въ сторону ограниченной монархіи. Это въ частности, относится къ такому выдающемуся нѣмецкому публицисту, какъ Лабандъ. Имѣя дѣло съ конституціей, сравнительно недавней и редактированной Бисмаркомъ въ интересахъ сохраненія за прусскимъ королемъ, въ роли германскаго императора, возможно широкихъ полномочій, Лабандъ путемъ юридическихъ построеній старается доказать, что императоръ, свободный въ выборѣ канцлера, въ свою очередь, не несущаго политической отвѣтственности, ни передъ рейхстагомъ, ни передъ высшимъ административнымъ судомъ, облеченъ

всѣми правами государственнаго верховенства; пользованіе ими, по его собственному почину, только ограничено палатами.

Двадцатому столѣтію предстоитъ, такимъ образомъ, рѣшить все еще открытый вопросъ объ относительныхъ преимуществахъ ограниченной монархіи и парламентаризма, парламентаризма и прямой демократіи, оживающей въ формѣ референдума и народнаго почина въ дѣлѣ законодательства. При референдумѣ палаты въ сущности издаютъ не законы, а законопроекты; ихъ можетъ обратить въ законы только прямое голосованіе большинства гражданъ. При починѣ законовъ народомъ палаты теряютъ важнѣйшую изъ предоставленныхъ имъ функцій государственнаго верховенства, да и не однѣ палаты, такъ какъ на дѣлѣ, какъ показываетъ примѣръ Англіи, большинство законопроектовъ исходитъ отъ органовъ исполненія,—отъ кабинета. Не мудрено, если въ такихъ условіяхъ даже сторонники радикальной партіи, въ родѣ Карла Фохта, открыто высказывались и продолжаютъ высказываться противъ возможности примирить представительную систему, т. е. управленіе страною лучшими людьми, принимающими тѣ или другія рѣшенія на свой страхъ, дѣйствующими по собственному разумѣнію, съ системой, при которой избранники народа были бы не болѣе, какъ его приказчиками, исполняющими всѣ велѣнія большинства. Опытъ показалъ, что референдумъ болѣе консервативенъ и болѣе отражаетъ на себѣ народныя предубѣжденія, нежели система вотированія законовъ представителями. Защищая предо мною это положеніе, Карлъ Фохтъ любилъ ссылаться на тотъ фактъ, что путемъ референдума гражданство Швейцаріи отклонило законъ, обезпечивающій пенсію чиновникамъ, очевидно, въ виду того, что крестьянству неизвѣстно на опытѣ ничего подобнаго тому обезпеченію отъ старости и недуговъ, какимъ представляется такая система пенсій. Но, съ другой стороны, нельзя не сказать, что тотъ же референдумъ заявлялъ себя не разъ противникомъ всякихъ рискованныхъ новшествъ и, слѣдовательно, скорѣе сторонникомъ существующихъ порядковъ, нежели ихъ упразднителемъ. Профессоръ Гильти въ Архивѣ публичнаго права, издаваемомъ въ Фрейбургѣ, еще въ концѣ 80-хъ годовъ отмѣтилъ слѣдующія выгодныя стороны референдума. „Референдумъ, пишетъ онъ,— придаетъ законодательству народный характеръ: народъ лучше знакомится съ самымъ содержаніемъ законовъ и заставляетъ редактировать ихъ болѣе тщательно и съ меньшею поспѣшностью. Референдумъ—энергичный противникъ дорогой бюрократіи тенденціи расширять сферу государственнаго вмѣшательства (оче-

видно, въ виду всегдашней возможности отклоненія народомъ неназрѣвшихъ еще реформъ). Референдумъ—прекраснѣйшее образовательное средство, такъ какъ будитъ въ каждомъ сознаніе его принадлежности къ государству и устраняетъ возможность смотрѣть на законодательство, какъ на отвѣтственное дѣло лишь незначительнаго меньшинства лицъ, участвующихъ въ правительственной власти. Референдумъ имѣетъ еще то выгодное послѣдствіе, что даетъ возможность ариѳметическаго рѣшенія вопроса о томъ, насколько тѣ или другія реформы дѣйствительно отвѣчаютъ желаніямъ большинства націи. Онъ принуждаетъ образованные классы стоять въ постоянномъ общеніи съ простонародьемъ и заботиться о поднятіи его умственнаго и нравственнаго уровня изъ разумнаго разсчета“.

Къ этимъ соображеніямъ профессора Гильти, Теодоръ Курти прибавляетъ отъ себя короткую, но весьма обстоятельную характеристику того направленія, въ какомъ сказалось вліяніе референдума на законодательную дѣятельность Швейцаріи съ 1874 года. Референдумъ, пишетъ онъ, отнесся недовѣрчиво ко всѣмъ предложеніямъ, въ которыхъ сказывалось желаніе воскресить конфессіональные споры. Онъ, въ то же время, не отказалъ въ своей поддержкѣ соціальному законодательству, какъ то: фабричному закону, законамъ, ставившимъ себѣ цѣлью защиту рабочихъ. Выкупъ желѣзныхъ дорогъ, всякія мѣры къ поощренію лѣсоохраненія, земледѣлія и промышленности, встрѣтили съ его стороны рѣшительную поддержку. Онъ также высказался въ пользу выработки общаго законодательства о гражданскомъ состояніи, о бракѣ, о личной правоспособности. Онъ санкціонировалъ предложеніе общаго обязательственнаго, торговаго и вексельнаго права, общаго для всѣхъ кантоновъ закона объ осѣдлости, закона о правахъ изобрѣтателей и закона о конкурсѣ. Такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобы референдумъ, насколько его дѣятельность извѣстна намъ за послѣднія 30 лѣтъ въ сферѣ федеральнаго законодательства Швейцаріи, выступалъ противникомъ реформъ. Имъ отклонены были только такія реформы, въ пользу которыхъ еще не высказалось общественное мнѣніе, или которыя нашли для себя несовершенную редакцію, такъ какъ не были основаны на достаточномъ изученіи [1]).

Референдумъ встрѣчаетъ все большее и большее сочувствіе и за предѣлами Швейцаріи, хотя онъ и не проникъ еще въ сферу законодательства. Рабочая партія, напримѣръ, въ Бельгіи и Гер-

[1]) „Die schweizarischen Volksrechte“, Theodor Curti, Bern, 1900, стр. 62—75.

маніи, не разъ обращалась къ нему съ цѣлью рѣшить въ примѣненіи къ тѣмъ или другимъ вопросамъ, раздѣлявшимъ ея членовъ, на чьей сторонѣ дѣйствительное большинство. Въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ также сдѣланы были попытки, въ 1895 году, узнать мнѣніе населенія посредствомъ референдума, напримѣръ, по такимъ вопросамъ, какъ проведеніе въ самомъ городѣ желѣзной дороги. Префектъ Сены воспротивился, однако, осуществленію этой мысли. Въ Швеціи движеніе въ пользу введенія референдума нашло поддержку въ 200,000 гражданъ, принимавшихъ участіе въ собраніи, созванномъ съ этою цѣлью радикальной партіей, и получившемъ наименованіе народнаго парламента. Своеобразную форму референдума предлагаетъ бельгійскій король, референдума такъ называемаго королевскаго. Онъ хотѣлъ бы, чтобы правительство обращалось къ народному голосованію каждый разъ, когда тѣ или другіе законы, вотированные палатами, не встрѣчаютъ его одобренія [1]).

Это невольное отступленіе въ область законодательной практики вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ явленіе сравнительно новое, попытка обновить представительную систему сочетаніемъ ея съ началомъ народнаго участія въ законодательствѣ еще не нашла себѣ той теоретической конструкціи, какую имѣетъ система ограниченнаго представителями самовластія или режимъ парламентаризма.

Въ общемъ очеркѣ судебъ европейской политической мысли за протекшее столѣтіе нельзя не остановиться на томъ знаменательномъ фактѣ, что послѣдствіемъ сравнительно-историческаго изученія учрежденій оказалось то убѣжденіе, что государственные порядки не являются предметомъ свободнаго выбора, и что ни о какой изъ существующихъ формъ политическаго устройства нельзя говорить, какъ о наилучшей при всѣхъ условіяхъ. Эта точка зрѣнія, можно сказать, была не чужда и писателямъ XVIII вѣка, напримѣръ, Берку. Въ XIX ее высказываютъ и нѣкоторые англійскіе мыслители, въ томъ числѣ Льюисъ, и такіе французскіе писатели, какъ Ипполитъ Пасси, авторъ трактата „О формахъ правленія и о законахъ, управляющихъ ихъ выборомъ“, или еще Блунчли, авторъ извѣстнаго сочиненія „Объ общемъ государственномъ правѣ“.

Нельзя сказать, однако, чтобы эта точка зрѣнія пользовалась общимъ признаніемъ или устраняла возможность, даже со стороны лицъ, ее высказывающихъ, нѣкотораго пристрастія къ

[1]) Ibid., стр. 78—81.

той или другой формѣ политическаго устройства. Болѣе или менѣе совершенной считалась въ первой половинѣ XIX вѣка такъ называемая конституціонная монархія, а во второй его половинѣ—демократическая и парламентарная. Подъ конституціонной монархіей разумѣлось на континентѣ Европы нѣчто отличное отъ англійскихъ порядковъ, хотя послѣдніе и признавались ея образцомъ. Дѣло въ томъ, что континентальные публицисты никакъ не могли отрѣшиться отъ высказанной Монтескье и принятой Делольмомъ и Блекстономъ мысли, что политическая свобода въ Англіи обезпечена началомъ раздѣленія властей и системою политическихъ противовѣсовъ. Эту точку зрѣнія можно встрѣтить не только у доктринеровъ, но и у Бенжамена Констана и тѣхъ многочисленныхъ нѣмецкихъ публицистовъ, которые прямо или косвенно содѣйствовали конституціонному развитію отдѣльныхъ монархій, входившихъ въ составъ Германскаго союза. Наиболѣе полное выраженіе она нашла, быть можетъ, въ извѣстной государственной энциклопедіи Ротека и Велькера.

По непонятной странности, предпочтеніе, оказываемое англійской конституціи, своеобразно и неправильно толкуемой, сочеталось у такъ называемыхъ послѣдователей конституціонной школы съ идущимъ вразрѣзъ съ англійской практикой ученіемъ о прирожденныхъ правахъ, на которыя не можетъ занести руки никакая власть, даже имѣющая свои корни въ народномъ представительствѣ. Мы видѣли, что такая теорія высказана была еще въ XVII вѣкѣ въ Англіи, но не нашла въ ней законодательнаго признанія, въ виду явнаго противорѣчія ея съ основнымъ англійскимъ воззрѣніемъ на всемогущество парламента. Провозглашенный еще Елизаватинскимъ судьею Кокомъ, принципъ неограниченной власти короля, лордовъ и общинъ, совокупность которыхъ и образуетъ собою парламентъ, очевидно, не могъ быть примиренъ съ ученіемъ о неотчуждаемыхъ народныхъ вольностяхъ, одна охрана которыхъ ввѣряется правительству. Согласнаго рѣшенія короля, лордовъ и общинъ, этихъ трехъ участниковъ верховной власти, считалось и доселѣ считается достаточнымъ въ Англіи для установленія новыхъ правъ или ограниченія существующихъ. Но зародившаяся въ Англіи доктрина неотъемлемыхъ правъ пустила корни въ Америкѣ; оффиціальное признаніе дано ей въ тѣхъ билляхъ о правахъ, которыми снабжены конституціи отдѣльныхъ ея штатовъ, въ томъ числѣ виргинская. Примѣръ Америки рѣшилъ выборъ дѣятелей Учредительнаго Собранія во Франціи и явился причиной, по которой въ французскую конституцію въ 1791 года была включена

особая декларація правъ человѣка и гражданина. Ученіе Локка о свободѣ и собственности, какъ о неотчуждаемыхъ вольностяхъ, подверглось въ ней искусственному сочетанію съ ученіемъ Руссо о верховенствѣ, принадлежащемъ одной только націи, и производномъ характерѣ всѣхъ существующихъ въ государствѣ властей. Декларація правъ послужила для публицистовъ первой половины XIX столѣтія отправнымъ пунктомъ при построеніи цѣлой теоріи публичныхъ правъ, отличныхъ отъ политическихъ, т. е. опредѣляющихъ, кому въ государствѣ должно принадлежать участіе въ правительственной власти, законодательствѣ, судѣ и управленіи. Эти публичныя права считались своего рода естественными правами или правами прирожденными, которыхъ государство не можетъ не признавать, что, въ свою очередь, обусловливаетъ собою существованіе, такъ сказать, самой природой установленныхъ границъ государственнаго вмѣшательства. Въ деклараціи правъ видѣли существенную защиту личности отъ произвола, какъ правительства, такъ и законодательныхъ палатъ, и не считали нужнымъ искать болѣе дѣйствительнаго тормаза такому произволу въ возможности судебнаго обжалованія несогласныхъ съ закономъ дѣйствій чиновниковъ или несогласныхъ съ конституціей законовъ. А между тѣмъ, образецъ того и другого можно было найти въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Америки; въ послѣднихъ—въ формѣ обжалованія заинтересованнымъ лицомъ даже тѣхъ нормъ закона, которыя покажутся ему несогласными съ конституціонными порядками страны.

Не считая условіемъ, необходимымъ для политической свободы, право избирать и быть избраннымъ, публицисты конституціонной школы выдвигали то ученіе, что право голоса можетъ быть предоставлено только лицамъ, сознательно относящимся къ такой привиллегіи. Сознательное же отношеніе предполагаетъ извѣстный возрастъ и довольно высокій уровень образованія; послѣдній же мыслимъ, будто-бы, только у лицъ, владѣющихъ собственностью: одни думали—исключительно недвижимой, а другіе—также и движимой. Такая точка зрѣнія наглядно выступаетъ еще у современниковъ французской революціи, между прочимъ, у Неккера, въ его сочиненіи „Объ исполнительной власти въ большихъ государствахъ". Она съ меньшей рѣзкостью высказывается и Бенжаменомъ Констаномъ, и публицистами Іюльской монархіи, сторонниками такъ называемой pays légal.

Не ранѣе тридцатыхъ годовъ проникаетъ въ сознаніе публицистовъ континентальной Европы, что однимъ изъ условій, благо-

пріятныхъ упроченію политической свободы въ Англіи, является мѣстное самоуправленіе. Кормененъ и Вивіенъ во Франціи открываютъ цѣлый походъ противъ административной централизаціи и правительственной опеки надъ общинами. Въ Германіи, въ частности въ Пруссіи, законодательство предшествуетъ теоріи. Штейномъ, еще въ эпоху Наполеоновскаго владычества, предлагаются и проводятся реформы, имѣющія задачей замѣнить бюрократію землевладѣльческимъ сословіемъ въ сферѣ общиннаго и окружного управленія. Примѣръ Англіи, гдѣ до послѣдняго времени дворянство несло даровую службу въ сферѣ мѣстной полиціи и суда,—причина тому, что и континентальная публицистика остановилась на той мысли, что мѣстное управленіе должно быть ввѣрено по преимуществу землевладѣльческому классу. Одинъ Токвиль составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе; имъ впервые отмѣчено не только существованіе въ Новомъ Свѣтѣ демократическаго устройства общинъ и приходовъ, но и неотложное наступленіе одногарактерныхъ порядковъ въ Европѣ.

Резюмируя въ немногихъ словахъ ученіе конституціоналистовъ первой половины столѣтія, мы можемъ сказать, что наиболѣе отвѣчающимъ современнымъ требованіямъ они считали такой государственный строй, при которомъ правительство, пользуясь неограниченной исполнительной властью и контролемъ за законодательствомъ въ формѣ королевскаго „вето“, въ то же время обезпечивало бы владѣтельнымъ классамъ значительную самостоятельность въ дѣлѣ законодательства и налогового обложенія, а также возможность посвятить себя даровой мѣстной службѣ. Судамъ предоставлена была въ то же время независимость, благодаря принципу несмѣняемости ихъ членовъ, и обезпечена извѣстная популярность, въ виду гласности ихъ рѣшеній и участія въ нихъ народнаго элемента въ лицѣ присяжныхъ (впрочемъ, только въ сферѣ уголовной юстиціи).

Господствующая теорія уже въ первой половинѣ столѣтія находила систематическихъ критиковъ, и въ Англіи, и на континентѣ Европы. Намъ придется указать на Бентама, какъ на того изъ англійскихъ юристовъ-философовъ, которому можетъ быть приписано начало похода какъ противъ той интерпретаціи, какую англійская конституція нашла со стороны Монтескье и его ученика Блэкстона, такъ и противъ самой этой конституціи, какъ наиболѣе совершенной, такъ, наконецъ, и противъ возможности сочетать съ всемогуществомъ парламента защиту какихъ-то прирожденныхъ правъ личности отъ посягательствъ госу-

дарства и власти. Правда, и до Бентама высказывались однохарактерные взгляды и никѣмъ другимъ, какъ Юмомъ, критикомъ извѣстной теоріи общественнаго договора Руссо, а также ученія о прирожденныхъ правахъ. Но никто не придалъ этимъ нападкамъ на декларацію и проводимое ею ученіе о правахъ, „предшествующихъ во времени и превосходящихъ силою положительные“ законы (antérieurs et supérieurs aux lois positives), болѣе рѣзкаго характера, чѣмъ извѣстный критикъ всей учредительной дѣятельности людей 1789 г., Беркъ. Къ нему и примыкаетъ Бентамъ въ своемъ трактатѣ объ „Анархическихъ софизмахъ“; въ этой книгѣ уже проводится тотъ взглядъ, что всякое государственное устройство разсчитано на удовлетвореніе потребности въ счастьи, общемъ если не всѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, большинству жителей государства (le plus grand bonheur du plus grand nombre); при преслѣдованіи этой цѣли, думалъ Бентамъ, правительству нѣтъ основанія стѣснять свою дѣятельность формальнымъ актомъ, выражающимъ собою необходимо измѣнчивые по природѣ политическіе вкусы и идеалы, а такими только и могутъ быть принципы, провозглашаемые всякой декларацiей правъ. Въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Бентамъ не разъ возвращается къ той же точкѣ зрѣнія, такъ, напр., въ томъ конституціонномъ кодексѣ, какой написанъ былъ имъ для Испаніи. Тотъ же Бентамъ отрицаетъ возможность раздѣла суверенитета или правъ верховенства, такъ какъ суверенитетъ, по самой своей природѣ, кажется ему, какъ и Руссо, недѣлимымъ. Всякій суверенитетъ, пишетъ онъ, неограниченъ. Говорить о его раздѣлѣ, значитъ создавать фикцію. А если такъ, то въ глазахъ Бентама не имѣетъ никакого значенія для интересовъ свободы ни раздѣленіе властей, ни система противовѣсовъ. Для него существенно, чтобы возможность стремиться къ благу большинства была признана за всѣми, а это достигается только подъ условіемъ расширенія избирательнаго права до его крайнихъ предѣловъ. Отказываясь отъ первоначально высказанной имъ мысли, что такими предѣлами должно быть надѣленіе голосомъ всякаго домовладѣльца, Бентамъ, въ своемъ планѣ избирательной реформы, становится открыто на сторону всеобщаго голосованія. Только при немъ возможно будетъ установленіе той формы политическаго устройства, которую онъ считаетъ наиболѣе подходящей для современныхъ условій,—формы чистой представительной демократіи [1]). Всеобщее голосованіе въ предложенномъ

1) Ср. недавнее сочиненіе *Halevy*, „La formation du radicalisme philosophique en Angleterre“, т. III, стр. 181—199.

Бентамомъ планѣ реформы должно было найти себѣ существенное восполненіе въ годичномъ парламентѣ и въ тайной подачѣ голосовъ. Тайна, всеобщность, равенство и годичность выборовъ—такова предложенная Бентамомъ формула. Она найдетъ себѣ существенное восполненіе и развитіе въ извѣстномъ сочиненіи его ученика и послѣдователя, Милля: „Разсужденіе о представительной формѣ правленія“. Милль, въ противность Бентаму, подыметъ вопросъ о правѣ голосованія женщинъ и о необходимости обезпечить представительство меньшинству, притомъ по возможности пропорціональное.

Продолжая обзоръ тѣхъ видоизмѣненій, какимъ въ самой Англіи подверглось ученіе о дѣйствительной природѣ ея учрежденій, измѣненій, въ значительной степени вызванныхъ самими перемѣнами въ этихъ учрежденіяхъ, мы не можемъ не отмѣтить того, никѣмъ раньше Бэджгота не выясненнаго факта, что англійскій парламентаризмъ въ сущности представляетъ собою систему самоуправленія общества черезъ посредство его представителей. Въ этомъ самоуправленіи, по мѣрѣ расширенія избирательнаго права, первенствующее мѣсто приходится на долю народной палаты, которая одна дѣятельно участвуетъ въ составленіи бюджета, къ которой принадлежитъ также большинство членовъ солидарнаго и отвѣтственнаго правительства, такъ называемаго кабинета.

Критикуя эти новые порядки въ своемъ извѣстномъ трактатѣ „О народномъ правительствѣ“, Мэнъ уже подчеркиваетъ характеръ демократіи, пріобрѣтенный за послѣднее время англійскими учрежденіями. Эта демократія пускаетъ еще болѣе глубокіе корни въ почву съ момента передачи—изъ рукъ мирового института, отправляемаго классомъ землевладѣльцевъ,—въ руки избирательныхъ совѣтовъ, завѣдыванія административными интересами не только прихода и города, но и цѣлаго графства. Вліяніе, какое прямая народная иниціатива, въ формѣ митинговъ и коллективныхъ петицій, оказываетъ на измѣненіе законодательства, внутренней и отчасти внѣшней политики, вполнѣ сознается въ настоящее время и туземными писателями, какъ, напр., Джексонъ, въ его исторіи „политической платформы“, т. е. массовой петиціи, и Острогорскимъ въ его недавно вышедшемъ сочиненіи: „Демократія и организація политическихъ партій“. Завѣтныя стремленія Бентама, такимъ образомъ, получаютъ въ Англіи осуществленіе, и страна эта все болѣе и болѣе становится той представительной демократіей, о которой говорится въ его „Планѣ реформъ“. Само движеніе въ пользу отмѣны Верхней Палаты,

котораго онъ былъ однимъ изъ инициаторовъ, не можетъ считаться вполнѣ вымершимъ. Даже такіе консервативные писатели, какъ Фриманъ, высказываются въ пользу радикальной реформы Палаты лордовъ и возможнаго приближенія ея къ тому культурному представительству націи ея наиболѣе выдающимися государственными людьми, писателями, учеными, художниками, какимъ Верхней Палатѣ мудрено стать даже при широкомъ правѣ назначенія королемъ въ лорды наиболѣе выдающихся коммонеровъ.

Очевидно, что эти перемѣны въ фактахъ и теоріяхъ классической страны представительства и парламентаризма должны были измѣнить точку зрѣнія и континентальныхъ писателей на наиболѣе желательную въ современныхъ условіяхъ форму политическаго устройства. Не мало содѣйствовалъ упадку старыхъ воззрѣній на природу англійской конституціи мой берлинскій учитель Гнейстъ; онъ показалъ въ своихъ извѣстныхъ сочиненіяхъ по ея исторіи и современному состоянію, что гарантіями политической свободы въ Англіи надо считать, вмѣстѣ съ представительствомъ, мѣстное самоуправленіе и возможность обжалованія всѣхъ дѣйствій административныхъ властей передъ судами. Изъ этихъ трехъ началъ слагается тотъ правовой порядокъ, для котораго Гнейстомъ придуманъ былъ и особый терминъ Rechtsstaat'а. Въ томъ толкованіи, какое Гнейстъ даетъ англійской конституціи, еще не подчеркнутъ характеръ самоуправленія общества, присущій системѣ парламентаризма. Въ этомъ надо видѣть главный недосмотръ, допущенный лучшимъ изъ континентальныхъ знатоковъ англійской государственной жизни. Но то, что не было сказано Гнейстомъ, въ настоящее время, послѣ работъ Бэджгота и Дайси, породившихъ цѣлый рядъ компиляцій и на континентѣ Европы, проникло болѣе или менѣе въ общее сознаніе. Доказательство этого можно найти, между прочимъ, въ появившемся не далѣе, какъ въ прошломъ году, сочиненіи Моро „О парламентаризмѣ вообще", а также въ такихъ трактатахъ по конституціонному праву, какъ сочиненіе извѣстнаго профессора Эсмена. Всѣ тѣ, кто не относится отрицательно къ англійскому образцу, видятъ въ немъ нынѣ не систему раздѣленія властей, а наоборотъ, порядокъ солидарной дѣятельности органовъ законодательства и управленія; единодушіе ихъ обезпечено самымъ фактомъ сосредоточенія высшей администраціи и почина законовъ въ рукахъ комитета отъ палатъ, какимъ является кабинетъ. Нѣтъ также разногласія по вопросу о необходимости положить въ основу самоуправленія сверху—самоуправленіе снизу. Бюрократія и пра-

вительственная опека надъ общинами не встрѣчаютъ уже сторонниковъ. Похвалы, расточаемыя по адресу административной централизаціи Тьеромъ (cette centralisation que l'Europe nous envie) и вслѣдъ за нимъ Дюпонъ-Уайтомъ, не встрѣчаютъ отголоска у выдающихся политическихъ писателей современной Франціи, хотя „чиновное государство", которымъ такъ гордятся пруссаки, какъ своимъ собственнымъ созданіемъ, въ дѣйствительности и зародилось впервые въ эпоху французскаго абсолютизма и взято было у него на прокатъ нѣмецкими и славянскими державами. Мысль о необходимости сдѣлать правительственныхъ агентовъ отвѣтственными, передъ судомъ за всѣ ихъ дѣйствія по службѣ,— мысль, находившая себѣ лишь частичное признаніе во Франціи, благодаря существованію рядомъ двухъ порядковъ судебнаго устройства: обыкновеннаго и административнаго (contentieux administratif),— встрѣчаетъ все больше и больше сторонниковъ, если не въ смыслѣ подчиненія всякаго рода дѣлъ обыкновеннымъ судамъ, то въ томъ, чтобы обставить суды административные тѣми же гарантіями несмѣняемости, гласности и т. д., какими пользуются суды гражданскіе и уголовные. Забота о созданіи такихъ высшихъ административныхъ судовъ изъ свѣдующихъ юристовъ и администраторовъ можетъ быть признана всеобщею въ Германіи; результатомъ ея явилось установленіе высшихъ Verwaltungsgerichtshöfe какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ. Въ этомъ обжалованіи передъ судами дѣйствій администраціи, несогласныхъ съ закономъ, частное лицо находитъ несравненно большее обезпеченіе своихъ правъ, чѣмъ въ текстахъ сплошь и рядомъ нарушаемыхъ законодателями и правителями, декларацій личныхъ вольностей. Европейскому конституціонному праву недостаетъ пока той гарантіи индивидуальной свободы и неприкосновенности собственности, какую въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ возможность обжалованія въ судахъ самого закона, разъ послѣдній несогласенъ съ государственными устоями, конституціей. Значеніе этой гарантіи уже оцѣнено должнымъ образомъ всѣми изслѣдователями американскихъ государственныхъ порядковъ, начиная съ Токвиля и оканчивая Брайсомъ и Берджесомъ. И въ общихъ трактатахъ о государственномъ правѣ не разъ заходила рѣчь о разумности такой системы, признаваемой въ наши дни наиболѣе положительной стороною американской государственной жизни.

Представительная демократія, т. е. та форма политическаго устройства, которая въ передовыхъ странахъ Европы считается наиболѣе отвѣчающей современнымъ вкусамъ и требованіямъ, не

предполагаетъ необходимо избираемаго главы. Она уживается и съ наслѣдственностью должности перваго сановника государства, но только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы отвѣтственность за этого несмѣняемаго главу несли проводящіе его пожеланія въ жизнь ближайшіе совѣтники,—министры. Нельзя сказать, чтобы большіе или меньшіе размѣры власти, какою пользуется глава государства, стояли въ зависимости отъ ея наслѣдственности или срочности. Избираемый американскій президентъ, непосредственно отвѣчающій за свою политику передъ народомъ, а за нарушеніе законовъ—передъ судами, едва ли не оказываетъ большаго вліянія на ходъ политической машины, чѣмъ англійскій король, безотвѣтственный, но распоряженія котораго считаются обязательными только подъ условіемъ ихъ скрѣпленія отвѣтственнымъ министромъ. Поэтому представительная демократія не измѣняетъ своей природѣ, оставаясь монархической. Надъ двумя долгое время противорѣчивыми, взаимно исключавшими другъ друга типами государственнаго устройства, подымается въ настоящее время новый, примиряющій ихъ. Это—представительная демократія. Она не зависитъ въ своемъ существованіи отъ того, принадлежитъ ли главенство въ ней коллегіи избираемыхъ сановниковъ, какъ въ Швейцаріи, единоличному правителю, выбранному народомъ, что, какъ показываетъ опытъ Америки, дѣлаетъ его ставленникомъ господствующей партіи, представительнымъ палатамъ, какъ во Франціи при третьей республикѣ, или, наконецъ, наслѣдственному князю, принадлежащему къ исторической династіи. Представительная демократія—это новый и далеко еще не вполнѣ опредѣлившійся типъ государственнаго устройства. XIX-ое столѣтіе унаслѣдовало ее отъ своего предшественника; она возникла въ эпоху французской революціи, благодаря искусственному сліянію политической системы англичанъ съ такъ называемыми принципами 1789-го года. Основу представительной демократіи составляетъ, наравнѣ съ парламентаризмомъ или самоуправленіемъ народа, „равная свобода“ для всѣхъ гражданъ (liberté égalitaire,—equal liberty,—gleiche Freiheit). Это начало равенства въ свободѣ не можетъ считаться, однако, изобрѣтеніемъ французской революціи. Въ серединѣ XVII-го столѣтія, въ эпоху, когда историческій ходъ развитія англійскихъ учрежденій внезапно былъ прерванъ поворотомъ къ абсолютизму, сторонники исконныхъ порядковъ объединились подъ знаменемъ „прирожденныхъ правъ англичанина“.

Этими правами признана была равная для всѣхъ возможность самоопредѣленія въ сферѣ какъ матеріальныхъ, такъ и

нравственныхъ интересовъ, и въ частности неприкосновенность лица, жилища и имущества, свобода совѣсти, слова и печати, свобода петицій и сходокъ. Такія вольности признавались общимъ достояніемъ всей націи, ея историческимъ наслѣдіемъ; онѣ предполагали своей основой равенство всѣхъ передъ закономъ и судомъ. Въ этомъ ученіи о вольностяхъ свободно-рожденнаго англичанина (free born englishman), вольностяхъ, нашедшихъ со стороны Лильборна и партіи левеллеровъ или уравнителей, первую систематическую передачу въ особомъ „Соглашеніи англійскаго народа“, трудно не видѣть зародышъ доктрины о неотчуждаемыхъ и данныхъ самою природою правахъ. Политическая философія XVII вѣка въ Англіи завѣщала эту теорію въ равной мѣрѣ и авторамъ американскихъ декларацій, и дѣятелямъ Учредительнаго Собранія во Франціи, и учителямъ естественнаго права въ Германіи, начиная съ Пуффендорфа и Вольфа и оканчивая Штаммлеромъ. Кантовское опредѣленіе свободы, по вѣрному замѣчанію Давида Ритчи, сходно по существу съ тѣмъ, какое даетъ ей въ наши дни индивидуалистъ Спенсеръ, какъ бы ни расходились во всемъ остальномъ взгляды названныхъ писателей, не говоря уже объ ихъ методологическихъ пріемахъ. Для обоихъ личная свобода—свобода уравнительная [1]), свобода, пользованіе которой мыслимо подъ условіемъ предоставленія однохарактерной возможности любому изъ подданныхъ или гражданъ государства и, до нѣкоторой степени, даже иностранцамъ, временно пребывающимъ въ его предѣлахъ. Въ концѣ XVIII столѣтія фактическое содержаніе этой свободы легко было опредѣлить: она означала разрывъ съ монополіями и привиллегіями отдѣльныхъ сословій и подчиненіе всѣхъ въ равной степени дѣйствію общаго закона. Но въ наши дни съ нею нерѣдко связывается представленіе о чемъ то несравненно болѣе сложномъ. Не говоря уже о тѣхъ, кто преслѣдуетъ задачу равенства матеріальныхъ условій, несомнѣнно, что въ глазахъ даже сторонниковъ существующаго общественнаго строя, уравнительная свобода означаетъ не только равенство правъ, но и „равенство возможностей“. Эта точка зрѣнія передается англійской формулой „равенство отправнаго пункта“ (equal start). Это значитъ, что отъ государства каждый изъ его подданныхъ въ правѣ требовать спо-

[1]) Такъ, Спенсеръ опредѣляетъ свободу: „право каждаго человѣка дѣлать все, что онъ пожелаетъ, подъ условіемъ не нарушать тѣмъ самымъ равной свободы всякаго другого“. Но развѣ то же не было сказано гораздо ранѣе Кантомъ, въ его „Метафизическихъ основахъ права“?

спѣшествованія своему матеріальному и нравственному развитію настолько, чтобы сдѣлать для него возможнымъ пользованіе обѣщанными ему вольностями и правами. Полученіе дарового начальнаго образованія, какъ и обезпеченіе труда, т. е. косвенно средствъ къ существованію, въ такой же степени входятъ въ понятіе такого „равенства возможностей", какъ и одинаковая защита всѣхъ и каждаго отъ внѣшняго насилія, проявляется ли оно въ произвольномъ задержаніи, во вторженіи въ чужое жилище, во вскрытіи чужой корреспонденціи, или въ принужденіи не исповѣдывать своей вѣры открыто, не высказывать своихъ убѣжденій 1).

Сказать, что относительно границъ этихъ „возможностей" установилось уже соглашеніе,—значило бы произвольно утверждать, что всѣ сторонники правового государства и представительной демократіи одинаково понимаютъ вопросъ о дѣйствительной природѣ отношеній между личностью и государствомъ, вопросъ, который совпадаетъ съ другимъ—о задачахъ государства и предѣлахъ его вмѣшательства въ частную жизнь. Конецъ XIX столѣтія находитъ ихъ столь же разъединенными на этотъ счетъ, какъ и конецъ XVIII. Право на трудъ, которое не прочь были признать и Монтескье, и Тюрго, не нашло себѣ выраженія въ Деклараціи правъ человѣка и гражданина 1789 г. Упомянутое въ текстѣ конституціи 1793 года, конституціи, никогда не примѣнявшейся 2), обѣщаніе это болѣе полувѣка спустя повторено было въ декретѣ временнаго правительства 1848 г. 3). Оно не фигурируетъ уже въ текстѣ дѣйствующей нынѣ конституціи, да и вообще, ни въ одномъ законодательномъ актѣ, нашедшемъ себѣ фактическое примѣненіе 4).

---

1) Срав. Ritchie. Studies in Social Ethics. London 1902 г., стр. 58 и слѣд.

2) Въ текстѣ этой конституціи мы читаемъ: „Les secours publics sont une dette sacrée. La societé doit la subsistance aux citoyens malheureux, soi en leur procurant du travail, soit en assurant les moyens d'exitser a ceux qui sont hors d'état de travailler".

3) Декретомъ 15 февраля 1848 года, временное правительство приняло обязательство „garantir l'existence de l'ouvrier par le travail... garantir du travail a tous les citoyens".

4) Извѣстно, что сторонники Луи Блана протестуютъ противъ мысли видѣть въ неизбѣжномъ фіаско устроенныхъ въ 48-мъ году національныхъ мастерскихъ исходъ предложенной имъ формулы обезпеченія государствомъ труда нуждающимся. Еще недавно Ренаръ просилъ меня не принимать на вѣру того, что англійскій посолъ Норманди говоритъ о ближайшемъ участіи Луи Блана въ созданіи національныхъ мастерскихъ.

Но если право на трудъ не вышло пока изъ области тайныхъ вожделѣній и не осуществленныхъ обѣщаній [1]), то того же нельзя сказать о другой „уравнительной возможности“, представляемой даровымъ первоначальнымъ образованіемъ. Она прежде всего осуществлена была въ Америкѣ хорошо извѣстнымъ фактомъ пріуроченія одной квадратной мили изъ каждыхъ 32-хъ миль отчуждаемыхъ національныхъ земель на цѣли устройства свѣтскихъ, даровыхъ и потому всѣмъ доступныхъ школъ. Америка въ этомъ отношеніи удачнѣе осуществила задачу уравненія гражданъ въ ихъ духовной свободѣ и, прибавимъ, предоставила имъ большую возможность успѣшной конкурренціи, чѣмъ тѣ европейскія государства, по преимуществу германскія, которыя, провозглашая принципъ обязательнаго начальнаго обученія, въ то же время увеличили податныя тягости населенія установленіемъ особаго школьнаго налога.

Поднятые жизнью вопросы необходимо наложили свою печать и на политическую теорію. И въ ней сказалась та же рознь въ пониманіи задачъ государства и предѣловъ его власти, какая нашла себѣ выраженіе въ законодательной политикѣ отдѣльныхъ странъ и правительствъ. Тогда какъ Бентамъ и, въ меньшей степени, его еретическій послѣдователь Джонъ-Стюартъ Милль, еще продолжаютъ понимать политическую свободу въ смыслѣ невмѣшательства государства въ другія сферы, кромѣ безопасности и правосудія, и опредѣляютъ ее, какъ возможность дѣлать что желаешь [2]), Гербертъ Спенсеръ, хотя и признаетъ себя наиболѣе непримиримымъ сторонникомъ индивидуализма, уже настолько широко понимаетъ условія уравнительной свободы, что не считаетъ примиримой съ нею монополію недвижимой собственности [3]). Англійскій судья Стифенъ, въ

---

[1]) Въ одной развѣ Англіи можно говорить о признаніи законодательствомъ обязанности государства доставляетъ работу нуждающимся. Говоря это, я имѣю въ виду установленіе еще Елизаветой обязательнаго налога въ пользу нищихъ и призрѣнія послѣднихъ въ двоякомъ видѣ: доставки труда въ рабочихъ домахъ и пропитанія внѣ стѣнъ рабочаго дома. Но извѣстно, что на практикѣ рабочіе дома пріобрѣли характеръ своего рода тюремъ, а оказываемое въ нихъ призрѣніе доставляетъ только возможность предпринимателямъ понижать по временамъ заработную плату даже ниже уровня средствъ къ существованію.

[2]) „Liberty consists in doing what one desires“, см. 3-ю главу трактата Милля о свободѣ.

[3]) См. его трактатъ о Справедливости и мой мемуаръ о соціальной доктринѣ Спенсера въ итальянскомъ „Международномъ журналѣ соціологіи“ за истекшій годъ.

своемъ извѣстномъ трактатѣ о „Свободѣ, равенствѣ и братствѣ", идетъ еще дальше въ расширенiи границъ государственнаго вмѣшательства; онъ предлагаетъ рѣшать этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самостоятельно, независимо отъ всякой общей формулы и имѣя въ виду дать отвѣтъ на слѣдующіе пункты: хороша ли преслѣдуемая вмѣшательствомъ цѣль, т. е. клонится ли она къ благополучію всего общества, можетъ ли эта цѣль быть достигнута предложенными средствами, и не принесетъ ли обращеніе къ этимъ средствамъ больше вреда, чѣмъ пользы [1])? Если въ Англіи, благодаря, въ значительной мѣрѣ, искони установившейся въ ней доктринѣ о всемогуществѣ парламента, т. е. короля, лордовъ и общинъ, вмѣстѣ взятыхъ, и несмотря на зарожденіе въ ней же обратнаго ученія о прирожденныхъ и неотъемлемыхъ правахъ, идея государственнаго вмѣшательства пустила, какъ видно изъ сказаннаго, довольно глубокіе корни, то того же нельзя сказать объ Америкѣ. Здѣсь къ числу не подлежащихъ отмѣнѣ государственныхъ устоевъ, отнесенъ и принципъ свободы, понимаемой въ смыслѣ невозможности правительственнаго вмѣшательства въ частную дѣятельность иначе, какъ въ интересахъ безопасности и правосудія. Въ Германіи, гдѣ идеи государственнаго соціализма нашли готовую почву въ традиціи просвѣщеннаго абсолютизма, мысль Гегеля о томъ, что осуществленіе нравственнаго закона мыслимо только при посредствѣ государства, [2]). встрѣтила сочувственный пріемъ со стороны многихъ новѣйшихъ писателей, въ томъ числѣ Іеллинека. Послѣдній не прочь надѣлить правительство, отождествляемое имъ съ государствомъ, функціей установленія не только правового, но и высшаго культурнаго порядка. Въ культурную задачу государства можетъ входить преслѣдованіе цѣлей и несогласныхъ, съ началами индивидуализма, но расширяющихъ въ то же время сферу „возможностей" для личности. Та же мысль проглядываетъ и у другого, не менѣе выдающагося, нѣмецкаго публициста, Гирке [3]).

Во Франціи, если не имѣть въ виду сравнительно ограниченнаго круга послѣдователей государственнаго соціализма и

---

[1]) „Liberty, equality, fraternity", стр. 54 2-го изданія. Точка зрѣнія Давида Ритчи на тотъ же вопросъ весьма близко подходитъ къ рѣшенію, предложенному Стифеномъ. См. его мемуаръ „Законъ и свобода, или вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ" въ этюдахъ о „Политикѣ и общественной этикѣ", Лондонъ, 1902 г., стр. 62—63.

[2]) „Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee".

[3]) См. Jellinek, *Gesetz und Verordnung*, стр. 214, 216 и его же *System der subjektiven Rechte*, стр. 12 и слѣд., а также *Allgemeine Staatslehre*, стр. 224—227.—Gierke, *Die Grundbegriffe des Staats und die neuere Staatsrechtstheorie*, въ *Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*, т. XXX, стр. 265.

нѣкоторыхъ сторонниковъ ученія о прирожденныхъ правахъ, тщетно пытающихся примирить его съ расширеніемъ государственнаго вмѣшательства за предѣлы защиты личности отъ насилія [1]), большинство публицистовъ болѣе или менѣе повторяютъ старинную схему Росси, по которой правамъ государства противуполагаются права личности, права первичныя и неотчуждаемыя, согласно выраженію, употребленному Декларацiей 1789 года. Эта преданность теоріямъ индивидуализма страннымъ образомъ сочетается у многихъ французскихъ мыслителей, даже задѣтыхъ доктринами общественной солидарности, съ преувеличеннымъ культомъ государства. Такъ, Изуле, объявляющій въ своей книгѣ „L'Etat moderne": „Если у насъ есть душа, то мы обязаны ею государству [2])", въ то же время не дѣлаетъ ни шагу впередъ по вопросу о расширеніи государствомъ личныхъ „возможностей" гражданъ. У одного только Дюгюи я нахожу [3]) попытку связать вопросъ о границахъ свободы и государственной власти съ ученіемъ о правѣ, какъ о совокупности нормъ, выражающихъ собою требованія общественной солидарности, и о государствѣ, какъ о преслѣдующемъ задачу осуществленія въ жизни этихъ нормъ. Но общественная солидарность не мирится съ понятіемъ формальной свободы и системою государственнаго невмѣшательства. Въ первой части своего двухтомнаго трактата Дюгюи показываетъ, что государство несетъ одновременно обязанность не нарушать своими дѣйствіями общественной солидар-

[1]) Къ числу ихъ я не прочь отнести и Henri Michel, съ его извѣстнымъ трактатамъ о государственныхъ теоріяхъ первой половины минувшаго столѣтія. См. вступительную главу къ этому сочиненію, озаглавленному „L'Idée de l'Etat", стр. 14, прим. 2-ое, а также стр. 93 и 646.

[2]) „Si nous avons une âme, c'est á l'Etat que nous le devons".

[3]) У другого, несравненно болѣе выдающагося представителя науки конституціоннаго права, у Эсмена, я также не могу открыть ничего, кромѣ повторенія общей Бенжамену Констану, Росси и всѣмъ вообще конституціоналистамъ, точки зрѣнія, что публичное право, какъ и частное, имѣетъ своимъ исходнымъ моментомъ индивидъ; публичная власть существуетъ только въ интересахъ индивидовъ, а потому и можетъ быть осуществляема законно не иначе, какъ подъ условіемъ признанія частныхъ правъ. „Важнѣйшій интересъ и первѣйшее право личности, пишетъ ученый представитель каѳедры государственнаго права въ парижской Ecole de droit, это—свободно развивать свои способности, а лучшее средство обезпечить это развитіе, это—позволить индивиду направлять свою дѣятельность, какъ онъ вздумаетъ, на собственный рискъ и до тѣхъ поръ, пока онъ не нарушитъ чужихъ равныхъ правъ. Обезпечить это свободное развитіе можно путемъ признанія индивидуальныхъ вольностей. Нарушая ихъ, политическое общество не удовлетворило бы своей существеннѣйшей миссіи, и государство потеряло бы ближайшее свое основаніе". Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что подъ личными вольностями Эсменъ разумѣетъ тѣ же, что и Тьеръ. Необходимыми вольностями для обоихъ являются: неприкосновенность личности и собственности, связанная со свободой совѣсти и свободой мысли, передаваемой словомъ и печатью, безопасность и свобода труда—и только. См. 3-е изданіе „Основъ конституціоннаго права", стр. 177, 381 и 382.

ности и, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать ей. Съ теченіемъ времени, пишетъ онъ, измѣняются наши представленія о томъ, что необходимо въ интересахъ сохраненія и дальнѣйшаго развитія общественной солидарности. Поэтому Декларація правъ, изданная болѣе столѣтія назадъ, не можетъ отражать въ себѣ нашей теперешней точки зрѣнія на тѣ средства, какими обезпечиваются выгоды, вытекающія изъ государственнаго сожительства людей. Она не можетъ, слѣдовательно, связывать дѣятельности правителей нашего времени. Не имѣя возможности предпринять что либо противное общественной солидарности, государство не въ правѣ, во-первыхъ, посягнуть на начало равенства; но равенство предполагаетъ одинаковое отношеніе къ равнымъ вещамъ и неравное къ вещамъ разнымъ. Такъ какъ различіе между людьми увеличивается вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи, то государство обязано принять во вниманіе эти различія и оказывать равную защиту различнымъ способностямъ, доставлять удовлетвореніе неравнымъ потребностямъ. Отсюда Дюгюи дѣлаетъ выводъ объ обязанностяхъ государства обезпечить возможность полученія образованія неимущимъ и освободить мелкія состоянія отъ налога, примѣненіемъ принципа его прогрессивности. Обязанность государства, пишетъ Дюгюи, обезпечить физическое и умственное развитіе составляющихъ его единицъ. Въ виду этого, оно должно не только гарантировать всѣмъ личную свободу въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и дать всякому трудящемуся возможность полнаго присвоенія себѣ всѣхъ продуктовъ его труда; а это непримиримо съ признаніемъ индивидуальной монополіи на орудія производства. Такимъ образомъ, съ преслѣдованіемъ государствомъ требованій права, которыя, въ свою очередь, совпадаютъ, въ глазахъ Дюгюи, съ требованіями общественной солидарности, нашъ авторъ связываетъ обезпеченіе каждому интегральнаго пользованія продуктами его работы и упраздненіе капиталистическаго режима. Во всей современной политической литературѣ нельзя найти писателя, взгляды котораго въ большей мѣрѣ отражали бы на себѣ вліяніе новѣйшихъ теченій въ области общественной философіи. Передачей этого одиноко стоящаго ученія мы и закончимъ нашъ общій очеркъ успѣховъ достигнутыхъ государствовѣденіемъ во второй половинѣ XIX-го столѣтія. [1])

[1]) См. Duguit, L'Etat, le droit objectif et la loi positive", т. I, 1901 г., стр. 273—302. Передавая мысли Дюгюи, я все время употреблялъ терминъ „государство", не желая отступать отъ общепринятой терминологіи, но Дюгюи постоянно замѣняетъ это понятіе словомъ „правительство", такъ какъ, согласно его общему ученію, государство не является какимъ-то юридическимъ лицомъ и, еще менѣе, организмомъ, имѣющимъ свою личную волю (суверенитетъ). Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло, пишетъ онъ, только съ меньшинствомъ властвующихъ и массою подвластныхъ; государство—союзъ властвованія.

Кризисъ англійскаго правовѣдѣнія [1]).

П. Виноградова.

Говоря въ стѣнахъ Парижской Русской Школы, я не имѣю надобности распространяться о великомъ значеніи развитія права въ общей связи историческаго процесса. Напомню лишь, что при изученіи права сильнѣе, чѣмъ въ какой либо другой области, за исключеніемъ исторіи хозяйства, выдвигаются общія условія народной жизни и отодвигаются случайныя явленія и личныя воздѣйствія. Не то, чтобы въ правѣ или хозяйствѣ отдѣльныя личности были бездѣятельны или безсильны:—борьба, вырабатывающая право, сводится, въ концѣ концовъ, на энергію, ловкость, самопожертвованіе безчисленныхъ бойцовъ. Но здѣсь суммированіе этихъ отдѣльныхъ усилій въ большія массы слишкомъ очевидно и легче опредѣлить масштабъ и перспективу личнаго и общественнаго, чѣмъ, напримѣръ, въ такъ называемой политической исторіи или въ литературѣ.

Въ соціологическомъ отношеніи интересность различныхъ правовыхъ системъ не опредѣляется могуществомъ или высокой культурой народностей, которыя ихъ вырабатывали. Какъ разъ право первобытныхъ и отсталыхъ народовъ можетъ имѣть большое значеніе для сравнительнаго изученія правовыхъ формъ. Но есть и другая точка зрѣнія,—практическая, принимающая въ разсчетъ степень вліянія правовыхъ системъ на человѣческія общества. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то по богатству содержанія, виртуозности юридической техники и по широкому распространенію двѣ правовыхъ системы привлекутъ особенное вниманіе: римское право и англійское право. Въ сферѣ англійскаго права для насъ, русскихъ, въ послѣдніе время крайне поучительно проведеніе идеи законности, подчиняющей себѣ всѣ отрасли юридическихъ отношеній,

[1]) Первая изъ двухъ лекцій, прочитанныхъ въ Русской Школѣ въ Парижѣ 16 и 18 марта 1905 г.

устраняющей тѣ проявленія усмотрѣнія и произвола, съ которыми на каждомъ шагу приходится считаться и бороться въ Россіи. Изученіе того, какъ понималась и утверждалась законность въ Англіи, имѣетъ для русскихъ, поэтому, не только научный интересъ: оно соприкасается съ жизненными запросами настоящаго. Мнѣ хотѣлось бы освѣтить для васъ два момента въ исторіи этой идеи—притомъ два критическихъ момента, въ которыхъ понятіе и формы законности подвергались провѣркѣ и колебанію.

Какъ и всякая другая общая идея, управляющая людьми, законность получаетъ свою силу и значеніе вслѣдствіе тѣхъ реальныхъ условій, которыми она обставляется: недостаточно провозгласить принципъ,—надо облечь его въ конкретныя и плодотворныя формы. При этомъ по необходимости сказывается не только положительная сила извѣстнаго принципа, но и свойственныя ему ограниченія, затрудненія, быть можетъ, — противорѣчія. Принципъ строгой законности всегда возбуждалъ возраженія съ точки зрѣнія своего формализма. Законъ связываетъ суды, правительство и гражданъ, и если онъ узокъ или устарѣлъ, или несовершененъ, то строгое примѣненіе его можетъ стать тягостнымъ, несоотвѣтствующимъ справедливости. До извѣстной степени противорѣчія между требованіями жизни и требованіями закона даже всегда существуютъ, потому что жизнь податливѣе и быстрѣе въ своемъ теченіи, тогда какъ законъ долженъ быть твердъ и непоколебимъ впредь до отмѣны или измѣненія его. Жизнь безконечно индивидуальна, тогда какъ законъ выражается въ общихъ формулахъ и имѣетъ въ виду среднія нормы. Это постоянное внутреннее противорѣчіе между жизнью и закономъ можетъ достигнуть иногда жестокаго напряженія. Не даромъ Римляне говорили: „Summum jus—summa injuria“—право, доведенное до крайности, становится высшей несправедливостью.

Какъ разсчитывалось съ этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ англійское правовѣденіе? Два раза это противорѣчіе выступало особенно наглядно и вызвало интересныя попытки реформировать англійское право. Въ первый разъ сознательное стремленіе въ этомъ направленіи проявляется въ эпоху возрожденія и реформаціи и достигаетъ самаго яркаго своего выраженія въ дѣятельности Бекона. Во второй разъ критика дѣйствующаго права прорывается съ великой силой въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху революціи, и самымъ выдающимся представителемъ реформенныхъ стремленій въ это время можно считать Бентама. Въ обоихъ слу-

чаяхъ развитіе англійскаго права было затронуто и видоизмѣнено могучими общественными теченіями, о которыхъ идетъ рѣчь, но тѣмъ не менѣе общая традиція законности не прервалась и не ослабѣла.

При переходѣ среднихъ вѣковъ къ новому времени мы присутствуемъ при интересной переработкѣ системы такъ называемаго общаго права (common law), основанной на феодальныхъ началахъ. Юридическая работа, завязавшаяся судебными реформами Генриха II, была направлена прежде всего къ устроенію меньшинства, класса „свободныхъ людей". Великая Хартія вольностей была по существу феодальнымъ документомъ, получавшимъ постепенно все болѣе широкое толкованіе и примѣненіе [1]) Въ центрѣ общаго права, изложеннаго въ трактатѣ Брактона и развивавшагося въ судахъ XVIII и XIX вѣковъ, стояло понятіе *свободнаго держанія*, понятіе своеобразное и условное, соединявшее въ своей исторіи владѣніе землею съ сословными привилегіями и обязанностями службы.

Отсюда вытекали обширныя и весьма важныя неудобства. Большинство націи, несвободные, стояло за предѣлами общаго гражданскаго права. Крестьяне (вилланы) не допускались въ королевскіе суды и могли искать правосудія лишь въ вотчинныхъ судахъ своихъ помѣщиковъ. Притомъ даже въ сферѣ свободныхъ отношеній идея *держанія* налагала существенныя ограниченія. Въ множествѣ случаевъ собственность была сведена въ заповѣдныя имѣнія, переходившія по наслѣдству къ старшему въ родѣ; при этомъ случайности нарожденія и вымиранія уравновѣшивались искусственнымъ единствомъ владѣнія, а естественныя привязанности приносились въ жертву хозяйственной крѣпости имѣній. Права младшихъ братьевъ и сестръ стушевывались передъ правомъ старшаго. Но даже помимо права первородства, охватившаго очень значительное число „свободныхъ держаній", на всей земельной собственности лежало по общему праву ограниченіе по отношенію къ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Земля переходитъ къ законнымъ наслѣдникамъ и не можетъ быть передана по завѣщанію [2]).

Въ процессуальномъ отношеніи [3]) суды общаго права выра-

---

[1]) Эта черта преувеличено подчеркнута въ статьѣ Э. Дженкса въ Independent, Reviwe, 1904 г. Трезвая и обстоятельная оцѣвка положеній Великой Хартіи дана въ только что вышедшій книгѣ *Mac Kechnie*, Magna Charta, Glasgow, 1905.

[2]) Pollock and Maitland, History of English law, II, 324 и сл.

[3]) *Spence*. History of Equitable jurisdiction, I, 240.

ботали строгія, неподатливыя формы для разбора дѣлъ. Иски должны были въ точности примѣняется къ рамкамъ указовъ (writs). Нельзя было предъявлять исковъ смѣшаннаго характера, нельзя было по произволу измѣнять содержаніе жалобъ (count) въ теченіе процесса. Главныя усилія суда были направлены не столько къ выясненію истины или къ точному и полному раскрытію права, сколько къ установленію техническихъ условій для процессуальной борьбы сторонъ. Тяжба была до нѣкоторой степени судебнымъ поединкомъ, въ которомъ ловкость противниковъ, умѣнье пользоваться особенностями положенія, техническими средствами и уловками играло великую роль.

Понятно, что при переходѣ къ многообразному гражданскому обороту новаго времени жизнь ищетъ себѣ новое правовое русло. Даже трибуналы общаго права сознаютъ силу возникающихъ новыхъ потребностей и дѣлаютъ попытки примѣниться къ нимъ. Любопытно въ этомъ смыслѣ примѣненіе аналогіи и фикцій въ этихъ судахъ. Второй Уестминстерскій Статутъ широко открываетъ двери искамъ *на подобіе* оформленныхъ указами (actions on the case) и т. п. Кромѣ того, возникаютъ двѣ возможности добиться удовлетворенія справедливыхъ претензій, не находящихъ опоры въ общемъ правѣ. Можно обратиться къ королевской милости, просить въ видѣ спеціальной мѣры о заступничествѣ короля. Можно также искать защиты у церкви, если обида или обманъ, на которыя приносится жалоба, могутъ разсматриваться, какъ нарушеніе клятвы и нравственнаго закона. Нечего говорить, насколько широкими представлялись подобныя полномочія: они въ сущности допускали вмѣшательство церкви во всѣ отрасли правосудія. Свѣтскія власти не могли признать такой компетенціи за церковью: уже въ царствованіе Генриха III мы слышимъ о запрещеніяхъ духовнымъ трибуналамъ привлекать дѣла по обвиненію свѣтскихъ лицъ въ нарушеніи клятвы и обманѣ, хотя отдѣльные случаи вмѣшательства церкви по такимъ дѣламъ засвидѣтельствованы вплоть до эпохи Эдуарда IV.

Однако, если свѣтскія власти и вытѣснили постепенно церковь изъ вѣдѣнія подобными дѣлами, за то они принуждены были сами заняться ими. При этомъ они въ значительной мѣрѣ взяли примѣръ съ процедуры церковныхъ судовъ, а съ другой стороны, опирались на растяжимыя полномочія королевской юрисдикціи [1]).

Такимъ путемъ сложился мало-по-малу въ XIV вѣкѣ судъ

---

[1]) *O. Holmes*, Early Equity въ Law Quarterly Revew, I.

канцлера, главнымъ назначеніемъ котораго стало удовлетворять запросамъ справедливости и здраваго смысла въ тѣхъ случаяхъ, когда формальное право и обыкновенные суды не давали имъ достаточной защиты. Образованіе этого трибунала справедливости (equity) имѣло громадное значеніе, потому что оно давало выходъ потребностямъ общества въ этомъ направленіи, помимо личныхъ воздѣйствій и случайныхъ милостей.

Процессуальный порядокъ канцлерскаго суда отличался большою гибкостью и преобладаніемъ матеріальныхъ соображеній надъ формальными. Дѣло начиналось представленіемъ петиціи (билль). Вызывались стороны и свидѣтели подъ угрозой штрафа (sub poena). Теченіе дѣла въ чрезвычайномъ порядкѣ обезпечивалось отъ вмѣшательства обыкновенныхъ судовъ особыми „предписаніями“ (injunction). Процедура направлена, главнымъ образомъ, къ раскрытію обстоятельствъ дѣла (discovery) и обычныя ограниченія и отводы при отбираніи показаній не имѣли мѣста. Искъ не оформливался въ опредѣленную рамку указа, а отправлялся отъ жалобы, изложенной въ общихъ выраженіяхъ и сообщавшей существенные, по мнѣнію сторонъ, факты. Техническая сторона отступаетъ при разборѣ дѣла на второй планъ, а вмѣсто приговора часто является присужденіе (award), посредническій компромиссъ между сторонами [1]).

Вліяніе канцлерскаго суда въ эту критическую эпоху было громадное. Укажу лишь на главныя отрасли права, по которымъ его юрисдикція выработала новыя положенія. Признано было юридическое значеніе за словесными уговорами (parol Agreements), совершенными безъ соблюденія формальностей договорнаго права. Въ дѣловомъ мірѣ эти безформенныя сдѣлки имѣли большое практическое значеніе и существенно облегчали торговый оборотъ, особенно кредитныя операціи и условія найма. Благодаря канцлерскому суду, явилась возможность преслѣдовать лицъ, злоупотреблявшихъ довѣріемъ при заключеніи подобныхъ уговоровъ.

Не менѣе важнымъ нововведеніемъ было развитіе фидеикомиссовъ (trusts, uses). Положеніе о заповѣдности земельнаго держанія стали обходить съ помощью перевода имѣнія на довѣреннаго съ тѣмъ, чтобы онъ, во-первыхъ, оставилъ имѣніе въ пользованіи совершившаго переводъ, а во-вторыхъ, по смерти послѣдняго передалъ бы имѣніе намѣченному лицу или учрежденію. Получалось, такимъ образомъ, фиктивное дареніе, съ по-

[1]) *Spence*, I, 368 и сл.

мощью котораго устранялось правило общаго права, не допускавшее передачи земли по завѣщанію. Отношенія, возникавшія при этомъ между лицами, причастными этимъ сдѣлкамъ, были сложныя; являлась возможность многихъ злоупотребленій, и необходима была послѣдовательная и дѣйствительная охрана со стороны судовъ. Такая охрана была обезпечена, благодаря тому, что канцлерскій судъ призналъ справедливость общественнаго запроса въ этомъ направленіи и санкціонировалъ фиктивные пріемы, съ помощью которыхъ были обойдены требованія общаго права [1]).

Третьей областью, въ которой вмѣшательство новой юрисдикціи справедливости имѣло громадное общественное значеніе была сфера крестьянскаго землевладѣнія. „Низкое держаніе", копигольдъ, получило, наконецъ, право на охрану со стороны государственныхъ судовъ, и трибуналъ, начавшій разбирать дѣла между крестьянами и помѣщиками по вопросамъ о владѣніи и повинностяхъ, былъ судъ канцлера. Изученіе и обнародованіе древнѣйшихъ документовъ этого трибунала дѣлаетъ несомнѣннымъ, что капигольдеры получили впервые защиту не благодаря рѣшеніямъ судей Денби и Брайана въ судѣ общихъ тяжбъ въ концѣ XV вѣка, а благодаря тому, что канцлерскій судъ сталъ входить въ разборъ петицій, поданныхъ крестьянами. Слѣды такихъ петицій и дѣлъ восходятъ къ XIV вѣку [2]). Признаніе гражданской защитимости копигольда избавило Англію отъ необходимости той соціальной революціи, которая во Франціи выразилась, между прочимъ, въ декретахъ 4 августа 1789 года.

Знаменательная противуположность между юрисдикціей общаго права и юрисдикціей справедливости вполнѣ сознавалась дѣятелями XV и XVI вѣковъ. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи книжка, составленная нѣкіимъ С. Джерманомъ въ царствованіе Генриха VIII. Она имѣла большой успѣхъ и выдержала множество изданій. Это „разговоръ между богословомъ и правовѣдомъ" (Doctor of divinity and Student of law), посвященный спорнымъ вопросамъ и желательнымъ реформамъ права.

Характерно опредѣленіе, справедливости въ 16 главѣ. „Справедливость (Equity) есть приложеніе права, которое принимаетъ во вниманіе всѣ особенности дѣянія и смягчается милостью. Такъ какъ различныя дѣйствія людей, ради которыхъ установлены законы, совершаются при безконечномъ разнообразіи обстоя-

---

[1]) *Sir F. Pollock*, Landlaws, глава о „Uses". *F. W. Maitland*, Corporation und Trust, въ Grünhut's Zeitschrift für Privat- und öffentliches Recht, 1904.

[2]) *А. Савинъ*, Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ, 208 и сл. Ср. Select Cases in Chancery (Selden Society)

тельствъ, то нѣтъ возможности такъ составить общее правило закона, чтобы оно отвѣчало всѣмъ возможнымъ случаямъ. Поэтому законодатели имѣютъ въ виду то, что часто бываетъ, а не отдѣльные случаи, и они не могли бы угнаться за послѣдними, еслибы даже хотѣли. Оттого въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовать буквѣ закона значило бы дѣйствовать вопреки справедливости и общей пользѣ. Напротивъ, въ подобныхъ случаяхъ надо держаться того, чего требуютъ справедливость и разумъ". Таковъ общій принципъ. Собесѣдники не остаются въ области общихъ соображеній, а рѣшаютъ на основаніи ихъ цѣлый рядъ юридическихъ задачъ: они разбираютъ, напримѣръ, какъ установить взаимную отвѣтственность совладѣльцевъ, которая дурно регулирована въ общемъ правѣ. Чѣмъ замѣнить фикціи, съ помощью которыхъ суды общаго права даютъ возможность обходить ограниченія, лежащія на заповѣдныхъ имѣніяхъ? Во всѣхъ подобныхъ вопросахъ конечная цѣль реформъ—упростить нормы закона и уменьшить значеніе техническихъ требованій въ пользу соображеній здраваго смысла и общей справедливости, доступныхъ пониманію публики.

Нельзя не видѣть, что броженіе эпохи возрожденія распространялось и на сферу юридическихъ отношеній, и что чувствовалась необходимость болѣе широкихъ и гибкихъ нормъ для регулированія осложнявшагося гражданскаго оборота. Стремленія, которыя выражаются въ разговорѣ между правовѣдомъ и богословомъ при Тюдорахъ, имѣютъ блестящаго представителя въ эпоху Стюартовъ въ знаменитомъ философѣ и канцлерѣ Іакова I, Беконѣ. Судя по сохранившимся его судебнымъ рѣчамъ и заключеніямъ, по его лекціямъ о фидеикомиссахъ и по аппарату изданныхъ имъ юридическихъ „Положеній", онъ обладалъ значительнымъ знаніемъ англійскаго права и искусствомъ пользоваться имъ. Но его интересы были, главнымъ образомъ, научно-философскіе, и къ самимъ юридическимъ задачамъ онъ приступалъ въ духѣ философской реформы. Правда, онъ никогда не увлекался чисто теоретическими построеніями и не думалъ, чтобы можно было возвести заново все зданіе права, но предлагаемая имъ реформа была все-таки, съ точки зрѣнія англійскихъ юристовъ, очень радикальной. Его предложенія изложены, главнымъ образомъ, въ VIII книгѣ сочиненія объ Умноженіи наукъ и въ особомъ сборникѣ юридическихъ „Положеній" (Maxims [1]).

---

[1]) Bacon's works, ed. Spedding, I, VII.

Опираясь отчасти на римское право, отчасти же на совѣсть королевства, т. е. на практику канцлерскаго суда, Беконъ требуетъ, во первыхъ, раціональнаго пересмотра и кодификаціи англійскаго права, состоящаго, какъ извѣстно, только въ меньшей части изъ опредѣленныхъ законовъ, въ большинствѣ же случаевъ опирающагося на рѣшенія судовъ, многочисленныя и не всегда согласныя. Кодификація необходима, чтобы „отстранить самый справедливый упрекъ, который дѣлается англійскому праву, а именно, упрекъ въ неопредѣленности“. Необходимо возведеніе всѣхъ частныхъ положеній къ общимъ правовымъ принципамъ, согласнымъ съ разумомъ, иначе частности права уклонятся отъ цѣли,—справедливости.

Настаивая на кодификаціи Беконъ въ то же время сознаетъ, что самая совершенная кодификація не можетъ ни предусмотрѣть всѣхъ казусовъ, ни пріостановить процессъ примѣненія и измѣненія права. Въ дополненіе къ кодексу и къ дѣятельности общихъ судовъ онъ требуетъ особыхъ полномочій по истолкованію и расширенію правовыхъ положеній для чрезвычайныхъ трибуналовъ. Въ латинской формулировкѣ „Умноженія наукъ“ эти высшія судебныя мѣста названы цензорскими и преторскими куріями, но ясно что Беконъ имѣлъ въ виду развить практику уже существующихъ англійскихъ учрежденій:—судебно-административной Комиссіи Тайнаго Совѣта—такъ называемой, Звѣздной Палаты и Канцлерскаго Суда. Въ концѣ концовъ, чрезвычайныя внѣзаконныя полномочія этихъ коллегій опирались на одну изъ боевыхъ идей того времени,—на представленіе о надзаконной власти короля, о королевской прерогативѣ.

Какъ извѣстно, англійская монархія вступила въ новую исторію съ широкими полномочіями и повышеннымъ авторитетомъ. XVI вѣкъ и начало XVII были ея героической эпохой, когда она стояла во главѣ страны и оказывала самое рѣшительное вліяніе на національную, религіозную и соціальную политику. Королевскій Совѣтъ властно вмѣшивался въ руководство мѣстнымъ управленіемъ и давалъ указанія мировымъ судьямъ. Звѣздная Палата расправлялась съ „неблагонамѣренными“ гражданами по своему усмотрѣнію. Администрація устраивала отношенія между предпринимателями и рабочими, регулировала цѣны, вела аграрную и колонизаціонную политику [1]). Королевская власть часто выступала покровительницей низшихъ клас-

---

[1]) См., напр., Cunningham, Growth of industry und Commerce in Modern times, I, 37 и сл. Miss Leonard, Early history of Poor Relief.

совъ, и для болѣе скораго и успѣшнаго разрѣшенія дѣлъ, въ которыхъ были заинтересованы мелкіе люди, еще при Генрихѣ VII было выдвинуто особое учрежденіе,—Палата прошеній (Courtof Requests [1]), которая въ просторѣчіи получила названіе Суда для бѣдныхъ людей (Pour men's Court). Беконъ при всемъ своемъ философскомъ аристократизмѣ вполнѣ сучувствовалъ этой поликѣ просвѣщеннаго патроната и формулировалъ ее очень опредѣленно въ своей запискѣ объ Уельскомъ Совѣтѣ, одномъ изъ чрезвычайныхъ учрежденій, служившихъ королевской прерогативѣ.

Комбинація, въ которой выступала реформа права на началахъ справедливости, была соблазнительная, но опасная. Обществу приходилось выбирать между многообѣщающими соціальными начинаніями, пристегнутыми къ идеѣ королевской милости и надзаконнаго усмотрѣнія, съ одной стороны, и болѣе медленной выработкой улучшеній на почвѣ традиціонной легальности, съ другой. Если Бекона можно считать наиболѣе блестящимъ представителемъ перваго теченія, то сухой, педантичный, но твердый серъ Эдуардъ Кокъ, главный судья Королевской Скамьи, былъ самымъ вліятельнымъ представителемъ второго. Борьба велась, между прочимъ, путемъ юридическихъ препирательствъ между судами. Въ концѣ царствованія Елизаветы судьи общаго права торжественно высказались противъ законности Палаты прошеній и подорвали ея авторитетъ, хотя наминально она продолжала существовать до революціи 1642 года. При Іаковѣ I началось характерное соревнованіе между судами общаго права и канцлерскимъ судомъ. Первые пытались пріостановить юрисдикцію справедливости путемъ запрета тяжущимся обращаться къ ея помощи. Такъ называемое „praemunire“, запретъ, имѣвшій цѣлью прекратить апелляціи къ папской куріи, было пущено въ ходъ противъ канцлерскаго суда. Послѣдній, съ своей стороны, дѣйствовалъ предписаніями (injunctions), а въ наиболѣе критическую эпоху Беконъ воспользовался указомъ, запрещавшимъ общимъ трибуналамъ вести дѣла безъ согласія короля (de non procedendo rege inconsulto). Какіе вредные элементы примѣшивались къ монархической агитаціи, видно, между прочимъ, изъ исторіи одного изъ раннихъ столкновеній королевской партіи съ общими судами, именно, изъ дѣла Пичема. Пичемъ былъ сомерсетширскій священникъ, въ бумагахъ котораго при обыскѣ нашли тетрадь съ текстомъ проповѣди, порицавшей дѣйствія короля. На этомъ основаніи его обвинили въ составленіи заговора для ниспровер-

[1]) Select Cases of the Court of Requests, ed. by Leadam Selden Society, XII.

женія государственнаго порядка и подвергли пыткѣ, чтобы добиться доноса на предполагаемыхъ сообщниковъ. Когда онъ выдержалъ пытку, не оговоривъ никого, несчастнаго осудили за государственную измѣну, и онъ умеръ въ тюрьмѣ. Беконъ присутствовалъ при пыткѣ и усердно велъ преслѣдованіе, а Кокъ протестовалъ и противъ пытки, и противъ другихъ юридическихъ неправильностей, совершенныхъ во время процесса [1]).

Одно время казалось, что партія прерогативы одержала верхъ. Королю Іакову удалось запугать судей и добиться отъ нихъ признанія, что производство всякаго дѣла можетъ быть пріостановлено по приказанію короля. Одинъ Кокъ остался непреклоннымъ и поплатился за это своимъ званіемъ главнаго судьи. Но завязавшаяся борьба не прекратилась на этомъ. Она приняла размѣры революціи и междуусобной войны, и англійскій народъ безповоротно высказался въ пользу легальности и противъ надзаконнаго усмотрѣнія, какія бы формы оно ни принимало. Биль о правахъ, которымъ завершилась революція 1689 года, былъ актомъ, разъ на всегда провозгласившимъ независимость суда и судей въ примѣненіи и истолкованіи права.

Но столкновеніе не прошло даромъ и для представителей легальнаго направленія. Звѣздная Палата пала, но канцлерская юрисдикція съ ограниченнымъ объемомъ полномочій сохранила значеніе, причемъ за руководство принято было правило, что „справедливость слѣдуетъ за правомъ", пополняя, но не упраздняя его. Сами общіе суды восприняли и развили частныя пріобрѣтенія, добытыя этой юрисдикціей, въ особенности въ области жизни низшихъ классовъ. Такъ ученіе о копигольдѣ, зародившееся въ канцлерскомъ судѣ, переходитъ въ суды общаго права уже въ XVI в.

Главное же, англійскіе судьи стали придавать большее, чѣмъ прежде, значеніе соображеніямъ справедливости и общественной пользы и, благодаря положительному вліянію ихъ рѣшеній въ самомъ процессѣ созданія права, содержаніе послѣдняго во многомъ было реформировано. Однимъ изъ типичныхъ представителей болѣе свободнаго пониманія права былъ великій судья XVIII вѣка, лордъ Мансфильдъ, въ политикѣ принадлежавшей къ партіи тори. Ему принадлежитъ, напримѣръ, глубокое измѣненіе теоріи одностороннихъ обязательствъ. Между тѣмъ, какъ

---

[1]) О столкновеніяхъ между Векономъ и Кокомъ см. особенно Gardiner, History of England in the Reign of James I, vol. III, 18. О значеніи оппозиціи Кока для утвержденія идеи законности въ англійскомъ правѣ ср. замѣчаніе Дайси, Law of the Constitution, 18.

раньше англійское право требовало для дѣйствительности акта даренія или обѣщанія услуги, чтобы на лицо былъ какой нибудь матеріальный эквивалентъ (consideration), лордъ Мансфильдъ призналъ, что такого эквивалента можно искать въ нравственныхъ соображеніяхъ [1]). Въ дѣлѣ негра Сомерсета онъ провозгласилъ принципъ, что англійское общее право не знаетъ невольничества, принципъ, можетъ быть, и не выдерживавшій критики съ точки зрѣнія исторіи права, но за то проложившій путь къ освобожденію рабовъ въ предѣлахъ Великобританіи [2]).

Безъ сомнѣнія, однако, возстановленія законности и обновленія ея нѣкоторыми прогрессивными идеями было бы недостаточно для того, чтобы окончательно обезпечить общество отъ пагубнаго раскола между формальной легальностью и справедливостью. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было не созданіе надзаконнаго усмотрѣнія власти, какъ предлагалъ Беконъ, а дѣятельное вліяніе общественнаго мнѣнія въ области права. Задача была разрѣшена въ этомъ смыслѣ, благодаря повороту англійской исторіи къ демократіи, обновившему Англію въ самыхъ ея основаніяхъ.

---

1) *Pollock*, Principles of Contract. 180, 181. Smith's, Leading Coses (Chitty), 10 ed., I, 143.

2) State Trials, XI, 340.

Историческій-ли народъ японцы? [1]).

А. Трачевскаго.

I.

Въ настоящую минуту историку нечего колебаться въ выборѣ предмета для открытой бесѣды съ обществомъ. Онъ—тоже человѣкъ. Ему не можетъ быть чуждо то, что властвуетъ теперь надъ умами и заставляетъ трепетать сердца массъ. Его волнуетъ еще сознаніе, что именно отъ него въ правѣ потребовать отвѣта на вопросъ: что же такое нынѣшней странный день, этотъ enfant terrible вѣковѣчной цивилизаціи? Вѣдь, только родитель этого дня, прошлое, можетъ уяснить намъ его потомка,—будущее. Намъ, обремененнымъ тысячелѣтіями борьбы за идеалы, это будущее кажется тревожнымъ и сумрачнымъ. И мы ждемъ отъ исторической науки (если она не самозванка) яснаго, искренняго слова, чтобы... или проклясть міръ и день нашего рожденія, или воспрянуть духомъ для болѣе стойкой борьбы за завѣтные интересы человѣчества.

Осмѣливаюсь браться за жгучій вопросъ дня только въ убѣжденіи, что коснусь тайны каждаго изъ васъ. Сознаемся: эта тайна—всеобщее смущеніе. И не отъ одной войны, переживаемой всѣми нами. О, не будемъ говорить объ этомъ невиданномъ кровавомъ зрѣлищѣ борьбы колоссовъ стараго и новѣйшаго свѣта, которое предстало взорамъ только-что пробудившихся народовъ Восходящаго Солнца,—зрѣлищѣ, въ которомъ чуются вѣстовые удары мірового потрясенія! Поднимемся на высоту науки, гдѣ стушевываются терзающія нервы картины такъ же, какъ и стражъ Японіи,—великанъ Фузи. Быть можетъ, насъ охватитъ тамъ новый ужасъ, предъ которымъ манджурская драма—полгоря. За то тамъ воздухъ свѣжъ и чистъ; онъ смиряетъ страсти, изощряетъ зрѣніе. И я убѣжденъ, что горняя область науки умиротворитъ

---

[1]) Публичная лекція, читанная 31 октября (12 ноября) 1904 г. въ Русской Высшей Школѣ общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

насъ, поднявъ завѣсу надъ великой загадкой переживаемой минуты. Вѣдь, тамъ царство желѣзныхъ міровыхъ законовъ; а постигнуть ихъ — значитъ владѣть и будущимъ. А что закономѣрность существуетъ и въ исторіи, это блистательно доказывается именно новѣйшимъ изученіемъ прошлаго Японіи.

Это изученіе даетъ мнѣ возможность нѣсколько отступить отъ обычаевъ публичныхъ чтеній.

Взятый мною вопросъ такъ животрепещущъ, что, вѣроятно, среди васъ найдутся охотники пополнить сообщаемый мною скудный запасъ свѣдѣній, а также провѣрить меня.

Скажу два слова о литературѣ предмета. Уже накопилась почти необозримая масса книгъ, брошюръ, статей, рисунковъ, картъ объ Японіи. По выраженію знатока дѣла, Чемберлена, „теперь, чтобы отличиться, писатель долженъ *не* писать объ Японіи“. Этими произведеніями кишитъ Западъ и особенно Англія. А съ „конца вѣка“ выступили наиболѣе надежные свидѣтели,— сами японцы, учившіеся въ Европѣ: *Ито*, *Такемацу, Фукуда* и др. Изъ раннихъ трудовъ наиболѣе цѣнны работы долго жившихъ въ Японіи ученыхъ:—нашего *Мечникова* (покойнаго брата извѣстнаго біолога), *Рейна* и *Ратгена.* Затѣмъ идутъ уже англичане— *Stead, Aston, Kippling, Chamberlain, miss Bacon,* американецъ *Giffis* и др. Stead только-что издалъ еще „Japan bythe Japanese“ —весьма важный документальный сборникъ статей самихъ японцевъ по всѣмъ отраслямъ ихъ быта. Конечно Россія отстала отъ Запада. Юный Восточный Институтъ, остановленный войною, успѣлъ дать лишь немного сырого матеріала да рядъ компиляцій. Наиболѣе дѣльны недавнія работы *Кохановскаго* (объ экономикѣ Японіи) и *de-Воллана,* бывшаго нашего консула въ Японіи. Теперь умножаются переводы. Тутъ важны, между прочимъ, сочиненія миссъ Бэконъ, знатока семьи, женщины и дѣтей Японіи. Скоро, кажется, выйдетъ переводъ Астона по японской литературѣ и, навѣрное, появится надняхъ книга Чемберлена, „Things Japanese“, подъ моей редакціей. Болѣе подробныя свѣдѣнія находятся во введеніи и примѣчаніяхъ къ изданному мною недавно историческому роману изъ японской жизни — „Сестра Солнца“ г-жи Готье. Они вскорѣ выйдутъ отдѣльною книжкой.

II.

Уже послѣ сказаннаго вамъ покажется дикимъ вопросъ,— историческій-ли народъ японцы? Разъ признана закономѣрность въ развитіи человѣческихъ обществъ, пришлось разстаться съ древними привилегіями „избранныхъ“ народовъ, отъ которыхъ

вѣяло еще преданіями теологіи. Это заблужденіе устранено уже съ полвѣка тому назадъ, съ выступленіемъ эволюціонной теоріи и соціологіи. Но среди насъ, въ умственной области, лежитъ еще много неубранныхъ труповъ. Такой пережитокъ—и вопросъ, который я воскрешаю, въ виду того самохвальства бѣлаго человѣка, за которое, въ первую голову, пришлось расплачиваться намъ, русскимъ.

До послѣдняго времени даже ученые Запада замѣчали въ прошломъ у желтыхъ, какъ отчасти и у русскихъ, лишь какую-то безтолочь, противную законамъ исторіи, писаннымъ яко бы только для бѣлыхъ. А мы, русскіе, считали японцевъ попросту „макаками“. И въ самомъ дѣлѣ, что это такое? Вмѣсто западскаго феодализма, у нихъ какая-то нелѣпая игра „дайміевъ“, внезапно свалившихся съ неба и столь же внезапно сгинувшихъ [1]). И, минуя абсолютизмъ, этого истребителя средневѣковья, японцы, въ одно прекрасное утро 1868 года, сразу перескочили отъ своего вельможества къ демократіи и конституціи. Съ другой стороны, въ священномъ Кіото неприкосновенно пребывалъ верховный вождь народа, уживаясь какимъ-то чудомъ съ олигархами. И выдумали сказку, что это былъ „микадо“ — не то папа, не то само божество; а рядомъ былъ собственно монархъ,—нѣкій „тайкунъ“.

Сказки и чудеса — плодъ невѣжества: они живутъ тьмой. Теперь японовѣдѣніе озарилось свѣтомъ науки, благодаря исторической критикѣ и сравнительному методу. Изида раскрыла свой таинственный ликъ; сфинксъ заговорилъ. И спутница науки, человѣчность, согрѣла и этотъ заброшенный уголокъ міра. Макаки—и нынѣшніе, и древніе—оказались людьми, какъ и мы, грѣшные. И, въ общемъ, они прошли тотъ же путь. Есть только, конечно, мѣстныя особенности, couleur locale, какъ и во всякомъ уголкѣ природы, всюду подчиняющейся, однако, закону тяготѣнія. И мнѣ думается, что русскому историку, какъ сосѣду Востока, легче постигнуть прошлое Японіи, чѣмъ его западнымъ товарищамъ.

III.

Начну съ устраненія еще одного пережитка въ нашихъ воззрѣніяхъ на Дальній Востокъ. Насъ поражаетъ хвастовство китайца, японца, индуса своею древностью. Подъ обаяніемъ обшир-

---

[1]) Мы называли ихъ даже „*даймiосами*“, забывая, что буква s—знакъ множественнаго числа въ англійскомъ и французскомъ языкахъ.

ности его земли, умъ азіата требуетъ и обширности времени; и на помощь ему идетъ дѣтское, необузданное воображеніе человѣка, чуть не съ колыбели застывшаго въ своемъ развитіи. Онъ боится также, какъ бы его громадина, вмѣщающая въ себѣ болѣе половины всего человѣчества, не рухнула, не задавила его своими развалинами при малѣйшемъ потрясеніи. И вотъ, создается восточный идеалъ однообразія, покоя: „счастье“ становится, наконецъ, „нирваной“, этимъ душевнымъ самоубійствомъ. Отсюда патріархальность, которая въ Европѣ была лишь на зарѣ развитія, какъ дань желѣзному закону соціологіи: на Востокѣ она—догматъ религіи, долгъ гражданина, задача жизни народовъ. Она была возведена въ перлъ созданія Конфуціемъ, этимъ властителемъ думъ желтолицей породы; а родственный и сосѣдній китайцу японецъ жилъ его цивилизаціей до нашихъ дней.

Этимъ братцамъ Дальняго Востока всегда льстило сознаніе, что они—самые глубокіе старцы на свѣтѣ. А такъ какъ они живутъ преданіями своей колыбели, то выходитъ ребенокъ, которому сотни тысячъ лѣтъ. Этой чертой запечатлѣнъ и нынѣшній японецъ, этотъ отчаянный прогрессистъ, безшабашный радикалъ. Отмѣнный знатокъ его, токійскій профессоръ Чемберленъ, говоритъ: „Кто пережилъ переходную эпоху нынѣшней Японіи, тотъ чувствуетъ себя преждевременнымъ старцемъ. Онъ живетъ новыми днями, въ воздухѣ носятся толки о велосипедахъ, бациллахъ и „сферахъ вліянія“; а между тѣмъ, ему ясно представляются средніе вѣка“.

Болѣе уродливаго, непостижимаго явленія не можетъ вообразить себѣ бѣлый человѣкъ: европеецъ всегда завидуетъ молодости и если не стыдится старости, то оплакиваетъ ее и допытывается у науки средствъ отдалить ее. И вотъ, мы сейчасъ сваливаемъ вину въ этомъ дикомъ явленіи на расу, на природу „азіата“, и именно, желтаго. На дѣлѣ виноватъ не Востокъ, а то, что онъ Дальній, уединенный отъ столбовой дороги исторіи. Поразительно не то, что азіатъ остановился въ своемъ развитіи, а то, что его первобытность, въ основѣ, напоминаетъ дѣтство всѣхъ бѣлыхъ, не исключая и геніальныхъ эллиновъ.

Миѳологія японцевъ сродни мистическимъ и героическимъ сказкамъ Эллады. Тутъ и Уранъ съ Геей, и борьба „божественныхъ поколѣній“ (титановъ), и намеки на матріархатъ. Распознается и обычное историческое зерно—перекочевки, это начало человѣческаго муравейника. Мелькаютъ осколки, быть можетъ, допотопныхъ ордъ, этихъ дорянъ Дальняго Востока, бродившихъ у границъ Китая и Сибири. Потокъ племенъ шелъ изъ *Кореи.*

Отсюда они, какъ норманскіе викинги, переплыли на Ниппонъ и все протѣснялись на сѣверо-востокъ, промежь дикихъ туземцевъ, *айновъ*, которые и сейчасъ живутъ тамъ, на краю, загадкой антропологовъ. Это тяжелое переселеніе, съ семьями и домашнимъ скарбомъ, по морскимъ пучинамъ и дремучимъ дѣвственнымъ чащамъ, шло долго-долго: японцы успѣли немного цивилизоваться. За $6^1/_2$ вѣковъ до Р. X. ихъ первый микадо построилъ столицу *Нару*, этотъ японскій Кіевъ, и упорядочилъ свое маленькое царство, которое и назвалъ О-Ямато, т. е. Страной Мира.

Но затѣмъ почти на цѣлое тысячелѣтіе исторія молчитъ, лишенная матеріаловъ. Видно только, что уже тогда въ сердце японца вонзилась страсть, отъ которой теперь льются потоки крови. Какая-то царица-амазонка захватила было *Корею*, откуда пошла и вся культура японцевъ. И подъ вліяніемъ этой культуры, спасена была дальнѣйшая исторія страны: около 600 г. по Р. X. одинъ микадо „поставилъ лѣтописцевъ и завелъ архивы".

За все это время жизнь японцевъ текла, какъ во всѣхъ первобытныхъ обществахъ. Припомните: „Citè antique" Фюстель-де-Куланжа [1]) или первыя страницы „Исторіи Россіи" Соловьева,— и вы будете поражены сходствомъ. Сначала кочевникъ, охотникъ, особенно рыболовъ, юный народъ постепенно становился осѣдлымъ, земледѣльцемъ. Жилъ онъ *общинно-родовымъ* бытомъ: *уйя* (родъ) составляла душу бытія; религіей былъ *синто*—обоготвореніе предковъ; и *каго*, старшина рода, совершалъ за всѣхъ жертвы общему предку-патрону. О личности, конечно, не было и помину: всякій носилъ родовое имя. А общинная собственность, *кубунда*, пустила такіе корни, что она, какъ и у насъ, мѣстами уцѣлѣла до сихъ поръ. Микадо былъ какъ бы каго огромнаго рода-племени, только съ значеніемъ божества. Его окружала дружина. Японецъ переживалъ тогда свою *археологію*: у айновъ онъ засталъ каменный вѣкъ, самъ принесъ бронзу и желѣзо. Конечно, соломенные плащи и лапти, сейчасъ неизбѣжные на фотографіяхъ японскихъ крестьянъ, идутъ изъ того же времени.

Такъ прозябалъ японецъ безконечные годы: вѣдь, чѣмъ глубже пластъ въ геологіи, тѣмъ онъ толще. Наконецъ, пришла къ нему изъ-за моря своя Византія, какъ новое воплощеніе соціологическаго закона взаимодѣйствія между обществами. Около 550 г. нахлынула *китайская* цивилизація съ буддійскими бон-

[1]) Въ русскомъ переводѣ книга французскаго профессора названа: „Гражданская община древняго міра".

зами. Все преобразилось, начиная съ микадо. Онъ переселился въ священный *Кіото*, — въ эту японскую Москву. Его окружили 10.000 церемоній; его свита украсилась китайскими чинами, съ ихъ побрякушками, съ шариками на головахъ, съ ленточками и „декораціями“ на разныхъ частяхъ тѣла. Микадо сталъ, съ виду, совсѣмъ Сыномъ Неба: вѣдь, премудрый Конфуцій утвердилъ патріархальность, власть мертваго надъ живымъ. Съ тѣхъ то поръ японецъ сдѣлался окаменѣлымъ охранителемъ „историческихъ устоевъ“, „преданій“ предковъ, какъ подобаетъ настоящему азіату. Онъ сталъ считать себя избранникомъ Божіимъ, началъ гордиться своей старостью, воплощаемой въ древности и всевластіи династіи.

Простодушный избранникъ небесъ не замѣчалъ, что все это — одна чопорная мишура, обманъ самообольщенія. Его династія сохранялась путемъ *усыновленія*, которое играетъ на Дальнемъ Востокѣ такую же важную роль, какъ почитаніе предковъ. А божественность микадо была красивымъ мыльнымъ пузыремъ. Мы подошли къ тому историческому перевороту, который называютъ японскимъ феодализмомъ.

IV.

Подобно общинно-родовому быту, феодализмъ — великая и неизбѣжная пора въ развитіи государствъ, обусловленная законами физіологіи и экономики. Это соціологическое открытіе прекрасно поясняется сравненіемъ средневѣковья Японіи и Европы. На Западѣ феодализму предшествовало то, какъ бы примѣрное, сплоченіе народа, которое воплощалось въ Карлѣ Великомъ. У насъ было нѣчто подобное при Ярославѣ Великомъ. То же самое видимъ мы въ Японіи, въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ, отъ 7-го до 10-го, и по тѣмъ же причинамъ.

Населеніе размножалось. Территорія расширялась на счетъ туземныхъ дикарей и дѣвственности природы. Въ то же время распространялась культура, подъ вліяніемъ Китая и Кореи. Старая патріархальность, съ ея дешевымъ дворомъ, съ легкими налогами, со всеобщимъ военнымъ подъемомъ при нуждѣ, уже не годилась. Требовались и военное дѣло, какъ ремесло, и большіе расходы, которыхъ не могла покрывать родовая община, съ ея первобытной, экстенсивной обработкой земли. Требовалась болѣе могучая сила объединенія, національнаго сплоченія. Возникъ и переворотъ въ умахъ: буддизмъ разрушалъ синто, вводя понятіе о высшемъ божествѣ и внося проблескъ личности; при немъ всякій могъ достигнуть святости на свой страхъ, безъ помощи

рода и предковъ. А Конфуцій и называется „государственникомъ“: онъ училъ, что „правители—отцы народа“.

И вотъ, около 650 г., явилась памятная японцамъ *тайква,*— великая реформа, переводившая народъ изъ общинно-родоваго быта въ государственный. Микадо сталъ даже собственникомъ земли, которую дарилъ подданнымъ во временное пользованіе; особенно давалъ онъ помѣстья своимъ служилымъ людямъ, обыкновенно прежнимъ родовымъ старшинамъ,—каго. Но это то и подготовляло гибель тайквы. По провинціямъ, въ подражаніе микадо, стали подымать голову сильные соратники. Главные изъ нихъ, если хотите, напоминали нашихъ удѣльныхъ князей, но больше всего—племенныхъ герцоговъ Германіи, съ которыми не могли справиться потомки Карла Великаго.

Чѣмъ дальше, тѣмъ глубже падалъ этотъ *первобытный монархизмъ.* Микадо оторвался отъ народа, скрылся, какъ въ теплицѣ, во дворцѣ Кіото, гдѣ его окружили ханжествующіе бонзы, раболѣпные царедворцы да кокетливыя женщины. Сынъ Неба превратился въ *лѣниваго короля* временъ Меровинговъ во Франціи. А за его пышнымъ дворцомъ, въ странѣ, въ таинственной глубинѣ народа, совершался великій переворотъ: тогда-то расцвѣлъ японскій *феодализмъ.* И рѣдко гдѣ можно наблюдать такъ отчетливо зарожденіе этой міровой соціологической эволюціи, отчасти даже этапы въ ея ходѣ. Японцы оказались народомъ точнымъ. Любопытно: когда извѣстная общественная сила претворялась, они отмѣчали ее уже *новымъ именемъ,* несмотря на сохраненіе старыхъ формъ [1]).

Первобытный *родъ разлагался* самъ собой: словно новый жизненный процессъ совершался путемъ расчлененія существа-матери, какъ въ мірѣ низшихъ животныхъ. Наростающія семьи отпадали: и изъ уйи сначала образовались *муры,* т. е. соединенія „челядинцевъ и домочадцевъ“, изъ которыхъ каждый сохранялъ свое родовое имя; затѣмъ эта, такъ сказать, сокращенная община распадалась на *пятки*—по 5 семей. Рядомъ, конечно, должна была растворяться и первобытная кубунда. Съ проблескомъ личнаго начала, о которомъ я упоминалъ, подлѣ нея возникла полная частная собственность,—*со* или „усадьба“. Прежде это названіе принадлежало землямъ микадо; а когда онъ началъ раздавать ихъ своимъ служилымъ, такъ стали именовать вообще

---

1) Наиболѣе яркій свѣтъ бросилъ на общественную эволюцію Японіи талантливый ученикъ нѣмецкихъ профессоровъ, Fukuda, въ своей диссертаціи: „Geschichtliche Entwickelung der Staatsverfassung und des Lehnwesens von Japan“.

частную собственность, т. е. привиллегированную, владѣніе попре имуществу: помѣщикъ не платилъ податей. Вотъ источникъ крупнаго, *дворянскаго землевладѣнія*. „Со“ образовывались отчасти и изъ новинъ, которыя умножались съ ростомъ населенія. Къ нимъ примыкали и *церковныя имущества*. Послѣднія были обширны: бонзы, подобно средневѣковымъ владыкамъ Запада, сами выступали во главѣ своихъ отрядовъ; и они всегда были побѣдителями, ибо народъ не смѣлъ бить ихъ. *Соси* (помѣщики) постепенно заняли большую и лучшую часть земли. И, какъ вездѣ, народу стало плохо: онъ содержалъ весь государственный нарядъ, такъ какъ соси не платили податей. Отсюда опять обычное явленіе,—западная *рекомендація*, наше закладничество: крестьяне сами бросали свои кубунды, чтобы избыть невыносимаго тягла; а строптивыхъ сосѣднихъ мужиковъ соси порабощали сами. Такъ и въ Японіи возникъ неизбѣжный въ свое время бичъ *крѣпостничества*.

Съ этимъ экономическимъ переворотомъ связанъ общественный. Изъ безсословной, нерасчлененной массы выдѣлился военный классъ. Главари, бывшіе каго, стали какъ бы наслѣдственными генералами солдатъ своего околотка, своей бывшей уйи. Эти солдаты—часть крѣпостныхъ, которымъ помѣщикъ давалъ свободу, чтобы они постоянно защищали его: они и назывались *кенинъ* и *родо*, т. е. „челядинцы и дружинники“ — наши служилые, польскіе шляхтичи, западные рыцари. Эта-то рать и помогала своему господину обращать сосѣднихъ свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ. Такъ изъ среды соси выдѣлились вельможные *роды*—японскіе бояре, паны, фюрсты.

Эти властныя руки, конечно, живо передрались между собой. Цѣлое поколѣніе свирѣпствовало „*кулачное право*“ Германіи. Наконецъ, одолѣлъ царственный отпрыскъ,—родъ *Минамото*. Его герой, бойкій, веселый, но жестокій и лукавый Іоритомо принялъ, въ 1192 году, титулъ *сіогуна* [1]). Этотъ титулъ подвергся такому же превращенію, какъ римскій imperator: въ старину просто генералъ, это слово стало означать лицо, облеченное, во имя микадо, всею полнотою власти. Но сіогунъ, какъ средневѣковой сюзеренъ, былъ только первымъ среди равныхъ, какъ бы главой пэровъ. Мы вступаемъ въ эпоху настоящаго, специфическаго японскаго феодализма, который длился долго, цѣлыхъ 4 вѣка,—но вовсе не до 1868 г., какъ думали прежде. Нѣкоторыми своими сторонами

[1]) Тутъ опять ошибка у европейцевъ. Они говорятъ „шіогунъ“, „шинто“. Но у японцевъ нѣтъ звука *ш*. Тутъ виновато англійское начертаніе *sh*, которое сами японцы произносятъ тоже какъ *с*, только съ пришепетываніемъ.

она весьма схожа съ тѣмъ, что творилось тогда на Западѣ и особенно въ Россіи, съ ея удѣльными усобицами. Были даже свои монголы, которые, немного позже нашествія Батыя, приплыли-было на о. Ниппонъ, въ числѣ 100.000 человѣкъ, но почти всѣ пали жертвами изумительнаго патріотизма и храбрости японцевъ. Между вельможными родами кипѣла борьба изъ-за сіогуната, какъ между нашими князьями изъ-за кіевскаго стола: то время названо „военною порой“ по преимуществу.

V.

Тогда-то окончательно сложился и общественный строй японскаго феодализма. Эта эволюція, въ общемъ, ясна, хотя мѣстами еще не докопались до точныхъ свѣдѣній относительно подробностей. Ленная система развивалась. Какъ вездѣ, помѣстья превращались въ вотчины, со—въ *чигьо*. У крестьянъ уже оставались одни общинныя угодья; и они не отрывались отъ барщинъ, хотя, какъ и у насъ, кажется, не было закона объ ихъ прикрѣпленіи къ землѣ. А ихъ господинъ превратился изъ патріальхальнаго кенина и родо въ спѣсиваго *самурая*,—настоящаго феодала, съ вотчиннымъ судомъ и полиціей.

Самурай—самое важное и яркое явленіе въ общественномъ быту Японіи. Это слово, означавшее прежде „стражника“ при дворѣ микадо (родъ гридней древней Руси), обнимало теперь все высшее, дворянское, привилегированное сословіе. Въ этомъ смыслѣ оно сохранилось до 1868 г.; а духъ обозначаемаго имъ сословія живетъ и теперь въ каждомъ солдатѣ японской арміи. Самурайство распадалось какъ бы по правиламъ феодальнаго іерархизма, порождавшимъ жестокое мѣстничество. Какъ на Западѣ были „большіе и меньшіе“ бароны, а у насъ бояре и дворяне, такъ здѣсь мы видимъ „большія и малыя имена“: таковъ смыслъ словъ *дайміо* и соси или собственно *самураи*.

При господствѣ этихъ феодаловъ, Японія представляла собой какъ бы союзъ государствъ,—родъ Нѣмецкой Священной имперіи или древней Руси: каждый дайміатъ былъ своего рода герцогствомъ или нашимъ княжествомъ. Каждый дайміо былъ сіогунъ въ миніатюрѣ; каждый самурай былъ неприкосновенной особой. Тамъ, гдѣ простому смертному полагались дранье, мучительная татуировка (клеймленіе), усѣкновеніе главы, сожженіе, распятіе, распиленіе, самурай подвергался только домашнему аресту (и то ночью онъ могъ выходить) да лишенію лена или исключенію изъ своего сословія. Подобно рыцарству, все дворянство получало особое

воспитаніе. Самурай удостоивался лена лишь послѣ экзамена въ военномъ дѣлѣ, да немножко изъ Конфуція. Отличный фехтовальщикъ, самурай имѣлъ право носить саблю, эту „живую душу воина“, даже двѣ, и при нихъ два кинжала-бритвы — для *харакири* или самовскрыванія живота, этой почетной, дворянской казни. И онъ лишался лена, если терялъ или забывалъ пристегнуть эти знаки своего достоинства. Пріобрѣтя дипломъ, юный самурай (первенецъ или усыновленникъ) получалъ и ленную грамоту съ вѣткой, какъ вассалъ на Западѣ. Только онъ не присягалъ: „слово самурая—тотъ же камень и желѣзо“.

И связь самурая со своимъ дайміо была болѣе личная, чѣмъ вещественная: она прекращалась лишь со смертью или измѣной одной изъ сторонъ; оттого лена нельзя было продавать. Но измѣна самурая—дѣло неслыханное. Напротивъ, японская исторія полна такихъ примѣровъ, какъ 47, совершившихъ харакири, въ началѣ 18-го в., въ честь своего господина [1]). Самурай готовъ былъ всегда выступить за своего дайміо „конно, людно и оружно“, какъ говорилось у насъ, т. е. со всѣми домочадцами. Онъ держалъ за него стражу въ Іедо, у сіогуна, и охранялъ его за́мокъ въ провинціи, ходилъ у него въ дворецкихъ, давалъ ему обычные подарки; при болѣзни или дряхлости, онъ долженъ былъ откупаться, чтобы господину было на что содержать его замѣстителя. Обиженный низшимъ, самурай былъ обязанъ убить его; а съ равнымъ или высшимъ онъ тотчасъ вступалъ въ единоборство, и тутъ лишалась лена семья павшаго, какъ плохого воина. Помимо помѣщичьей власти, самурай имѣлъ много другихъ привилегій: онъ носилъ фамилію, имѣлъ гербъ, пользовался охотой, былъ свободенъ отъ тѣлеснаго наказанія и т. д. За то онъ долженъ былъ быть рыцаремъ безъ страха и упрека. Ленъ отнимался у него даже за безпутство жены или дѣтей и за снесеніе обиды безъ поединка на смерть; а на поединкѣ, при побѣдѣ, ему предписывалось харикири. Наконецъ, дѣти пускались по міру, если ленникъ утонулъ: только невоспитанный могъ быть плохимъ пловцомъ въ водномъ царствѣ Восходящаго Солнца.

Къ самураямъ примыкало *духовенство*. При господствѣ синто, когда не было монашества, въ жрецы поступали младшіе сыновья самураевъ, что напоминаетъ западныхъ канониковъ; и ихъ мѣста были наслѣдственны. Когда же возобладалъ буддизмъ, духовенство совсѣмъ отдѣлилось отъ народа, какъ монашествующая каста. Бонзы становились главными богачами, угнетая массы: за

---

[1]) *Junker v. Langegg*, Vassalentreue,—передѣлка японскаго романа.

самыя страшныя преступленія ихъ не наказывали, а только исключали изъ сословія. Святые отцы дошли до такого могущества, что одинъ микадо воскликнулъ: „Не могу совладать только съ теченіемъ рѣкъ да со жрецами“!

Лежавшая подъ гнетомъ самурайства масса состояла, конечно, преимущественно изъ земледѣльцевъ, *гякусовъ*. Здѣсь закрѣпощеніе росло: крестьяне лишились права распоряжаться своею землей. Испугавшись голодовки отъ избытка населенія, правительство издало указъ о *первородствѣ*, что упрочивало древній обычай усыновленія. И младшіе сыновья гякусовъ частью работали съ наслѣдникомъ на предковскомъ надѣлѣ, частью шли въ батраки въ усадьбы самураевъ, или же въ города, гдѣ правительство обязывало *мѣщанъ* давать имъ мѣста, словно при квартирной повинности.

Да, тогда уже выдѣлилось это мѣщанство, *средній классъ*. Города развивались. Сіогунамъ приходилось мѣнять столицы отъ усобицъ, причемъ они старались удаляться все дальше отъ святилища микадо,—на сѣверо-востокъ. Дайміи „огораживались“ по той же причинѣ: они строили *сиры*—кремли, бурги, замки. Затѣмъ привлекали окрестныхъ крестьянъ льготами: и возникъ классъ ремесленниковъ; а съ улучшеніемъ средствъ сообщенія и съ появленіемъ китайской монеты, стало рости и купечество. Въ городахъ образовались *ца*,—цехи и гильдіи, и даже съ правомъ казни соперниковъ. Получалось нѣчто въ родѣ западныхъ коммунъ; только японскіе города не были связаны съ церковью и еще не достигли политическаго значенія. Горожане были такъ патріархальны, что не носили фамилій; но они уже со спѣсью самураевъ взирали на будущій четвертый чинъ, на свою бѣдноту, уже распадавшуюся на 4 разряда, во главѣ которыхъ стояли *эты* („нечистые“, индійскіе паріи: могильщики, мясники, кожевники) и *гейши*.

VI.

Такъ дожили японцы до 1600 г., когда начался предпослѣдній періодъ ихъ исторіи, длившійся $2^1/_2$ вѣка. Это—самая любопытная пора. Она весьма важна и въ научномъ отношеніи. А наука-то и не знала ея до послѣднихъ дней. Сіогуны наложили печать молчанія на бѣдныхъ лѣтописцевъ. И историки, не видя ничего, кромѣ безтрепетной поверхности могильнаго покоя, рѣшили, что въ то время ничего и не было: все-де процвѣталъ феодализмъ.

На дѣлѣ же, въ странѣ Восходящаго Солнца происходило то же самое, что на Западѣ, и въ одно и то же время. То былъ такой же феодализмъ, какъ тотъ, который былъ искорененъ въ Англіи революціями 17-го вѣка, во Франціи—переворотомъ 1789 г., въ Пруссіи—отмѣной крѣпостничества въ 1851 г., у насъ—реформами 60-хъ гг. То были лишь пережитки средневѣковья, коренившіеся въ обществѣ и его нравахъ. Вѣрнѣе, то была пора разложенія феодализма, которое совершалось незамѣтно, при сохраненіи старыхъ формъ. Словомъ, шло поразительное развитіе того абсолютизма новаго времени, который принято называть *полицейскимъ государствомъ*, въ отличіе отъ „правового", конституціоннаго. Совершалась та самая политическая эволюція, которая происходила во Франціи съ Людовика XI, въ Англіи съ Генриха VII, въ Испаніи съ Фердинанда Католика, въ Пруссіи съ Великаго Курфюрста, у насъ съ Ивана III.

Особенностью японской исторіи тутъ служитъ только то, что эта роль выпала на долю *сіогуната*. Это учрежденіе пустило слишкомъ глубокіе корни. Съ тѣхъ поръ, какъ микадо превратился въ лѣниваго короля, сіогунъ сталъ майордомомъ, султаномъ арабскихъ халифовъ, визиромъ турецкихъ владыкъ. Зная умоначертаніе массъ, сіогуны не только не обижали своихъ микадо, но всячески поддерживали ихъ внѣшній почетъ: вѣдь, они могли издавать самые омерзительные указы, сваливая все на высочайшую волю. А чтобы Сынъ Неба не вздумалъ вдругъ показать себя, они завели пріятный бонзамъ обычай: какъ только подросталъ микадо, его заставляли отрекаться въ пользу своего или усыновленнаго ребенка, соблазняя его прелестями праздной жизни, а иногда склоняя къ постриженію въ монахи.

Въ октябрѣ 1600 г. прославилась навѣки *Секигахара*,—деревушка, которая и сейчасъ лѣпится въ горахъ, въ 100 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Кіото, близъ великаго озера Бивы, у подножія гиганта Ибуки, гдѣ въ древности жилъ Сатана, а потомъ знаменитые разбойники. Тамъ произошла *кубидзука* или „главосѣченіе". То была расправа новой исторической силы съ издыхающей гидрой феодализма. Ее учинилъ великій *Іеясъ*, главарь рода Токугавовъ [1], этого отпрыска богоравныхъ Минамотовъ. Іеясъ былъ вѣрнымъ слугой стараго сіогуна и прославился, какъ полководецъ и правитель. А когда ему стукнуло за 50, онъ низвергъ своего патрона и переселился еще дальше къ сѣверо-во-

[1] *Токугава*—деревня или усадьба, гдѣ жили предки этой фамиліи. Въ Японіи, какъ и на Западѣ, знатныя семьи носили имена своихъ родовыхъ гнѣздъ.

стоку,—въ *Iедо,* который изъ жалкой деревушки сдѣлался японскимъ Петербургомъ.

Феодалы подняли страшную бурю, чуя свою погибель. Прибавимъ, что рѣшалась извѣчная борьба *юго-запада* съ *сѣверо-востокомъ*,—тоже историческій законъ, который наблюдается всюду, отъ древней Индіи и Эллады до Германіи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. И вездѣ одинъ исходъ. У японскихъ сѣверянъ было вдвое меньше матеріальныхъ силъ; но ихъ одушевлялъ геніальный представитель новой національной потребности. И Секигахара навѣки рѣшила участь Японіи.

Подобно Цезарю и Петру I, Іеясъ воевалъ лишь по нуждѣ. Утвердившись, онъ оказался болѣе государственнымъ мужемъ, чѣмъ полководцемъ. Онъ далъ законодательство. съ которымъ могутъ равняться, по значенію, только тайква да конституція 1868 г. Конечно, оно, какъ всякое крупное событіе, лишь кажется изумительнымъ. Теперь для насъ ясно, какъ оно подготовлялось исторіей.

VII.

Затменіе феодальной старины шло со всѣхъ сторонъ. *Личное начало* добивало общинно-родовую патріархальность: отъ недостатка и разоренія земель даже крестьянская молодежь превращалась въ бездомныхъ наемниковъ, кочевавшихъ отъ помѣщика къ помѣщику, устремляясь особенно на свѣжій сѣверо-востокъ, гдѣ было спокойнѣе и вольготнѣе у болѣе крупныхъ даймiевъ, поощрявшихъ земледѣліе. И патріархальность поддерживалась уже тѣмъ пережиткомъ рода-общины, который называется *задругой* у южныхъ славянъ. Рядомъ развивалось еще болѣе разлагающее начало,--*города*: какъ на Западѣ, сами феодалы, вѣчно нуждавшіеся въ деньгахъ для своихъ дракъ, продавали имъ льготы и поощряли торговлю. И главные, приморскіе центры становились почти республиками, напоминая „имперскіе“ города средневѣковой Германіи. Тогда-то процвѣла *Осака,* эта душа экономики Японіи до нашихъ дней.

Измѣнялся въ корнѣ *самъ японецъ.* Его душа волновалась смутными новыми влеченіями: какъ на Западѣ, при паденіи феодализма и папства, какъ у насъ предъ Петромъ I, плодились секты съ реформаціонными задачами, появился многоглавый *расколъ.* И онъ прильнулъ къ народу, который ненавидѣлъ чуждавшихся его и терзавшихъ его бонзъ-помѣщиковъ. Его главный толкъ, *синъ,* почти революціонеръ, до сихъ поръ—самый распространенный въ Японіи.

Наконецъ, свершилось потрясеніе изъ потрясеній: явились далекіе чужеземцы съ цѣлымъ міромъ еще болѣе далекихъ воззрѣній, а главное,—съ несравненно болѣе высокой культурой. Незадолго до Секигахары прибыли *европейцы*. Царицѣ понравилась Мадонна съ ребенкомъ,—и разрѣшили христіанскую проповѣдь. На юго-западѣ даже иные дайміи и принцы крестились. Вскорѣ Нагасаки, уже соперничавшій съ Осакой въ торговлѣ, былъ названъ „городомъ христіанъ“. Новое бродило вошло въ жизнь націи, какъ бактерія, ускорявшая внутреннее разложеніе старины. И явился *Стоглавъ* или *Завѣщаніе* [1]) Іеяса,—родъ труда Мономаха. Это уложеніе не было обнародовано. Іеясъ, подобно Солону и Ликургу, заповѣдалъ даже не показывать его никому, кромѣ его преемниковъ. Это собраніе законовъ, нравственныхъ правилъ и личныхъ мнѣній великаго японца хранится и теперь въ Кіото, какъ скинія завѣта, а копія—въ Іедо, гдѣ святыня разъ въ годъ показывается сановникамъ.

Стоглавъ—уставъ полицейскаго государства, подъ видомъ феодализма. Сіогунатъ сдѣлался наслѣдственнымъ въ домѣ Токугавовъ. Сіогунъ сталъ *тайкуномъ* или „великимъ принцемъ“: это повышеніе титула, за которымъ такъ гонялись на Западѣ и особенно у насъ, было сдѣлано для иностранцевъ, которые и перевели его словомъ „императоръ“. Сіогунъ, правда, оставилъ *микадо*, чтобы массамъ было передъ кѣмъ простираться ницъ. Онъ даже возвеличилъ его внѣшнею пышностью. Тогда-то микадо сталъ *тенси* (Сыномъ Неба), настоящимъ египетскимъ фараономъ. Его видятъ только жены да министры; на рѣдкихъ аудіенціяхъ онъ занавѣшенъ циновкой. Его ноги не должны касаться земли, какъ у папы, котораго онъ напоминаетъ и своей „непогрѣшимостью“. У него, кромѣ жены, 12 наложницъ изъ низшей знати, дѣти которыхъ наслѣдуютъ, при безплодіи царицы. Микадо, съ его дворомъ, образуютъ *кугэ*,—верхъ общественной пирамиды, въ родѣ князей при дворѣ древняго русскаго царя. Это—155 фамилій отъ бывшихъ микадъ, которыя, по почестямъ, стоятъ даже выше сіогуна. Но, въ сущности, тенси очутился въ „позлащенномъ рабствѣ“. Іеясъ обратилъ его въ кіотскаго узника, поставивъ подлѣ него своего соглядатая. Микадо только раздаетъ пустые титулы живымъ да возводитъ въ святые мертвыхъ. Сіогунъ не пускаетъ его видѣть нужды народа, предписываетъ ему каждый шагъ, даже опредѣляетъ его содержаніе—всего 50.000 р.

---

[1]) Есть много переводовъ творенія Іеяса. Главный изъ нихъ принадлежитъ *Lowder*'у: The Legacy of Iyeyas in One Hundred Chapters. 1874.

Іеясъ сохранилъ и феодаловъ, но ихъ нельзя было узнать. Ихъ владѣнія были сокращены и разбросаны клиньями—такъ, что они грызлись между собой (поступокъ Вильгельма Завоевателя). Множество дайміевъ перешло въ мелкотравчатое дворянство „за флагомъ". И не изъ нихъ, а изъ низовъ общества избиралъ Іеясъ свое знаменитое *бакуфу* [1]), эту бюрократію „стараго порядка" во Франціи,—наши приказные и крапивное сѣмя. Бакуфу опредѣляло даже браки и наслѣдства вельможъ; самый пышный дайміо спрашивался у него насчетъ своихъ построекъ. И бакуфу разоряло знать дорогими сооруженіями, дозволяя ей для этого выпускать собственныя бумажки, какъ на Западѣ каждый сеньеръ чеканилъ свою монету. Мало того. Словно подражая Людовику XIV или московскимъ царямъ, Іеясъ требовалъ дежурства дайміевъ при своемъ дворѣ, а при ихъ отсутствіи взималъ „человѣчій залогъ", т. е. задерживалъ ихъ семьи въ Іедо. Это въ лоскъ разоряло вельможъ и пріучало ихъ къ раболѣпію.

Совершенно какъ король солнце Версаля, владыка Іедо взялся за роль Провидѣнія своего народа. Онъ сдѣлался опекуномъ японцевъ, хозяиномъ ихъ экономики, Меценатомъ ихъ идейной культуры. И подымались земледѣліе, торговля, промышленность, благодаря миру, строгому порядку и хорошимъ путямъ сообщенія. Тогда-то разцвѣла та техника, которая доселѣ составляетъ „Японію" для европейца,—фарфоръ, лакировки, шелки, затѣмъ живопись, рѣзьба на деревѣ и кости, изящная утварь. Возникли типографіи и родъ академіи, которыя распространяли китайщину, этотъ классицизмъ Дальняго Востока. Дайміи наперерывъ другъ передъ другомъ заводили подобныя же школы.

Все это напоминаетъ Петра Великаго. Но спѣшу оговориться. Іеясъ не прорубалъ окна въ Европу, хотя и устроилъ такой договоръ съ голландцами, что онъ продержался до 1868 г. Европой для Японіи былъ тогда Китай съ Кореей, откуда Іеясъ и заимствовалъ культуру усердно. А главное, по своимъ завѣтнымъ цѣлямъ, Іеясъ—родной братъ вовсе не Петра I, а Людовика XIV. Въ Іедо, какъ и въ Версалѣ, царила одна и та жа „система",—безпощадная централизація съ чиновничествомъ, регламентація и меркантилизмъ, т. е. чистокровная полицейщина. То былъ миръ въ смыслѣ замурованнаго, принудительнаго порядка, спокойствіе

---

[1]) *Бакуфу* вытекло изъ бугіо, но предметъ измѣнилъ свое названіе, сообразно съ перемѣной въ положеніи высшей власти. Бакуфу собственно—„правленіе палатки" или „занавѣсочное правительство". Въ старину, на войнѣ ставка сіогуна занавѣшивалась циновками. Слѣдовательно, по смыслу слова, бакуфу—то же, что „микадо", т. е. турецкая Высокая Порта.

мертвецовъ, молчаніе рабовъ. Для этого Іеясъ сохранилъ кастовую патріархальность, по Конфуцію, да отцовскую власть, какъ въ древнемъ Римѣ. Того же добивалось въ экономикѣ назойливое бакуфу: оно опредѣляло указами всѣ производства, всякія жизненныя отношенія и подавляло малѣйшее проявленіе личности. Нечего и говорить про сердцевѣдѣніе. Запрещалось сходиться болѣе, чѣмъ 5 лицамъ; замазывались всѣ щели для новшествъ. Подобно московской славяно-греко-латинской академіи или Académie Française, конфуціанская академія, въ союзѣ съ правительственнымъ буддизмомъ, подавляла всякія чужія мысли и даже родныя секты. Въ особенности преслѣдовали католичество, какъ „лживую и развратную школу". Не забудемъ, что къ тому времени іезуиты уже учинили Варѳоломеевскую ночь и погубили Вильгельма Оранскаго съ Генрихомъ IV. А сколько инквизиторы спалили народа тогда же, при Филиппѣ II, изъ-за религіи!

VIII.

Такъ два съ половиной вѣка жила-поживала „старая счастливая Японія", эта спящая красавица, спеленатая, лакированная, нафарфоренная, со своими кастами, харакири и шпіонами, съ 10.000 китайскихъ церемоній. Это—картина, намалеванная самими японцами и отчасти, съ ихъ словъ, голландцами. Но въ глубинѣ дремлющаго царства скоплялись предвѣстники грозы. Ихъ не видѣли и изумились невиданному въ исторіи перевороту 1868 г.

Пока существуетъ организмъ, личный или общественный, онъ не можетъ быть окаменѣлостью. Жизненные соки переливаются ежеминутно; движеніе, хотя глубокое, незамѣтное для взгляда, не вооруженнаго наукой, неизбѣжно.

Замкнувшись въ себѣ, Японія дремала, но не умирала. Въ самомъ ея абсолютизмѣ лежали сѣмена новаго бытія. Его ядовитыя свойства вызывали противоядіе, въ видѣ протеста живого общественнаго организма. Мертвенный абсолютизмъ пожиралъ самъ себя. Какъ прежде микадо, такъ теперь сіогуны опускались отъ недостатка жизни, борьбы, работы. Они, въ свою очередь, стали „лѣнивыми королями" и—жертвами бакуфу. То же происходило со знатью: она таяла даже наглядно, отъ родственныхъ браковъ,— процессъ, губившій и западную аристократію,— въ 1863 г. было всего 43 крупныхъ дайміевъ.

Претворялись и самураи. Они тоже изнѣживались отъ мира и забывали вассальную вѣрность. Среди нихъ уже мелькали люди

свободныхъ профессій, образованныхъ разночинцевъ. Здѣсь-то зарождалось зерно интеллигенціи и новаго благородства: именно этому перерожденному самурайству обязана Японія и всѣмъ своимъ прогрессомъ, и своими нынѣшними подвигами. Отсюда же выдѣлялись *ронины*, „волнистые люди". Это—странствующіе рыцари, которые носились по странѣ, какъ волны житейскія: какіе-то анархисты, представители уже безшабашнаго личнаго начала, они окончательно разлагали старину. Подобно Большимъ Кулакамъ Китая или казакамъ древней Руси, ронины были готовымъ орудіемъ для проведенія въ жизнь новыхъ идеаловъ, которые слагались, наконецъ, не только у самураевъ, но и у *сониновъ*. Сонины—горожане, которые разживались, откупали права, скупали земли у обнищалой знати и рвались къ образованію,—словомъ, становились *буржуазіей*. Это—также личное начало, которое проникало даже къ крестьянамъ: они обходили запрещеніе продавать и дѣлить землю; и среди нихъ уже размножались кулаки-богатѣи. Броженіе въ самомъ низу общества поддерживалось оскудѣніемъ: народъ плодился, надѣлы мельчали, а земледѣліе было старое, недопускавшее интенсивной обработки. Жизнь дорожала еще отъ допотопныхъ финансовъ, съ вѣчной порчей монеты.

Новые идеалы обнаруживались все явственнѣе. Растущей интеллигенціи становились противными плоды деспотизма, — это молчаніе забитаго раба, эта лживость малодушія съ ея лицемѣрной учтивостью. Жажда новизны, свободнаго размаха личнаго творчества, становилась сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ ея подавленія свыше. Въ непроглядной глубинѣ народной психики уже бурлила революція. Противъ конфуціанства выступалъ національный синто, противъ казеннаго, окаменѣвшаго буддизма—свѣжіе раскольничьи толки. Не умирало и христіанство, несмотря на гоненія. Въ 1865 г. въ деревняхъ у Нагасаки нашли его братскія общины. Струйка жизни пронеслась по литературной Сахарѣ: недаромъ многіе тайкомъ читали европейскія книжки голландской контрабанды, напоминая кн. Хворостинина временъ Михаила Ѳеодоровича. Противъ китайскаго классицизма выступала національная литература. А исторія рисовала въ романическомъ очарованіи времена до сіогуната, когда микадо былъ всесиленъ. Это возрасталъ могучій патріотизмъ. Подъ конецъ уже всюду слышалось завѣтное словечко, отъ котораго и сейчасъ трепещетъ сердце каждаго японца,— *ямато-тамазія*, т. е. родная душа.

Такъ, со всѣхъ сторонъ скоплялись предвѣстники грозы надъ головами дайміевъ и сіогуна, съ его палачемъ—бакуфу. И искавшій выхода народъ-страдалецъ хватался, какъ за якорь спасенія,

за древній символъ своей жизни—за Сына Неба: авось, де, тамъ, въ таинственномъ Кіото, полумертвый микадо окропится живою водой и выйдетъ на свѣтъ Божій, чтобы воскресить своихъ дѣтокъ! Въ 1830—40-хъ гг. видимъ уже наглядные признаки разложенія,—толпы злобныхъ нищихъ и даже мятежи самураевъ Такъ уже съ начала 19 вѣка зданіе „старой счастливой Японіи" трещало по всѣмъ угламъ. Но такова косность Востока, что все ждали внѣшняго толчка. Толчекъ пришелъ—и, конечно, отъ старшаго брата, отъ высшей цивилизаціи,

Теперь мы приблизились къ событіямъ міроваго значенія и невиданнымъ, а потому крайне поучительнымъ для соціолога. Передъ нами великій законъ воспитанія обществъ, который, въ нѣкоторыхъ сферахъ, унизился теперь—стыдно сказать!—до вопроса о „макакахъ". Къ счастью для человѣчества, переимчивость—основа всякой педагогіи. Это значитъ, что мучительный опытъ раннихъ поколѣній, малѣйшее пріобрѣтеніе на пути прогресса не пропадаютъ даромъ. Они-то служатъ лучшимъ акушеромъ при родахъ новой національной жизни. Знанія, умѣлость, сноровка, творчество,—словомъ, высшая культура неотразимо дѣйствуетъ на низшую: только отъ крайней бездарности отскакиваетъ все, какъ отъ стѣны горохъ. А о „самобытности" заботиться нечего: она неистребима, какъ родимое пятно.

Японцы поняли, въ чемъ дѣло. И это сознаніе было такъ сильно, что когда, въ 1853 г., приплыли американцы, самъ сіогунъ заключилъ съ нѣкоторыми европейцами договоры и принимался за реформы въ ихъ духѣ. Но самураи считали его лукавымъ измѣнникомъ, который затѣваетъ подкрѣпить падающій абсолютизмъ иностранцами, чтобы—обратить его въ мстительного палача націи. А это было все войско—2 милл. на 34 милл. населенія! И вотъ, по всей странѣ разнеслось грозное „сонно іой!", т. е. царь и долой варваровъ! Увлекаемые отчаянными ронинами самураи сплотились вокругъ 121-го микадо, 14-лѣтняго Муцу-Хито; досталось немного и „рыжимъ". Въ 1868 г. сіогунатъ былъ сломленъ, послѣ кровавыхъ битвъ. Вышелъ указъ: „Правительство отнынѣ—въ рукахъ одного *императорскаго* двора".

IX.

Мы уже лично присутствуемъ при великой исторической драмѣ. Насталъ строгій экзаменъ не только японцамъ, но и самымъ законамъ соціологіи. Эти законы, конечно, выдержали его

блистательно: макаки оказались не только людьми, но даже *историческимъ* народомъ. Казалось, пылкій патріотизмъ воскрешалъ, въ священномъ Кіото, высохшую мумію стараго порядка, орошая ее кровью „варваровъ“. Сами вожди революціи назвали ее „возстановленіемъ тайквы“. На дѣлѣ же японцы словно послѣдовали словамъ нашего генія (тоже обезьяны въ глазахъ самобытниковъ): „Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный“.

Представителемъ жгучей потребности въ обновленіи націи явился царственный отрокъ, въ которомъ воплотилось неслыханное великодушіе престола. Народъ вручалъ ему древнюю, божественную власть; а онъ добровольно сложилъ ее къ ногамъ народа. Онъ не увлекся воплями кучки фанатиковъ затхлой самобытности.

Въ 1868 же году японская Москва была замѣнена Петербургомъ, причемъ Іедо превратился въ Токіо,—„восточную столицу“ [1]). 1868-й г., съ котораго начинался и григоріанскій календарь, былъ объявленъ эрой новой Японіи или *мейджи*, т. е. періода „просвѣщеннаго правленія“. Договоры были тотчасъ же распространены на другія государства. Затѣмъ, на Японію излился цѣлый благодатный дождь преобразованій. То было дѣло счастливаго выбора. Война родитъ героевъ, реформы родятъ таланты, частность и великодушіе, какъ доказала и Россія въ тѣ же 60-е годы. Молодого императора окружила блестящая плеяда обновленной знати, съ испытанными дарованіями, съ рыцарскими патріотическими преданіями, съ западнымъ образованіемъ. Во главѣ ея стали представители доблестныхъ родовъ Сатсумы, Чосу и Тозы: по первымъ слогамъ ихъ фамилій японцы назвали преобразовательное правительство сат-чо-то. И ни одного-то „старо-японца“, у котораго текли бы слюнки при мысли о „счастливой“ патріархальности Японіи!

Эти люди, не мудрствуя лукаво и не страшась призраковъ мракобѣсія, поняли, что если Японія претерпѣла всю тяготу полицейщины, то, въ награду, ей оставалось насладиться правовымъ порядкомъ. И Японія явила міру невиданный примѣръ *слїянія могучей верховной власти съ народнымъ самоправленіемъ*, — мысль нашего Петра, которая пресѣклась преждевременной смертью генія..

[1]) *Токіо* (или Токей) пишется по-китайски такъ же, какъ Іедо. Но китайскія письмена-картины обыкновенно служатъ для нѣсколькихъ понятій. Произнося китайскую идіограму (букву-понятіе): „токіо“, получаете „восточную столицу“. Когда, въ 1868 г., усвоили это произношеніе, переименовали и Кіото соотвѣтственно: японскую Москву назвали Сай-кіо, т. е. „западная столица“.

Смѣю видѣть въ этомъ весь смыслъ и поучительность государственной Японіи нашихъ дней.

Немудрено, что юный императоръ не захотѣлъ вкусить сладости коронаціи, не раскрывъ сначала своей души народу. 17 апрѣля 1869 г., по личному почину, явился онъ въ государственный совѣтъ и присягнулъ *хартіи въ 5 статей*, которая своимъ возвышеннымъ идеализмомъ напоминаетъ вожделѣнія конститюанты. Въ виду неточныхъ передачъ въ разныхъ изданіяхъ, приведу самый документъ, только-что изданный Стэдомъ.

1) „Устроить публичныя собранія (public meetings), а административныя дѣла рѣшать общимъ обсужденіемъ (general deliberation), т. е. сообразоваться съ *коджи*,—общественнымъ мнѣніемъ. — 2) Правители и управляемые равно посвящаютъ себя благу народа.—3) Всѣ гражданскія и военныя власти стараются поощрять личное умѣнье во всѣхъ классахъ и вызывать ихъ творческій починъ. — 4) Исправить дурные обычаи, царствовавшіе доселѣ.—5) Вводить изъ-за границы полезныя знанія и тѣмъ расширять основы имперіи“.

И началась еще далеко не завершенная эпоха тѣхъ реформъ, по европейскому образцу, которыя поражаютъ міръ своей лихорадочной поспѣшностью и всесторонностью. Эту эпоху назвали „великимъ землетрясеніемъ или иностранной горячкой“. Собирались даже перемѣнить китайскіе іероглифы на латинскую азбуку и чуть не промѣнять родной языкъ на англійскій. Не стану перечислять эти подвиги современной страны Восходящаго Солнца: о нихъ столько говорилось; да они и прошли на нашихъ глазахъ. Остановлюсь только на соціальныхъ основахъ переворота, чтобы завершить картину эволюціи японскаго общества, которая занимала насъ въ теченіе всей этой бесѣды.

X.

Прежде всего требовалось *вытравить пережитки феодализма*. Дайміи, конечно, и не думали раставаться со своими привиллегіями. Но коджи подняло грозный голосъ своего негодованія: и выступилъ сат-чо-то, чтобы напомнить міру подвигъ французской знати времени конститюанты. Онъ заявилъ: „Мы почтительно подносимъ списокъ нашихъ владѣній и людей и просимъ императора вознаградить достойныхъ и наказать виновныхъ“. Такъ старая Японія сама надъ собой учинила рыцарское хара-

кири. Исчезло самое имя „даймiо“: теперь въ Японiи одинъ только титулъ—*квацоку*, т. е. сударь, monsieur, gentleman. Адаймiаты были превращены въ *кены*,—императорскiя провинцiи, съ префектами (губернаторами) во главѣ. Затѣмъ разсчитались и съ самураями, которыхъ даже переименовали въ *сизоку*, какъ бы „сударикъ“ (напоминаетъ „мужей“ и „мужиковъ“ древней Руси). Имъ дали нѣчто въ родѣ нашихъ выкупныхъ свидѣтельствъ. Эти процентные билеты, конечно, были живо проѣдены доблестнымъ дворянствомъ. Такъ теперь и квацоку, и сизоку отличаются отъ простыхъ смертныхъ только своимъ овальнымъ обличiемъ. Они дали дорогу круглолицымъ *гейминамъ*, какъ стала именоваться вся масса,—и буржуазные сонины, и земледѣльческiе гякусы.

Съ гейминовъ также сняли путы средневѣковья. Была вполнѣ признана частная собственность; была отмѣнена власть pater familias'а; рухнули и ца, эти тормазы экономическаго развитiя. Наконецъ, лучи милосердiя и справедливости пролились надъ отверженными: эты были сравнены въ правахъ со всѣми. Хоть здѣсь со страницъ исторiи исчезъ позорный, скорбный „еврейскiй вопросъ“ Дальняго Востока! И замѣчательно, хотя естественно: эты примкнули къ самой вольнодумной сектѣ буддизма, служа къ его разложенiю. Буддизмъ падалъ и вообще, и какъ оффицiальная религiя старины, въ то самое время, когда признанiе христiанства установляло полную вѣротерпимость. А когда, въ 1871 г., законъ лишилъ буддизмъ всякихъ привиллегiй, народъ избавился и отъ властолюбiя бонзъ, и отъ ихъ постнаго вегетарiанства.

Рядомъ, естественно, шло и политическое раскрѣпощенiе. Внизу было введено самоуправленiе, не безъ влiянiя примѣра нашихъ земствъ: по словамъ Муцу-Хито, японецъ „отыскивалъ во всѣхъ частяхъ свѣта мудрость и умѣлость“. Оставалось увѣнчать зданiе. Но это досталось японцу не такъ легко, какъ кажется со стороны. Конечно, „патрiоты своего отечества“, сами люди, очевидно слишкомъ созрѣвшiе, внушали, что японцы „еще не созрѣли“, забывая, что мать конституцiй родилась въ то время, когда въ Англiи и короли-то были еле грамотны. Къ счастью, сами стародумы съиграли въ руку духу обновленiя: даймiи снова попытались пойти крестовымъ походомъ изъ „святого“ Кiото на „варварскiй“ Токiо: лишь въ 1878 г., послѣ кровавой борьбы, былъ подавленъ ихъ послѣднiй мятежъ. Тогда же былъ зарѣзанъ Окубо, самый передовой министръ. Лѣтъ 10 спустя, были убиты нѣсколько иностранцевъ и даже совершилось покушенiе на жизнь микадо. Уже казалось, что запугиванiе злодѣй-

скихъ ретроградовъ достигаетъ цѣли: когда, въ 1880 г., губернаторы провинцій представили конституціонный адресъ, его даже не показали императору. Но тутъ произошелъ новый взрывъ народнаго негодованія. Начались горячія сходки, подымались всякія общества и земства, печать выходила изъ себя. Наконецъ, сат-чо-то возвысилъ свой властный голосъ,—и въ 1882 г., Муцу-Хито обѣщалъ дать черезъ 7 лѣтъ парламентъ и послалъ въ Европу дѣльцовъ, съ Ито во главѣ, изучать правовой порядокъ.

Тѣмъ временемъ шла и самая „подготовка", съ которой японцы возились недолго. Потихоньку родился независимый сенатъ, за нимъ—западное министерство, однородное, програмное, съ „премьеромъ", отвѣтственнымъ нравственно передъ товарищами и страной. Чтобы пріучить народъ къ совѣщательности, въ 1875 году созвали префектовъ провинцій, а въ 1878—земскія собранія по кенамъ, которыя вышли очень удачными, какъ голоса знатоковъ мѣстныхъ потребностей, раскрывшихъ императору глаза на неприглядное состояніе страны.

Къ изумленію всѣхъ, особенно историковъ, державный юноша сдержалъ свое слово: ровно черезъ семь лѣтъ, 18 февраля 1889 года, была объявлена конституція. Муцу-Хито принялъ, на алтарѣ своего дворца, присягу, въ которой запечатлѣлся указанный мною смыслъ новой государственной Японіи. Вотъ она, во всемъ ея своеобразіи, которое напоминаетъ приведенныя нами въ началѣ лекціи слова Чемберлена о противорѣчіяхъ Японіи:

„Въ силу высшаго строя, обнимающаго небо и землю, мы будемъ сохранять и обезпечивать отъ паденія древнюю форму правленія (ancient form of governement). Въ силу прогресса человѣчества и согласно съ успѣхами цивилизаціи, почитаемъ приличествующимъ, въ поясненіе наказовъ (instructions) основателя нашего дома и другихъ нашихъ императорскихъ предковъ (imperial ancestors), установить основные законы такъ, чтобы, съ одной стороны, наши императорскіе потомки имѣли нарочитое (express) руководство, съ другой,—чтобы наши подданные могли оказывать намъ болѣе широкую (wider range of action) помощь. Мы хотимъ придать прочность нашей странѣ и двинуть благосостояніе всѣхъ нашихъ народовъ: посему установляемъ законъ императорскаго дома и конституцію".

Въ тотъ день издыхающая гидра рутины и мракобѣсія испустила послѣднюю каплю своего яда: былъ умерщвленъ Мори Аринори,—гуманная душа идеализма, геній „горячки" прогресса.

Родилась современная Японія.

XI.

Передъ нами самая юная конституція. Дѣло историка не славословить и не злобствовать, а объяснять событія соціологически. Хотя я и не восточный человѣкъ, а на этотъ разъ присоединяюсь къ тѣмъ, которые говорятъ: „молодо-зелено". Вѣдь, и самъ японецъ Такемацу [1]), крупный публицистъ, даже отрицаетъ парламентаризмъ въ своей странѣ. Японцамъ придется не мало поработать надъ чисткой своей хартіи. Въ ней очевидны существенные недочеты, прямо-таки нарушенія основъ правового порядка.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите. Уже достаточно того, что императору принадлежитъ законодательство, лишь „при содѣйствіи" сейма, который и созывается, и распускается его же волею; а при войнѣ и междоусобіи онъ пользуется и полнотой власти. Дипломатія принадлежитъ ему всегда и всецѣло. И мы недавно читали такое мнѣніе Ариги, японскаго уполномоченнаго на гаагской конференціи: „Одинъ изъ великихъ недостатковъ японской дипломатіи — ея безсмысленная таинственность. Здѣсь всѣ вопросы — тайна; и тайною они остались бы до скончанія вѣка, еслибы не отчеты и оффиціальные органы иностранныхъ державъ. Случается десятки разъ въ годъ, что народъ и не догадывается о разныхъ дипломатическихъ вопросахъ, которые въ полномъ ходу. И общественное мнѣніе не можетъ оказывать прочнаго вліянія на свою дипломатію". Словомъ, выражаясь формулой Тьера, микадо не только „царствуетъ", но и „управляетъ". Онъ показалъ это міру наглядно уже тѣмъ, что то и дѣло распускалъ парламентъ, пытавшійся взять твердыню отвѣтственности министровъ. А эти министры, вмѣстѣ съ членами тайнаго совѣта, составляютъ *дженро* или олигархію „старыхъ государственныхъ людей" изъ замкнутаго круга сат-чо-то.

Но могло-ли быть иначе?

Наимовѣрная быстрота перемѣнъ внушила намъ мысль, что у японца все легко дѣлается. Эта макака „взяла", да и сочинила конституцію. А самъ ея творецъ, маркизъ Ито, говоритъ: „Это было дѣло очень трудное и чреватое мыслями. Я зналъ, что моя конституція должна быть прочна, а потому взвѣшивалъ всевозможныя послѣдствія. И еще весьма важно: я долженъ былъ охранить всѣ священныя права императора".

Да, это послѣднее обстоятельство было самое важное. Мы уже говорили, что весь смыслъ и поучительность государственной Японіи нашихъ дней — въ сліяніи могучей верховной власти

---

[1]) Takematzu, Etude sur la constitution du Japon. 1896.

съ народнымъ самоправленіемъ. Вѣдь, благодарная нація вручила всю полноту власти воскресшему микадо, какъ божеству. И сейчасъ ея дѣти въ школахъ поклоняются, словно иконамъ, тенси, портретамъ своего любимца Муцу-Хито и его Гаруко, этой „Весны" новой Японіи; а въ токійскомъ университетѣ преподается исторія, „сваренная" по приказу, какъ выражаются профессора. Каждый годъ, 3-го ноября, при императорскомъ проѣздѣ по саду, этомъ выходѣ владыки къ народу, старички собираютъ пыль съ его колесъ, какъ средство противъ всякихъ немочей, напоминая цѣлебное „прикосновеніе королевской руки" глухого средневѣковья въ Европѣ. За высочайшимъ столомъ многіе уносятъ съ собой крохи угощеній, чтобы хранить ихъ, какъ просвирку, въ красномъ углу. Когда особый царедворецъ подноситъ августѣйшей четѣ ея ребенка, ему завязываютъ ротъ, дабы онъ не осквернилъ будущаго микадо своимъ смертнымъ дыханіемъ. И если, въ отвѣтъ на такое, болѣе чѣмъ вѣрноподданническое, чувство, послѣдовало такое неслыханное великодушіе престола, какъ добровольное дарованіе народу парламентаризма, то, конечно, оно могло только подогрѣть благоговѣйную любовь японца къ своему тенси, Сыну Неба. Это и отразилось на японской хартіи: Ито принужденъ былъ взять за образецъ самую скромную конституцію,—прусскую.

XII.

Да, въ самой юной конституціи есть тѣни, много тѣней. Англичане, съ высоты своего парламентарнаго величія, больше всѣхъ любятъ указывать на ея недочеты, забывая, чего стоила имъ самимъ выработка этого величія, въ теченіе шести съ половиной вѣковъ, и сколько еще остается сдѣлать. Но разбирать эти тѣни тутъ найдутся знатоки посильнѣе меня. Да и цѣль моя—закончить картину общественной эволюціи Японіи. Я долженъ остановиться не на тѣняхъ, а на свѣтѣ явленія, который озаряетъ будущее: здѣсь-то положительная сторона дѣла или „цѣлебныя силы природы", какъ сказалъ бы нашъ почтенный біологъ, Мечниковъ.

Важно, что самъ Ито, съ трогательнымъ отсутствіемъ авторскаго самолюбія, считаетъ свое дѣтище переходною ступенью. Онъ видитъ корень жизни въ „воспитаніи народа", то-есть въ „распространеніи цивилизаціи и просвѣщенія", съ его плодомъ—коджи. По его словамъ, если народъ „допускается" до этихъ благъ, то онъ „станетъ способнымъ пользоваться всею полнотой благоцѣяній конституціонной политики". Недаромъ маркиза называютъ

японскимъ Бисмаркомъ. А „желѣзный канцлеръ“ говорилъ: „лишь бы посадить Германію въ сѣдло, а тамъ она ужъ сама поѣдетъ“.

А въ созданіи Ито есть обезпеченіе „допущенія“ народа къ благамъ человѣчной жизни. Во главу угла поставлено истребленіе главнаго тормаза національнаго прогресса,—тлетворнаго всемогущества бакуфу, этой язвы чиновничества. Вѣдь, бакуфу живетъ только беззаконіемъ, безправіемъ народа. А въ японской конституціи права гражданъ установлены почти такъ же твердо и широко, какъ въ Англіи. Японцу обезпечена свобода совѣсти, слова, письма, сходокъ, сообществъ, всякихъ предпринимательствъ, а также насущное право петицій. Онъ лишь по закону можетъ быть подвергнутъ обыску, высылкамъ, аресту, суду. А судъ поставленъ прочно и гуманно, какъ въ лучшихъ государствахъ Европы.

Далѣе, хитроумный Одиссей самой юной конституціи увѣковѣчилъ ее тѣмъ самымъ способомъ сліянія огня съ водой, который мы видѣли въ присягѣ микадо. Въ § 73 японской хартіи читаемъ: „Если, въ будущемъ, окажется необходимымъ исправить настоящую конституцію, то такой проектъ долженъ быть представленъ сейму императорскимъ указомъ“. А въ „Комментаріяхъ“ Ито разъяснено: „Конституція опредѣлена лично его императорскимъ величествомъ, сообразно наказамъ отъ его предковъ; и онъ желаетъ завѣщать ее потомству, какъ *неизмѣнный* (immutable) сводъ законовъ, которымъ вѣчно должны повиноваться его нынѣшніе подданные и ихъ потомки. Посему сущность конституціи не должна подвергаться измѣненіямъ“.

Ито подстроилъ такъ же искусно и „косвенный способъ“ контролировать отвѣтственность министровъ. Маркизъ себѣ-на-умѣ. Онъ отлично понималъ значеніе этого вопроса. Въ его „Комментаріяхъ“ къ конституціи читаемъ: „Отвѣтственность министровъ—столпъ конституціи и законовъ. Гдѣ ея нѣтъ, тамъ исполнительная власть можетъ легко преступать границы закона. Министры обязаны подавать совѣты императору: они должны не только поддерживать хорошее и предпринимать желательное, но также отговаривать монарха отъ дурного и помогать ему поступать правильно“. Оттого, прибавимъ, японская конституція гласитъ: „Всѣ законы и указы требуютъ и министерской подписи“. Это уже недалеко отъ правила англичанъ: „король не можетъ причинять вреда“ (the king can not to wrong). Другими словами: безотвѣтственность монарха достигается путемъ отвѣтственности его совѣтниковъ. Эту послѣднюю Ито устроилъ такъ. Въ случаѣ недовольства, сеймъ дѣлаетъ „запросы“ министрамъ. Если они молчатъ или отвѣчаютъ неудовлетворительно, палаты подносятъ

имъ „представленія“. Если и это не беретъ, на сцену выступаетъ объяснительный „адресъ“ самому императору. Тогда микадо долженъ дѣлать выборъ между своими министрами и представителями народа. Въ этомъ случаѣ, Муцу-Хито не разъ распускалъ парламентъ, но тотчасъ же созывалъ новый. Такъ, „косвенный способъ“ воспитываетъ тенси: онъ съ каждымъ днемъ все больше низводитъ божество съ небесъ, втягиваетъ его въ житейскія дѣла; онъ знакомитъ властелина съ коджи и подвергаетъ его вліянію его носителей.

Наконецъ, припомнимъ, что на дѣлѣ въ Токіо управляетъ дженро; а онъ опирается на сеймъ, который утверждаетъ бюджетъ, со всѣми контрактами правительства, обсуждаетъ и собственные законопроекты, а главное, принимаетъ петиціи отъ каждаго гражданина—гарантія, что ни одно злоупотребленіе не укроется отъ глазъ націи.

Не мудрено, что эволюція конституціонализма, какъ и все въ Японіи, идетъ быстро. Тутъ 20-й вѣкъ начался избирательной реформой, которая почти подвела страну къ тому всеобщему голосованію (suffrage universel), изъ-за котораго столько мучилась, да и теперь еще тревожится Европа. Тогда же была введена тайная баллотировка,—эта охрана свободы и неподкупности выборовъ. Все это подымало значеніе депутатовъ, которые къ тому же не связаны наказами выборщиковъ: они стали воистину „представителями цѣлой страны“, какъ подчеркиваетъ Ито. И токійскій сеймъ уже работаетъ такъ, что, по сознанію самихъ англичанъ, онъ „въ три мѣсяца дѣлаетъ то, что ихъ парламентъ въ шесть сессій“.

XIII.

„Ни одинъ народъ не можетъ стоять, топтаться на мѣстѣ: нужно идти все впередъ и впередъ“, сказалъ Ито. И онъ не ошибся въ своемъ дѣтищѣ: оно оказалось жизнеспособнымъ. Японская конституція дѣйствительно „переходная“ форма. Но прочна ли она? Вотъ, что особенно поучительно для будущаго, и не одной Японіи. Вѣдь, какъ бы ни была цѣнна, теоретически, данная форма государственности, она обречена на смерть, если не она соотвѣтствуетъ общественному строю. Примѣръ—турецкая конституція 1876 года, не говоря уже о такихъ отдаленныхъ урокахъ исторіи, какъ судьба „кондицій“ при воцареніи Анны Ивановны. Сословное представительство среднихъ вѣковъ неизбѣжно должно было па-

дать съ развитіемъ массъ, какъ достояніе привилегированныхъ. И вотъ, западные пессимисты указываютъ на японскую олигархію.

Да, это сліяніе олигархіи съ конституціей—такая же загадка, для теоритиковъ государственнаго права, какъ и сила микадо. Но не слѣдуетъ прилагать старыя, привычныя клички къ новому, своеобразному явленію. Новѣйшій англійскій изслѣдователь, Петри Уатсонъ [1]), говоритъ: „Японская олигархія — необходимый выводъ изъ системы, дополненіе къ императору-богу и къ конституціи-ребенку: она одна могла наполнить зіяющую здѣсь пропасть". Да, въ Японіи правленіе немногихъ, но не знати, исчезнувшей въ 1869 г. Это—сыны реформаціонной эпохи. Это—*люди*, значеніе которыхъ особенно важно при зарожденіи новыхъ учрежденій.

Японцы такъ счастливы, что къ этимъ акушерамъ принадлежитъ, прежде всего, самъ *Муцу-Хито*: по словамъ Ито, это— „путеводная звѣзда націи, которая блещетъ изъ-за каждой новой реформы". А подлѣ него стоитъ опорнымъ столбомъ тотъ самый сат-чо-то, который сложилъ свои древнія привиллегіи къ подножію демократическаго престола. Если народъ называетъ его „старыми государственными людьми", то въ любовномъ смыслѣ— „наши старички". Ихъ настоящее имя—„люди мейджи", т. е. творцы и слуги обновленной Японіи. Это—тѣ старики, которые, неся на своихъ плечахъ бремя почти семи десятковъ лѣтъ, и сейчасъ, какъ Гладстоны, бодры и безстрашны: ихъ не сбиваетъ съ пути даже рядъ покушеній со стороны фанатиковъ скоропалительнаго прогресса. Ихъ не наберется и дюжины; но нѣтъ книги объ Японіи, которая не кончалась бы главой объ ея „государственныхъ мужахъ",—объ этихъ Ито, Окума (творецъ женскаго университета), Ямагата (творецъ побѣдъ), Иноуэ и др. А за ними выдѣляется властитель думъ японца, его Песталоцци и Толстой, или, если хотите, его „Сократъ", по выраженію де-Воллана, *Фукузава*, къ словамъ котораго прислушивается вся, въ особенности же учащаяся, юная Японія. Воплощеніе и вождь коджи, онъ еще до конституціи предвѣщалъ, что Японія—новѣйшая демократія и послѣдній образчикъ развитія личности.

Да, здѣсь *демократизмъ* бросается въ глаза вездѣ. *Кизокуинъ* („палата именитыхъ")—не пэрство, а, по словамъ Ито, „представительство благоразумія, опытности, выдержки народа" и, прибавимъ, богатства. *Сугіинъ* („народная палата"), это—новое сизоку да земцы. Есть и христіане, какъ символъ нелицемѣрной

---

[1]) *Petrie Watson*, Japan. Aspects and destinies, London, 1904.

терпимости. Не забудемъ, что въ британскій парламентъ католики допущены лишь въ 1829 г., а евреи—въ 1851. Новый избирательный законъ ведетъ къ основѣ демократіи,—ко всеобщему голосованію, быть можетъ, не безъ вліянія Бисмарка, на котораго тутъ дѣйствовалъ Лассаль. Этотъ же законъ устраняетъ бонзъ, квацоку и крупныхъ чиновниковъ отъ депутатскихъ кандидатуръ. Горделивые дайміи прозябаютъ на дачахъ близъ Токіо; даже сизоку, этотъ выродившійся самурай, все уступаетъ мѣсто растущему геймину. И „молодые" дѣятели, которые сами близятся къ шестому десятку, „тяготятся указкой стариковъ, этихъ бунтовщиковъ противъ старины", говоритъ Иноуэ. Это—уже протестъ демократическаго духа противъ олигархіи сат-чо-то.

Въ настоящей молодежи этотъ духъ, въ связи съ *индивидуализмомъ*, проявляется еще ярче. Чемберленъ, самъ старый токійскій профессоръ, называетъ японскихъ студентовъ „утѣхой преподавателя": такъ они спокойны, понятливы, послушны, а прилежны даже черезчуръ. Но его изумляетъ ихъ „наклонность самимъ управлять рулемъ".—„Извините, сударь, намъ не нужно больше исторіи Америки; намъ хотѣлось бы знать, какъ приготовляются воздушные шары". Такіе комплименты преподаватель сплошь и рядомъ слышитъ отъ своихъ питомцевъ. Японскій студентъ—во всемъ барашекъ, но не троньте его завѣтной личности; это—табу, завѣтная вещь: тутъ въ каждомъ вы натолкнетесь на безшабашнаго ницшеанца. Эту черту мы наблюдаемъ вездѣ, не исключая мужиковъ и слугъ. „Глупъ, какъ дайміо"—гласитъ старая народная поговорка японцевъ. А нынче японцы, по словамъ того же Чемберлена, „болѣе демократичны, по своимъ нравамъ, чѣмъ англо-саксонцы".

Этотъ общій приговоръ опытнаго наблюдателя поддерживается работами спеціалистовъ. Историкъ-соціологъ Фукуда дѣльно вскрываетъ глубину своего народа, показывая, какъ реформы выдвигаютъ въ Японіи эти общечеловѣческіе рычаги новѣйшаго прогресса,—демократизмъ и индивидуализмъ. Такъ, перепись сперва была, конечно, родовая, потомъ она стала семейной (1871) и, наконецъ, личной (1878). И профессоръ правовѣдѣнія въ Токіо, Гоцуми, говоритъ: „Прежде только глава семьи могъ занимать офиціальное положеніе, служить въ арміи и владѣть собственностью; съ реформой же и у членовъ семьи явилось право занимать общественныя мѣста".

Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ остановиться на этой любопытной послѣдней ступени общественной эволюціи. Замѣчу только, что уже разлагается и японская задруга: отъ нея

все откалываются личныя домохозяйства,—тѣмъ болѣе, что теперь каждому юношѣ легче прежняго снискать пропитаніе, стать самостоятельнымъ. И между тѣмъ, какъ семья-община состояла изъ 50—100 человѣкъ, теперь японецъ начинаетъ жить, какъ и европеецъ, самъ-5 или 6. А pater familias слабѣетъ и отъ Итовскаго „распространенія воспитанія“ въ массахъ. Подъ вліяніемъ европейскихъ взглядовъ, патріархальная сыновняя любовь, это самурайство морали, уже перестаетъ быть основой нравственности японца. А дочки! Это уже токійскія студентки,—воплощенный протестъ противъ салическаго, т. е. драконовскаго закона.

Словомъ, приходится подписаться подъ словами Чемберлена: „поверхностность усвоенія японцами европейской цивилизаціи существуетъ лишь въ поверхностномъ разумѣніи самозванныхъ критиковъ“.

XIV.

Напротивъ, ясны зачатки сознательной *національности*. Въ началѣ мейджи японцы, словно школьники, старались скрывать передъ учителями все свое, какъ постыдную азіятчину. Они краснѣли, когда гордые англосаксы корили ихъ ихнимъ „шиворотъ-навыворотъ“ (topsy-turvydom). А въ 1902 году Ито сказалъ своему пріятелю, англичанину Стэду: „Да, наше пламенное желаніе—идти все впередъ и впередъ, не останавливаясь ни на минуту. Но, сколько бы ни пришло къ намъ западныхъ идей, мы должны, усваивая ихъ, примѣнять къ себѣ: все должно *японизоваться*“. А на-дняхъ этотъ же Несторъ японской политики замѣтилъ: „Сначала мы призывали много иностранцевъ; но мы всегда дѣлали такъ, чтобы японскіе ученики, воспитавшись, могли занять свое законное мѣсто въ націи“. Совершено правило Петра Великаго! Впрочемъ, и всегда такъ бывало въ исторіи.

Національное сознаніе поддерживается у японца рядомъ поразительныхъ успѣховъ. Довольно сказать, что страна Восходящаго Солнца въ 35 лѣтъ увеличила свое населеніе на 10 милліоновъ душъ. Она дала міру такое „чреватое будущимъ“ шиворотъ-навыворотъ, какъ монархическая демократія. Она явила образецъ стойкаго прогресса, безъ точекъ и заднихъ ходовъ, а также великодушія престола. Муцу-Хито, которому великая война предоставляетъ всю полноту власти, еще недавно сказалъ своему Ито: „Дѣло реставраціи прошло лишь половину пути къ совершенству; конецъ еще далеко“. И онъ воспитываетъ на строгихъ началахъ

мейджи своего наслѣдника. А рядомъ такая блестящая дипломатія, увѣнчанная пресловутой „ревизіей“ договоровъ 1899 года, которая одурачила всю Европу и Америку и поставила Японію наряду съ ними въ международномъ правѣ. Наконецъ, эти подвиги патріотизма и военной доблести въ борьбѣ съ „сѣвернымъ колоссомъ“, отъ которыхъ и сейчасъ дрожитъ міръ, онѣмѣвшій отъ изумленія.

А затѣмъ, должно послѣдовать экономическое завоеваніе полміра. По собственному признанію Ито, его послѣдняя поѣздка въ Китай имѣла нешуточное значеніе. Онъ внушалъ спящему царству Конфуція, что, уже для соблюденія собственной независимости, ему нужно пойти по дорогѣ Японіи, т. е. подчиниться ея вліянію и стать „главнымъ потребителемъ ея товаровъ!“ Недавно бывшій министръ торговли, Канеко, заявилъ: „Мы обладаемъ всѣми качествами для развитія нашей страны до высоты великой націи: именно, за нами торговое главенство (commercial supremacy) надъ Тихимъ океаномъ и Азіатскимъ материкомъ“. То же возвѣщалъ, на сеймѣ 1890 года, бывшій глава министровъ Ямагата. А баронъ Суемацу, въ недавно изданной, въ Лондонѣ, брошюрѣ „Задача Дальняго Востока“, торжественно заявляетъ, что Англія и Америка поддержатъ его отечество на этомъ пути. Особенно Англія. Она уже служила акушеромъ современной Японіи съ самаго ея рожденія. Она помогла побѣдѣ „мейджи“, въ то время какъ Россія тайно поддерживала извѣтшавшій сіогунатъ. Она отстояла отъ происковъ Россіи Цусиму,— важный, въ военномъ смыслѣ, островокъ, который послужилъ недавно поприщемъ морского боя японцевъ съ владивостокской эскадрой. Англія уладила споръ между Токіо и Пекиномъ изъ-за Формозы, въ 1874 году. Она не дала русскимъ отнять у Кореи портъ Лазаревъ, въ 1885 г. Когда, въ 1905 году, Россія заняла Портъ-Артуръ, англичане захватили Вей-ха-вей, „въ пику ей“ (какъ counter-check). Тогда же они взяли на себя починъ въ „ревизіи“. И въ манджурскомъ вопросѣ Великобританія, уже вмѣстѣ съ Америкой, все время поддерживала усилія Японіи „остановить скрытныя поползновенія Россіи“. Суемацу не сомнѣвается, что и союзъ 1902 года—не пяти-лѣтній, а чуть ли не вѣчный, ибо онъ—лишь вѣнецъ „цѣлой эволюціи совпаденія интересовъ обѣихъ странъ“.

И эти интересы—общечеловѣческіе. „Японія,—говоритъ токійскій, баронъ,—взялась теперь за великое дѣло. Она сознаетъ его обширность и трудность. Но она убѣждена, что борется не за одни свои личныя политическія задачи, но и за интересы всего

цивилизованнаго міра. Конечно, Японія борется и за себя, но въ то же время она, какъ и прежде, работаетъ, по порученію Англіи и Америки, на благо цивилизаціи и человѣчества". Суемацу горячо доказываетъ, что недаромъ ревизія ввела Японію въ рядъ просвѣщенныхъ государствъ. Скороспѣлая цивилизація японцевъ—не внѣшняя (какъ любятъ говорить ея враги); реакція невозможна. „Нѣтъ, мы не откажемся отъ электрической лампы ради сальной и восковой свѣчи, отъ телеграфа—ради гонцовъ. Даже въ религіи наша мораль—та же, что̀ у христіанъ. Да у насъ еще полная вѣротерпимость. Христіанинъ Катаока служилъ вождемъ главной политической партіи и не разъ былъ президентомъ палаты депутатовъ. У насъ даже мормоны могутъ свободно проповѣдовать все, кромѣ многоженства"...

Такъ каждый японецъ теперь мнитъ себя баловнемъ судьбы, Sonntagskind, рожденнымъ въ сорочкѣ. Онъ гордится, что снискалъ себѣ разомъ два лестныхъ прозвища:—„француза Востока" (по характеру) и „англичанина Востока" (по стремленіямъ). И грезится ему, что его страстно-любимая родина, эта ямато-тамазія, которую онъ отстаиваетъ, какъ спартанскій левъ,—не только великая держава, но и царица Дальняго Востока, опекунша цѣлаго новаго міра культуры. И ея геній, опираясь на западную цивилизацію, подыметъ человѣчество на недосягаемую высоту. Словомъ, исполнится древнее пророчество—ex oriente lux...

XV.

Пусть Востокъ думаетъ, что хочетъ: размышлять и даже мечтать никому не возбраняется. Но грезы пробуждающагося великана Стараго Свѣта вызываютъ раздумье у его младшихъ по возрасту и старшихъ по развитію сестеръ,—у Европы и Америки. Здѣсь-то коренится то наше жуткое чувство, съ котораго я началъ мою бесѣду. „Желтая опасность"! раздается повсюду. Но дѣло не въ ней. Историку не стоитъ даже опровергать наивный миѳъ о новыхъ Чингисханахъ и Тамерланахъ. Нечего бояться и цивилизованныхъ желтолицыхъ: какъ бы быстролетны они ни были, не перегнать имъ своей бѣлой наставницы, геній которой никогда еще не былъ такъ окрыленъ наукой, какъ теперь.

Намъ грозитъ не желтая опасность, а *опасность Дальняго Востока*. Забываютъ про бѣлую Индію, съ ея массой даровитаго населенія, съ ея прельстительнымъ буддизмомъ и стойкимъ исламомъ. А эта наша прародительница, уже слѣдуетъ по стопамъ желтыхъ: она дрожитъ отъ воспоминаній о рѣзнѣ англи-

чанъ въ 1857 г. Крыша міра, Тибетъ, становится очагомъ всемірнаго пожара. Оттуда обозначаются зловѣщіе слѣды и на сѣверъ, и на югъ. Въ трущобахъ Исыккуля, среди монголовъ и калмыковъ Алтая, промежъ бурятъ Забайкалья идетъ броженіе,— гдѣ противъ англичанъ, гдѣ противъ ихъ соперниковъ, русскихъ. Исламскіе сингалезы Цейлона провожаютъ благословеніями юнаго индійскаго магараджу, отправляющагося въ Токіо съ мечтами о „все-азіатствѣ“ противъ „все-европеизма“. По всему гигантскому полуострову совершаются молебствія о побѣдахъ японцевъ. И въ Задней Индіи загорается пламя, къ которому съ тревогой присматривается Парижъ...

О, еслибы только „желтая“ да „восточная“ опасность! Но искры грозятъ обнять весь свѣтъ. На островѣ Явѣ возстали малайцы противъ голландцевъ. На Филиппинахъ американцамъ становится жутко отъ темнокожихъ туземцевъ. Уже заговорили о *черной опасности*. Возстали гереры. Вчера поднялись наямъ-ньямъ, только-что открытые отважнымъ Стэнли, сегодня—какіе-то магзены въ Марокко. У готтентотовъ пророкъ проповѣдуетъ „священную войну“ противъ бѣлыхъ. И кафрская газета гордо восклицаетъ: „Черный материкъ для черныхъ!“... „И для насъ, бѣлыхъ старожиловъ!“— приговариваютъ буры. Вотъ эти-то бѣлые, и въ Азіи, и въ Африкѣ, указываютъ намъ на самую главную опасность, которая коренится въ насъ самихъ. Передъ войной и во всѣ эти кровавые десять мѣсяцевъ мы предостерегали—насколько дозволяли обстоятельства—русское общество отъ „внутренняго японца“, который горше внѣшняго. Теперь прибавимъ: есть опасность всему старому цивилизованному міру отъ внутренняго азіата; есть *бѣлая опасность, европейская*, ибо всѣ другія опасности отчасти—дѣло нашихъ собственныхъ рукъ.

Не забудемъ, что „конецъ вѣка“ уже называютъ періодомъ экономики и колоній. Перенаселеніе, перепроизводство, чрезмѣрныя вооруженія, соціальныя реформы—все влечетъ европейца за океаны, и особенно на Дальній Востокъ. И въ жестокой борьбѣ за существованіе онъ не разбираетъ средствъ. Его духъ насилія, корысти и самохвальства естественно порождаетъ у угнетенныхъ чувства ненависти и мести. И вотъ, бѣлый индусъ мечтаетъ о новой „войнѣ рабовъ“; а у желтыхъ алтайцевъ народился Ойротъ,—свой Мессія, который „освободитъ ихъ отъ ига иноземцевъ“. Правда, европеецъ несетъ и культуру въ окраины міра. Но она-то, и дѣлаетъ дикарей людьми, т. е. существами сознательными, жаждущими самостоятельности. Вѣдь, всякому хочется жить, господа! Мало того. Пробудившійся восточный человѣкъ самъ вно-

ситъ въ нашу культуру свои взгляды, разные умственные навыки, національныя особенности. Онъ *критикуетъ* ее.

И европеецъ, оглядываясь на себя, начинаетъ смущаться, подсчитывая свои силы передъ громадой надвигающагося цѣлаго новаго міра. И сознáемся: мы теряемъ вѣру въ себя. Вотъ, гдѣ трагизмъ *міровой опасности*!

Намъ кажется, будто наша препрославленная культура становится гигантскимъ вопросительнымъ знакомъ. Нашу современность уже начинаютъ, съ легкой руки Заратустры Запада, называть „организованнымъ безпорядкомъ". Обычнымъ терминомъ становится страшное слово—*переоцѣнка* всѣхъ устоевъ вѣковѣчной цивилизаціи, до глубины души. Взятіе Артура, Ляояна, Мукдена оттого такъ и потрясаютъ рѣшительно всѣ сердца, что это—великій экзаменъ всей исторіи. Мы вступили въ самую знаменательную изъ „переходныхъ" эпохъ: мы въ пылу борьбы между старыми и новыми началами...

Да, *новыми* началами. А поэтому, начавши за упокой, историку хочется кончить за здравіе. Нечего страшиться, малодушничать! Цивилизованное человѣчество уже выдержало рядъ такихъ „переходныхъ эпохъ",—какъ скептицизмъ конца античнаго міра, христіанство, возрожденіе, философія энциклопедистовъ.

Правда, до сихъ поръ, увы!, такіе переломы совершались съ массовыми погромами: все новое, свѣжее, великое входило въ жизнь орошенное потоками крови. А главное, это звѣрство прославлялось, какъ героизмъ, увлекало особенно молодыя силы.

Когда начиналось затменіе боговъ средневѣковья, крушеніе цѣлаго культурнаго міра, законченное кровавыми ужасами, чуткая душа поэта прониклась великою скорбью, какъ предвѣстникомъ болѣе человѣчнаго будущаго. Но Дантъ былъ почти одинокъ: его не понимало лютое поколѣніе, создавшее адскую исторію Франчески ди-Римини.

Теперь не то. Мы стыдимся, мы проклинаемъ войну, этотъ пережитокъ звѣрскихъ способовъ рѣшенія міровыхъ задачъ,—способовъ, колеблющихъ вѣру въ самые идеалы, изъ-за которыхъ идетъ борьба. И громче всѣхъ протестуетъ надежда будущаго, чуткая молодежь: въ прежнее время она, въ подобныхъ случаяхъ, геройствовала впереди всѣхъ; теперь она хочетъ серьезнаго ученья, этого тяжелаго, но плодотворнаго и радостнаго креста, чтобы приготовиться къ благородному соревнованію на мирномъ поприщѣ истины и правды. *Состраданіе*, жалость даже къ врагу, разливается всюду съ каждой новой гекатомбой въ честь древняго Молоха, пожирателя дѣтей. Изъ страны Восходящаго Солнца

до насъ доносятся христіанскія слова желтолицаго буддиста. „Когда народы,—говоритъ Ито,—понимаютъ черты и особенности другъ друга, они обыкновенно склоняются ко взаимному сочувствію и въ своихъ добродѣтеляхъ, и въ своихъ слабостяхъ. Взаимное нелицепріятное знаніе ведетъ къ общему согласію между разными племенами и націями, соприкасающимися все тѣснѣе и тѣснѣе на Востокѣ“.

Да, знаніе, наука, господа,—вотъ душа современности и особенно ея свѣжихъ молодыхъ силъ! Видите, она ведетъ къ Дантовскому состраданію, къ гуманности. А здѣсь она находитъ непреодолимую союзницу въ цѣлой половинѣ человѣчества, дающей ему жизнь. Жалость—основа возвышенной, прочной любви, вѣнецъ женскихъ добродѣтелей. И она особенно громко, а главное, единодушно, подъ всякой, бѣлой или цвѣтной кожей, вопіетъ въ сердцахъ женщинъ,—всѣхъ женщинъ, не говоря уже о матеряхъ, дочеряхъ и подругахъ жертвъ рокового пережитка, безвинно, недоумѣнно гибнущихъ далеко-далеко отъ родныхъ очаговъ. Эта жалость спасетъ человѣчество: наряду съ наукой, она ляжетъ въ основаніе новой эпохи.

Знакомство и сношенія Россіи съ Грузіей и Армянами до Петра В.

М. Тамамшева.

Въ 1453 г. палъ подъ ударами турецкихъ полчищъ Константинополь; окончательно рушилась Византійская Имперія, главный оплотъ христіанскихъ народовъ востока.

Грузія, единственное оставшееся христіанское государство въ Азіи среди мусульманскаго міра, лишилась своей главной поддержки и защиты. Борьба съ сосѣдними мусульманскими державами, враждебными ей по вѣрѣ и духу, была для Грузіи непосильной, и взоры ея невольно обращались къ Россійской православной державѣ. Силой обстоятельствъ она принуждена была искать себѣ покровителей и защитниковъ въ лицѣ единовѣрныхъ московскихъ царей; сама исторія указывала ей этотъ путь.

Офиціальныя сношенія начались съ XV вѣка [1]). Общая тема этихъ сношеній со стороны грузинскихъ царей состоитъ въ ходатайствѣ поддержать, ослабѣвающее отъ превозмогающаго „мусульманства“ древнее православное царство Грузинское, оказавъ ему покровительство и заступничество предъ властителями Турціи и Персіи. Впервые обратился съ такой просьбой царь кахетинскій Александръ. Лѣтописи ограничиваются лишь сообщеніемъ факта, но въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVI вѣка сохранился русскій переводъ грамоты царя Александра. Онъ писалъ въ 1492 г. царю Іоанну III Васильевичу:

---

[1]) Грузія издавна была знакома русскимъ. Нѣкоторые русскіе князья заключали брачные союзы съ Иверскими владѣтелями; такъ, жена Изяслава Мстиславовича, Вел. Кн. Кіевскаго, была Грузинка, дочь грузинскаго царя Димитрія. Знаменитая грузинская царица Тамара была замужемъ за сыномъ Андрея Боголюбскаго,—Георгіемъ. Знакомству русскихъ съ грузинами способствовали и аѳонскіе монастыри. На Аѳонской горѣ были монастыри и русскій, и грузинскій; съ этими монастырями и Русь, и Грузія имѣли постоянныя сношенія. Здѣсь встрѣчались и знакомились русскіе съ грузинами.

„Великому царю и государю, великому князю низкое челобитье. Вѣдомо бы было, что изъ дальные земли ближнею мыслью меньшій холопъ твой Александръ челомъ бью. Темнымъ еси свѣтъ, зеленаго неба звѣзда еси, христьянская еси надежда, вѣры нашей крѣпость, всесвѣтлый государь, всѣмъ еси государѣмъ законъ, всѣмъ еси государѣмъ прибѣжище, бѣднымъ еси подпора и бесерменамъ еси надѣя, законной земли грозный государь, всѣмъ еси князѣмъ справедливая управа, всѣмъ князѣмъ вышній князь, земли еси тишина, обѣтникъ еси николинъ. Добрыхъ государей молитвою и счастьемъ мы еще здѣсь въ Иверской землѣ въ здравіи живемъ. Аще бы про ваше здравіе слышали быхомъ, слава Богу. И еще свѣдомо буди, много государю челомъ бьючи, пословъ къ твоему порогу послали есмя вашего здравія отвѣдати. Посылка наша дай Богъ въ добрый часъ. Холопству твоему недостойный Александръ“.

Мы не находимъ никакихъ указаній на цѣль посольства и нужно предполагать, что Александръ отправилъ въ Москву своихъ пословъ съ тѣмъ, чтобы завязать сношенія съ московскимъ государствомъ, надѣясь впослѣдствіи добиться заступничества Россіи за единовѣрную Грузію предъ персидскимъ шахомъ.

Вслѣдъ за паденіемъ двухъ центровъ восточнаго мусульманства,—Казани въ 1552 г. и Астрахани въ 1556 г., кахетинскій царь Леонъ просилъ Іоанна Грознаго прислать ему вспомогательное войско. Въ грузинской лѣтописи Картлисъ-Цховреба мы читаемъ: „Когда русскій царь Іоаннъ покорилъ Казань, Астрахань, тогда царь Леонъ отправилъ къ нему духовныхъ и свѣтскихъ пословъ со слезною просьбой принять Кахетею подъ свою высокую руку“. „Настали времена,—писалъ царь Леонъ,— ужасныя для христіанъ. Мы, единодушные братья Россіянъ, стонемъ отъ злочестивыхъ. Одинъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до лица земли; да будемъ твои во вѣки вѣковъ“ [1]).

Судя по лѣтописи, Іоаннъ прислалъ, а царь Леонъ ввелъ русскихъ воиновъ въ кахетинскія крѣпости, но когда персидскій шахъ Тамазъ усилился, тогда Леонъ отправилъ русскихъ обратно, написавъ царю: „присылаю ваше войско обратно, чтобы оно не погибло въ моей странѣ“. Дипломатическія сношенія съ Грузіей

[1]) Ко времени царствованія Іоанна IV относится построеніе перваго русскаго укрѣпленія на сѣверномъ Кавказѣ на р. Терекѣ при устьѣ р. Сунжи, названнаго Терки. Укрѣпленіе это было въ родѣ тѣхъ остроговъ, которые строились въ Сибири при распространеніи въ ней русской колонизаціи.

возобновились при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. Въ началѣ царствованія Ѳеодора Ивановича былъ посланъ въ Закавказье толмачъ Даниловъ, которому было поручено провѣдать дороги въ Грузіи и собрать свѣденія о самой Грузіи. Посольство Данилова повело къ возобновленію сношеній. Вмѣстѣ съ Даниловымъ въ 1586 г. царь кахетинскій Александръ посылаетъ священника Іоакима, старца Кирилла и Хуршита къ царю Ѳеодору Ивановичу съ грамотою, въ которой царь Александръ билъ челомъ, что „онъ самъ своей головою и со всей землею подъ кровъ царствія и подъ царскую руку готовъ поддаться, понеже земля наша отъ невѣрныхъ турокъ въ великой бѣдѣ и утѣсненіи". Грамота заканчивается словами: „И въ томъ твоя царская воля, какъ государя нашего и его землю пожалуешь, отъ невѣрныхъ и богомерзкихъ Агарянъ оборонишь".

Сынъ Грознаго согласился принять Кахетію подъ свое покровительство и отправилъ туда посольство, состоявшее изъ Биркина, Петра Пивова и подъячаго Полуханова, съ порученіемъ „принять въ Россійское подданство грузинскаго князя, его дѣтей, вельможъ и вообще всю Иверію".

Царь Александръ съ дѣтьми и сановниками далъ предъ послами присягу въ томъ, что быть имъ со всей землей подъ державой россійскихъ государей и отъ Россіи не отступать. Согласно заключенному въ 1587 договору, московскій царь берется держать подъ своей царской рукой, въ своемъ царскомъ имени оборонять кахетинскаго царя и его землю отъ всякихъ недруговъ, быть неотступно и стоять за одно противъ всѣхъ враговъ.

Признавъ себя зависящимъ отъ Россіи, царь Александръ обязался при этомъ платить ежегодно дань или, вѣрнѣе сказать, посылать русскому государю почетные дары [1]).

Кромѣ акта подданства, послы Александра вручили Ѳедору Ивановичу письмо своего государя, въ которомъ онъ просилъ защитить его противъ невѣрныхъ, упоминая, что христіанство существуетъ въ Грузіи болѣе 1000 лѣтъ. Онъ просилъ также прислать въ Грузію для исправленія вѣры „христіанскихъ учи-

---

1) Дань эта должна была соотвѣтствовать стоимости 50 кусковъ персидской золотой парчи и 10 ковровъ, вытканныхъ золотомъ и серебромъ. Дань, отправленная въ Москву изъ Грузіи въ 1590 г., состояла: изъ зеркала, стальнаго верховаго прибора, обложеннаго золотомъ и украшеннаго драгоцѣнными камнями, 9 кусковъ парчи, лошади съ драгоцѣннымъ чепракомъ. Вещи эти покупались, въ большинствѣ случаевъ, въ Персіи и Турціи. Доставлялась дань неаккуратно; въ 1597, напр., дань не была отправлена, а въ 1598 г.—состояла изъ двухъ жеребцовъ.

тельныхъ людей", — иноковъ и священниковъ, а также иконописцевъ.

Въ 1558 г. царь Өедоръ Ивановичъ приказываетъ исправить и укрѣпить старинную крѣпость на Терекѣ (Терки) и занять ее дружинами стрѣльцовъ съ тѣмъ, чтобы русскія войска съ Терека оберегали землю царя Александра отъ невѣрныхъ.

Принявъ подъ протекторатъ грузино-кахетинское царство, царь московскій сталъ титуловаться также государемъ Иверскія земли.

Въ 1589 г. московское правительство отправило къ царю Александру съ жалованной грамотой посольство съ княземъ Звенигородскимъ во главѣ. Вмѣстѣ съ этимъ посольствомъ отправлены были въ Грузію и „учительные люди": бывшій казначей Троицко-Сергіевскаго монастыря, старецъ Закхей, два священника, одинъ іеромонахъ и два діакона. Они везли грамоту патріарха Іова къ царю и учительную грамоту къ Иверскому митрополиту.

Говоря о томъ, что царь Өеодоръ посылаетъ въ Грузію учительныхъ людей, „могущихъ исторгнуть корень нечестія и возрастить плодъ благовѣрія", Іовъ ободряетъ царя грузинскаго и на дальнѣйшее служеніе православной церкви къ благу своего народа: „Аще и гонимъ и утѣсняемъ и насилуемъ отъ иновѣрныхъ", писалъ патріархъ Іовъ,—„яко агнецъ, пребывая среди волковъ, ты, яко крѣпкій адамантъ, душою мужественно терпишь".

Въ 1592 г. грузинское посольство вновь проситъ о помощи. Царь Өеодоръ Ивановичъ послалъ войско изъ города Терки подъ начальствомъ князя Хворостина во владѣнія Шевкала (Шамхала въ Дагестанѣ). Отрядъ этотъ, хотя и взялъ столицу Шевкала, Тарки, но затѣмъ былъ разбитъ дагестанскими горцами, причемъ изъ 5000 отряда вернулось только 1000 человѣкъ. Московское правительство обвиняло грузинскаго царя въ томъ, что онъ не прислалъ условленной поддержки. „И мы тому подивились,—для чего такъ учинилось", — писалъ въ своей грамотѣ московскій государь,—„что ты къ нашему царскому величеству прислалъ пословъ своихъ съ слезнымъ прошеніемъ, жалуясь на Шевкала, чтобы намъ на него послать рать свою; и какъ мы на него рать свою послали, и ты съ нашими воеводами на него не сталъ и сына своего къ нашимъ воеводамъ съ ратью не прислалъ. И потому большое дѣло не совершилось, а нашему царскому величеству великіе убытки причинились".

Царь Александръ оправдывался на упреки московскаго правительства, что русскія войска дѣйствовали съ моря, а его вой-

скамъ мѣшали пройдти къ Таркамъ горы. Онъ сознается, что пока дорога чрезъ кумыцкую землю не будетъ очищена, и доколѣ въ кумыцкой землѣ русскіе не поставятъ укрѣпленія, до тѣхъ поръ его войско не можетъ сойтись съ русскимъ войскомъ. „Дорогу чисту учините, и въ тѣ поры будемъ и сынъ мой, и я со своей ратью“.

Очевидно, грузинскій царь Александръ не могъ организовать у себя національной обороны противъ своихъ враговъ и всѣ свои надежды возлагалъ исключительно на помощь Россіи, о могуществѣ которой у грузинскихъ царей XVI и XVII вв. создалось, повидимому, преувеличенное представленіе.

Со вступленіемъ на престолъ Бориса Годунова тѣ же отношенія продолжаются. Такъ, вышеупомянутый царь Александръ прибѣгаетъ къ помощи Бориса. Царь Борисъ даетъ знать въ 1601 г. кахетинскому царю, что приметъ его подъ свою царскую руку и что дорогу чрезъ владѣнія Шевкала и кумыцкихъ князей онъ велѣлъ очистить.

Царь Александръ принялъ въ 1604 г. присягу въ Алавердскомъ соборѣ (въ Кахетіи) вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Георгіемъ, который предъ русскимъ посломъ Татищевымъ высказалъ весь ужасъ тогдашнихъ обстоятельствъ страны. „Никогда“, говорилъ онъ: „Иверія не бѣдствовала ужаснѣе нынѣшняго; стоимъ подъ ножами султана и шаха, оба хотятъ нашей крови и всего, что мы имѣемъ. Мы отдали себя Россіи, пусть же Россія возьметъ насъ не словомъ, а дѣломъ. Нѣтъ времени медлить; скоро некому будетъ здѣсь цѣловать крестъ въ безполезной вѣрности ея самодержцу. Онъ могъ бы спасти насъ. Турки, Персіяне, Кумыки силою къ намъ вторгаются, и васъ зовемъ всѣ умиленно: придите и спасите! Мы плакали отъ невѣрныхъ и для того отдаемся головами царю православному. Да защититъ насъ; наши дома, церкви и монастыри въ развалинахъ, семейства въ плѣну, знамена наши подъ игомъ“.

Обѣщая грузинскому царю помощь, русское правительство требовало, между прочимъ, чтобы царь Александръ примирился съ карталинскимъ царемъ и жилъ бы съ нимъ въ мирѣ и любви, и противъ общихъ недруговъ былъ за одинъ. Въ наказѣ посламъ говорилось о томъ, чтобы они напомнили грузинскимъ царямъ и царевичамъ судьбу Византійской имперіи, погибшей, благодаря раздробленію: „И имъ говорить про греческое государство: вѣдомо вамъ самимъ, каково было греческое царство. Коли были бы христіанскіе государи межь себя въ любви и въ соединеніи и стояли за одно—греки, болгары, сербы и пр.,—и тогда греческое

государство стояло бы ни отъ кого не обидимо, и христіане жили бы въ покоѣ; а какъ по грѣхамъ всего христіанства почала быть между христіанскими государями рознь,—и тѣми всѣми мѣсты обладали бусурманы... А какъ Иверская земля раздѣлена, и межь вами рознь и многія недружбы, и войны,—а турскій султанъ въ тѣ поры многія мѣста у васъ поймалъ и дань положилъ“.

Царь Борисъ въ 1604 г. посылаетъ на Кавказъ войско съ воеводой Иваномъ Михайловичемъ Бутурлинымъ во главѣ; но экспедиція эта кончилась плачевно. Завладѣвъ сначала столицей дагестанскаго Шамхала (онъ же Шевкалъ), Тарками, Бутурлинъ затѣмъ, вслѣдствіе болѣзней и лишеній, рѣшилъ отступить. Русскія войска должны были покинуть Тарки съ оружіемъ въ рукахъ, со всѣми пушками. Больныхъ и раненыхъ тарковцы принимали на свое попеченіе съ обязательствомъ, по выздоровленіи, отпустить ихъ на свободу. Въ залогъ Шамхалъ далъ аманатомъ своего сына и поклялся на коранѣ исполнять договоръ.

Въ это время мусульмане праздновали байрамъ. Муллы (духовныя лица), подъ предлогомъ праздника, объявили разрѣшеніе отъ всякихъ клятвъ гяурамъ; шамхалъ, свободный отъ своихъ обязательствъ, приказалъ своимъ войскамъ истребить русскихъ, когда они выйдутъ изъ Тарковъ.

Русскіе съ пѣснями и бубнами и литаврами вышли изъ города въ назначенный часъ, но лишь дошли они до близлежащей рѣки Озень, на нихъ изъ засады ринулись съ неистовыми криками непріятели. Бутурлинъ, видя измѣну, самолично изрубилъ заложника, оказавшагося не сыномъ, а рабомъ Шамхала.

Послѣ упорной борьбы погибъ Бутурлинъ со своимъ сыномъ и другимъ воеводой, Плещеевымъ, и массой воиновъ. По словамъ хроники:

„Вси побіенни быша отъ поганныхъ, малыхъ же взяша въ плѣнъ, которые отъ ранъ изнемогаша. Яко быти всѣмъ побіеннымъ числомъ болѣе 7000, кромѣ людей боярскихъ“.

Отправленному въ Грузію въ 1604 г. русскому послу, думному дворянину Татищеву, было поручено отъ царя Бориса „тайное дѣло“,—сосватать среди грузинскихъ царевичей и царевенъ—дочери Бориса, Ксеніи,—жениха, а сыну его, Ѳеодору,—невѣсту.

Карталино - грузинскій царь Георгій, послѣ переговоровъ, согласился отпустить въ Москву племянника своего Хозроя, а относительно дочери Елены далъ кресто-цѣловальную запись, что отправитъ ее въ Москву, когда она достигнетъ совершеннолѣтія.

8 мая 1605 г., пишетъ Татищевъ, царь Георгій пригласилъ русскихъ посланниковъ къ себѣ. Приближенные царя предупредили русскихъ пословъ, что, по обычаю ихъ земли, соблюдаемому при сватовствѣ царской дочери, они должны поднести отъ имени русскаго государя дары матери царя, цэрицѣ и царевнѣ.

Русскіе послы отправились къ царю Георгію, который принялъ ихъ въ покояхъ царицы и показалъ имъ царевну Елену. Она сидѣла на подушкѣ, унизанной жемчугомъ: полъ былъ покрытъ коврами, вышитыми золотомъ. Верхняя одежда царевны была изъ золотого бархата, обшитаго кружевами; подъ этимъ платьемъ было на ней еще другое изъ золотой парчи. На головѣ ея была шапка изъ алаго бархата, украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. По правую руку отъ царевны сидѣла бабка ея, вдовствующая царица, а по лѣвую мать, супруга царя Георгія. Татищевъ поклонился имъ отъ имени государя и поднесъ каждой изъ нихъ сорокъ собольихъ мѣховъ, за что тѣ его благодарили. Затѣмъ царь Георгій велѣлъ дочери своей встать съ мѣста и, снявъ шапку и верхнюю одежду и взявъ трость, вымѣрялъ его ростъ царевны и далъ эту мѣрку Татищеву для его государя.

Царевна, не будучи красавицей, имѣла, однако же, очень пріятное лицо: бѣлизна ея лица было нѣсколько неестественная: глаза черные, носъ не великъ, но соразмѣренъ лицу ея; волосы, окрашенные въ красноватую краску (хенне), хотя, по разсказамъ они отъ природы черные. Станъ ея былъ строенъ, но весьма тонокъ по причинѣ ея молодости: царь Георгій говорилъ, что ей тогда было не больше 9 лѣтъ.

Братъ царевны, Луарсабъ, имѣлъ весьма пріятную наружность и былъ гораздо красивѣе сестры, которая была чрезвычайно худа.

Послѣ этого представленія, царь Георгій повелъ пословъ въ другую комнату и спрашивалъ ихъ, какъ его дочь имъ понравилась, и можетъ ли она быть супругой царевича Өеодора Борисовича. Послы отвѣтили, что царевна Елена хороша и, что если Богъ дастъ, она можетъ быть въ замужествѣ за царевичемъ Өеодоромъ, и просили, чтобы царь Георгій отпустилъ ее съ ними въ Москву.

Царь Георгій сказалъ имъ, что они сами могли видѣть, какъ дочь его еще молода, и что, слѣдуя правиламъ Св. отцовъ церкви, она не можетъ быть въ замужествѣ ранѣе, чѣмъ черезъ три года, почему онъ проситъ, черезъ нихъ, царя Бориса не понуждать его пока къ сему союзу. Царь прибавилъ еще, что, по

обычаю ихъ, когда кто ищетъ руки царской дочери, то дѣлаетъ до трехъ предложеній; поелику русскіе послы еще впервые отправлены царемъ съ предложеніемъ о бракѣ, то онъ не можетъ рѣшиться отпустить съ ними свою дочь.

Русскіе послы отвѣчали царю, что свадьба еще не скоро состоится, и что царевна будетъ жить при царицѣ Маріи Григорьеврѣ, будетъ учиться русскимъ обычаямъ и русскому языку. Посланники представляли Георгію всѣ выгоды отъ такого союза съ православнымъ государемъ, могущимъ защитить его, его царство и христіанскую вѣру отъ нападеній турокъ и персовъ, между тѣмъ, какъ грузинскіе цари выдаютъ своихъ дочерей за мусульманскихъ владыкъ, и тѣ погибаютъ и тѣломъ, и душой.

На это царь Георгій отвѣтилъ, что грузинскіе цари выдаютъ своихъ дочерей за мусульманскимъ правителей только изъ крайности, чтобы спасти отъ гибели своихъ подданныхъ и христіанскую вѣру, и никогда добровольно. Онъ очень польщенъ предложеніемъ царя Бориса Θеодоровича и радъ породниться съ могущественнымъ православнымъ государемъ, и какъ только достигнетъ его дочь совершеннолѣтія, то отправитъ ее въ Москву, въ чемъ и даетъ крестоцѣловальную запись.

Послѣдовавшая смерть Бориса и катастрофа съ домомъ Годунова не дала возможности осуществиться вышеприведенному проекту. Наступившая въ Россіи смута прекратила на время сношенія Грузіи съ Россіей. Сношенія эти возобновились въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Въ 1619, во время погромовъ Шахъ-Аббаса, царь кахетинскій Теймуразъ I шлетъ посломъ игумена Харитона къ царю Михаилу Θеодровичу и пишетъ ему: „И вамъ, великому государю, свои слезы и бѣдность объявляемъ, что свѣтлость наша обратилась во тьму, и солнце уже насъ не грѣетъ, и мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый учинился ночью, и я въ такомъ положеніи, что лучше бы у матери моей утроба пересохла, и я не родился, нежели видѣть, что православная христіанская вѣра и земля Иверская при моихъ очахъ разорилася. Въ церквахъ имя Божее не славится, и стоятъ онѣ всѣ пустыя“.

При этомъ царь Теймуразъ умолялъ Михаила Θеодоровича исходатайствовать у Шахъ-Аббасса Персидскаго возвращеніе его матери, царицы Кетеваны, и двухъ сыновей, томившихся въ плѣну у шаха. Царь Михаилъ Θеодоровичъ, у котораго незадолго передъ тѣмъ завязались дружественныя отношенія съ Шахъ-Аббассомъ, ограничился однимъ дипломатическимъ воздѣйствіемъ, не произведшимъ особаго вліянія на властителя Персіи. Въ утѣшеніе

шахъ прислалъ Михаилу Θеодоровичу часть хитона Господня, похищеннаго при погромѣ Грузинскаго Мцхетскаго храма; съ родными же царя Теимураза Шахъ-Аббасъ расправился жестоко: сыновей обратилъ въ евнуховъ, а мать царя подвергъ мучительной казни.

Царица Кетевана, отличавшаяся замѣчательной красотой и безупречной нравственностью, несмотря ни на какія пытки, которымъ ее подвергали, осталась непоколебимой христіанкой.

Въ 1624 г. на ширазской [1]) площади царица Кетевана была обнажена, и тѣло ея рвали раскаленными щипцами, на страшные ожоги клали горячіе уголья, на голову ея надѣли расплавленный чугунный котелъ. Царица скончалась христіанкой, вѣнчанная страшнымъ мученическимъ вѣнцомъ. Она причислена была Грузинскою церковью къ лику святыхъ; часть мощей ея хранятся въ г. Намюрѣ (въ Бельгіи), куда взяли ихъ католическіе миссіонеры, бывшіе въ Ширазѣ свидѣтелями ея мученической кончины.

Новое посольство Теймураза въ 1624 г. въ составѣ архіепископа Θеодосія, архимандрита Арсенія и др. проситъ у царя Михаила Θеодоровича помощи войсками и деньгами противъ Персіи, но царь отвѣтилъ, что стѣсненныя финансовыя обстоятельства, въ виду бывшихъ войнъ съ Польшей и Литвой, не позволяютъ снабдить Грузію ни войскомъ, ни деньгами.

Въ 1636 г. снова явился въ Москву посолъ царя Теймураза съ письмомъ къ царю Михаилу Θеодоровичу, въ которомъ Теймуразъ снова просилъ о высылкѣ войскъ и о томъ, чтобы царь Михаилъ принялъ его и всю Иверію подъ свою высокую руку, „со всѣми церквами и священными вещами въ ней находящимися, до послѣдняго дня страшнаго суда“.

Въ отвѣтъ на вышеприведенную просьбу, Московское правительство посылаетъ въ 1637 г. полномочныхъ пословъ въ Грузію съ княземъ Θ. Волконскимъ во главѣ.

Пріѣхавшій въ Грузію кн. Волконскій нашелъ страну эту въ жалкомъ положеніи послѣ недавняго опустошенія, причиненнаго персіанами. Послы московскаго царя представились Теймуразу въ Георгіевскомъ монастырѣ около р. Алазани. Послѣ довольно продолжительнаго времени Таймуразъ со всей семьей и приближенными принялъ присягу на вѣрность московскому царю.

Изъ трехъ просьбъ Таймураза: о высылкѣ войска, постройкѣ

[1]) Ширазъ, городъ въ провинціи Фарсистанъ.

крѣпости въ горахъ, какъ операціоннаго базиса, и о присылкѣ денегъ—было удовлетворено въ 1641 г. лишь послѣднее; было послано царю Теймуразу 20.000 ефимковъ.

Московское правительство въ то же время, согласно просьбѣ грузинскаго царя, посылаетъ духовныхъ лицъ осмотрѣть въ Грузіи состояніе церквей, богослуженія, помогать духовенству совѣтами. Грузинское христіанство производило неудовлетворительное впечатлѣніе на русскихъ духовныхъ лицъ, они говорили грузинскимъ епископамъ: „у васъ церкви отъ алтарей не отгорожены, царскихъ дверей нѣтъ; престолы вездѣ наги, крестовъ ни одной церкви нѣтъ; если и есть въ церкви иконы, то вы свѣчи прилѣпляете къ простой стѣнѣ, а иконы стоятъ особо; на себѣ креста не носите; попы сами себя крестнымъ знаменіемъ оградить и прочихъ людей благословить не могутъ. Крестятъ у васъ младенцевъ однимъ погруженіемъ, женятся безъ вѣнца, а если дѣти будутъ, то вѣнчаются, а дѣтей не будетъ, — покинутъ старую жену, берутъ новую; свадьбу играютъ въ великій постъ“.

По вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича въ Москву явилось отъ царя Теймураза новое посольство подъ главенствомъ князя Георгія Челокаева.

Теймуразъ писалъ Алексѣю Михайловичу:

„Какъ у отца твоего былъ я съ сыномъ своимъ и со всей грузинской землей въ холопствѣ, такъ и теперь тебѣ, великому государю, бью челомъ въ холопствѣ. Отца твоего заступленіемъ и жалованіемъ наше государство живо и цѣло, а если ты насъ не пожалуешь, за насъ не вступишься, то окрестныя государства насъ разорятъ безъ остатку и станутъ говорить: вы поддались московскому государю, и онъ васъ выдалъ, за васъ не вступился. Теперь же самъ я, Теймуразъ царь, съ сыномъ своимъ Давидомъ отдался тебѣ въ холопство со всей грузинской землей. Да и вели послать къ намъ митрополитовъ, сколько изволишь. Государство грузинское Божье да твое, и вѣра также была бы справлена, какъ и въ твоемъ великомъ государствѣ“.

Теймуразъ обѣщалъ отправить въ Россію внука своего Ираклія (по русскимъ источникамъ назывался Николаемъ), прося въ виду опасности дорогъ, прислать за нимъ своихъ людей. Въ 1650 г. былъ отправленъ въ Грузію посолъ Никифоръ Толочановъ съ цѣлью взять царевича Ираклія.

Московскій посланникъ поднесъ Теймуразу въ подарокъ соболей. Интересно, между прочимъ, что присланные ему въ подарокъ черезъ Толочинова соболи, царь Теймуразъ отправилъ продать въ Турцію. Сообщая о томъ царю Алексѣю Михайловичу,

Теймуразъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что „соболей въ нашей странѣ не употребляютъ", и что продать ихъ онъ былъ вынужденъ необходимостью покрыть издержки пути внука въ Москву (въ 1653 г.).

Въ отвѣтъ на запросъ царя Теймураза, почему теперь не прислано денегъ и ратныхъ людей, Толочановъ отвѣтилъ грузинскому царю, что денегъ не прислано, такъ какъ государю было невѣдомо, гдѣ ты обрѣтаешься послѣ своего раззоренія, а если твоя правда и служба объявятся великому государю, то тебя и больше царское величество пожалуетъ; а по вопросу ратныхъ людей заявилъ: „ратныхъ людей послать къ тебѣ нельзя, потому что горы снѣжныя, высокія; въ нихъ разсѣлины большія, ратнымъ людямъ пройти, наряду (артиллеріи) и запасовъ провести нельзя; у тебя государство пустое, и то за шахомъ; хотя ратные люди и пройдутъ, то имъ у тебя съ голоду помереть; а казны тебѣ государь пришлетъ столько, сколько тебѣ и въ умъ не вмѣщалось, если теперь исполнишь правду свою, внука съ нами отпустишь".

Посолъ обѣщалъ вмѣшательство царя Алексѣя Михайловича и требованіе у Шахъ-Аббасса Персидскаго возвращенія Кахетіи Теймуразу. Но всѣ разговоры кончились тѣмъ, что на этотъ разъ Теймуразъ не отправилъ внука въ Москву, и лишь позже въ 1653 г. царевичъ Ираклій съ матерью своей пріѣхалъ въ Москву.

Въ 1650 г. царь Алексѣй Михайловичъ обратился съ грамотой къ персидскому Шахъ-Аббассу II по дѣламъ Грузіи. Онъ пишетъ шаху, что Грузія—земля христіанская, и что со временъ Өедора Ивановича она находится въ подданствѣ русскаго государя, и просилъ его „братской пріязни, дружбы и любви ради и Грузіи не чинить никакихъ насилій". Напоминая затѣмъ Шахъ-Аббассу братскую пріязнь, дружбу и любовь, существовавшія между царемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ и предшественниками Шахъ-Аббасса, Алексѣй Михайловичъ убѣдительно проситъ его запретить Рустемъ-хану (правителю Карталиніи, ставленнику Персіи) чинить Теймуразу и всей Грузіи обиды и разоренія; онъ просилъ также вернуть Теймуразу отнятое имущество.

Но ходатайство Алексѣя Михайловича не имѣло успѣха. Спустя два года Теймуразъ снова прислалъ въ Москву посольство и снова жаловался на то, что Шахъ-Аббассъ притѣсняетъ его и „не повинуется его величеству".

Въ 1658 г. и самъ Теймуразъ собрался въ Москву.

По пріѣздѣ въ Москву Теймуразъ представился царю Алексѣю Михайловичу.

Сохранилось подробное описаніе этой ауденціи:

„Государь велѣлъ царю Теймуразу приступить къ своему царскому мѣсту и изволилъ встать. Тутъ Теймуразъ сталъ бить челомъ, чтобы великій Государь далъ ему свою царскую руку цѣловать. Но великій государь руки не далъ и сказалъ:

„— Въ Евангеліи писано: „Идѣ же будутъ собраніи во имя Мое, ту есьмъ и Азъ посреди ихъ". Потому и мы воздадимъ хвалу Всемилостивому Богу, сотворимъ во Христѣ цѣлованіе въ уста, ибо ты—благочестивой христіанской вѣры.

„— Я твоего царскаго величества холопъ,—отвѣчалъ Теймуразъ,—и такого великаго и пресвѣтлаго государя недостойно мнѣ въ уста цѣловать.

„— На то Божья воля, что ты у насъ въ подданствѣ,—отвѣчалъ великій государь,—но ты, царь нашей благочестивой христіанской вѣры, и по Христовой заповѣди сотворимъ цѣлованіе въ уста".

Государь и царь Теймуразъ облобызались.

Засимъ было поручено боярину Хилкову переговорить съ Теймуразомъ и узнать его требованія. Царь Теймуразъ, подробно изложилъ положеніе Грузіи и соотношеніе разныхъ кавказскихъ властителей между собой, просилъ у русскаго царя: воеводу добраго, 30.000 ратныхъ людей, ссылаясь на то, что Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ ему жалованную грамоту за золотою печатью, обѣщая оборонять его отъ враговъ.

Съ отвѣтомъ на требованія Грузинскаго царя пріѣхалъ къ нему бояринъ кн. Трубецкой и объявилъ, что у великаго государя война съ Польшей и Шведскимъ королемъ, и ратные люди теперь на границахъ. Трубецкой совѣтовалъ царю Теймуразу какъ нибудь устроиться въ Грузіи, обѣщая отъ имени царя Алексѣя Михайловича присылку ратныхъ людей, когда его царское величество управится съ поляками и шведами. Царь повелѣлъ дать Теймуразу 6000 рублей, да соболей на 3000.

Царь Теймуразъ былъ крайне обиженъ такимъ отвѣтомъ и недоволенъ скуднымъ подаркомъ. „Чаялъ я къ себѣ государской милости и обороны", жаловался Теймуразъ: „а теперь царское величество отпускаетъ меня ни съ чѣмъ. Пріѣхалъ я сюда по указу царскаго величества, и въ то время ко мнѣ не писано, что всѣ государевы ратные люди на службѣ. Если бы я чаялъ, что царское величество ратныхъ людей мнѣ на оборону не пожалуетъ, то я бы изъ своей земли не ѣздилъ. А теперь пріѣздъ мой и челобитье стали ни во что; насмѣются надо мной измѣнники мои, горные черкесы, и до основанія разорятъ. Великому

государю какая будетъ честь, что меня, царя, погубятъ, и родъ мой и православную вѣру искоренятъ. Въ заключеніе Теймуразъ просилъ, чтобы государь велѣлъ проводить его на родину своимъ ратнымъ людямъ.

Въ отвѣтъ но совѣты кн. Трубецкаго—какъ нибудь прожить въ своей землѣ, обѣщая, что царь пришлетъ позже ратныхъ людей, Теймуразъ недовѣрчиво заявилъ: „Коли я самъ нынѣ милости не упросилъ и никакой помощи не получилъ, то впередъ заочно нечего ждать. И прежде обо мнѣ царское величество къ Шаху писалъ, но Шахъ-Аббассъ землю мою разорилъ и меня выгналъ“.

Теймуразъ вернулся въ Грузію въ 1659 г.; въ слѣдующемъ году уѣхалъ домой и внукъ его, царевичъ Ираклій.

Грузія такъ и не могла дождаться, чтобы Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича управилась со своими европейскими врагами и могла бы начать освободительную войну въ отдаленномъ Закавказьи.

„Очевидно“, говоритъ историкъ Соловьевъ: „было еще рано Московскому государству, молодому и неокрѣпшему, бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными турками и съ сильными, въ то время, Сеффидами въ Персіи. Она не могла оказать Грузіи требуемаго активнаго содѣйствія. Только въ XVIII в., со времени Петра В., Россія выступаетъ на Кавказѣ съ опредѣленной программой, и тогда начинаютъ разрываться тяжелыя цѣпи, приковывавшія Грузію къ Персіи и Турціи“.

Начало знакомство армянъ съ сѣверо-восточными землями Руси и Поволжьемъ, въ особенности, относится къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда передвигавшіяся по широкимъ степямъ этихъ странъ орды дикихъ племенъ разныхъ наименованій простирали свои набѣги въ глубь Арменіи, откуда возвращались къ себѣ на сѣверъ съ добычей и тысячами плѣнныхъ. Болѣе прочныя торговыя сношенія армянъ съ сѣверными странами, повидимому, установились въ эпоху владычества арабовъ. Уже въ VIII в. арабы были господами не только Персіи и Арменіи, но и всего прибережья Каспія. Они состояли въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Хозарскимъ царствомъ, а также съ Приволжскими Болгарами. Значительное участіе въ этихъ сношеніяхъ принимали и армяне. Армяне вымѣнивали въ Хазаріи бумажныя и шелковыя ткани, пряности и другія произведенія Востока—на мѣха и

прочіе товары Сѣвера. Они водворились въ столицѣ Волжско-Булгарскаго царства—Булгарахъ (нынѣ развалины у села Успенскаго, Спасскаго уѣзда, Казанской губ.), гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій процвѣтала армянская торговая колонія, имѣвшая свою церковь и свое духовенство, пользовавшаяся полной свободой вѣроисповѣданія. Въ нынѣшнихъ развалинахъ этой церкви найдены: вызолоченный образъ, мѣдный крестъ, эпитафіи на могильныхъ плитахъ съ армянскими надписями XI—XV вв.

Послѣ паденія въ XI в. армянскаго царства въ такъ называемой Великой Арменіи, множество армянъ эмигрировало частью въ Астрахань, частью въ Крымъ, оттуда въ Польшу, Буковину, Галицію. Въ Галицію приглашалъ ихъ князь Даніилъ Романовичъ. Армяне встрѣчаются въ XII в. въ Кіевѣ. Въ житіи св. Агапита Печерскаго читаемъ, что въ его время былъ въ Кіевѣ знаменитый врачъ армянинъ, которому стоило только взглянуть на больного, чтобы узнать день и часъ его смерти.

Монголы въ XIII в. переселили многихъ армянъ въ нынѣшнія Астраханскую и Казанскую губерніи. Въ Золотой Ордѣ у нихъ была даже своя епископія. Излюбленнымъ мѣстомъ для армянскихъ торговыхъ людей считалась въ XIV в. Казань, гдѣ армянскіе купцы покупали русскіе мѣха. Армяне и здѣсь имѣли деревянную церковь и духовныхъ пастырей.

Когда въ 1552 г. Казань была взята Іоанномъ Грознымъ, и населеніе города было подвергнуто жестокой карѣ, то, въ числѣ другихъ осажденныхъ, случайно было избито и 60 христіанъ армянъ-торговцевъ. Грозный сгладилъ тяжелое впечатлѣніе, устроивши армянскихъ торговыхъ людей въ Москвѣ, доставивъ имъ привиллегированное положеніе [1]) и оказывая имъ большое вниманіе.

Съ приближеніемъ монгольскаго владычества къ упадку, армяне массами переселялись въ Крымъ, гдѣ ихъ стало такъ много, что нѣкоторые географы стали называть Крымскій полуостровъ—Armenia maritima. Въ самомъ городѣ Кафѣ (нынѣ Ѳеодосія) армяне имѣли 29 церквей, а въ предмѣстьяхъ—10. Здѣсь они успѣшно конкуррировали въ торговлѣ съ греками, генуэзцами, о чемъ свидѣтельствуютъ русскіе писатели.

При Іоаннѣ III изъ Кафы армянскіе купцы пріѣзжали торговать въ Москву.

Шагъ за шагомъ, расширяя свою торговую предпріимчи-

[1]) Купцы армянскіе, пріѣзжавшіе въ Москву, платили десятую деньгу за всѣ товары; кромѣ того, за вѣсъ—2 деньги съ рубля; при продажѣ лошадей—по 4 деньги съ лошади.

ность и стремясь къ Европѣ, армяне, помимо южныхъ дорогъ черезъ Галицію и Польшу, старались упрочить свои коммерческія связи съ Амстердамомъ и нѣмецкими рынками — черезъ Московію.

Изъ Москвы въ XVI в. шелъ путь черезъ Тверь, Ладогу, Ревель или Ригу моремъ на Любекъ, Гамбургъ и Амстердамъ. Другой, болѣе излюбленный путь былъ большей частью водный; онъ изъ Астрахани шелъ по Волгѣ и далѣе, чрезъ лѣсистую Костромскую губернію, достигалъ Бѣлаго моря, а затѣмъ моремъ или сухопутно чрезъ шведскія страны шелъ дальше на западъ. Это была большая торговая дорога, называвшаяся армянской. Путь этотъ былъ извѣстенъ армянамъ раньше, чѣмъ Іоаннъ Грозный открылъ англичанамъ доступъ въ Бѣлое море и московское царство. Съ основаніемъ въ 1584 г. Архангельска онъ еще болѣе оживился; по немъ стали ѣздить также англичане, голландцы, большей частью въ компаніи съ армянами, какъ хорошо знакомыми съ мѣстными обстоятельствами.

По армянской торговой дорогѣ, въ предѣлахъ нынѣшней Костромской губ., извѣстенъ былъ, между прочимъ, городъ Нерехта, гдѣ болѣе всего доставалось армянскимъ купцамъ. Такъ пословица говорила: „не бойся по армянской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ. Армяне глупые, а Нерехта на умъ ихъ наставитъ". Вѣроятно, по непониманію русской рѣчи армянъ считали глупыми и до того ихъ проучали, что вышеприведенная фраза вошла въ народное присловье.

Съ половины XVII в. сношенія армянъ стали болѣе правильными и основанными на договорахъ, заключенныхъ между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и персидскими шахами, и на привиллегіяхъ, данныхъ русскимъ правительствомъ армянамъ на производство торговли въ Россіи и на транзитъ чрезъ Россію во всѣ западныя государства.

Въ московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ можно видѣть, въ числѣ разныхъ дѣлъ, нѣкоторыя армянскія дѣла. Такъ, мы узнаемъ, что въ 1660 г. пріѣхалъ въ Москву купчина армянинъ Захарій Саргадовъ и привезъ царю Алексѣю Михайловичу подарки [1]).

Въ посольскомъ приказѣ армянина разспрашивали: можно ли ему въ своей землѣ промыслить для великаго государя—ка-

[1]) Богатый престолъ, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугами, восточной бирюзой и турецкой финифтью, оцѣненный въ 22,589 р., перстень золотой съ алмазами, жаровню серебряную съ сулейкой серебряной для

менья дорогого, запонъ и другихъ узорчатыхъ товаровъ, птицъ индѣйскихъ и мастеровыхъ людей, золотописцевъ, золотого и серебряннаго дѣлъ мастеровъ и алмазниковъ-рѣзцовъ, которые рѣжутъ на всякихъ каменьяхъ. Армянинъ отвѣтилъ, что отецъ его и онъ готовы все промыслить для великаго государя, потому что приказчики ихъ ѣздятъ во всѣ государства. Мастеровыхъ людей въ шаховой области много и онъ, купчина, станетъ призывать ихъ въ московское государство. Они съ отцомъ великому христіанскому государю во всемъ работать и служить рады, а не для своей прибыли. Шахъ ихъ жалуетъ, торгуютъ они безпошлинно, только шахъ вѣры бусурманской, а они христіанской вѣры, и для того великому государю служить и работать рады.

Въ 1666 г. армянинъ Григорій Лусиковъ подалъ царю челобитную: „Пожалована наша компанія отъ шаха правомъ вывозить изъ Персіи за море шелкъ-сырецъ, черезъ которое государство мы захотимъ. Поговоривъ съ товарищами, я выѣхалъ къ тебѣ, великому государю, бить челомъ, чтобы ты пожаловалъ, велѣлъ намъ возить шелкъ-сырецъ и другіе персидскіе товары, которые на нѣмецкую руку, черезъ твое московское государство за море въ нѣмецкія земли, и опять указалъ, какъ пропускать назадъ изъ-за моря чрезъ Архангельскъ съ нѣмецкими товарами и золотыми ефимками—въ Персію. Если мы продадимъ шелкъ въ Астрахани, то заплатимъ пошлины 5 коп. съ рубля; если не продадимъ, то вели оцѣнить пудъ по 30 р. и взять пошлины по 5 к. съ рубля и отпустить къ Архангельску. Если продадимъ въ Архангельскѣ, вели взять пошлины по 5 коп. съ рубля; если же не продадимъ, вели пудъ оцѣнить въ 40 рублей и пошлины взять по 5 коп. съ рубля и товаръ пропустить за море въ нѣмецкія земли“.

Армянская компанія предлагала московскому правительству регулировать таможенную пошлину и съ другихъ персидскихъ товаровъ, провозимыхъ въ нѣмецкія земли, и также съ нѣмецкихъ товаровъ, ввозимыхъ ими въ Персію.

Въ 1667 г. Ордынъ-Нащокинъ написалъ договоръ съ армянской компаніей, на условіяхъ, означенныхъ въ просьбѣ. Агентомъ компаніи въ Москвѣ, по просьбѣ армянъ, утвержденъ былъ англичанинъ Брейнъ.

Ранѣе (въ 1666 г.) поступила челобитная 40 человѣкъ ар-

сожиганія ароматовъ, 15 арсей шираскаго шарапу (сиропа), что шахъ пьетъ, 4 сулейки водки гуляфной, 3 сулейки водки ароматной, скляницу водки нарызжевой, 12 золотниковъ аромату восточнаго, 12 ваій, которыя государь носитъ въ правой рукѣ во время церемоніи шествія патріарха на осляти.

мянъ (Степана Моисѣева съ товарищами)—о дозволеніи имъ, въ бытность ихъ по торговлѣ въ Россійскомъ государствѣ, ходить въ россійскія церкви, исповѣдываться у россійскихъ священниковъ и пріобщаться Св. Тайнъ, какъ содержащимъ христіанскую вѣру, чтобы въ отдаленіи отъ церквей своихъ не помирать безъ покаянія.

Разбои Стеньки Разина, смерть Шахъ-Аббасса II, разногласія въ компаніи помѣшали исполненію договора, заключеннаго съ армянами; при томъ, при новомъ правителѣ посольскаго приказа, Матвѣевѣ, мы встрѣчаемся съ оппозиціей московскаго купечества противъ договора. Въ іюлѣ 1672 г. въ посольскій приказъ созваны были выборные торговые люди, по два человѣка изъ сотни; имъ прочли договоръ съ армянской компаніей и спросили: „не будетъ ли отъ сего московскимъ и всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ въ ихъ промыслахъ помѣшки“. Выборные отвѣчали, что прежде русскіе купецкіе люди непосредственно торговали съ купецкими людьми Персидской области; если же теперь армяне станутъ торговать съ нѣмцами, то постановятъ съ ними договоръ, шелкъ продадутъ нѣмцамъ на ефимки и на золотые и на заморскіе такіе товары, которые прежде русскіе люди покупали у нѣмцевъ и продавали персіянамъ. Такъ по этому договору ефимки, золотые и заморскіе товары пойдутъ въ персидскую землю чрезъ московское государство и персидской землѣ будетъ прибыль, а казнѣ великаго государя убытокъ; русскіе купецкіе люди лишатся своихъ промысловъ и прійдутъ въ убожество.

Въ концѣ 1672 г. опять пріѣхалъ въ Москву Григорій Лусиковъ, причемъ встрѣтилъ со стороны Матвѣева несогласныя съ договоромъ требованія—о продажѣ шелка-сырца обязательно въ царскую казну. Матвѣевъ заявилъ Лусикову: „если у царскаго величества съ нѣмецкими государями будутъ какія ссоры, то за море васъ отпускать нельзя; торговать вамъ въ Архангельскѣ и въ другихъ русскихъ городахъ, продавать свои товары или въ царскую казну, или русскимъ торговымъ людямъ“.

На новую статью Лусиковъ отвѣчалъ, что они, армяне, согласны на нее, только была бы установлена шелку цѣна, и если во время проѣзду изъ Астрахани въ Москву учинится въ товарахъ убытокъ, то онъ вознаграждается изъ казны царской.

На установленіе цѣны русскія власти согласились и уговорились, что пудъ шелку „лежей“ стоилъ 35 р., а „ардашъ“ 30 рублей. Что же касается случаевъ утраты товаровъ отъ воровства,—постановлено: въ случаѣ, если на Волгѣ объявится во-

ровство, астраханскіе воеводы дадутъ знать въ первый персидскій порубежный городъ, чтобы торговые люди въ Астрахань съ шелкомъ и другими товарами не ѣздили. При провозѣ товара опредѣлялся отвѣтственный караулъ изъ русскихъ людей.

Такимъ образомъ, Лусиковъ далъ обязательство: въ нѣмецкія государства чрезъ Турцію и никакимъ другимъ путемъ съ шелкомъ-сырцомъ и другими товарами ни компанейщикамъ, ни другимъ подданнымъ персидскимъ—не ѣздить; если же иноземцы пріѣдутъ въ персидское государство для покупки шелка, то армяне не должны имъ его продавать; весь шелкъ идетъ въ Россію.

Изъ дѣлъ посольскаго приказа видно, что жительствующихъ въ Москвѣ и пріѣзжихъ армянъ царь Алексѣй Михайловичъ принималъ во дворцѣ и удостаивалъ высочайшей аудиенціи, а въ праздникъ Пасхи допускалъ къ рукѣ, оказывалъ армянамъ милости и дѣлалъ различныя награжденія.

Въ религіозномъ отношеніи усматривается много интересныхъ точекъ соприкосновенія между русскими и армянскими церковными обрядами. Православный календарь празднуетъ 30-го сентября память просвѣтителя Арменіи, священномученика Григорія, епископа Великой Арменіи, и святыхъ мученицъ армянскихъ Рипсилеи и Гаяне, по установленію первыхъ вселенскихъ соборовъ. Въ древнѣйшихъ русскихъ центрахъ воздвигаются православныя церкви во имя св. Григорія Арменскаго. Такъ, напримѣръ, въ Хутынскомъ монастырѣ, близъ Новгорода, церковь св. Григорія Арменскаго по описи 1535 г. была не весьма высока и круглая, яко столбъ, и не велика и со алтаремъ, на ней же колоколы на вереѣ бывали. Достойно вниманія, что и въ самой Арменіи почти всѣ воздвигнутыя между IX и XV вѣками церкви или часовни во имя св. Григорія Просвѣтителя—такого же типа, какъ Хутынская церковь.

Въ церкви св. Василія Блаженнаго въ Москвѣ, воздвигнутой Іоанномъ Грознымъ въ 1554 г. въ благодарность за взятіе Казани, одинъ изъ 9 предѣловъ (верхняго яруса) носитъ названіе „Григорія Арменскаго“. Придавъ этому придѣлу типъ армянской молельни, царь предназначилъ его въ утѣшеніе тѣмъ армянскимъ торговымъ людямъ, которые, послѣ жестокаго погрома Казани, были переведены оттуда въ Москву и поселены здѣсь въ Бѣломъ Городѣ, среди обѣленныхъ, пользовавшихся льготами лицъ. По словамъ Карамзина, посадъ ихъ называли „дворомъ армянскимъ“.

До сооруженія въ XVIII в. своихъ собственныхъ церквей

московскіе армяне ходили молиться въ вышеупомянутый придѣлъ Василія Блаженнаго, считая его какъ бы своимъ; они дѣлали придѣлу св. Григорія усердныя приношенія и богатые дары. И въ наши дни многіе изъ заѣзжающихъ въ Москву армянскихъ купцовъ почитаютъ непремѣннымъ долгомъ быть у Василія Блаженнаго.

Въ большихъ и малыхъ русскихъ четьи-минеяхъ приведены подробности жизни и мученій св. Григорія Просвѣтителя Арменіи. Въ сохранившихся иконописныхъ подлинникахъ XVI, XVII вв., гдѣ даются наставленія, какъ писать иконы святыхъ, говорится, между прочимъ, про священномученика Григорія, епископа Великой Арменіи: „пишется тако: подобіемъ руссъ, аки Василій Кессарійскій, борода посвѣтлѣе власьевъ, съ просѣдью; риза святительская, въ омофорѣ, исподъ празеленъ дымчатъ, патрахиль вохра блѣдъ; власы обросшіе; сухъ же и чернъ“.

Помимо внѣшнихъ доказательствъ отдаленнаго знакомства русской церкви съ армянской, существующая между ними духовная связь проявляется и въ другихъ отношеніяхъ. Въ данномъ случаѣ интересны замѣчанія одного изъ ученыхъ изслѣдователей русской старины,—протоіерея Кіево-Сирійскаго собора, Лебединцева (Труды Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ 1881 г.).

„У нашихъ историковъ“, говоритъ Лебединцевъ: „принято, что христіанство пришло въ Кіевъ изъ Царьграда при св. Владимірѣ, и потомъ изъ Кіева распространилось во всѣ концы русскаго государства; между тѣмъ, изъ лѣтописей видно, что на сѣверо-востокѣ Руси, въ Ростовской и Муромской областяхъ, христіанство развилось при св. Владимірѣ такъ скоро, что трудно, чтобы страна эта не имѣла и другихъ негласныхъ просвѣтителей, и чтобы христіанство не проникло туда раньше времени св. Владиміра, помимо иноковъ и пастырей, появлявшихся изъ Кіева. Съ другой стороны, въ самомъ сознаніи христіанства у поселенцевъ сѣверо-восточной Россіи оказалось впослѣдствіи столько особенностей, отличавшихъ ихъ отъ западной церкви русской, что эту рознь никакъ нельзя было объяснить, оставаясь при убѣжденіи, что христіанство и на юго-западѣ, и на сѣверо-востокѣ Россіи выходило изъ одной и той же Византіи черезъ Кіевъ. Таковы особенности, напр., въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, въ осѣненіи себя крестнымъ знаменіемъ, въ строгости постовъ, въ стремленіи къ пустыножительству, въ отношеніи къ церкви, бѣлому духовенству и монашеству, въ нѣкоторыхъ обрядахъ, устройствѣ храмовъ и украшеній, въ приверженности большей къ внѣшности церковной, наконецъ, въ

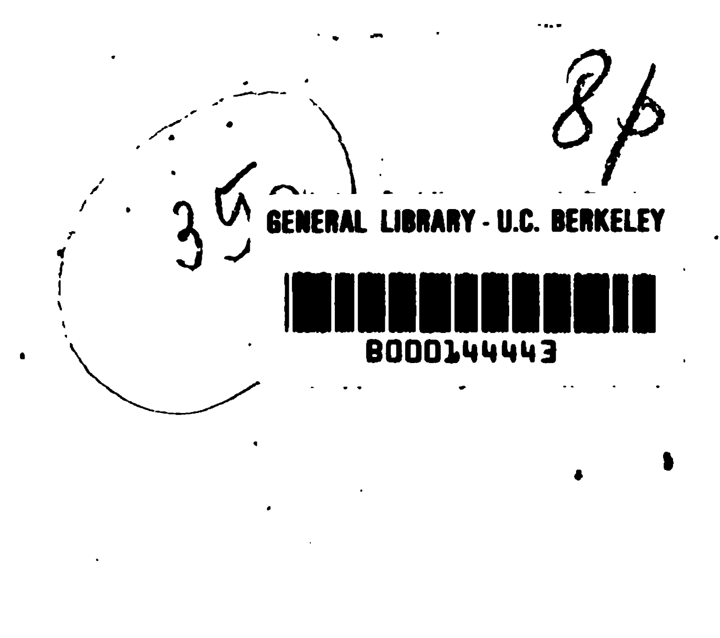
появленіи ересей и раскола на с.-в. Руси, которые неизвѣстны юго-западу Россіи“.

„Всѣ эти особенности“, замѣчаетъ Лебединцевъ: „приводятъ къ мысли, что христіанство приходило въ с.-в. Русь, можетъ быть, не изъ одного Кіева, и что прибытію сюда епископовъ, посланныхъ кіевскимъ митрополитомъ, предшествовали учителя вѣры, не видѣвшіе ни Кіева, ни Царьграда“.

Откуда же они вышли? Волга представляетъ для сѣверо-восточной Руси такой же большой водный путь, какъ Днѣпръ для юго-запада Россіи. Если послѣдній путь вводилъ въ общеніе съ Царьградомъ, то волжскій путь ставилъ въ связь съ церквами грузинской и армянской, а чрезъ нихъ съ Антіохіей и Александріей, а также съ разными поселеніями еретиковъ, ссылавшихся Византіей на Кавказъ.

Естественно предположить, что христіане Кавказа вліяли на просвѣщеніе с.-в. Руси—свѣтомъ христіанства, внося туда нѣкоторыя свои особенности, не встрѣчавшіяся въ южной митрополіи русской.

Источники: Соловьевъ С. М.—Исторія Россіи. Грузинская хроника «Картлисъ-Цховреба». Труды Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ (1881 г.), гг. Цагарели, Бѣлокуровъ, Эрицевъ, Баратовъ.

8p
35
GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY
B000144443